24515
cep

1917
X
1927

ГК545
О-415

ОКТЯБРЬ НА ОДЕЩИНЕ

ОДЕССКАЯ ОКРУЖНАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ КОМИССИЯ
И ИСТПАРТ ОТДЕЛ ОКРКОМА К.П.Б.У.

СБОРНИК СТАТЕЙ
И ВОСПОМИНАНИЙ

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГК545
0-415 Р

ЕФ
24515
Пф
28
158198
158198

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
Спецфонд

ТИПОГРАФИЯ „ИЗВЕСТИЯ"
ИМЕНИ ТОВ. ЗИНОВЬЕВА
ОДЕССА, ОКРЛИТ № 519.
ЗАКАЗ № 2552—4000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ.

стр.

Предисловие . . . . . V—IX

I. Предпосылки Октября.

Ачканов Г. От Февраля к Октябрю 1

Межберг Н. и Коган С. Экономика Одещины и рабоче-крестьянское движение в 1914—18 г. 47

II. Гражданская война и советское строительство.

Речь т. **Володарского,** произнесенная на 2-м с'езде Румчерода в гор. Одессе 12 декабря 1917 г. 127

Юдовский. Деятельность Одесского Совнаркома 138

Рузер Т. Комиссариат финансов 146

Южный. Комиссариат труда 150

Черкунов. Военный штаб 153

Трилисский А. Организация советской власти на Одещине 156

Ковбасюк. Очерк истории одесской красной гвардии 192

Розенфельд М, Одесская промышленность за 1920—1927 г.г. . . . 249

III. Парторганизация большевиков в Одессе от 1917 года до Ленинского набора 1924 г.

Гороховская Е. Большевики в Одессе в 1917 г. 307

Соколовская Е. Одесская эпопея конца 1918 г. и начала 1919 г. . 321

Деготь. Французская оккупация. Работа иностранной коллегии. Наступление Григорьева—1918 г. 372

Яковер. Нелегальная большевистская типография в период французской оккупации 390

Соколовская Е. Состав и работа редакции 396

Агаларов А. Одесская районная подпольная организация большевиков на Пересыпи в 1918-19 г.г. 398

Александров А. Морской район в подполье 1918-19 г.г. 424

Гороховская Е. „Деникинщина" 439

Елин В. Одесская организация КПБУ 1920—24 г. г. 453

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Выпускаемый юбилейный сборник 10-летия Октября представляет собой материал, характеризующий основные моменты истории Октябрьского переворота и гражданской войны на Одещине.

Весь материал сборника систематизирован и разбит на три отдела: отдел первый — предпосылки Октября; второй отдел — гражданская война и советское строительство и третий отдел — местная партийная организация большевиков и ее роль в гражданской войне и советском строительстве.

Расположение и подбор материалов проводились Редколлегией, в основном, по схеме, разработанной Истпартом ЦК КП(б)У.

Все статьи и воспоминания, как то: о работе в красной гвардии, в подполье, о парторганизации и т. д. подвергались предварительно проработке в кружках содействия Истпарту. В этом отношении нельзя не отметить большую работу и помощь Истпарту, оказанную со стороны бюро кружка красногвардейцев и подпольщиков.

Из имеющихся в Истпарте до 700 воспоминаний об Октябрьской революции и гражданской войне попали в сборник весьма немногие. Это об'ясняется, во-первых, ограниченным размером сборника, а во-вторых, строгой оценкой при подборе материалов. Но зато можно с полной уверенностью сказать, что при разработке историко-исследовательских очерков, как наприм., о Красной Гвардии, о местной организации и др. — все эти материалы в той или иной степени были использованы и все они в подавляющем большинстве представляли известную историческую ценность.

Большую помощь оказала также Одесская Группа Содействия Истпарту при ЦК ВКП(б) в Москве, как наприм., воспоминания т. т. Ачканова Г., Юдовского, Рузера, Е. Соколовской, Деготя и др. Особенно воспоминания Ачканова Г. и Соколовской Е.; они являются ценнейшим вкладом в исто-

рию героического периода гражданской войны и подполья одесской организации большевиков.

Каждая статья и каждое воспоминание имеет свою особенность и свою ценность. Так, в отделе первом — о предпосылках Октября — в воспоминаниях Ачканова сжато и ярко дается анализ политических событий от Февраля до Октября, а также организационные мероприятия по созданию и оформлению парторганизации большевиков, городского совета рабочих депутатов, Румчерода, борьбы с петлюровщиной, эвакуации и т. д. Этой статьей даются основные вехи политической установки на путях к Октябрю в Одессе.

Далее идет статья Межберга и Когана. Статья дает анализ экономического состояния Одещины и основных этапов революционного движения рабочих в городе и революционно-аграрного движения крестьянства, начиная с 1914 г. В этом случае редколлегия считает более целесообразным дать сначала общую политическую установку хода событий перед Октябрем, а затем уже более подробный анализ экономического характера.

Большое количество постраничных ссылок и выносок авторов на источники материалов, статистику и архивные документы говорят о серьезной проработке статьи. На протяжении от 1914 г. до Октябрьских событий 1917 г. выпукло выявлены основные этапы революции на фоне экономических предпосылок Октября на Одещине.

Далее, второй отдел — гражданская война и советское строительство. Редколлегия сочла необходимым начать отдел чрезвычайно интересным документом — пламенной речью т. Володарского, произнесенной на 2-м с'езде Румчерода в Володарского, произнесенной на 2-м с'езде Румчерода в Одессе. Помимо исторической ценности этой речи, красоты ее построения и глубины содержания, она является набатным призывом к одесским пролетариям, к одесскому гарнизону и крестьянству Одещины о том, что час давно уже пробил; в центре пролетариат уже совершил переворот, а здесь, вдали от центра, на окраине, еще господствует оплот надвигающейся донской контр-революции, филиал центральной киевской рады.

Выступление на с'езде тов. Володарского является программной речью одного из лучших представителей партии Ленина, партии большевиков. В речи отмечены главнейшие моменты значения Октябрьской революции и ее завоеваний,

вопрос о земле, вопрос о мире и значении опубликованных тайных договоров б. царского правительства, поддерживаемых временным правительством Керенского, и вопрос об установлении диктатуры пролетариата. Одесский пролетариат опоздал. Необходимо подтянуться и взять власть в свои руки. Речь была произнесена в половине декабря, а в январе власть центральной рады в Одессе была свергнута.

Последующие статьи второго отдела — Юдовского, Рузера, Южного и Черкунова дают картину первого периода организации Советской власти, после свержения центральной рады. Авторы являются непосредственными участниками этого периода. Их воспоминания являются показаниями живых свидетелей первых шагов строительства Советской власти в Одессе.

Статья тов. Трилисского дополняет воспоминания предыдущих авторов. Она представляет также известную историческую ценность, как составленная на основании подлинных документов и протоколов по архивам одесского совета рабочих депутатов 1917 и начала 1918 года.

Статья тов. Розенфельда охватывает всю местную промышленность плюс промышленность централизованную, как заводы Октябрьской Революции, Марти, госкожзаводы и др. К сожалению, для полноты картины не достает крупного хозяйства одесского коммунотдела, а также кооперации. В статье тов. Розенфельда отмечены главнейшие этапы как периода наибольшего упадка промышленности в Одессе, так и процессов возрождения ее. Обилие цифрового материала, сравнений и анализа экономического состояния Одессы делают статью несомненно ценной для сборника.

И, наконец, статья второго отдела — очерки по истории Одесской Красной Гвардии тов. Ковбасюка. Впервые дается систематизированный материал по истории и роли красной гвардии в Одессе. До сих пор имелись лишь отрывочные воспоминания и заметки по газетам. А между тем одесская красная гвардия вписала в историю немало прекрасных героических подвигов, в борьбе за власть советов, за дело рабочего класса.

Одесская красная гвардия в хронологическом порядке является чуть-ли не первой. Так, делегат первого Всероссийского совещания Советов от Одессы, тов. Ачканов, в своих воспоминаниях говорит, что он не мог выполнить поручения

руководителей одесской красной гвардии — привезти из Петрограда инструкции по организации красной гвардии, так как к этому времени там ее еще не было.

Автор очерка проделал большую и ценную работу по сбору материалов и многочисленных воспоминаний красногвардейцев, имеющихся в архивах одесского истпарта. Распыленные воспоминания, архивные материалы одесского совета рабочих депутатов, отдельных боевых и бытовых эпизодов из истории одесской красной гвардии — систематизированы и приведены в стройный порядок.

На общем фоне бескорыстия красногвардейца-пролетария (в первоначальных инструкциях о Красной Гвардии прямо сказано, что красногвардеец несет свои обязанности безвозмездно), его безграничной преданности делу рабочего класса особенно ярко проявляется фигура первого ее активнейшего руководителя, тов. Кангуна. Он был любим всей красной гвардией, как лучший товарищ, и его гибель вызывает общий взрыв негодования красногвардейской массы. Предательское убийство из-за угла тов. Кангуна петлюровцами спровоцировало преждевременное выступление Красной Гвардии 1 декабря (ст. ст.) 1917 г. В этот день петлюровцами было подло убито несколько красногвардейцев.

Красная гвардия живо реагирует на все важнейшие политические события. Она рвется в бой на борьбу с донской контр-революцией, в лице генерала Каледина. Она совершенно точно дает оценку корниловскому мятежу и роли соглашательских партий в этом мятеже.

В п. 3 резолюции, на стр. 215, красногвардейцы отмечают, что крах корниловщины — есть крах меньшевиков и правых эсеров, которые все время заигрывали с буржуазией. Здесь же в п. 4 красногвардейцы признают, что истинными выразителями революции являются рабочие и крестьяне, в виду этого вся власть должна перейти к «советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», первой задачей которых должен быть созыв Всероссийск. С'езда Советов.

Под руководством партии большевиков Красная Гвардия является оплотом и защитой всех чаяний рабочего класса. Красная гвардия в январских боях с гайдамаками в 1918 г., будучи поддержана военными моряками, победила и стала на защиту Советов. Вот в общих чертах содержание очерков по истории одесской красной гвардии.

В 3-ем отделе сборника подобраны воспоминания и статьи по истории одесской парторганизации и ее роли в гражданской войне и строительстве советской власти. Все статьи и воспоминания представляют значительную ценность. Особенно воспоминания т. Соколовской Елены о работе одесского областного подпольного комитета в эпоху австро-германской и затем англо-французской оккупации. Являясь активнейшей участницей в работе областного комитета партии большевиков, Соколовская освещает целый ряд важнейших моментов в подпольи. Эти воспоминания, как и воспоминания товарищей Деготя, Агаларова и др., помогли истпарту осветить в юбилейном сборнике, хотя отрывочно, важнейший период из жизни одесской организации. Полное отсутствие архивов парторганизации за период подпольа лишило истпарт возможности дать систематический очерк по истории одесской парторганизации за период с 1917 по 1919 г. г. Статья тов. Гороховской за 1917 г. разработана, в основном, по воспоминаниям и довольно скудным сведениям газетной хроники за этот период. Все это чрезвычайно затрудняло работу. Недостаточно освещен период от прихода немцев в марта 1918 г. до создания областного комитета, о котором говорит в своих воспоминаниях Соколовская.

Слабо также освещен период деникинского подполья. С 1920 года до Ленинского набора 1924 года главнейшие мероприятия парторганизации по партстроительству и советскому строительству указаны в статье тов. Елина.

Чрезмерная спешность в работе по выпуску юбилейного сборника (материалы подобраны лишь к концу набора, а многие статьи уже в момент набора) возможно несколько отразится на его выполнении.

Но в общем все то, что помещено в настоящем сборнике, представляет значительную историческую ценность как для будущих историков, так и в настоящее время для широких читательских масс как партийных, так и беспартийных. Вся работа по составлению истории Октябрьской революции и истории парторганизации еще впереди. Материалы настоящего сборника являются лишь первым шагом в этом направлении.

Редколлегия.

I.

ПРЕДПОСЫЛКИ ОКТЯБРЯ.

Совет Рабочих Депутатов.

Когда телеграф принес радостную весть, что — «Николай кровавый, под напором революционных масс, выступивших на улицу, свергнут с престола», Одесские рабочие приступили к организации Совета Рабочих Депутатов.

В Одессе, как и в других крупных центрах царской России, в начале 1917 года чувствовался недостаток многих продуктов, но Одесса была в более благоприятном положении, нежели другие города страны и надвигавшийся продовольственный кризис здесь, как вообще на Украине и Кубани, еще не давал себя чувствовать так, как это чувствовалось в Центральной России и особенно в Петрограде.

Но запах революционной весны чувствовался в Одессе, и настроение одесских рабочих становилось революционнее с каждым месяцем.

Тут будет уместным сказать, что революционные партии к моменту Февральской революции в Одессе были довольно слабы. Была социал-демократическая организация, к которой примыкали некоторые большевики.

Самостоятельной-же большевистской организации к моменту Февральской революции не было. На отдельных предприятиях были большевики—рабочие, но в очень ограниченном количестве. Меньшевики, по преимуществу интеллигенты, были организованы в соц.-дем. организацию.

Это положение и сказалось на первом организационном собрании Одесского Совета Рабочих Депутатов[1]), на котором избранный Исполнительный Комитет состоял из целой трети — меньшевиков, нескольких большевиков, а остальные были беспартийные.

Президиум Исполкома сформировался так: председатель Гниденко — меньшевик[2]), тов. председателя — Дудюк — меньшевик, члены президиума: Фельдман, — меньшевик, Берштейн Э. А., — бундовка и Борисов — социалистически настроенный рабочий.

Затем продолжались выборы Совета Рабочих Депутатов на фабриках и заводах, не успевших избрать членов Совета, а также происходили выборы членов Совета среди

---

[1]) 6/III Первое собрание Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

[2]) И. В. Гниденко судился, как анархист в 1906 г., впоследствии он примкнул к с-эр., а в революционные дни к С. Д.

моряков. Избранные члены Совета из своей среды, по установленной норме представительства, дополнительно избрали членов Исполнительного Комитета. В числе других членов Исполнительного Комитета на дополнительных выборах был избран и Ачканов Г., который на заседании Исполнительного Комитета был доизбран в члены президиума — единственный большевик.

Таким образом, как в президиуме, так и в Исполнительном Комитете Совета Рабочих Депутатов, первое время, преобладали меньшевики. Но через некоторое время, во время выборов на 1-е Всероссийское Совещание Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, произошло некоторое изменение в соотношении влияния в Исполнительном Комитете С.Р.Д.

Президиум, при обсуждении вопроса о выборах на Всероссийское Совещание, наметил кандидатов: меньшевика Дудюка и бундовку Берштейн, но при обсуждении кандидатур в Исполнительном Комитете, — надо заметить — без подготовки со стороны членов Исполнительного Комитета С.Р.Д. большевиков, а по инициативе части беспартийных и большевиков, были выдвинуты другие кандидатуры, которые и были избраны, а именно большевик АчкановГ. и социалистически настроенный рабочий Борисов.

Общественный Комитет.

Совет Рабочих Депутатов — в лице Исполнительного Комитета, — наравне с другими организациями города принимал участие в разгоне черносотенной Думы, городским головой которой был известный черносотенец Пеликан, и в организации вместо Думы — Общественного Комитета, составляющегося из разных общественных групп.

В Общественный Комитет вошли по преимуществу либералы общественники и общественные группы либеральных профессий: — адвокаты, врачи, учителя, работники союза городов и т. д. Во главе этих общественных групп был кадетский комитет, возглавляемый тогда редактором газеты «Одесский Листок» Штерном. В Общественном Комитете в первые дни преобладали кадеты, которых поддерживали либералы, радикалы и просто обыватели.

В президиум Общественного Комитета от общественных групп входил меньшевик, доктор В. Богуцкий. Совет Рабочих Депутатов, наравне с другими общественными организациями, принял участие в Общественном Комитете. Временным городским головой был избран кадет инженер Брайкевич, товарищем городского головы меньшевик, доктор В. Богуцкий.

Общественный Комитет из своего состава избрал Городскую Управу и президиум, в состав которого вошли три члена президиума Совета Рабочих Депутатов: — Гниденко, Дудюк и Борисов.

Этот новый орган Городского Управления очень прислушивался к голосу Совета Рабочих Депутатов, как верховной организации Одесских рабочих и, несмотря на то, что Совет в Общественном Комитете имел своих представителей всего только около трети общего состава к его предложениям относились очень внимательно, я бы сказал, с некоторым трепетом.

Комитет Совета возбудил вопрос—по инициативе большевиков — о необходимости немедленной ликвидации Одесской полиции и отправке ее на фронт. При обсуждении данного вопроса в Общ. Ком. кадеты, возглавлявшие его президиум, при пассивном поведении меньшевиков, пытались снять этот вопрос с обсуждения и оставить полицию, но большевики категорически настаивали на своем, предложив полицию заменить общественной милицией, и в конце-концов, несмотря на сопротивление кадетов и других мелко-буржуазных групп, это требование было принято и передано в Комиссию по отсрочкам о военнообязанных для немедленного исполнения.

Этот факт характеризует положение, как в самом Общественном Комитете, так и за пределами его, достаточно выявив настроение мелко-буржуазных групп и интеллигенции, которые, с одной стороны, хотя и приветствовали Февральскую революцию, но с другой — боялись проведения в жизнь революционных мероприятий, вытекавших из существа Февральской революции.

Поведение меньшевиков, как в Общественном Комитете, так и вообще, характеризует еще следующий факт: происходят перевыборы президиума Общественного Комитета, читается его отчет, при чтении отчета члены Исполнительного К-та Совета Рабочих Депутатов — большевики подвергают деятельность президиума критике, а меньшевики, совместно с кадетами берут президиум под свою защиту.

Благодаря этой защите был провален в городские головы меньшевик В. Богуцкий, которого поддерживал Исполнит. Комитет С.Р.Д., и избран к-д Брайкевич.

Исполнительный Комитет С. Р. Д.

В самом же Исполнительном Комитете Совета Рабочих Депутатов большевики, несмотря на свою малочисленность, вскрыли перед рабочими соглашательскую политику меньшевиков и предложили резолюцию, осуждающую их поведение как членов президиума Общественного Комитета входивших туда представителями Совета Рабочих Депутатов. Резолюция эта и была принята большинством голосов беспартийных и большевиков.

Вместе с тем, при обсуждении вопроса о введении в состав Городской Управы трех членов Исполнительного Комитета, были по предложению большевиков приняты кан-

дидатуры: большевика Алексеева — рабочего, сочувствующего большевикам Коваленко и третьего Рысса — меньшевика, третья кандидатура прошла только потому, что в составе Исполнительного К-та не нашлось еще кандатуры большевика на этот пост.

Такое положение в составе Исполнительного Комитета заставило меньшевиков считаться с теми предложениями, которые вносили большевики, несмотря на их малочисленность.

Подтверждением этого служит следующий факт: — когда вернувшись с 1-го Всероссийского Совещания Совета Рабочих Депутатов, Ачканов внес предложение в президиум Совета о приглашении тов. Старостина для работы в Одессу (он в то время еще находился в Иркутске), то это предложение было принято. Президиум послал телеграмму в Иркутск с просьбой откомандировать Старостина в распоряжение Одесского Совета. Повидимому, меньшевистский президиум предпринял этот шаг из опасения провалиться по данному вопросу.

Этот-же Исполнительный Комитет накануне первого мая — по предложению большевиков, — принял постановление о введении 8-ми час. рабочего дня на всех фабриках и заводах г. Одессы. Но, так как власть в то время была в руках Общественного Комитета, а фабрики и заводы еще были в руках своих владельцев, то для проведения этого постановления в жизнь, Г. Ачканову поручили по данному вопросу вести переговоры с О-вом Фабрикантов и Заводчиков, которое тогда возглавлял Одесский Комитет кадетов.

Во время переговоров, Правление О-ва Фабрикантов и Заводчиков всячески старалось оттянуть переговоры и заручиться мнением Общественного Комитета по данному вопросу. Между прочим, правленцы выдвинули и такие доводы: — правление без общего собрания фабрикантов и заводчиков не имеет возможности, если бы даже и пожелало, провести в жизнь такую важную меру, т. к. владельцы сейчас не все в городе и для их вызова требуется продолжительное время, поэтому необходимо отложить обсуждение данного вопроса до общего собрания фабрикантов и заводчиков.

Тогда представитель Исполнительного Комитета сделал заявление от имени Совета, что ввиду отказа Правления Об-ва Фабрикантов и Заводчиков ввести 8-ми час. рабочий день, Исполнительный Комитет вынужден будет с 1-го мая провести эту меру явочным порядком. Заявление это подействовало и правление О-ва Фабрикантов и Заводчиков попросило два дня для ответа.

Тем временем рабочие, прочитав в газетах постановление Исполнительного К-та, сами явочным порядком стали проводить в жизнь постановление о 8-мичасовом рабочем дне. О-во Фабрикантов и Заводчиков, таким образом, стало перед совершившимся фактом и вынуждено было ему подчиниться.

Исполнительный Комитет при своем конструировании разбился на следующие секции: — Труда, Общественной безопасности, Красной Гвардии, борьбы со спекуляцией и др.

Мне в дальнейшем придется остановиться на том, что секция Красной Гвардии развивалась и организовывала рабочих в десятки и сотни и как усиливалось тяготение широких рабочих масс в Красную Гвардию.

Районные Советы Р. Д.

С развитием деятельности Совета Рабочих Депутатов явилась необходимость организовать также Районные Советы, которые и возникли под названием: Пересыпского, Слободского, Дальницкого или Молдаванского, Железнодорожного, Александровского и Городского.

Когда были избраны Районные Исполнительные Комитеты, то они из своего состава выделили дополнительно членов Исполнительного К-та в Общегородской К-т Совета. Благодаря этому обстоятельству, Исполнительный Комитет пополнился представителями районов, которые в большинстве были большевиками или сочувствующими большевикам и это-то обстоятельство изменило соотношение сил внутри самого К-та. Меньшевики стали еще больше утрачивать свое влияние на Исполнительный Комитет, а большевики наоборот — усилились, и усилились настолько, что, несмотря на то, что президиум оставался меньшевистский, все же он вынужден был проводить целый ряд предложений большевиков: засим, само собой, перед Исполнительным Комитетом встал вопрос о необходимости себя переизбрать.

И вот на совете был сделан доклад о перевыборах, а после его обсуждения произошли и самые перевыборы. В результате в составе нового Исполнительного К-та большинство образовалось из большевиков и представителей того течения эсеров, которое скоро стало известно под именем «левых эсеров». Меньшевики потерпели значительное поражение.

При конструировании вновь переизбранного Исполкома было внесено некоторое изменение и в конструкцию президиума: так вместо председателя и товарища председателя была образована председательская коллегия из трех лиц: двух большевиков — Рузера и Ачканова Григория и левого с.-р. Фишмана, секретаря президиума анархиста Фельдмана и членов президиума — рабочих меньшевиков Боркуна и Хворостина.

Советы Солдатских, Матросских и Крестьянских Депутатов.

Параллельно Совету Рабочих Депутатов в Одессе — в 1917 году, также был образован Совет Солдатских Де-

путатов[1]), который имел свой самостоятельный Исполком и свой самостоятельный от С. Р. Д. аппарат.

Председателем С. С. Д. был избран эсерствующий капитан 1-го ранга — командир броненосца «Синоп» — Зарудный[2]). Наиболее видные члены президиума были солдаты — Холопов, Гурьев и Трюх — большевики и несколько меньшевиков и с.-р. офицеров и солдат.

В президиуме солдатских депутатов преобладали меньшевики и с.-р., что и сказалось на избрании председателя.

Совет Матросских Депутатов в 1917 г. в Одессе также был самостоятельным. Наиболее видные члены президиума Совета М. Д. были — Кондратенко, впоследствии комиссар флота Одесского рейда — большевик; капитан II ранга Власов; матросы Скобелев и Попов — большевики.

Совет Крестьянских Депутатов организовался позже Совета Рабочих Депутатов под руководством старой большевички Арнольд, Веры Степановны, впоследствие отошедшей от партии.

Все Советы имели резиденцию в Воронцовском Дворце на Николаевском бульваре, теперь бульвар им. тов. Фельдмана. Для координации действий по целому ряду общих вопросов устраивались об'единенные заседания президиумов.

1-ое Мая.

Для подготовки демонстрации 1-го Мая 1917 года была выделена об'единенными президиумами — комиссия.

В комиссии вначале возникла некоторая неуверенность в успешном проведении демонстрации, так как настроение некоторых воинских частей советам не было известно и в том числе настроение терских казаков.

План проведения демонстрации был разработан детально, было подсчитано, приблизительно, сколько будет с каждого района демонстрантов, были намечены сборные пункты и установлено время выхода. Для руководства демонстрацией в каждом районе были выделены руководители и ответственные распорядители.

Демонстрация превзошла ожидания и превратилась во всенародный праздник. Интересно отметить некоторые моменты.

Так на таможенной площади был сборный пункт для моряков, и каково было удивление многих товарищей, когда они увидели там не только матросов, но и весь штаб транспортной флотилии, во главе с адмиралом Фоменко. Эта колонна демонстрантов больше всего обращала на себя внимание не только своей организованностью, но и красотой.

---

[1]) Первый Совет Солдатских Депутатов — 12/III 1917 года.
[2]) 14/III.

Демонстранты направлялись по установленным для каждого района маршрутам на Думскую площадь, где была сооружена трибуна с которой президиумы Советов приветствовали демонстрантов, а рядом с трибуной был живой памятник труда и революции, сооруженный за одну ночь и состоявший из деревянного пьедестала, окрашенного под серый мрамор. Внизу пьедестала, с одной стороны, наковальня с живым кузнецом державшим наготове молот, с другой стороны, крестьянин с серпом и снопом, а посредине за швейной машиной швея.

На пьедестале стояли три живые фигуры: — по краям матрос и солдат держали наотмашь винтовки, а посредине рабочий с красным знаменем; солдат и матрос, свободной от винтовки рукой, держались за древко знамени. В демонстрации участвовало свыше 300.000 человек: все рабочие и служащие, все военные части, и крестьяне пригородных сел.

Особый эффект демонстрация получила вечером, когда неожиданно на бульваре появились терские казаки, иллюстрировавшие свою лойяльность Февральской революции (об участии в демонстрации терских казаков знали только некоторые члены комиссии по организации демонстрации).

На Думскую площадь галопом и стройными рядами, во главе с седобородым полковником, влетел полк терцев, которые тут-же перед трибуной демонстрировали джигитовку.

Беспорядок внесли сионисты, которые, не предупредив комиссию о своем участии в демонстрации, вдруг неожиданно появились большой группой, состоявшей преимущественно из учащихся, с своими голубыми знаменами. Сионисты пытались врезаться в средину демонстрации и смешаться со всей ее массой, но мерами распорядителей, сионистская демонстрация, как неорганизованная, была направлена по другим улицам с тем, чтобы не задержать и так затянувшуюся процессию и чтобы не смешать националистическо-буржуазную демонстрацию с демонстрацией труда.

Шествие длилось с 9-ти часов утра до 6-ти вечера. В этот день весь город и пригороды были на улице; настроение было праздничное и бодрое. Это кажется единственный день за всю революцию, когда было единодушие почти у всех слоев Одесских жителей, за исключением крупной буржуазии. Демонстрац. закончилась митингами по районам—на площадях.

После 1 мая Одесса постепенно стала расслаиваться по классовым группировкам, между которыми обострялась борьба, приведшая в конечном счете к вооруженным столкновениям и гражданской войне.

Если командный состав армии и флота — офицеры — 1-го Мая демонстрировали вместе с солдатами, матросами и казаками, то не потому что они все были рады первому свободному празднику труда и торжеству над свергнутым царизмом, большинство из них демонстрировало только для того, чтобы сохранить прежнее влияние на солдат и матро-

сов и при первом удобном случае использовать воинские части для подавления революции. В этом мы убедились через несколько месяцев, когда старое офицерство стало организовывать контр-революцию под разными соусами: — Украинской рады, гайдамацких куреней, польских легионеров и тому подобных группировок.

Конструирование Большевистской организации.

Будучи в Питере на 1-м Всероссийском Совещании Советов мне пришлось просить ЦК нашей партии послать в Одессу несколько человек для руководящей работы, и ЦК через некоторое время послал группу т.т., кроме того некоторые из т-щей возвратились из ссылок и фронта, вышли из тюрьмы, так что к июню 1917 г., когда на лицо оказалась солидная группа, мы устроили организационное собрание (при латышском клубе), на котором избрали организационное бюро в составе: — Заславского, Ачкановых Г. и Ф. и Хмельницкого А., Воронского, Зифельда, Земита и других.

После этого собрания организационное бюро стало собирать большевиков на собрания в училище Лигина, здесь-то и стала оформляться наша организация, но вначале она все еще как фракция входила в одну с.-д. организацию с меньшевиками. В руках меньшевиков была газета «Южный Рабочий» и партийная касса.

В июне было созвано общегородское собрание соц.-демократов в городской аудитории. К этому времени железнодорожный район и пересыпский уже целиком были большевистские, а в других районах тоже стали оформляться значительные группы большевиков. На общегородском собраний должны были произойти перевыборы городского Комитета.

При открытии собрания выяснилось, что на нем большинство большевистское, так как президиум был избран большевистский. Лидеры меньшевиков попытались было сорвать собрание, но это им не удалось и они демонстративно покинули собрание, а за ними ушла часть меньшевистской массы, рабочие же остались.

На этом собрании был избран комитет большевиков в составе: — Ал. Хмельницкого, Воронского, Заславского, Рузера, Кристалловского, Ачканова Григория, Мизикевича, Земита, Зифельда, Гайсинского Мих., Старостина и Осипова. Председателем избрали Хмельницкого, секрет. Заславского[1]). Таким образом, к новому Комитету должны были перейти все права старого, и на газету и на кассу, но меньшевики

[1]) По газ. „Голос Пролетария" № 1 от 6/VII, состав комитета следующий: Хмельницкий А., Заславский П., Кантор, Марголин, Лашевич, Спиридонов, Фукс и три кандидата. *Истпарт.*

I-й КОМИТЕТ

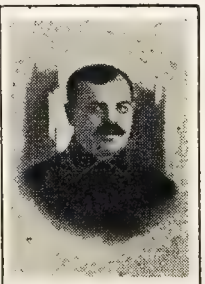
/БОЛЬШЕВИКОВ/

ОДЕССА 1917 г.

ХМЕЛЬНИЦКИЙ А.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

КРИСТАЛЛОВСКИЙ

СТАРОСТИН П.



АЧКАНОВ Г.

ВОРОНСКИЙ А.*)

МИЗИКЕВИЧ П.

ЗЕМИТ Ф.

*) по снимку Охранки 1914 г.

РУЗЕР.

В состав К-та входили также тт. Заславский секретарь К-та, Осипов, Зифельд, Гайсинский

отказались передать газету и кассу и оставили при своей организации и деньги и газету.

Раскол одесской организации с.-д. значит оформился. Затем, на районных собраниях тоже произошло оформление большевистских организаций и меньшевики, теряя свое влияние, отошли в сторону. Комитет большевиков стал издавать свою газету «Голос пролетария», открыв широкую подписку и об'явив сборы на газету. Рабочие и солдаты откликнулись на этот призыв, и в редакцию «Голос пролетария» потекли обильные сборы, как от рабочих, так и от солдат. Главную работу в газете вели т.т. Воронский и Заславский. Для Комитета было нужно помещение. Городская Дума была кадетско-с.-р. меньшевистская — на нее стало быть, расчитывать нечего было. Тогда тов. Глебов-Дубровин с отрядом солдат авиопарка реквизировал на Полицейской улице трактир, поставив военную охрану, предложил это помещение в распоряжение большевистского Комитета. Здесь был и партийный комитет и партийный клуб. С этого момента еще шире стала развиваться наша партийная работа.

Нужно отметить, что до избрания нашего Комитета большевиками была проделана большая организационная работа среди рабочих, матросов и солдат. Лучшие наши ораторы, как Старостин, Воронский, Юдовский, Рузер то и дело выступая на митингах и собраниях, дискуссировали с с.-р. и меньшевиками, раз'ясняя наши партийные лозунги «Вся власть советам».

Особенно трудно поддавались большевистской обработке воинские части, где вначале силен был оборонческий дух. К тому-же с.-р. пускались на всякие провокации против большевиков, называя их немецкими шпионами, задавая ораторам-большевикам такие вопросы: — «Почему Ленин с группой большевиков приехал через Германию в запломбированном вагоне? Почему большевики требуют немедленного мира? Почему они призывают брататься?». Наши ораторы давали исчерпывающие ответы на все эти иезуитские вопросы и, благодаря этому, после каждого собрания количество сторонников большевиков, — увеличивалось. А после выхода нескольких номеров «Голоса пролетария», в кассу редакции стали стекаться большие денежные суммы от солдат и рабочих.

С этого момента началось усиленное расслоение классовых элементов: — рабочие и значительное количество воинских частей все больше и больше стали тяготеть к большевикам, а мелко-буржуазные и обывательские элементы хлынули к с.-р. Те пред ними широко раскрыли двери своей партии, и партия с.-р. стала быстро расти за счет мелкой буржуазии и обывателей. Меньшевики же стали терять своих сторонников и влияние их, как среди рабочих, так и в Советах, с каждым днем все ослабевало.

Большая часть рабочих, бывших меньшевиков, отошли от них и вступили в партию большевиков. Другие-же, оставаясь в партии меньшевиков формально, работали в Советах с нашими, проводя линию большевиков в своей работе. К таким рабочим можно отнести Хворостина, Боркуна и других.

Красная Гвардия.

Секция Красной Гвардии постепенно разворачивала работу, вовлекая в свои ряды все большую массу рабочих. На крупных заводах были организованы десятки, а затем и сотни Красной Гвардии; так что с течением времени Секция Красной Гвардии, в том виде, в каком она была организована вначале, уж не могла удовлетворить задачам момента. Жизнь поставила в порядок дня вопрос оформления Красной Гвардии в самостоятельную организацию.

Секцию Исполкома Красной Гвардии составляли товарищи: — Кангун, Чижиков, Чижов, Володин, Слепов и Ачканов Григорий.

На секции было постановлено организовать клуб Красной Гвардии. Получить через Городскую Управу подходящее помещение в центре города было безнадежно. Между тем, таким помещением мог стать дом Русова, на Торговой. Однажды появились у этого дома вооруженные красногвардейцы, заняв его и оставив караул, они предложили живущим в этом доме в определенный срок выселиться.

Постепенно дом Руссова — Клуб Красной Гвардии, — превратился в боевой центр вооруженного пролетариата, где рабочие, организованные в десятки и сотни, стали обучаться военному делу.

С организацией клуба Красная Гвардия Одессы стала быстрее развиваться и усиливаться. С развитием Красной Гвардии и организацией десятков и сотен по заводам и фабрикам, для более успешной ее организации явилась необходимость по районам также организовать районные центры Красной Гвардии, ввиде отделений, клуба Красной Гвардии — Районные клубы. Районные клубы Красной Гвардии были организованы на Пересыпи, Молдаванке, затем в Железнодорожном районе, при партийном Райкоме.

Красная Гвардия и в районах постепенно усиливаясь, как вооруженная сила, взяла на себя сперва обязанности защиты интересов рабочих. Уголовные элементы города, чувствуя силы Красной Гвардии, и зная ее цели, из рабочих районов перекочевывали в центр и в рабочих районах стало спокойнее, нежели в центре.

Районные клубы, являлись, таким образом, филиалами Центрального Клуба Красной Гвардии, и в дальнейшей своей организации стали Районными штабами Красной Гвардии, а клуб Красной Гвардии на Торговой улице — Цен-

тральным штабом Красной Гвардии и школой по подготовке руководителей Красной Гвардии.

Во-главе штаба Красной Гвардии стоял избранный клубом, Начальник Красной Гвардии, металлист — Чижиков и Начальник штаба тоже металлист — Кангун. В штаб входили руководители районных штабов и некоторые сотники. Сотники и десятники тоже были рабочие, избранные в своих отрядах.

Распоряжения Штаба Красной Гвардии сотниками и десятниками проводились безукоснительно в жизнь, и дисциплина ими поддерживалась в полной мере, как в любой образцовой военной организации.

Красная Гвардия находилась при Совете Рабочих Депутатов. Штаб отчитывался перед Исполкомом Совета и его Президиумом. Но идейное руководство Красной Гвардией принадлежало Комитету большевиков.

Красная Гвардия, являясь беспартийной рабочей организацией, при своем оформлении чувствовала необходимость идейного руководства, и на одном из заседаний Штаба Красной Гвардии было постановлено — просить Комитет большевиков прикомандировать двух товарищей для идейного руководства. Такими руководителями явились Гр. Ачканов и Осипов, откомандированные в Штаб Красной Гвардии нашим Комитетом.

Для отличия красногвардейцев от остальной массы рабочих, Штабом Красной Гвардии были введены особые значки.

В состав Красной Гвардии сперва, по преимуществу поступала молодежь, но с развитием организации Красной Гвардии в нее стали вступать и пожилые рабочие и даже старики.

Комиссия по борьбе со спекуляцией.

Комиссия по борьбе со спекуляцией в виде Секции была организована при Совете, как революционная мера против спекулянтов. Во-главе этой комиссии стоял член Исполкома металлист — Шпиталенко.

Всем известно, что за империалистическую войну спекуляция не имела предела и эти хищники грабили и государство и население, а особенно трудящихся. А Одесса была одним из тех городов, где спекуляция наиболее [illegible] расцвела.

Спекулянты, не выпуская на рынок товаров, хра[illegible] в подвалах, пускали в продажу только накладные на этого товара. Накладная покупалась другим спеку[illegible] и вновь продавалась, но уже, разумеется, по повыш[illegible] цене и так она переходила из рук в руки и каждый кулянт набрасывал на товар определенный процент. кулянты, понятно, били сильнее всего по рабочим и

по трудящимся. Комиссия по борьбе со спекуляцией повела успешную борьбу со спекулянтами. Ею было открыто масса складов, где еще с мирного времени были спрятаны всевозможные товары колониального и широкого потребления: чай, перец, сахар и т. д. Установив, что товар скрывался с целью спекуляции, Комиссия его реквизировала и направляла в кооперативы для снабжения рабочего населения.

Эта, чисто революционная мера, конечно, встретила противодействие со стороны Городской Думы, которая посылала милицию для освобождения реквизированных товаров. Но вооруженные красногвардейцы отстаивали меры, предпринятые Комиссией.

Комиссией по борьбе со спекуляцией также был разработан проэкт плана облавы на валютчиков, который при одобрении президиумами и был введен в жизнь. И вот, оцепив часть Екатерининской улицы и часть Ланжероновской, места, где находились кафе Робина, Фанкони и Печесского — биржа валютчиков, Комиссия устроила на них облаву, которая дала блестящие результаты.

Румчерод.

Одесса являлась главной базой румынского фронта и главной базой транспортной флотилии Черноморского флота.

Для об'единения и руководства революционными организациями этих двух крупных воинских единиц, был созван фронтовой с'езд, который избрал Фронтовой Комитет, под названием «Румчерод», куда входили представители от армий и частей румынского фронта, черноморского флота, Одесского гарнизона и от Одесских Советов Рабочих, Солдатских и Матросских Депутатов. По существу это был фронтовой комитет Румынского фронта.

В Севастополе был Центральный Комитет Черноморского флота — Центрофлот, который претендовал на руководство всеми частями Черноморского флота и хотя его представители участвовали в Румчероде, но Центрофлот вел свою самостоятельную линию, независимую от Румчерод'а.

Одесские Советы Р.Д., С.Д., и М.Д., имея своих представителей в Румчероде проводили в городе свою самостоятельную политику, поддерживая добрососедские отношения [illegible] под'ом.

Городская Дума.

[illegible] уже упомянул, Общественный Комитет был ор- [illegible] временной; состоял, главным образом, из слу- [illegible] представителей разных организаций, поэтому яви- [illegible] ходимость избрать Городскую Думу на основе [illegible] востки. На выборах выступали: к.-д., с.-р., меньше- [illegible] вики и националистические группы.

Подготовка к выборам и избирательная кампания проходила в июне месяце, время расцвета эсеровской партии, когда мелкая буржуазия и, вообще, обывательщина, захваченная волной Февральской революции, валом валила к эсерам. Этот фактор и сказался на выборах.

С.-р. и меньшевики в перегонку с кадетами запугивали обывателей и мелкую буржуазию — большевистской опасностью. Дело было после Июльского выступления большевиков в Питере, когда Ленин был в подполье, а видные большевики питерской организации были арестованы и посажены в «Кресты». В Одессе, до ареста большевиков не дошло, но всякая грязь и провокация целыми ушатами выливалась на нас буржуазными партиями, начиная с меньшевиков, с.-р., к.-д. и кончая черной сотней.

На этом своеобразном, т.-е. помойном «фронте» об'единилась вся контр-революция. Конечно, в такой обстановке, большевики могли расчитывать на поддержку только революционных элементов рабочих.

Так как у с.-р. не хватало подходящих кандидатов для заполнения своего списка, то они были вынуждены его заполнить вступившими перед самыми выборами членами своей партии и в результате в списке эсэров оказались не только скороспелые социалисты, но и уголовные элементы.

Обывательщина с этим не считалась и голосовала в первую голову за с.-р., а затем за еврейский блок.

Таким образом, на первом месте оказались с.-р., на втором — еврейский блок, затем меньшевики, к.д., а на самом последнем месте — большевики.

Из большевиков прошли: Хмельницкий Ал., Рузер, Кристалловский и др. — всего около 7-ми челов.

Положение, созданное выборами в Городскую Думу, обострило отношения между новой Городской Думой и Советом Рабочих, Солдатских и Матросских Депутатов.

Советы становятся все левее и левее, и поэтому контакт между Думой и Советами становится все меньше и меньше.

Дума претендовала на гражданскую власть в городе.

Советы, не считаясь с этой претензией Думы, вели свою политику, противную Думе и в результате — неизбежные столкновения. С течением времени, эти столкновения учащались, Дума окончательно стала контр-революционной вокруг нее сосредоточились все контр-революционные группировки города.

В Советах.

Советы чем дальше, тем больше левели.

Выборы на 1-ый Всероссийский с'езд Советов, проходили самостоятельно в каждом Совете. Посланы были на с'езд

т. т.: Старостин и Ермолин, который тогда называл себя интернационалистом.

От Совета Солдатских Депутатов и Матросских Депутатов были избраны с.-р. и меньшевики. На избирательном собрании Советов боролись с.-р. и меньшевики, поддержанные другими контр-революционными группировками против большевиков.

Оборонцы делали всевозможные выпады против большевиков провокационного характера, и этими выпадами действовали на малосознательных солдат, участников собрания, взывая к патриотическим чувствам и т. д.

Тов. Старостин отбивался от нападков оборонцев и защищал платформу большевиков. Дебаты порой принимали очень острый характер, дело доходило до угроз со стороны с.-р. расправиться с большевиками, как с «немецкими шпионами» и, несмотря на все эти штуки, после длительных прений была принята платформа большевиков, защищавшаяся тов. Старостиным.

Считаю нужным остановиться еще на таких вот случаях: первый случай — это приезд Керенского. По этому поводу было в цирке устроено собрание Советов с представителями партий. Керенский выступил с программной речью и, как актер всю свою речь строил в расчете на аплодисменты: с длительными паузами, выразительными жестами и т. д. По существу речь была демагогическая, пустая, он нападал на большевиков, мешающих ему—премьер-министру организовывать победу над немцами.

С.-р. и меньшевики подпевали Керенскому, восхваляя Временное Правительство. От большевиков выступали: тов. Старостин, который в резкой форме критиковал Керенского. Обращаясь к Керенскому, он говорил: — «Господин премьер-министр Керенский, что вы сделали, чтобы прекратить, затеянную царским правительством Николая кровавую бойню? Что вы сделали и намерены сделать, чтобы миллионы рабочих и крестьян перестали голодать со своими семьями? Что вы сделали, господин премьер-министр, чтобы миллионы рабочих и крестьян могли заняться мирным трудом?» «Вы, премьер-министр, требуете крови миллионов трудящихся в интересах иностранных капиталистов» и т. д.

Речь тов. Старостина произвела очень сильное впечатление, а от речи Керенского не осталось никакого впечатления или впечатление, которое остается от выходок клоуна.

Другой случай — это отношение эсеров и меньшевиков к нам после Июльского выступления большевиков в Питере. Устроив в Румчерод'е собрание членов Исполкомов всех советов и Румчерод'а для обсуждения текущего момента — докладчик-меньшевик, в своем докладе попытался изобразить нас предателями революции и предателями рабочего класса.

Еще свирепее напал на большевиков докладчик с.-р. Беспартийные-же члены собрания колебались.

Выступившие в прениях большевики: Хмельницкий, Старостин и друг. дали должный отпор эсерам и меньшевикам и, в результате, была принята незначительным большинством неопределенная резолюция, которая в бледных тонах осуждала большевиков.

Таким образом, чем дальше от мая и ближе к октябрю в Одессе все больше и больше нарушался гражданский мир, и обострялись противоречия между большевиками, с одной стороны, и мелкобуржуазными и буржуазными партиями, с другой стороны. Вокруг большевиков группируются в большем количестве рабочие и солдатские массы.

Лозунги большевиков — «Вся власть советам», «Мир хижинам и война дворцам», «Немедленный мир и прекращение войны», становились все популярнее и популярнее в широких массах солдат и рабочих.

Можно смело сказать, что в это время число сторонников большевиков росло не по дням, а по часам. Тираж газеты большевиков «Голос пролетария» необычайно увеличился. К слову сказать — после того, как большинство президиума стало большевистским, был изменен и состав редакционной коллегии «Одесских известий», в который вошли большевики.

С этого момента «Одесские известия» изменили свое направление, стали содержательнее и проводили линию большевиков, что часто вызывало протесты меньшевиков в Исполкоме. Эти протесты оставались безрезультатными.

Меж тем приближался Октябрь. Влияние большевиков росло, как на дрожжах растет тесто. Лепет меньшевиков и правых с.-р. становился все более и более невнятным, а влияние их в рабочих массах и среди солдат еще меньше. Все их призывы до победного конца становились все слабее и менее понятны широким массам трудящихся и они медленно угасали.

II-й С'езд Советов и выборы делегатов от Одессы.

Приближался II С'езд Советов. Для выборов собрались в гарнизонном собрании Советы Раб., Сол., Мат. и Кр. Депутатов. Произошла решительная борьба между всеми партиями входившими в советы; каждая партия выступила со своей платформой, и советы обсуждали эти платформы.

Во время обсуждений меньшевики и правые с.-р., защищая платформу Центрального Исполнительного Комитета Советов Р. С. и Кр. Деп. договорились до однородного социалистического министерства.

Большевики-же при поддержке левых с.-р. отстаивали свою платформу: «Вся власть советам». Рядовые члены со-

ветов весьма горячо участвовали в обсуждении этих платформ и в своем громадном большинстве стали на платформу большевиков. Это и определило дальнейший ход собрания.

Меньшевики пытались опорочить большевистских кандидатов, но от избирателей получили решительный отпор, и в результате, на II Всероссийский с'езд избрали тех, которых выставили большевики и левые с.-р.

Избранными оказались от Совета Раб. Депутатов: большевики — Старостин П., Ачканов Федор и Кристалловский; Милованов—с.-р.; Боркун мен.-интер.; от Совета Солдатских Депутатов: левый с.-р. Лазарев, Трюх и Мошков (больш.). От Совета Матросских Депутатов — большевик Попов.

Таким образом, меньшевики и правые с.-р. провалились на этих выборах и уже больше с ними рабочие, солдатск. и матросские массы совершенно не считались и они совершенно утратили свое былое значение.

„Украинцы".

На арене политической жизни Одессы стала выявляться новая контр-революционная организация, филиал «Центральной Украинской Рады».

Местная «Украинская Рада», возглавляемая националистами украинцами — доктором Луценко и офицером Вербицким, при участии меньшевика — украинского учителя Чеховского.

Украинцы стали вести пропаганду среди войск за роспуск «москалей» и за организацию чисто украинских частей — гайдамацких куреней.

Для осуществления своей задачи — создания вооруженной силы, украинцы стали поддерживать лозунг большевиков «самоопределение национальности вплоть до отделения», стараясь как можно скорей разложить полки Одесского гарнизона, которые в своем большинстве были настроены большевистски. Поскольку пропаганда украинцев в некоторой части совпадала с пропагандой нашей партии, постольку при демобилизации старой армии, уроженцы не украинских губерний, самовольно покинув свои полки, стали раз'езжаться по домам. Наконец, «Украин. Рада» стала организовывать гайдамацкие курени — это были баталионы, составленные прежде всего из офицерского состава — без различия национальностей — и самых несознательных солдат и всяких авантюристских элементов.

Организованное таким образом «войско» было обряжено в новую форму — подобие старой запорожской формы: — синие широкие шаровары, синие жупаны. Многие ударяясь в театральность стали брить головы, оставляя «оселедец». При организации этих украинских куреней было много всякой романтики. Оно бы ничего, если бы эти господа

занимались только театральностью и романтикой, но плохо было то, что под прикрытием этой бутафории организовалась контр-революционная вооруженная сила, которая всасывала в себя все то, что было контр-революционным и ненавидело советы, а в первую голову — большевиков.

В августе украинские курени обосновались в лагерях под Одессой и, таким образом, как военная сила, проявляя свою самостоятельность, представляли угрозу Советам.

Румчерод совместно со Штабом Одесского военного округа пытался отправить их на фронт. Советы, вообще, считали необходимым удалить эти курени из города.

Однако, гайдамаки отказались подчиниться приказу Штаба — отправиться на фронт; сама-же «Рада», хотя и считала себя патриотическо-оборонческой, все-же не выражала желания защитить границы Украины от наступающих немецких армий и в вопросе отправки на фронт гайдамацких куреней, оказывала пассивное сопротивление.

Для того, чтобы чувствовать себя более уверенной и прочной на Одесской почве, «Одесская Украинская Рада» авансом усвоила «захватнические» приемы большевиков, решив перенести свою резиденцию в штаб военного округа, тем более, что во-главе ее стояли такие офицеры, как Вербицкий.

Перед этим украинцы налетом захватили Английский клуб. По этим приемам не только большевикам, но другим социалистическим организациям: меньшевикам и с.-р., стало ясно, что «Украинская Рада» со своими куренями не просто «украинская драматическая студия», а нечто более опасное. Однако, организация нескольких гайдамацких куреней и захват штаба еще не решало кому в Одессе должна принадлежать власть. Ведь, помимо украинских гайдамацких куреней и Украинской Рады, были рабочие, коммерческие моряки, а также военные части, не входящие в состав гайдамацких куреней.

Поэтому, помимо захватнических методов, Украинская Рада решила использовать и методы убеждения, пригласив с этой целью президиумы советов прислать своих представителей на заседание «Рады» в штаб.

Поведение «Украинской Рады» сильно беспокоило президиумы советов, но предпринять что-либо, что могло бы обуздать ее ретивость, Советы пока были не в состоянии и благодаря этому, положение с каждым днем осложнялось.

Все же президиумы Советов с информационной целью решили послать на это заседание по одному представителю: от Совета Рабочих Депутатов был послан Ачканов Григорий, а от Совета Солдатских Депутатов, кажется, тов. Гурьев — оба большевика.

В это время «Центральная Рада» из Киева прислала в Одессу своего комиссара полковника Поплавко, который должен был, по мнению «Центральной Рады», взять власть

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ Спецфо

в Одессе в свои руки. И на заседании Одесской Рады Поплавко был представлен представителям Совета Раб. и Солдатск. Депутатов, как комиссар Одесского Военного Округа. Чувствовалось, что у Рады нет уверенности что Советы признают ее в качестве верховной власти Одессы.

Во время переговоров украинцы были весьма осторожны. Пытались внушить представителям Советов, что они являются настоящей властью и что, поэтому, Советам необходимо установить с ними деловой контакт; они вместе с тем, старались убедить нас, что «Центральная Рада» является властью на всей Украине. Представитель С.Р.Д. сделал заявление, что присутствует здесь лишь с информационной целью и, поэтому не уполномочен признать или не признать Украинскую Раду, пока не скажут свое слово 110.000 Одесских рабочих, избравших Совет Рабочих Депутатов, которые не имеют никакого представления, что из себя представляет Украинская Рада, кого она поддерживает, какую проводит политику и с кем она — с рабочими или против рабочих. Рабочие, — развивал свою мысль представитель Совета, — поддерживают Советы и лозунг «Вся власть советам». Так что, если Украинская Рада является тоже Советом и поддерживает тот же лозунг, то тогда, очевидно, у Совета Рабочих Депутатов может быть деловой контакт.

Это заявление вызвало много недовольных возгласов со стороны членов Рады и даже угроз по отношению представителя Совета Рабочих Депутатов. Но Чеховский постарался успокоить членов Рады, употребив для этого все влияние председателя Рады.

Заседание это ничем существенным не кончилось. И положение между Советом и Украинской Радой продолжало оставаться натянутым. Уже после Октябрьской революции украинцы настояли на перевыборах Совета Солдатских Депутатов и добились этого. Совет был переизбран и в его президиум вошла половина украинцев из Украинской Рады и гайдамацких куреней.

Как отразилась на Одессе Октябрьская Революция.

Когда делегаты II Всероссийского с'езда вернулись в Одессу, было созвано расширенное заседание всех Советов, в котором принимали участие и представители гайдамацких курсней. На заседании с обширным докладом выступил тов. Старостин, доложивший о работах с'езда и о его главнейших постановлениях: — взять власть в руки Советов, землю передать крестьянам, об'явить перемирие на всех фронтах и другие. Обсуждение доклада вызвало оживленные прения, в которых голоса меньшевиков и правых с.-р. заглушались всей массой членов Советов.

Представители Украинской Рады пытались внушить Совету, что постановления С'езда для Украины не обязательны, что «Центральная Рада» совершенно независимая власть и что нам нужно подчиниться именно этой власти.

Однако, абсолютное большинство членов Советов высказалось за одобрение постановлений «С'езда Советов» и за передачу власти в Одессе Советам.

Проведение в жизнь постановлений Советов встретило сопротивление Украинской Рады, которая с помощью Центральной Украинской Рады стала мобилизовать военные силы, стягивая их в Одессе.

Наступил момент междувластия. Претендентов на власть было много: Украинская Рада, Советы, Городская Дума и Румчерод. Благодаря этому создалось неопределенное и неустойчивое положение.

Во избежание междоусобицы, было созвано совещание всех перечисленных выше организаций при Румчероде, на котором договорились образовать временный революционный комитет, под названием «Совета Десяти», на паритетных началах, пять от Румчерода и Советов и пять от Украинской Рады; под председательством тов. Юдовского. От советов вошли: Рузер, Орлов, Хмельницкий, Юдовский и еще один (фамилию которого не помню); от украинцев — Луценко, Поплавко, Чеховский и друг.

«Совет Десяти» оказался такой организацией, которая не смогла взять власть в свои руки, потому что представители Украинской Рады саботировали эту организацию; это с одной стороны, а с другой — Советы не верили в долговечность «Совета Десяти».

Резиденция «Совета Десяти» была в Румчероде. С первых же дней существования этого нового органа власти, чувствовалось, что он никого удовлетворить не может и на ряду с этим заметно было, что Украинская Рада готовится к захвату власти вооруженной силой. Гайдамаки держали себя вызывающе, стали понемногу пошаливать по городу и вызывающе держались с гражданами, а кое-кто из евреев оказался избитым гайдамаками.

Советы к «Совету Десяти» также относились, как к организации, не могущей расчитывать на поддержку рабочих масс.

Стянув к городу крупную воинскую силу, Рада пыталась сосредоточить ее вокруг Украинского Военного комиссара полковника Поплавко, вместе с тем, образовала при нем специальный комиссариат и комендатуру.

Советы по соглашению со штабом Одесского военного округа назначили комендантом города тов. Гурьева — большевика, члена президиума Совета Солдатских Депутатов.

Следующий шаг рады состоял в том, чтобы превратить комиссариат в комендатуру города. Создалось путанное по-

ложение: — Советы не признавали власти Рады, Рада не признавала власти «Совета Десяти» и Советов.

События нарастали. В ответ на сосредоточение украинских сил, Советы усиленно готовили Красную Гвардию. Всюду на заводах и фабриках происходили тактические занятия красногвардейских десятков и сотен. Красногвардейцы были вооружены: — часть пятилинейными винтовками, часть берданками. Рабочие не расставались с оружием и с оружием ходили на работу и с работы.

В воздухе запахло порохом, гайдамаки стали держаться все более и более вызывающе, так что по некоторым улицам вечером мирным гражданам становилось небезопасно появляться, «рискуя быть избитым или ограбленным гайдамацкой вольницей».

Благодаря этому, у Рады число сочувствующих убавлялось. Даже буржуазные элементы, которые ненавидели Советы и в начале сочувствовали организации гайдамацких куреней, видя в них угрозу Советам, теперь стали относиться к ним более враждебно нежели к Советам.

Одесса расслоилась — с одной стороны, рабочие и революционные солдатские и матросские массы, организованные вокруг Советов, —с другой стороны, гайдамацкие курени, липнувшие к Украинской Раде и комиссариату Поплавко, и с третьей стороны, буржуазные и мелкобуржуазные элементы, примыкавшие к Городской Думе.

Первый Революционный Штаб.

Положение осложнялось с каждым днем: пошли слухи о подготовке вооруженного выступления гайдамацкими куренями. С своей стороны, президиум Рабочих и Румчерода решил образовать свой революционный штаб для руководства военными операциями. В Революционный Штаб вошли: Ачканов Григорий, от СРД, от Красной Гвардии Чижиков и Кангун, от Совета Солдатских Депутатов — Гурьев, от Совета Матросских Депутатов — матрос Скобелев и капитан II ранга — Власов и два представителя Румчерода — офицеры (фамилии забыл) меньшевик и с.-р. Затем от Совета Рабочих Депутатов дополнительно был введен матрос из Петрограда — большевик Шерстобитов. это было в конце ноября.

На заседании революционного штаба выяснилось, согласно сведений разведки, имевшейся при Сов. Раб. Деп., что гайдамаки в первую очередь намерены захватить Воронцовский Дворец и клуб Красной Гвардии, как главные центры Советов и что ими поставлены усиленные караулы у арсенала.

При обсуждении вопроса в революционном штабе возникли разногласия. Тов. Кангун настаивал, чтобы не дожидаясь выступления гайдамаков, сейчас же начать выступле-

ние, призвав к вооруженному восстанию рабочих и моряков, предлагая немедленно отправить достаточно сильный отряд красногвардейцев, захватить арсенал и поголовно вооружить рабочих. Из прений выяснилось, что Одесские рабочие еще недостаточно подготовлены, чтобы начать немедленно вооруженное восстание, не было также уверенности, что моряки, без достаточного повода со стороны гайдамаков, выступят по призыву революционного штаба.

На сторону Кангуна склонились Чижиков, Шерстобитов, Власов. Представители Румчерода категорически высказались против вооруженного выступления, таким образом, голоса разделились и вопрос о немедленном вооруженном восстании рабочих и моряков не получил разрешения.

На следующий день представители Румчерода и Власов в штаб не явились.

Тов. Гурьева революционный штаб направил в штаб военного округа для выяснения состояния гайдамацких частей.

По дороге в штаб Гурьев был схвачен гайдамаками, которые подвергли его пыткам, угрожая расстрелять. Гайдамаки требовали от пленника сведений о составе и расположении красногвардейских частей. Продержали Гурьева около 2-х дней, а затем он от них вырвался и ушел.

Меж тем, наша разведка доставила нам сведения, что гайдамаки небольшими группами стягивают свои силы к Воронцовскому Дворцу, где был небольшой караул, разведка и революционный штаб в составе Шерстобитова, Ачканова, Скобелева и Гурьева; учтя неподготовленность рабочих масс, хорошую подготовку гайдамаков, и их численное превосходство, а также, что в их руках были арсенал и бронемашины и регулярные воинские части, решено было оставить Воронцовский дворец и предложить штабу Красной Гвардии оставить свой клуб.

Революционный штаб решено было перенести на крейсер «Алмаз», а Красную Гвардию стянуть в порт и на Пересыпь. Штаб Красной Гвардии был перенесен на завод адмиралтейства Р.О.П.Т. (теперь завод им. Марти).

Я же обходным путем направился в комитет большевиков, чтобы поставить его в известность о решении революционного штаба и через него немедленно поставить в известность районные комитеты партии.

Первое выступление гайдамаков.

Прошло несколько дней, город немного успокоился, и вдруг на рассвете 2-го декабря, гайдамаки заняв Канатную улицу, приготовились к наступлению.

Через некоторое время в городе появились отряды Красной Гвардии. Начальник ее штаба Кангун, — очень горя-

чий парень, — немедленно на автомобиле выехал по направлению к Канатной, чтобы выяснить на месте положение дела.

Не успел он показаться, как в него из пулемета всадили больше десятка пуль, соскочив с автомобиля и пробежав несколько шагов, — он замертво упал.

В то же время на Вокзальной площади гайдамаки расстреляли несколько красногвардейцев.

Тысячи рабочих и матросов, сбежавшись в Воронцовский дворец с возгласами: — «За оружие», мигом расхватали несколько сот винтовок. Моментально были организованы отряды из рабочих и матросов.

Однако, по распоряжению президиума Советов, вооруженным отрядам до особого распоряжения не разрешено было оставлять двор Воронцовского дворца.

В клубе Красной Гвардии, куда стянулись почти все сотни Красной Гвардии было созвано экстренное заседание президиумов Советов, которые решив заявить протест против расстрела гайдамаками красногвардейцев—предложили Украинской Раде немедленно убрать из города гайдамаков.

Это постановление президиумов Советов не могло успокоить красногвардейцев и они рвались в бой.

Украинская Рада, приняв это предложение, стала убирать из города гайдамаков. Для этого была образована паритетная комиссия, которая и прибыла в клуб Красной Гвардии.

Со стороны Совета Раб. Депутатов были тов. Рузер, а со стороны Украинской Рады доктор Луценко. Эта комиссия убеждала красногвардейцев успокоиться, не выступать, заявив, что гайдамаков убирают за город.

Целый день все были в возбужденном состоянии. Вечером, в Городской Думе было созвано об'единенное заседание Исполкомов Советов, совместно с Украинской Радой.

Это собрание, хотя и было собрано, как мирная конференция между Советами и Украинской Радой, но носило довольно бурный характер. Члены Исполкомов Советов нападали на предательское поведение Украинской Рады, а та, в свою очередь, вела себя довольно враждебно по отношению к Советам.

От союза моряков было сделано заявление, что если Украинская Рада не уймет гайдамаков, то союз моряков не выпустит на берег ни одного фунта угля, ни одного фунта продовольствия и не перевезет на своих судах ни одного украинского солдата.

В конце-концов, договорились до образования нового «Совета десяти», по пяти с каждой стороны. В его состав от Совета Раб. Деп. вошли: Орлов — председатель, Ачканов Григорий, Хворостин, Вейсман от Красной Гвардии, пятого не помню, и пять от Украинской Рады. Не-

смотря на кажущийся мир, положение не изменилось. Началась более сложная политическая игра между Украинской Радой и Советами.

Так, стоявший в порту броненосец — «Синоп», команда которого принимала очень деятельное участие в работах Совета Матросских Депутатов и была вся революционна, открыто заявила свое недовольство поведением Украинской Рады. Вдруг получился приказ об отплытии броненосца «Синоп» в Севастополь.

Этот приказ встревожил и Советы, и Комитет большевиков, и рабочие масс. Президиумы Советов, обсудив этот вопрос, постановили настаивать перед Центрофлотом об оставлении «Синоп'а» на Одесском рейде; для чего Ачканова Григория командировали в Центрофлот.

По приезде в Севастополь я в Центрофлоте поставил вопрос об оставлении броненосца «Синоп» в Одессе, сделав при этом подробный доклад о событиях в Одессе, о создавшихся отношениях между Украинской Радой и Советами, об угрозе гайдамацких куреней и вообще о настроении рабочих, военных и торговых моряков.

Центрофлот, под влиянием своего председателя, согласившись с моими доводами, отменил свой приказ и «Синоп» остался в Одесском порту.

Затем, мне пришлось выступить с информацией о положении в Одессе на общем собрании Севастопольского союза моряков и Совета Рабоч., Солд. и Матросских Депутатов, которые выразили свое сочувствие Одесским Советам и рабочим организациям.

Моя информация вызвала большое сочувствие со стороны всех рабочих депутатов и большей части матросских и солдатских; часть-же украинских шовинистов — членов Совета — подняла шум, но все же Совет выразил свое сочувствие Одесским Советам.

Работа по разложению гайдамацких куреней.

Украинская Рада при организации гайдамацких куреней, стараясь их изолировать от политической жизни страны, вела среди гайдамаков шовинистическую пропаганду и не допускала к ним газет, ни большевистских, ни «Известий Одесского Совета Раб. и Солд. Депутатов».

Как я уже упомянул, когда гайдамаков хотели отправить на фронт, они отказались выполнить этот приказ. Этот факт констатировал не только то, что Украинская Рада не хотела выводить гайдамаков из Одессы, но и то что этим переряженным солдатам надоела война и что многие из них шли в гайдамацкие курени с целью избежать фронта. Поэтому это был все-таки подходящий материал для обработки большевиками.

Затруднение, однако, состояло в том, что у Комитета большевиков почти не было работников, говорящих по-украински. В конце-концов, такие нашлись и было решено направить их в гайдамацкие курени для агитации и разложения. Более видными из проведших большую работу по обработке гайдамаков были: матрос Кривошеин, солдат Скобло, рабочий Матяш и еще несколько человек матросов и солдат.

В течение трех недель гайдамаки были настолько распропагандированы, что стали сознавать свою общность интересов с рабочими и почему необходима Советская власть. Наступили рождественские праздники, и Украинская Рада использовала их по своему, — распорядившись выдать на каждого гайдамака по две бутылки вина. Это вино сыграло свою роль в том смысле, что, подорванный агитацией большевиков, авторитет Украинской Рады был восстановлен и, значит, агитация пошла на-смарку. Благодаря этому, пришлось отложить еще на некоторое время взятие власти Советами и вновь начать ту же агитацию среди гайдамаков и вести ее до момента захвата власти. Через пару недель агитация вновь дала свои результаты и потерянное за праздники влияние вновь было восстановлено. Работа по разложению гайдамацких куреней продолжалась.

В „Совете десяти".

Во втором — «Совете десяти» взаимоотношения у представителей Советов и Украинской Рады были глаже, чем в первом. Представители Украинской Рады принимали непосредственное участие в работе. Но они все были военными, людьми, только что начавшими общественную работу и беспартийными. Представители же Советов были люди партийные и все с большим революционным и общественным стажем. Поэтому, понятно, что на заседаниях «Совета десяти» при обсуждении вопросов представители Украинской Рады часто шли на поводу у представителей Советов, особенно когда разбирались общие вопросы.

Но если только вопрос касался взаимоотношения с Украинской Радой, они все единодушно выступали против представителей Советов. И все же этой ублюдочной организации приходилось решать целый ряд вопросов, касающихся интересов всех граждан, и тогда «Совет десяти» издавал свои распоряжения в качестве революционного Комитета.

Эти распоряжения касались, главным образом, охраны города и борьбы с бандитизмом. В распоряжении «Совета десяти» находилась охрана города, подчиненная коменданту города.

В виду того, что Красная Гвардия из рабочих районов изгнала бандитов, то они свою деятельность перенесли в центр города и предпринимали необычайно дерзкие налеты, ис-

пользовывая для этой цели автомобили. «Совет десяти» издал распоряжение, запрещающее езду автомобилей после шести часов вечера, приказав охране города останавливать и расстреливать те автомобили, которые не будут иметь специальных пропусков.

Еще летом анархистом Рытом был организован Совет безработных, в котором старались найти спасение или облегчение не только безработные рабочие и служащие, но и многие из тех, которые и раньше не искали работу, как проститутки и им подобные элементы. Рыт же видел во всех этих типах массу, способную бороться за анархизм. Благодаря такому засорению совета безработных, настоящие рабочие не могли получить от совета безработных необходимой помощи.

И вот, в средине декабря вдруг пред помещением «Совета десяти» появляется тысячная демонстрация безработных с требованием контрибуции с буржуазии в миллион рублей. Затем демонстрация двинулась по буржуазным кварталам города.

«Совет десяти» всполошившись созвал экстренное заседание с участием полковника Поплавко, украинского комиссара. Украинская часть «Совета десяти» была очень напугана этой демонстрацией и присоединилась к Советской части «Совета десяти», которая предлагала поддержать требование безработных и потребовать от буржуазии немедленно внести миллион. «Совет десяти» не расходился, а мне с тов. Вайсманом поручили розыскать и привести верхушку Одесской буржуазии. Это был первый, вынужденный Советом безработных революционный акт со стороны «Совета десяти».

Мы с тов. Вайсманом на автомобиле поехали собирать верхушку Одесской буржуазии. Прежде всего приехали к Анатра, как самому крупному в Одессе фабриканту. Он очень любезно нас встретил и как только узнал о цели нашего приезда, немедленно согласился оказать помощь безработным в той сумме, которая падала на него, но заявил, что необходимо также вытащить в «Совет десяти» и банкира Хаиса. Дав нам адреса остальных крупных буржуа Одессы, он любезно предложил нам для созыва их в «Совет десяти» свой телефон.

Мы по телефону стали звонить Хаису и другим буржуа, предлагая им прибыть немедленно в «Совет десяти». Они стали отказываться. Тогда им было заявлено, что, если они не желают прибыть добровольно, то через полчаса их приведут в «Совет десяти» под конвоем. Такой разговор оказался более вразумительным, и буржуа согласились прибыть.

Наконец, весь цвет Одесской буржуазии прибыл в «Совет десяти», и им об'явлено было, что им подлежит внести миллион рублей в фонд совета безработных.

Они пытались было отвертеться, но посоветовавшись, подписали постановление о внесении 1.000.000 рублей в течение трех дней.

События развивались. Рядовые члены Украинской Рады — члены «Совета десяти» незаметно для самих себя часто голосовали за большевистские резолюции: жизнь их подталкивала влево, но это как раз шло вразрез с тем, чего добивалась Украинская Рада, как мелко-буржуазная и шовинистическая организация.

Припоминается и такой случай, связанный с работой «Совета десяти», но имевший чисто революционный характер. Союз металлистов, руководимый Старостиным заключал коллективный договор со всеми предприятиями металлообрабатывающей промышленности.

Фабриканты и заводчики отказались подписать этот договор. Тогда союз металлистов, об'явил своеобразную забастовку: совершенно неожиданно в восемь часов вечера — вдруг во всем городе потухло электричество.

Дежурный член «Совета десяти» позвонил на электрическую станцию: — «В чем дело, почему потух свет?» Ему ответили: — «Справьтесь в союзе металлистов». Позвонили в союз и тот ответил: — «Мы об'явили забастовку». А время было очень тревожное, — налеты не прекращались.

Немедленно было созвано экстренное заседание «Совета десяти», на котором был приглашен и союз, но тот под предлогом невозможности оставить без надзора электрическую станцию — отказался приехать.

И вот «Совет десяти» отправил меня и еще одного члена из украинцев делегатами в союз металлистов (он был на Пересыпи). Приехав туда, мы застали заседание Правления, которое обсуждало вопрос о забастовке, совместно с делегатами союза. Приняв нас строго нам заявили, что ввиду отказа капиталистов подписать колдоговор, союз об'явил забастовку, которая будет длиться пока фабриканты не подпишут колдоговоров.

После нашего возвращения «Совет десяти» вызвал представителей заводчиков и союза металлистов. На заседании тов. Старостин — председатель союза металлистов, изложил суть требований союза. Капиталисты продолжали стоять на своем. Положение осложнилось и «Совету десяти» пришлось вновь решиться на революционный шаг, — на принудительный арбитраж по отношению капиталистов. Когда же тов. Старостина спросили: — «Если колдоговор будет подписан, то через сколько времени союз может дать свет?» — «Через три часа» — последовал ответ.

После небольшого обмена мнений «Совет десяти» постановил предложить заводчикам немедленно подписать колдоговор, на условиях предлагаемых союзом.

Это было вторичное посягательство «Совета десяти» на карман капиталистов, и украинцы пошли на эту большевист-

скую меру из боязни перед рабочими массами. Колдоговор был подписан и, действительно, через три часа в городе появился свет. Таким образом, противоречия между рабочими массами и капиталистами очень обострились. Недовольство рабочих росло, а с ними росло революционное сознание широких пролетарских масс.

Половинчатая шовинистическая политика Украинской Рады не могла удовлетворить ни рабочие, ни матросские массы. И уже стало ясно, что вместо «Совета десяти» необходимо дать настоящую власть, которая удовлетворила-бы запросы широких рабочих, солдатских и матросских масс.

Положение в городе было довольно сложное. Охрана учреждений, почты, телефонной станции, банков, казначейства и арсенала находилась в руках гайдамаков.

На рейде стояло три крупных боевых судна: броненосцы «Синоп» и «Ростислав» и крейсер «Память Меркурия». На броненосцах развевались андреевский и красный флаг, а на крейсере «жевто-блакитный».

Матросы «Синоп'а» были на стороне Советов и рабочих, матросы «Ростислава» частью были на стороне Советов, а частью держались нейтрально, а матросы «Память Меркурия» на стороне Украинской Рады.

Работа по агитации и разложению гайдамаков давала положительные результаты.

Для подготовки вооруженного восстания, при штабе Красной Гвардии был организован новый широкий революционный штаб из представителей Комитета большевиков — Юдовского и Сергеева; Красной Гвардии — Чижикова и Вайсмана,—Советов, военных частей, поддерживавших Советы, торговых и военных моряков. В штаб также входил и тов. Кривошеин.

Вооруженное восстание.

Момент восстания приближался. Оно началось с того, что 14 января 1918 г., революционный штаб, заменил на почте, телефонной станции и у банков гайдамацкие караулы своими. При смене гайдамаки не оказали никакого сопротивления и почти добровольно оставили посты. Так, без боя, советские вооруженные силы заняли главные учреждения Одессы.

С этой смены караулов и началась гражданская война. Теперь представителям Советов в «Совете десяти» нечего было больше делать и они ушли в президиум Совета.

Так был ликвидирован «Совет десяти». Спохватившись, Украинская Рада выслала в город броневики.

Революционный штаб выделил для руководства военными действиями оперативный штаб в составе: Юдовского, Лазарева, Гурьева, Холопова, Ачканова Г. и Сергеева. Оперативный штаб, приступив к подсчету

вооруженных сил обоих сторон, выяснил, что у Украинской Рады имеются гайдамацкие курени, пехота, артиллерия, броневые машины, в их руках также арсенал, два юнкерских училища и крейсер «Память Меркурия».

Советы располагали красногвардейцами, вооруженными частью винтовками, частью берданками, общее число которых доходило до 2.000, торговыми моряками, «Синопом», отчасти «Ростиславом» и «Алмазом».

Яснее ясного было, что в военном отношении превосходство на стороне Украинской Рады, но сочувствие широких рабочих масс и революционный энтузиазм будет за нами.

Гайдамаки открыли военные действия, обстреляв из броневика на Николаевском бульваре красногвардейцев. На улицах также началась перестрелка.

Затем, гайдамацкий броневик, обстреляв матросов на Полицейской улице, стал обстреливать телефонную станцию.

Послав подкрепление, мы приказали комиссару станции выключить частные телефоны, оставив районные и боевые участки. Той порой матросы штурмом взяли броневик.

Затем без боя нашими силами был занят склад Румынского фронта и благодаря этому в распоряжение нашего оперативного штаба поступили огромные запасы оружия. Тотчас были мобилизованы грузовики для доставки в клуб Красной гвардии оружия и боевых припасов.

Началось массовое вооружение рабочих, которые тут-же организовывались в отдельные отряды и отправлялись на фронт. Требования оружия стали поступать из районных штабов, а также от железно-дорожников и моряков, и грузовики с трудом успевали удовлетворять требования этих организаций. Так весь день прошел в вооружении рабочих и матросских масс, и в небольших боях с гайдамаками. К концу дня от гайдамаков была очищена часть города, начиная от Николаевского бульвара до Полицейской улицы.

Необходимо указать и то, что из деревень в клуб Красной гвардии приходили много парней с просьбой дать им оружие и отправить их вместе с рабочими против гайдамаков. Их вооружали и отправляли.

При столкновении на бульваре и возле телефонной станции, где с гайдамаками сражались и матросы с «Ростислава», некоторые из них оказались ранеными и убитыми. Это обстоятельство подействовало и на «нейтральных» ростиславцев и они все целиком присоединились к нашим частям. С своей стороны железно-дорожники прилагали все усилия, чтобы спешно отремонтировать находящийся в железнодорожных мастерских бронепоезд.

Город в первый день вооруженного восстания разделился на две части: — порт, Пересыпь, Слободка, Молдаванка, Ближние и Дальние Мельницы и часть города от порта до Полицейской улицы были в руках рабочих и ма-

тросов; Александровский парк и вся часть города от Полицейской улицы до Средне-Фонтанской и Больше-Фонтанской дорог — были в руках гайдамаков и юнкеров.

На Пересыпи центром и штабом служил союз металлистов и все руководство находилось в руках тов. Старостина.

В Портовом районе центром был — союз моряков (на Девлановской улице в Карантине, под Александровским парком), руководимый председателем союза моряков тов. Чернявским.

В Железнодорожном районе — руководил Железнодорожный Комитет в составе: Кристалловского, Мизикевича, Забудкина, Захарьева и др.

Таким образом все районы, за исключением Александровского и Городского, находились в руках советов и восставших матросов и рабочих. К вечеру — юнкера, заняв Александровский парк, установили за парком батареи.

За первый день советскими вооруженными частями были отбиты у гайдамаков два броневых автомобиля.

После этих боевых эпизодов с гайдамацкими броневиками, уже гайдамацкие броневики не появлялись в той части города, которая была занята красной гвардией и матросами.

Ночью были небольшие перестрелки, которые давали знать, что фронт не спит и что обе стороны бдительно охраняют занятую ими линию фронта.

Второй день боя был более ожесточенным. Советские части постепенно оттесняли гайдамацкие и юнкерские, все дальше и дальше занимая улицы параллельные Дерибасовской. Бои развивались, главным образом, по Канатной, Пушкинской, Ришельевской, Екатерининской, Александровскому проспекту, Преображенской и отчасти Новорыбной со стороны Старо-Портофранковской.

В этот день уже на фронт подвозились боевые припасы на автомобилях и фронт планомерно пополнялся новыми отрядами из районов и клуба Красной гвардии.

Но вот, оперативный штаб получил сведения, что с Румынского фронта едет на заградителе «Ксения» рота пехотного полка в полном боевом порядке, вызванная в Одессу Советом Солдатских Депутатов и Румчеродом.

Для выяснения настроения этой роты оперативный штаб отправил своих представителей на заградитель «Ксения». Она оказалась большевистски настроенной. В этот-же день она была выгружена и поставлена на отдых в дом против клуба Красной Гвардии.

На второй день боя советские части оттеснили гайдамаков до Б.-Арнаутской улицы; моряки же к вечеру несколько оттеснили их от главной аллеи Александровского парка, и к этому моменту выяснилось, что победа склоняется на сторону Советов.

Оперативный штаб решил на рассвете третьего дня предпринять решительное наступление по всему фронту, а также пустить прибывшую с румынского фронта роту, чтобы предупредить возможный обстрел с тыла с крейсера «Память Меркурия», «Синоп» и «Ростислав», предложили команде этого крейсера спустить украинский флаг и раз навсегда заявить или свою нейтральность или солидарность с Советами. Также от «Памяти Меркурия» потребовали два вагона винтовок, которые находились на палубе крейсера.

При неисполнении этого требования «Синоп» и «Ростислав» заявили, что в любой момент могут открыть по крейсеру огонь.

После длительных уговоров и убеждений «Память Меркурия» выдал винтовки и патроны, спустил украинский флаг и заявил себя нейтральным. Это было большим успехом для обеспечения победы советов над гайдамаками и юнкерами.

Винтовками с «Память Меркурия» вооружились торговые моряки и в ту же ночь со второго на третий день боя, начали наступление на юнкеров, занимавших Александровский парк. Бой длился всю ночь и к утру парк от юнкеров был очищен.

Утром третьего дня красногвардейцы и рота, прибывшая с Румынского фронта, повели наступление по Екатерининской, Преображенской, Ришельевской, Пушкинской, Ремесленной и Канатной улицам.

Для прикрытия наступающих цепей, в начале Пушкинской и Ришельевской улиц были установлены трех-дюймовые, полевые пушки. Гайдамаки, приготовляясь к обороне, установили много пулеметов на вокзале Одесса-Главная, колокольне Ильинского монастыря, на крышах домов по Новорыбной улице, на углах всех пересекающих ее улиц. А также на Куликовом поле, кроме пулеметов, было выставлено несколько батарей, а юнкерами были выставлены батареи и пулеметы на Французском и Итальянском бульварах.

Завязался сильный бой, с обоих сторон непрерывно трещали пулеметы и винтовки и, несмотря на упорное сопротивление гайдамаков и юнкеров, их все-же постепенно теснили, выбивая из позиций, а к обеду местами оттеснили до Мало-Арнаутской и Новорыбной улиц. Одновременно гайдамаки пустили в ход артиллерию и стали бить по нашим цепям.

Тогда крейсеру «Алмаз», штабу морских сил было предложено открыть по гайдамацким и юнкерским баттареям огонь. Привести этот приказ в исполнение было не так-то легко. Стрелять приходилось по невидимой цели, да еще перекидным огнем через город.

И все-же около 4 часов дня грянул первый выстрел с кормовой башни броненосца «Ростислав», который сразу воодушевил матросов, солдат и красногвардейцев.

За первым выстрелом последовал второй, третий, четвертый. Снаряды тяжелых орудий ложились у гайдамацких батарей, производя соответствующее впечатление на гайдамаков. К этому приблизительно времени, железнодорожники ввели в бой бронепоезд, который подошел почти вплотную к самым куреням и стал стрелять по ним прямо в упор. Огонь морских орудий и бронепоезда ободрил советские части, которые перейдя в решительное наступление, выбили гайдамаков за город. Захватили штаб военного округа, где был главный штаб гайдамацких и юнкерских частей.

Затем выбили юнкеров с Итальянского бульвара и взяли с боя оба юнкерские училища. Часов в 7—8 вечера гайдамаки через железнодорожников попросили перемирия и принятия Революционным Штабом делегации от гайдамацких куреней. Согласившись принять делегацию, Оперативный штаб отдал распоряжение, оставаясь на позициях, приостановить артиллерийский огонь. Делегация прибыв в клуб Красной Гвардии, предложила прекратить бой, выставила условия мира, чтобы за ними сохранились те же самые права, которыми они обладали до вооруженного восстания.

Переговоры ни к чему не привели. Революционный штаб приказал возобновить бой. Опять заговорили морские орудия, но еще с большей силой, чем раньше. Бронепосзд также вновь был пущен в бой.

К одинадцати часам ночи гайдамаки заявили, что они прекращают бой, сдаются и просят прекратить обстрел куреней. Совсты оказались победителями. Интересно отметить поведение либералов из Союза городов во время борьбы советов с Украинской Радой.

Когда к концу второго дня победа стала склоняться на сторону советов, и одна за другой улицы города очищались от гайдамаков, то в это время в революционный штаб явилась делегация от Союза городов с повязками Красного Креста на рукавах и обратилась с просьбой прекратить бой, так как от этого страдают мирные жители. Тут же они предложили свое посредничество для переговоров с Украинской Радой. Революционный штаб отверг предложение представителей Союза городов, предложив им не вмешиваться в борьбу.

Вслед за прекращением боев, под руководством комиссии по борьбе с контр-революцией, имевшейся при Президиуме Советов, начались обыски и аресты видных офицеров и других активных участников борьбы с Советами.

Конечно, при обысках не обошлось и без недоразумений и использования момента уголовными элементами, которые, врываясь в квартиры буржуазии под видом кра-

сногвардейцев якобы для производства обыска, предавались необузданному грабежу.

Чтобы прекратить эти безобразия, Революционный штаб издал распоряжение, запрещающее производство обысков и арестов без его мандата; за нарушение этого распоряжения следовал расстрел. Восстание окончилось победоносно и жизнь требовала новой революционной власти.

Для ее организации было созвано, под руководством комитета большевиков, заседание Исполкомов Советов Раб., Солд. и Матросских Депутатов совместно с Революционным Штабом (большинство членов Революционного Штаба в то же время были и членами Исполкомов).

На этом заседании было образовано Одесское советское правительство под председательством тов. Юдовского в составе: комиссара труда — Петра Старостина, комиссара финансов — Рузера, здравоохранения — Жвива Макара, торговли — Орлова, юстиции — Хмельницкого Александра, почт и телеграфа — Ачканова Григория, просвещения — Зифельд; фамилии комиссара иностранных дел и друг. не помню.

В связи с формированием Одесского правительства пришлось произвести изменение в составе Президиума Совета Рабочих Депутатов, председателем которого был избран тов. Воронский.

Советы взяли власть в свои руки в самое тяжелое время для Одессы, как в экономическом отношении, так и в финансовом.

На Украине, в других крупных городах, также в это время велась борьба с Центральной Украинской Радой, которая чинила всяческие каверзы, нарушая железнодорожное сообщение с Петроградом и Москвой; тоже самое делала с телеграфом и почтой. Благодаря этому сильно осложнялось налаживание новой советской власти и в Одессе.

Похороны борцов за Советскую власть.

Вооруженное восстание в продолжении трех дней и ночей ожесточенных боев дало очень много раненых и убитых. Явилась потребность похоронить павших за советскую власть товарищей соответствующим образом.

Проводы были устроены с должной торжественностью; можно сказать, что Одесса еще не видела такой траурной манифестации за все время своего существования. Провожать убитых товарищей вышла вся рабочая масса, моряки и солдаты.

Братские могилы приготовили на Куликовом поле. Красная Гвардия в процессии шествовала в боевом порядке, моряки тоже были все вооружены. Чувствовалось, что хотя первые бои и кончились, но оружия выпускать из рук еще не следует. Гробы, их было сотни — несли на руках.

Процессия произвела на всех необыкновенное впечатление. По Пушкинской улице от Дерибасовской — до Куликова поля сплошь колыхались гробы, овеянные алыми и черными знаменами.

Когда же спускали тела убитых в братские могилы — раздался салют из винтовок и все красногвардейцы, направив винтовки кверху, открыв стрельбу, салютовали своим товарищам. Над могилой павших борцов зареяло три боевых аэроплана.

Опустили гробы в могилы, оркестры исполнили похоронный марш и стала медленно расходиться с Куликова поля головная часть траурной процессии, а на их место шли новые и новые колонны и так до самого вечера проходили мимо свежих могил борцов за власть Советов.

Последний долг первым жертвам Октябрьской революции в Одессе был отдан, а впереди предстояла новая борьба и новые жертвы за власть рабочих и крестьян.

Советская власть в Одессе.

Взявшие власть в свои руки Советы, вместе с ней возложили на себя и тяжелое бремя ответственности перед широкими рабочими массами.

Буржуазия, как везде, и в Одессе всячески саботировала советскую власть и старалась всеми способами осложнять и без того тяжелое положение.

Промышленность не была вначале национализирована, за исключением морского транспорта, о котором скажем ниже. Хозяева фабрик и заводов, буржуазия, искусственно задерживала выплату зарплаты под предлогом невозможности получить необходимых финансовых средств из банков.

Подкрепления денежных средств из Петрограда нельзя было получить потому, что Центральная Украинская Рада всеми способами препятствовала связи Одессы с Петроградом и Москвой. Все это препятствовало планомерной работе советских учреждений. Нервировали рабочих и служащих. Помимо этого бежавшие из Одессы офицеры, часть гайдамаков, юнкера и другие контр-революционные элементы в районе ст. Жмеринки стали организовывать контр-революционные части и готовить наступление на Одессу.

Меньшевики и правые с.-р. вели контр-революционную работу в самом городе, агитируя рабочих и служащих пред'явить ряд требований к советской власти экономического характера, требований выдачи зарплаты. Центральная Рада вела переговоры с немецкими и австрийскими империалистами.

С Румынского фронта шли сведения, что командующий фронтом генерал Щербачев направляет на Одессу войска.

Конечно, при такой обстановке думать о мирном строительстве не приходилось. Требовалось принять меры для обезвреживания буржуазии.

Одной из таких мер явилось — закрытие всех буржуазных газет и меньшевистского «Южного Рабочего», который на своих страницах вел самую отчаянную контр-революционную пропаганду.

А за сим, когда Старостин стал председателем Совнаркома, он приступил к борьбе со злостно-саботирующими владельцами фабрик и заводов, отправляя их в комиссию по борьбе с контр-революцией, которая заседала на крейсере «Алмаз». Там кой-кого из буржуа и злостных контр-революционеров списали «в расход».

Театральная «Одесса» на это реагировала куплетом песенкой «Яблочко» — «Ой яблочко, куда котишься, на «Алмаз» попадешь не воротишься». Такие случаи, впрочем, были очень редки. И все-же про «Алмаз» среди обывателей ходили разные небылицы. Несмотря, однако, на репрессии, финансовое положение города становилось все тяжелее.

Между прочим, меньшевики и правые с.-р. стали распускать слухи, что большевики не выдают денег потому, что собираясь бежать из Одессы, решили захватить с собой все деньги из Госбанка.

Эта провокационная агитация имела последствием то, что часть рабочих разных предприятий явилась вооруженными в Госбанк, требуя показать им где деньги и почему их не хотят выдать.

Тов. Старостин, пользовавшийся среди рабочих огромной популярностью, стал раз'яснять пришедшим финансовое положение города, но и авторитет Старостина на этот раз не помог. Рабочие настаивали на своем. Тогда Старостин предложил выделить делегацию, с которой обещал осмотреть все кладовые Госбанка. Делегация тут же была выделена, осмотрев совместно со Старостиным кладовые банка, убедилась в его правоте. Делегация сообщила об этом всем собравшимся рабочим, которые спокойно разошлись.

Так провокация меньшевиков и правых с.-р. сорвалась и не дала желательных для них результатов. Но все же увеличила нервное настроение некоторых рабочих групп.

Было также осложнение с морским транспортом. Так, только как кончились бои, то вместе с другими офицерами разбежался и штаб транспортной флотилии, возглавляемый адмиралом Хоменко. Тогда союз моряков поставил вопрос о взятии морского транспорта в свои руки.

После длительного совещания и в Комитете Моряков, и в Исполкоме, вопрос получил благоприятное разрешение, и таким образом, одна из главных отраслей народного хозяйства, по инициативе самих рабочих, была взята в руки рабочих и полностью находилась в ведении советской власти, хотя среди торговых моряков в то время были довольно сильные анархистские настроения.

На железной дороге — в Одесском узле — дело обстояло несколько проще, так как Юго-Западная дорога находилась в руках государства. На железной дороге еще до вооружённого восстания «революционный железно-дорожный комитет» являлся фактической властью, заменив собой начальника Одесского Отделения или, вернее сказать, командовал. Благодаря такому положению при упрочении Советской власти, Революционный Железнодорожный Комитет, установив нормальные отношения с Одесским Совнаркомом, остался во главе управления железной дорогой.

Борьба на Украине не прекращалась. Центральная Рада, изгнанная из Киева и других крупных городов Украины, не хотела сдаваться Советам и обратилась за помощью к немецким и австрийским империалистам.

Одесса первая приняла на себя удар союза гайдамаков с немцами и австрийцами. Получились сведения, что на нас со стороны польской границы идут гайдамаки (первое время о немецких и австрийских войсках сведений не было).

Мы стали готовиться к отпору. Командующим Одесским фронтом был назначен тов. Лазарев.

На помощь нам стали прибывать из других южных городов отряды рабочих-красногвардейцев, а из Севастополя матросы. Все эти отряды совместно с нашими частями были отправлены на фронт.

Первый бой наши части приняли недалеко от Жмеринки и тут-же наткнулись на немецкую дивизию, которая наступала вслед за гайдамаками.

Наш авангард, приняв бой, был почти целиком уничтожен немцами, 70% осталось на месте убитыми и ранеными, остальные стали отступать к Одессе, задерживая насколько было возможно немецко-австрийское войско.

Узнав о случившимся, Одесский Совнарком, придя к выводу, что сражаться с немецко-австрийском войском сейчас нам не по силам, решил эвакуировать Одессу; в то же время задерживать наступление врага, который вел наступление по железно-дорожной линии. Сдерживая наступление наши части иногда переходили в контр-наступление, но красногвардейцы могли хорошо сражаться в городе, а к полевой войне были недостаточно подготовлены и поэтому расчитывать на серьезное сопротивление и надолго задержать наступление немцев не приходилось.

Эвакуация Одессы.

Эвакуационная Комиссия, состоявшая из т. т. Воронского, Гр. Ачканова, С. Г. Лашевич и друг., руководствуясь директивами, данными ей Одесским Совнаркомом, разработав детально план эвакуации города, тотчас же приступила к своей работе. Сначала было вывезено военное снаряжение, оружие, обмундирование и т. п. Затем —

во вторую очередь, Эвакуационная комиссия приступила к отправке менее важного в военном отношении имущества.

Вместе с тем комиссия установила непосредственную связь и согласованность своих действий, как со Штабом Командующего фронтом тов. Лазарева, так и со штабом Одесского военного округа.

Эвакуация шла двояким образом: частью по железной дороге, но главным образом морским путем, ибо по железной дороге из-за недостатка вагонов можно было эвакуировать лишь весьма ограниченное количество грузов. В порту же, к этому моменту, скопилось большое количество пароходов, парусников, барж, а на море был шторм.

Мне лично пришлось в течение суток произвести осмотр всего флота и выяснить, какие суда могут итти своим ходом, какие нуждаются в буксире, какие могут буксировать, сколько запаса угля в транспортах, какие суда отправлять в первую очередь, какие поставить под груз и какие оставить для посадки армии, рабочих и всего советского аппарата, а главное заставить моряков работать день и ночь, чтобы успеть отправить все суда во-время, во-время нагрузить уголь, потому что среди части грузчиков не было достаточно революционного под'ема.

А тут, в комиссию поступали заявления от учреждений и воинских частей о предоставлении им отдельных пароходов и каждое учреждение требовало именно его груз отправить в первую очередь. Эвакуационная комиссия категорически отказала в предоставлении отдельных пароходов, а, затребовав сведения о наличии грузов, людей и скота, разбила это все подлежащее эвакуации по степени важности, — указав учреждениям, на какие пароходы те должны грузить грузы и людей. Наиболее крупные суда, приспособленные для дессантных операций были оставлены под боевые части, находящиеся на фронте и несущие охрану. Моряки работали с под'емом и сознанием революционного долга.

Комитет союза моряков оказывал все свое влияние на моряков, чтобы выполнить долг перед революцией. Дело кипело. Прежде всего освобождали порт от судов, нуждающихся в буксировке: их отправляли в Херсон, Николаев, к концу эвакуации отправили к Очакову с тем, чтобы после буксировать дальше. Погруженным пароходам давали на буксир пароходы, неспособные итти своим ходом и направляли их на Севастополь вдоль Тендровской косы.

Суда, приготовленные к посадке войск и советских работников, нужно было держать в готовности, но ограниченное количество угля принуждало не держать котлы под паром, а иметь суточную готовность. Штаб фронта не мог точно определить день эвакуации советских войск и этим ставил эвакуационную комиссию в очень затруднительное

положение: — ей самой приходилось определять последний день эвакуации и готовить суда к отходу.

А у моряков, почти у всех, в городе были семьи и за сутки до отхода их нужно было всех держать на судах, наконец, самое трудное заключалось в том, что требовалось боевые части распределить по отдельным судам, чтобы в критический момент не получилось замешательства.

Но вот раздались три орудийных выстрела, условленный сигнал к начатию посадки войск и рабочих на суда и суда стали по очереди выходить из порта. Эвакуация шла довольно успешно, порт освобождался все больше от судов и постепенно опустел.

Железнодорожники по линии Одесса — Колосовка — Николаев также отправляли один за другим поезда с военным грузом, а затем поезда с эвакуировавшимися железнодорожниками и воинскими частями.

Уже в самую последнюю минуту на улицах города появились контр-революционные отряды польских легионеров, еврейские сионистские дружины, которые стали нападать на отступающих и совместно с уголовными стали грабить оставленное советскими частями обмундирование и вообще все, что попадало под руку.

Для прикрытия эвакуации неподалеку от Одессы стояли два броненосца «Ростислав» на Одесском большом рейде и «Синоп» у Большого Фонтана.

— «Когда началась погрузка военных частей, державших фронт согласно установленному расписанию на транспорт, я — как комиссар почты и телеграфа около 9 часов вечера отправился в почтамт снять комиссаров и забрать в порт наших людей. В последние дни усиленной работы, я утерял связь со своим комиссариатом и поэтому не знал в каком положении он находится.

С внешней стороны ничто не предвещало, что почта уже занята польскими легионерами и ничего не подозревая я войдя во внутрь здания направился к лестнице, ведущей в помещение, как вдруг услышал: — «Что Вам угодно? — «Я комиссар почты и телеграфа — Ачканов» — «пожалуйте» — учтиво последовал ответ и тот кто меня спрашивал, одетый в шинель, пошел за мной.

Когда я вошел в комнату телеграфа, то увидел устремленные на меня вопросительные взгляды телеграфистов и тогда только сообразил, что здесь что-то не ладно.

Ко мне подскочил какой-то офицер; взяв под козырек, он доложил, что поставил охрану ввиду того, что комиссар телеграфа Павлов хотел взорвать распределительную доску. Теперь я понял, что сам пришел прямо в лапы контр-революции.

Затем к офицеру подбежал тот, который следовал за мной по лестнице и сказал — «он один». Этот-же офицер заявил мне тогда, что я арестован и потребовал сдачи оружия.

Уйти было невозможно, пришлось отдать наган. Через несколько минут меня под конвоем отправили в штаб контр-революции, который помещался в гимназии на Херсонской улице угол Конной.

Меня сопровождали два вооруженных винтовками человека. По дороге один из них все отставал и брался за затвор, точно намереваясь выстрелить мне в спину.

Я тоже отставал, равняясь плечо к плечу. Он ругался:— «Что отстаешь, иди вперед. Небось, раньше как бегал, а теперь отстаешь».

Другой конвоир уговаривал первого: — «Брось, приведем в штаб, там знают, что с ним делать». Привели меня в эту гимназию, там в классах стояли койки. На койках сидели с винтовками наготове солдаты и штатские.

Среди них я видел много знакомых с.-р. членов Советов Солдатских и крестьянских депутатов. Некоторые из них заискивающе обращаясь ко мне предлагали: «Тов. Ачканов, не желаете-ли чашку чая?» Чувствуя жажду и голод, я с удовольствием выпил чашку горячего чая. Через полчаса меня отправили опять под конвоем в Херсонский участок.

В участке дежурный комиссар милиции принял у меня мои документы, часы и оружие, и согласно приказа из штаба контр-революции, посадил меня в одиночку.

Я осмотрел запоры и решетки, все было крепко. Лег спать и моментально заснул. Проснулся я ночью — часа в два, когда загремели запоры и ко мне в камеру втолкнули двух человек. Один из них оказался членом Исполкома Совета Солдатских Депутатов (фамилию не помню), второй — мариупольский рабочий красногвардеец — оба ночью были захвачены контр-революцией, когда отступали с фронта. Через час к нам в камеру втолкнули еще шесть человек артиллеристов, которые, отступая с фронта на Херсонской улице немного отстали от своей батареи, так что к утру камера оказалась сплошь забитой арестованными членами советов, красногвардейцами и солдатами. Стали обсуждать о возможности побега. Из плана, однако, ничего не вышло. В три часа дня всех арестованных выпустили во двор на прогулку. Один из арестованных Бобков предложил одному из конвойных милиционеров 80 рублей, чтобы тот пропустил его через пожарную часть на волю. С Бобковым, когда он уходил, я условился, чтобы он о нашем аресте сообщил тов. Кондренко — комиссару военного флота Одесского рейда на броненосец «Ростислав», чтобы тот предпринял шаги для нашего освобождения.

Когда Бобков скрылся, я, осмотревшись увидел несколько женщин живших при участке — жен пожарных; вспомнил, что машинист пожарной части участка тов. Медведенко тоже живет здесь. Женщины посмотрели с сожалением на гуляющих по двору арестованных и ушли.

Тогда, когда арестованных стали загонять в камеры, я, улучив удобную минутку, незаметно для милиционеров шмыгнул в ту дверь, где были женщины. Постучав, я спросил: «Где тут живет Медведенко?». Мне указали. Войдя в его квартиру и увидев его жену, я спросил: — «Где Медведенко?» Она ответила, что он пошел посмотреть, как немцы вступают в город. Коротко сообщив кто я, как попал сюда, я попросил разрешить мне постоять у нее в комнате 1/4 часа, пока на дворе кончат розыски бежавших.

Она сперва растерялась, а затем согласилась. На тот случай, если бы милиционеры стали искать в квартирах служащих — я, взяв кружку с водой и став у дверей, сказал ей, что если милиционеры явятся сюда, то она должна сказать, что меня совершенно не знает, а разрешила мне только напиться воды.

Я стоял у дверей, а она смотрела в окно. Милиционеры моего отсутствия очевидно не заметили, но заметив отсутствие Бобкова, минут 5—10 пошарив по двору, успокоились. Тогда жена тов. Медведенко предложила мне обождать прихода ее мужа и я ждал. Часа через полтора он пришел и сообщил, что немцы уже вступают в город, что занят уже Михайловский участок, что приближаются к Петропавловскому и, очевидно, часа через 3—4 будут и у Херсонского участка.

Тов. Медведенко раздобыл бритву. Я сбрил бороду, постриг по-английски усы, одел шапку пожарного и вместе с Медведенко прошел через двор участка в пожарную, там находу надел широкополую шляпу и мы вышли на улицу. Расцеловались, и я пошел на завод Адмиралтейство Р. О. П. и Т. в надежде достать там шлюпку и на ней переехать на броненосец «Ростислав», стоящий на большом рейде. Было около семи часов вечера.

Тов. Бобков, как только ушел из Херсонского участка, направился прямо на Платоновский мол, где у пристани на-готове оставалась небольшая военная яхта «Колхида», с «Колхидой» по радио передали на «Ростислав» — тов. Кондренко, что арестован Ачканов и сидит в Херсонском участке и что с ним сидят некоторые моряки и красногвардейцы.

Тов. Кондренко пред'явил ультиматум Городской Думе: — освободить меня и всех арестованных моряков и красногвардейцев, в противном случае угрожал бомбардировкой города. Как мне передавали, Дума обещала освободить меня и других в шесть часов вечера. Я же ушел из Херсонского участка около 7-ми часов вечера, когда уже темнело.

Пробравшись на завод, я прошел на пароход «Тигр», который оставался на заводе с разобранной машиной, находясь в капитальном ремонте. На пароходе, в матросском кубрике шло заседание судового комитета. Коротко инфор-

мировав их о положении в городе, я просил доставить меня на «Ростислав».

Мне сообщили, что буксирный пароход «Смелый» у пристани завода грузит уголь и сейчас выведет на рейд пароход «Ай Петри». Отправившись туда, я — как председатель Эвакуационной комиссии, предложил капитану доставить меня на «Ростислав». Через некоторое время меня доставили на «Ростислав».

Таким образом эвакуация закончилась довольно удачно, если не считать тех богатств, которых нельзя было вывести, так как для их эвакуации потребовалось-бы не шесть дней, а несколько месяцев».

На броненосце „Ростислав“.

К моему прибытию в кают-кампании «Ростислава» заседало делегатское собрание, обсуждавшее вопрос — оставаться ли броненосцу в Одессе или итти в Севастополь. Для окончательного решения постановили — созвать общее собрание всего экипажа. Комиссар военного флота Од. рейда тов. Кондренко, сделав информационный доклад, сообщил, что по имеющимся у него сведениям, в настоящее время в Одессу вступают немецкие и австрийские войска.

Информация вызвала горячие прения. Большая часть матросов стояла за немедленный отход в Севастополь, «щирые украинцы» настаивали, чтобы остаться в Одессе; они говорили: «неправда, что немцы и австрийцы вступают в Одессу, в Одессу пришли наши браты украинцы — и нам незачем уходить из Одессы, а нужно поехать на берег и подробно узнать» и т. д.

В конце-концов собрание постановило послать делегацию на берег, в Городскую Думу, с информационной целью, избрав для этого 4-х делегатов, всех украинцев, тех именно, которые особенно настаивали на посылку делегации.

Утром, на паровой яхте «Колхиде» делегация отправилась на берег, условилась, что если она не вернется к трем часам дня, то это будет значить, что ее задержали и тогда «Ростислав» начнет бомбардировать город.

Спустя часа три по прибытии делегации, сигнальщики заметили, что со стороны Большого фонтана показались три немецкие аэроплана, которые летели вдоль берега по направлению к Ланжерону. Пред. судового ком. т. Федоров, когда ему об этом доложили, велел приготовить зенитные орудия для обстрела аэропланов.

Когда аэропланы повернули в сторону «Ростислава», зенитки открыли по ним огонь, снаряды рвались все ближе и ближе к аэропланам. Круто повернув по направлению к

Александровскому парку, аэропланы стали снижаться. Тогда обстрел их прекратился.

К условленному времени делегация вернулась на «Ростислав», а с нею на броненосец прибыли два делегата от Городской Думы. На юте моментально собралось общее собрание всего экипажа.

Матрос, — делегат-украинец стал докладывать: «Мы пристали к Платоновскому молу. Вышли на берег. Не успели мы пройти пятидесяти шагов и только поровнялись с пакгаузом, как из-за угла пакгауза выскочил взвод австрийцев и атаковал нас. Мы об'яснили австрийцам, что мы делегаты с броненосца «Ростислав», но они ничего не понимали, окружили нас и повели по направлению в бульварной лестнице. Бульварная лестница и Николаевский бульвар сплошь были забиты народом, все буржуазия, разодетая, как в праздник. Как только нас повели по бульварной лестнице, то со всех сторон посыпались по нашему адресу возгласы: — кровопийцы, негодяи, мерзавцы, разбойники... Растерзать их мерзавцев, — и стали бросаться к нам с кулаками, но австрийцы со штыками наперевес расчищали нам дорогу и никого не допускали».

По палубе пронеслись негодующие возгласы матросов: — «Мало этой сволочи постреляли, нужно было всех буржуев уничтожить» и т. д.

Докладчик продолжал: — «На бульваре буржуазия ругала нас еще хуже и тоже пытались отнять нас у австрийцев и растерзать. А у Думской площади мы увидели роту австрийских солдат и много офицеров. Возле них толпились фотографы и непрерывно снимали их. Разодетые дамы бросали им цветы и посылали воздушные поцелуи. Нас привели в Городскую Думу, там уже был временный австрийский комендант города. Мы об'яснили членам Городской Думы, что мы приехали в качестве делегации с броненосца «Ростислав», чтобы узнать, кто занимает Одессу и, если бы мы согласились остаться в Одессе, то какие для нас будут условия. Городской голова стал нам об'яснять, что в настоящее время в Одессу вступили немецкие и австрийские войска и что Городская Дума будет очень рада, если броненосец «Ростислав останется в Одессе. Но об условиях придется поговорить с военными властями.

— Австрийский офицер заявил, что броненосец может войти в порт и что по отношению матросов не будет никаких репрессий, но только броненосец «Ростислав» должен будет разоружиться, т. е. нужно снять замки с пушек и сдать их военному командованию.

— «Члены Городской Думы убеждали нас в необходимости остаться в Одессе броненосцу «Ростислав». Нам стало понятно, что нас хотят использовать в своих интересах. — Войдите в бухту и снимите замки — пушек, тогда они будут с нами говорить другим языком.

«Много они нам еще говорили всякой всячины и очень обижались, что мы увели все суда и увезли уголь и т. д. Я им сказал, что мы не вправе здесь решать никаких вопросов, а поедем на корабль и доложим, а там, как решат, так и будет и что нам пора отправляться на корабль».

— Австрийский офицер заявил, что нас нужно задержать до вечера, когда приедет австрийский полковник, его начальник, и тогда он сам допросит делегатов матросов и решит, как быть.

— Я им заявил, что, если мы не прибудем на корабль к трем часам, то, как условились, броненосец «Ростислав» начнет бомбардировку города, и от этого может пострадать много мирного населения Одессы.

— Городской голова настаивал, чтобы нас отпустить, а австрийский офицер задерживал. Тогда я предложил оставить меня одного до приезда этого полковника, а остальных матросов отправить на корабль во избежание того, чтобы не пострадало много народа от бомбардировки Одессы.

— Члены Думы и городской голова заявил, что, если офицер задержит матросов, то пусть берет на себя всю ответственность, если через час начнется бомбардировка Одессы броненосцем «Ростислав».

«После этого офицер согласился нас отпустить. Городская Дума с нами послала двух своих делегатов для переговоров с экипажем корабля. Это помогло тому, что австрийский офицер согласился нас отпустить. Так что, по мнению докладчика, боевым судам на Одесском рейде делать нечего, необходимо сняться и итти в Севастополь «Ростиславу», «Синопу» и угольному транспорту».

«Когда нас вывели из Городской Думы, то на нас опять посыпались ругань и всякие угрозы со стороны буржуазной публики. Австрийцы оттеснили публику, посадили нас в автомобиль и повезли в порт». На палубе послышалась отборная матросская ругань по адресу буржуазии.

В дополнение к докладу делегата матроса было предоставлено слово члену Одесской Городской Управы, с.-р. Цывареву, который от имени Городской Управы просил матросов «Ростислав» не уходить из Одессы и защитить мирное население от австрийцев и немцев. Его матросы не захотели слушать. Послышались голоса: «Довольно, надо итти в Севастополь, нам здесь делать нечего».

Собрание еще не было закрыто, но матросы стали расходиться с возгласами: — «В Севастополь».

Раздались свистки боцманов. Послышалась команда: — «Кочегары в ко-че-гар-ку. Трюмные в канатный ящик. Третья вахта — на вахту. Артиллеристы к орудиям...» Задымили трубы. Вирали якорь. Ветер свежал.

«Ростислав», покачиваясь, снялся с якоря и взял курс вдоль Фонтанских берегов, передав по сигналу угольному транспорту — «Следовать за мной».

По радио передал броненосцу «Синоп», чтобы готовился к отходу в Севастополь. Проходя мимо Одесских берегов «Ростислав» ощетинился — направив жерла пушек на берег, на случай, если с берега зацепят.

И так, мы вышли в море, оставив позади себя Одессу со всем пережитым от февральской революции до этого часа. «Синоп» следовал за «Ростиславом».

«Ростислав», плавно покачиваясь, все больше и больше кланялся волнам, которые с ревом разбивались о правую скулу броненосца. Спустилась ночь.

Перед рассветом штормом отбило задрайки якорных клюзов и стало заливать вторую палубу.

Командир изменил курс и пошел малым ходом за зыбью, чтобы дать возможность исправить повреждение, причиненное штормом. Через ½ часа повреждение было исправлено. «Ростислав» лег на прежний курс. Стало свежать.

Вдруг почувствовался сильный толчек, словно от взрыва мины или толчка о подводную скалу. Все повскакивали с мест.

Старший артиллерийскийй офицер и трюмный техник бросились по коридору второй палубы розыскивать причину толчка. Оказалось, что произошел взрыв в канатном ящике, где работали матросы по откачке воды, налитой вследствие происшедшей аварии.

От взрыва повыносило все броневые двери в носовой части броненосца, сорвало с палубы брашпиль и начался пожар в малярной, расположенной неподалеку от места взрыва. Проснувшись от взрыва все повыскакивали на палубу.

Судовой комитет и часть офицеров бросились искать места пожара, потому что густой и едкий дым в носовой части не давал возможности определить место пожара.

Вахтенные машинисты растягивали шланги и привинчивали их к пожарным винтелям. Пожарная помпа качала воду. Закипела работа по тушению пожара. В этот-же момент в другой — кормовой части броненосца — столпилось человек 150 матросов вокруг большого баркаса, схватившись каждый рукой за борт баркаса, как-бы готовясь его спустить на воду; а шторм ничуть не унимался и также свирепо волны окатывали броненосец.

Ясно было, что в такую погоду спустить на воду баркас совершенно невозможно. Его при спуске зальет или же опрокинет, как только он спустится на воду. Но братва была из тех, которая не рассуждает и продолжая толпиться у баркаса, производила панику.

Вдруг здесь-же появляется с блестящим никеллированным браунингом в руке председатель судового комитета т. Федоров. По-флотски кроет всех самым отборным «ма-

том» и кричит: — «Разойдитесь от баркаса или на месте расстреляю». Неожиданное, мужественное поведение тов. Федорова сразу отрезвило матросов и они смущенно стали отходить от баркаса.

Старший артиллерийский офицер с несколькими матросами, несмотря на едкий дым, быстро установили, что пожар в малярной. Через трюк отправили воду на огонь.

В это же время по очереди человек около пятидесяти матросов совместно с офицерами вытаскивали из малярной, не захваченные еще огнем краски, которые стали выбрасывать за борт. Командир изменил курс, повернув броненосец за ветром и уменьшил ход.

Пожар продолжали тушить, дым становился как-будто более белым и наконец показался пар вместе с дымом, пожар уменьшался. Машинная команда и кочегары в машине и кочегарке делали свое дело с полным сознанием своего долга, не оставляя своего поста в этот ответственный момент.

Характерно, что во время пожара на броненосце поддались панике случайные матросы, ехавшие пассажирами. Среди них было много молодых матросов, не прошедших морской школы. Кадровые матросы и офицеры во время пожара, не сходя с своего поста, исполняли свои обязанности.

В тушении пожара принимали участие все подвахтенные матросы броненосца.

Через ¾ часа или час после взрыва, пожар удалось потушить. Тогда матросы полезли в канатный ящик, откуда слышались стоны обгоревших и стали их вытаскивать совершенно черных, стонущих в агонии. 8 матросов оказались мертвыми и столько-же с тяжелыми ожогами.

По локализации пожара, командир взял курс на Евпаторию почти за зыбью. Не останавливаясь в Евпатории, часам к трем этого же дня вошли в Севастопольскую бухту и стали на бочку.

Немедленно была назначена комиссия из специалистов для выяснения причины взрыва; и комиссия установила, что взрыв произошел от адской машины.

Очевидно, адскую машину установили сбежавшие с броненосца в Одессе два офицера с расчетом, что взрыв произойдет в открытом море и от него погибнет броненосец вместе со всеми матросами.

В Феодосии.

Эвакуированные из Одессы транспорты направились частью в Севастополь, частью в Феодосию.

В Феодосийский порт транспорты с эвакуированными советскими работниками и воинскими частями прибывали не сразу, а по мере того, как они отходили из Одессы.

Одним из первых в Феодосию прибыл пароход Доброфлота «Владимир». На нем прибыл комитет Одесского Со-

юза моряков. В числе других на «Владимире» был и тов. Реев — анархист, член Одесского Комитета союза моряков, который и об'явил себя комиссаром Феодосийского порта и, пользуясь боевым настроением моряков, распространил свою власть на город, стал вмешиваться в дела местного совета, делая при этом много нетактичностей, чем осложнил отношения между эвакуированными и Феодосийскими советами. Реев вел себя как в завоеванной стране.

Пароходы все прибывали в Феодосию и на берег высаживались эвакуированные и советские работники и та часть воинских частей, которая сюда прибыла. В Феодосийском порту скопилось больше 25-ти больших пароходов. Сюда-же прибыл на пароходе «Афон» «Совет десяти» и Управление Черноморским морским транспортом, после чего Реев был устранен от должности комиссара Феодосийского порта и комиссаром был назначен — Ачканов Григорий.

Военные части разместились в свободных помещениях, а часть временно жила на пароходах, кое-кто разместился в товарных вагонах.

Между тем, немцы передвигаясь все ближе и ближе, за Одессой заняли Николаев. Под Херсоном их немного задержала, отступавшая от Одессы сухим путем красная гвардия и некоторые воинские части, которых поддерживала артиллерия заградителя «Ксения», но это не надолго задержало немцев, взяв Николаев, Херсон и Алешки, они стали наступать на Крым. Мы были вынуждены для защиты Крыма отправить наши воинские части на Перекоп.

Штаб эвакуированных войск и несколько эшелонов оставались еще в вагонах, готовясь к отправке на фронт, как в Феодосию прибыл комиссар Черноморского флота из Севастополя левый с.-р. Спиро для разоружения прибывших в Феодосию частей.

Произошло это от того, что до Севастополя дошли сведения о безчинствах Реева, а там оно преломилось под углом безчинства прибывших из Одессы воинских частей, из-за этих слухов Спиро со своей экспедицией и прибыл к нам.

В Феодосийском порту в это время стоял миноносец типа «Новик», «Колиакрия». Спиро приказал ему выйти на рейд, а сам без ведома комиссара порта пошел по транспортам снимать моряков для разоружения стоявших на путях у вокзала эшелонов.

Моряки без распоряжения комиссара порта и союза моряков отказались сойти с транспортов на берег и тогда Спиро обратился ко мне с просьбой дать торговых моряков для разоружения эшалонов.

Я посоветовал ему прежде всего договориться с командующим тов. Лазаревым и тогда отпадает надобность в разоружении советских же частей и мы избежим ненужного

кровопролития. Но у Спиро было много самолюбия, он считал себя комиссаром всех вооруженных сил Крыма и держался по отношению Штаба этих частей свысока.

Все же, путем переговоров, отпала надобность в разоружении и через несколько дней эти части в полном составе отправились на фронт.

Положение в Крыму становилось все более тревожным. Немцы, взяв Перекоп, стали наступать на ст. Джанкой, после чего стали развивать свое наступление по двум направлениям: — на Севастополь, Феодосию и Керчь. Положение в Феодосии становилось серьезным и мы стали готовиться к эвакуации.

Накануне эвакуации мной был произведен расчет с агентскими и портовыми служащими; им было выдано жалование за месяц вперед. Командам пароходов также во время была выплачена заработная плата и произведена расплата с грузчиками.

Благодаря этому все служащие агентств и порта, которым пришлось в Феодосии остаться, команды судов и грузчики работали, что называется, не покладая рук, так что все то, что только можно было вывезти, было погружено на транспорт, и немцам остался чистенький, под метелку, Феодосийский порт. Ни фунта угля и ни фунта груза.

В это же время в Керчи созывался Черноморский с'езд союза моряков, на который накануне эвакуации, вместе с остальной делегацией отбыл и я, поручив тов. Бойко, моему помощнику, согласно ранее данного распоряжения, отдать приказ об отходе судов, когда на них погрузятся воинские части, в согласованном порядке с миноносцем «Колиакрия» и военными властями. Войска на следующий день погрузились на стоящие в Феодосийском порту приготовленные для них транспорты под прикрытием миноносца «Колиакрия», как старшего на рейде и один за другим отправились в Новороссийск, куда благополучно на другой день и прибыли.

Войска, отступившие на Керчь, переправились на Таманский полуостров. А пароходы, находившиеся в Керчи также отошли на Новороссийск. Большинство эвакуированных из Одессы частей под командой тов. Федько отступили на Таманский полуостров совместно с некоторыми крымскими частями. Это происходило в конце Апреля.

Мы со всем с'ездом Черноморских моряков эвакуировались в Ростов.

Нам пришлось через пару дней передвигаться в Новороссийск, который впоследствие оказался последней базой и мышеловкой для всего Советского Черноморского флота.

Г. Ачканов.

Экономика Одещины и рабоче-крестьянское движение в 1914—17 г.г.

(Предпосылки Октября в Одессе).

Судьбы социалистической революции решались в Октябре 1917 г. в основном, на улицах Ленинграда и Москвы, где сосредоточена крупнейшая промышленность, главные отряды российского пролетариата и где, по выражению Ленина, большевики имели свой могучий «ударный кулак». Другим таким важнейшим стратегическим пунктом революции являлась армия. Эта победа, в «решающий момент, благодаря подавляющему перевесу сил»[1]), не исключила войны классов во всей стране, хотя и определила ее исход.

Повсюду, господствовавшие прежде классы, не собирались без боя сдавать свои командные высоты в области экономики и политики, причем их готовность к сопротивлению возрастала тем больше, чем дальше отдалена была та или иная местность от пролетарских столиц.

С другой стороны, повсеместно существовали те экономические и социальные причины, которые звали пролетариат и беднейшее крестьянство к ниспровержению капиталистическо-помещичьего строя. Война и голод, саботаж предпринимателей, земельный вопрос, политика Временного Правительства всюду подымали стихийное движение за власть советов. Исторический Октябрь повторился в организации восстаний, в битвах классов, во всех частях страны, где существовал пролетариат и его враги, находились помещичьи имения и была заметна дифференциация деревни.

На огромной территории страны процесс революции не мог быть одновременным. Удар, нанесенный в стратегических пунктах, был лишь первым, за которым последовали выступления пролетариата и беднейшего крестьянства по всей стране. В отдельных районах движение сосредотачивалось вокруг торгово-промышленных городов, очагов пролетарского влияния. В областях отдаленных от центра срок и исход выступления для захвата власти решался, на первых порах, соотношением классовых сил и степенью высвобождения пролетариата и беднейшего крестьянства от

---

1) Ленин. — «Выборы в Учредительное Собрание и диктатура пролетариата», том XVI, стр. 443.

влияния соглашательских партий, в данной местности. В этом смысле можно говорить о предпосылках местного Октября. В Одессе единовластие Советов установилось в результате январьских боев 1918 года.

Хотя административным центром губернии до революции был Херсон, экономическая и политическая гегемония принадлежала Одессе — крупнейшему торговому и промышленному городу Юга. Под «Одещиной» мы разумеем ту территорию, которая тяготела в экономическом и политическом отношении к Одессе. Сюда нужно причислить прежде всего б. Херсонскую губернию, затем часть Подолии и Днепровский уезд. Статистические, архивные и прочие данные, имеющиеся в нашем распоряжении, касаются только Херсонской губернии.

Задача нашего исследования показать особенности экономики Одессы, роль в ней крупной промышленности и пролетариата, обусловленную ею расстановку классовых сил в революции, отражение на экономике Одещины развала капиталистического хозяйства России в период империалистической войны, и, в частности, в течение 1917 года, процесс отхода масс от соглашательских партий и наростание суб'ективных предпосылок революции, корни и ход аграрной революции в губернии.

ГЛАВА I.

Довоенная и военная экономика города.

1. Довоенная крупная промышленность и степень ее концентрации. Промышленный пролетариат.

Бывшая Херсонская губ. носила ясно выраженный земледельческий характер, несмотря на наличие относительно развитой промышленности. Об этом говорит, например, соотношение городского и сельского населения. Хотя в губернии находились два таких крупных города, как Одесса и Николаев (в первом жила почти пятая часть всего населения губернии), во всех городах Херсонской губернии числилось 24,9%, в селах 75,1% населения[1]).

Преобладание сельского хозяйства над промышленностью можно установить также при сопоставлении стоимости продукции промышленности и сельского хозяйства. В 1914 году стоимость всей промышленной продукции губернии составляла 207 миллионов рублей[2]); сельско-хозяйственная же продукция, по приблизительным подсчетам, 300 миллионов рублей.

---

[1]) Статист.-эконом. обзор Херсонск. губ. за 1914 г.
[2]) Тоже.

Роль промышленности Одессы и Николаева. Главные центры промышленности — Одесса и Николаев. Если взять предприятия, подведомственные фабричной инспекции (т.-е. предприятия с механическими двигателями, за исключением подсобных для сельского хозяйства), то по городам и уездам бывшей Херсонской губ. в 1914 г. они распределялись следующим образом[1]):

ГОРОДА	Число предприят.	Тоже в %	Рабочих в них	Тоже в %
Одесса	382	57,2	26.591	52,8
Николаев	46	6,9	12.527	24,9
Елисаветград	68	10,2	5.020	9,9
Херсон	47	7,0	2.157	4,3
Всего по 4 городам	543	81,3	46.295	91,9
По уездам губернии без 4-х город.	125	18,7	4.060	8,1
Итого по губернии	668	100	50.355	100

В Одессе было сосредоточено, таким образом, больше половины всех крупных предприятий и промышленного пролетариата губернии. Данные Городской Управы определяют численный состав промышленного пролетариата и количество крупных предприятий несколько выше, чем приведенные. Именно, на 420 предприятиях Одессы, которые могут быть отнесены по своему оборудованию и размерам к фабрично-заводским, в 1914 г. числилось около 30 тысяч рабочих[2]); в Николаеве же 17 тысяч.

Ту-же преобладающую роль одесской промышленности для губернии можно установить при сравнении стоимости ее продукции со стоимостью продукции промышленности остальной части губернии. Стоимость продукции одесской промышленности составляла в 1914 г. 100 миллионов руб., вся же остальная крупная промышленность губернии давала 89 миллионов рублей (в том числе на долю промышленности Николаева приходилось 36 миллионов рублей).

Крупнейших предприятий, обязанных публичной отчетностью, в бывшей Херсонской губернии насчитывалось 47; из них 40 находилось в Одессе[3]).

Все приведенные данные в достаточной степени обрисовывают территориальную концентрацию крупной промышленности в двух городах губернии. Одесса и Николаев изводства в 36 миллионов рублей, общество заводов и вер-

[1]) Сетницкий. — «Промышленность Херсонск. губ. за 1911—1919 г. г. в таблицах. Журнал «Единое Хозяйство», Одесса, 1920 год.

[2]) Обзор Одесск. Градоначальства за 1914 г.

[3]) Статист.-эконом. обзор губернии за 1914 г.

ского движения на юге России. Напоминаем, что первая организация рабочего класса в России — «Южно-русский союз рабочих» — зародился именно в этих городах в 1875 г.

Основой промышленности губернии и Одессы являлась обработка продуктов сельского хозяйства и обслуживание потребностей экспорта. Недаром, преобладающей по стоимости продукции в Одессе являлась пищевкусовая промышленность, которая давала 70% всей промышленной продукции города.

В Херсонской губернии без Николаева и Одессы пищевкусовая промышленность давала 75,6% всей продукции, обработка же металлов и машиностроение только 13%.

Если взять, однако, только крупную промышленность, в частности, предприятия, подчиненные фабричной инспекции, то по числу рабочих, занятых в них, можно для Херсонской губ. в целом установить преобладание металлургии:

	Число заведений	В % к общему числу	Число рабочих	В % к общему числу
1. Обработка металлов . . .	157	23,5	23.700	47,1
2. „ пищевых и вкусов. веществ .	240	39,9	12.791	25,4

Таким образом, в металлообрабатывающей промышленности занято было почти вдвое больше рабочих, чем в пищевкусовой. В Одессе даже в крупной промышленности преобладает пищевкусовая.

	% заведений к общему числу крупн. предпр.	% рабочих к общему числу рабочих
1. Обработка питательных и вкусов. веществ	29,1	35,1
2. Обработка металлов и машиностроен.	24,6	24,4

Наоборот, в Николаеве мы встречаем резкое, почти подавляющее преобладание металлообрабатывающей. В этой отрасли промышленности там было занято в 1914 г. 94,6% всех рабочих крупной промышленности города.

Степень концентрации промышленности. Рассмотрим теперь степень концентрации промышленности губернии по размерам предприятий.

Стоимость продукции крупной промышленности (420 предприятий) Одессы мы определили в 100 миллионов рублей. Из них 40 предприятий, обязанных публичной отчетностью, давали продукции на 50.706 рублей [2]), т.-е. столько же, сколько остальные 380 крупных предприятий.

В Николаеве из 43 крупных предприятий с суммой производства в 36 миллионов рублей, общество заводов и вер-

[1]) Статист.-эконом. обзор губернии за 1914 г.
[2]) Тоже.

фей имело сумму производства в 20 миллионов рублей, Русское Судостроительное Об-во годовой оборот в 10 миллионов рублей и Отделение Невского Механич. Судостроительного завода — 982 тысячи рублей. Все остальные 40 крупных предприятий Николаева имели сумму производства в 5 миллионов рублей.

На одно предприятие приходилось рабочих в среднем по Херсонской губернии 75,4, в Одессе 69,6, в Елисаветграде 73,8, в Николаеве 272,3. По всей России среднее число рабочих на одно предприятие — 124. Таким образом, наибольшей степенью концентрации производства отличался Николаев. Средние же размеры предприятий по числу рабочих Одессы почти в 4 раза меньше предприятий николаевских и почти в два раза меньше средних размеров предприятий по всей стране.

В б. Херсонской губ. из предприятий, подведомственных фабричной инспекции, в 1914 г. заведений с числом рабочих свыше 500 было 14, с общим числом рабочих 24.132, в том числе на 6 крупнейших заводах с числом рабочих свыше тысячи было занято 18.441. В то же время на всех остальных крупных предприятиях губернии было занято 26.223 рабочих[1]). На 14 предприятиях было сосредоточено, таким образом, почти столько же рабочих, сколько на остальных 654, а на 6 предприятиях находилось свыше трети промышленного пролетариата губернии.

Из отраслей промышленности наибольшей концентрацией отличалась металлообрабатывающая. В среднем, по губернии на одно предприятие в этой отрасли приходилось 150,9 рабочих, по заводам же: Наваль, Руссуд, Эльворти, Ген, Ровенский — 2589,7. На втором месте текстильная промышленность — 130 рабочих на предприятии. На третьем месте пищевкусовая 59,3. В последней отрасли обращают на себя внимание размеры предприятий сахарной промышленности. Среднее число рабочих на одно заведение по сахарной промышленности — 1.073.

В Одесской промышленности на первом месте по концентрации стояла текстильная — 154 рабочих на одно предприятие, в том числе Джутовая фабрика — 1.866 рабочих; на втором — обработка минеральных веществ, на третьем — пищевкусовая, на четвертом — механическая обработка дерева и лишь на пятом — металлообрабатывающая — 69 рабочих на предприятие. Заведения последней отрасли промышленности в Николаеве по своим средним размерам, исходя из числа рабочих, ровно в 10 раз превосходили указанные размеры предприятий Одесской металлообрабатывающей промышленности.

---

[1]) Сетницкий. — «Промышленность Херсонск. губ. за 1911—1919 г.г. в таблицах».

Мы дали подробный анализ концентрации промышленности, потому что она в числе факторов, способствующих революции и организации пролетарской победы, занимает видное место. Одной из причин, об'ясняющих успех социалистической революции в России, является высокая концентрация русской промышленности при всей ее относительной неразвитости и технической отсталости. Русская промышленность отличалась большей концентрацией, чем даже промышленность германская или американская [1]).

Наш обзор промышленности губернии и Одессы перед войной позволяет сделать следующие выводы. Размеры этой промышленности и численность промышленного пролетариата б. Херсонской губ. не велики сравнительно с промышленностью и пролетариатом, например, центрально-промышленного района и Донбасса, также они не велики по отношению к другим отраслям хозяйства губернии и другим группам населения. Промышленный пролетариат составлял не более 6-7% всего населения губернии. Однако, сосредоточение этого пролетариата в двух городах и роль крупных заводов делают промышленный пролетариат решающей руководящей силой в революционном движении губернии.

Концентрация одесской промышленности значительно ниже концентрации николаевской промышленности. Предприятия последней отличались очень крупными размерами. Если помимо приведенных уже данных взять только тяжелую индустрию, то в Одессе по ней среднее число рабочих на предприятии 2.890, в Николаеве — 5.400.

В целом, однако, одесская крупная промышленность по сумме своей продукции втрое, а одесский промышленный пролетариат по численности вдвое превосходили николаевскую промышленность и николаевский пролетариат. Это, наряду с другими причинами, обеспечило первенство в руководстве революционным движением в Херсонской губернии за Одессой.

Металлообрабатывающая по размерам своей концентрации занимает первое место в губернии. И здесь степень концентрации чрезвычайно показательна. Металлисты лучший отряд пролетариата. Главным центром металлообрабатывающей промышленности являлся Николаев. В Одессе на первом месте пищевкусовая промышленность. Это говорит о лучшем качественном составе николаевского пролетариата.

2. Мелкая промышленность, торговля, порт. Социальный состав населения Одессы.

Крупным центром Одессу делала не столько ее промышленность, сколько ее торговля. Одесский порт был первым по экспорту в стране. 12 иностранных пароходных кампа-

[1]) См. Ленин — «Империализм, как новейший этап капитализма». Также Литвинов. — «Экономические предпосылки Октябр. революции».

ний и 120 крупных пароходов поддерживали сношения с заграницей. Грузооборот одесского порта, в среднем, за годы 1909-11 составлял около 200 мил. пудов, стоимостью в 458 миллионов рублей (из них привоз 170 миллионов рублей, вывоз — 288 миллионов рублей)[1]. Стоимость всего грузооборота Одессы (порта и жел. дороги вместе) составляла ¾ миллиарда рублей. Достаточно сравнить эти цифры с суммой промышленной продукции города (100 миллионов рублей), чтобы увидеть преобладающую роль торговли для Одессы. Тем с большей силой должна была отразится война на жизни города, ликвидировав его внешнюю торговлю. Портовый торговый характер города отразился на всей его экономике. Ряд промышленных предприятий специально обслуживали порт.

По данным земской статистики, промышленных мелких предприятий в городе было 2.430. В городе числилось торговых заведений 8326[2]. Помимо этого в Одессе было большое количество мелких предприятий и ремесленных заведений, обслуживавших значительное число иностранцев, приезжавших в город, матросов прибывавших пароходов; многочислены были мелкие хлебные торговцы, весовщики и т. д. Видное место занимали мелкие производства галантерейных и пр. предметов потреблении, в которых широко распространено было квартирничество. По самому своему типу, последние отрасли не поддавались строгому учету. Но и приведенные данные характеризуют преобладание торговли в экономике города и значительную роль мелкой буржуазии.

Промышленный пролетариат составлял лишь меньшую часть рабочих города. По приблизительным подсчетам социальный состав населения города в 1914 году следующий: из 655 тысяч населения Одессы в 1914 году — рабочий класс составлял (вместе с семьями) около половины. Из 100.000 рабочих промышленный пролетариат составлял всего 30.000 человек; остальные: железнодорожники, портовые рабочие, рабочие мелких промышленных предприятий, кустарных и ремесленных заведений, рабочие торговых заведений, складов и т. д. Таким образом, состав рабочего класса был не однороден, и промышленный пролетариат составлял в нем лишь меньшую группу. Для мелко-буржуазного влияния на пролетариат была достаточная почва, что отразилось в истории революционного движения в городе.

Видную роль в жизни Одессы, как крупного культурного, университетского центра, играла интеллигенция (в частности — студенчество). Численный состав интеллигенции (учителя, инженеры, врачи, студенчество, служащие) должен быть определен приблизительно в 20-25 тысяч человек.

[1]) Одесский порт. Довоенный и современный грузооборот. Одесское статбюро, 1927 г.

[2]) Стат.-экон. обзор Херсонск. губ. за 1914 г., стр. 92—93.

К мелкой буржуазии нужно причислить около 50 тысяч взрослого населения города; средняя буржуазия (владельцы средн. торговых предприятий, аптек, средн. промышлен. предприятий, средние домовладельцы) — 6-7 тысяч человек; крупная буржуазия (промышленная, торговая, денежная) — 1½—2 тысячи человек. Люмпен-пролетарские элементы были в городе очень значительны; их число определяется приблизительно в 20-25 тысяч человек. К 1917 году произошли следующие изменения в социальном составе населения города. Число промышленных рабочих возросло до 40 тысяч, общее количество рабочих до 115 тысяч. В то же время значительно усилились люмпен-пролетарские элементы города.

Таким образом, социальный состав города пестрый. Промышленный пролетариат находится в окружении не только сельской, но и городской мелкой буржуазии. Промышлен. пролетариат, составляющий 15% всего населения города, сыграл все же командующую роль в революционном движении губернии. Здесь именно, сказалась его организованность, вытекавшая из концентрации производства, и противопоставленная неорганизованность других слоев населения (за исключением буржуазии крупной и отчасти средней).

Но с другой стороны, Одесский пролетариат был в большей степени связан в своих выступлениях позицией непролетарских трудящихся масс, не только деревни, но и города.

3. Роль иностранного капитала в Одесской промышленности.

Памятная Одесским рабочим интервенция империалистов, «трогательное участие доблестных союзников» в деле установления «порядка» в значительной степени обусловлено интересами иностранного капитала, вложенного в промышленность нашей страны.

В Одесской промышленности роль иностранного капитала была значительна. Из 40 крупнейших предприятий, обязанных публичной отчетностью, 9 принадлежали иностранному капиталу, преимущественно французскому и бельгийскому. Предприятия эти следующие: 1) Джутовая фабрика — франц. анонимное общество с оборотом свыше 4 мил. руб., 2) Химикофармацевтическое Общ-во Лемме и К° с оборотом с 4,25 миллионов рублей, 3) Пробочный завод АРПС, 2,3 мил. руб., 4) Бельгийское анонимное общество трамвая, 5) Электрическое анонимное общество, 6) Француз. анонимн. общество пробочной промышленности, 7) Французско-русский завод, 8) Анонимное общество химических продуктов, 9) Общество виноделия. Общая сумма производства этих предприятий составляла приблизительно 16 миллионов руб.

Иностранный капитал имел также солидные позиции в Одесских банках (Лионский Кредит, отчасти Средне-Азиатский банк).

Одесская промышленность работала в значительной степени на иностранном сырье. Это было в последующие годы войны использовано англо-французским капиталом и, наряду с политикой займов и позициями иностранного капитала в промышленности, послужило в руках империалистов главным средством для подчинения своему контролю российской промышленности и политики царского правительства.

4. Положение рабочего класса до революции.

Рабочий день. Хотя царское законодательство и ограничивало рабочий день 9½ часами, продолжительность его фактически была значительно большая. Во-первых, закон о продолжительности рабочего дня распространялся не на всех рабочих, а лишь на ту их часть, которая обслуживала крупные предприятия. Во-вторых, над допущением сверхурочных работ контроль был недостаточен. Поэтому, на подавляющем количестве мелких предприятий и на некоторых крупных рабочий день достигал 11-12 часов. В среднем, на крупных предприятиях рабочий день длился 10 часов.

Фабричная инспекция. Контроль над условиями труда лежал на фабричных инспекторах. По всей Херсонской губернии их было 5 человек. При таком числе наблюдение над выполнением правил о труде могло быть лишь номинальным. Ведь, в настоящее время охраной труда занимаются несколько тысяч человек (комиссии по охране труда на предприятиях, экономотделы союзов, отдел труда). Но помимо этого в круг обязанностей фабричных инспекторов входили ряд вопросов, ничего общего не имевших с охраной труда. Они, пожалуй, в большей степени интересовались паровыми котлами, общей статистикой промышленного производства, чем условиями труда на предприятиях.

При таком положении вещей фабричная инспекция не пользовалась особенной популярностью у рабочих, несмотря на отсутствие каких-либо других органов охраны труда. Недаром старший фабричный инспектор Херсонской губернии писал в своем отчете: «в общем же необходимо признать, что посредническая деятельность фабричной инспекции по примирению сторон и устранению недоразумений между фабрикантами и рабочими, ныне, при развитии среди рабочих классового самосознания, теряет свое значение» [1]).

Детский труд. Труд малолетних, подростков, очень низко оплачиваемый, наиболее беззащитный, был поэтому особенно привлекательным для предпринимателей. Законодательные ограничения применения детского труда хотя и

[1]) Пояснительный текст к отчету старш. фабричн. инспектора Херсонск. губ. за 1915 г.

существовали (запрещался труд детей до 12-ти лет), но также касались только крупных предприятий.

Согласно отчетов фабричных инспекторов, в 1912 г. на фабричных предприятиях Херсонской губернии числилось 300 детей в возрасте от 12 до 14 лет, 3423 мальчика и 1268 девочек в возрасте от 14 до 16 лет. На мелких предприятиях детский труд получил значительно более широкое распространение, и применение его было совершенно бесконтрольно. Сплошь да рядом, на мелких предприятиях работали дети 8—10 лет.

Порядок увольнения рабочих. Областью, которая целиком зависила от произвола фабриканта и куда не имели совершенно доступа фабричные инспектора, были вопросы найма и увольнения рабочих. Предпринимателю не нужно было даже мотивировать увольнение. Рабочему просто об'являлось о том, что он должен получить расчет; жаловаться было некуда. Угроза увольнения всегда висела над рабочим, создавала для него гнетущую моральную обстановку и усиливала его зависимость от предпринимателей. В руках последних увольнение служило очень часто средством личной расправы, мести тем, которых они подозревали в создании смуты и брожения среди рабочих. Так, обычно увольнялись организаторы забастовок.

Заработная плата. Следующая таблица характеризует размеры зарплаты различных категорий рабочих в быв. Херсонской губернии в 1913 году [1]):

НАИМЕНОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВА	Число раб., о заработке которых имеются сведения	Средний годовой заработок рабочего	Месячный заработок рабочего в рублях
Машиностроительн.	15121	404	33,6
Обработка металл.	16991	394	32,8
Типографск.	279	334	27,8
Лесопильн. и мебельн.	1392	231	19,2
Обработка пищевых и вкусов. веществ	5927	222	18,5
Сахарное производство	3198	192	16,0
Джутово-прядильн.	3140	205	17,0
Химическое произв.	249	136	10,9

Таким образом, выше всего была зарплата металлистов, что об'ясняется наибольшей боеспособностью этой группы рабочих. Очень низка была зарплата джутовцев, сахарников; совершенно нищенской зарплата химиков. Необходимо помнить, что эта незначительная зарплата выплачивалась за большее число часов, чем в настоящее время, при условии отсутствия отпусков и всех других форм обслуживания рабочих, которые мы имеем теперь.

[1]) Свод отчетов фабричн. инспекторов — Издан. министерства торговли и промышлен. за 1913 г.

Приведенные данные о зарплате являются средними между оплатой квалифицированных и неквалифицированных рабочих мужчин и женщин. Зарплата женщин и подростков была значительно ниже тех ставок, которые указаны в таблице.

Штрафы. Серьезным вычетом из зарплаты служили штрафы, при помощи которых поддерживалась «фабричная дисциплина». За 1913 год с рабочих за различные нарушения было взыскано 8.644 руб. 30 коп. [1]). За 1914 г. штрафные репрессии значительно усилились — рабочие были оштрафованы на 16.845 руб. [2]). Таким образом, за 1914 г. взыскано было почти на 100% больше чем за 1913 г.

Впрочем, царский закон о штрафах «карал» и фабрикантов. Достаточно, однако, сравнить цифры о штрафах, взысканных с фабрикантов, с одной стороны, и с рабочих с другой, чтобы увидеть, как мало в действительности «страдали» от штрафов фабриканты, какое издевательство представляло собою мнимое «классовое равноправие» закона о штрафах. За 1913 год со всех владельцев промышленных предприятий губернии было взыскано штрафов на сумму 422 руб. [3]), а за 1914 г. 335 руб. [4]). Эти цифры говорят, насколько деликатны были фабричные инспектора в случаях нарушения законов о труде фабрикантами. Штрафы с последних были настолько ничтожны, что фабриканты свободно могли себе позволить не считаться с теми небольшими ограничениями в области эксплоатации труда, которые устанавливались законодательством. Любопытно перечислить те «невинные» проступки, за которые были оштрафованы фабриканты за 1913 г. В Херсонской губернии было зарегистрировано 1093 нарушения со стороны предпринимателей. Среди них обращают на себя внимание следующие: 1) увольнение с фабрик после несчастного случая, 2) невыплата и задержание зарплаты, 3) расплата вместо денег товарами, 4) задержание паспортов, 5) удлинение рабочего дня. За такого рода «проступки», за которые в наши дни сажают в ДОПР, фабриканты уплачивали, в среднем, 39 коп. за каждое запротоколированное нарушение.

Число несчастных случаев на предприятиях. Капитал, по выражению Маркса, «боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты», но жизнь тех, кто производит эту прибыль, интересует его в значительно меньшей степени. Техника безопасности почти неизвестна была фабрикантам. Обращает на себя внимание колоссальное количество несчастных случаев в Херсонской губернии. В 1913 году в одной

---

[1]) Свод отчетов фабричн. инспектор. за 1913 г., стр. 229.
[2]) Тоже за 1914 г., стр. 198.
[3]) Свод отчетов фабричн. инспектор. за 1913 г., стр. 245.
[4]) Тоже за 1914 г., стр. 216.

только промышленности, подведомственной фабричным инспекторам, зарегистрировано было 5.042 несчастных случая.

Организации по страхованию рабочих. При потере трудоспособности, связанной с несчастными случаями на производстве, рабочим выплачивалась известная компенсация. Однако, степень потери трудоспособности определялась врачами, находившимися на жаловании у фабрикантов, их показания были не беспристрастны. Размеры же компенсации устанавливались «Товариществом по страхованию рабочих», чисто капиталистической организацией, куда не входил ни один представитель от рабочих.

Таким образом, страхование рабочих было целиком в руках капиталистов. Их пристрастность, стремление снизить оценку увечий отмечает даже старший фабричный инспектор Херсонской губ. в своем отчете: «освидетельствование рабочих производится малоопытными врачами за плату от фабрикантов, а частью врачами страхового о-ва, при чем... фабричные инспектора может быть и незаметно для себя, следуя за руководителями, понижают оценку увечий»; или же в другом отчете: «односторонность в организации страхового товарищества нередко дает повод рабочим выражать сомнения в беспристрастности постановлений товарищества» [1]).

Единственная организация рабочих, существование которой было легально, — это больничные кассы. Они организовывались на предприятиях с числом рабочих не менее 100. Кассы выдавали своим участникам пособие во время болезни — от $1/4$ до $1/2$ дневного содержания холостым рабочим и от $1/2$ до $2/3$ — семейным. На предприятиях с числом рабочих менее 100, больничных касс не было и рабочие во время болезни не получали никакого пособия.

Жилищный вопрос. Одним из больных вопросов для рабочих был жилищный. Вся масса рабочих большею частью ютилась на окраинах города и в подвальных помещениях. Квартирная плата была очень высокой. Даже фабриканты отмечали необычайно тяжелые жилищные условия для рабочих. В отчете за 1914 г. Одесского Об-ва фабрикантов и заводчиков дается следующая характеристика тех жилищных условий, в которых находятся рабочие: «За последнее десятилетие стоимость квартир поднялась от 30 до 50%. Между тем, заработок рабочего увеличился в значительно меньшей степени. Не касаясь уже того, что при таких условиях рабочие вынуждены жить в сырых, темных и грязных подвалах, нередко питаться впроголодь, нельзя игнорировать того обстоятельства, что рабочие при таких условиях проникаются настойчивыми стремлениями к увеличению за-

[1]) Пояснительный текст к отчету старш. фабричн. инспектора Херсонск. губ. за 1910 г.

работка, тогда как русская промышленность при настоящих условиях лишена возможности вынести дальнейшее повышение заработной платы»[1]). Фабриканты льют крокодиловые слезы о голодном существовании рабочих, но пытаются в то же время представить дело таким образом, что они здесь совершенно не причем, и виновниками тяжелого положения рабочих является другой отряд буржуазии — домовладельцы. Впрочем, из этого же постановления фабрикантов проглядывают те действительные мотивы, которые побудили их заинтересоваться жилищными условиями существования рабочих. Это — «стремление рабочих к повышению своего заработка».

Приводим описание жилищных условий, в которых находилась беднота окраин города, установленные особой комиссией: «Зайдя в огромнейший дом Роникера по Госпитальной улице, комиссия поражена была видом квартир в подвальном этаже. Постройка оказалась до того сырой, что камень уже успел сгнить. Полы почти отсутствуют, воздух спертый, вентиляции никакой, в каждой конурке проживает по несколько семейств...». О ряде квартир в других домах комиссия сделала следующие отметки: — «ужасный подвал, темная берлога, течет со стен, склеп, а не квартира, конура, в которой и собака не стала бы жить» и т. д.

Политическое бесправие рабочих. К описанной картине правового, материального и бытового положения рабочих до революции нужно еще присоединить грубое обращение с ними фабрикантов и администрации, полное политическое бесправие, надзор за каждым шагом рабочих со стороны полиции, запрещение каких бы то ни было собраний.

Любопытно, какими драконовскими ограничениями обставлялась деятельность даже такой скромной организации, как больничная касса. Возьмем, например, устав больничной кассы при табачной фабрике Попова. Согласно этому уставу, на общем собрании уполномоченных больничной кассы председательствовать должен был владелец предприятия или лицо им назначенное (ст. 72). Представители владельца предприятия пользовались на общем собрании двумя третями голосов (ст. 74). О каждом собрании больничной кассы необходимо было извещать начальника полиции, который назначал полицейского чиновника для присутствия на собрании (ст. 70). Ст. 72 перечисляла случаи, когда председательствовавший должен был закрывать собрания. В числе прочих указаны: «а) когда в собрании высказываются суждения, возбуждающие одну часть населения против другой, б) когда в собрании производятся неразрешенные

[1]) Отчет о деятельности Одес. об-ва фабрикантов и заводчиков за 1914 г., стр. 73.

денежные сборы, в) когда нарушен порядок собрания мятежными возгласами либо заявлением, восхвалением, либо оправданием преступлений, или же распространением преступных воззваний, или же возбуждением к неподчинению властям». Полицейские, чувствуя накипевшую ненависть среди рабочих, опасались, что даже скромные собрания уполномоченных больничных касс могут превратиться в заседания революционеров.

В этой обстановке лишений и бесправия, имея перед собой всюду классовые организации своих врагов, при отсутствии возможности собраться для обсуждения своих нужд, рабочий класс нашей страны проходил суровую школу, сделавшую из него революционнейший в мире пролетариат.

5. Буржуазия Одессы и ее отношение к войне.

Одесская буржуазия — промышленная, торговая, финансовая, была в достаточной степени организована. Ее главные об'единения следующие: Общество фабрикантов и заводчиков, Биржевой комитет, Комитет торговли и мануфактур, Купеческая Управа. Органы одесской буржуазии — «Торгово-Промышленный Юг», «Одесские Новости», «Южная Мысль», «Одесский Листок».

Одесское общество фабрикантов и заводчиков противопоставляло свои интересы не только интересам рабочих, но зачастую и земству. Столкновения между одесской буржуазией и помещиками, заседавшими в земстве, видны, например, из следующего эпизода. В 1914 году оценочным сбором был обложен внутренний инвентарь фабрик и заводов. На заседании совета общества фабрикантов и заводчиков, произносились по этому поводу пламенные речи о том, что «издавна ведется вековая борьба между земледелием и промышленностью, между городом и деревней. Соотношение сил земства таково, что на справедливость наши промышленники рассчитывать не могут»[1]). Начавшаяся война и в особенности последовавшая революция ликвидировали все эти «домашние разногласия» между капиталистами и помещиками. Они выступают в дальнейшем уже единым фронтом.

Одесские экспортеры уже при первых раскатах мировой войны мечтают о будущих барышах при захвате проливов. «Торгово-Промышленный Юг» пишет в статье под многозначительным названием: «Дарданелы и Юг России» 1-го марта 1915 года: «нас интересует вопрос, какую компенсацию получат южно-русские порты с освобождением проливов от турецкого, германского кошмара». Одесская буржуазия вполн-

[1]) Отчет о деятельности Одес. об-ва фабрикантов и заводчиков за 1914 г. стр. 27.

не реально представляет себе цели войны, которую оборонцы называют войной «справедливой». В ее органе от 15-го марта 1915 года мы читаем: «если бы вся эта страшная жестокая война ничего не дала бы нам кроме проливов, то это было бы достаточным искуплением за все жертвы, которые мы принесли». Относительно «жертв», которые понесла одесская буржуазия во время войны, достаточно красноречиво говорят размеры ее военных дивидендов. Норма прибыли и в довоенное время в промышленности Одессы была очень высокой; даже оффициальные данные определяют ее для 1914 г. в 8,7% [1]). Эта норма прибыли превосходила среднюю норму прибыли во всей стране. Так, по всей текстильной промышленности норма прибыли составляла 7,6%, во всей металлургии 1,8, химической отрасли 7,5% [2]). Во время войны норма прибыли в таких отраслях как в металлургии и в химической промышленности Одессы, доходила до 100%.

Одесская буржуазия была, таким образом, в достаточной степени классово сознательной. Она рассматривала себя «глашатаем» [3]) своего класса на Ближнем Востоке. Захватнические планы Милюкова Дарданельского и кадетов партии народной измены вполне соответствовали аппетитам одесской буржуазии.

6. Промышленность в годы войны.

Кризис промышленности в начале войны. В первые же месяцы войны свертывает свою работу одесский порт. Уже с августа 1914 года, немедленно после возникновения военных действий, перестали функционировать иностранные пароходные общества. Начиная с октября, в Одессу не пришел ни один пароход [4]). Это привело, прежде всего, к недостаче сырья для промышленности, получавшей его ранее из-за границы, в частности, из Германии на десятки миллионов рублей.

Другим ударом для промышленности явился кризис в перевозочных средствах. Помимо прекращения морского сообщения, в первые же месяцы войны обнаружился недостаток в товарных вагонах. Еще накануне войны одесская промышленность ощущала недостаток в топливе, который с началом военных действий усилился. Резко сократился спрос на сельско-хозяйственные орудия. При таких условиях одесская промышленность в конце 14 и в начале 15 года значительно свертывается.

---

1) Статист.-эконом. обзор Херсонск. губ. за 1914 г.
2) Литвинов. — «Экономические предпосылки Октябр. револ., стр. 177.
3) Выражение «Торгово-промышленного Юга».
4) См. обзор Од. Градоначальн. за 1914 год.

Если принять за 100 число рабочих металлобрабатывающей промышленности Одессы в 1911 г., то в 1914 г. число рабочих выразится в 113, а в 1915 году только в 88,5 [1]), т. е. в сравнении с предыдущим годом сокращение на 25%.

Но война, с одной стороны, вызывая кризис, с другой открывала перед буржуазией широкие возможности к безграничному увеличению прибылей, именно производство «на оборону», что давало возможность соединить приятное с полезным: выполнение «патриотического» долга с получением высоких дивидендов. Одесская буржуазия усиленно стремится добиться военных заказов. Совет общества фабрикантов и заводчиков обратился к одесскому генерал-губернатору с следующим ходатайством, в котором, в частности, заключается характеристика кризиса одесской промышленности в начале войны. «Достигшая больших размеров промышленность г. Одессы, вследствие наступивших военных событий, вынуждена была в течение последних месяцев значительно сократить размеры своего производства, а во многих предприятиях совершенно прекратить всякую деятельность. От такого положения страдают фабриканты, вложившие в дело промышленности огромные капиталы... Озабоченный подобным положением промышленности и изыскивая меры к его облегчению, совет общества одесских фабрикантов и заводчиков обратил внимание на то обстоятельство, что значительная группа металлообрабатывающих заводов Одессы, намного сократившая размеры своего производства, вследствие недостачи заказов, вполне подготовлена для выполнения заказов военных в самых широких размерах» [2]).

В заключение совет общества фабрикантов и заводчиков просит генерал-губернатора оказать содействие в предоставлении одесским металлообрабатывающим заводам военных заказов. С аналогичным ходатайством совет направил делегата своего в главное интендантское управление. Любопытно, что как раз в период галицийской катастрофы это ведомство ответило, что снарядов у него достаточно, и в услугах одесских заводов оно не нуждается.

Милитаризация промышленности. В дальнейшем, однако, одесским фабрикантам удалось все-таки получить заветные военные заказы и промышленность пошла по линии производства средств разрушения. Земледельческие машиностроительные и чугуно-литейные заводы, снабжавшие своими продуктами не только Одессу, но и огромные районы, переходят исключительно на производство продуктов для обороны.

В конце 1915 г. в Одессе возникло свыше 50 новых предприятий в области металлообрабатывающей промышлен-

[1]) Сетницкий. — Промышлен. Херсонск. губ. за 1911—19 г. г. в таблицах.

[2]) Отчет совета од. общества фабрикантов и заводчиков за 14-й год, стр. 96.

ности. Рост этой отрасли промышленности в годы войны виден из следующей таблицы. В %%-ах к 1911 г. рост числа фабрик и рабочих крупной металлообрабатывающей промышленности в Херсонской губ. таков: [1])

Годы	Заводов	Рабочих
1915	133,9	185,0
1916	137,1	212,0
1917	189,7	336,7

В том числе заводы: Наваль, Ропит, Руссуд, Эльворги, Ген и Ровенского.

Годы	Заводов	Рабочих
1915	125,0	282,7
1916	150,0	425,4
1917	200,0	511,3

Таким образом, число рабочих в металлоообрабатывающей промышленности губернии по сравнению с 1911 г. выросло в 1917 г. в 3 с лишним раза; на 6-ти же крупнейших заводах — число рабочих увеличилось в 5 с лишним раз.

Одесская металлообрабатывающая промышленность показывает несколько меньший темп роста, но все-же очень значительный.

Годы	Заводов	Рабочих
1916	171,6	181,1
1917	246,3	242,2

В Одессе, как мы отмечали, до войны эта промышленность занимала второе место (после пищевкусовой промышленности). Во время войны она выдвинулась на первое место. В процентах ко всей промышленности Одессы в металлообрабатывающей было занято рабочих:

Годы	% рабочих металлообраб. к общ. числу рабочих
1914	24,4
1915	33,7
1916	38,6
1917	44,0

Особенно значительным был рост этой промышленности в Николаеве:

Годы	В %% к 1911 году	
	Заводов	Рабочих
1914	126,4	358,8
1915	107,1	467,3
1916	114,3	623,3
1917	136,7	683,0

[1]) Сетницкий. — «Промышленность Херсонской губ. в таблицах за 1911—19 г.».

Увеличение числа рабочих металлообрабатывающей промышленности Николаева в 1917 г. по сравнению с 1911 г. почти в 7 раз.

Рост суммы производства одесской промышленности характеризуется в следующей таблице:

Годы	Сумма производ.
1914	100.000.000
1915	200.000.000
1916	300 000.000 [1])

Но этот рост промышленности, в связи с работой по выполнению военных заказов, является в действительности показателем глубокого развала хозяйства. Работа на оборону означала «непрерывное перераспределение производительного труда в сторону непроизводительного» [2]). Ухудшение качественного состава рабочих приводило к значительному падению производительности труда. Приведенные данные о росте суммы производства в годы войны вовсе не означают такого-же увеличения количества товаров, т. к. эти годы ознаменовались резким повышением цен.

Наряду с увеличением производства шрапнелей и гранат, шло сокращение производства в деревообделочной промышленности (в Одессе число рабочих этой отрасли промышленности по сравнению с 1911 г. в 1914 г. составляло 111%, а в 1915 г. 42%), в производстве бумаги и друг. отраслях производства, не связанных непосредственно с войной.

Топливный кризис. В довоенное время в Одессу доставлялось ежегодно угля до 12 миллионов пудов. С потерей Домбровского района и сокращением добычи угля в Донбассе, топливный голод давал себя чувствовать уже к началу 1915 г. На сокращение подвоза топлива влияло также расстройство транспорта.

Весь уголь, получаемый на адрес Одессы, в первую очередь шел на нужды промышленности, работающей «на оборону»; предприятия немилитаризированные получали топливо во вторую очередь. На почве дележа топлива между отдельными промышленниками происходили крупные столкновения, в особенности в 1916 г. Уголь, доставлявшийся в Одессу, распределялся особой комиссией из состава военно-промышленного комитета. Об-во фабрикантов и заводчиков выделило ряд комиссий, которые специально занимались угольным вопросом и должны были разрешать происходившие между фабрикантами «угольные» скандалы. Несмотря на все старания этих комиссий, недостача угля с каждым днем становилась все более угрожающей.

---

[1]) Отчет одесского комитета торговли и мануфактур за 1915—16 г.г.
[2]) Бухарин. — «На подступах к Октябрю», стр. 61.

Топлива для нужд населения было также очень недостаточно и цены на него были высокие. Весной 1915 г. одесская городская управа сообщила градоначальнику, что: «по различным причинам, вызванным военным временем, сократился подвоз дров в Одессу и к маю м-цу 1915 г. все запасы на местах и в складах ограничивались количеством суточного потребления, т. е. 1500—2.000 пудов. Городская управа, в видах немедленного разрешения дровяного кризиса и вследствие тяжелого положения городской кассы, вынуждена была прибегнуть к заготовке дров при помощи контр-агентов»[1]).

Сырьевой кризис. Одесская металлургическая, текстильная, кожевенная промышленность жила в значительной степени на привозном сырье. Вследствие отсутствия его подвоза в годы войны, остро чувствовался недостаток в металлах, джуте и дубильном экстракте. Чтобы закупить в годы войны партию сырья за-границей, нужно было пройти очень длинный и трудный путь. Вначале необходимо было добиться иностранной валюты, потому что «доблестные союзники» отказывались принимать русские деньги. Но и после этого предстояли крупнейшие затруднения. Именно, необходимо было получить разрешение русско-английского комитета на ввоз товаров в Россию. Затем уже начиналась самая трудная задача — доставка товаров в Одессу через Архангельск или Владивосток.

Промышленность жила поэтому на старых запасах сырья, которые постепенно истощались. Уже 4 августа 1916 г. орган одесского купечества открыто заявляет о катастрофе: «сидим без товаров, выжидая наступления лучших времен. С металлопромышленниками повторилась история, пережитая и еще переживаемая лесопромышленниками. С начала войны до настоящего времени, за минимальным исключением, для нужд частного потребления в Одессе не получен ни один золотник металлов. То, что имеется на складах у одесских металлопромышленников,—это остатки роскоши былых времен—запасов, приобретенных еще до войны. Цены на наличные металлы неимоверно растут, и в настоящее время уже наступает момент, когда на одесском рынке исчезают отдельные виды металлов, как, напр., сортовое железо, олово, цинк, медь и т. д.»[2]).

В относительно лучшем положении находилась милитаризированная промышленность, но к концу 1916 г. и там сырьевой кризис давал себя резко чувствовать. Ремонт фабрик и заводов не производился вследствие отсутствия необходимых сортов железа и стали. На строившемся в Одессе в 1916 г. сахарном заводе, в виду отсутствия соответствующих

[1]) Материалы Истор. револ. отдела Одесского Крайархива. Фонд Одесского Жанд. Управл. г. Одессы за 1915 г. дело № 15, стр. 6, 27.
[2]) Бюллетень одесского купечества № 17, от 4 августа 1916 г.

сортов железа, было пущено в ход кровельное железо, что в техническом отношении было далеко небезопасно. Всякого рода суррогаты, вообще, получают широкое распространение еще в годы империалистической войны.

7. Продовольственный и товарный кризис. Дороговизна и зарплата в годы войны.

Мануфактурный кризис. В 1916 г. и к началу 1917 г. мануфактура массового потребления вовсе исчезает с рынка. «Одесский мануфактурный рынок»,—сообщает орган одесского купечества, «представляет печальную картину запустения. Товаров не хватает для удовлетворения даже скромных требований потребителя. Склады пустуют. Вместо обычного запаса в 100—120 тысяч кусков лежит убогая кучка 50—60 кусков мануфактуры»[1]).

Царское правительство попыталось «регулировать» рыночные цены. Циркуляром от 7 декабря 1915 г. министерства торговли были установлены твердые цены на мануфактурные изделия. Оптовым торговцам предоставлялось право продавать с накидкой в 12%, а розничным в 32%. В связи с этим опустел мануфактурный рынок. У торговцев, как писал вполне откровенно бюллетень одесского купечества, «появляется стремление придерживать товары, не выпуская их на рынок». «Регулирование» мануфактурного рынка осталось на бумаге.

Сахарный кризис. Особое место на одесском рынке в годы войны занимал сахар. Был такой период, когда ценность какого-либо товара измерялась соответственным количеством сахара. Сахар, таким образом, занял место валюты. Белый сахар почти вовсе исчез с рынка; его место постепенно занимал «малясс», желтый сахар, который выдавался в очень ограниченном количестве.

На сахарных заводах был установлен некоторый контроль, что вызывало сильное недовольство сахарозаводчиков. Последние часто не выпускали сахар на рынок, выжидая повышения цен. Сахарозаводчики все время требовали передачи им полной инициативы по распределению сахара. Они весьма прочувственно приветствовали графа Бобринского, в связи с назначением его на пост министра земледелия, так как надеялись при его содействии «правильно» разрешить сахарную проблему. Новый министр был непосредственно в этом заинтересован, так как сам являлся крупнейшим сахарозаводчиком. Орган одесского купечества писал по вопросу о сахарной проблеме: «в среде сахарников существует глубокое убеждение, что с вступлением на пост министра земледелия графа Бобринского отношение к ним безусловно изменится и именно в том смысле, что при решении вопроса о направлении сахарной политики будут при-

[1]) Бюллетень одесского купечества за 1916 г., № 48.

няты во внимание интересы сахарозаводчиков. Последним будет предоставлено широкое поле для частной инициативы, столь необходимой для установления благоразумной сахарной политики»[1]). Под «инициативой» в сахарной политике заводчики понимали получение возможности бесконтрольного, безграничного взвинчивания цен на сахар, на этот необходимейший предмет массового потребления.

Продовольственный кризис. Движение цен. Отсутствие на рынке в 1915, и в особенности в 1916 году, ряда необходимых крестьянству продуктов вызвало сокращение подвоза продовольствия в Одессу и повышение цен на продукты первой необходимости. Усиление дороговизны вызвано было также спекулятивными мероприятиями торговцев, задерживавших на своих складах продовольственные запасы в целях искусственного повышения цен. Движение цен на продукты первой необходимости можно проследить по следующей таблице:[2]).

Вольные базарные цены в Одессе с 1914 по 1916 г.

№№ по поряд.	Наименование продуктов	Единица меры	1914	1915	1916
1.	Мука пшеничная	п.	2,02	2,57	3,07
2.	Хлеб пшеничный	ф.	0,04	0,06	0,09
3.	Сахар рафинад	п.	5,48	6,70	8,42
4.	Яйца	дес.	0,23	0,27	0,55
5.	Масло сливочн.	п.	17,14	23,91	53,00
6.	Картофель	»	0,55	0,63	1,32
7.	Мясо	»	6,46	7,76	17,50
8.	Сало	»	8,66	10,80	23,08
9.	Соль	»	0,33	0,57	0,83

Если принять за 100 цены на продукты в 1910 г., то движение их в годы войны выразится в % % таким образом:

№№ по поряд.	Наименование продуктов	Единица меры	1914	1915	1916
1.	Мука пшеничная	п.	107,4	136,7	163,3
2.	Хлеб пшеничный	ф.	80,0	120,0	180,0
3.	Сахар рафинад	п.	100,7	123,2	154,8
4.	Яйца	дес.	95,8	112,5	229,1
5.	Масло сливочн.	п.	104,9	146,4	524,5
6.	Картофель	»	134,1	153,6	321,9
7.	Мясо	»	106,8	128,3	289,3
8.	Сало	»	98,3	122,6	261,9
9.	Соль	»	122,7	211,1	307,4

Итак, цены на важнейшие продукты питания за годы войны поднялись в 2—3 раза, а на такие продукты, как масло

---

[1]) Бюллетень одесского купечества от 6 августа 1914 г.

[2]) Лившиц. — «Эволюция цен» — Статист. Вестник № 1—3 за 1920 г., стр. 23, Одесса.

в 5 раз. Эти данные о росте цен за годы войны показывают насколько несостоятельны были заявления фабрикантов об имевшем, будто-бы, во время войны место повышении заработной платы.

Заработная плата. В годы войны происходил рост исключительно номинальной заработной платы; вследствие повышения цен одновременно реальное значение ее падало. Так, заработная плата на трамвае в 1916 г. составляла для чернорабочих 1 руб. 15 коп. в день, слесарей 1 руб. 50 к., электротехников 1 руб. 72 к. Правда, на трамвае существовала категория, так назыв., «зарекомендовавших» себя рабочих; последние получали—чернорабочий 1 руб. 50 к., слесарь до 2 руб. в день[1]). Увеличение заработной платы по сравнению с 1914 годом на 15%; в то же время цены увеличились в среднем на 170%. На сахарном заводе в 1915 году рабочие получали 75 коп. в день; полурабочие (женщины, подростки)—40—50 коп. По сравнению с 1914 г. никакого увеличения даже номинальной заработной платы не произошло. В 1916 году рабочие получают 86 коп., полурабочие—70 коп.[2]). Повышение всего на 14%, что опять-таки не находилось ни в каком соответствии с усилившейся дороговизной.

Таким образом, за годы войны можно констатировать значительное падение реальной заработной платы. Исключение отсюда представляли высококвалифицированные рабочие предприятий, работавших на «оборону».

8. Кризис аппарата власти.

Наряду с расстройством хозяйственного организма страны, происходил развал аппарата власти. Даже жандармское управление вынуждено это констатировать. В докладе начальника жандармского управления от 21 марта 1916 г. говорится: «через сообщения почти всех делегатов военно-промышленных комитетов красной нитью проходят указания об испытываемой комитетами нужде в пригодных рабочих, о недостаче топлива и металлов, и особенно о расстройстве перевозочного дела, и о колоссальных на этой почве злоупотреблениях на железн. дороге. Докладчиками приводилось множество ярких примеров, иллюстрирующих эти злоупотребления, и вместе с тем отмечалось бессилие властей в борьбе с этим злом»[3]).

Как-бы символом развала аппарата власти для Одессы была деятельность одесского городского головы в военные

---

[1]) Известия Одесской Городск. Думы № 5—8 за 1916 г., стр. 338.
[2]) Одесский Крайархив. Дела Одесского Т-ва Сахарного завода за 1915—16 г.г. №№ 16, 140
[3]) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива. Фонд Жандармск. управления за 1916 г.

годы—Пеликана, целая система «пеликановщины». При «благосклонном» участии последнего долг города достиг к моменту революции колоссальной цифры в 40 миллионов. Громадные злоупотребления творились вокруг топливной комиссии, находившейся при городском самоуправлении.

В то время, как городская дума отказывала в выдаче пайков солдаткам, она постановила внести в смету городского хозяйства с 1915 по 1920 г. пункт «о выдаче градоначальнику ежегодно квартирных денег 10 тысяч рублей, а его помощнику 2 тысячи рублей в год»[1]). Заботы городской думы о квартире для градоначальника «с 1917 г. по 1920 г.» оказались излишними. Попечение о квартире для Пеликана неожиданно для него и для городской думы приняла на себя Революция. Пеликан, задержанный после Февраля в качестве политического преступника, был быстро переведен в уголовного.

ГЛАВА II.

Дореволюционные земельные отношения в б. Херсонской губернии.

Распределение земли. Херсонская губерния, как и вся Новороссия, характеризовалась наличием огромных дворянских владений, образовавшихся в течение 18-го и первой половины 19-го столетий. При Екатерине II-ой щедрой рукой раздавались земли придворным фаворитам. Эти «подарки» равнялись порой по своим размерам целым западно-европейским княжествам. Таково, например, «пожалование» князю Вяземскому 100 тысяч десятин земли[2]).

Если взять земельную собственность по таким группам, как крестьянские надельные земли, земли частного владения, казенные, церкви и монастыри и т. д., то мы получим следующее распределение земельной площади Херсонской губернии в 1914 г.[3]):

	Число десятин	Тоже в % %
1. Частновладельческие земли	3.502.921	54,12
2. Надельные крестьянские земли	2.345.376	36,25
3. Казенные земли	256.116	3,95
4. Городская земля	267.869	4,29
5. Церкви и друг.	94.644	1,39
	6.469.927	100,0

Таким образом, крестьянские надельные земли составляли в Херсонской губ. только треть всей площади. Больше

[1]) «Известия Одесск. Городской Думы» за 1915 год.
[2]) Черненков. — «Очерк истории земельных отношений в Одесской губернии». Одесса, 1925.
[3]) Статист.-эконом. обзор Херсонск. губ за 1914 г.

половины всей площади приходилось на частное владение. К категории частного владения относились дворянские поместья в первую очередь, а также земли других сословий, в том числе крестьянства, купленные либо на началах личного владения, либо обществами.

Следующая таблица характеризует распределение частно-владельческих земель по сословиям на 1-ое января 1911 г.:

Сословие	Число десятин	Тоже в % %
Дворяне и чиновники	1.224.934	35,2
Купцы и почетные граждане	402.983	11,6
Крестьяне	740.638	21,3
Колонисты	583.820	17,0
Прочие	520.929	14,9
	3.473.304	100,0

Таким образом, свыше трети всех частновладельческих земель находилось в руках дворянства. Обращает на себя внимание значительное распространение колонистского землевладения, к которому относится шестая часть всех частновладельческих земель губернии. Особенно значительна была роль колонистского землевладения в Одесском уезде.

Частновладельческие земли в этом уезде на 1 января 1915 года делились следующим образом:

1.	Дворяне, чиновники и духовные лица	131.895 дес.
2.	Купцы и почетные граждане	22.000 „
3.	Мещане и крестьяне	124.692 „
4.	Немцы-колонисты	177.077 „
5.	Прочие	61.538 „
		517.402 „

Таким образом, колонистское землевладение в Одесском уезде занимало первое место среди различных категорий частновладельческих земель [1]).

Помещичье землевладение. Если взять землевладение дворян и купеческое вместе, то относившаяся к ним земельная площадь в 1.627.936 десятин принадлежала 2.616 владельцам, что давало в среднем по 620 дес. на одно владение.

Дворянская земельная собственность характеризовалась высокой степенью концентрации. По группам владений дво-

[1]) Черненков. — «Очерк истории земельных отношений в Одесской губернии», стр. 38.

рянское и купеческое землевладение делилось таким образом [1]):

Размер владений	Число владений	Количество земли	Тоже в %
До 100 дес.	924	30.765	1,9
От 100 до 500 дес.	878	214.873	13,2
„ 500 „ 1000 „	390	264.270	16,2
„ 1000 „ 2500 „	296	448.102	27,5
„ 2500 „ 5000 „	87	283.221	17,4
„ 5000 „ 10000 „	89	193.523	11,9
„ 10000 и более „	12	193.209	11,9
	2616	1.627.936	100,0

На владения от 1000 десятин и выше приходилось 67,8% всех земель этой категории. Больше половины всех помещичьих земель сдавалось в аренду. Таким образом, несмотря на крупные размеры дворянско-купеческих владений, последние не имели прогрессивного характера, связанного с преимуществами крупного хозяйства. При крупном характере дворянско-помещичьего землевладения мы имеем в то же время фактически мелкое производство.

Помещичье хозяйство даже по сравнению с мелким крестьянским не являлось носителем технического прогресса, а наоборот служило тормазом в развитии производительных сил. Улучшение способов земледелия не нужно было помещикам, ибо они и так извлекали высокие доходы, сдавая земли крестьянству в аренду и взимая высокую арендную плату. Арендная плата в 1913 г. по уездам равнялась [2]):

в Александрийском уезде	от	13	до	26	руб. за десятину
„ Елисаветградск. „	„	9	„	20	„ „ „
„ Ананьевском „	„	11	„	21	„ „ „
„ Тираспольском „	„	9,6	„	18	„ „ „
„ Одесском „	„	7,5	„	15	„ „ „
„ Херсонском „	„	7	„	22,5	„ „ „

Низшие ставки арендной платы имели место, обычно, при аренде надельной земли. Арендная плата за помещичьи земли приближалась к высшим из приведенных ставок арендной платы. Какую долю крестьянского дохода забирали себе помещики видно из сопоставления следующих цифр: средний урожай с десятины земли составлял 50 пудов; при цене 1 руб. за пуд валовой доход, таким образом, равнялся 50 рублям. Так как средние размеры арендной платы на помещичьих землях составляли от 18 до 20 руб., то земельная рента, таким образом, означала вычет третьей части валового дохода с десятины.

О том, что помещичье землевладение наполовину сохранило еще черты крепостнического характера, говорят не

[1]) Статист.-эконом. обзор Херсонск. губ. за 1916—17 г.
[2]) Статист.-эконом. обзор Херсонск. губ. за 1914 г.

только статистические данные о распространении аренды, но и другие факты и документы. Так, крестьяне деревни Макаровки, Цебриковской волости, Тираспольского уезда писали уже в 1917 г. в Одесский Совет Рабочих Депутатов: «при деревне Макаровке имеется у помещика Келлера около 4 тысяч десятин земли, из этих 4 тысяч десятин обрабатывается не больше 200 дес. земли, а остальная земля остается необработанной из года в год... Арендные условия от 12 до 20 руб. за десятину и деньги требует вперед. Там же при нашей деревне имеется еще 1030 десятин земли помещицы Павловской. Из этой земли в обработку идет не больше одной десятой части ее, а остальная земля отдается в аренду»[1]). Члены Малоештского, Гуленского и Ильинского сельских управлений Тираспольского уезда в своем постановлении указывали, что: «во владении княгини Абамелик площадь земли 2700 десятин, владелица никогда не засевала трудом собственной экономии ни одной десятины, но сдавала имение арендатору, который в свою очередь эксплоатировал местных крестьян, получая солидные барыши»[2]). Широкое распространение имела субаренда, при которой арендная плата поднималась порой до невероятно высоких размеров. Жители Буговского хутора, Вознесенской волости писали в своей жалобе в 1917 году: «граждане хутора Остапенко и прочие держат в аренде от протоиерея из года в год 120 десятин земли для выпаса скота и платят арендных по 10 руб. за десятину, а с нас взимают за десятину по 60 рублей»[3]).

Если взять даже те дворянские земли, которые прошли полностью путь капиталистической эволюции и вели крупные хозяйства, основанные на применении наемного труда, не сдавая земли в аренду, то и среди них хорошо поставленные в агротехническом отношении хозяйства составляли лишь редкие исключения. Сопоставим урожай на крестьянских и владельческих землях:

Годы	Урожай на крест. землях	Урожай на влад.[4]) землях
1910	51,5	63,6
1911	29,5	31,3
1912	27,5	46,3
1913	53,2	75,7
1914	27,9	41,6
1915	56,5	75,8
1916	52,1	64,2
В среднем . .	42,6	56,9

[1]) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива. Материалы Крестьянск. секции Сов. Раб. Деп. за 1917 г., дело № 118.
[2]) Тоже.
[3]) Тоже.
[4]) А. Бориневич. — «Сельско-хозяйственные признаки Херсонской губернии». Одесса, 1921.

Хотя урожай на владельческих землях превосходил урожай на крестьянских землях, в среднем, на 33%, он все-же очень невысок. Помещичье хозяйство было в чрезвычайно слабой степени машинизировано; его основной формой была простая кооперация. Причина этого лежит в низких размерах заработной платы. По земским статистическим данным, средняя годовая плата сельско-хозяйственным рабочим в 1914 году составляла [1]):

Рабочего	100 руб.
Полурабочего	66,2 „
Женщины-работницы	68 „
Подростка	41 „

При такой низкой заработной плате вводить машины для помещика не было никакого смысла.

Мы обрисовали, таким образом, два типа помещичьего хозяйства: 1) хозяйство, сдававшее землю мелкими участками в аренду, т.-е. сохранившее остатки крепостнической эпохи, «помещичьи латифундии», как их называл В. Ленин [2]); 2) хозяйство вполне капиталистического типа. К последней категории относилась меньшая часть помещичьих имений. Дворянское землевладение в целом было препятствием на пути развития производительных сил в земледелии; Октябрьская революция и декрет о земле 26 октября 1917 г., ликвидировавшие помещичье хозяйство и означавшие переход к трудовому землепользованию, — дали этим самым толчек к развитию производительных сил.

Крестьянское хозяйство. Крестьянские земли составлялись, как мы уже отмечали, из земель надельных, т.-е. тех, которые были получены крестьянами после реформы 1861 г., и земель купчих. Размеры наделов на душу населения колебались от 1,4 десятины до 5,5 дес. Все купчие земли были сосредоточены в руках сравнительно небольшого слоя крестьянства, именно у $^1/_5$ его части. Размеры крестьянских владений были очень неравномерны в различных частях губернии. Следующая таблица характеризует степень обеспеченности крестьянства землею по 6 уездам, вошедшим впоследствии в состав Одесской губернии [3]) (см. таблицу на стр. 74).

Средние размеры крестьянского землевладения по приведенным данным, относящимся к 1917 г., выражались в 9 десятинах на одно хозяйство или 1,54 дес. на одного едока.

Крестьянское надельное замлевладение носило на себе вплоть до революции отпечаток особенностей реформы 1861 г. Наделы выделялись тогда, обычно, в форме черезполосицы.

[1]) Статист.-эконом. обзор Херсонск. губ за 1914 г.

[2]) Ленин. — «Аграрная программа в первую русскую революцию».

[3]) Черненков. — «Очерк истории земельных отношений в Одесской губернии».

УЕЗДЫ	Общее число хозяйств, к которым относятся сведения	В них душ обоего пола	Общая площадь надельных и купчих земель	Колич. земли	
				На 1 земельное хозяйство	На одну душу обоего пола
Ананьевский (часть уезда)	9.191	46.580	45.888	8,5	1,52
Елисаветградск. (неполн. у.)	92.507	512.914	499.335	6,4	1,14
Тираспольский	41.713	217.608	277.348	8,5	1,61
Одесский	36.091	202.091	314.222	12,5	2,19
Херсонский (часть уезда)	52.239	313.101	392.930	9,3	1,5
Днепровский	41.606	269.200	459.234	12,3	1,86
Итого	272.348	1.561.474	1.988.957	9,0	1,54

Это давало помещикам дополнительный денежный доход, в виде системы штрафов за потравы. По 6 уездам (Ананьевскому, Тираспольскому, Елисаветградскому, Одесскому, Херсонскому, Днепровскому) из 272.582 хозяйств, к которым относятся сведения, надельная земля распределялась таким образом[1]):

Душевой общинной земли	Укреплен. в подворно наследств. черезполос.	Отрубной	Хуторской	с е г о
242.279	781.773	293.512	8.136	1.325.700
18,3%	59,0%	22,1%	0,6%	100%

Следовательно, преобладающей формой владения являлась подворная наследственная черезполосица. В последующие годы революции несравненно больше труда придется положить на землеустроительные работы по устранению черезполосицы, чем на ликвидацию нетрудового землевладения.

Так как купчие земли находились преимущественно в руках крестьянской буржуазии, то степень обеспеченности землей трудового крестьянства характеризуется, главным образом, размерами надельной земли на одно хозяйство. По данным переписи 1917 г., средний размер надельной земли на одно хозяйство по шести уездам (Ананьевскому, Елисаветградскому, Тираспольскому, Одесскому, Херсонскому, Днепровскому) составлял 6,7 дес. земли.

Сопоставим эти цифры: 250.000 хозяйств имеющих, в среднем, по 6,7 дес. и 2500 помещиков — по 630 дес.; 2500 помещиков владели почти такой-же земельной площадью, как 250.000 крестьянских хозяйств.

Площадь крестьянских посевов была значительно больше площади крестьянского землевладения. Она составлялась из следующих категорий земли: своя надельная земля, купленная земля, арендованная надельная и арендованная вне-

[1]) Черненков. — «Очерк земельных отношений в Одесск. губернии», стр. 33.

надельная земля. По подсчетам Черненкова — площадь крестьянских посевов в 1916 г. делилась таким образом:

В ПРОЦЕНТАХ:				
Своей надельной земли	Купленной земли	Арендован. надельной земли	Арендован. внеделен. земли	Итого
41,1	21,3	12,5	25,1	100%

Итак, около 40% всей крестьянской посевной площади приходилось на арендованную землю, в том числе четверть крестьянской посевной площади — на землю, арендованную у частных владельцев.

Помимо распространения аренды, тысячи нитей экономической зависимости ставили безземельное и малоземельное крестьянство в подчинение помещикам. В отчете делегатов Одесского Совета Рабочих Депутатов мы читаем: «крестьяне хутора Каролино-Бугаз живут на помещичьей земле; до переворота там было настоящее крепостное право. Все крестьяне строили на свои средства дома. Два-три года жили они в них бесплатно, а затем платили за дом помещику и все они работали у помещика на рыбных промыслах; те из них, которые были не выгодны, помещиком выселялись»[1]).

Дифференциация крестьянства. Если взять хозяйства с посевной площадью до 100 десятин, то по переписи 1916 г. они делились[2]):

Размеры посевной площади	Число хозяйств	В %% к общ. числу хозяйств	
1. Безпосевн. хоз—в	72.112	17	49%
2. От 1 до 4-х дес.	13.252	32	
3. „ 4,1 „ 13 „	140.770	34	
4. „ 13,1 „ 25 „	38.616	12	17%
5. „ 25,1 „ 100 „	21.329	5	
Итого	414.479	100%	

В Одесском уезде безпосевные крестьянские хозяйства составляли 20,6% всех крестьянских хозяйств; крестьянских хозяйств с посевом от 15 до 500 десятин — 19,9%. Напоминаем, что все купчие земли были сосредоточены у $^1/_5$ части всех хозяйств.

Приведенные данные о размерах посевной площади говорят о значительно большей дифференциации крестьянства, чем та, которая наблюдается в наши дни. Соотношение между тремя основными группами крестьянства в настоящее время определяется так: кулаков 4%, середняков 51%, бедняков 45%. Соответствующие цифры для дореволюционного времени приблизительно такие: кулаков 15—17%, середняков 30—35%, бедняков 48—55%, при чем $^1/_3$ из них совершенно без посевов.

[1]) Одесский Окрархив. Материалы крестьянск. секции Сов. Раб. Депут. за 1917 г., дела №№ 117, 119, 152.

[2]) Составлена по комбинационным таблицам переписи 1916 г. Херсонской губ.

Шел довольно быстро процесс обезземеливания крестьянства. О его размерах можно судить по числу сделок по продаже крестьянских надельных земель. В Херсон. губ. случаев перехода крестьянских земель было: в 1911 г. — 390, в 1912 г. — 414, в 1913 г. — 478 [1]).

Колонистское землевладение. Все колонистское частное владение в Херсонской губернии составляло в 1911 году 583.820 десятин. Надельное колонистское землевладение составляло 304.862 дес. Большая часть всех этих земель принадлежала немцам-колонистам. Колонистское землевладение отличалось очень крупными размерами. Средний размер частного владения колонистов равнялся в Ананьевском уезде — 83,9 дес., в Елисаветградском 392,4, в Тираспольском 119 дес., в Одесском 105 дес., в Херсонском 241,2 дес. [2]). Особенно значительна была площадь колонистского землевладения в Одесском уезде.

Приведенные цифры о размерах колонистского владения дадут о себе знать впоследствии, в гражданской войне. Они об'ясняют почему немецкие колонии становились опорой контр-революционных выступлений. Впрочем, и в немецких колониях далеко зашел процесс дифференциации. Так, в Фрейдорфской колонии, Понятовской волости, Тираспольского уезда 56 хозяйств по размерам земельной площади делились таким образом [3]):

Без земли	22	хозяйств
До 8-ми десят.	1	„
От 25 до 30 дес.	10	„
„ 30 „ 50 „	11	„
„ 50 „ 75 „	4	„
„ 75 „ 100 „	3	„
„ 100 „ 180 „	5	„

Влияние войны на экономику деревни. Нам остается проследить те изменения, которые внесла война в экономику деревни. За годы войны происходят следующие изменения в земельной собственности по Одесскому уезду [4]):

	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Дворяне и духовенство	+ 10.192 дес.	+ 3.281 дес.	+ 8.563 дес.
Крестьяне	+ 20.222 „	+ 832 „	— 2.984 „
Немцы-колонисты	— 1.639 „	— 5.269 „	— 9.562 „

Таким образом, во время войны происходит ликвидация немецкого землевладения, что находится в связи с со-

---

[1]) Стат. экон. обзор Херсонской губ. за 1911, 12 и 13 г.г.

[2]) Черненков. — «Очерк истории земельных отношений в Одесской губернии», стр. 33.

[3]) Одесский Крайархив. Дело Фрейдорфской колонии, Понятовской волости, Тираспольского уезда за 1913 г.

[4]) Статист.-эконом. обзор Одесск. уезда за 1916 г.

ответствующими законами царского правительства. Ликвидация земель подданных стран, с которыми воевала Россия, охватила в Херсонской губ. 17,7% всех частновладельческих земель [1]). Любопытно отметить, что земельная собственность дворян за годы войны увеличивается, в то время, как до войны имела место обратная тенденция.

Однако, посевная площадь частновладельцев в годы войны значительно сократилась, что можно видеть из следующей таблицы [2]):

Годы	В тысяч. десятин		В %% отношении	
	Крестьянск.	Владельч.	Крестьянск.	Владельч.
1909—13 г.	2.602	1.567	100,0	100,0
1914 г.	2.692	1.591	103,6	101,4
1915 „	2.607	1.482	100,3	94,7
1916 „	2.655	672	102,1	42,8
1914—16	2.651	1.248	101,9	79,7

Таким образом, помещичье хозяйство в годы войны еще в большей степени, чем в довоенные, применяет сдачу земли в аренду. Причина этого лежит в недостаче рабочих рук. Уже к весне 1915 года мужская рабочая сила сократилась на 20%. К весне 1916 года число призванных в армию достигло, по оценке тогдашнего министра земледелия Наумова, 25% всего мужского населения, а по подсчетам члена Государственной Думы Коновалова — 37%.

Война привела к кризису также крестьянского хозяйства. Процесс дифференциации села в годы войны происходит все быстрее и быстрее. Мелкое крестьянское хозяйство, лишенное средств производства и работников, взятых в армию, под тяжестью войны вынуждено было постепенно капитулировать.

Выводы. Такова общая картина земельного вопроса в Херсонской губернии в дореволюционный период. Основными чертами его являются: 1) наличие огромных помещичьих имений капиталистич. и полукрепостнического типа; 2) далеко зашедший процесс дифференциации деревни; 3) значительное распространение колонистского землевладения, в особенности в Одесском уезде; 4) неравномерность размеров крестьянских наделов в различных частях губернии — наиболее высокие наделы в правобережной части Херсонского уезда, наиболее мелкие— в Приднестровьи; 5) сравнительно с центральными губерниями более высокая обеспеченность крестьянства землей.

---

[1]) Альтерман. — «Хлебные рессурсы Украины». ГИУ, 1923 г.
[2]) Кондратьев. — «Рынок хлебов», стр. 40.

ГЛАВА III.

Рабочее движение в 1914—16 г.г.

Рабочее движение перед войной. Ликвидаторство не имело особенно глубоких корней среди одесских рабочих. Под'емная волна рабочего движения, начавшаяся по всей стране, нашла свое отражение среди рабочих Одессы и Николаева. За 1913 год, по данным фабричной инспекции бывшей Херсонской губернии, было 30 забастовок, с общим количеством участников 29.356. За 1914 год 54 стачки, с общим количеством бастовавших 21.571 [1]). Если принять во внимание, что стачки за 1914 г. приходятся только на первую половину, до об'явления войны, то перед нами будет картина усиливающегося забастовочного движения, внезапно, на время прерванного об'явлением войны.

Жандармское управление неоднократно доносило, что в Николаеве участились забастовки. В течение января мес. 1914 года происходит несколько стачек. 3 января бастуют на экономической почве рабочие невского судостроительного завода; они ставят вопрос об уменьшении рабочего дня. Спустя 4 дня бастуют рабочие сталелитейной мастерск. Об-ва николаевских заводов, а в день 9 января происходит политическая стачка по ряду заводов [2]). 9 января в Николаеве не работало отделение невского судостроительного завода в числе 500 человек, 1.554 чел. на заводе Об-ва николаевских заводов и верфей и около 600 чел. на заводе Русского акционерного об-ва. Эти стачки носили массовый характер, имели определенную политическую окраску, проходили под знаком ненависти к существующему строю.

Среди одесских пролетариев также проводится усиленная работа. Несмотря на реакцию, одесские пролетарии создают свои профессиональные организации. В первые месяцы 1914 года в Одессе работают 5-6 профсоюзов (пекарей, портных, столяров и друг.). Эти организации были легальными; власти их периодически закрывали, и им приходилось каждый раз переименовываться из профсоюза в проф. общество или подбирать другие названия. Недаром в архивах Одесского градоначальства встречаются многочисленные уставы одних и тех же рабочих организаций. Это показательно для характеристики той обстановки, в которой одесским пролетариям приходилось налаживать легальные формы работы.

Начавшаяся с 1912 года волна под'ема рабочего движения на Одещине не знает остановки. Уже 28 марта 1914 г. бастуют рабочие «Анонимного общества пробочной мануфак-

[1]) Свод отчетов фабричной инспекции за 1913 и 14 г. г., стр. 269 и 241.

[2]) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива Фонд Одесск. Район. Охр. Отд. за 1914 год, дело № 16, стр. 10.

туры» в количестве 500 чел., а вслед за ними спустя месяц среди одесских рабочих идет усиленная подготовка к празднованию 1 Мая. Попытка организовать, однако, всеобщую забастовку окончилась неудачно. Все-же 1 Мая 1914 г. бастовало свыше 2.000 рабочих, бастуют, главным образом, рабочие крупных предприятий, мелкие предприятия в своем подавляющем большинстве отстают. Во главе забастовочного движения идут металлисты и печатники, из печатников бастуют рабочие «Одесских Новостей», типографии бр. Кульберг и друг.[1]). Забастовки в Одессе и на Одещине происходят организованно, под неуклонным руководством большевиков. Вообще нужно сказать, что меньшевики, в особенности ликвидаторы, всегда терпели поражения среди одесских пролетариев. Правда, большевистская группа в Одессе была незначительна, однако авторитет ее был велик.

Еще до империалистической войны, в ноябре 1913 года, после Пражской конференции, в Одессу приезжает т. Шотман. Одесская охранка сообщает департаменту полиции, что: «по поручению партии (большевиков) кооптированный член русского бюро Ленинского Центрального Комитета, крестьянин Выборгской губ., Александр Васильевич Шотман, имел совещание с Вейсманом-Вегманом, коему он и поручил организовать в Одессе партийную группу»[2]). Жандармы были вполне информированы о тех разногласиях, которые были в партии накануне Пражской конференции, называя Центральный Комитет Ленинским. Будучи, повидимому, в курсе дел одесской группы большевиков, жандармы не давали последней широко развернуть свою деятельность. Как только группа налаживала связь с рабочими массами, охранка немедленно принимала меры к ее ликвидации. Под руководством Вегмана и по его инициативе рабочие завода Шполянского пытались восстановить союз металлистов. Для расширения своих связей с рабочей массой, Вегман входит в число членов общества потребителей «Бережливость». Нужно отметить, что Вегман, по сведениям охранного отделения, надеялся при своих связях с заводскими рабочими распространять не менее 1.000 экземпляров газеты «Трудовая правда», каковая тогда издавалась в Петербурге; эта цифра является показателем того, что большевики в Одессе имели сильную базу. Таким образом, накануне войны 1914 г. рабочее движение на Одещине росло, руководство им сосредотачивалось вокруг большевистской партии.

Отражение в Одессе ленинградских событий. События, развернувшиеся в Ленинграде накануне империалистической войны, нашли свой отклик в среде

---

[1]) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива. Фонд Одесск. Район. Охр. Отд. за 1914 г., дело № 15, стр. 66.

[2]) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива. Фонд Одесск. Район. Охр. Отд. за 1914 г., дело № 15, стр. 235.

одесских пролетариев. До событий в Ленинграде стачки в Одессе носят преимущественно экономический характер, после — главным образом, политический. Это, в частности, отмечает в своих донесениях департаменту полиции одесская охранка.

8 июня 1914 г. забастовали рабочие фабрики Кайзера, вслед за ними рабочие чайной фабрики Губкина и Кузнецова, 10 июня бастуют рабочие РОПИТ, Новороссийского завода, Беллино-Фендриха и завода Шполянского. В общей сложности бастуют 1.416 чел. Рабочие указанных фабрик, придя утром на предприятия, как сообщает одесская охранка, «без пред'явления каких-либо требований с утра забастовали», «настроение рабочих несколько повышенное»[1]). Эти факты свидетельствуют о том, что налицо были все элементы и предпосылки к новому мощному революционному под'ему рабочего класса.

Об'явление войны и последовавшая за ней мобилизация, изменения в составе рабочего класса, волна шовинистических настроений, разгром пролетарских организаций на время остановили нараставшее революционное движение с тем, чтобы это движение, усиленное опытом и страданиями рабочего класса во время войны, — уверенно шагнуло на встречу бурям 17-го года.

Изменения в составе рабочего класса. Большим ущербом для рабочего движения было то, что значительные кадры закаленных пролетариев ушли на фронт. Многие предприятия начали испытывать нужду в квалифицированных руках в первые же месяцы войны. Уже в 1915 году мужской труд стал заметно уступать место женскому труду и труду подростков. Даже на предприятиях по обработке металлов, требующих большого физического напряжения, нередко женщины составляли около 40-50% всего числа рабочих. Труд малолетних, как сообщает старший фабричный инспектор в 1915 г., возрос на 90% в сравнении с 1914 г., т.-е. почти удвоился; процент подростков увеличился на 42,8, число женщин на производствах в течение 1915 г. увеличилось на 47%, в то время, как число рабочих-мужчин в течение 1915 г. увеличилось на 12,7%[2]). В последнюю цифру входит также часть взрослых рабочих, которые никогда фабрики не видели, это так-называемые «оборонщики». Эта категория «рабочих» шла на завод с целью укрыться от военной службы. Большой наплыв беженцев в Одессу также способствовал изменению физиономии рабочего класса. Труд беженцев стал применяться в широких размерах, главным образом, в области неквалифициро-

[1]) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива. Фонд Одесск. Район. Охр. Отд. за 1914 г.

[2]) Пояснительный текст к отчетам фабричной инспекции, Херс. губ. за 1915 год.

ванного труда, ибо среди беженцев в громадном большинстве случаев преобладал крестьянский элемент. Недостаток рабочей силы вызвал доставку в Одессу в 1916 году 600 чел. сартов, которые были размещены по фабрикам, работающим на оборону. Вскоре, однако, этот элемент, как сообщает старший фабричный инспектор, оказался совершенно неприспособленным к работе на заводах ни по подготовке, ни по укладу жизни. Промышленники стали роптать и изыскивать способы от них избавиться, а сами сарты стали разбегаться. Иначе обстояло дело с военно-пленными, работой их в общем промышленники были довольны. По стратегическим соображениям их не допускали на заводы, работающие для боевого снабжения войск[1]).

Такова в общем картина изменений в составе рабочего класса на Одещине. Труд малолетних, подростков, женщин стал преобладающим в годы войны. Таким образом, можно констатировать значительное ухудшение качественного состава рабочего класса во время войны.

Рост несчастных случаев на предприятиях. Одним из показателей обновления состава рабочего класса за счет малоопытных элементов является рост числа несчастных случаев на предприятиях в годы войны. За 1915 г. по г. Одессе страховым товариществом зарегистрировано 2.362 несчастных случая с рабочими на производстве. В течение 1916 г. число несчастных случаев значительно увеличивается в связи с тем, что на производство идут элементы малоквалифицированные: дети, подростки и женщины, не знавшие до сих пор фабрики. В то же время увеличению несчастных случаев способствует полное отсутствие охраны труда. Все это в своей совокупности дает в 1916 г. значительное число несчастных случаев. Товариществом по страхованию рабочих в течение 1916 года зарегистрировано по Одессе 4.885 и по Николаеву 3.090 несчастных случаев с рабочими[2]).

Несмотря на значительное увеличение числа рабочих в 1916 году, по сравнению с 1915 годом, многие заводы работали не только двумя, но даже тремя сменами, а сверхурочные работы практиковались сплошь да рядом, так что при нормальном 9-ти часовом рабочем дне фактически, в среднем, рабочий день, как сообщает фабричный инспектор, доходил до 12 часов[3]).

---

[1]) Пояснительный текст к отчету фабричной инспекции Херсонск. губ. за 1916 год, стр. 5.

[2]) Отчеты о деятельности Одес. тов-ва для страхования рабочих от несчастных случаев за 1915, 16 г.г. В эти цифры входят лишь предприятия, зарегистрирован. страхов. т-вом. Несчастные же случаи на других предприятиях, не-входящих в состав страхов. т-ва, регистрировались фабричной инспекцией в общем порядке.

[3]) Пояснительный текст фабричной инспекции Херсонск. губ. за 1916 год, стр. 5.

Если в первые месяцы войны в рабочем движении Одещины так же, как и в промышленности ее, наблюдается затишье, то в последующие, вследствие роста цен на продукты первой необходимости, отсутствия топлива, незначительной заработной платы, приезда в Одессу на побывку солдат поднимается в рабочих массах, в особенности после галицийской катастрофы, волна возмущения и недовольства.

В то время как пеликановская Дума, озабоченная лишь судьбою жандармов, городовых и друг. полицейских чинов, щедрой рукой раздавала им денежное пособие, семьи призванных на войну не получали денежного пайка, голодали, испытывали нужду в топливе.

В январе месяце 1915 г. около 3.000 жен солдат собрались у здания городской Думы с требованием выдачи им денежного пайка, который Дума обязана была выдавать ежемесячно, между тем, Дума в течение нескольких месяцев забывала об их существовании. В ответ на требование демонстрирующих солдаток, городская Дума, испугавшись крамолы, поспешила вызвать наряд конных городовых, который, врезавшись в толпу женщин, разогнал их нагайками. Погоня за солдатками продолжалась от Думы до Преображенской улицы; городовые не стеснялись избивать беззащитных женщин [1]). Это массовое движение женщин в Одессе является ярким показателем роста антиправительственных и антивоенных настроений в массах.

Кризис продовольственный, сырьевой, денежный, топливный, развал промышленности, развал аппарата власти усиливались с каждым днем, поднимали глубокое возмущение в народных массах и приближали час революции.

Рабочее движение в 1915 г. С момента первых поражений на фронте, не только рабочие критически относятся к войне, но и обывательская масса с недоверием смотрит на действия царского правительства. В особенности после галицийской катастрофы вера в победу русского оружия пала. Уже 1 июля 1915 года жандармский полковник Заварзин сообщает одесскому генерал-губернатору: «по поступившим во вверенное мне управление агентурным сведениям, последние неудачи на театре военных действий начинают в рабочей среде г. Одессы подрывать веру в победу России или вызывать критическое отношение к действиям правительства» [2]). Жандармский полковник, должно быть щадя губернаторские нервы, деликатно характеризует настроение рабочих, как «критическое» по отношению к царскому правительству. В действительности же, нарастала и накоплялась враждебность и ненависть к бездарно-

[1]) Личные воспоминания проф. Б. В. Варнеке.

[2]) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива. Фонд жандармск. управл. г. Одессы за 1915 г., дело № 15, стр. 15.

му и продажному правительству, отправлявшему на убой сотни тысяч солдат. Дальше Заварзин продолжает: «в виду вздорожания предметов первой необходимости, во многих предприятиях рабочими высказываются пожелания обратиться к владельцам таковых и просить о прибавке заработной платы, а также оказать им содействие в приобретении угля и керосина»[1]).

Вслед за донесением генерал-губернатору от 1 июля 1915 г. следует другое излияние полковника Заварзина от 14 июля. В этом докладе жандарм сообщает, что рабочие массы решительно ставят вопрос об увеличении заработной платы. На заводе Беллино-Фендериха рабочие пред'явили администрации требование об увеличении заработной платы. Требование было удовлетворено и заработная плата повышена на 25 копеек в день. Вслед за заводом Беллино-Фендериха рабочие РОПИТ'а пред'явили администрации требования об увеличении им заработной платы на 30 к. в день. Требования рабочих администрация не удовлетворила, и 9 июля поденные рабочие об'явили забастовку[2]).

Растущая дороговизна, падение реальной заработной платы, продовольственный и топливный кризис, наряду с вестями о катастрофическом положении на фронте, создают решительные сдвиги в настроении самых отсталых рабочих масс в сторону революции. Еще в 1915 г. настроение у жандармов повышенное, а уже к началу 1916 г. оно падает. «Отношение к войне несколько изменилось, так как в части населения наблюдается скептическое отношение к ее результатам. Выражение неудовольствия на дороговизну распространяется на все круги населения»[3]), сообщает жандармское управление в департамент полиции.

Рабочее движение в 1916 г. Начало 1916 г. можно считать поворотным пунктом в развитии рабочего движения на Одещине. Если 1915 г. характеризуется, в общем, штилем — число забастовок сравнительно с предыдущим годом незначительно, они не продолжительны, носят исключительно экономический характер (старший фабричный инспектор Херсонской губ. в своем отчете за 1915 год говорит «о затихании того беспокойного настроения рабочих с момента возникновения войны, которое наблюдалось повсеместно в промышленных центрах империи в первой половины 1914 г.»), то в 1916 г. наблюдается обратное.

В январе—феврале 1916 г. происходит политическая забастовка на заводе Наваль в Николаеве. Бастуют поголовно все рабочие (13.969 чел.). Забастовка навальцев нашла отклик на ряде других предприятий губернии. Многие ра-

[1]) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива. Фонд жандармск. управл. г. Одессы за 1915 г., дело № 15, стр. 15.

[2]) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива. Фонд жандармск. управл. г. Одессы за 1915 г., дело № 15, стр. 61.

[3]) Там-же, за 1916 г., дело № 16, стр. 47.

бочие, уволенные с завода Наваль, переходили на работу в предприятия Одессы и способствовали революционизированию одесских рабочих.

Изучая настроение одесских рабочих, охранка сообщает: «рабочие, работавшие на николаевском судостроительном заводе и поступившие на работу на одесские заводы, ведут агитацию за забастовку, вследствие чего в первых числах марта 1916 года (как гласит донесение в департамент полиции), наблюдалось «брожение» в пользу забастовок»[1]). Забастовочное движение, охватившее в 1916 году ряд промышленных губерний, имело свой отклик в Одессе; настроение рабочей массы Одессы, в связи с происходящими событиями в стране, чрезвычайно напряженное.

Брожение наблюдается и на некоторых командах транспортной флотилии, находящейся в Одессе; низшие служащие предъявляют требования о выплате полагающихся им подъемных денег. На судах ведется также политическая агитация, главным образом, на пароходе «Евфрат»[2]). За 1916 г. охранка зарегистрировала 16 забастовок. Нужно иметь в виду, что это происходило в военное время, когда реакция больше, чем когда бы то ни было, свирепствовала, когда всякий намек на революционную работу вызывал самые суровые репрессии. Несмотря на чрезвычайно тяжелые условия и малочисленность большевистской группы в Одессе, печатаются прокламации, выбрасывается лозунг «долой войну».

В первых числах ноября или декабря 1916 года среди одесских рабочих распространяется листовка, отпечатанная на гектографе. В заголовке прокламации значится—«Российская Социал-Демократическая партия», под заголовком лозунг: «пролетарии всех стран, соединяйтесь воедино» (к общему лозунгу прибавлено слово «воедино»). Прокламация носит противовоенный характер и имеет, судя по всем признакам, большевистское происхождение. Приводим выдержки из этой прокламации:—«Третий год тянется кровопролитная война, третий год льются потоки крови и слез, третий год слышатся стоны и вопли изнемогающих от тяжкого бремени и войны народов. Во имя чего и за что? Чтобы завоевать капиталистам новые рынки для сбыта их товаров... И вот уже третий год тянется кошмар, льются кровь и слезы. Калечатся сотни тысяч людей и разоряется население целых областей. Страна уже истощена, наступил резкий продовольственный кризис и скоро мы будем буквально голодать... Товарищи рабочие, война кроме вреда нам ничего не приносит, она нам не нужна... Товарищи рабочие, довольно молчать и безвольно покоряться толчкам, дружно

[1]) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива. Фонд жандармск. управл. г. Одессы за 1916 г., дело № 16, стр. 47—99.
[2]) Там-же, за 1916 г., дело № 16, стр. 128.

крикнемте «Долой войну» и да здравствует мир, да здравствует вторая Российская революция»[1]).

Канун революции. Ярко охарактеризовал быт и настроение рабочих автор письма, обращенного к рабочим ропитовцам и относящегося к концу 1916 г. Навеяно оно непосредственно предреволюционной обстановкой и представляет собой настолько интересный документ, что мы приводим его почти полностью. «То, что творится на нашем заводе, вряд-ли где увидеть придется. Здесь царит полный произвол; с людьми обращаются грубо, рассчитывают по малейшему капризу власть имущих. Охваченная жаждой наживы кампания акционеров выжимает последние соки из рабочих, уже третий год напряженно работающих на «оборону». Товарищи, на ваших глазах происходят возмутительные факты и можно ли спокойно взирать на это... Вот недавно искалечило одного рабочего на бормашине в котельной и это произошло по вине преступной, небрежной администрации завода... Где-же фабричная инспекция..., впрочем, разве ей дороги жизнь и здоровье рабочих. Давно известно, что она ходит на задних лапках перед сытыми буржуями. В слесарном цеху заявили расчет чернорабочему Дошину, проработавшему 10 лет в обществе. В чем же заключалась вина этого рабочего. А в том, что он, переутомленный сверхурочными работами, задремал сидя на ящике, а в это время проходил по мастерской помощник заведующего И. Сухарев, этот жестокий кат, которого рабочие ненавидят, как своего злейшего врага. Товарищи, с вас требуют патриотизма, приглашают подписываться на военные займы, вас обязывают работать по 15—20 часов в сутки и вас-же бесконтрольно эксплоатируют. Вы должны молчать, вам нельзя открыто возмущаться, польза родины, мол, это требует. Ну, а этим заводчикам никто не препятствует наживаться на народном бедствии, спекулировать под шумок войны, так это тоже «польза родины требует». Жизнь вздорожала до чудовищных размеров, рабочий стонет, корчась в тисках спекуляции и дороговизны, а расценки у вас работы во многих случаях те же, что были и до войны. Вот и изощряйся, чтоб заработать необходимое. Когда-то завод РОПИТ славился своей солидарностью рабочих. Он был гордостью одесск. пролетариата». В конце автор, подписавшийся «С. Глухой», приглашает рабочих читать рабочую газету «Голос»[2]). Письмо датировано 14 октября 1916 г. (Подлинник письма сохранился в делах жандармского управления).

Помимо жандармского управления и охранки, которые в течение войны усиленно занимались «изучением» настроений рабочих, рабочими также заинтересовалась и военная

[1]) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива. Фонд жандармск. управл. за 1916 г., дело № 7, стр. 266.

[2]) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива. Фонд жандармск. управл. г. Одессы за 1916 г., дело № 7, стр. 263.

охранка. С момента военных действий при штабе Одесского военного округа действует контр-разведывательное отделение, которое, вместо поисков немецких шпионов, занимается выявлением революционных рабочих, а также, вообще, «изучением» рабочего вопроса.

Архива контр-разведки в целом не сохранилось; но отдельные документы его, относящиеся к последним дням самодержавия, находятся в одесском архиве. 27 января 1917 г. контр-разведывательное отделение сообщает, что в жел.-дор. мастерских вспыхнула забастовка из-за лишения рабочих добавочных денег, но на другой день, как сообщает контр-разведка, «она была прекращена, в виду увещевания директора, который обещал отложить вопрос до 1 февраля 1917 г., с чем рабочие согласились. Среди рабочих ходят слухи, что если с 1 февраля их лишат добавочных денег, то будет устроена новая забастовка»[1]). Это последний по времени документ о стачках в Одессе в дореволюционный период. Царские жандармы, которые до сих пор фигурировали перед нами в роли своеобразных «историков» революционного движения, в феврале сами оказались пленниками революции.

ГЛАВА IV.

Аграрное движение в период империалистической войны.

Соседство двухмиллионной крестьянской массы губернии, имевшей в среднем по 1½ десятины на душу, с владельцами огромных дворянских латифундий неудержимо должно было вызывать и вызывало крестьянское движение, направленное к ликвидации помещичьего землевладения. Однако, пути, по которым крестьянство может добиться земли, были для широких его масс еще не ясны. «Классы обмануть нельзя», писал В. И. Ленин, но это—в конечном счете. Задержать развитие классового самосознания, затемнить его—можно; и особенно в этом специализировалось царское правительство. Его главными орудиями в этом отношении была политика просвещения, с одной стороны, и пропаганда церкви с другой.

Вот данные о грамотности по сословиям Херсонск. губ. [2]):

	% ко всему населению	% грамотных	
		Мужчин	Женщин
Дворяне	1.85	76,8	75,9
Духовенство	0,21	81,5	71,3
Почетные граждане	28,26	47,4	26,4
Лица сельск. состояния	67,81	28,2	9,2

[1]) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива. Фонд жандармск. управл. г. Одессы, за 1916 г., дело № 7, стр. 263.

[2]) См. очерк народного образования Херсонск. губ. за 1914 г.

Таким образом, среди крестьянства насчитывалось: из мужчин 1 грамотный на 4-х, а среди женщин 1 грамотная на 10. Впрочем, даже среди «пастырей народных» около 20% было совершенно безграмотных.

Мобилизация вначале войны прошла хорошо. Процент явки был высоким. Но крестьянство, отдавая своих сынов на войну, стремилось как-нибудь реально представить себе ее цели. Вот, что доносит начальник жандармского управления в департамент полиции уже 19 декабря 1914 г., т.-е. в первые же месяцы войны: «По полученным сведениям, в некоторых местностях юга России наблюдается стремление крестьян к самовольному понижению арендной платы за снимаемую у помещиков землю, причем явление это происходит, будто-бы, под влиянием агитации евреев, которые внушают крестьянам, что после войны правительство будет отбирать землю у помещиков и наделять ею крестьян»[1]). Ссылка на «агитацию евреев» делается по принятому у жандармов «хорошему тону»; важно, однако, отметить самый факт крестьянского движения, направленного к снижению арендной платы.

Любопытно, что война, которая велась в интересах империалистической буржуазии, крестьянской психологией связывается с основным вопросом—получением помещичьей земли. Крестьянство ждет от царского правительства земли, как-бы в порядке благодарности за то, что крестьянская кровь льется в защиту царя.

Уже в первые месяцы войны крестьянское движение за снижение арендной платы принимает настолько значительные размеры, что оно обеспокоило самого херсонского губернатора. В делах жандармского управления имеется сообщение последнего, аналогичное только что приведенному донесению в департамент полиции.

В 1915 году туман монархическо-патриотических настроений, обволакивавший крестьянство в первые месяцы войны, начинает слабеть. Материалы жандармского управления за 1915 год пестрят указаниями о появлении среди крестьянства агитации, которая становится уже антиправительственной и пораженческой. Жандармское управление пишет 24 января 1915 г. о том, что в губернии «появились агитаторы среди крестьянства, которые порицают существующий строй и убеждают крестьян уклоняться от поступления в войска и от активного участия в боях с неприятелем»[2]).

В 1915 году постепенно меняется также отношение к войне. Хотя донесения жандармского управления, приличия ради, начинаются с заверений о том, что крестьянские массы хотят победоносного завершения войны, но они все-же

---

[1]) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива. Фонд Одесск. Район. Охр. отд. за 1914 г., дело № 16.

[2]) Там-же. Фонд Жанд. управл. за 1915 г., дело № 16.

констатируют рост антимилитаристских настроений. Характерно в этом отношении след. донесение тов. министра внутренних дел сенатору Белецкому начальника жандармского управления г. Одессы от 21 октября 1915 г. «вследствие телеграммы от 18 октября за № 476, доношу вашему превосходительству, что по имеющимся во вверенном мне управлении сведениям, отношение к войне крестьянских и рабочих масс таково, что ее необходимо вести до полной победы русского оружия». (Ну, конечно, надо же утешить начальство М. и К.), «но в ожидании такого конца наблюдается общая усталость и высказываются пожелания, чтобы победоносный исход наступил в скорейшем времени. В крестьянской среде идут постоянные толки о том, что по окончании войны значительно будет увеличена земельная собственность каждого крестьянина за счет помещичьих и немецких земель»[1]).

Чтобы ни писали в своих отчетах жандармы о патриотическом настроении масс, даже по этим отчетам можно судить об обратном и во всяком случае видно, что самочувствие самих жандармов становится все хуже и хуже. Уже 21 марта 1916 г. начальник жандармского управления доносил департаменту полиции: «отношение к войне несколько изменилось, так как в части населения наблюдается скептическое отношение к ее результатам».

Недовольство крестьянства выливается порой в формы сектантского движения, «с начала войны вверенное мне управление»,—пишет начальник жандармского управления г. Одессы: «обратило особенное внимание на недопустимость влияния антимилитаристских идей, развиваемых сектантами... 11 января 1916 г. в селе Троицком, Одесского уезда чинами полиции по указанию священника этого села задержаны трое крестьян, заявившие, что они последователи пророка Инокентия Балтского. Лжеучение их заключалось в том, что они проповедывали второе пришествие Христа, кроме того, настраивали крестьян против войны, внушая, что царя не надо, так как его заменит пророк Инокентий»[2]). «Одесские Новости» и целый ряд других газет за 16-й год отмечают, что многие крестьяне Балтского уезда продают свое имущество и отправляются к Инокентию.

То, что недовольство крестьянских масс принимало порой религиозные и сектантские формы, имело своей причиной, с одной стороны, отсталость, безграмотность масс, а с другой—отсутствие какой бы то ни было политической организации на селе. Большая часть существовавших организаций была разгромлена в начале войны. Вновь же возникшие имели некоторую почву только в городе. Если в

---

1) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива. Фонд жандармск. управл. за 1916 год.

2) Од. Крайархив. Ист. Рев. Отд. Фонд Жанд. Управл. за 1916 г.

крупных городах — Одессе, Николаеве, несмотря на все репрессии, не прекращалась деятельность большевистских групп, которые подымали классовое самосознание пролетариата и учили его находить действительных виновников войны и действительные средства к ее прекращению, то крестьянство, в общем, было предоставлено самому себе. Идеологическая подготовка его к революции совершалась стихийно под влиянием общей обстановки. «Всесильным режиссером, могучим ускорителем писал — В. Ленин, явилась всемирная империалистическая война»[1]).

Крестьянство уже в начале войны, как мы видели, странным образом сочетало свое об'яснение целей этой войны со своими исконными требованиями земли. В начале оно ждет этого от царя. Но чем больше длится война, тем больше начинает понимать крестьянство, что задачи войны и чаяния крестьянства ничего общего между собой не имеют. Растут анти-монархические настроения. Катастрофически увеличиваются дела «об оскорблении величеств». Дела судебн. палаты за 15 г., в особенности за 16-ый год, представляют собой сборник таких «комплиментов» по адресу Николая II, которые не оставляют никаких сомнений об отношении крестьянства к царизму.

Таким образом, характерными чертами крестьянского движения в годы империалистической войны являются глухое недовольство этой войной и все более усиливающаяся враждебность к царскому правительству. Недовольство это вначале носит пассивный характер, но постепенно оно все больше активируется, выражается в растущем количестве случаев уклонения от военной службы, в враждебных выпадах по отношению к монархии. Все это — и недовольство войной и враждебность к царскому правительству—на общем фоне жажды земли. Учащаются случаи самовольного снижения крестьянами арендной платы.

В главе о дореволюционных земельных отношениях Херсонск. губ.,—мы обрисовали экономические корни будущей аграрной революции. Но экономическое господство помещичьей клики поддерживалось и усиливалось самодержавной нагайкой. Когда говоришь о деревне в эпоху царизма, недостаточно отметить политическое бесправие крестьянства. Система полнейшего произвола, бессмысленного издевательства над личностью—таково содержание царской политики на селе в большей даже степени, чем в городе, где все было на виду.

Перед нами красноречивый документ—один из штрихов, рисующих жуткую картину прошлого. «Мы, граждане села Бакчасии, заявляем и подтверждаем своими подписями, что бывший пристав Вишняков при каждом посещении се-

1) Ленин. — Собрание сочинений, том XIV, ч. I, стр. 6.

ла, при назначении крестьян на работу, стоял на пороге сельского правления с палкой в руках, и когда вызывали крестьян по списку, крестьянин, фамилия которого называлась, обязан был пройти мимо пристава, который наносил ему палочные удары с таким зверским усердием, что палки ломались на спинах крестьян, и тогда озверевший пристав схватывал первый попавшийся предмет и продолжал избиение. Между прочим, перебил аршин, которым меряют мобилизованных лошадей, каковой перебитый аршин и представляем через гражданина, члена Чичмашинского комитета общественной безопасности. Присовокупляем, что многие из крестьян, прошедшие через палочный строй пристава, теряли свою трудоспособность на несколько недель. Пристав одинаково бил как молодых, так и стариков»[1]). Следует 15 фамилий, а за них, неграмотных, расписались двое таких-то.

Много таких аршинов было сломлено на крестьянских спинах. Веками накопившаяся народная ненависть вылилась в Февральский переворот, в аграрную революцию, в Октябрьское восстание. Зарева помещичьих усадьб будут освещать их путь.

ГЛАВА V.

Национальное движение в годы войны.

Среди немцев-колонистов. С момента об'явления войны, помимо ликвидации немецкого землевладения, начался поход против немецкого языка. Великодержавная политика царской России всей своей силой обрушилась на немцев-колонистов. Немецкий язык был об'явлен «враждебным», и запрещен к преподаванию в учебных заведениях. Под страхом уголовной ответственности, было запрещено вовсе разговаривать на языке «враждебной нам державы». И в «унисон патриотическому настроению», охранное отделение озаботилось созданием целой системы шпионажа по вылавливанию лиц, разговаривающих на «враждебном языке». Немцам-крестьянам было запрещено разговаривать на их родном языке несмотря на то, что многие из них не владели русским языком. И часто поневоле немец-крестьянин, обращаясь за справкой в какое-либо учреждение, незаметно для самого себя, заговаривал на родном языке, и за это он подвергался репрессиям. Практиковались не только аресты, но и ссылка «в места не столь отдаленные», только за то, что тот или иной колонист позволил себе разговаровать на немецком языке.

[1]) Одесский Краев. Истор. Рев. Архив. Материалы Одес. Совета Раб. Деп. за 17 год, дела №№ 115, 117, 119 и 152.

Украинское движение. Обратимся к движению украинцев в годы войны. Несмотря на реакцию, суровые преследования царского правительства, мы встречаем украинскую печать, ряд кружков, вокруг которых группируется украинская молодежь, главным образом, студенчество.

Уполномоченный одесского комитета по делам печати, Ф. Кулик-Грудомиров, в отчетном докладе жандармскому управлению сообщает: «В минувшем 1915 году начал издаваться в Одессе в сентябре мес. журнал на малороссийском языке «Основа», под редакцией И. Гаврилюка. Уже с первого номера журнал проявил отчасти свои политические намерения, как в подборе статей, так равно и в освещении их литературного материала... В статье Матушевского, под заглавием «Т. Шевченко» (Основа № 1, стран. 64 — 68), автор начинает проливать политические слезы над положением Украины, якобы, живьем похороненной (стр. 73) и над печальной участью которой «горюет вся природа» (стр. 82)... В общем направлении журнала «Основа» с его тенденцией пропаганды за право самостийности (т. е. самостоятельности) Украины (стр. 44), как независимого правового организма... Резкие и отрицательные суждения о России и о мероприятиях русской власти» [1]).

Конечно, журнал «Основа» был закрыт. В течение дальнейшего периода вплоть до революции, украинская печать в Одессе окончательно замерла. Разгром украинской печати, высылка из пределов одес. градоначальства активных украинцев-революционеров — не останавливает национальное движение украинцев в Одессе. В 1916 г. украинское движение достигает довольно крупных размеров; о нем беспокойно пишут жандармы. В докладе главному начальнику одесск. военного округа от 8-го апреля 1916 г. жандармское управление сообщает: «В последнее время в городе Одессе наблюдается усиленное течение в сторону об'единения местных малороссов в общественные организации с обособленными национальными украинскими задачами. Организаторская инициатива в этом деле происходит от группы местной украинской молодежи, преимущественно студентов, среди которых главную роль играет студент историко-филологического факультета новороссийского университета Владимир Филимонов...» [2]).

Ряд деятелей украинского движения в Одессе были арестованы, и национальное движение украинцев в Одессе до революции больше не подавало признаков жизни.

---

[1]) Историко-рев. Отд. Одес. Крайархива. Фонд Жандармск. Упр. г. Одессы за 1916 год, дело № 13, стр. 55.

[2]) Там-же, стр. 23.

ГЛАВА VI.

Экономический развал в 1917 году.

Крушение капиталистического хозяйства в 1917 году, которое можно проследить в каждой части страны, также как и во всей стране в целом, наступает под действием двух основных причин. Одна из них лежит в том, что в 1917 году в значительно большей степени, чем в предыдущие годы войны, дали себя чувствовать ее результаты. Россия была наиболее слабым звеном в системе империалистических государств, с самым низким уровнем развития производительных сил. На слабое «народное хозяйство» России война легла такой тяжестью, что в 1917 году, в особенности во второй его половине, выступают все признаки экономического разложения. Вторая причина заключается в сознательной дезорганизации производства капиталистами, стремящимися таким способом остановить нарастающую пролетарскую революцию.

В середине 1917 года милитаризация промышленности и рост отраслей ее, работающих на оборону, достигает своего кульминационного пункта. В 1916 г. в металлообрабатывающей промышленности Херсонской губ. было занято 35.546 рабочих; в 1917 году 45.517. В той же отрасли промышленности в Одессе в 1916 г. — 10.356, в 1917 г. — 15.500[1]). Увеличение за один год почти на 50%. Но с тем большей силой должен был сказаться кризис, когда потреблены были все запасы сырья и топлива.

К осени 1917 г., в особенности в ноябре м-це, происходит массовое закрытие заводов и увольнение рабочих. Одна из причин закрытия фабрик лежит в отсутствии топлива. На конференции фабзавкомов, происходившей в ноябре месяце, докладчики указывали, что количество получаемого Одессой угля с каждым днем катастрофически падало. В ноябре Одесса получала столько угля, сколько в мирное время потреблялось лишь водопроводом[2]). Этот угольный кризис об'яснялся: 1) ослаблением связи с большей частью страны, где совершился уже переход власти в руки Советов, в то время, как в Одессе в это время находились войска Центральной Рады; 2) разрухой транспорта; 3) падением производства в угольных районах. Вследствие отсутствия топлива наступили значительные перебои в работе трамвая и даже в освещении города. Правда, у многих фабрикантов были некоторые запасы угля, но они их скрывали. К об'ективным причинам кризиса присоединились суб'ективные:

---

[1]) А. Сетницкий. — «Промышленность в Херсонской губ. за 1911—19 г. в таблицах».

[2]) «Южный Рабочий» 9 (22) ноября 1917 г., № 171.

стремление капиталистов усилить кризис, чтобы таким путем оказать давление на рабочих.

Другой стороной кризиса являлось резкое повышение цен на продукты первой необходимости. Следующая таблица характеризует состояние цен в Одессе в 1917 году в %% отношении к 1910 году [1]):

мука пшеничная	247,9
хлеб пшеничный	300,0
сахар рафинадный	177.4
яйца	220,8
масло сливочное	887,9
картофель	1239,0
мясо	678,2
сало	779,8
соль	655,5

Помимо повышения цен, наблюдается отсутствие многих товаров. Одесса знала в 1917 году невиданнейшие «хвосты» перед продовольственными, мануфактурными и обувными магазинами.

Несмотря на то, что Одесса находится в черноземном районе, хлеба в 1917 г. не хватало. В сентябре была установлена, несмотря на противодействие буржуазных элементов, карточная система — хлеб выдавался по норме от 1 фун. до 1½ на человека. Недостаток хлеба отчасти об'ясняется происходившим в годы войны падением посевной площади и урожая [2]):

Посевная площадь Херсонской губернии по годам		Сбор хлебов в Херсонской губернии по годам	
1914 г.	4.776.155 дес.	1914 г.	174.421.625 пуд.
1915 „	4.575.500 „	1915 „	217.164.267 „
1916 „	4.039.921 „	1916 „	191.608.836 „
1917 „	3.810.962 „	1917 „	150.032.456 „

Хотя сокращение посевной площади и было значительным, все-же оно само по-себе не могло-бы вызвать голода, если бы спекуляция хлебом и друг. товарами не приняла огромных размеров. Союз приказчиков в своем воззвании еще в мае месяце 1917 г. указывал: «одной из причин, сильно влияющей на непомерное вздорожание жизни, является задерживание товаров промышленниками и торговцами с целью спекуляции в своих складах и продажа их по весьма вздутым ценам» [3]). В резолюции рабочих акц. общества черноморского канатного завода от 15-го сентября указывалось на необходимость принятия мер против «бесстыдных мародe-

[1]) Лившиц. — «Эволюция цен» — Статист. Вестник № 1—3, Одесса, 1920 г., стр. 23.

[2]) А. Бориневич. — «Сельско-хозяйств. признаки Херсонск. губ., Одесса, 1921.

[3]) «Южный Рабочий» от 11 (24) мая 1917 г., № 21.

ров-спекулянтов, делающих жизнь невозможной и губящих страну»[1]). В резолюции Совета Рабочих Депутатов от 24 сентября 1917 г. отмечаются многочисленные случаи сокрытия спекулянтами товаров в целях повышения цен.

В главе, посвященной аграрному движению в 1917 году, мы приводим ряд фактов, рисующих саботаж помещиков, у которых гнил хлеб в амбарах, которые зарывали его в землю, создавая, таким образом, голод в стране. Голод, дороговизна были, таким образом, вызваны об'единенными действиями фабрикантов, помещиков и спекулянтов. А «Проюг» — орган одесских промышленников — писал в своей передовой: «анархия неуклонно ведет нас к глубокому кризису», подразумевая под этой анархией Советы Раб. Деп. и забывая об истинных виновниках разрухи.

Выход из экономического тупика, в который завела страну безвольная политика Временного Правительства и сознательные дезорганизаторские действия буржуазии, могла найти только социалистическая революция.

ГЛАВА VII.

Рабочее движение в г. Одессе в 1917 году.

Вслед за революционным громом февральско-мартовских дней 1917 г. начинается мощный под'ем рабочего движения. История 10 месяцев его развития, вплоть до Январьского переворота 1918 г., есть история стихийного возникновения массовых пролетарских организаций, оформления их классовой идеологии, перехода от низших форм борьбы с капиталом — экономических стачек, к высшим — борьбе за контроль над производством, за диктатуру рабочего класса. В то же время, эти 10 месяцев представляют собой картину постепенного разочарования масс в соглашательских партиях, постепенного сосредоточения всего стихийного рабочего движения вокруг большевистской партии.

В февральскую революцию массы вступают с некоторым политическим опытом. Настроение масс сводится к ненависти к старому режиму, к стремлению создать свои классовые организации. Этот опыт, результат революции 1905-7 г. г., контр-революции 1907-12 г. г. и нескольких лет империалистической войны[2]).

Различия между большевиками, с одной стороны, и меньшевиками и с-рами, с другой, проводятся вначале скорее по названию, тем более, что на первых порах мы встречаем в Одессе об'единенную организацию большевиков и меньшеков с решающим преобладанием последних. Для того, чтобы

---

[1]) „Южный Рабочий" от 20 сентября, № 128.
[2]) См. Ленин. — «Письма издалека», сочин. том XIV, ч. I.

разочароваться в соглашательских методах и в соглашательских партиях, вообще, и в одесских их разновидностях, в частности, массам необходим был свой собственный опыт, который мог быть получен только в огне борьбы.

Организации рабочего класса. Организации пролетариата, которые мы встречаем в Одессе в 1917 г., помимо партийных, это Совет Рабочих Депутатов, профсоюзы, фабрично-заводские комитеты, Красная Гвардия, кооперативы, больничные кассы. Помимо перечисленных организаций, вопросами труда еще занимались комиссар труда временного правительства и отдел труда городского самоуправления.

Первое собрание Совета Рабочих и Солдатских Депутатов происходило 6 (19) марта. На собрание явились делегаты от 50 фабрик и заводов, кроме того присутствовали представители от некоторых частей армии и флота. Собрание закончилось выборами 21 чел. в Исполнительный Комитет Сов. Раб. Деп.

Профсоюзы. В марте месяце происходят также организационные собрания по созданию профсоюзов. Союзы строятся стихийно по самым разнообразным принципам: начиная от узко-профессионального, почти цехового признака (союз прачешно-красильного цеха), и кончая такими, как союз городских и общественных служащих, который был построен по какому-то сверхпроизводственному признаку и об'единял в своих рядах рабочих полей орошения, хлебопекарень, служащих управы и врачей психиатрической больницы. Рабочие по обработке металла об'единялись в семь союзов, в торговле существовало 13 организаций, в пищевой промышленности 7, в химической 5 и т. д. В июне месяце существовало уже 42 союза, в течение августа-сентября образовалось еще 17 [1]).

В первой половине мая было образовано центральное бюро (Ц. Б.) профсоюзов. В его состав союзы, с численностью до 500 человек, посылали 1 представителя, свыше 500 — двух. Ц. Б. выделило секретариат, первое заседание которого состоялось 17 мая. Председателем секретариата был избран Лисянский, секретарем Шатан (меньшевики). В заседании от 14 сентября Центральное бюро профсоюзов переименовало себя в Совет Профсоюзов, а секретариат в Исполнительный Комитет Совета Профсоюзов.

Вследствие меньшевистской линии секретариата Ц. Б., ряд союзов, в которых руководство принадлежало большевикам, долгое время отказывались входить в состав Ц. Б. Это союзы металлистов, строительных рабочих, машиностроителей, белой жести и железнодорожники. Союз металлистов вступил в Ц. Б. только в конце августа м-ца.

---

[1]) Колесников. — «Профдвижение и контр-революция». ГИУ, 1923, стр. 19.

В силу преобладания меньшевиков в партийной организации вначале Февральской революции, а также потому, что массы не успели разобраться на первых порах в природе меньшевизма, представителям этой партии удалось засесть в большинстве правлений союзов и в секретариате Ц. Б. Забравшись в эти организации, меньшевики никоим образом не хотели оттуда уходить, впоследствии уже вопреки воли подавляющего большинства членов профсоюзов. Эти пресловутые «демократы» под всяческими предлогами отказываются от производства перевыборов правлений, когда этого массы требуют, и имеют наглость выносить резолюции от имени профорганизаций даже тогда, когда по их собственному признанию рабочие массы этих союзов настроены противоположно тому, о чем пишут меньшевики в своих резолюциях.

Это постоянное противопоставление линии Центрального Бюро профсоюзов требованиям рабочего класса привело в конце концов к тому, что массы отошли от Исполкома профсоюзов, движение нашло себе другие организационные формы, и меньшевистский «штаб» профсоюзов остался к концу 1917 г. без всякой армии, будучи вполне изолирован от масс.

Фабзавкомы. Той массовой организационной формой, которой суждено было сыграть несравненно более революционную роль в 1917 г., чем профсоюзы, были фабрично-заводские комитеты, что об'ясняется большею их связью с массами. Фабрично-заводские комитеты возникают параллельно и независимо от создания и деятельности профсоюзов. В уставах профсоюзов, относящихся к первой половине 1917 г., отсутствуют какие-бы то ни было указания о взаимоотношениях с заводскими комитетами, которые лишь впоследствии (в 1918 г.) принимают характер местных комитетов союзов, в связи с постепенной перестройкой последних по производственному признаку. Можно наметить следующую эволюцию организации рабочих на предприятиях: 1) рабочие старосты (о создании которых, как свидетельствуют «Одесские Новости»: «в среде рабочих начали интересоваться еще в январе 1917 г.»); 2) рабочие комитеты; 3) фабрично-заводские комитеты.

Уже 8 апреля Совет Рабочих Депутатов вырабатывает текст «соглашения о рабочих комитетах», соглашение, которое представляло собой в значительной степени лишь оформление фактического положения. В этот бурный период революционного строительства масса творит, ищет организационные формы, которые довольно разнообразны и с значительной быстротой меняются. Соглашение о рабочих комитетах устанавливало, что в каждом предприятии с числом рабочих не менее 50 учреждается рабком. Его ведению должны подлежать все вопросы внутренней жизни предприятия: время и порядок работ, расценка работ, установление поряд-

ка пользования учреждениями, созданными для рабочих, наблюдение за исполнением общих правил, а также специальных соглашений между предпринимателями и рабочими данного предприятия; разрешение конфликтов между рабочими, с одной стороны, и владельцами и администрацией, с другой. В разрешении важнейших вопросов представители администрации должны участвовать в равном с рабочими количестве. Конфликтные вопросы, не разрешенные на месте, должны были передаваться в примирительные камеры.

В уставе о рабочих комитетах еще не разделены функции будущих фабзавкомов и расценочно-конфликтных комиссий, которые впоследствии создаются по предприятиям под различными названиями: паритетная комиссия, местные примирительные камеры и т. д. Фабзавкомы представляют собой те же рабочие комитеты, но только с расширенными правами. Устав фабзавкомов, принятый в 1917 году, к их задачам относит: а) нормирование заработной платы в предприятиях; б) контроль над производством в расходовании сырья и материалов; в) установление себестоимости продуктов производства и прибыльности их. Пункт «и» устава гласил: «прием, равно как и увольнение рабочих, без ведома и санкции комитета ни в коем случае не допускается».

Если рабочие комитеты возникают в порядке соглашения с фабрикантами, то фабрично-заводские комитеты действуют на основе устава, принятого рабочими уже без всякого на то соизволения фабрикантов.

Уже 12 мая поступает в Секретариат Ц. Б. заявление от рабочих о желании их создать орган, который об'единял бы фабрично-заводские комитеты. Такой орган был избран 11 июня на собрании фабрично-заводских комитетов под названием центрального рабочего комитета. Впоследствии он был переименован в центральный совет фабзавкомов. Его устав был принят общим собранием фабзавкомов 1 (14) июля 1917 г. По этому уставу центральный рабочий комитет ставил своей целью «планомерное проведение мероприятий общественных, политических и профессиональных организаций, направленных к борьбе с экономической разрухой, регулирование производства, правильную постановку продовольственного дела, установление общих норм внутреннего распорядка на предприятиях». Председателем Ц. Р. К. был избран меньшевик Дудюк; однако, влияние большевиков с самого начала было значительным. Постоянная связь с фабзавкомами (периодически происходили конференции ФЗК) заставляли центральный совет под напором масс действовать несравненно более революционно, чем центральное бюро профсоюзов. Мы увидим это позже при сопоставлении линии исполкома совета профсоюзов и центр. совета фабзавкомов по отношению к декрету Скобелева, к рабочему контролю и проч.

Если, с одной стороны, шла борьба между исполкомом совета профсоюзов и центральным советом фабзавкомов, то, с другой, меньшевикам из исполкома профсоюзов доставлял большие неприятности союз металлистов и его вождь Петр Старостин, очень популярная фигура рабочего-большевика.

В протоколах секретариата Ц. Б. от 7 июня [1]) мы читаем следующее постановление: «на предстоящем 11 июня совещании о комиссаре труда — выдвинуть в комиссары труда кандидатуру тов. Лисянского; в случае непринятия кандидатуры Лисянского, поддержать кандидатуру Рысса, а в случае принятия кандидатуры Старостина — наши представители об'являют мотивированный протест и оставляют заседание, в виду того, что Старостин, как представитель союза металлистов, тенденциозно игнорирует Ц. Б., и союз не входит в состав Ц. Б.». Одним из излюбленных приемов меньшевиков являются рассуждения о тенденциозности большевиков и теории нейтральности профессионального движения. Но это у них великолепно сочетается с травлей большевиков, даже персональной, как в приведенном случае, тогда, когда они это в силах сделать, и навязыванием своей меньшевистской линии профсоюзам под соусом «нейтральности».

Старостин очень правильно понял основную тактическую линию большевиков в период февральской революции, направленную к изоляции меньшевиков, и пользовался всеми поводами, чтобы дискредитировать в глазах масс центральное бюро профсоюзов. На заседаниях секретариата Ц. Б. меньшевистские «вожди» горестно докладывали, что на ряде рабочих собраний, где выступали представители Ц. Б., появлялся Старостин и проводил предложения прямо противоположные тем, которые вносились от имени Ц. Б. Так, в продовольственном комитете — пекаря и мельничные рабочие подняли вопрос об увеличении зарплаты на 50%. Представитель Ц. Б. Воскобойников предложил снять этот вопрос с обсуждения. Старостин — перенести в Совет Рабочих Депутатов, где вопрос мог получить лучшее для рабочих разрешение. Происходит собрание машинистов на табачной фабрике Попова. Представитель Ц. Б. высказывается против забастовки, Старостин — за; проходит предложение об организации забастовки [2]).

В экономических конфликтах, мощных забастовках, наполняющих весь 1917 г., Ц. Б. занимало обычно примиренческую позицию. В подавляющем большинстве известных нам случаев забастовок 1917 г. Центральное Бюро соглашалось на забастовки только под давлением масс, и его представители высказывались обычно против забастовок.

---

[1]) Одесский Архив Труда. Протоколы секретариата Ц. Б. (Исполкома Совета профсоюзов) от 7 июня 1917 г., заседание 12.

[2]) Т о ж е — протокол от 2 сентября.

Экономические забастовки 1917 г. Еще 28 марта 1917 г. Совет Рабочих Депутатов подписал соглашение о примирительных камерах с владельцами фабрично-заводских предприятий. Предметами обсуждения этих камер были: а) все конфликты, носившие групповой характер, б) все единоличные конфликты, которые не подлежали ведению мировых судей. Внимание, которое уделялось Советом Рабочих Депутатов созданию примирительных камер, было вызвано огромным количеством конфликтов почти на всех предприятиях с первых же дней Февральской революции. Но ввести эти конфликты в примирительное русло большею частью не удавалось, тем более, что решения примирительных камер не были обязательны для предпринимателей. Трудящиеся прибегают поэтому к забастовкам. Кто только не бастует в 17 г.? Рабочие тяжелой индустрии и смотрители дворов, рабочие прачешных мастерских, парикмахеры и даже служащие еврейских духовных учреждений.

По своему характеру забастовки, проходившие весной и летом 17 г., несколько отличаются от осенних забастовок этого же года. Весной и летом выдвигаются, обычно, следующие требования: 1) 8-ми часовый рабочий день (по этому вопросу возникают обычно конфликты только на мелких предприятиях); 2) повышение зарплаты; 3) переход от сдельной платы к повременной; 4) вежливое обращение.

Причиной волны экономических забастовок является то невыносимое положение в смысле условий труда, в которых застал рабочих Февральский переворот. Массы неудержимо стремятся реализовать, перевести на экономический язык политические завоевания.

Уже летом на многих предприятиях к перечисленным выше требованиям присоединяется пункт о передаче приема и увольнения рабочих заводским комитетам. Это требование вызывало особенное сопротивление предпринимателей. Забастовки, проходившие осенью, отличаются особым упорством обеих сторон. Требования осенних забастовок уже значительно расширены. Видное место среди них занимает контроль над производством, удаление нежелательных представителей администрации. Забастовки в октябре-ноябре на многих предприятиях носят повторный характер; вносятся требования о дополнительном повышении зарплаты, в связи с непрекращающимся ростом цен на продукты первой необходимости.

Продолжительность забастовок различная: от нескольких дней до 3-4 месяцев. Вот список только тех забастовок, вопрос о которых обсуждался на заседаниях центрального бюро профсоюзов и которые можно было установить по газетам «Южный рабочий» и «Голос пролетария»: до конца июля месяца — 1) приказчиков-бакалейщиков, 2) чулочников, 3) смотрителей дворов, 4) газетчиков, 5) парикмахеров, 6) фармацевтов, 7) служащих гостиниц и кафэ, 8) официантов,

9) служащих бань и водолечебниц, 10) прачешного и красильного цеха, 11) деревообделочников, 12) служащих акц. об-ва Гергарди-Гей; после июля месяца — 13) портовых рабочих, 14) рабочих трамвая, 15) рабочих завода Кранцфельд, 16) на заводе Гена, 17) шляпочниц, 18) маслобойных заводов, 19) на арматурных и меделитейных заводах, 20) на мыловаренных заводах, 21) приказчиков галантерейных магазинов, 22) на жестянных заводах, 23) всеобщая забастовка металлистов и рабочих электростанции. Нужно иметь в виду, что многие из приведенного списка забастовок являются всеобщими для данной отрасли промышленности.

Для иллюстрации возникновения хода этих забастовок опишем забастовку на трамвае. Союз служащих и рабочих трамвая пред'явил администрации следующие требования: 1) установление контроля над производством; 2) прибавка зарплаты от 40 до 70%; 3) удаление инж. Берлина, 4) организация примирительной камеры при трамвае, решения которой были бы обязательны для обеих сторон; 5) устройство печей в сараях мастерских, 6) прием и увольнение рабочих через комитет. Администрация трамвая отказалась удовлетворить эти требования от начала до конца. Характерна аргументация дирекции трамвая в связи с отказом рабочим в прибавке зарплаты. Во-первых, говорили они, средства общества не позволяют сделать такую прибавку (между прочим, союзом было установлено, что проведенное ранее городским самоуправлением повышение тарифа на трамвае на 100% пошло целиком на увеличение прибылей общества). Во-вторых, «дирекция не уверена, что после этой прибавки рабочие не потребуют следующей»[1]). Таким образом, отказ в повышении зарплаты был обусловлен «воспитательными» соображениями. Педагогические же правила Бельгийской администрации сводились к принципу: рабочим не следует потакать. Разрешение конфликта было передано в 9 районную примирительную камеру. Но администрация трамвая отказалась, как признать решения ее, так и пойти на третейский суд. При таких условиях союзу ничего не оставалось как об'явить забастовку. Интересно отметить, что, когда в Ц. Б. профсоюзов обсуждался вопрос о конфликте на трамвае, докладчик по этому вопросу считал, что нужно забастовку задержать. Комитеты трамвайщиков тоже высказались в этом смысле, но рабочие настаивали на забастовке. Исполком принял резолюцию, чтобы организовать руководство забастовкой только в том случае, если не удастся рабочих отговорить от нее. Забастовка вспыхнула 18 октября, руководилась стачечным комитетом из представителей различных организаций, длилась несколько недель и кончилась частичной победой рабочих.

[1]) «Голос Пролетария» от 25 Октября 1917 г., № 58.

Борьба рабочих на мелких предприятиях принимала порой очень страстный характер и ознаменовывалась порой эксцессами. Например, во время забастовки прачешно-красильного цеха был случай убийства хозяйчиками представителя союза.

Сопротивление предпринимателей к концу лета 17 года значительно возросло. Для отпора рабочим создаются различные организации буржуазии: союз владельцев чулочных мастерских, домовладельцев, владельцев прачешных и др. Наиболее видное место среди них занимал «Проюг» — союз промышленников юга России. О целях этой организации можно судить по речи фабриканта Люльки на совещании промышленников, происходившем в июле месяце: «Пришла пора для фабрикантов и заводчиков об'единиться и противопоставить угрозам рабочих аналогичную угрозу со стороны промышленников»[1]). Проюг — организация крупных фабрикантов — представлял собой, выражаясь по современному, «твердолобое» об'единение капиталистов, с бешенством смотревших на нароставшее рабочее движение, на завоевания рабочими некоторых элементарных прав. Организация фабрикантов Одессы была создана ими по примеру петроградской буржуазии. В заседании, происходившем в начале сентября, принимается следующая резолюция, которая определила тактику Проюга: «С целью вести организованную и планомерную защиту интересов промышленности, по примеру Петрограда, установить моральную, и материальную ответственность фабрикантов, гарантирующую исполнение общих постановлений»[2]). Готовясь к наступлению против рабочего класса, буржуазия стремится создать дисциплинированную организацию, хорошо понимая ее преимущества.

Правление союза меделитейных и арматурных заводов в своем специальном обращении к рабочим дает следующую характеристику Проюгу: «Товарищи рабочие. У нас в городе учредилось контр-революционное гнездо под названием «Проюг». Это общество сорганизовалось для борьбы с пролетариатом. Кому из вас не известно, кто входит в это общество. Все это хищники, обогатившиеся на наш счет, учредили это общество, чтобы сберегать награбленный ими капитал. Когда рабочие приходят к фабрикантам-мародерам с требованиями об улучшении их материального положения, они всячески заставляют обращаться в их гнездо. Товарищи рабочие, настоящим призываем вас не ходить в этот Проюг. Ваши права должны защищаться и отстаиваться только вашими организациями, только этим путем мы сможем бороться с Проюгом[3]). Обращение имеет в виду наметив-

[1]) Газета «Проюг» за 14 июля 1917 г. Одесса, Публичная библиотека.
[2]) Газета «Вперед» № 147 — I (14) сентября, Москва.
[3]) «Южный Рабочий», 22 октября (4 ноября) 1917 г. № 156.

шуюся в сентябре-октябре тактику фабрикантов отсылать рабочих при пред'явлении ими требований в Прюг.

Рост активности буржуазии, ее непримиримость, увеличение числа ее организаций находятся в связи с теми событиями, которые происходят в это время в столицах. Поворот Врем. Правительства, во главе с Керенским, в сторону коалиции с буржуазией против рабочих, репрессии против большевиков, корниловская авантюра, государственное совещание в Москве — все это звенья одной цепи, знаменующие собой готовность буржуазии к оказанию решительного сопротивления нарастающей пролетарской революции. Одесская буржуазия не осталась, конечно, равнодушной к этим выступлениям своих классовых собратьев по всей стране, и в частности петроградского и московского буржуазных «авангардов». Она отказывается от уступок рабочим, которые имели место в первый период февральской революции. В вышеприведенном списке забастовок можно видеть, что забастовки в тяжелой индустрии происходят, главным образом, осенью.

С момента организации Прюга, последний оказывает давление на отдельных своих членов в том отношении, чтобы никаких уступок рабочим больше не делать. Таково, напр., поведение Прюга во время забастовки на машиностроительном заводе Каца в октябре месяце. Заработная плата чернорабочих на этом заводе составляла 6 руб. 50 коп. в день, женщин от 4 р. до 4 р. 80 к., мальчиков от 1 руб. 80 коп. до 2 руб. 50 коп., в то же время харчевой минимум для семьи из 4-х душ (2 взрослых и 2 детей) на 15/X составлял 7 руб. в день[1]). Владелец завода заявил, что он хотел бы пойти на уступки, но Прюг ему не разрешает. Таким образом, здесь имел место поход против рабочих одного из предприятий всей организованной буржуазии. При такой непримиримой позиции капиталистов, обрекавших пролетариат, в связи с ростом цен, на полуголодное существование, возбуждение среди рабочих росло.

Экономические забастовки все в большей степени начинают соединяться с выступлениями Красной гвардии, которая является «последним аргументом» в пользу требований рабочих и принимает участие в борьбе против штрейкбрехеров. Отряды Красной гвардии являются по требованию союзов и отдела труда Сов. Раб. Деп. Исполком Совпрофа относится к участию Красной гвардии в экономических забастовках крайне неодобрительно. Уже в августе он рассматривает в своем заседании вопрос о роли Красной гвардии в борьбе с штрейкбрехерством и высказывается в том смысле, что это вообще нежелательно, а в редких слу-

[1]) В этот харчевой минимум не включались такие продукты питания, как масло; его не следует смешивать с прожиточным минимумом, последний значительно шире.

чаях вмешательство Красной гвардии допускается с согласия Ц. Б. На заседании от 9 октября Исполком уже прямо отклоняет участие Красной гвардии в экономической борьбе; на заседании от 27 ноября формулировка еще более резкая: «протестовать против вмешательства Красной гвардии в экономическую борьбу по приглашению отдела труда Сов. Раб. Деп.[1]). Меньшевики из Исполкома остаются верными своей платформе ослабления позиции пролетариата в его борьбе с буржуазией.

В ноябре на ряде предприятий — арматурных, маслобойных возникает итальянская забастовка[2]). Вопрос о ней ставится на заседание Исполкома Совпрофа, который срочно делегирует своего представителя для ее ликвидации.

Соглашательская тактика исполкома совпрофа как-бы дополняет непримиримую позицию Проюга. Всеми силами стремится исполком совпрофа задержать развивающееся рабочее движение, но забастовки растут стихийно, идут помимо исполкома совпрофа, принимают все более грозный характер.

В конце декабря вспыхнула всеобщая забастовка металлистов и рабочих электрической станции, которая погрузила город во тьму. Эта забастовка послужила прелюдией к выступлению пролетариата для завоевания власти. В знак солидарности с металлистами бастовали трамвайщики и некоторые другие союзы.

Причиной решительного столкновения в металлургии послужил, помимо тактики Проюга, способствовавшей революционизированию рабочих, общий кризис этой отрасли промышленности, наступивший в концу 17 года. Многие заводы закрываются, на остальных рабочим не выплачивается зарплата.

В том же направлении в смысле усиления кризиса действует недостаток топлива. Этот кризис, принесший рабочим голод, грозивший им массовой безработицей, с повелительной необходимостью ставил перед пролетариатом вопрос о завоевании власти. В одесских условиях изгнание Рады, переход власти к советам не только диктовался логикой классовой борьбы, но и являлся средством разрешения кризиса, путем восстановления связи с Советской Россией.

Проведение декрета Скобелева в Одессе. Декрет министра труда Скобелева, знаменующий собою поход 3-го коалиционного Врем. правительства против завоеваний рабочего класса и представляющий собою попытку восстановить неограниченную власть капитала в производстве, в Одессе проводился в жизнь. Он был по разному встречен фабрикантами, исполкомом Совета Профсоюзов, фабзавкомами.

---

[1]) Одесск. архив труда. — Папка протоколов Исполкома Совпрофа.
[2]) Там-же.

Мы уже указывали, что одним из главных требований экономических забастовок, проходивших летом 17 г., является пункт о приеме и увольнении рабочих исключительно через ФЗК. Между тем, главным моментом декрета Скобелева была передача права приема и увольнения рабочих исключительно предпринимателям, при полном невмешательстве фабзавкомов в эти вопросы. Декрет поднял волну возмущений среди одесских рабочих и способствовал падению престижа Врем. правительства.

Зато многолюдное собрание заводчиков, состоявшееся в первой половине сентября, приняло резолюцию вполне в духе декрета Скобелева и даже значительно шире его. Резолюция высказывается за сдельную плату, отказ оплаты труда рабочих-выборных и за полную бесконтрольность приема и увольнения рабочих. От правительства резолюция требует: «единообразия мер и твердой власти. Промышленники признают нужным не считаться с одесским уставом заводских комитетов, выработанным рабочими несколькими месяцами раньше» [1]).

В этой резолюции изложена вся программа действий капиталистов. Декрет Скобелева они оценили, как первый шаг к возвращению старых «добрых» времен произвола на фабриках. В этой резолюции чувствуется отголосок последовавшего за июльскими днями в Петрограде разгрома большевистских организаций. Говоря о «твердой» власти, одесские фабриканты мечтают о юнкерской нагайке, о казацкой плетке, которые должны вернуть «права» князьям промышленности.

Обращаемся к протоколам исполкома совпрофа, чтобы выяснить его отношение к декрету. Вот резолюция исполкома—она лаконична: «издать циркуляр министра труда Скобелева о приеме и увольнении рабочих и вывесить в союзах, заводах, мастерских и т. д. [2]). Одним словом, услужливая популяризация декрета и предостережение рабочим, проводящим как раз в это время упорную борьбу за сосредоточение вопросов найма в руках заводских комитетов. Проюг, вероятно, меньшевиками из Совпрофа был доволен; рабочие же массы, от имени которых заседали меньшевики в Совпрофе, получили еще один урок о предательской сущности меньшевизма.

Пролетарскую оценку декрета Скобелева выявило собрание фабзавкомов, принявшее следующую резолюцию: «Циркуляр о правах фабзавкомов стремится ограничить завоевания рабочего класса. Умаляя права заводских комитетов и расширяя компетенцию администрации в деле при-

---

[1]) Приводим изложение резолюции из газеты «Вперед» 1 (14) сентября № 147, стр. 3.

[2] Одесский архив труда. Протоколы секретариата Ц. Б.

ема и увольнения рабочих, мера министра труда обессиливает мощь руководства рабочих органов и стоит в явном противоречии с интересами рабочего класса. Этому губительному для рабочего класса шагу необходимо противопоставить организованную волю пролетариата [1]).

Удвоение твердых цен на хлеб Вр. Правит. Другим мероприятием в той системе действий, которая проводилась Врем. Правительством после переломных июльских дней против жизненных интересов рабочего класса, — было удвоение твердых цен на хлеб. Этот шаг был сделан в интересах помещиков и кулаков. Удвоение твердых цен на хлеб было сигналом к всеобщему повышению цен и означало резкое понижение реальной заработной платы. Именно в связи с этим находится волна осенних забастовок.

Меньшевистский Исполком Совпрофа и в этом вопросе оказался «на высоте» своей предательской роли. На его заседании от 8 октября было внесено предложение протестовать против удвоения твердых цен на хлеб Врем. Правительством. Постановление Исполкома гласило: «протест против удвоения цен — отклонить» [2]). Вопрос об удвоении цен обсуждался в продовольственном комитете. Представитель исполкома совпрофа при голосовании по этому вопросу воздержался, исполком одобрил позицию своего представителя [3]). Нужно отдать меньшевикам полную справедливость. В деле измены рабочему классу они проявляют строгую последовательность.

Иную позицию в этом вопросе занял центральный совет фабрично-заводских комитетов. В своем заседании от 1-го октября он принял следующее постановление [4]): «1. Удвоение цен на хлеб есть новая уступка интересам крупных землевладельцев и новый удар по рабочему классу и трудовым земледельцам. 2. Вздорожание хлеба неминуемо вызовет увеличение цен на все продукты, новую необходимость в увеличении зарплаты и повлечет дальнейший развал промышленности... Мы требуем отмены удвоения цен на хлеб. Мы требуем перехода всех мельниц и пекарень в руки городского самоуправления. Вместе с тем, мы громко заявляем, что продовольственная разруха есть неминуемое последствие войны, и единственный способ предотвратить наступающий голод по всей России — это открытая и последовательная борьба за мир». Таким образом, в этом вопросе, как и в ряде других, центральный совет фабзавкомов противостоит исполкому совпрофа. Это два органа профессионального движения разной политической ориентации.

---

[1]) «Южный Рабочий», 25 августа (7 сентября) 1917 г., № 108.
[2]) Одесск. Архив Труда. Протоколы Исполкома Совпрофа заседания от 8 сентября 1917 г.
[3]) Тоже.
[4]) «Южный Рабочий», от 12 октября 1917 г., № 127.

Если Исполком Совпрофа сплошь меньшевистский, то Ц. С. ФЗК, как видно из приведенной резолюции, идет уже в это время под знаменем большевизма.

Какой из этих двух органов становится действительным центром пролетарской борьбы, за кем идут массы видно из ряда резолюций рабочих собраний. Приводим резолюцию рабочих РОПИТ'а [1]): «Мы, рабочие завода РОПИТ, заслушав доклад о деятельности Ц. С. ФЗК и резолюцию последнего (приведенную выше М. и К.), находим таковые отвечающими интересам рабочего класса, приветствуем его на правильном пути решительной классовой борьбы, а не сотрудничества с буржуазией и на этом пути будем всецело его поддерживать».

Нужно сказать, что в составе Ц. С. ФЗК было несколько меньшевиков (в частности, упомянутый Дудюк). но этот Центральный Совет двигался влево, к большевизму под напором масс. Рабочие РОПИТ'а прямо указывают ему в каком направлении он должен действовать и на каком пути его ждет поддержка рабочего класса.

Саботаж предпринимателей. Предприятия закрываются, с одной стороны, под влиянием недостачи топлива и сырья, но, с другой, даже там, где капиталисты имеют возможность вести производство, они саботируют из политических соображений. Они хотят создать хаос, разруху, чтобы потом свалить ее на большевиков. В этих условиях экономические стачки часто теряют свой смысл. Они не достигают цели, потому что капиталисты сами хотят остановить производство. На очередь выдвигаются новые методы борьбы рабочего класса.

Капиталисты, закрывая фабрики, ссылаются, обычно, на отсутствие сырья. В условиях «фабричной тайны» нет никаких возможностей их проверить. Вот картина саботажа предпринимателей. Еще в июне происходит закрытие Черноморского стекольного завода и завода наследников Берндта [2]). В октябре был закрыт завод «3-е товарищество для производства токарных работ». Одновременно с этим начинается продажа орудий производства на этом заводе (станков, бормашин, двигателей). Заводский комитет указывал, что «это делается по тем соображениям, что на продаже орудий производства можно в данный момент сделать лучшие гешефты, чем после войны». Одновременно с этим происходит переуступка помещения завода для других надобностей. Причем все это проделывается, как пишет заводский комитет, с невероятной быстротой с той целью, «чтобы избегнуть справедливого противодействия рабочих. Закрытие завода совпадает с моментом пред'явления рабочими эконо-

[1]) «Голос Пролетария» за 1917 г., Одесса.
[2]) «Южный Рабочий» от 9 (22) июня, № 44.

мических требований и одновременно с этим ведутся закулисные переговоры с несознательными рабочими с целью склонения их на сторону предпринимателей, помимо заводского комитета». При таких условиях заводский комитет закрытие завода, официально мотивировавшееся владельцем отсутствием стаканов, нужных для производства, «об'являет недопустимым и преступным саботажем» [1]).

Случаи сознательного хищнического развала самими же предпринимателями производства неоднократны. Капиталисты предпочитают разорение фабрик удовлетворению экономических требований рабочих. Комиссия, созданная в октябре при Центральном Совета Фабзавкомов для расследования состояния закрывшихся заводов и выяснения причин их закрытия, установила: «что на закрывшемся цементном заводе акционерной кампании «Портланд» происходит перепродажа машин, станков и всего заводского инвентаря» [2]). Мародеры производства распоясываются, и только властное вмешательство рабочего класса может остановить их преступную руку.

Еще в конце августа происходит закрытие завода Гена. Владелец требует снижения зарплаты на 25—30%; он занимает, таким образом, уже не оборонительную позицию, а наступательную. Кроме того, он требует субсидии в ½ миллиона рублей и возврата однажды уплаченной им суммы в 240 тысяч рублей, за несвоевременную сдачу подрядов. Само собой разумеется, что все эти смехотворные требования были поставлены с единственной целью: найти предлог для закрытия завода. Общее собрание рабочих завода Гена принимает резолюцию, в которой констатирует: «что происходящее на заводе Гена лишь копия картины саботажа, устраиваемого повсюду промышленниками. Идя по общему пути, г. Ген, как и все фабриканты, стремится сузить экономические завоевания рабочих, внести дезорганизацию в производство и оказать давление на правовое и экономическое положение рабочих» [3]).

Массовое закрытие заводов, отчасти вследствие топливного кризиса, отчасти вследствие саботажа предпринимателей, происходит в ноябре месяце.

К о н т р о л ь н а д п р о и з в о д с т в о м. Эта обрисованная выше картина саботажа предпринимателей, дезорганизации производства, расхищения инвентаря заводов,—представляла ответ фабрикантов на экономические и правовые требования рабочих. Экономические забастовки по отношению к саботажникам и локаутчикам являются уже мерой недействительной. Обстановка властно диктовала рабочим организациям установить контроль над производством. Его зада-

[1]) «Южный Рабочий» от 25 октября (7 ноября) 1917 г., № 158.
[2]) «Южный Рабочий», 8 (21) октября 1917 г., № 152.
[3]) «Южный Рабочий», 20 августа (2 сент.), № 104.

ча — сломить саботаж предпринимателей, раскрыть всякого рода «фабричные тайны», выяснить действительные запасы сырья и топлива. Еще 9 июня организационной комиссией фабзавкомов было выпущено следующее воззвание к рабочим о создании контроля над производством: «буржуазия не желает справиться с разрухой государства. Наша обязанность следить за фабрикантами, умерять волчий аппетит этих спекулянтов, безбожно грабящих народ в течение 3-х летней войны, и следить за распределением продуктов»[1]). Точно также устав фабзавкомов к задачам последних относит установление контроля над производством.

Введение контроля над производством встречает упорное сопротивление предпринимателей. Мы уже указывали, что фабриканты постановили не считаться с уставом ФЗК. Контроль над производством устанавливается на предприятиях явочным порядком рабочими, часто при участии Красной гвардии.

Исполком Совпрофа по обыкновению «протестует». В своем заседании от 13 ноября он постановляет в вопросе о контроле над производством держаться решений 3-ей Всероссийской конференции профсоюзов и добиваться не рабочего контроля, а так называемого государственного. Осуществление контроля над производством через комиссара Временного правительства означало бы отрыв контроля от масс. Доверить контроль над производством представителям того самого правительства, которое вело в единении с финансовым капиталом наступление на жизненные интересы рабочего класса, последний, конечно, не пожелал. Контроль над производством мог быть только тогда действительным и надежным, когда он находился в руках самих же рабочих данного предприятия.

Общее руководство осуществления контроля над производством лежало на особой комиссии, выделенной Ц. С. ФЗК. Комиссия выработала специальную инструкцию для заводских комитетов по организации контроля. Ц. С. ФЗК провел также несколько докладов и лекций для популяризации контроля над производством. Кроме того, при Ц. С. ФЗК существовала упомянутая уже комиссия для выяснения причин закрытия приостановивших свою работу заводов.

Организационные формы осуществления контроля по предприятиям были довольно разнообразны. В некоторых случаях его проводили непосредственно заводские комитеты. В других, на общих собраниях рабочие выбирали особые комиссии для этой-же цели. Так, на трамвае была избрана комиссия из 9 человек «для осуществления полного контроля над производством». В профсоюзах, об'единявших мелкие предприятия, комиссии по контролю выделялись правлениями союзов (так у жестянников, прачешни-

[1]) «Новая Жизнь», 13 (26) июня, № 47, стр. 4.

ков). В большинстве предприятий контроль устанавливается в ноябре месяце.

Подобно тому, как в процессе экономической борьбы рабочие неизбежно подходили к созданию контроля над производством, чтобы сломить саботаж предпринимателей, так в процессе осуществления контроля перед рабочими вставал вопрос о завоевании власти, с одной стороны, и о переходе к управлению производством, с другой. Первое вытекало из непримиримой позиции предпринимателей, их организации Проюга. Сломить их сопротивление мог только рабочий класс, организованный во власть.

С другой стороны, попадаются уже случаи, когда предприниматели вовсе оставляют производство. Так было, например, на заводе Гена. Рабочие этого завода безуспешно просили различные организации принять управление заводом. В конце концов, рабочим пришлось взять в свои руки управление заводом. Центральный Совет ФЗК одобрил передачу управления заводом Гена заводскому комитету и представителям рабочих организаций [1]).

Так, в процессе экономических столкновений, борьба все более принимала развернутый классовый характер, переходила к борьбе за «концентрированную экономику», за командную роль в процессе производства, за власть, за диктатуру пролетариата.

ГЛАВА VIII.

Аграрное движение в 1917 году.

Мы видели уже в период империалистической войны некоторые предвестники аграрной революции. Таковы имевшие место еще в 14—15 годах, попытки самовольного снижения арендной платы. Мы видели напряженное ожидание широких крестьянских масс разрешения земельного вопроса. Оно, то проявлялось порой в своеобразных формах сектантского движения, то связывалось, к вящему недоумению жандармов, с империалистической войной, то выливалось, наконец, в акты прямого действия.

В феврале пал царизм. Делегаты, образовавшегося вскоре после переворота Одесского Совета Рабочих Депутатов, об'езжали деревни Херсонской, Бессарабской и Подольской губ. и на сходах об'ясняли крестьянам совершившееся. В архивах крестьянской секции Одесского Совета Рабочих Депутатов сохранились отчеты этих делегатов. Всякие предания о монархических настроениях крестьянства рассеялись как дым. Крестьяне всюду приветствовали переворот. Но дей-

[1]) «Голос Пролетария», 24 ноября (7 дек.) 1917 г., № 43.

ствительная революция только начиналась. В революционный процесс втягивались широчайшие пласты. Они выдвигали свою программу, находившуюся в полной противоположности с тем, что предлагалось Временным Правительством.

Земельная политика Врем. Правительства. Февральская революция в деревне началась свержением местных царьков — приставов, писарей и т. д. А затем крестьянство неизбежно перешло к социальным вопросам. От революции крестьянство хотело земли. Что предлагало ему Временное Правительство? Главным образом, ждать. С разрешением земельного вопроса ждать до Учред. Собр., с Учредительным Собранием ждать до окончания войны. Исходя из того, что земельный вопрос мог быть разрешен только Учредительным Собранием, Временное Правительство выступало против аграрного движения, стремилось обуздать его. Временное Правительство, имевшее в своем составе «социалиста» Керенского, а впоследствии в качестве министра земледелия «социалиста» Чернова, встало на защиту помещичьих земель и обрушилось с репрессиями на крестьянское движение: «На основании распоряжения Временного Правительства», — писал комиссар его в г. Одессе, — «об'являю всем волостным и городским комитетам, из многих мест уже получаются сведения о том, что сельские комитеты самовольно захватывают чужую землю, чем нарушают права и интересы сельских хозяев. Прошу предупредить население, что незаконные, самовольные захваты земельных участков поведут за собой привлечение виновных к уголовной ответственности, и, кроме того, виновные понесут и гражданскую ответственность за причиненные убытки. Уездный комиссар Временного Правительства, член Государственной Думы Варун-Секрет» [1]).

Правда, для подготовки земельной реформы, Временное Правительство законом от 21-го апреля 17 года учредило главный земельный комитет при министерстве земледелия. Но этот комитет ограничивался обменом мнений по некоторым вопросам. Наряду с этим были учреждены губернские, уездные и волостные земельные комитеты. Временное Правительство здесь было вынуждено санкционировать уже фактически на местах образовавшиеся, стихийно возникшие комитеты. Комитеты эти должны были разрешать на местах спорные земельные дела и проводить инструкции по земельным вопросам Временного Правительства. Но эти комитеты были поставлены под контроль губернских и уездных комиссаров, состав которых заставлял желать лучшего. Недаром, всероссийский совет крестьянских депутатов в своем постановлении от 25-го мая 17 года высказывал пожелание о том, «чтобы местным земельным комитетам был

[1]) Одес. Архив. Материалы крестьянск. секции Одес. Совет Раб. Депутатов, дело № 117.

предоставлен широкий простор для почина и самодеятельности, а для этого должна быть устранена стеснительная опека губернских и уездных комиссаров, равно как односторонний подбор их личного состава из помещичьего класса». В частности, комиссар Временного Правительства в Одессе, Варун-Секрет, был крупнейшим помещиком.

Арендные условия должны были устанавливаться под контролем земельных комитетов, но по соглашению обоих сторон — помещиков и крестьян. Если бы земельные комитеты захотели руководствоваться исключительно инструкциями Временного Правительства, то для принуждения помещиков к принятию соответствующих арендных условий они не располагали бы никакими средствами, так как инструкция по этому вопросу молчит.

Временное Правительство издало также постановление о том, что земельные комитеты берут на себя организацию засева пустующих помещичьих земель. Но и это постановление оставляло много лазеек для помещиков. Последние всегда могли сослаться на то, что земля находится под черным паром или представляет собой сенокос; в этих случаях она не должна была отбираться. Любопытно, что даже и эти робкие шаги Временного Правительства в области земельного законодательства делались всегда с соответствующими ссылками на царское Уложение Законов, которое в основном оставалось в силе и при Временном Правительстве.

Но если «социалисты» из Временного Правительства хотели ждать с разрешением земельного вопроса, то крестьянство не было к этому расположено.

Аграрная революция есть процесс непосредственного разрешения земельного вопроса самими народными массами. Она началась уже в конце лета 1917 года, была вызвана разочарованием крестьянских масс во Временном Правительстве, откладывавшем разрешение земельного вопроса и фактически поддерживавшем помещиков, саботажем последних, который принял еще более уродливые формы, чем саботаж фабрикантов в городе. Эта земельная революция должна была неизбежно поставить крестьянство лицом к лицу с Временным Правительством, ибо последнее в борьбе между крестьянством и помещиками — стало на сторону последних.

Первый этап аграрной революции. Стихийный характер аграрной революции обусловил то, что требования крестьянства были неоднородны в различных местах. Большей частью ближайшим поводом крестьянского выступления был спор о размерах арендной платы. Даже в бурный 1917 год помещики стремились отстоять высокую арендную плату (18—25 рублей), причем они стремились сдавать землю преимущественно кулакам. Так, делегат Одесского Совета Рабочих Депутатов, Ильин пишет в своем отчете о поездке в Ясски, Одесского уезда: «помещики обо-

шли беднейшую часть крестьянства и сдали свою землю кулакам по 25 рублей за десятину и помимо земельного комитета, а малоземельные и безземельные так и остались без земли. Не отстал и причт от помещиков. Он сдал церковную землю кулакам по 22 рубля за десятину»[1]).

Вследствие острого кризиса в рабочих руках в 1917 г., хлеб на помещичьих землях оставался зачастую неубранным. Крестьянские сходы выносили в таких случаях постановления об уборке этих полей крестьянами. В делах крестьянской секции Совета Рабочих Депутатов часто встречаются следующие постановления: «Мы, граждане Малоешт, Тираспольского уезда, Херсонской губ. были сего числа (июня 16 дня 1917 г.) на сходе и имели суждение о том, что у землевладельца Гамака имеется больше 100 десятин сенокоса, которые Гамак не уберет, так как у него нет рабочих рук и сенокос сможет пропасть, а потому постановили: взять у Гамака 17 десятин сенокосу, который бедному нашему народу очень в пользу по 5 руб. за десят.»[2]).

Самостоятельное установление крестьянскими сходами арендной платы принято повсеместный характер. Одесский генерал-губернатор Эбелов решил заступиться за обиженных помещиков. Он отправил Голованевскому волостному земельному комитету следующую телеграмму: «по имеющимся сведениям, некоторыми сельскими комитетами Ананьевского уезда без ведома помещиков устанавливаются цены за аренду земли, разорительные (!) для землевладельцев. Благоволите раз'яснить, что плата за аренду земли устанавливается по соглашению с помещиками, по последней арендной плате (очевидно по дореволюционной ставке М. и К.); также необходимо раз'яснить крестьянам, что земельным комитетам предоставляются незасеянные земли помещиков, за исключением предназначенных под сенокос, под выпас, пар и кукурузу»[3]). Мы уже выше отмечали, что Временное Правительство делало такие исключения в своей инструкции о засеве пустующих помещичьих земель, которые фактически не давали возможности крестьянским комитетам организовывать засев необработанных полей.

Но в 1917 году земельный вопрос разрешался не столько по инструкциям Временного Правительства, сколько вопреки им. Тот-же Голованевский земельный комитет в ответной телеграмме Эбелову поучает генерал-губернатора: «неосторожно ссылаться на интересы помещиков, это плохо действует на настроение хлеборобов. Помещики, пуская под черный пар землю, годную для весеннего посева, умы-

[1]) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива. Материалы крестьянской секции Совета Раб. Деп. за 1917 г., дело № 115—117.
[2]) Тоже, дело № 119.
[3]) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива. Материалы крестьянской секции Совета Раб. Деп. за 1917 г., дело № 151.

шленно сокращают посевную площадь. Выпасы отдаются скотопромышленникам в ущерб населению».

Для переговоров с помещиками о снижении арендной платы после соответствующих постановлений крестьянских сходов, последними избирались обычно делегации. Но очень часто для пущей убедительности на помещичий двор являлся крестьянский сход в целом, и тогда помещики обнаруживали значительно большую сговорчивость. Вот картина таких переговоров со слов небеспристрастного свидетеля, крупнейшего помещика Крупенского. Последний пишет в заявлении на имя крестьянской секции Совета Рабоч. Депутатов: «крестьяне заставили брата моего подписать бумагу, в которой он уступает сено по 7 руб. за десятину. Угрозы и требования были в такой тяжелой форме, что ничего не оставалось, как по настоянию огромной толпы подписать бумагу. Крестьяне, повидимому подстрекаемые какими-то агитаторами, особенно смело все захватывают, грозят и вносят особую тревогу. Теперь, когда везде упадок сельского хозяйства, особенно грозным является поведение крестьян». Заявление Крупенского кончается оригинальной просьбой к крестьянской секции: «послать за его счет депутатов для успокоения крестьян» [1]).

Саботаж помещиков. Совершенно напрасно, однако, Крупенский сваливал начинающийся кризис сельского хозяйства на крестьянское движение. В действительности, в том, что в 1917 году много полей остались незасеянными, виноваты не крестьяне, а помещики и не начавшаяся аграрная революция, а то, что на Одещине эта аграрная революция в 1917 году не была доведена до конца.

Граждане с. Капаклиевки, Куртовской волости, Одесского уезда пишут крестьянской секции Совета Рабоч. Депутатов: «мы, граждане с. Капаклиевки, не имея ни земли, ни жилищ, находимся в полной рабской зависимости от местного помещика Степана Муяки, владеющего нами на правах сатрапа. В этом году он оставил свои 500 десятин незасеянными, отказав сдать нам в аренду на льготных условиях и обрекая нас таким образом на голод и нужду. 7 июля 1917 г.» [2]).

Члены Малоештского, Гулянского, Ильинского сельских комитетов в своем постановлении от 10 мая 1917 года указывают: «довести до сведения продовольственного комитета Совета Рабочих и Солдатск. Депутатов о том, что в именьи княгини Абамелик имеется необмолоченного хлеба до 10 тыс. пудов, который подвергся такому сильному гниению и порче мышами, что едва-ли возможно будет приступить к его

---

[1]) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива. Материалы крестьянской секции Совета Раб. Деп. за 1917 г., дело № 117.

[2]) Тоже.

обработке. Это должно характеризовать княгиню Абамелик с самой отрицательной стороны»[1]).

«Граждане капиталисты» — писал в своем приказе по армии и флоту «социалистический» кликуша Керенский: — «будьте Мининами для своей родины, помогите ей чем можете». Но эти Минины двадцатого столетия предпочитали, чтобы мыши с'едали неубранный хлеб, чем согласиться снизить крестьянам несколько рублей с арендной платы.

Делегат крестьянской секции Совета Рабоч. Депутатов пишет в отчете о своей поездке в Балтский уезд: «приехав в с. Кассы 19 июня, я совместно с волостным земельным комитетом и понятыми от 3-х сел поехал в степь и установил злоупотребление, явно преступное, со стороны помещика Негруш и его управляющего имением. Помещик Негруш приказал управляющему косить зеленый хлеб под предлогом, что десятина ржи не дает более 5—6 пудов зерна, а если скосить на сено, то будет польза для армии. По осмотре хлеба мною и понятыми признано: что каждая десятина указанной площади дала-бы урожая не менее 25—30 пудов; поэтому признано, что помещик явно начал уничтожать хлеб на корне, чтобы принести вред для страны. Кроме того, обнаружено в амбаре несколько тысяч пудов зерна, которое горит, а помещик его не перемалывает, а также 11 скирд хлеба урожая 1916 г. гниет на поле необмолоченным»[2]). Картина совершенно ясная. Уничтожить хлеб для того, чтобы вызвать голод в стране и обвинить в этом большевиков и крестьянское движение, которые создают анархию — таков план помещиков. «Костлявой рукой голода задушить революцию», — это лозунг не только фабрикантов, но и помещиков.

Подобно рабочему контролю над производством в городе, крестьянские комитеты устанавливают своеобразный контроль над землевладельцами, контроль, являющийся местами переходной стадией к захвату земли.

В крестьянскую секцию Совета Рабочих Депутатов сыпятся заявления с мест о том, что помещики оставляют незасеянной свою землю. Так, Константиновский сельский комитет телеграфирует: «после 15 апреля у помещиков Ананьевского уезда есть много земель свободных, но помещики не хотят отдавать под посев за уменьшенную плату, и земля остается на третий год незасеянной. Наши крестьяне могли-бы свободно засеять всю землю»[3]).

В связи с практиковавшимися продовольственными комитетами реквизициями хлеба для нужд армии, с оплатой

---

[1]) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива. Материалы крестьянской секции Совета Раб. Деп. за 1917 г., дело № 119.

[2]) Тоже, дело № 151.

[3]) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива. Материалы крестьянской секции Совета Раб. Деп. за 1917 г., дело №. 115.

его по твердым ценам по 2 рубля за пуд, «патриоты» из помещиков предпочитают прятать хлеб в землю, чем отдать его родине, о защите которой они столько кричат. Они предвосхищают этим приемы кулачества в эпоху гражданской войны. Делегаты-матросы Одесского С. Р. Д. пишут о своем посещении села Коблева-Троицкого, Тузловской волости: «от местного населения мы узнали о реквизиции хлеба у землевладельца Балана; последний, желая избежать реквизиции, спрятал хлеб в преднамеренно вырытые ямы, но последние были обнаружены, хлеб был извлечен и реквизирован крестьянами»[1]).

Второй этап аграрной революции. Борьба за снижение арендной платы, борьба с саботажем помещиков были только первыми шагами аграрной революции. Поднявшееся крестьянское море, почувствовав свою силу, не могло остановиться на полпути. Временное Правительство, с.-р. говорили о предстоящем разрешении земельного вопроса в будущем Учредительным Собранием. Но крестьянство никому не хотело доверить своей судьбы. Оно хотело немедленно получить землю, оно стихийно обрушилось на помещичье землевладение, стремясь вырвать его с корнем.

К осени 1917 года аграрное движение принимает все более грозный характер. Если в первый период земельной революции происходят порой своеобразные принудительные торги о размерах арендной платы, и крестьяне еще полны наивного почтения к силе бумаги, заставляя помещиков подписывать какие-то контракты, то во второй период насилие, — этот главный метод истории при переходе от одного общественного строя к другому, приобретает все более решающую роль. Крестьяне не требуют больше от помещиков каких-либо бумаг, они не спрашивают санкции губернских органов, они просто вспахивают помещичьи земли, захватывают леса, развозят по деревням помещичий инвентарь.

Кулачество пока идет еще вместе с волной революции, разбивающей помещичье землевладение. Более организованное и крепкое оно зачастую захватывает в свои руки земельные комитеты. Это неоднократно отмечают в своих отчетах делегаты крестьянской секции Совета Рабоч. Деп. Располагая захваченным и своим собственным инвентарем, кулаки в большей степени, чем бедняцкие и середняцкие слои, могут использовать отнятую у помещиков землю.

Отдельные случаи захвата помещичьих имений встречаются еще весной 1917 года. Так, граф Бжезовский обращается к балтскому уездному комиссару с заявлением, в котором пишет: «11 апреля 1917 г. крестьянин с. Ракулово Кучерявый, в сопровождении двух крестьян того же села, явился в мой лес, снял утвержденные знаки с лесных

[1]) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива. Материалы крестьянской секции Совета Раб. Деп. за 1917 г., дело № 115.

сторожей, после чего явился к лесничему моему, заявив последнему, что отныне лесничий у меня не служит, а лес переходит к обществу крестьян, и лесничий обязан исполнять распоряжения общества с. Ракулово»[1]).

Землевладелец Калиновский пишет летом 1917 г., что в деревне Калиновской, Бролиской волости, Елисаветградского уезда начались аграрные волнения: «крестьяне деревни Кашекловатки, явившись в усадьбу, заявили, что они по постановлению какого-то комитета захватывают землю и предложили по два рубля за десятину. Выслушав отказ, крестьяне заявили, что самовольно занимают землю. Они указали, что организовали из себя комитет, который постановил отобрать у меня 50 десятин пахатной земли и 550 десятин сенокосу. Если-же я с постановлением комитета не согласен, то могу жаловаться куда угодно»[2]). Таким образом, во второй период аграрной революции крестьяне довольно безразлично относятся к тому, как будут реагировать на их действия представители Временного Правительства. Калиновский решил жаловаться одесскому генерал-губернатору, который, как мы видели, близко принимал к сердцу интересы землевладельцев. Но генерал-губернаторское воздействие производило уже слабое впечатление на крестьян, и он оказался бессилен помочь помещику.

Ролъ Одесского СРД в аграрном движении губернии. Единственной организацией, с которой считалось крестьянство, был Одесский Совет Рабочих Депутатов. Туда несли они свои жалобы и просьбы по самым разнообразным вопросам, начиная с заявлений о снижении арендной платы и кончая просьбами о присылке ораторов. Авторитет Совета Рабочих Депутатов должен был признать даже генерал-губернатор, который, будучи бессилен сам помочь помещикам, часто просил об этом крестьянскую секцию. В делах последней имеется значительное количество заявлений помещиков, которые, видя в Совете Рабочих Депутатов организующий центр движения, обращались туда за помощью.

В ходе аграрной революции особенно выпукло обрисовывалось двоевластие. Комиссары Временного Правительства, власти военные — на стороне «порядка», т.-е. охраны помещичьего землевладения. Но массы рассматривают как свой орган власти — Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов. В руках советов в течение первого этапа аграрной революции сосредоточены приводные ремни крестьянского движения. Делегаты Одесского СРД пользуются большим авторитетом, к их голосу внимательно прислушиваются крестьянские сходы, им боязливо подчиняются кулаки.

[1]) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива. Материалы крестьянской секции Совета Раб. Деп. за 1917 г., дело № 119.

[2]) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива. Материалы крестьянской секции за 1917 г., дело № 152.

«В деревне Бугово», — пишет в своем отчете делегат крестьянской секции Одесского СРД, Пугач: «большую часть земли заарендовали два деревенских кулака. Когда у них землю захотели отнять, они сильно воспротивились. Стоило только мне явиться в деревню, как кулаки очень быстро уступили и сдали землю солдаткам по две десятины, с условием, что 14 десятин останется в их пользовании»[1]).

Но если Совет Рабочих Депутатов, как форма власти, стал глубоко популярен в крестьянских массах, то меньшевистско-эсеровское руководство одесским советом, до сентября 1917 г., поставило этот совет фактически в хвосте аграрного движения.

В развернувшейся борьбе с помещиками крестьянство неудержимо стремится ликвидировать помещичье землевладение, не дожидаясь сомнительных решений по этому вопросу Учредительного Собрания. Перед всеми политическими партиями и организациями стоял выбор: либо пойти навстречу аграрной революции, либо пойти против нее. Осенью 1917 г. эта аграрная революция была реальным фактом. Временное Правительство — меньшевики и эс-эры пошли против земельной революции и этим самым поставили себя по ту сторону баррикад.

Большевистская партия, рабочий класс поддержали до конца требования беднейших слоев крестьянства и возглавили поэтому революцию всех трудящихся против капитализма, против феодально-помещичьего и кулацкого землевладения.

Временное Правительство, пытавшееся оттянуть разрешение земельного вопроса до Учредительного Собрания, партия с-ров, имевшая земельную программу, но не сумевшая ее провести в жизнь, кончили тем, что двинули карательные отряды против крестьянства. Такова логика борьбы. Перед нами переписка «о принятии мер против самоуправств крестьян, выразившихся в захвате Малоештской лесной дачи, Тираспольского уезда, и самовольно пасущих скот в Перерытской даче того же уезда». Переписка идет между крестьянской секцией Сов. Раб. Деп., генерал-губернатором, лесным ревизором и уездным комиссаром Врем. Правительства. Переписка заканчивается лаконической и красноречивой телеграммой последнего на имя крестьянской секции Одесского Совета Рабочих Депутатов: — «Мною по ходатайству Вашему и Совета офицерских и солдатских депутатов приняты военные меры для прекращения порубок имений и лесных дач. Уездный комиссар Врем. Правительства (подпись)»[2]).

---

[1]) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива. Материалы крестьянской секции Совета Раб. Деп. за 1917 г., дело № 119.

[1]) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива. Материалы крестьянской секции за 1917 г., дела №№ 115, 117, 119 152.

Военные меры Врем. Правительства против аграрной революции в защиту помещичьего землевладения заставят крестьянство больше задуматься над вопросами власти, сделают для него еще более близким, осязательным лозунг «Вся власть советам». Теперь, во второй половине февральской революции, этот лозунг для беднейшего крестьянства неразрывно связывается с вопросом о получении земли, закреплением ее. Аграрная революция перерастает в Октябрьское восстание, соединяясь с революцией рабочего класса.

Расстановка классовых сил в аграрной революции. Движущие силы аграрной революции на всем ее протяжении меняются. Кулачество вначале участвует в аграрном движении, затем от него постепенно отходит. Помещики стремятся перетянуть крестьянскую буржуазию на свою сторону, чтобы усилить лагерь контр-революции. Союз земельных собственников в своем обращении к крестьянам пишет: «крестьяне, имеющие большие наделы, знайте, что у вас вашу землю убавят, чтобы передать ее каждому, кто захочет взять землю... В Москве и в Одессе в июле этого года был с'езд земельных собственников. В числе других землевладельцев с'ехались и крестьяне-собственники со всех концов России и они рассказывали, что и у них уже начинают захватывать землю. Все те крестьяне, которые не хотят отдавать свою землю обществу и пустить ее в передел, — все они записываются в союз земельных собственников»[1]).

Этот союз земельных собственников представлял собой, таким образом, попытку создать перед надвигающейся революцией беднейшего крестьянства — блок помещиков и кулаков. Хотя кулаки в первый период февральской революции и приложили свою руку к разгрому помещичьих имений, но экономические классовые противоречия между ними и беднейшим крестьянством были несравненно сильнее сословных различий и экономических противоречий между кулаками и помещиками. Поэтому во второй период Февральской революции мы имеем форму организационной связи между помещиками и кулаками — названный союз земельных собственников, — а в период гражданской войны военно-политический союз кулачества, помещиков и капиталистов против военно-политического союза пролетариата и бедняцко-середняцких слоев крестьянства.

Позиция церкви в аграрной революции. Чтобы покончить с характеристикой расстановки сил в аграрной революции, остановимся еще на позиции «внеклассовой» церкви. Последней принадлежало в Херсонской губ. 80 тысяч десятин земли. Монастыри и причты сдавали обычно свою землю в аренду и брали, как мы уже отмечали, аренд-

[1]) Истор. револ. отдел Одесского Крайархива. Фонд прокламаций за 1917 г.

ную плату совсем не «по-божески». По поводу же отношения церкви к аграрной революции предоставим слово архиепископу Антонию: «Послание соборам и чадам церкви... Многие посетители приходских церквей — крестьяне насильственно захватили себе церковную или частновладельческие земли, захватили самовольно причтовое поле, вырубали церковный или частновладельческий лес. Той же участи подвергались некоторые монастыри мужские и женские... Да не будет сего. Немедленно возвратите церквам, причтам и частным владельцам награбленную землю». Дальше послание, не скупясь в выражениях, грозит трудовому крестьянству гневом церкви и указывает, что бог находится на стороне землевладельцев[1]).

Оставляя интервью с богом по земельному вопросу на совести архиепископа, мы должны, однако, с очевидностью констатировать, что церковь, в лице ее представителей, уже во всяком случае оказалась на стороне помещиков. Церковь, являясь идеологической надстройкой самодержавно-дворянского государства, сама была крупным землевладельцем и эксплоататором, отсюда вытекала ее позиция. Аграрная революция, обрушившаяся на помещичьи землевладения, привела поэтому повсеместно к ликвидации церковного и монастырского землевладения.

Ликвидация помещичьего землевладения. Перейдем теперь непосредственно к описанию того периода аграрной революции, который привел к ликвидации помещичьего и церковного землевладения на Одещине. Этот период приходится, в основном, на осень 1917 года, хотя отдельные случаи захвата помещичьих земель встречаются еще весной 1917 г. и учащаются летом. В условиях Одещины процесс ликвидации помещичьего землевладения значительно затянулся сравнительно с центральными губерниями.

Эта аграрная революция не означала, однако, окончательного перехода всех земель в руки крестьянства. На территории Одещины неоднократно в течение гражданской войны менялась власть. Когда торжествовала реакция, помещики забирали свои земли или же требовали с крестьянства долю урожая. Когда надвигались части Красной армии, крестьяне снова изгоняли из деревень помещиков. Неразрывная связь политики с экономикой воочию вставала здесь перед крестьянскими массами, ибо изменение власти означало всякий раз изменение экономических взаимоотношений в деревне.

Воспользуемся для иллюстрации хода аграрной революции данными анкеты по этому вопросу 1922 г.[2]). В Качка-

---

[1]) Газета «Родная Речь» от 15 ноября 1917 года.

[2]) Цитируем по «Истории земельных отношений в Одесской губернии» Черненкова. Одесса, 1925 г.

ровской волости, Херсонского округа «в 1917 году был организован земельный комитет, который отобрал землю у частных владельцев, но во время гетманщины ее отобрали прежние владельцы. При последующей перемене власти земля опять была передана земельному комитету, но во время белых снова отошла владельцам, пока, наконец, не была отобрана у них окончательно весной 1920 года и распределена по едоцкой норме в 2¾ десятины на душу». В Краснянской волости того-же округа: «земля первоначально отбиралась постановлением сходов, но при перемене власти считалась опять помещичьей и оплачивалась первый раз $^1/_3$ частью урожая, во второй раз $^1/_5$». В б. Александровской волости, Балтского округа: «в начале революции земля отбиралась бессистемно, захватным путем, и это отбирание носило хаотический характер; при перемене власти земля занималась снова владельцами, а потом опять отбиралась у них». В б. Песчанской волости того-же округа: «земля у крупных владельцев захватывалась целыми селениями». В Кондратьевской волости, б. Балтского округа: «случаи отбирания земель начались с 1917 г.; занимали и в одиночку и целыми селениями при посредстве земельного комитета; при перемене власти земля временно возвращалась владельцам (ими бралась часть урожая)».

Декрет 26 октября 1917 г. Приведенные выдержки показывают стихийный характер движения. Знаменитый декрет о земле 26 октября 1917 г., являющийся как-бы договором между пролетариатом и крестьянством, составлен в духе наказов 242 крестьянских комитетов. Крестьянство, ликвидируя помещичье землевладение, в свою очередь, действовало в духе декрета о земле. Последний вносил, однако, некоторое плановое начало в стихийное движение, устанавливая передачу земли крестьянству через земельные комитеты. Его организующее влияние чувствуется на Одещине уже позже, в 1918 году. Таково, например, сообщение той-же анкеты: «разные отбирания и раздачи производились строго по существующим правилам, с появлением советских войск прежние владельцы ушли сами, земля осталась на произвол, и администрация соседних сел наделяла ею своих сограждан»; или же другое аналогичное сообщение: «земля была отобрана в 1918 году, волостной земельный комитет руководствовался постановлениями центра».

Очень затруднительным является определение срока аграрной революции. Вследствие стихийности своего развития, аграрное движение шло неравномерно в различных волостях. Местами мы встречаем захват помещичьих земель в начале 1917 года, местами только в 1918 году. Но в основном ликвидация помещичьего землевладения происходит осенью 1917 г. и в начале 1918 г.

Аграрная революция в отдельных частях бывш. Херсонской губ. отличается не только по времени, но также

и по степени интенсивности. Встречаются, например, случаи, когда у частновладельцев не были отобраны земли вплоть до 1921 года. Это об'ясняется с одной стороны тем, что степень обеспеченности крестьянства землею была очень неодинакова в различных местностях губернии. С другой, не всегда благоприятно для целей раздела было расположение крупных помещичьих владений. Так, наиболее густо населенным и малоземельным являлось Приднестровье, но в то же время там мало было и крупных помещичьих владений. Наоборот, в Херсонском округе, в особенности в его правобережьи, расположены были крупнейшие помещичьи владения, но там мы встречаем в то же время высокие земельные наделы крестьянства. Поэтому одним из методов последовавшей за аграрной революцией аграрной реформы было расселение крестьянства.

Аграрная революция перерастает в противокулацкую. Другим тормазом в освоении крестьянством помещичьей земли был недостаток у беднейших слоев деревни инвентаря для обработки полей. Очень часто поэтому бедняки брали земли значительно меньше, чем им предоставлялось. Переход к трудовому землепользованию мог совершиться поэтому только при условии углубления аграрной революции, при предоставлении беднякам необходимого инвентаря путем раскулачивания крестьянской буржуазии. Эта стадия аграрной революции наступает на Одещине значительно позже, чем в центральных губерниях, под влиянием политической обстановки.

Перерастание аграрной революции антипомещичьего характера в противокулацкую требует значительно более прочных форм союза с беднейшим крестьянством и организационного руководства им со стороны пролетариата, чем то, которое могло создаться на Одещине в условиях калейдоскопической смены властей. Хотя имеются указания о захвате земель хуторян и отрубщиков в конце 1917 и в начале 1918 г. г., но все-же эти случаи носят единичный характер. В основном раскулачивание происходит на Одещине лишь в 1920 г.

Две основные политические силы, существовавшие в Одессе в конце 1917 г. вплоть до Январского переворота, Рада и Советы, занимали различную позицию в отношении противокулацкой аграрной революции. Советы, в которых с сентября мес. установилось большевистское руководство, поддерживали требования беднейшего крестьянства до конца. Украинская же Рада приняла определенную кулацкую ориентацию. При междувластии беднейшие слои крестьянства обращались в Совет Рабочих Депутатов за помощью; кулаки же запрашивали о подкреплениях для борьбы с бедняками Раду и находили у нее живейший отклик. Были случаи посылки Радой войск на помощь крестьянской буржуазии против беднейшего крестьянства.

Три этапа аграрной революции. Всю аграрную революцию можно условно разделить на 3 этапа. Содержанием первого этапа было: снижение арендной платы крестьянами, принудительные договоры с помещиками, не затрагивавшие самого характера помещичьего землевладения. Второй период: стихийная ликвидация помещичьего землевладения. В этот период большей частью крестьянство выступает еще в целом, как движущая сила революции. Но уже наблюдаются среди кулачества некоторые опасения, что революция заходит слишком далеко. Кулаки не прочь бы нажиться на разделе помещичьих имений, но боятся революции беднейших слоев крестьянства. Наблюдаются некоторые попытки сговора с помещиками. Третий период — революция беднейшего крестьянства, при нейтрализации середняков и против не только помещичьего, но и кулацкого землевладения.

Между этими тремя стадиями аграрной революции невозможно установить точные хронологические грани, тем более, что вследствие стихийности аграрного движения, последнее находилось не на одинаковой ступени развития в различных местностях. Эти стадии рисуют только последовательность крестьянского движения в том виде, в каком она развивалась обычно в любой деревне: весной и летом 1917 г. старались снизить арендную плату и засевали поля, оставшиеся необработанными; осенью уже захватывали помещичий инвентарь и всю землю, а еще позже разделу подвергались уже земли хуторщиков и отрубщиков, и бедняки шли уже против кулачества. Имеется ряд указаний, что во многих местах раздел земли кулаков на Одещине затянулся вплоть до декрета 2 марта 1921 г.

До революции наиболее многочисленным слоем деревни были бедняки (в результате политики военного коммунизма центральной фигурой земледелия стал середняк). Но это, в то же время, наиболее отсталый слой крестьянства, которому нужна была организующая сила. Во время похода на помещиков ею зачастую являлись кулаки. Не следует, конечно, думать, что в период борьбы за ликвидацию помещичьего землевладения не существовало внутренней борьбы между различными слоями крестьянства. Она не прекращалась. Но она выступила на первый план лишь после ликвидации помещичьего землевладения. В своей борьбе против кулаков беднейшие слои деревни могли найти единственного надежного союзника только в пролетариате и в социалистической революции. Поэтому, если в течении первого и отчасти второго периода аграрной революции, пролетариат выступает в качестве руководящей силы по отношению ко всему крестьянству, то в третьем этапе мы имеем союз пролетариата только с беднейшим крестьянством, при нейтрализации середняка.

Аграрная революция могла достичь такой глубины, последовательности и завершиться победоносно, только благодаря соединению с пролетарской революцией в городе. Делегаты Од. СРД. — рабочие и матросы раз'езжались по деревням далеко за пределы Херсонской губернии и осуществляли этим пролетарское руководство стихийным крестьянским движением. Но этот контакт между СРД и крестьянским движением по мере расширения последняго нарушается. Революция в городе послужила только первым толчком крестьянского движения. Оставаться до конца вместе с крестьянской волной могла только та партия, которая готова была поддержать на деле требования трудового крестьянства. Поскольку меньшевики и эсеры, руководившие Од. Сов. Раб. Деп. до сентября 17 года, стремились разрешить земельный вопрос не снизу, революционным путем, а в Учредительном Собрании, путем земельной реформы, они сделались тормазом крестьянской революции. Переход Советов Рабочих Депутатов в руки большевиков восстановил контакт его с крестьянским движением.

Январское восстание 1918 года за единовластие советов было целиком поддержано трудовым крестьянством. В самой Одессе крестьянские дружины дрались бок о бок с красногвардейскими рабочими отрядами, как бы олицетворяя этим смычку пролетарской и крестьянской революции.

Н. Межберг и С. Коган.

II.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА и СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Речь т. Володарского, произнесенная на 2-м с'езде Румчерода в г. Одессе 12 декабря 1917 г.

(По стенографическому отчету).

Я представитель определенной партии, но я сегодня хотел бы говорить не к большевикам, не к меньшевикам, не к с.-р., не к великороссам, не к украинцам, не к молдаванам, я хотел бы только говорить к рабочим, солдатам и крестьянам. Я не претендую на то, чтобы вы со мной согласились, я хочу просить только об одном, чтобы то, что я скажу, и то, что буду защищать, обсуждалось с точки зрения соответствия интересов рабочих, солдат и крестьян, без различия национальностей и без различия фракций.

Русская революция, как и всякая революция, не произошла по прихоти тех или иных отдельных революционных деятелей. Революция произошла потому, что насущные требования народа, его главные неотложные задачи не могли быть разрешены без столкновения двух противоположных классов. Четыре великих лозунга выдвинула наша революция. И те партии, которые в течение 8-ми месяцев стояли у власти, точно также, как и мы, стоящие 6 недель у власти, когда выступаем перед народными массами, обязаны сказать, должны сравнить, что сделали они по этим вопросам, что сделали они для того, чтобы эти вопросы разрешить, и что сделали мы.

Первый вопрос о земле. Земли жаждал русский крестьянин и на эту землю он имеет полное, безусловное право, ибо нет в этой земле ни одной пяди, ни единой точки, которая не была бы обильно полита потом и кровью русского крестьянства. Но когда после революции крестьянство попробовало протянуть руку к этой земле, со всех сторон нашлись советчики и доброжелатели, которые ему сказали: нет, теперь тебе еще рано эту землю брать; нет, надо маленько погодить. И он годил. В течение 8 месяцев мы, наоборот, говорили, землю надо брать немедленно, иначе эта земля ускользнет из рук крестьянства. В ответ на это нам говорили: вы хотите натравить крестьянина на крестьянина, дом на дом, волость на волость, улицу на улицу и т. д. Вам, как партии, все равно, что будет делаться в деревне, а вот мы своей мирной дипло-

матической линией поведения сумеем дать крестьянам землю. Вы в своих окопах совершенно не знали о том, что творилось в русской деревне в течение 8 месяцев.

Министр, соц.-рев. Виктор Чернов, издал указы о земельных комитетах, а другой министр соц.-революционер Авксентьев и председатель совета крестьянских депутатов сажал членов земельных комитетов в кутузку за исполнение этих приказов Чернова. И лишь недавно столкнувшись с Черновым на с'езде, я имел счастье узнать, что да, верно, их сажали за исполнение его приказов. Если бы они сумели охранить русскую деревню от гражданской войны и от пролития крови, быть может, хотя бы в этом было оправдание их политики в земельном вопросе. Но я утверждаю, и все вы это великолепно знаете, что, как раз наоборот, крестьянство, отчаявшись в возможности мирным путем получить землю, решило: раз это не достается мне, пусть не достанется и моему классовому врагу. И накануне нашей классовой революции по всей России полыхал пожар аграрного восстания. Достаточно напомнить Тамбовскую губернию и целый ряд других мест, где землю жгли для того, чтобы заставить услышать их голос. Я утверждаю, что в результате их земельной политики деревня была доведена до абсолютной анархии, до безусловной дезорганизации. Если здесь кто-нибудь сумеет доказать противное или захочет доказать противное—я соглашусь.

Но я не могу не вспомнить, как на страницах газеты Виктора Чернова «Дело Народа», в статье, которая появилась за несколько дней до октябрьского восстания, он писал: «Спасите, спешите, тушите пожар в деревне, дайте немедленно земельным комитетам землю». «Мужицкий министр», как он себя называет, должен был ждать 7 месяцев, чтобы, наконец, признать, что нужно дать немедленно землю народу, чтобы не было пожаров в деревне. Я утверждаю, что в тот момент, когда мы выступили—одной из причин нашего восстания было аграрное движение в деревнях, которому надо было прийти на помощь. Участники коалиции, буржуазные министры требовали, чтобы аграрное движение было подавлено немедленно; они желали выпустить из жил русского крестьянина столько крови, чтобы можно было залить ею пепелища крестьян. И когда мы восстали,—мы сказали себе: если мы не придем на помощь восставшему крестьянству, если мы это быстро не сделаем—крестьянство будет разбито. Одно из звеньев русской революционной цепи будет выбито, и русская революция будет тогда уничтожена. Если мы с результатами их политики сопоставим то, что было сделано революционной властью за эти короткие шесть недель, то вы увидите, и я это утверждаю, что декрет о земле, изданный вторым Всероссийским С'ездом Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, декрет, подтвержденный вторым чре-

звычайным С'ездом крестьян,—что он внес успокоение в деревню. И если на столбцах буржуазной и подхалимской прессы еще кричат о беспорядках в деревне, то я утверждаю, что в настоящий момент это лишь голые выпады, без всякого подтверждения фактами и указаниями тех мест, где это происходит.

Крестьянство, узнав о декрете, сказало: теперь положение коренным образом изменилось—власть в руках народа, земля об'явлена собственностью народа, и теперь эту собственность мы будем беречь и мы обязаны ее беречь. И крестьянство, производя сейчас организованным путем списки, составляя реестры всего имущества, имеющегося в деревнях, охраняет его. И мы утверждаем, что земля сейчас уже перешла в руки крестьян. И если-бы завтра нашелся кто-нибудь, кто мог-бы нас свалить, я, в качестве его злейшего врага, пожелал-бы ему свалить наш декрет о земле—его свалили-бы тогда в 24 часа. И как-бы вы, товарищи-крестьяне, солдаты и рабочие, не относились к нашей власти, чтобы вам не говорили о нас, об этом факте я прошу вас судить с точки зрения интересов крестьянства, с точки зрения интересов трудового, измученного, истосковавшегося по земле русского крестьянства (аплодисменты).

Второй вопрос—это был вопрос о мире. Мира жаждала измученная страна и измученные окопники, мира жаждали даже оборонцы, царствовавшие в совете в марте месяце, не посмевшие сделать ничего другого, как обратиться с воззванием ко всем народам, предложив им мир без аннексий и контрибуций на основах самоопределения всех народов. Но беда в том, что кровавую авантюру в течение трех с половиной лет, они решили тушить лишь пожарами. Кровавую войну, страшную бойню, с которой можно бороться лишь самыми энергичными мерами, самым решительным образом, они считали возможным прекращать воззваниями и собиранием Стокгольмской конференции, в то время, как Милюкову, а потом Терещенко и Ко, они предоставили творить внешнюю политику революционной российской республики. Результат этого был двоякий—конференция разлетелась, как пух, после того, как империалисты союзных держав отказались выдать паспорта на конференцию. И, творя волю русских империалистов, Керенский, в результате этой политики, предпринял наступление 18 июля. Я глубоко убежден, что здесь не найдется ни один человек, который посмеет защищать эту дикую, глупую авантюру, которая нам стоила много жизней.

Из опубликованных нами тайных договоров и документов вы могли прочесть, что Терещенко и Керенский, под давлением союзных империалистов, готовили новую авантюру, новое наступление в октябре или ноябре этого года. Готовить наступление при том состоянии, в котором на-

ходится русская армия—это такое неслыханное преступление, что я готов спросить солдат, называвших себя соц.-революционерами правыми, кто может затевать что-нибудь подобное, если он имеет хоть каплю революционной чести и совести. Они разговаривали с нашими союзниками, как побежденные, с поникшими головами, снявши шапку и говоря нашим союзникам, чего хочет русский народ; они безропотно и покорно в то же время исполняли то, что им диктовали союзные империалисты. И к моменту нашего восстания мы имели развалившуюся армию, раздетую, голую и босую и совершенно небоеспособную. И я знаю, умные мои оппоненты скажут: «Да, конечно, но, ведь, это вы разложили нашу армию, ведь это вы уничтожили ее боеспособность (возгласы: верно, шум). Зачем-же, товарищи, кричать, ведь, вы видите, что я сам подхожу к тем обвинениям, которые потом мне будут брошены. Мои оппоненты скажут, повторяю, ведь, это вы разложили нашу армию. Я их спрашиваю—серьезно ли они думают, что большевистская партия с той небольшой газеткой, которую она имела в своем распоряжении—четырех-страничной «Правдой»—могла разложить миллионную армию. Если вы скажете, что да, то, чем об'ясняется, что маленькая газетка разложила армию, а вы своими большими газетами не могли ее сложить. Только дети могут так рассуждать—разложить 12 миллионов солдат не может ни один агитатор, и я обращаюсь к этой части с'езда (жест в правую сторону) и спрашиваю ее, как давно стала поступать к вам на фронт большевистская литература и большевистские агитаторы. Разве вы не знаете, что к вам долгое время не пропускали не только большевистских агитаторов, но даже просто агитаторов социалистов. Я утверждаю, что это несомненно так (шум). Я утверждаю, что только нелепые политические младенцы могут утверждать, что 12-миллион. армию можно разложить агитацией. Если же это для некоторых является спорным, то уж против факта внешней политики, выявившего полное банкротство прежних соглашателей, прежних правителей—спорить невозможно.

И в то время, когда мы требовали немедленного мира и требовали приступить немедленно к мирным переговорам, вы, вероятно, знаете те возражения, которые они делали против нас—они нас пугали, они говорили, что немцы с большевиками не будут разговаривать; против нас в нейтральных странах союзники распространяли самые ложные слухи, что немцы нам, будто-бы, предложили приступить к мирным переговорам лишь в том случае, если мы отойдем на всем фронте на 100 верст; что немцы требуют от нас убраться из Петрограда в Сибирь; что союзники выступают против нас и т. д. Но я прошу вас проанализировать условия заключенного нами перемирия и укажите мне, где там имеется хотя-бы самый маленький пунктик,

самая маленькая точечка, которая была бы постыдной и неприемлемой для русской революционной демократии. Я утверждаю, что такого пункта там, в условиях о перемирии, не найти. И я считаю, что у меня нет необходимости доказать, что все страхи, которыми они нас пугали, страхи со стороны союзников и Японии—оказались только страхами, ибо безудержна та робость, с которой они смотрят на нашу революцию и наши перспективы.

Я утверждаю, что представитель американского правительства заявил, что время угроз по адресу Советской власти давным давно прошло. Представители наших союзн. держав должны столковываться с нашим комиссаром по иностранным делам. Подхрамывая, они должны будут поспешить за нами в деле общего мира. И когда мы стремимся дать нашему народу мир, мы меньше всего надеемся на помощь и расположение союзных империалистов к нам. И я утверждаю, что их народы, исстрадавшиеся так же, как и наш, не пойдут за своими империалистами, которые не посмеют их двинуть против революционной России, освобождающейся от кошмарной, три с половиной года давившей ее, войны. Мы заставили фактически замолчать пушки, пулеметы (голос: чтобы начать войну в тылу) и ружья, а это, я утверждаю, является соблазнительнейшим примером для всех стран (возгласы: Германии). Я посоветую нашим противникам стать у власти и попробовать заявить наши договоры о перемирии несуществующими.

Третий вопрос — был вопрос о воле. По воле народ исстрадался; и я сейчас не сомневаюсь в том, что наши противники, наши враги будут нам говорить—да, волю большевиков мы хорошо знаем, хорошо чувствуем—закрывают печать, арестовывают общественных деятелей, сажают в казематы и т. д.; нас здесь обрисовывают и будут обрисовывать в самых темных красках, что мы уничтожаем демократические завоевания. Я готов и нашу большевистскую страшную волю сравнить с той волей, которая существовала тогда, когда у власти стояли они. Вспомним смертную казнь в русской армии, которая была введена по требованию буржуазии социалистами, творившими волю буржуазии. И когда нам здесь смеют говорить, что мы уничтожили волю: а смертную казнь одного солдата за 18 яблок вы забыли, а смертную казнь по требованию изменника Корнилова и Савинкова вы забыли? И если бы было так, если бы, действительно, мы были так черны, как нас малюют наши противники, то только один факт, что по требованию контр-революционеров вы ввели смертную казнь, —этот факт должен был бы всех заставить замолчать. А аресты членов земельных комитетов, а аресты десятков тысяч солдат, матросов, рабочих и крестьян (возгласы: ложь)!..

Вы говорите, что мы арестовываем десятки людей, но знайте, что в Минске мы из арестованных вами солдат со-

ставили двухтысячный военно-революционный полк, составили 2000 революционных штыков. И вы, которые это делали, которые это санкционировали, вы смеете говорить о терроре, об ужасах большевистского режима. Позвольте вам напомнить о резолюции, принятой на с'езде партии с.-р. Она выносит порицание центровикам с.-р. за то, что они фактически не отграничивали себя от тех господ, которые стояли у власти, чем они брали на себя часть вины за эту власть. Эту резолюцию вы не можете свалить с себя: она прилипла к вам за те насилия, которые вы творили в течение 8-ми месяцев революции.

Вы говорите, что мы уничтожили свободу печати. Если бы это было так, если бы в разгаре борьбы, борьбы политической, борьбы не на жизнь, а на смерть, мы стали закрывать газеты, то разве не вы первые стали закрывать газеты. Кто стал это делать и по чьему требованию это стали делать; по требованию контр-революционных элементов нашей страны. Я утверждаю, что все разговоры, все слухи, что мы ограничивали цензуру, являются безусловно ложными, и лучшее доказательство этого вы можете увидеть ежедневно. Возьмите любой номер любой подхалимской газеты и вы увидите, что она от первой буквы до последней нас обливает грязью. Я спрашиваю вас, что, если бы у нас была цензура—разве вы выпустили бы тогда на свет божий ваши газеты. Нет. Я утверждаю, что цензуры нет. Но здесь, товарищи, дело не в цензуре. Буржуазные газеты не хотели выйти без об'явлений—об'явления для них—все. В этом я с ними согласен, что для них платные об'явления все. Но мы этого допустить не могли. И вот, когда буржуазная пресса свободу об'явлений и свободу печати понимает как одно и то же, то это не наша вина, а показатель развращенности нашей прессы, которая развращена капиталом, покупающим ее и делающим ее своей содержанкой. И я утверждаю, что в этом вопросе вы не можете ни в коем случае указать, что мы, действительно, превзошли вас, вышли далеко за те рамки, которые позволительны в периоде обостренной, ожесточенной борьбы.

Еще говорят, что мы преследуем господ буржуев. Но я спрашиваю, кто в русской революции потребовал первым арестов, закрытий. Вы все помните хорошо тот медовый месяц русской революции, когда никто не смел думать об этом. С чьих сторон потребовали бичей и скорпионов. Со страниц буржуазной прессы стали требовать репрессий к кронштадтским солдатам, и никто иной, как Павел Милюков, на одном из с'ездов в Москве, когда его спросили, что делать с Лениным, ответил: «арестовать, арестовать». Но мы хотим, чтобы у нас наступили те библейские времена, когда уживаются рядом самые непримиримые животные и друг друга не трогают, а если у нас это невозможно, и у нас идет борьба между имущими и неимущими, если

у нас таково положение, что тюрьмы у нас пустовать не могут, что там должен кто-нибудь сидеть, то мы предпочитаем, чтобы крестьяне, рабочие и солдаты были на воле, а там сидели господа буржуи (аплодисменты). И если господа буржуи никак не могут примириться с тем, что власть выскочила из их рук и перешла в руки народа, если они могут делать все, что хотят, чтобы свалить эту власть; если они первые позволили себе нарушить святость революции своими приказами, то было бы глупо, если бы им на это не ответили словами Павла Милюкова: «арестовать, арестовать». Раз идет борьба не на жизнь, а на смерть—нечего сантиментальничать.

Вы, друзья рабочих и крестьян, когда вы парализуете силы, идущие на помощь войскам, действующим против Каледина,—отдаете ли вы себе отчет, каков будет результат, когда победят Каледины, Гучковы, Корниловы. Думаете ли вы, что сможете тоже с ними разговаривать. Я говорю прямо и определенно—идет борьба не на жизнь, а на смерть. С одной стороны стоят трудовые массы, а с другой стороны—паразиты этих масс—эксплоататоры и быть между ними мира не может, быть между ними согласия не может, и вместо того, чтобы сидели тысячи крестьян по тюрьмам—пусть сидят 1000 помещиков; вместо того, чтобы сажать солдат и матросов—мы будем сажать генералов, контр-революционеров. И я утверждаю, что никто из моих оппонентов, никто из представителей противоположных фракций не сможет ни в коем случае показать, что та воля, которая существовала раньше для неимущих классов, слаще, чем теперешняя (аплодисменты).

Четвертое требование—это требование созыва Учредительного собрания, о котором, как дважды два четыре, вам уже показала вся пресса, что большевики его сорвали. Но я убежден, что смогу доказать, что только наше восстание сделало возможным созыв Учредительного собрания (смех). Я утверждаю, что только переворот 25 октября сделал созыв Учредительного собрания возможным. Я говорю—возьмем Учредительное собрание и остановимся на той роли, которую оно играло в русской революции. Я утверждаю, что Учредительное собрание было использовано имущими классами—фабрикантами, заводчиками, помещиками, чтобы обманывать русский народ. Когда русский крестьянин подходил к земле, ему говорили—подожди до Учредительного собрания и там ее получишь. Когда русский рабочий голодал, ему говорили: затяни, братец, пока поясок, подтяни живот и жди до Учредительного собрания (бурн. аппл.). И когда русский выл в окопах, голодный, раздетый, прося мира,—ему тоже советывали ждать Учредит. собрания. Но, товарищи, вместе с тем Учредит. собрание не созывали, а откладывали, ибо г.г. буржуи и те партии, которые нам предшествовали, выдали так много век-

селей, долженствовавших быть оплаченными в Учредит. собр., что они как смерти боялись его. Они обещали народу все в тот момент, когда Учредит. собр. соберется, и этого Учредит. собр. не созывали. Товарищи, Учредит. собр. должно было быть созвано давным давно. Вы, вероятно, помните тот мотив, по которому они отложили созыв — нельзя было подготовить зал Таврического дворца. Оскудела земля русская плотниками. Если бы догадались вы выделить из своей среды артель плотников—Учредит. собр. было бы созвано (смех на всех скамьях). Я утверждаю, что дело не в этом, а в том, что они боялись его. И лучшим доказательством того, что Учредит. собр. все равно не было созвано—показывает то обстоятельство, что наступление на фронте они готовили с открытием Учредит. собр. Ведь Терещенко, Керенский и Ко, хорошо знали, что это кончится поражением, но они хотели создать только новую разруху фронта, чтобы сказать: наши солдаты умирают в окопах, а потому Учредит. собр. должно быть отложено.

Еще, т. т., незадолго до нашего восстания господа Керенский и Ко заговорили о том, что надо переехать в Москву в виду угрожающей опасности и только потому, что мы поняли это и заявили им, что в тот момент, когда они переступят пределы Петрограда, им придется с нами считаться—они бессвязно залепетали, что остаются. Не будь этого, если бы мы их не остановили, они, благодаря этой новой провокации, снова бы отсрочили Учредит. собрание, а вместе с ним землю, волю, мир и все то, чего жаждет русский народ. Говорят, что мы срываем Учредит. собр. Но я спрашиваю, если бы мы хотели, кто бы нам мог запретить отложить выборы (сильный шум). Если вы утверждаете, что мы хотим разобрать уже выбранное Учредит. собр., то кто нам мог помешать не избирать его (возгласы: народ). Между тем, я утверждаю, что вторым всероссийским с'ездом С. Р. С. и К. Д., и затем советом народных комиссаров было постановлено, что выборы должны состояться во что бы то ни стало. И я заявляю, что в тот момент, когда в Петрограде соберется достаточный кворум—Учредит. собр. будет открыто. А если меня спросят,—как вы смотрите на Учредит. собр., я отвечу:—у нас не народ для субботы, а суббота для народа, у нас Учредит. собр. для народа, а не народ для Учредит. собр. И я утверждаю, что, если бы Учредит. собр. или партии, которые будут там в большинстве, попытаются устранить все то, что нами сделано, то они в 24 часа, или вернее в 24 мин., сами попадут в ту яму, которую вырыли нам.

Мы подходим к Учред. собр., как мы подходили ко всем вопросам нашей революции,—не с формальной точки зрения, а точки зрения революционной и с этой точки зрения наш шаг, наш закон—депутаты могут быть отозваны, если они не выражают мнения своих избирателей. Этот шаг

только соответствует интересам трудовой демократии. Я скажу больше. Я утверждаю, что депутаты, избранные румынским фронтом, уже не выражают сейчас мнений румынского фронта и этот с'езд выявил это тем, что та партия, которая получила на выборах в Учред. собр. большинство, здесь оказалась в меньшинстве. В доказательство я могу привести мнение того органа, которому вы не можете не верить. В одном из номеров «Голоса Революции» было сказано, что с момента выборов до сегодняшнего дня настроение резко изменилось, и что те, которые выбраны, уже не соответствуют мнению их выбравших. Я прошу тех, кто будет мне возражать, что это не так: что депутаты, которые избраны, выразят безусловную и абсолютную волю тех, которые их выбрали, и прошу их помнить, что это верно только по отношению к румынскому фронту, а к целому ряду других мест, мы имеем право сказать, что Учредит. собр. в нынешнем его составе не выражает мнения тех масс, на представительство которых они претендуют. Я думаю, что право отзыва должно быть здесь на с'езде румынского фронта применено в первую голову, чтобы от вашего имени не выступали люди, ничего общего с вами не имеющие.

Далее, мы открыли враждебный поход против партии народной свободы. Говорят, что мы это делаем с политической целью. Мы это сделали потому, что они об'являются очагом, центром контр-революционной буржуазной, помещичьей России. Я приведу вам только одно свидетельство, ибо у меня нет времени. В газете «День», которая никаких симпатий к большевикам не питает—корреспондент с Дона сообщает, что видные члены партии кадетов на заседании войскового круга требовали со стороны казаков немедленного выступления для подавления советов, когда даже сам Каледин был против этого. И тех, кто здесь перед лицом солдат, рабочих и крестьян постарается защитить контр-революционеров, я попрошу опровергнуть сведения корреспондента. Мы утверждаем, мы не политические младенцы и видим часто даже больше своего носа, чего нельзя сказать о тех, которые нам предшествовали. И кто захочет с этой трибуны защищать контр-революционеров—кадет,—тот обязан доказать, что они ими не являются. Это очень тяжелая работа, ибо сделать черное белым не смогут даже те, которые это привыкли делать в коалиционной соглашательской кухне.

Когда мерзость заваливается в святыню, надо эту мерзость из святыни из'ять. Звание члена Учредит. собр. не может спасти контр-революционера от суда народа. И я убежден, что находящиеся здесь рабочие, солдаты и крестьяне могут вместе с нами сказать, что из Учредит. собрания должны быть из'яты те, кто уличены в организации контр-революционного движения против воли революцион-

ного народа. И я думаю, что по этому вопросу не может быть двух мнений. Вот что, т. т., делалось нашими предшественниками, и что делается нами.

Нам скажут: кто дал вам право все это проделывать. Кто дал право вам так жестоко обращаться с господами из имущих классов. В заключение, я и на это готов дать полный ответ. Это право нам дали господа имущие классы. Прочтите, что они писали в течение 8 месяцев русской революции и вы узнаете, что мы имеем право действовать по отношению к ним в 100 раз более жестоко, чем они. Я готов с любым из моих оппонентов проделать следующий опыт. Я могу сюда прибавить «Новое Время» и «Речь», чтобы доказать, что мы имеем право с ними поступать самым суровым и беспощадным образом во имя интересов народных масс. Каждый божий день вы могли прочесть—надо отказаться от своих классовых, групповых и сословных интересов, это они нас учили и сейчас мы им говорим—господа буржуи, г. фабриканты, г. помещики, г. заводчики, надо отказаться от своих групповых, классовых и сословных интересов (продолжит. аплодисменты).

Меня спрашивают — ваш взгляд на национальный вопрос. Товарищи знают это великолепно. Мы стоим за право наций на самоопределение вплоть до отделения, и от имени советской власти я заявляю, что, если украинский народ высказывается за полное отделение от России,—мы палец о палец не ударим, чтобы им воспрепятствовать. Но вместе с тем, я должен сказать, что, если бы какие-нибудь верхи захотели использовать свою самостоятельность, чтобы вместе с контр-революционными элементами посягать на право всего народа, то мы будем против этих верхов. (Шум).

Я еще раз повторяю, что мы за полное право самоопределения Украины вплоть до отделения, и я утверждаю, что единственным спорным пунктом между нами и Центр. Радой является вопрос о том, кого она будет поддерживать — Каледина, Корнилова или Советскую власть. В сегодняшней статье газеты «Голос Пролетария» я привожу буквально выдержки из оффициального ответа Троцкого Центральной Раде. Единственный вопрос—вопрос о помощи или непомощи Каледину. Среди украинцев солдат не найдется ни одного, который бы сказал, что он пойдет на помощь Каледину и к какой-бы фракции они не принадлежали, я верю глубоко в их революцион. честность и убежден, что тот кровавый кошмар, который от нас отодвинулся, усилиями всех национальных масс против желания буржуазных элементов будет уничтожен, что эта туча будет рассеяна, и что все трудовые народные массы совместно будут бороться за свое счастье и полное освобождение.

В заключение я хочу сказать еще несколько слов. Первый раз в истории мира, если не считать французской

коммуны, народные трудовые массы берут власть в свои руки. Накануне нашего восстания говорили, что не верят, что большевики могли власть взять или у власти держаться. Никто другой, как Церетелли бросил мне это с трибуны Центрального комитета. Мы, говорил он, уже продержались 6 месяцев, продержитесь вы хоть месяц. Между тем, никто из вас не может сказать, откуда придут те, которые нас сбросят. Первый раз в таком громадном масштабе трудовые массы народа берут власть в свои руки. И в ваших руках, товарищи, ее судьба, ибо, если вы ее поддержите, если вы себе отдадите полный отчет в том, что происходит, то эта власть выйдет победительницей из этой трудовой борьбы и укрепит мощь трудовых народных масс и уничтожит мощь элементов паразитических. Но должен вам сказать, что, если вы этого не сделаете, если часть из вас окажется ослепленной шовинизмом национальным, часть шовинизмом фракционным и т. д., если бы вы не захотели оказать этой власти поддержки, то я хочу, чтобы вы это сделали с отчетом тому, кто придет на смену трудовому народу!

Я прошу моих противников, чтобы они не только ограничились нашей критикой, но и об'яснили, кто придет нам на смену—они, представители этих партий, или Каледин или контр-революционеры? Я утверждаю, что в настоящий момент революция дошла до такого положения, когда все средние элементы сметены. Есть только два лагеря—лагерь трудовых масс, стоящий у власти, и лагерь буржуев, которые эту власть хотят вырвать. И я ставлю перед вами вопрос — с трудовыми массами или с контр-революцией? Я знаю, многие из вас члены определенной фракции и связаны фракционной дисциплиной. Но я обращаюсь к вам не как к соц.-рев. и не как к меньшевикам, я обращаюсь к вам, как к социалистам, рабочим и крестьянам, и вам говорю: фракционная дисциплина вещь хорошая, фракционную дисциплину надо соблюдать, но есть еще другая дисциплина — дисциплина революционная, дисциплина пролетарская и трудовая, и я уверен, что в тот момент, когда вам ваша фракция прикажет голосовать против вашей пролетарской революционной дисциплины — вы скажете, что революционная дисциплина для вас высший долг, и я не сомневаюсь в том, что, когда будет поставлен вопрос—за народную власть или против—вы скажете,—мы с народом, мы с вами до полной победы над всеми врагами трудового народа.

(Продолжительные долго несмолкаемые аплодисменты).

Володарский.

V. Деятельность Одесского Совнаркома.

О периоде существования Советской власти в Одессе с половины января до половины марта 1918 г. у меня сохранились чрезвычайно скудные и бледные воспоминания. Мы не могли в течение такого короткого периода, как 2 месяца, создать сколько-нибудь прочную и централизованную власть, которая действительно могла бы считаться фактической властью. В моих воспоминаниях сохранилась чрезвычайно пестрая картина нашей деятельности за этот период. Образовались чрезвычайные комиссары. Каждый из этих комиссаров работал за свой собственный страх и риск. Головка Одесского Совнаркома имела весьма недостаточное представление о том, напр., что делает комиссар финансов, да и Совнарком опять-таки не знал, что делает комиссар просвещения, неизвестно было, что делается в военных учреждениях, одним словом, каждый работал за собственный страх и риск и, по моему мнению, работа эта никем и ни в какой мере не координировалась. Время от времени мы собирались для обсуждения вопросов наиболее важных, но, очевидно, это происходило в высшей степени редко, и ни в коем случае мы эти случайные собрания не должны рассматривать, как функционирование об'единенного, организованного и сильного правительства. Я полагаю, что такого правительства в Одессе в то время вообще не существовало. Несмотря на то, что я стоял во главе Совнаркома и был его председателем, я так же, как и остальные комиссары, не охватывал всей работы целиком.

Внешняя политика.

Причиной изложенного было то, что президиум Румчерода и какая то определенная часть Совнаркома (кажется, президиум Совнаркома) всецело были поглощены вопросами не внутренней политики, не внутреннего строительства, а вопросами внешней и международной политики, и это положение для того времени вполне естественно, потому что чуть ли не на другой день после перехода власти к Совету—румыны начали наступление против нас. Кишинев был занят очень скоро после перехода власти к Совету, и с этого момента Румыния непрерывно угрожа-

ла нам. Поэтому все наше внимание было сосредоточено на том, чтобы как-нибудь мобилизовать трудящихся Одессы для борьбы против надвигающихся румын.

Известно, что наша армия, регулярная армия, в пределах нашего фронта, как и по всем фронтам, вообще, в то время не представляла сколько-нибудь организованной боевой силы. С румынского фронта армия бежала также быстро, как и со всех остальных фронтов. На румынском фронте она также безнадежно дезорганизовалась, как и на других фронтах. Стихийная демобилизация, в одинаковой мере с прочими, охватила также и румынский фронт, значит, по существу, мы были совершенно безоружны против румын. Были кое-какие надежды поднять рабочих. С этой целью, если память мне не изменяет, был ряд выступлений наших товарищей на больших митингах и собраниях, с указанием на угрожающую опасность в связи с наступлением румын и т. д. Насколько помнится, наша агитация в этом отношении большого влияния не оказывала. Конечно, рабочие Одессы демонстрировали нам свои чувства и т. д., но чего-либо осязательного в смысле организации военных сил для обороны Одессы не удалось сделать.

Верховная Комиссия по Русско-Румынским Делам.

Приблизительно в то же время приехал тов. Раковский из центра с определенными полномочиями образовать Верховную Комиссию по русско-румынским делам. В состав комиссии вошли — приехавший с тов. Раковским матрос Железняков, затем Куль. В эту же комиссию от Румчерода вошел я в качестве председателя Румчерода и еще какой-то человек, фамилию его не помню, который впоследствии нам изменил. Обязанности этой комиссии заключались в том, чтобы с одной стороны выяснить взаимоотношения наши с румынами. Надо помнить, что в это время были заняты Кишинев и Бендеры. Тирасполь был в наших руках. Румыны дальше этого положения не продвигались. Было предположение начать с румынами какие-нибудь переговоры, но, так как отношения были обострены, было решено принять ряд агрессивных мер.

Румынская буржуазия была нами арестована. После этого началось формирование военных из проживающих в Одессе румын. Они были вместе с нашими частями и вместе занимались. Очень много говорилось относительно ликвидации наших обостренных отношений, и на это в известной степени повлияло иностранное представительство. Я помню, один или два раза появлялась французская делегация (фамилии я теперь не помню), а затем являлся капитан Рексганер. Он до войны был правым меньшевиком; во время войны представительствовал от оборонцев. Он выполнял ка-

кое-то поручение, данное ему французским консулом, и с этой целью он приходил ко мне. Он надеялся склонить меня к ликвидации наших отношений с румынами. Затем приходил полковник или генерал Волик. Он проявлял большое желание явиться посредником в переговорах между нами и румынами, старался, так сказать, разжалобить наше сердце: много говорил о том, что на той стороне голод, что голод достиг ужасных размеров, что дети умирают, и начались заразные болезни.

Наши позиции были тверды, и мы ни на какие просьбы, ни на какие упреки не реагировали; мы твердили одно, чтобы Бессарабия была эвакуирована. К нам приезжали также представители румынского фронта, и мы с ними говорили в определенном тоне, мы требовали непременной эвакуации Бессарабии.

Конечно, мы отдавали себе полный отчет в том, что мы делаем. Мы знали, что мы должны бороться с той румынской армией, которая была настроена в определенном направлении, но тем не менее мы знали и то, что мы можем придти к известному компромиссу. Мы знали, что, если Брест-Литовские переговоры, в конце концов, привели к мирным отношениям с Германией, то почему же и нам в наших отношениях с Румынией не пойти на некоторые уступки, чтобы получить хоть небольшую передышку.

Договор с Румынией.

Я помню, у нас, в Верховной Комиссии по русско-румынским делам, не было единого мнения. Тов. Раковский занимал более крайнюю позицию и настаивал на том, чтобы никаких уступок румынам не делать. Я проявлял некоторый оппортунизм и настаивал на том, что надо найти какую-то платформу для того, чтобы повести переговоры с румынами, потому что драться мы с ними не можем. В результате борьбы этих мнений и была выработана та платформа, на которой был основан наш договор с Румынией. Я даже этой платформы, как следует не помню; припоминаю отдельные места вроде того, что румыны уводят свои войска из Бессарабии в течение определенного срока. На этой основе мир был подписан. Еще до приезда Раковского мы послали своих представителей, в частности, Терзева, на румынский фронт. Тов. Раковский, когда приехал, был чрезвычайно недоволен и считал огромным промахом и огромной политической ошибкой, что мы послали полномочных представителей для получения информации. Трудно судить—была ли ошибка или ее не было, но факт остается фактом. Терзев был послан и через некоторое время возвратился и, кажется, никакого материала по части информации не привез.

Вот все то, что сохранилось в моей памяти относительно нашей международной политики. Она может быть признана, по моему мнению, достаточно успешной. Неизвестно, что было-бы, если бы на помощь румынам не появились немцы,—может быть, оборот был бы иной, и договор, возможно, был бы выполнен. Во всяком случае, с того момента, когда Одесса была занята немцами, и до сих пор этот документ фигурирует в дипломатических отношениях с румынами и представляет собой, очевидно, определенную ценность.

Поляки.

Что касается взаимоотношений с поляками, то вообще с ними, как будто, никакой политики не было. Если память мне не изменяет, поляки кое-где пакостили нам, особенно в отдельных местностях, расположенных на окраинах. Кое-какие города и местечки были заняты поляками. Кое-где поляки вредили нам, но никаких особенных переговоров мы с поляками не вели.

Вот все то, что касается внешней политики.

Внутренняя политика.

Относительно внутренней политики вряд-ли я могу что-нибудь рассказать. Я был от отдельных комиссаров совершенно оторван, сидел в Президиуме и занимался, именно, текущей работой, никем не руководя, да и вряд-ли кто-либо нуждался в руководстве и вряд-ли какое-либо руководство в то время было возможно, вообще. В Президиум Румчерода и Совнарком ко мне приходили плачущие женщины, которых я утешал, обиженные люди, которых я принимал и успокаивал, была масса мелочей, связанных с текущей жизнью, но ничего общего не имевших с руководством всеми событиями.

Муравьев.

Важным моментом, повлиявшем на положение в Одессе, явился приезд Муравьева. Это было огромным ударом даже по тому жалкому строительству, которое мы тогда проводили. Муравьев явился во всей славе своего победного наступления на Украину. Им был взят Киев, а затем он появился в Одессе, во главе красногвардейских отрядов.

Красногвардейские отряды Муравьева.

По существу, что эти красногвардейские отряды из себя представляли? Это, прежде всего, территориальные формирования, привязанные к своим городам, привязанные к своим предприятиям, снабжающиеся в большинстве случа-

ев своим жалованьем, формирования добровольческие, демократические, с выборным начальством и т. д. Пока такой отряд существует в своем городе, он, конечно, имеет кое-какую базу и способен бороться с контр-революцией. Как только такой отряд бросается на поле сражения где-нибудь вдали от своего города, как только он вынужден принять участие в полевой войне, он теряет все то, что ему присуще. С одной стороны, зарплаты красногвардейцы не получают и, значит, должны самоснабжаться. Если, находясь на фабрике и заводе, пользуясь поддержкой и влиянием пролетарских масс, они спаяны и более или менее дисциплинированы, то, будучи оторваны от фабрик и заводов, они теряют свою внутреннюю дисциплину и спайку. Добровольческий принцип, как известно, меньше всего соответствует современной войне. Красногвардейские отряды представляли собой чрезвычайно недостаточный материал для того, чтобы вести правильную и сколько-нибудь победную войну. Вся их структура полевой войне не соответствовала. И когда эти красногвардейские массы, которые возглавлялись Муравьевым, прикатили в Одессу, то, по моему мнению, к этому времени у них был момент максимального разложения, и идеологом этих разложившихся отрядов был сам Муравьев. В этом была наша великая беда.

Настроение одесских рабочих масс.

— Что мы могли противопоставить Муравьеву? Ничего. Муравьев все-таки обладал этими дезорганизованными военными силами; как бы то ни было, он сохранил на них свое влияние. Мы ничего не имели и были бедны в буквальном смысле слова, как церковные крысы. Мы потеряли даже то, что надо было, прежде всего, сохранить: влияние на массу к этому периоду,—и это произошло потому, что мы слишком сильно погрузились в нашу повседневную жизнь, мы от масс оторвались совершенно. Я помню настроение железнодорожников в момент взятия власти: они Поплавко тогда и слушать не хотели. Представителей большевиков и пересыпских рабочих они буквально носили на руках. К концу февраля наш покойный товарищ Д. С. Мизикевич приходил ко мне и предупреждал, что на железной дороге уже не все благополучно. Я тогда обладал какой-то странной слепотой, я просто ему не верил; и вот раз, когда он пришел ко мне, то взял меня и почти насильно посадил на машину и привез в железнодорожные мастерские. Когда я хотел там выступить, меня и слушать не хотели, мне не дали буквально говорить. Здесь я ясно понял, что мы утратили влияние на железнодорожников, и оно было утрачено не только среди железнодорожников, но и вообще среди масс.

Итак, к приезду Муравьеву в Одессу, мы влияния на массы не имели. Но даже, если бы мы и сохранили это влияние, то все равно мы едва-ли что-нибудь сделали бы. Нам с Муравьевым ни в коем случае нельзя было тягаться, и когда он потребовал диктаторских полномочий, мы ничего не могли сделать и передали власть Муравьеву, хотя и с большим неудовольствием и с большой скорбью; но другого выхода у нас не было. Комитет партии обсудил этот вопрос, и было постановлено передать власть Муравьеву.

Диктатура Муравьева.

Теперь нужно посмотреть к чему сводилась диктатура Муравьева: прежде всего, были расставлены патрули по улицам, затем начались обыски; обыски эти часто производились не только по домам, но и по улицам. Но, чтобы эта диктатура привела к чему-нибудь определенному, чтобы она привела к известному урегулированию наших внутренних отношений,—этого я совершенно не помню. Что у нас тогда было чрезвычайно неприятное отношение к Муравьеву—это факт. У нас бывали стычки, но я понимал, что если мы эти стычки будем устраивать и будем их разжигать, то ничего хорошего не выйдет, и я старался товарищей, особенно т. Старостина, примирить с муравьевской политикой.

Муравьев очень часто ездил на фронт. Он много рассказывал о положении окопов, о том, как они должны быть расположены, и добавлял, что надо во что бы то ни стало задержать наступление румын. У меня ко всему этому было скептическое отношение, но я его особенно не выявлял.

Затем появился Гузарский. Это была таинственная фигура. Сказать, что он был с Муравьевым, нельзя. Нельзя также сказать, что он был в корне против Муравьев. Я помню, что даже на больших собраниях выступления Гузарского производили большое впечатление. Одно время ходил слух, что он бывший ссыльный. У меня о нем лично было неопределенное представление, но тогда же ходил слух и относительно того, что Гузарский был провокатор.

Была установлена, значит, диктатура Муравьева, которая в сущности ничего из себя не представляла, как ничего не представлял из себя и Муравьев. Принимал ли какое-нибудь участие наш военный штаб в делах Муравьева и существовал-ли военный штаб с Муравьевым,—этого я не помню. Вообще, военная сторона дела меня мало касалась.

Совет безработных.

Дальше в моей памяти сохранился период, связанный с вопросами безработицы. Во главе безработных стоял т. Рыт. Он был анархист. В отношении того, что это был чест-

нейший человек, не может быть никакого сомнения, но он влиял вредно на массы. Он противопоставлял нам безработных, и когда он не соглашался с нами и с нашими требованиями, то он опирался на этих безработных. Несомненно, в его руках была определенная сила. Я помню, когда мы хотели взять те средства, которые были у него, и когда заговорили об этом, то Рыт заявил нам категорически и определенно, что «если вы это сделаете, то я на том помещении, где находится союз безработных, повешу об'явление, что благодаря такой-то деятельности Совнаркома (при чем об'ясню,—какова деятельность),—мы никаких пособий безработным выдавать не будем». Заявил это в самой категорической форме, поставил точку и ушел. Нужно сказать, что тов. Рыт тогда советского понимания в нужной степени не проявлял. С безработными нам пришлось провозиться достаточно. Пришлось принимать и посылать делегации и всячески стремиться к тому, чтобы не допускать никаких беспорядков.

Отдельные комиссариаты.

О том, что делалось по линии финансовой, я не имею определенного представления, об этом расскажет тов. Рузер. Я только знаю, что тов. Рузер несколько раз прибегал к нам, хватался обеими руками за голову и указывал на то, что положение создалось совершенно невозможное и безнадежное.

Тов. Хмельницкий стоял во главе юстиции, обсуждал кое-какие декреты; точно не помню что, но что-то делалось. Конечно, совершенно неизбежно комиссар юстиции должен был впитать в себя те элементы, которые принимали участие в работе матросского Революционного Трибунала. Комиссар юстиции, если память мне не изменяет, пришел к Переверзеву, а они между собой еще в Трибунале ругались по разным поводам, и в то время, когда тов. Хмельницкий старался провести сколько-нибудь организационную работу в пределах известных норм, Переверзев вносил элементы революционной матросской стихии, и на этой почве были разногласия между Переверзевым и тов. Хмельницким. Все-таки кое-какие декреты и постановления были приняты.

Что делал тов. Зихель по линии народного просвещения—не знаю.

Тов. Старостин был комиссаром труда, но если все были от нас оторваны, то тов. Старостин тем паче. Сомневаюсь, чтобы он хотя бы номинально признавал существующие тогда органы власти. Тов. Старостин являлся старым одесским работником, человеком, который пользовался огромнейшей популярностью. Он опирался на рабочие массы, и поэтому по тому времени вполне естественно такое поло-

жение, что он был в значительной мере автономен, мало присматривался, мало прислушивался и мало спрашивал о наших суждениях. В его деятельности также не было ничего особенного, по крайней мере, у меня в памяти оно не сохранилось.

Юдовский.

Комиссариат финансов.

Революционный Комитет сейчас-же, как только решился исход боя, назначил комиссаров. Я был назначен комиссаром финансов.

Помню, 17 числа утром, написав листовку, извещающую население о нашем выступлении, я начал организовывать комиссариат и приступил к выполнению своих обязанностей. Наша работа заключалась в продолжении финансовой политики, наметившейся раньше. Эта политика в тот момент была чрезвычайно не сложна, в особенности, если сравнить с современной финансовой политикой. Она состояла в обложении контрибуцией, во взломе сейфов и в аресте текущих счетов.

Это были три основных и почти единственных элемента нашей финансовой политики. В этом отношении мы были довольно решительны, а в других отношениях, напр., в том, чтобы достать себе помещение, как-нибудь устроиться, достать людей,—тут мы так решительно действовать, как-то, не решались. Припоминаю, я ездил смотреть какое-то помещение земского союза против Трибунала, возле Казарменного переулка и Софиевской, и там со мной разговаривали как с добровольным нанимателем:—«подойдет или не подойдет». В конце концов пристроились мы в первое время в помещении на Троицкой или на Еврейской ул., где помещался когда-то Союз Русского Народа. Там же были наши «Известия». Мы заняли две-три комнаты, поставили пару столов и стульев и начали работу Комиссариата. Характерно еще то, что когда нам надо было заполучить тов. З. для того, чтобы поставить его в Госбанк комиссаром, я должен был написать очень любезное письмо его хозяину, чтобы он его отпустил для назначения в Госбанк. Это характерный штришок. Хозяин его конторы Штрехтер был с ним в хороших отношениях, поэтому он его отпустил, и мы его назначили комиссаром Госбанка.

Определенно и решительно мы взялись за сейфы и текущие счета, потому что деньги нужны были до зарезу, а денег не было. В казначействе и в банках денег почти не было, в общем и здесь и там было, кажется, 900 руб.—это все имущество, которое я получил. Значит, надо было арестовать текущие счета в Госбанке; впрочем большинство денег лежало в сейфах и частных банках. Я до

сих пор не могу решить, сделал ли я ошибку, или поступил правильно, что не прикрыл сразу и не захватил всех частных банков. Я собрал к себе всех частных банкиров. Это было в Русско-Азиатском банке. Все послушались, собрались, и я им заявил, что положение такое-то. Мы должны все стремиться поддержать спокойную и здоровую жизнь, функционирование промышленности, торговли и т. д., и для этого нам нужно взять в свои руки все рессурсы для того, чтобы направлять их так, как мы считаем необходимым. На этом собрании мы договорились, что никаких денег никому из имеющихся средств не будет выдаваться без соответствующей визы. Банкиры согласились на том, что должны представлять сведения по текущим счетам. Сведения вскоре начали поступать. Благодаря этому, мы имели возможность из'ять деньги из частных банков, и уже через неделю после этого по спискам, которые составлены были в общегородском комитете фабрично-заводских комитетов, стало выплачиваться жалованье на заводах, а отчасти стали выдаваться деньги на нужды милиции, снабжалась кое-как Красная Гвардия, понемногу, одним словом, появлялись деньги. Кроме того, благодаря этому соглашению с банкирами, мы получили возможность пустить в ход, или вернее продолжать дело, которое началось перед захватом нами власти,—это печатание собственных одесских денег — бон. Мы с банкирами вошли в соглашение, что я не буду разрушать их системы, а они изобрели такую систему, благодаря которой, по их мнению, эти боны не должны были обесцениваться, а именно: они на соответствующую сумму выпущенных бон клали в депозит Госбанка крупные купюры казначейских обязательств. Это, конечно, было чистейшей иллюзией, потому что эти крупные купюры и казначейские обязательства в то время уже сами по себе вызывали падение и обесценивание денег, а, кроме того, крупные купюры и купюры 3, 5 и 10-ти р. имели совершенно различное обращение. Деньги начали все-таки падать, хотя должен сказать, что благодаря участию банков, они падали гораздо меньше, чем если бы мы начали их плодить сами, передравшись с банками. Поэтому, я думаю, что правильным было, что я не захватил частного банка, а пошел на известное соглашение, которое дало возможность оборачиваться, хотя бы с грехом пополам, не вызывая финансово-экономической паники.

Ревизии и взлом сейфов производились очень аккуратно. К каждому банку был приставлен комиссар. Красная Гвардия прислала нам 12 молодцов, которые оказались хорошими парнями. Не было ни одного случая, когда можно было бы заподозрить, что они вступали в комбинацию с буржуазией, которая была заинтересована в получении ценностей. Скоро начальником этого дела я назначил Фрид-

мана. В газетах появилось соответствующее оповещение, после чего большинство буржуазии приходило к нам с ключами и открывало сейфы.

Что касается контрибуции, то безработные считали это, очевидно, своей областью. Тут я должен сказать, что мне лично, как комиссару финансов, Муравьев в значительной степени помог. Я вполне согласен с тем, что Муравьев внес разложение, которое кончилось нашим полным поражением и мы эвакуировались, но мне в частности, он помог. Когда поднялся вопрос о контрибуции для нас, вернее, для нужд фронта, то я у него получил 2 миллиона рублей. Как комиссар финансов, я отправился к нему в гости, и, узнав о нашей нужде, он достал тут-же в купэ из-под лавки несколько связанных пачек 100-рублевых билетов, составивших 2 миллиона руб., и дал мне; я забрал и уехал. Это характерно для того учета, который тогда велся. Деньги, данные им, состояли из новеньких 100-рублевок, тогда ставших редкостью. В банках они произвели большое впечатление, и было большим торжеством, когда я приехал с этими деньгами. Чтобы получить деньги из центра, дело было совершенно безнадежное. Тогда комиссаром финансов был Менжинский, и я корил его за то, что я 4 ночи провел на аппарате, все время доказывая ему необходимость пересылки нам денег, и ничего не получил. Затем были отправлены в центр Кремлянский и Чернявский и они привезли 9.000.000 руб. уже к моменту эвакуации. Когда мы отбыли на пароход, то мы эти деньги взяли.

В первую голову мы старались организовать выплату заработной платы через фабрично-заводские комитеты, но это не так легко удавалось и не удовлетворяло рабочих, которые были настроены, как это принято говорить теперь, «бузотерски». Они думали, что как только мы подойдем к власти, сейчас же наступит блаженство на земле, и у них будут молочные реки и кисельные берега. Один раз явилось ко мне человек 50 и, подняв шум, начали угрожать, и только потому, что я напустил на себя государственную строгость, они меня не поколотили. Мы уже выпустили из рук влияние на массы, иначе подобных вещей, конечно, не происходило бы. Вместо того, чтобы производить работу по укреплению организации, мы занимались только больше внешней политикой. Я работал тогда и как комиссар финансов и как член коллегии. Как комиссару финансов, мне пришлось сталкиваться с Лионским банком. Некоторое время я колебался, как поступить в отношении Лионского банка, но затем мы решились. Там пришлось взломать наибольшее количество сейфов, и больше всего было денег.

Мы связались с Николаевом, где комиссаром финансов был Закс, и затем из двух городов—из Феодосии и Сева-

стополя—к нам приезжали закупать одесские деньги. Здесь мы комбинировали так, как нам было удобно. Так как здесь об'единялись: Севастополь, Феодосия, Николаев, то я из этого делаю заключение, что была попытка перейти на областной масштаб. Особенно этой идеей увлекался Карпенко. Так мы перебивались до самой эвакуации.

Внешняя политика.

Теперь о нашей внешней политике, которая нас тогда всех очень занимала. Во-первых, о переговорах с Боэлем. У меня такое впечатление, что мы по нашей большой дипломатичности не увидели того, что все переговоры румын были только предлогом затянуть время до того момента, пока подойдут немцы. Правда, без этой кукольной комедии румыны не могли бы обойтись, но они считали, что мы пробудем здесь не больше 2-х месяцев. Мы тогда были плохими дипломатами, слабо разбирались в дипломатических делах и принимали всерьез мирные переговоры с румынами.

Надо подчеркнуть то, что мы не зря увлекались внешней политикой, потому что в конце концов, насколько теперь выясняется, это был единственный орган Советской власти на периферии, который имел право об'явления войны и мира. Нам из Ленинграда совершенно формально тов. Раковский привез это право, и фактически наша Верховная Коллегия представляла собой орган, который осуществлял право войны и мира. Это довольно исключительное явление, которое следует отметить. Раковский действительно держался непримиримой позиции относительно того, что никаких переговоров не нужно, а что надо организовывать восстание и начинать революционные действия. Вспоминается, как в одно прекрасное утро Раковский выступил с замечательной идеей—образовать временное правительство Румынии в составе Раковского, Бужора и Николау и, кроме этих румын, в состав румынского правительства предлагалось ввести таких замечательных «румын», как Юдовский, Рузер, Воронский и др. Он предлагал об'явить временное правительство Румынии и затем совершить переворот. Я не помню, говорилось-ли об этом оффициально на заседании.

Т. Рузер.

Комиссариат Труда.

Организация Комиссариата.

После захвата власти, примерно, на второй день, я пошел в союз металлистов, и там уже сидел тов. Старостин. С момента открытия Наркомата он был один, работа уже шла, и он попросил меня прийти ему на помощь. Уже в тот момент у него был целый ряд заявлений от рабочих, которые обращались к нему с целым рядом вопросов. Я тут же сел помогать. В этом союзе мы пробыли, не помню точно, кажется, дня два-три, а потом переехали в гостиницу «Савой», на Херсонской улице. Там некоторое время помещался комиссариат труда, а оттуда уже перекочевал в Казарменный переулок, где он находился наиболее продолжительное время, и где впоследствии помещался и Совнарком.

Какова была организационная работа Наркомтруда? Старостин был комиссаром областным и городским. Потом он себе взял помощника, Новицкого, из союза металлистов, и второго помощника Пащенко, из центрального совета фабрично-заводских комитетов. Это был руководящий состав. Далее, я назывался секретарем областным, и был Володин (не партиец, а брат его), который назывался городским секретарем.

Помимо руководящего, так сказать, штаба, необходимо было организовать кое-какой аппарат, что и было сделано. Работа началась еще в союзе металлистов и тогда-же достали машинисток, как водится, посадили делопроизводителей над входящими и исходящими, потому что мы знали определенно, что это является непременной принадлежностью каждого учреждения, и первым делом должны быть входящие и исходящие и машинистки.

Характер деятельности.

Как работа протекала? В течение целого дня шел прием всякого рода заявлений. К Старостину непрерывно ходил народ, происходили непрерывные собеседования и разговоры. Когда подходил определенный час, мы из Наркомата уезжали. Ночью все эти заявления рассматривались, потом рано утром писались бумажки, и в течение дня все это приводилось в исполнение.

Первоначально на прием заявлений был посажен т. Пащенко, и началось дело с 30—40 заявлений, затем 50, 100, и стало доходить до 300 — 400 заявлений. Стало невмоготу в течение одной ночи их разобрать, и просто ознакомиться с ними подчас не было возможности. Было решено, что как-то это дело нужно изменить, и за это дело взялся я. Я теперь не могу даже примерно сказать, каков был характер наших ответов и нашей деятельности, чем мы руководились. Очевидно, только революционным самосознанием. Но в общем, когда я за это дело взялся, то в первые же дни удалось уменьшить количество поступавших заявлений, примерно, на пятьдесят процентов, а затем и дальше начало падать. Происходило это потому, что я, принимая заявления, тут же их рассматривал и принимал только те, которые могли быть рассмотрены, и по которым могло состояться какое-либо решение; более мелкие обсуждались тут же, а по остальным я говорил, что ничего не выйдет, и незачем заявления подавать. Содержание заявлений большей частью касалось вопроса о зарплате. Надо сказать, что в Одессе в то время вспоминали иногда о том, что было два года тому назад, когда такой-то хозяин не доплатил такой-то суммы. Какой-то рабочий вспоминал о том, что ему когда-то не доплатили или вовсе не уплатили, и сплошь и рядом требования предъявлялись самые нелепые. Были и животрепещущие вопросы, связанные с закрытием предприятий, при чем при закрытии рабочие требовали уплаты за 2—3 месяца или за полгода. Потом приходили с указанием на то, что такое-то предприятие закрывается, а оно может еще продержаться, и, наконец, наиболее серьезные заявления относились к вопросам рационализации, установления рабочего контроля и т. д. Приходили и рабочие гостиниц с чисто анархистским предложением, но Старостин их крыл, потому, что они предлагали организовать артель и социализировать гостиницы так, чтобы это принесло им пользу, при чем в свою артель они даже не хотели принимать никого из посторонних, считая, что она должна состоять только из тех, кто там сейчас работает. Такая же тенденция, как и с гостиничными служащими, наблюдалась у пекарей.

Относительно исполнения надо сказать, что все-таки наши решения исполнялись вплоть до арестов за невыполнение наших решений. Помню, один одесский буржуа, кажется, по фамилии Минц, был арестован за невыполнение наших постановлений. Потом мы взяли к себе отряд красногвардейцев для того, чтобы при их помощи наши решения приводить в исполнение, и, таким образом, это исполнение более или менее чувствовалось.

Далее, мы провели ликвидацию примирительной камеры, при чем сделано это было очень просто. Мы полу-

чили откуда-то сведения о том, что камера продолжает еще существовать и меньшевики в ней сидят, несмотря на то, что мы предупредили, что она существовать не должна. Мы сели на машину, приехали туда, забрали все пишущие машинки, закрыли помещение на замок, и, таким образом, камера была ликвидирована.

Была еще поездка в Херсон и Николаев. Собственно, цель поездки не относилась к комиссариату труда, а Старостин поехал, как член иностранной коллегии, которая тогда организовалась, но попутно он действовал, как комиссар труда.

Южный.

Военный Штаб.

Наши организационные ошибки.

Как известно, штаб организовался из, так-наз., военной секции Румчерода. Военная секция Румчерода представляла довольно сильную единицу в смысле военных знаний и подготовки отдельных тов. Все это были товарищи, в большинстве испытанные на фронтах, в число которых входили: т.т. Дегтярев, Дементьев и целый ряд других товарищей, которые непосредственно прибыли с румынского фронта, и в данном случае могли быть использованы, как военные специалисты и люди, которые уже имели определенную закалку. Несомненно, было ошибкой то, что мы сразу же слишком серьезно отнеслись к организационной стороне. Нам следовало, пожалуй, начать прежде всего, с некоторого суммирования наших сил, нашей военной базы, т. е. учесть наши полки и те военные части, которыми штаб располагает, а мы, начав работу в штабе, прежде всего, занялись организационными вопросами, не предполагая, что через полтора-два месяца придется уже уходить из Одессы.

Во главе штаба был поставлен один из испытанных уже товарищей, работавший на румынском фронте,—тов. Раузе. Это был старый офицер, кажется, подполковник, при чем товарищи с румынского фронта его ставили достаточно высоко в смысле военных знаний и военного опыта. Несомненно, все эти знания у него имелись, богатым опытом он располагал, но я бы сказал, что большой инициативы он не обнаружил. Он, будто, чего-то боялся, стеснялся и действовал, хотя и был военным специалистом, недостаточно решительно.

Мы распределили между собой отдельные управления штаба, и нашей второй ошибкой было то, что мы, разрешая организационные вопросы, все-таки не перестроили штаб и не переконструировали его так, чтобы он в полной мере отвечал новым веяниям и запросам. У нас этот штаб округа остался существовать по образцу старого штаба с генерал-квартирмейстером, с дежурным генералом и т. д. Все эти управления были сохранены, даже больше того: мы выцарапали откуда-то все старые дела, начали приводить их в порядок и придавать, таким образом, лицо штабу. Я считаю, что это было одной из основных ошибок.

Еще наша ошибка, которая была в самом начале сделана, при чем сделана не только по вине самого штаба,— это демобилизация. Правда, этот приказ был в течение нескольких часов из'ят, но об этом знали почти все воинские части, которые находились в Одессе, и началось повальное бегство из армии. Этот момент был в недостаточной мере осмыслен и продуман и, пожалуй, он мог бы повлечь большие и весьма тяжелые последствия. Но все-же штаб, как бы он ни был плох, представлял какую-то единицу и в отношении руководства воинскими частями он был все-таки организацией, которая как-то направляла работу воинских частей, и могло показаться, что дело обстояло удовлетворительно.

Военные силы в Тирасполе.

Я как раз в этот период с самого начала был командирован штабом округа в Тирасполь, где нужно было ликвидировать одно недоразумение среди командного состава. Я поехал туда и убедился, что если и нет наших старых частей, нет быв. ранее 40-го, 41-го и других полков, то есть вновь сложившиеся красногвардейские части. Эти красногвардейцы возглавлялись в Тирасполе тов. Лазаревым, который тогда руководил работой тираспольских воинских частей, при чем эти части чувствовали себя несколько обособлено. Кроме того, в Тирасполе был кавалерийский отряд тов. Котовского. Сюда входило человек 50—60 отборных кавалеристов, которых Котовский сам себе подобрал, и отряд этот действительно представлял собой сильную боевую единицу, входя в число военных частей, которыми Располагал Тирасполь.

Эта поездка совпала с днем, когда начались переговоры о перемирии. Они начались, кажется, утром, а, когда я приехал, румыны начали бомбардировать Тирасполь. Правда, во время бомбардировки особенной паники не чувствовалось, мы им отвечали, при чем операцией руководил сам тов. Лазарев, который с этим делом справлялся и производил впечатление в достаточной мере храброго и энергичного человека. Был пущен отряд тов. Котовского, который высадился на берег и, в достаточной мере будучи знакомым с делом, помог отстоять решающее стратегическое положение. Поэтому через некоторое время бомбардировка прекратилась. Приехали тов. Терзев и еще кто-то из Румчерода в Тирасполь к Лазареву. Этот Терзев был человеком, знающим румынский язык, и он с кем-то из Румчерода отправился на мост с завязанными глазами, встретился на мосту с румынской делегацией, и здесь они начали вести переговоры. В условиях и обстановке того времени, очевидно, нужно было решать такого рода дела не с одним делегатом, а с Президиумом Румчерода в це-

лом и поэтому офицер был под нашей гарантией приглашен в Румчерод.

Штаб при Муравьеве.

Во всяком случае со стороны штаба было какое-то руководство, но штаб существовал и осуществлял это руководство только до приезда Муравьева. К приезду Муравьева я уже в штабе не состоял, работал в воздушной обороне и присутствовал только в тот момент, когда Муравьев впервые явился в штаб округа. Он заявил, прежде всего, что штаб — это какая-то вспомогательная ему единица, что он будет распоряжаться как в штабе, так и в округе, и, вообще говоря, верховная власть — это он. Мы отнеслись к этому довольно скептически и дали ему понять этот скептицизм, сказав, что, если штаб и является придаточной единицей, то Румчерод, представителями которого мы были, является верховной властью на территории данного округа.

Один раз я пришел в штаб к Муравьеву и наткнулся на такую картину: подходит ко мне один человек, дает мне револьвер, приближая его к лицу, и заявляет: «Понюхай, чем он пахнет, понюхай, кого я застрелил. Здесь кто-то шлялся и я его застрелил». Лицо у него совершенно сумасшедшее, руки дрожат, и он все продолжает подносить мне револьвер к лицу. Что касается денег, то они раздавались кому придется, без всяких расписок, расходовались без всякого контроля. Вот та атмосфера, в которой жил штаб Муравьева. Была об'явлена диктатура Муравьева, но она, конечно, никакого влияния на Одессу не имела.

Затем,—армия Лазарева в Тирасполе. Сначала это был небольшой отряд, а затем он был преобразован в 3-ю армию. Там было человек 400—500 организованных военных работников.

Был в этой армии отряд китайцев. Но нужно сказать, что эта публика не представляла собой какой-либо значительной боевой единицы: целыми днями китайцы лежали на спине и стреляли в небо — это было их занятие. Мы прекрасно понимали, что у нас не хватит сил на серьезное сопротивление, и потому было решено, как только начнется что-либо серьезное, сейчас же начать эвакуацию из Одессы.

Черкунов.

Организация Советской власти на Одещине.

(По материалам Одесского Совета Рабочих Депутатов за 1917—18 г.).

ВСТУПЛЕНИЕ.

Значение Одессы в развитии борьбы за диктатуру пролетариата на Украине определилось целым рядом обстоятельств, среди которых, в первую очередь, необходимо отметить следующее. Одесса в годы империалистической войны являлась центром Румынского фронта и Черноморского флота. Здесь сосредоточены были массы солдатско-матросские и высшего офицерства. В Одессе находились консулы стран Антанты, использовавшие свое влияние для усиления сил антиреволюционных. Значением бывшей Новороссии, заинтересованностью в ней иностранных государств, непосредственной близостью Одессы к границе и ее приморским положением об'ясняется то, что Одесса в годы гражданской войны явилась одним из первых об'ектов иностранной интервенции.

Одесса, с ее более чем полумиллионным населением, представляла большую пестроту в отношении классовой принадлежности и политических убеждений населения. Здесь с одной стороны были довольно большие массы индустриального пролетариата, прошедшего школу борьбы, профессиональной и партийной организации, массы, представлявшие из себя, наряду с солдатскими и флотскими массами, крупную революционную силу, а, с другой стороны, в Одессе было много реакционных черносотенных сил. Еще в дореволюционное время Одесса «славилась» своими погромщиками и черносотенцами. Кроме того, Одесса не безизвестна была как центр сосредоточения всякого рода бандитско-воровского элемента. Наличие этих элементов наложило свой отпечаток на события в годы борьбы рабочего класса за Власть Советов. Тот факт, что в Одессе была сильная меньшевистская организация, насчитывавшая в своих рядах старых, опытных, с'евших зубы на меньшевизме руководителей, и то, что большевистская организация имела старых большевиков-руководителей, — определил значительную решительность борьбы за диктатуру пролетариата.

В числе важных факторов развития пролетарской борьбы в Одессе необходимо также отметить сложный национальный состав населения Одессы и взаимоотношения, имевшие место по этой линии до революции. Одесса являлась единствен-

ным в своем роде большим городом, где еврейское население было почти преобладающим и где среди рабочих значительную часть составляет еврейский пролетариат. Благодаря этому — здесь имела успех антисемитская и погромная работа, проводимая монархическими организациями; также невелико было количество украинск. населения в самой Одессе. Все это показало влияние роли Одессы в развитии национальной революции и контр-революции на Украине. В этом случае сыграла также роль национальная пестрота крестьянства Одещины. Достаточно указать на роль немецких колоний, как очагов контр-революционных восстаний.

В силу указанного, Одесса в борьбе за власть Советов играла значительную роль, и сфера влияния ее распространялась на значительную часть Юга Украины, охватывая в первые годы революции и Бессарабию.

Развитие Октябрьской революции на Одещине, разумеется, происходило в полном соответствии с основными этапами развития революции в России и на Украине, хотя на Одещине большое влияние оказывала значительная оторванность и изолированность Одессы от важнейших центров развития пролетарской борьбы — Петрограда, Москвы, Киева.

События 1917—18 годов до прихода австро-немецких оккупационных войск в Одессу можно разделить на три характерных периода. Первый период — от февральской революции до сентября 1917 года, период меньшевистско-эсеровского господства, борьбы за «установление порядка», т.-е. за прекращение гражданской борьбы, за укрепление фронта империалистической войны и подготовки к созыву Учредительного Собрания. Период второй, с сентября 1917 г. до середины января 1918 г., — обострение классовой борьбы и подготовка к переходу власти в руки Советов. И третий период, с середины января 1918 года и до прихода немецких оккупационных войск в Одессу (март 1918 года) — организации в Одессе власти Советов.

Материалы Одесского Совета Рабочих Депутатов освещают больше всего деятельность самого Совета и его руководящих органов, Президиума и Исполкома, и настоящая статья имеет своей целью осветить эту деятельность, поскольку в ней отражается процесс борьбы за власть Советов, роль в этой борьбе различных классов, партии и руководителей их, и дают возможность осязать жизнь и деятельность как рабоче-крестьянских масс, так и враждебных диктатуре пролетариата групп населения.

Одесский Совет Рабочих Депутатов после Февральской Революции.

Чертами Совета, характеризующими данный период, являлось следующее: в Совете и особенно в Президиуме его руководящая роль принадлежала меньшевикам и правым

эс-эрам, вся работа проводилась во имя скорейшего «умиротворения» страны, прекращения гражданской войны и восстановления «революционного порядка». Все это об'яснялось необходимостью «защиты от немцев», являющихся, по словам их, злейшими врагами революции. Борьба с дезертирством, борьба за укрепление обороны страны на империалистическом фронте были в значительной мере в центре внимания деятельности Президиума Совета этого периода.

Совет, не имевший еще ясно выраженного «юридического лица», не определивший еще своего места во вновь формирующейся общественной структуре и во взаимоотношениях с различного рода учреждениями и организациями, как оставшимися от царизма, так и вновь выросшими в революции — направил свою деятельность к поддержанию существовавших органов власти. Характерным для этого периода является многовластие и безвластие царившие одновременно, благодаря тому, что «старая власть» и ее органы революцией были подорваны. Эти органы зачастую оказывались совершенно беспомощными и безответственными. А вновь создавшиеся революционные органы еще никакой юридической власти не имели, хотя, поскольку они были детищем революции и имели за собой революционные массы, фактически имели большую власть, чем официальные органы. Все это приводило к многовластию и к отсутствию действительной власти, способной распоряжаться и добиться выполнения этих распоряжений. Усилившийся в этот период разгул контр-революционных сил и уголовщины еще более сгущал атмосферу и создавал напряженное положение. Это приводило к тому, что подчас Совет, руководимый меньшевиками и правыми эс-эрами с их нерешительностью, соглашательством и трусостью в принятии тех или иных решений, в особенности, в их проведении в жизнь, видел смысл своей работы лишь в том, чтобы обеспечить созыв Учредительного Собрания и участие «демократии» Одессы в выборах.

Состав Одесского Совета Рабочих Депутатов. Интересно проследить, что представлял собой Одесский Совет Рабочих Депутатов, создавшийся в первые дни после Февральской Революции, и коему необходимо было выполнять волю рабочего класса Одессы и руководить им в борьбе за рабочее дело в столь сложных условиях.

По данным на 15 сентября 1917 года, состав Одесского СРД характеризовался следующим: в Совет входило 1005 членов. В этом отношении Совет был менее многочисленным, чем нынешний Горсовет 9 созыва, в который входит около 2000 членов и кандидатов Совета.

По социальному составу члены Совета распределялись так: из 911 членов Совета, о коих имелись данные, 520 рабочих, 207 низших служащих, 155 торговых служащих и привиллегированных рабочих и 29 — интеллигентных про-

фессий; значительное место занимали служащие, рабочие же составляли около 50% общего состава. В этом отношении современный нам Совет имеет гораздо более широкое рабочее представительство — 76%, а рабочих непосредственно от станка около 69%. Значительная часть членов Совета 1917 года в прошлом была связана с профессиональным движением. Так, из 911 членов 665 участвовало в профессиональных союзах.

Чрезвычайный интерес представляют собой данные о партийном составе членов Совета Рабочих Депутатов; в количественном отношении выдвигались правые эсеры и правые социал-демократы. Распределение видно из следующей таблички:

социал-демократов—большевиков	9	н. с.	5
социал-демократов — интернационалистов	12	поалей-цион	7
социал-демократов — меньшевиков	53	социалистов не партийных сочувствующих социал-демократам	7
социал-демократов—об'единенцев	1	сочувствующих эс-эрам	96
социал-демократов — плехановцев	1	анархистов	75
социал демократов—бунд	26	анархистов-коммунистов	5
социал-демократов без указаний	126	анархистов-синдикалистов	2
эс-эров—максималистов	1	прогрессистов	2
эс-эров	232	сионистов	1
серп	7	радикал-демократов	1
		к. д.	1
		беспартийных	92
		не указано	148
		Всего	911

Наряду с указанной ролью правых социал-демократов и эс-эров, как характерную черту необходимо отметить наличие значительного количества категории «сочувствующих» и сравнительно небольшого количества лиц, признавших себя просто беспартийными. Также отмечается большое количество партийных группировок в первом Совете. — В этом отношении резко отличается Одесский Совет Рабочих Депутатов 1917 г. от современного нам Горсовета, где, в результате 10 лет борьбы, и политического самоопределения рабочего класса, в партийном отношении члены Горсовета состоят на 53,1% в коммунистической партии и в комсомоле, а 46,9% приходится на беспартийных. Так годы борьбы за диктатуру пролетариата привели к тому, что единственной партией рабочего класса является партия большевиков, обеспечившая победу за рабочим классом.

Наряду со значительным количеством молодых партийцев, поступивших в партию лишь в 1917 году, в Совете было большое количество старых членов соответствующих партий. Так, около третьей части всего состава Совета со-

ставляли члены различных партий, вступившие в партию до революции. Члены же партий периода вступления 1902—1906 годов в общем количестве составляли около 200 человек, т.-е. несколько менее одной четверти общего состава Совета.

В отношении возрастном в составе членов первого Совета преобладающую роль играли лица в возрасте от 30—40 лет (около 40%), т.-е. примерно тот же %, что и в Городском Совете 9 созыва, с той, правда, разницей, что следующую группу по количеству в Совете составляли лица в возрасте 40—50 лет, в то время, когда в Горсовете 9 созыва второй по численности группой являлись лица от 24 до 30 лет, т.-е. в первый Совет менее была втянута молодежь, и преобладали лица «солидные» по возрасту.

В Исполкоме СРД руководящую роль играли, преобладавшие численно, меньшевики и эс-эры. Большевики и социал-демократы-интернационалисты составляли около 20% членов Исполкома. В Президиум Совета входило 15 человек, среди коих преобладали меньшевики, хотя значительную роль играли большевики — 5 из 15.

В Президиум Совета входили следующие лица: Ачканов Григорий (большевик), Боркун, Гильдин, Гниденко, Гельфенбейн, Красный (большевик), Кристаловский (большевик), Лурье, Ладыженский, Милованов, Прокофьев, Рузер (большевик), Рудницкий (большевик), Тепер, Фрид. Из состава Президиума Совета была выделена группа, так называемых «членов председательской коллегии», в составе: Боркуна, Гниденко, Милованова, Рузера и Фрида, т.-е., не считая большевика Рузера, коллегия была целиком в руках меньшевиков.

Члены Одесского СРД об'единялись президиумом Исполкома Городского Совета и общими собраниями Совета, но по территориальному признаку город разделен был на 7 районов. Члены Совета, живущие в соответствующих районах, об'единялись в районные Советы, каковые имели свои отдельные Президиумы и Исполкомы.

Интересно сравнить указанный выше состав членов Одесского Совета Рабочих Депутатов с составом Одесской Городской Думы, избранной также в первые дни после Февральской революции «по всем правилам» четырехххвостки, с широким участием буржуазии и нетрудового элемента. Характерным отличием в этом отношении является наличие в составе Думы лиц, официально представительствовавших об'единения торговцев, представителей «Русского Государственного Союза», т.-е. махровой монархической организации, и наличие большого количества кадетов. Так, из 120 членов Думы 15 были членами партии КД. Однако, и в этом детище одесской буржуазии численное преобладание было на стороне социал-соглашательских партий. Так, социалисты-революционеры, «самая модная» в 1917 г. пар-

тия, в которую записывались широко даже лавочники, не говоря уже о классных дамах женских гимназий, имели 65 гласных. Все же вместе взятые, так называемые социалистические партии, имели 81 место. — Мы привели эти данные для того, чтобы показать лицо «революционной» городской Думы, которая явилась в дальнейшей борьбе одним из «ощутимых» факторов контр-революции.

Крупная и мелкая буржуазия, представленная в Городской Думе, независимо от того, под каким ярлыком она действовала — кадетов, «русского государственного союза» или эс-эров и меньшевиков — пользовалась трибуной «демократического» органа местного самоуправления и сыграла свою гнусную роль в борьбе против рабочего класса.

Характерно, что мелкая буржуазия не удовлетворялась своей преобладающей ролью в органах «местного самоуправления», а стремилась, не говоря уже о своем влиянии, через соглашательские партии непосредственно пролезть в Совет Рабочих Депутатов. В материалах Совета Рабочих Депутатов имеются документы, указывающие на факты непосредственных выборов торговцами, маклерами и т. п. «рабочими» своих представителей в Совет Рабочих Депутатов, для того, чтобы «непосредственно защищать интересы нашего союза», как это оффициально мотивировалось в протоколах общих собраний представителями этих «профессий».

Одесский Совет Рабочих Депутатов в общей системе революционных организаций Одессы. В первые месяцы после Февральской Революции еще сохранился не только технический аппарат царской власти, но даже некоторое время юридически существовала власть генерал-губернатора, канцелярия которого официально переписывалась с Советом Рабочих Депутатов. В это же время существовал, как оффициальный представитель революционной власти, комиссар Временного Правительства. Однако, в Одессе он фактически власти не имел. В указанный период в Одессе были также оффициальные представители образовавшегося в то время в Киеве украинского национального правительства — Центральной Рады. Поскольку представители последней имели в Одессе вооруженную силу, постольку и осуществлялась власть их в пределах Одещины. Органами, имевшими наибольшие возможности регулирования жизни города, являлись органы местного самоуправления — городская управа, также продовольственный комитет, поскольку эта организация, созданная в военное время, об'единяла деятельность в области по снабжению продовольствием. С указанными органами Совету Рабочих Депутатов приходилось раньше всего устанавливать деловые взаимоотношения.

В первое время Революции в Одессе существовали Совет Рабочих Депутатов, Совет Солдатских и Офицерских

Депутатов, как самостоятельный орган, а матросы имели свой Совет Матросских Депутатов. Только впоследствии эти Советы об'единились в один, а в середине сентября между Советом Рабочих Депутатов и Советом Солдатских Депутатов была установлена более систематическая связь, путем проведения об'единенных заседаний Президиумов с Советом Крестьянских Депутатов, организовавшимся в середине марта. В первый период связь была довольно слабая.

Наиболее связан был Совет Рабочих Депутатов с «Румчеродом», — Центральным Исполнительным Комитетом Румынско-Черноморского фронта и Одесского округа». Румчерод по существу был военным органом. Базой его были солдатские массы Румынского фронта и Черноморского флота; с массами же рабочих и тем более крестьянскими— Румчерод почти не был связан. В Румчероде также господствовали меньшевики и правые эсеры, и все внимание Румчерода этого периода было сконцентрировано на вопросах обороны и подготовки к «Учредилке». Одесский СРД проводил свою работу в контакте и под руководством Румчерода, поскольку вообще можно говорить о руководстве в указанный период.

Одещина в это время входила в состав Херсонской губ. В Херсоне был Губернский Исполком Советов. Однако, этот Губисполком никаким авторитетом и влиянием у Одессы не пользовался. Одесский Совет Солдатских Депутатов даже отозвал оттуда своих представителей, считая, что при наличии Румчерода, как Областного центра, Губисполком в Херсоне не нужен. На такой же точке зрения стояли и руководящие работники Одесского Совета Рабочих Депутатов. Однако, в силу свойственной им нерешительности и соглашательства, они не рвали окончательно с Херсонским Губисполкомом и терпели его, поскольку «Учредительное Собрание скоро (как говорили в Совете) и окончательно разрешит административные вопросы».

Условия работы и общая характеристика деятельности Одесского Совета Рабочих Депутатов в 1-й период. 1-й период после Февральской Революции характеризуется быстрым ростом всяческих материальных затруднений, нужды и обнищания масс в результате последствий войны, общего хозяйственного и организационного расстройства и путанницы, создавшихся после революции, быстрым ростом спекуляции в этот период, а также саботажа со стороны буржуазии, в особенности в производстве.

При наличии указанных все растущих затруднений и фактического безвластия и безответственности, уголовщина приобрела особенно благоприятную почву для своего развития. Недаром в это время широко была распространена молва о том, что и одесские воры «организовались в самостоятельный профсоюз». В этот период началась ор-

ганизация, об'единение сил контр-революции. Наряду с этим каждый день приносил все большее и большее наростание революционной энергии рабочих и солдатских масс. Упорное стремление соглашателей продолжать войну, неспособность проявить решительность в борьбе с затруднениями, спекуляцией и уголовщиной, беспомощность власти — значительно способствовали этому росту революционности трудовых масс.

Президиум Совета Рабочих Депутатов, состоявший в преобладающем количестве из представителей соглашательских партий, в этот ответственный момент ни в коей мере не удовлетворял запросов и растущих требований революционных масс. Больше того, под крылышком его подчас начали прятаться от революционных масс различного рода контр-революционеры. В этом отношении можно привести любопытный документ о том, как в Совет Рабочих Депутатов обращались за содействием в сокрытии офицеров флота—монархистов. Приводим соответствующее отношение в Совет:

«В Совет Рабочих Депутатов. Прошу товарищей-граждан помочь мне сделать успокоение матросов по вопросу о переводе с корабля офицеров-монархистов. Убрать всех монархистов полагаю невозможным, так как ослабим боевую мощь корабля. Прошу пожаловать на корабль поговорить с командой, угрожает-ли их пребывание на корабле Республике. Все лица, которые Совет признает действительно опасными для Республики, будут мною немедленно уволены в отпуск, а я войду к начальнику Об. С.З.Ч. Черного моря с рапортом о немедленном издании командующим флотом приказа о списании их в наличие Черноморского флотского экипажа в Севастополе.

Гражданин-капитан 1-го ранга З а р у д н ы й»...

Сильно осложнявшим работу Совета обстоятельством явилось наличие в городе большого количества спирта и вина. Значительное количество спиртных напитков в первые дни Февральской Революции было растащено уголовным элементом. Вполне естественно, что Совет, в лице президиума его, в особенности в той части, которая стремилась к скорейшему «умиротворению» населения, значительную часть своего внимания уделил мероприятиям по борьбе с пьянством и притонами, являвшимися очагами уголовно-погромного элемента. При Совете была создана специальная комиссия по борьбе с пьянством, которая принимала довольно решительные меры, вплоть до полного уничтожения запасов спиртных напитков.

Поднявшая в это время голову контр-революция развернула широко антисемитскую агитацию в городе и на селе. Из материалов Совета видно, что на селах в пределах Одещины был зарегистрирован целый ряд погромных выступлений со смертным исходом для еврейских семейств. Руководящую роль в антисемитских выступлениях играли монархисты. Центрами антисемитской агитации в значительной мере явились попы, подчас с амвона проповедовавшие в церквах необходимость погромов.

Указанный период характеризуется началом обострения национальных взаимоотношений. Помимо антисемитизма, в этот период начались обострения между «украинцами» и «неукраинцами», что в первую очередь относится к украинским воинским частям, так называемым, «гайдамакам» и неукраинскому населению, а также и к матросам Черноморского флота. В этот же период началась организация немецкого населения под националистическими лозунгами. Это дало свои плоды уже в следующем периоде в форме подчас кровавых столкновений, как бои с «гайдамаками», восстания в немецких колониях и т. п.

В этой все усложнявшейся и обострявшейся обстановке соглашательский президиум Совета обнаруживал полную нерешительность и боялся взяться за дело с той решимостью, которая требовалась обстановкой; стремление искать «спецов» дошло до того, что лишь по признаку специальности зачастую поручалось руководство ответственными политическими мероприятиями лицам заведомо чуждым или даже враждебным делу рабочих — «хоть он и не наш, но за то спец этого дела».

Чуть ли не по каждому, более или менее серьезному вопросу раздавались жалобы: «у демократии нет талантливых людей». А потому, когда перед президиумом, напр., стал вопрос о кандидатуре правительственного комиссара, то даже на эту ответственнейшую работу сочли необходимым выдвинуть не рабочего, не члена какой нибудь соглашательской партии, а «спеца», по признанию самих же членов президиума, политически подозрительную личность.

Члены президиума обнаруживали в своей работе паническую боязнь перед решительными действиями красногвардейцев в области борьбы со спекуляцией и т. п. Жили они лишь одной мечтой — довести Одессу до «учредилки», помочь оборонить страну от «варваров-немцев». «Старательная» работа в этой области заслужила одобрение даже со стороны «достопочтенных господ консулов». Приводим текст любопытного письма «Господину Председателю Исполнительного Комитета Одесских Рабочих Депутатов».

«Милостивый Государь! Я очень рад, что мне поручено Министерством Иностранных Дел в Лондоне передать благодарность Британского Правительства Комитету и всем одесским рабочим, говорившим через Вас и высказавшим свою радость в выступлении по поводу выпавшей важной удачи английского оружия близ Арраса во Франции. Я с особенным удовольствием буду всегда вспоминать и чувствовать сердечные Ваши речи, которых я удостоился по этому случаю. Я твердо верю, что старания преданно трудящихся русских рабочих помогут стойкой русской армии достигнуть блистательных успехов.

Пиктон Боне.

И. д. Великобританского Генерального Консула в Одессе, 2-го мая 1917 года».

Интересно знать, с большим ли удовольствием и сейчас вспоминает господин Пиктон Боне «старания преданно-

трудящихся русских рабочих», создавших власть Советов!..

Основные моменты практической деятельности президиума Совета. По мере приближения к Октябрю все больше и больше росла и усиливалась нужда города в продовольствии, топливе, свете и т. п. предметах первейшей необходимости. Разумеется, эта нужда ощущалась лишь трудящимися массами Одещины, ибо «Одесса Робина и Фанкони» не только никакой нужды не испытывала, но прожигала жизнь еще в большей роскоши, чем когда-бы то ни было. Президиум Совета, заседавший ежедневно, чуть ли ни на каждом заседании обсуждал вопросы о затруднениях. Создавались бесконечные комиссии по «обследованию, изучению и изысканию» методов устранения затруднений. Выносившиеся решения направлялись в Управу, Продовольственный Комитет и другие «почтенные» органы, которые отнюдь не думали принимать их даже к сведению, а просто клали их под сукно без всяких об'яснений. Президиум Совета посылал своих представителей даже в Ленинград, надеясь там найти у Временного Правительства «спасение от своих бед».

Под давлением рабочих масс была создана специальная комиссия по борьбе со спекуляцией. Эта комиссия вызвала большой интерес со стороны рабочих и в первую очередь красногвардейцев, которые самым интенсивным образом принялись за борьбу со спекуляцией и прежде всего со спекулянтами. Не в меру «горячие» красногвардейцы своим рвением причинили не мало беспокойства добродушным членам президиума.

Комиссия по борьбе со спекуляцией усиленно занялась обысками у спекулянтов и реквизицией товаров, каковые в дальнейшем передавались рабочим через кооперацию. Продовольственный Комитет и Городская Управа, в руках коих были аппарат и власть и каковые по сути могли бы при желании помочь в деле борьбы с продовольственными и другими затруднениями, никакого содействия Совету не оказывали, игнорировали и саботировали его решения, а президиум Совета лишь жаловался и не решался самостоятельно взяться за дело.

Любопытно отметить, что Городская Управа, которая упорно саботировала и уклонялась от контакта с Советом, считала необходимым устанавливать «контакт» с Советом лишь по таким вопросам, как проведение религиозных праздников и т. п. Так, 21-го августа городской голова пишет в Совет (в рассмотренных нами документах Одесского Совета — эта единственная бумажка в Совет со стороны Городской Управы) следующее:

«На случай назначения от Совета Рабочих Депутатов соответствующей депутации, считаю долгом уведомить, что 22-го сего августа имеет быть по традициям прошлых лет

церемониал крестного хода, по случаю празднования годовщины основания города Одессы, и проводы святой иконы Касперовской божией матери из города Одессы по железной дороге до города Вознесенска».

Очевидно, уважаемый городской голова считал, что у Одесского СРД накануне Октября более почтенного и приятного занятия, как участие в «проводах божией матери», не было...

Для характеристики той неразберихи, которая существовала в этот период, стоит указать, что еще в июле м-це некий «достопочтенный» сенатор Трегубов, приехавший до революции по поручению царского правительства ревизовать в Одессе «общественные организации», продолжал свою деятельность, находился в официальной переписке с СРД и давал Совету свои «авторитетные заключения» об имущественных правах Одесского Отдела «Союза Русского Народа»!..

Полная неспособность Президиума Совета что-либо осуществить выявилась хотя-бы в том факте, что, испытывая острейшую нужду в средствах на проведение самых неотложных мероприятий, вроде содержания красногвардейцев, посылки представителей и т. д., президиум, имея указания Временного Правительства на недопустимость принудительных обложений на нужды Совета, не решался предпринять какие бы то ни было шаги для обеспечения себе возможности заниматься работой.

Вполне естественно, что революция с первых дней ее возникновения остро выдвинула вопрос о взаимоотношениях труда и капитала. На почве падения валюты, обесценения денег, вздорожания цен на продукты первой необходимости, подчас острого недостатка в сырье и т. п., а также саботажа со стороны хозяев и администрации — все более и более росло недовольство рабочих, их самосознание и укреплялась способность к борьбе.

Этот период характеризуется частыми забастовками на предприятиях. В Совет постоянно обращались за помощью, как представители рабочих, так и сами «хозяева», не находя другого более авторитетного органа для урегулирования обостряющихся отношений. Указанное обстоятельство еще более усугублялось тем, что фактически в этот период жизнеспособных профсоюзов не было. Саботаж и нежелание найти общий язык с представителями рабочих со стороны хозяев приводили подчас к тому, что рабочие в стихийном порядке забирали предприятия в свои руки и старались вести их на кооперативно-коллективных началах.

В сентябре месяце на заводе Гена произошла крупная забастовка в результате конфликта между рабочими и администрацией. Забастовка была об'явлена «до признания заводоуправлением авторитета Завкома и принятия экономи-

ческих требований рабочих». Крупные недоразумения происходили также на предприятиях бывш. РОПИТ'а. Союз моряков об'явил даже весь торговый флот и имущество РОПИТ'а своей собственностью, что было, правда, в дальнейшем устранено при участии Совета.

Во всех этих важнейших конфликтах и ликвидации их деятельное участие принимал Совет. «Центральное Бюро Рабочих Профсоюзов г. Одессы» по существу дела играло лишь подсобную роль при Совете и существовало на средства выделяемые Советом.

Среди важнейших мероприятий Совета в указанный период необходимо отметить организацию Красной Гвардии. Правда, самая организация Красной Гвардии и деятельность ее происходили при весьма слабом руководстве со стороны президиума Советов. В состав Красной Гвардии вошла наиболее революционная часть одесских пролетариев. Во главе их стоял тов. Кангун. Соглашательская часть президиума больше испытывала боязнь перед решительными действиями красногвардейцев, чем в действительности руководила ими.

Президиум Совета проявил усиленное стремление в этот период наростающей революционной волны заняться «культурничеством», создавать клубы, театры, устраивать спектакли и т. п. «благочестивые дела» на рабочих окраинах. Причем все это проводилось в самых «демократических» формах, на началах «добровольного соглашения» и т. д. Доходило до курьезов. В некоторых районах никакой работы не проводилось, так как либо культурные работники либо рабочие соответствующих предприятий на это не соглашались.

Организационная работа Совета. Президиум Совета осуществлял свою работу через соответствующие комиссии при Совете, а также через городские районные комитеты. В это время было семь городских районов — Молдаванский, к коему был прикреплен от президиума тов. Хворостин, Слободской — Милованов, Александровский — Боркун, Городской — Маланья, Железнодорожный — Кристаловский, Пересыпский — Рудницкий и Портовый — Ачканов.

Несмотря на слабость президиума Совета, все-таки основные вопросы жизни рабочих стекались в Совет и в особенности в районные Исполкомы, которые подчас проявляли значительную самостоятельность, «партизанщину» в своей деятельности по отношению к Исполнительному Комитету общегородского Совета, который уже в этот период распространял свою деятельность далеко за пределы Одесского округа.

Развернула свою деятельность и Крестьянская секция при Совете, где главную роль играли т. т. Юрковский и Ильин. Секция довольно часто посылала представителей Со-

вета на село. Правда, поездки эти проводились в достаточной мере бессистемно, не в соответствии с какими нибудь намеченными планами, а по случайным вызовам со стороны крестьян для докладов по текущему моменту, по вопросам подготовки к выборам в учредительное собрание, борьбы с антисемитизмом и контр-революцией, а чаще всего по земельному вопросу. Материалы Совета изобилуют письмами с мест, в особенности от бывших солдаток, с просьбой «прислать делегата по земельному вопросу». В большинстве случаев «за делегатом от рабочих» крестьяне посылали, когда начинали делить землю, и при разделе происходили большие недоразумения — «не поделились».

Подготовка к переходу власти в руки Советов (сентябрь 1917—январь 1918 г.).

Этот период характеризуется ростом революционной активности рабочих и матросских масс в Одессе. Эта революционность наростала в соответствии с общим ростом революционности в стране. Разочарование в соглашательской политике меньшевистско-эсеровских вождей первого периода также значительно способствовало росту большевизации масс. Наряду с усилением сил революции, этот период характеризуется также дальнейшим ростом организации контр-революционных сил и настроений среди враждебных рабочему классу элементов. В этот период напряженные взаимоотношения между этими двумя лагерями — революцией и контр-революцией — доходили до открытых столкновений. Всемерно охраняемая меньшевиками в первый период революции, идиллия гражданского мира сменилась напряженным заострением классовых взаимоотношений. Большевистская организация Одессы значительно развила свою деятельность и усилила свое влияние среди масс, вообще, и в Совете, в частности. Однако, сохранившаяся до последних дней этого периода «коалиционность» в составе руководящих органов Совета, участие в них меньшевиков и правых эс-эров, хотя и при значительно возросшем влиянии большевиков — предопределили неустойчивость и колебания политики и деятельности руководящих органов Совета.

От «обще-демократической» — к Советской платформе. Революционное настроение матросских масс наростало с каждым днем. Вполне естественно, меньшевистское руководство в Совете с его полумерами не могло удовлетворить революционных требований рабочих. Большевистская организация, имевшая ясные лозунги и требования, связанная меньшевистско-эс-эровским засильем руководящих органов Совета, принуждена была через голову президиума непосредственно апеллировать к массам Совета Рабочих Депутатов. В этом отношении необходимо особо отметить об'единенное заседание Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских

янских Депутатов и Румчерода 6-го сентября 1917 года. Заседание это надо считать историческим в развитии Октябрьской Революции на Одещине.

На этом заседании был поставлен вопрос о приказе Керенского относительно армейских комитетов, коим власть в армии фактически целиком передавалась монархическому офицерству. Вполне естественно, что после едва улегшегося Корниловского бунта, подобный приказ вызвал возмущение в революционных рядах. Заседание 6-го сентября превратилось в мощную демонстрацию под руководством большевиков против Временного Правительства. Материалы данного заседания представляют большой интерес, т. к. очень ярко рисуют настроение революционных масс и большевистской организации, с одной стороны, и предательскую роль меньшевиков и организаций, в коих руководящая роль принадлежала меньшевистско-эс-эровскому блоку.

На этом заседании представители рабочих и солдат требовали решительных мер для прекращения войны, высказывались решительно против компромиссной политики Временного Правительства в отношении контр-революционных организаций, в том числе и армейских, и требовали скорейшего созыва Всероссийского С'езда Советов. Раздавались решительные голоса за разрыв коалиции с буржуазией, за передачу земли крестьянам и т. д. В массовых выступлениях звучало требование передачи власти Советам. В этом представители рабочих, солдат и матросов видели единственный путь для разрешения назревших вопросов. Меньшевики же не нашли ничего более подходящего, как воздержаться при голосовании резолюции, предложенной тов. Рузером от имени большевиков, социал-демократов-интернационалистов, левых эс-эров, группы бундовцев-интернационалистов, Польского Рабочего Союза, Польского Революционного Клуба и Об'единенной Социалистической Рабочей Партии. Меньшевики, устами Кунина и Гельфенбейна, высказывались, что «необходимо найти те живые силы, которые неразрывно связаны с демократией и находятся в городских и земских учреждениях, народившихся после революции». Меньшевики противопоставляли власти Советов Городскую Думу и Земство и предлагали коалицию с буржуазией. Меньшевистские представители Румчерода отказались от голосования, а представители Бунда заявили, что не могут высказаться оффициально. Несмотря на это, резолюция о власти Советов была принята подавляющим большинством при воздержавшихся меньшевиках.

После указанного заседания значительно усилилась деятельность большевиков в Совете и его руководящих органах. Под руководством большевиков были намечены мероприятия по улучшению деятельности президиума Совета. Началась борьба с перегрузкой деятельности президиума мелкими вопросами и перенесение значительного внимания на

улучшение деятельности секций и руководства ими со стороны президиума. Точно также был поставлен вопрос об усилении внимания руководству районными исполкомами.

Подведение итогов деятельности Совета привело к выводу, что Совет, при неопределенности его положения, прав и обязанностей, не в состоянии справиться со стоящими задачами и только переход власти к Советам может обеспечить возможность разрешить те сложные вопросы, которые со всей решительностью перед Советом выдвигала жизнь и кои никакая другая организация в той обстановке не имела возможность разрешить.

На общем собрании Совета Рабочих Депутатов 26-го декабря тов. Скоклицким был сделан доклад о деятельности об'единенных президиумов. В этом докладе было указано, что об'единение Советов, намеченное еще в конце ноября, не могло осуществиться ввиду того, что в декабре имели место кровавые столкновения между «гайдамаками» и красногвардейцами, что за это время произошло только слияние Украинской Войсковой Рады и Украинской Морской Рады с Советами Солдатских и Матросских Депутатов в один Совет Военных Депутатов. Координирование деятельности этих организаций осуществлялось лишь путем проведения совместных заседаний президиума. Докладчик указывал, что в деятельности Совета большое место занимал вопрос о взаимоотношениях Совета и городского самоуправления. После долгих бесплодных попыток найти общий язык и ввиду явно выраженного контр-революционного настроения при столкновении с «гайдамаками», об'единенные президиумы выразили недоверие Городскому Самоуправлению и выдвинули вопрос о власти, который был разрешен в том направлении, что высшим органом власти в городе должны быть об'единенные президиумы Советов Военных, Рабочих и Крестьянских Депутатов.

Так сама жизнь фактически передавала власть Советам, которые в течение указанного периода этой властью почти еще не пользовались.

На этом собрании меньшевики продолжали скулить, что в Исполнительном Комитете, который недавно был переизбран, нет творческих сил способных к работе, т.-е. старались доказать неспособность Совета справиться со стоявшими задачами. Представители рабочих и солдат решительно выступали, требуя перехода власти полностью в руки Советов. Приведем пару характерных выступлений: «тов. Горелов призывает рабочих к усиленной борьбе за свои права в настоящий критический момент, предлагает поддержать Совет Народных Комиссаров, бросить переговоры с Центральной Радой, которую не признает ее же народ. Он обвиняет Городскую Думу в контр-революционности и упрекает ее за ее бездеятельность в продовольственном деле».

«Тов. Липецкий считает, что в развале Совета виновен Исполнительный Комитет, который плохо работает, комиссии которого слишком редко отчитываются в своих действиях».

В результате, Советом была вынесена резолюция: «Собрание присоединяется к резолюции о власти, принятой об'единенными президиумами, при 3-х голосах против и при 18-ти воздержавшихся, и выражает ему доверие. Власть в городе должна принадлежать об'единенному президиуму С. Р. В. и Кр. Д., который проводит в жизнь свои решения через существующие в городе правительственные и общественные учреждения».

Таким образом, была принята формула, которая давала основные руководящие права Советам, но с существованием, в качестве исполнительных органов, соответствующих «правительственных и общественных учреждений», т. е. была принята формула не «Власти Советам», а промежуточная соглашательская формула, сохранявшая в городе буржуазные институты власти.

Экономическая деятельность Совета. Продовольственное положение в городе значительно ухудшилось, осложняясь не столько отсутствием продуктов и товаров, вообще, сколь хаосом и безответственностью ведавших делом продовольствия. Зубры, сидевшие в этих органах, не желали никому подчиняться, открыто саботировали «умные советы» меньшевиков из президиума Совета. Это вызывало острое недовольство рабочих и решительное требование представителей рабочих организаций в президиуме Совета.

В заседании президиума 19-го сентября Фрид (меньшевик) докладывал следующее: «Продовольственный вопрос —большой вопрос. Его нужно решать в государственном масштабе. Поскольку нет данных утверждать, что в продовольственном комитете злоупотребления,—надо об этом пока как о факте не говорить. Продовольственный комитет не разрешает ревизию его дел, считая это самочинным делом.»

Разумеется, подобного рода постановка вопроса о необходимости разрешать продовольственный вопрос в государственном масштабе вызвала резкую отповедь со стороны представителей рабочих, которые требовали «не ждать распоряжений Временного Правительства, а проявить инициативу».

Тов. Милованов в своем выступлении говорил:—«Пора прекратить ссылку на государственный масштаб дела. Почему заводское совещание может реквизировать завод и продукты, а Продовольственный комитет не может. Нужно хоть позаботиться об Одессе и уездах, если нельзя решить вопрос в государственном масштабе. Если не взяться немедленно за разрешение продовольственного вопроса, контр-революция неизбежна». А тов. Хворостин указывал: «Население ждет от нас дела, а мы занимаемся разговорами. Нужно передать дело (продовольственное) только в руки

городского самоуправления без участия других организаций».

В указанный период продовольственный вопрос не сходил с повестки президиума Совета. Особый интерес представляет заседание Совета 17-го декабря по продовольственному вопросу, на коем была доложена большая, разработанная практическая резолюция совещания заводских комитетов, требовавшая решительных действий к ослаблению продовольственного кризиса. Большинство выступавших отмечало, что деятельность Совета в этой области сводится лишь к резолюциям и отдельным реквизициям, и что реквизиции проходят в большинстве стихийно, по инициативе Красной Гвардии, а президиум Совета обнаруживает полное бессилие, и что лишь переход власти к Советам может обеспечить разрешение вопроса. Однако, несмотря на обострившееся положение и решительные требования представителей рабочих, была вынесена резолюция, чтобы «никаких постановлений не выносить, а обсудить вопрос... еще раз с Продовольственным комитетом и городским самоуправлением»...

Этот случай может служить прекрасным примером, как в одном из важнейших вопросов президиум, руководимый меньшевиками, бесплодно толкался на одном месте. Не хватало решимости самостоятельно взяться за дело, предпочитали кивать в сторону Продовольственного комитета и городского самоуправления, вся деятельность коих сводилась к саботажу в отношении Совета. Да и сам Продовольственный комитет неоднократно, демонстративно отказываясь от работы, «слагал свои полномочия», так как, по его словам, представители Советов мешают ему работать.

Красногвардейский отряд являлся в этот период единственной, пожалуй, организацией, которая действительно пыталась, хотя и не всегда удачными мерами, урегулировать продовольственный кризис. Мероприятия красногвардейцев сводились к реквизициям товаров и арестам злостных спекулянтов. Однако, деятельность в этом отношении вызывала зачастую переполох у меньшевиствующих членов президиума Совета. Так, напр., когда красногвардейским отрядом, под руководством Шпиталенко, была проведена облава, во время коей был задержан ряд спекулянтов и было допущено «недостаточно деликатное» обращение с ними, то это вызвало целую бурю негодования в президиуме с угрозами в отношении лиц, нарушивших спокойствие и хороший тон. На заседании от 25-го сентября, где обсуждался вопрос об облаве, меньшевик Гниденко заявил: «Мы пользуемся большим влиянием в низах, но влияние это чисто погромного характера. Протестуем против обращения Шпиталенко с арестованными». Так почтенный меньшевик Гниденко требовал деликатного обращения со спекулятивными акулами накануне Октябрьской Революции и требо-

вания рабочих масс о решительных действиях со стороны президиума Совета сводил к настроениям «чисто погромного характера».

Особенный переполох эта облава вызвала, потому что, по заявлению меньшевика Гильдина, «кандидаты в городскую управу готовят запрос об облаве. Необходимо будет выступить от имени Исполкома. Предлагает заявить: 1) что облава произведена была под давлением рабочих, 2) что за действия отдельных лиц президиум не отвечает». Меньшевиков приводило в ужас недовольство «порядочных людей»—кадетов из городской управы. Недаром на этом же заседании тов. Духовный решительно возражал против подобной позиции, хотя он также был против «безобразий», допущенных при облаве. Он говорил: «Ясно, что Шпиталенко не имел права фотографировать людей, еще не уличенных в спекуляции. Его нельзя оставлять более во главе комиссии по борьбе со спекуляцией, взваливать же вину на массу нельзя. Думу же нужно предупредить: 1) что борьба со спекуляцией законна, 2) что шероховатости в таких случаях неизбежны и 3) чтобы Дума не увлекалась: масса не с ней, а с Советами».

Подобного рода нерешительность проявлял президиум Совета и в области других вопросов. Так, при остром положении с отсутствием помещений для революционных учреждений и организаций, Совет не решался на решительные действия в этой области. Его деятельность здесь фактически сводилась к «ходатаю по делам перед комендантом города», каковой в большинстве случае отказывался от принятия необходимых мер, мотивируя отказ тем, что «реквизиция помещений для учреждений вне его прав». Многократное и бесплодное клянчинье перед «власть имущими», фактически ее не имевшими, неоднократно вызывало глубокое возмущение среди членов президиума—большевиков и левых эс-эров.

В результате, 26-го сентября была создана специальная комиссия при Совете для реквизиции помещений, коей дано было задание «действовать в соответствии с нуждами, не ожидая специальных узаконений».

Город испытывал острую нужду в финансовых средствах, особенно остро это чувствовалось в начале января. Рабочие в течение нескольких месяцев не получали жалования. Это привело к чрезвычайно тяжелому положению, грозившему вылиться в массовое выступление рабочих. Президиум Совета созвал специальное совещание с представителями банков и финансовыми деятелями для намечения выхода из создавшегося положения, чтобы, как мотивировали представители Совета на совещании, «удержать массы от выступления». Перепуганные финансисты наметили ряд действительных мер, вплоть до выпуска городских купонов и чеков Государственного банка, долженствовавших заме-

нить государственные денежные знаки. Эти меры дали известный результат. Тов. Фельдман предложил установить контроль над выдачей денег и произвести проверку сейфов.

Для характеристики настроения рабочих необходимо указать, что на заседание президиума 4-го января явилась делегация от рабочих, выступление коих в протоколе изображено так: «представители совещания всех заводских комитетов, имевшего место в Ропите, заявляют, что там избрана комиссия 15-ти, которая, во избежание выхода на улицу, должна найти в срочном порядке средства. Если они не будут, рабочие выходят на улицу, чтобы решить вопрос о власти, о чем предупредят сегодня гарнизон на его общем собрании».

Взаимоотношения рабочих и предпринимателей все более обострялись, росла безработица; события ставили Совет Рабочих Депутатов в центре вопросов труда. Сюда обращались как рабочие, так и сами предприниматели. За период своего существования Отдел труда разобрал свыше 2000 конфликтов, организовал ряд профессиональных союзов, биржу труда и об'единение больничных касс. В декабре Отдел труда был ликвидирован и вошел в состав экономического совета при Исполкоме. Руководящую роль в этом совете играли т.т. Кантор, Деготь и Духовный.

Одновременно шло усиление рабочего контроля на предприятиях, и в этом отношении любопытно отметить решения рабочих организаций при Центральном совете фабзавкомов 18-го декабря.

«После обмена мнений и детального обсуждения вопроса о надвигающейся безработице, демобилизации армии, ликвидации заводов и фабрик и наблюдающемся в некоторых случаях стремлении рабочих к расчету, собрание постановило:

1) Ни один владелец предприятия не имеет права принимать рабочих вне очередной записи безработных в соответствующих профессиональных союзах и помимо рабочего комитета.

2) Ни один владелец предприятия не имеет права увольнять рабочих без согласия соответствующего профессионального Союза и Рабочего Комитета, при чем расчитываются, по общему правилу, в первую очередь неквалифицированные рабочие.

Все рабочие, несогласные временно перейти на другую работу, необходимую для продолжения производства данного предприятия, увольняются без вознаграждения.

3) Ни одно предприятие не может быть закрыто без уведомления об этом за 6 недель Заводского Совещания, заинтересованного Профессионального Союза и Заводского Комитета, Центрального Совета Фабрично-Заводских Комитетов и Совета Профессиональных Союзов.

4) При ликвидации предприятия инвентарь его не может быть продан без ведома и согласия Заводского Совещания и Центрального Совета Фабрично-Заводских Комитетов.

5) В комиссию по обследованию закрывающихся предприятий входят представители Заводского Совещания и Центрального Совета Фабрично-Заводских Комитетов и заинтересованного Профессионального Союза и Заводского Комитета.

6) Во всех ликвидирующихся предприятиях расчет рабочих производится по общему правилу на следующих основаниях: за каждый проработанный год рабочему уплачивается жалование вперед за один ме-

сяц. — Если будет доказано, что расчитываемый рабочий имущий, то деньги расчета поступают в фонд безработных.

7) О сокращении рабочего дня, введении смены: в случае, если обследование предприятия выяснит необходимость сокращения производства, допускается сокращение рабочей недели до 4-х—5-ти дней и не меньше, но отнюдь не сокращение рабочего дня, если это технически необходимо».

Необходимо привести еще крупный конфликт между союзом металлистов, во главе которого стоял тов. Старостин, и организацией промышленников Проюгом. Этот конфликт угрожал общей забастовкой металлистов, и президиум совета в заседании 4-го января поставил задачей устранить конфликт. Представлены были как союз, так и Проюг, при чем минимальность выставленных требований, по заявлению союза, об'яснялась «близостью фронта, предстоящей демобилизацией и критическим положением промышленности».

А один из членов правления союза металлистов говорил: «большого спора по поводу тарифного договора быть не может. Опасность, грозящая русской промышленности при открытии границ, так велика, что борьба с ней об'единит и промышленников и рабочих. Надо помнить, что губернский союз металлистов берет на себя каторжную работу по выполнению договора. Промышленников добивать также нет смысла. Положение их предприятий и так незавидно.» Однако, несмотря на столь «убедительные» доводы меньшевика, проюговцы не особенно склонны были мирно уладить конфликт с рабочими.

Остро стоял все время вопрос о растущей безработице и мерах борьбы с ней. На заседании 29-го декабря по этому вопросу был выработан ряд мероприятий, которые зафиксированы следующей резолюцией:

«Решено: 1) Оповестить о безработице в округе с предложением ищущим работы в Одессу не ездить.

2) Произвести точную регистрацию безработных.

3) Поручить Э. К. совместно с ЦСФЗ и Ц. Б. профсоюзов в кратчайший срок разработать ряд практических мер по облегчению положения безработных в городе, в частности, поручить им разработать вопрос о предоставлении работы на заводах безработным по крайней мере 1—2 дня в неделю.

4) Заставить администрацию заводов через Заводские Комитеты принять на работу тех безработных, которые до призыва на военную службу на этих заводах работали. Выпустить обращение к рабочим с предложением придти на помощь 1—2 недельным заработком безработным товарищам».

«Самоопределение» Одессы. Сложность положения, в котором оказалась Одесса после революции, в смысле наличия крупных продовольственных и других затруднений, оторванность ее от руководящих центров (Петрограда, Москвы) и желание оказаться наименее подчиненной Киеву, в лице Центральной Рады—привели к мысли о необходимости об'явления Одессы вольным городом. Примерно в середине декабря 1927 г. эта мысль начала претворяться в жизнь. Правда, представители соглашательских партий старались

провести в жизнь мероприятия по выделению Одессы, как самостоятельной автономной единицы «в конституционных рамках». Указанные мероприятия проводились по соглашению с Центральной Радой.

В этом отношении большой интерес представляет нижеследующая резолюция, принятая на заседании 21 декабря 1917 г. представителей об'единенных президиумов Советов Военных, Рабочих и Крестьянских Депутатов с представителями Центральной Рады.

«Принимая во внимание высказанное Центральной Радой мнение, что Одесса может самоопределиться вольным городом Украинской Народной Республики, а также и то, что это вполне совпадает с мнением Одесских Советов, они находят полезным по условиям момента, впредь до окончательного разрешения вопроса Всероссийским и Всеукраинским Учредительными Собраниями, об'явить Одессу временно вольным городом Украинской Народной Республики. Для создания автономной власти в городе и определения взаимоотношений ее с Центральной Радой, отправить специальную делегацию в Киев».

Особенно любопытен в этом постановлении его «дуализм»—российско-украинская ориентация. Не желая ссориться с Центральной Радой и стремясь придать «конституционный» характер намечаемым мероприятиям, деятели об'един. през. приняли формулу, которая, не предрешая вопроса о взаимоотношениях Украины с Россией, давала им возможность об'явить Одессу вольным городом в пределах Украинской Народной Республики. 22-го декабря об'единенные президиумы выделили делегацию, в состав которой вошли: Орлов, Рысс, Столяренко и «один от украинцев», как говорилось в постановлении президиума совета. На этом-же заседании была уже намечена коллегия по управлению городом.

Вопрос о выделении Одессы в самостоятельную автономную единицу представлялся чрезвычайно важным как для соглашательск. партий, так и для большевиков. Поэтому мероприятия «по самоопределению» Одессы проводились с особенной спешностью. 23-го декабря был утвержден наказ делегатам, едущим в Центральную Раду для переговоров. Было утверждено следующее специальное «положение об Одессе—вольном городе».

«Вольным городом Украины должен быть гор. Одесса и градоначальство. Гражданский комиссариат при Штабе Округа упраздняется. Вместо него создается секретариат 10-ти. Вопросы военные, касающиеся города, решаются Секретариатом города. Секретариат Военных Дел ведает всеми частями находящимися в городе. Секретариат города имеет право выпускать займы и облагать население налогами. Государственные доходы временно переходят в руки городского Секретариата, остатки — в кассу Центральной Рады. Во главе просвещения должен стоять еврейский социалист, так как евреи в числе учащихся составляют самый большой процент. Языком города является русский. Университет и др. высшие учебные заведения содержатся Центральной Радой. Она-же должна финансировать заводы, имеющие обще-государственное значение. Казенные заводы переходят в руки города. Город должен получить часть фронтового имущества при демобилизации. Учреждения, как совещание, Отоп и др., если не переходят в руки города, то дают его представителям соответствующее его значению представительство».

В Центральной Раде вопрос об автономизации Одессы был в принципе разрешен в положительном смысле. Интересен доклад об этом членов делегации.

«Товарищ Орлов, руководитель делегации, сообщает, что в Центральной Раде ему пояснили, что об'явление Одессы вольным городом выходит за пределы ее компетенции. Было достигнуто соглашение, на основании которого источником власти является об'единенный Президиум Советов. В Одесский Комиссариат войдут 2 представителя Городского Самоуправления. Если Дума на это не согласится, придется создать Комиссариат города без нее. Против отдельных пунктов наказа представителями Центральной Рады были сделаны возражения, но в основных чертах они с ним согласились. В дополнение к наказу ими было выставлено требование о непосредственном сношении Одесского Комиссариата с Центральной Радой. Сам он, вообще говоря, доволен результатами переговоров. Необходимо теперь приступить к выполнению этого плана. Название Центральной Рады контр-революционной есть демагогический прием. Представители Центральной Рады на местах пересаливают — «больше роялисты, чем сам король»: они больше украинцы, чем Украинская Центральная Рада.

Столяренко: Винниченко в разговоре с ним удивился тому, что агенты Центральной Рады на местах не ответственны в своей деятельности перед местными демократическими учреждениями.

Боровский. Будучи большим сторонником Федеративной Республики, все-таки против договаривания с нынешней Центральной Радой, а формулировки Орлова или Столяренко — чрезвычайно наивны».

После этого началась усиленная подготовка к осуществлению автономии Одессы. 5-го января состоялось совместное заседание с представителями городского самоуправления, где вопрос стал в политической плоскости и различные партии развернули свои декларации об Учредительном Собрании и Советской власти. Наиболее непримиримыми оказались думцы, под влиянием правых меньшевиков и кадетов. Они фактически срывали об'явление Одессы вольным городом. Меньшевики из президиума СРД «по практическим соображениям» были за немедленную организацию самостоятельной власти в Одессе, конечно, «самым демократическим путем».

Приведем наиболее характерные места заявлений, сделанных на заседании президиума СРД с представителями от городской думы 5-го января 1918 года. Фридман от имени городской думы заявлял:

«Городская Дума считает, что вопрос о судьбе города должен быть решен посредством свободного голосования всего населения. После губернского с'езда, где большинство высказалось за признание власти Центральной Рады, а также в силу того, что Херсонская губерния отрезана от Петрограда, городское самоуправление решило вести переговоры с Киевом для выяснения вопроса... Предполагается три течения: 1) Одесса — такая-же часть Украинской Республики, как и Киев, 2) Одесса — вольный город Украинской Народной Республики, 3) Одесса — вольный город Российской Федеративной Республики.

По вопросу о конструкции власти нужно сказать, что с принципом передачи власти Советам, фактически заключающимся в проекте, он лично всегда, как раньше, так и в будущем, как социал-демократ и государственник, стоящий на точке зрения власти большинства, не может ее признать, поскольку в Советы выбирает только одна часть населения, а не все слои его. Поскольку отдельные части

населения признают различные учреждения, то эти учреждения должны решать те вопросы, в которых они полномочны и компетентны. Он и его партия признают право создания власти только за Украинским Учредительным Собранием. Для Одессы-же для этой цели также должны быть произведены выборы всем населением в свое Учредительное Собрание. До того времени о создании такого органа другим каким-либо путем не может быть речи».

Так господа меньшевики старательно защищали интересы одесской буржуазии, требуя равных прав для «всех слоев населения». Поскольку рабочие, крестьяне, интеллигенция и даже мелкая буржуазия в выборах участием предусматривались, то, таким образом, весь «демократический» пыл меньшевиков по сути сводился к предоставлению полных прав торговцам, предпринимателям и др. слоям буржуазии Одессы.

Орлов, председательствовавший в делегации, вносил более практическую установку. Он указывал, что «о создании власти вопрос решается не принципиально, а временно, в силу обстоятельств—необходимости спасти город от грозящих ему бедствий сплочением всей демократии, для чего он сам поступился своими принципами Советской власти, так как в проекте фактически этого нет. Сам Фридман признает это, так как некоторое число мест предоставляется городскому самоуправлению. Какие-бы выборы не были устроены—они не дадут другой власти, кроме Советской».

Тов. Боркун по практическим соображениям считал необходимым проведение намеченных мер, ибо, «когда идет вопрос о спасении не только города, но и Революции, не приходится говорить о создании идеальной власти. Сейчас мы созвали общее собрание для выделения группы для создания временной власти до образования таковой Всероссийским Учредительным Собранием. Необходимо немедленно созвать Комиссариат».

В конечном счете победила указанная «практическая» точка зрения и решено было создать самостоятельную власть Одессы, даже без участия городской думы, которая саботировала это мероприятие. На президиуме решено было привлечь в состав Комиссариата Одессы и представителей «украинцев», под коими имелись в виду, главным образом, представители украинских воинских частей, стоявших в Одессе. Интересна мотивировка по этому вопросу тов. Фридмана, «что украинцев приходится приглашать, так как они представляют собой определенную реальную силу, с которой не считаться нельзя. Создать-же орган власти необходимо. Этого требуют обстоятельства. Власти-же и авторитета у него будет столько, сколько он заслужит своей собственной деятельностью».

В результате, Одесса фактически перешла на положение самостоятельного города со своим правительством.

Рост большевистского влияния в Совете. К началу 1918 года авторитет и влияние большевиков в

рабочих и солдатских массах чрезвычайно выросли. Быстро шла большевизация масс. Большевистская организация развивала громадную работу. Это приводило к тому, что часто на заседаниях со стороны непартийных членов выносились предложения о поручении наиболее ответственных мероприятий большевикам.—«В комиссию послать большевиков, а не меньшевиков, которые только критикуют. Нужно, чтобы большевики на деле проявили свою работу».

В кристаллизации взглядов рабочих масс большую роль сыграла газета «Известия Советов». Редакционная коллегия «Известий» была в руках большевиков. Наиболее активную роль в редакции играли товарищи Нирова и Кантор. Меньшевики и эс-эры часто обвиняли редакцию в «фракционности» и на заседании президиума совета 2-го октября раздавались обвинения по докладу ред. «Известий». Фрид говорил: «Орган Советов не должен быть фракцион., однако, об'единить течения Троцкого и Церетелли в одном органе невозможно». Меньшевики требовали, чтобы «Известия» писали более «деликатно». На эти обвинения большевики Красный и Рузер указывали, что «дело не в заголовках «Известий», а в направлении, которое кое-кому не нравится», что «обстановка момента заключается: 1) в атаке правительства на Советы, 2) в приближении момента выборов в Учредительное Собрание и 3) в близости мира».

В борьбе против предателей Революции, в борьбе за Власть Советов—за большевиками пошла и левая часть эсэров, членов совета. На Всеукраинском с'езде Советов, состоявшемся в декабре месяце, принимали участие и представители одесского Совета Рабочих Депутатов, которые вернулись с чрезвычайно враждебным настроением в отношении контр-революционной деятельности Центральной Рады. Один из одесских делегатов на Всеукраинском С'езде Советов в Киеве, тов. Ренке, в своем докладе на президиуме 23-го декабря сообщал: «С'езд в Киеве был подтасован Центральной Радой, вместо 500 делегатов она представила тысячи две, но это не дало достаточно желательного состава и его штыками разогнали. 142 члена С'езда (большевики, левые эс-эры и беспартийные) уехали в Харьков, где вместе с представителями других организаций выделили Исполнительный комитет, который должен подготовить новый, уже правомочный, С'езд Советов Украины. В особенности в Киеве чувствуется сильное контр-революционное влияние. Большевики работают почти в подполье. В городе идет травля всех не-украинцев».

Так постепенно назревал конфликт между революционной Одессой и сторонниками Украинской Центральной Рады.

Рост контр-революции и организация отпора Советами. Для характеристики роста контр-революционных настроений среди мелкой буржуазии и ее организаций в Одессе отметим, как реагировали различные орга-

низации и партии на предложение большевиков об организации активной борьбы с Калединским восстанием посылкой на Дон вооруженных отрядов добровольцев.

На об'единенном заседании Советов по этому вопросу выступил представитель «Украинской фракции», который заявил, что «украинцы не примут участия в экспедиции на Дон — они не желают пролития братской крови». Далее, оратор говорит, что Рада организовала миллионы украинцев и создала Украинскую Республику. Украинцам надо думать о том, что им угрожает опасность с Запада со стороны Польши, то есть шляхты. На заседании была оглашена телеграмма Украинской Генеральной Рады, которая гласила: «Украинская Генеральная Рада решительно запрещает всем морякам-украинцам принимать участие в карательной экспедиции, которая посылается на Донщину, что противно идее федерации. А Донщина федеративная единица, во внутренние дела которой мы не имеем права вмешиваться».

Так, «украинские революционеры» оказались предателями революции, в союзе с монархически-белогвардейскими организациями. Правда, матросы-украинцы не пошли за контрреволюционным призывом Рады, возомнившей себя выразительницей воли украинского пролетариата и крестьянства. Уже на об'единенном заседании представители матросов черноморского военного флота с возмущением говорили об отношении Рады к экспедиции на Дон и к мятежу поднятому Калединым и заявляли, что все матросы-украинцы за решительную борьбу с Калединым и за передачу власти Советам.

Характерно поведение представителей российских соглашательских партий на этом заседании. Т. Сухов от имени об'единенной СДРП требовал, чтобы прежде отправки отряда была послана делегация на Дон, которая вступила бы в переговоры с трудовым казачеством и открыла-бы ему глаза на замыслы Каледина и его сподвижников и на значение поднятого им мятежа. На этой позиции — заняться разговорами и переговорами вместо решительной вооруженной борьбы с врагом — стояли и соглашательские руководители Румчерода. Собранием, однако, была принята резолюция, категорически требующая немедленного начала борьбы с Калединым и оказания всемерной помощи со стороны рабочего класса Одессы.

В этот период в Одессе был создан «Комитет по Охране Учредительного Собрания», имевший явно выраженный контр-революционный характер. В состав его входили представители буржуазных партий, в том числе и меньшевики. Своей целью он имел борьбу против наростающего стремления к установлению власти Советов. Контр-революция не ограничивалась только мерами «идейной борьбы», но началось об'единение сил контр-революции.

В Одессе был созван с'езд по организации добровольческой армии в Одесском Военном Округе, на котором был создан «Республиканский Комитет активной обороны страны». В этот комитет были приглашены, наряду с представителями партий С. Р., С. Д., Н. С. и К. Д., также представители таких «организаций», как Общество промышленников Юга России, Одесское Общество фабрикантов и заводчиков, Комитет С'езда Судовладельцев, Одесское Купеческое Общество, Общество Домовладельцев и т. д.

В своей декларации Комитет указывал, что целью его является «Об'единение всех организаций, союзов и групп населения для защиты родины от внешнего врага и от анархии и погромов, борьба с безответственными элементами, с ужасами братоубийственной войны и решительная ликвидация движения». Имелась ввиду разумеется, ликвидация движения рабочих за захват власти Советами.

Сильно развилась в Одессе «борцами за твердую власть» антисемитская и контр-революционная агитация. Из существовавших еще буржуазных газет «Южная Русь» являлась очагом этой деятельности. Здесь необходимо также упомянуть «Союз Георгиевских Кавалеров», бывший в то время легальной организацией.

Контр-революция свою агитацию сосредоточила среди демобилизованной части солдат с фронта, стремясь вооружить их против моряков, которые сохраняли революционную организованность. Особенно остро вопрос о возможности развития погромов и контр-революционных выступлений стал к Октябрю м-цу. Белогвардейщина развила агитацию среди люмпена под лозунгами: «Бей жидов, буржуев и матросов».

Вместе с напором погромщиков и контр-революции налегала и «демократия», в лице городского самоуправления со своими кадетами, меньшевиками и правыми эсерами. Борясь с Советом, Городская дума стояла по той же стороне создававшихся баррикад, где находилась и вся черная сотня. В результате, в декабре м-це начался разрыв между Советом и Думой, как контр-революционной организацией. Этот разрыв происходил вопреки настойчивому стремлению меньшевиков и правых эсеров из Президиума Совета всячески поддерживать связь и контакт с «демократией», в лице городского самоуправления.

Решающим моментом для политического самоопределения рабочих масс и деятелей Совета были дни Октябрьского переворота. Образованный в Одессе Советскими партиями и представителями Рады Революционный комитет, как орган, об'единяющий деятельность революционных организаций по борьбе с контр-революцией, обратился к населению с официальным воззванием по поводу предстоящих событий, сигнализируя опасность для революции и призывая к героическим усилиям.

В этом воззвании говорилось, что «Петроградский пролетариат и армия мощным натиском свергли правительство Керенского — правительство саботажа революции, затягивания войны, правительство народной измены. В ответ на воззвание Петроградского Совета, все истинные друзья революции могут только воскликнуть: «Да здравствует рабочая власть, да здравствует новое революционное правительство».

В это же время «демократия», в лице Городской Думы, обратилась к населению с контр-воззванием, в котором говорилось: «Над родиной вновь стряслось тяжелое бедствие. В этот грозный момент для России, когда враг держит в своих руках значительную часть русской территории, когда неприятель угрожает самой столице, в Петрограде возникло восстание, которое имеет целью свергнуть Временное Правительство, ведущее нас к учредительному собранию».

Городская Дума в эти исторические дни стала решительно на сторону контр-революции против Октябрьской Революции. На такую же контр-революционную позицию стал и Румчерод, в лице своих меньшевистских и право-эсеровских руководителей. Мелкобуржуазные соглашательские партии развили свою деятельность по борьбе с Октябрьской революцией и властью Советов. Так, напр., организация «Бунда» в воззвании заявляла: «Необходимо самым решительным образом отмежеваться от большевистской диктатуры в центре и на местах... На Украине следует поддерживать власть генерального секретариата Украинской Центральной Рады... Власть в городе должна перейти Городской Думе».

Созданный в эти дни революционный Комитет имел своей целью об'единить деятельность всех революционных организаций. Любопытно отметить, что в эти дни в состав революционного комитета вошли и представители украинских соглашательских партий. Этот противоестественный «блок» между силами Революции во главе с большевиками и украинскими националистическими соглашательскими партиями об'ясняется тем, что в тот момент в борьбе с временным правительством интересы их сошлись, и на этот короткий срок нашлись общие задачи по борьбе с российской белогвардейщиной.

Резолюция, принятая революционными партиями и представителями Рады, по вопросу о создании революционного Комитета, гласила: «Данный Революционный Комитет действует на паритетных началах работы и в согласии с центральной Украинской Радой. Все приказания и постановления Генерального Секретариата Рады проводятся через Революционный Комитет Херсонщины». Этот блок большевики, устами т. Воронского, оправдывали и об'ясняли тем, что нужно было об'единить все силы в борьбе с явной контр-революцией, захватившей власть в Румчероде и местном самоуправлении. 3-го Октября было учреждено специальное бюро по

борьбе с контр-революцией при Революционном комитете, об'-единявшее все секции общественной безопасности города.

Румчерод, руководимый правыми эсерами и меньшевиками, занял решительно враждебную позицию против Октябрьского переворота и Одесского Революционного Комитета. В обращении Румчерода по этому вопросу говорилось, что «Румчерод резко осуждает восстание большевиков и считает: 1) Восстание большевиков должно быть ликвидировано, 2) Самочинные захваты власти на местах должны быть пресекаемы... 5) Румчерод, являясь единственным правомочным обще-национальным революционным демократическим органом Румынского фронта и области, не может подчиниться Комитету Охраны Революции и Киевской Центральной Украинской Раде, но в пределах Одесского Военного Округа считает нужным работать в контакте, на паритетных началах, с Одесской Украинской Радой».

В развивавшуюся классовую борьбу постепенно втягивалось и село Одещины, организовывалось кулачество против революции, а в то же время беднота, во главе с земельными комитетами, становилась для борьбы на стороне революции. Земельные комитеты начали постепенно вооружаться для борьбы за землю вместе с рабочим классом. Меры помощи со стороны Одесского С. Р. Д. революционному селу видны из протокола Президиума от 26 декабря. По докладу о беспорядках в Одесском Округе была вынесена резолюция — «Для предотвращения их необходима вооруженная сила, которую войсковая Рада могла бы дать, но не дает. Необходимо также вооружить земельные комитеты.

Постановили: 1) послать комиссаров на места, где происходят беспорядки, 2) вооружить земельные комитеты, 3) послать вооруженные отряды в места беспорядков. Совету Крестьянских Комитетов поручается выяснить, сколько и какого именно оружия, 4) обратиться в Исполком Совета Матросских депутатов с предложением предоставить 15 матросов в распоряжение Совета Крестьянских Комитетов для этой цели».

Взаимоотношения революционных организаций и вооруженная сила Рады в Одессе. В первый период охрана города проводилась при участии украинских воинских частей. В постановлении, вынесенном при участии атаманов куреней, было указано: «1) Издать для всех частей гарнизона периодические специальные воззвания и литературу, раз'ясняющие, что все попытки натравливания одной национальности на другую являются контр-революционными... 2) Немедленно организовать политическое бюро для борьбы с контр-революцией и провокацией».

Когда в конце ноября месяца произошли вооруженные столкновения между петлюровскими частями и красногвардейцами, то было созвано совещание с участием командующего частями украинской республики в Одессе, полковника

Поплавко, на котором были также намечены мероприятия к ликвидации результатов происшедшего столкновения. Одесса числилась частью Украины и, разумеется, Центральная Рада была заинтересована в сохранении здесь порядка. Осуществить это было не трудно, ибо в этот период власть имел в Одессе фактически полковник Поплавко, опиравшийся на вооруженные силы гайдамацких куреней.

Однако, положение резко меняется к концу 1917 года, когда началась вооруженная борьба между центральной Радой и Советскими войсками, а Поплавко стремится использовать затруднительное положение трудовой Одессы, чтобы сохранить симпатии соглашательской части одесского С. Р. Д. Он с представителями консульств обещает всякие блага, стремясь усыпить революционность рабочих. Так, на заседании об'единенного Президиума 7 января было сделано специальное заявление, в котором говорилось: «Поплавко предложил организовать 2 артели по 2.000 человек для рабочих в артиллерийских складах и интендантстве. Иностранные консула, английский и американский, предлагают неограниченный кредит для открытия заводов, организации работ на них, а также столовых для безработных».

Это заявление особенных надежд у Президиума Совета не вызвало. Члены Президиума доказывали, что деньги даются для устройства безработных, так как безработица будет угрожать охране порядка. Тов. Ачканов указывал, что украинские деятели готовы помириться и даже войти в союз с австро-германцами, лишь бы установить свою «вільну Україну» и предупреждал, что верить обещаниям Поплавко нечего, ибо это лишь политический маневр с его стороны.

В этот период началось усиленное вооружение Красной Гвардии, каковое производилось в значительной мере самочинно, самими красногвардейцами, во главе которых стоял Чижиков. Под его руководством был произведен захват моряками 2.000 винтовок. Это вызвало переполох среди соглашательской части Президиума С. Р. Д. Она требовала принятия решительных мер против самочинного захвата оружия, возврата его и привлечения к ответственности виновных за самоуправство. Тов. Фельдман вполне резонно указал, что если Совет никого не мог вооружить, то он никого не может и разоружить. Разумеется, красногвардейцы сохранили захваченное оружие для предстоящих боев.

В первых числах января полковник Поплавко, для ослабления сил Революции и повышения боеспособности своих сил, об'явил демобилизацию не определившихся еще вооруженных частей Украинской Народной республики. Этому даже меньшевики из Президиума Совета решились противодействовать, издав контр-приказ о недопущении демобилизации.

Переход власти в руки Советов. Организация власти советов (Январь—Март 1918 г.).

На Украине шли ожесточенные бои между войсками Советов и Украинской Народной республики, шла борьба под Киевом между петлюровскими и красными войсками. В это время в Одессе организовывались и крепли силы рабочего класса. Вооружалась Красная Гвардия. В первых числах января на с'езд Румчерода с'ехались солдатские и матросские массы, в подавляющем большинстве настроенные большевистски. В результате, меньшевистская твердыня—Румчерод — перешла в руки большевиков. Матросы и Красная Гвардия продолжали вооружаться и понятно, что петлюровские части не могли равнодушно относиться к происходившему. Перед ними стояла диллема: или выйти из Одессы, оставивши ее «на произвол революционных сил», или попытаться подчинить ее себе.

Так подготовлены были исторические дни боев с гайдамаками за власть Советов.

К этому времени вполне определились враждебные соотношения большевиков и украинских соглашательских партий. Обще-городская конференция одесской организации большевиков по докладу тов. Воронского приняла следующую революцию: «Обще-городская конференция признает необходимым немедленный созыв с'езда Советов Украины для избрания Центральной Украинской Рады, на основе Советов, и ответственных перед советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины. Конференция признает далее, что созданная с'ездом советов Центральная Рада будет действовать в тесном контакте с Совнаркомом. Конференция постановила отозвать представителей одесской организации Совета Р.С.Д.Р.П. — большевиков из революционного Комитета».

Выходом большевиков из Ревкома таковой фактически закончил свое существование.

Любопытно отметить, что Центральная Рада, в лице своего представителя Чеховского, всемерно старалась удержать за собой «одесскую демократию» — меньшевиков и эсеров в Советах. Когда гайдамаки уже фактически вступили в борьбу с красногвардейцами, Чеховский в Президиуме Совета клялся в верности Советам. Исключительный интерес в этом отношении представляет заседание об'единенного Президиума 14 января, где разыгралась трогательная дружба между Чеховским и меньшевиками из Президиума, дошедшая чуть-ли не до взаимных лобзаний, когда уже шла вооруженная борьба между петлюровцами и Красной Гвардией на улицах Одессы. Заявление Чеховского на этом заседании запротоколировано следующим образом:

«Чеховский пришел с целью рассказать свой план работы в Одессе, как представитель Украинской Народной

Республики. Его задача об'единить весь революционный фронт для борьбы с организующейся контр-революцией. Это возможно только при полном доверии об'единенного Президиума, так как в своей работе он будет руководствоваться волею Советов и левой части Городской Думы. Без этого доверия работа невозможна. Свои местные решения он будет принимать, заранее согласовывая, от имени Об'единенного Президиума. В городе должна быть власть Советов, но без кровопролития. На заданный вопрос отвечает, что Поплавко было заявлено, что в случае сложения полномочий, он их должен передать Чеховскому. Его задача об'единить местные организации и связаться с Центральной властью. В местной жизни он будет творить волю Советов. Против них — ни на один шаг».

В этот же день вечером на Пленуме Совета, где присутствовали массы рабочих и матросов—членов Совета, большевистские и беспартийные массы окончательно стали на путь вооруженной борьбы за власть Советов. Советом была принята следующая резолюция, предложенная большевиками и левыми эсерами: «Общее собрание Совета рабочих депутатов постановило: 1) что единая сейчас власть в Одессе принадлежит Советам рабочих, солдатских, матросских и крестьянских депутатов города Одессы, а на фронте и его области — ЦИК'у Румчерода, 2) признать, что указанная организация в осуществлении власти подчиняется Совету Народных Комиссаров и Украинской Народной Раде, 3) для практического осуществления задач Советской власти в Одессе избрать 11 членов комиссии, коей поручается, совместно с представителями всех советов города Одессы, разработать положение об организации Одесского Комиссариата и совместно с представителями Румчерода наметить основные взаимоотношения между Одесским Комиссариатом и существующими органами власти, а затем этот план организации представить на утверждение Пленума всех Советов в 7-ми дневный срок».

Резолюция была принята 499 голосами против 11-ти, при 2-х воздержавшихся. В числе голосовавших против и воздержавшихся были меньшевики и бундовцы. Меньшевики предлагали, чтобы власть в Одессе принадлежала Советам и Городскому Самоуправлению, и подверглись жестокой критике со стороны рабочих.

На этом же пленуме было вынесено решение о переизбрании всего Совета, в целях избрания в Совет действительных представителей революционной Одессы, подобно тому, как на закончившемся в это время с'езде Румчерода был избран новый революцион. Цик Румчерода. Решением этого заседания Одесского об'единенного Совета фактически началась революционная борьба между рабочими массами Одессы под руководством большевиков, завоевавших Румчерод и Совет рабочих депутатов, и петлюровцами, установившими тро-

гательные и нежные отношения с меньшевиками и правыми эсерами из Президиума Совета.

Первые дни после боев. Бои с гайдамаками принесли победу революционным рабочим Одессы. Буржуазная Одесса, в лице Городской Думы, после победы этой всячески стремилась противодействовать рабочему делу. На заседании Одесской Городской Думы 23 января 1918 года, по поводу событий 15—18 января и перехода власти в руки Советов, гласный Коробков от имени меньшевиков, правых эсеров, бунда и народных социалистов обратился с декларацией, в коей, между прочим, говорилось: «признавая право организации Центральной Правительственной власти лишь за Всероссийским Учредительным Собранием, в отдельных же частях Российской Республики за городскими учредительными собраниями, а на месте — за местным самоуправлением, — Городская Дума не может стоять за признание Советской власти».

Также им была внесена резолюция протеста по поводу боев между гайдамаками и Красной Гвардией: «Городская Дума высказывается против братоубийственной войны и решительно протестует против того, что обе воюющие стороны подвергали беззащитный город в течение 2-х дней ружейному и пулеметному обстрелу и продолжительной бомбардировке из пушек, не предупреждая каждый раз мирное население об открытии огня и не принимая по отношению к нему никаких мер предосторожности».

В таких выражениях меньшевистские бабы ханжески протестовали по поводу боев рабочих за власть советов против желто-блакитной контр-революции. Как полагается истым меньшевикам, они во время боев, разумеется, прятались в подвалы, а после становились в позу протестующих по поводу того, что мирное население не предупреждалось каждый раз об открытии огня... А почтенные думцы, в лице своих меньшевиков, кадетов, еврейских националистических партий и др. решили «стойко стоять на своих позициях и, не взирая ни на что, продолжать свою работу».

С первых дней после победы началась работа по созданию Власти Советов. Произведены были перевыборы Совета и его руководящих органов. Началось формирование народных комиссариатов. Новоизбранный Совет в подавляющей массе твердо и непоколебимо стоял на точке зрения Власти Советов против всяких демократических бредней меньшевиков.

На общем собрании совета рабочих депутатов 14-го февраля был заслушан доклад о 3-м Всероссийском с'езде советов. По этому докладу была принята единогласно, при 13-ти воздержавшихся, следующая резолюция, внесенная тов. Воронским:

«Заслушав доклад делегатов о работе 3-го Всероссийского с'езда советов, Одесский Совет Рабочих Депутатов го-

рячо приветствует провозглашение Российской Социалистической Республики Советов и главнейшие шаги с'езда по вопросам внешней и внутренней политики. В частности, Совет Рабочих Депутатов приветствует роспуск Учредительного Собрания».

Так, после жестоких боев рабочие массы Одессы твердо стали на платформу диктатуры пролетариата.

Организация Советской власти и борьба с контр-революцией. 29-го января постановлено было Советом Рабочих Депутатов, что об'единенный Президиум Советов, как высший орган власти на Одещине, организует Совет Народных Комиссаров Одессы. Советы становились единственным органом власти. Новый революционный Совет начал решительную борьбу с контр-революцией, в том числе и с очагом ее, Городской Думой. 16-го февраля было вынесено постановление о необходимости роспуска буржуазной думы и формирования советского исполнительного аппарата. Решение по этому вопросу в протоколе президиума формулировано так: «после обстоятельного обмена мнений решено: городскую думу распустить, поручить Совнаркому, согласно решений общего собрания Совета Рабочих Депутатов, издать соответствующий декрет о признании сохраненным всего технического аппарата. Все служащие остаются на местах. За саботаж—строжайшее наказание и предание суду революционного трибунала. Для заведывания делами назначить комиссаров во все отделы. Привлечь к работе левое крыло городской думы, стоящее на платформе Советской власти. Соответствующие отделы городской думы переходят в распоряжение соответствующего комиссара Совнаркома. Для руководства делами городскими создать совет городского хозяйства».

Новый Совет рабочих депутатов, совместно с вновь избранным ЦИК'ом Румчерода, свою деятельность в значительной мере сосредоточил на вопросе организации обороны Одещины.

28-го января решено было организовать свою красную армию, подконтрольную Совету Рабочих Депутатов. Это решение 30-го января было детально обсуждено Советом, причем вынесено решение об установлении в «добровольной социалистической армии» коллегиального начала управления.

Состав Одесской Красной Гвардии решено было целиком влить в Красную Армию. Однако, сплоченные красногвардейцы всемерно стремились сохранить красную гвардию, как самостоятельную единицу, во главе с тов. Чижиковым. В течение февраля, пока формировалась Красная Армия, Красная Гвардия существовала как самостоятельная боевая единица. Лишь 26-го февраля решено было окончательно образовать единый штаб Красной Армии и Гвардии с тем, чтобы Красная Гвардия осталась как автономная единица.

Укреплению военными силами Одессы и скорейшему об'единению красных частей содействовало прибытие отрядов во главе с Муравьевым. 1-го марта были организованы также областные военные и морские комиссариаты.

Обще-политические условия деятельности советской власти в первый период существования ее в Одессе. Первый период существования Советской власти на Одещине характеризуется под'емом революционного настроения рабочих и матросских масс. Началась усиленная организация рабочего класса и его деятельность в области разрешения хозяйственных задач.

Однако, контр-революция также не дремала. Усиливался уголовный бандитизм, который нельзя было разграничить от чисто контр-революционной работы. Борьба с бандитизмом и контр-революцией проводилась беспощадно. Штаб по борьбе с контр-революцией находился на крейсере «Алмаз», имя которого тесно связано с историей революционной Одессы.

Необходимо отметить, что контр-революция всемерно старалась использовать в своих целях безработных для направления их недовольства против власти рабочего класса. В это время во главе безработных стояли весьма ловкие дельцы, которые присосались к суммам, имевшимся у об'единения безработных. Якобы защищая интересы безработных, эти дельцы использовывали положение в собственных шкурных интересах для борьбы против власти Советов. Совет безработных претендовал на самостоятельную роль в области организации власти в Одессе. Определенная часть этого Совета представляла явно враждебные власти Советов элементы, заведомых контр-революционеров. Другая часть стояла на платформе «контакта с Советской властью». Эта полулойяльная часть так формулировала свою позицию в отношении власти: «Совет безработных, как таковой, существует до полного уничтожения безработицы... Общее собрание Совета постановило:

1) Действовать в контакте с существующей Советской властью. Для установления общей позиции созвать совместное собрание Совета безработных и представителей Советской власти на паритетных началах.

2) Командировать из каждой секции Совета безработных своих представителей к соответствующим комиссарам для образования смешанных комиссариатов, кои займутся проведением в жизнь резолюций, принятых на трехдневном делегатском совещании, созванном Советом безработных»...

Так, часть совета безработных решила «на паритетных началах» участвовать в организации власти советов...

Вполне естественно, что об'единенный Президиум подозрительно относился к подобного рода «Совету безработных», являющемуся в значительной мере контр-революционной организацией. В заседании от 19 февраля Об'единенный Президиум по этому вопросу принял следующее: «Об'единенный

Президиум, обсудив вопрос об отношении к совету безработных, постановляет: по отношению к Совету безработных занять такое же положение, какое занял совет безработных по отношению к об'единенному Совету, т.-е. признать Совет безработных организацией не советской, а потому снять с себя ответственность за политику и решения Совета безработных. В то же время об'единенный Президиум находит необходимым создать свой советский аппарат для борьбы с безработицей, для каковой цели созвать в кратчайший срок конференцию из представителей профсоюзов и существующих комитетов. По вопросу о выдаче денег из специального фонда безработных решено выдавать Совету безработных нужные ему суммы под контролем об'единенного Президиума».

Вот этот-то «фонд безработных» и был главным камнем преткновения, так как дельцы из совета безработных имели большое желание хозяйничать без всякого контроля. Совет же в отношении этого фонда установил свой твердый контроль и предназначал его для поддержки рабочих бездействовавших предприятий.

Большое внимание было уделено мероприятиям по оказанию братской помощи северным губерниям России в области снабжения их продовольствием. На основании телеграммы Народного Секретариата Украины о доставке хлеба на Север России, Президиум в своем заседании от 22 февраля наметил ряд решительных мер по отправке хлеба. В городе была введена карточная система на хлеб, решено было издать приказ от имени Румчерода и Совета об обязательной доставке хлеба и отправке его на Север.

«Предложить всем крупным городам области в кратчайший срок ввести карточную систему на хлеб. На ближайшем заседании советов ввести в кратчайший срок карточную систему на хлеб с таким расчетом, чтобы 1½ фунта приходилось на занимающихся физическим трудом и 1 фунт на остальных. Отправить делегацию из 25-ти лиц (по пяти от каждого совета и Румчерода) на места закупки хлеба для принятия срочных и решительных мер по покупке и отправке его на Север».

Последние дни перед эвакуацией. Широко развернувшаяся работа по организации революционных сил Одессы и советскому строительству была прервана вмешательством посторонних сил, в лице австро-немецких империалистических армий. Руководителям революционной Одессы стало ясно, что своими силами нельзя противостоять грэмадной силе, надвигающейся на Одессу. Поэтому было вынесено решение эвакуировать революционные силы из Одессы.

Последние дни существования Советской власти в Одессе характеризуются особенным развитием деятельности контр-революции. Ее агитация проводилась не только среди обывательского населения, но и на фабриках и заводах,

в целях дезорганизации наименее устойчивой части рабочих. Необходимо отметить, что в этой работе одну из первых ролей играли меньшевики, распространявшие провокационные слухи о дальнейших намерениях большевиков.

В последних своих заседаниях, перед занятием немцами Одессы, Президиум Совета Рабочих Депутатов наметил ряд мер по охране города от уголовного элемента, каковая была поручена подомовым организациям.

Под влиянием сил международного империализма было нарушено нормальное развитие революции в Одессе, и на некоторый период восторжествовала контр-революция, которая в дальнейшем могучими силами революции была сметена, с установлением власти Советов.

А. Трилисский.

Очерк истории одесской Красной Гвардии.

I.

Российская революция 1905 года, эта «генеральная репетиция борьбы всероссийского пролетариата», дала урок организации вооруженной силы рабочего класса и применения ее для низвержения самодержавного строя. В этот период были организованы боевые рабочие дружины, сражавшиеся на баррикадах против царских войск.

Одесский пролетариат выдвинул свои боевые рабочие дружины, которые 16-го октября появились на баррикадах по зову заводских гудков, с винтовками и револьверами. Эти наскоро сколоченные рабочие дружины еще не представляли сплоченной массы рабочих. Они еще не были Красной Гвардией, но являлись ее зародышем, который быстро развился во время 2-ой Революции. В вихре февральских событий повсюду вырастают вооруженные отряды рабочего класса, которые ставят своей целью на первых порах защиту революционных завоеваний, а в Октябре пролетариат и его Красная Гвардия окончательно сбросили с себя господство буржуазии.

Одним из первых пунктов, где зародилась Красная Гвардия, как вооруженная сила пролетариата, была Одесса. Это обуславливалось теми особенностями, в каких находился город в 1917 году. Главная из них заключалась в том, что с первых дней февраля Одесса оказалась совершенно без революционного руководства. Революционные партии к этому времени были довольно слабыми, не было самостоятельно оформленной большевистской партии, за исключением небольших групп большевиков рабочих таких предприятий, как заводы Ропит, Анатра, Главные железно-дорожные мастерские и др. Рабочий класс в своей массе находился под влиянием меньшевиков и отчасти эс-эров. Все опытные организаторы, руководители рабочего движения Одессы, стараниями царского самодержавия за период империалистической войны были из'яты из общения с рабочими, находясь на фронте, в ссылке или каторге. С февраля 1917 года кое-кто возвращается назад, и прибывают новые работники; к этому времени оформляется большевистская организация и начинает забирать руководство борьбой рабочего класса. Однако, говорить о полном руководстве органи-

зации нельзя, так как она была оторвана от партийных центров. Попытки киевского областного партийного комитета связаться с организациями Херсонской губернии, главным образом, с Одесской и Николаевской, не приводили ни к чему [1]), так как одесская организация, будучи об'единенной с преобладавшими в ее составе интернационалистами, уклонялась от включения ее в состав Юго-Западной Области, потому что это должно было бы привести к расколу. Не решалась на разрыв и большевистская часть ее, которая заявляла: «Вы об'единенных организаций не принимаете, а итти на разрыв мы не считаем возможным. Дайте нам опытных работников и поддержите материальными средствами, тогда будет другой разговор» [2]). Даже в конце октября 1917 г., когда произошло полное об'единение всех парторганизаций в Юго-Западное Областное Об'единение, одесская организация не входила в него, оставаясь все время об'единенной с интернационалистами. Отсюда ясно, что ожидать выдержанного революционного руководства пролетариатом смешанной парторганизацией не приходилось. Это в значительной мере сказалось на организации и руководстве Красной Гвардии.

Наряду с отсутствием революционно-выдержанного руководства, положение в Одессе усложнялось ее обособленностью. Находясь в прифронтовой полосе, Одесса являлась центром организации «Румчерода» (Центр. Исполн. Комитет Румынск. фронта, Черноморского флота и Одесской области), все время пытавшегося направлять революционную борьбу в Одессе и влиявшего на исход событий в городе [3]). Солдаты, составлявшие гарнизон города, с началом революции неохотно собирались на фронт защищать буржуазную свободу, они с нетерпением ожидали того времени, когда им разрешат разойтись по домам и селам, где они надеялись иметь реальные результаты «слободы». Солдатская масса, не связанная своими интересами с судьбой города, будучи внешней посторонней силой, усложняла обстановку. Впоследствии из этой темной и серой массы и были подготовлены кадры для вербовки в организуемые Центральной Радой национальные войска—гайдамацкие курени.

Если ко всему перечисленному прибавить, что пролетариат города Одессы в своей массе не являлся высококвалифицированным, об'единяемым крупной промышленностью, а в большинстве состоял из ремесленников, и учесть особенности населения Одессы, как портового города, то не трудно будет представить, в каких чрезвычайно трудных и сложных условиях нарождался одесский Октябрь. Такие условия и привели к очень раннему зарождению одесской Красной Гвардии, предопределив ее развитие и деятельность.

[1]) Е. Бош. — «Год борьбы», стр. 21.
[2]) Е. Бош. — «Год борьбы», стр. 24.
[3]) Только с декабря 1917 г. Румчерод стал большевистским.

При изучении истории одесской Красной Гвардии необходимо различать три периода. Первый—с начала зарождения ее до Корниловских событий, когда рабочие, входящие в состав Красной Гвардии, недостаточно сознавали стоявшие перед ними задачи. Второй период—от Корниловского восстания до момента вооруженного выступления Красной Гвардии, в декабре и январе 1918 г.; в этот период Красная Гвардия впервые становится на правильный большевистский путь, постепенно превращаясь из вооруженной силы для обеспечения порядка в городе, предотвращения погромов и т. д. в сознательную силу вооруженных рабочих, ставящих своей целью доведение революции до социального переворота. Наконец, третий период охватывает время декабрских и январских боев, в результате которых и была утверждена в городе власть Советов. С захватом власти Советами Красная Гвардия остается в качестве стража революционных завоеваний, являясь основным ядром социалистической народной гвардии и советской армии, организуемой Одесским Советом Народных Комиссаров для отпора румынским и немецким империалистам. Спустя очень короткое время Красная Гвардия вместе с Советской властью вынуждена эвакуироваться из Одессы. Этим самым она уже перестает быть прежней Красной Гвардией, связанной с фабриками и заводами и широкими массами рабочего класса. Она превращается в партизанские отряды гражданской войны, послужившие основой для декретированной в феврале 1918 г. Совнаркомом РСФСР Красной армии.

II.

Секция общественной безопасности одесского Совета Рабочих Депутатов и рабочая милиция.

Как только известиям о происходивших в столице событиях удалось пройти цензурные заградиловки местных правительственных органов, сейчас же выделилась активная группа представителей от различных партий—соц.-дем. (б.), интернац., бунда, соц.-рев. и т. д., которые собрались для обсуждения происходящих событий. Было решено немедленно приступить к подготовке выборов Совета Рабочих Депутатов и организовать 17 марта [1]) революционную демонстрацию, которая должна была выявить революционность одесских рабочих и особенно выяснить отношение к происходящим событиям некоторых частей. Присутствовавшей на заседании группе представителей партийных организаций из воинских частей было дано задание об'яснить солдатам смысл происходящих событий, информировать о

[1]) В дальнейшем все даты будут указываться по новому стилю.

предполагаемой демонстрации и выявить их отношение к ней [1]).

Одновременно было созвано общее собрание рабочих города, где, после информации о происходящих событиях и ряда выступлений товарищей, решено было избрать организационную комиссию—Рабочий Комитет по выборам Совета Рабочих Депутатов. 16-го марта этой комиссией отпечатаны были листовки к рабочим, в которых рабочие призывались выбирать представителей в С. Р. Д. [2]).

Демонстрация 17-го марта, вопреки всяким ожиданиям, прошла блестяще. Все опасения и колебания по поводу возможного неучастия в ней солдат 46-го, 48-го полков, пулеметной роты, артиллерийских частей рассеялись. Командный состав отнесся к демонстрации отрицательно, в результате чего утром 17 марта в ряде частей солдаты оказывали офицерам неповиновение, отказываясь выходить на занятия и т. п. Однако, все обошлось спокойно после того, как генералом Марксом, начальником штаба одесского военного округа, было отдано распоряжение принимать участие в демонстрации и войсковым частям. Вместе с рабочими и солдатами в демонстрации принимали участие также и команды морского экипажа.

По окончании демонстрации рабочие направились по своим заводам и приступили к выборам Совета Рабочих Депутатов, а солдаты в казармах —к выборам в Совет Солдатских и Офицерских Депутатов.

18-го марта, когда уже было выбрано в Совет Рабочих Депутатов 225 делегатов, состоялось первое общее собрание Совета, где и был выделен Исполнительный Комитет, который в свою очередь выделил из себя Президиум. В этих руководящих органах Совета большевики совершенно отсутствовали, только позже с прибытием новых депутатов в Исполнительный Комитет было выделено несколько их представителей.

Наряду с Советом Рабочих Депутатов, с самого начала революции, в Одессе, как и в других городах, организуется Общественный комитет, об'единяющий представителей всех местных общественных групп. В эту организацию, облеченную Временным Правительством властью на месте, Исполнительный Комитет Сов. Раб. Деп., которому надлежало также принять участие в организации этой власти, послал $^1/_3$ своего состава, выделив туда весь Президиум и часть своих членов, в большинстве меньшевиков [3]).

Задачи Совета Рабочих Депутатов, признавшего Общественный Комитет как организацию, возглавляющую город-

[1]) Од. Истпарт. Воспомин. № 363, л. 16.

[2]) Од. Окр. Арх. Фонд Од. Сов. Раб. Деп. 1917—18 г. г., д. № 97, л. I. В дальнейшем все ссылки на документы Окр. архива будут приводиться по указанному фонду.

[3]) Од. Истпарт.—Воспом. № 363, л. 4.

ское самоуправление, сводились лишь к защите буржуазно-демократических революционных завоеваний, борьбе с черносотенной агитацией, устранению приверженцев старого режима, организации агитационных групп, милиции и т. д. В зависимости от этого в первом же заседании Президиума Исполнительного Комитета для распределения работы выделяются секции: 1) по выборам, 2) городского хозяйства, 3) агитационная, 4) общественной безопасности, 5) рабочая и 6) издательская, при чем первые три секции работают самостоятельно, а три последние, в том числе секция Общественной безопасности, проводят в жизнь свои решения только с одобрения Исполнительного Комитета или его Президиума [1]).

Необходимость секции Общественной безопасности вызывалась чрезвычайно напряженным состоянием, какое наблюдалось с первых дней февраля, когда в городе царила неизвестность о судьбах Революции, циркулировали провокационные слухи, велась неустанная работа черносотенных элементов и погромщиков, применявших всякие меры к повторению погромов 1905 года. В конце протокола первого заседания Исполнительного Комитета Сов. Раб. Деп. отмечено: «заседание неоднократно прерывалось внеочередными заявлениями о неспокойном состоянии той или иной части города или о том, что какие-то лица от имени С. Р. Д. предлагают рабочим оставить работу. Исполнительному Комитету приходилось каждый раз отправлять делегатов для успокоения населения и рабочих» [2]). Необходимо было во что-бы то ни стало создать определенную организацию для предупреждения всякого рода эксцессов и посягательств на революционные завоевания.

Состав секции Общественной безопасности, как и всех других, на протяжении времени ее существования часто менялся и не все члены принимали в ее работе активное участие, и, если секция с первых дней существования развила большую активную работу, то можно об'яснить это только участием в этой работе таких неутомимых товарищей, как Кангун и Чижиков [3]), состоявших в секции с первых дней ее организации. Они знали, что пролетариату необходимо иметь в этот период свою вооруженную силу, и, несмотря на всякие трудности, стоявшие на пути, они твердо и упорно, не щадя своей жизни, проводили эту работу.

Первым делом секции было создание реальной силы, на которую в случае необходимости она могла-б опереться. Об'езжая, главным образом, предприятия Пересыпского района,

---

[1]) Окр. Арх. — д. № 95, л. 1.
[2]) Там-же, д. № 93, л. 8.
[3]) П. Ярошевский. — «Из истории Одесской Красной Гвардии», см. «Летопись Революции» 1924 г., № 3, стр. 1, заявляет, что т. т. Кангун и Чижиков были первыми большевиками, входившими в Исполком Сов. Раб. Деп., что совершенно неверно.

члены секции навербовали свой первый отряд, насчитывавший 18—20 человек рабочих. Этот отряд и был зародышем Красной Гвардии. Наряду с этим секции пришлось заняться организациею рабочей милиции. И в заседании Исполкома 20 марта первым стоял вопрос об организации милиции. Обозначилось два мнения. Представители одного настаивали, чтобы независимо от участия войск (имелось в виду при расформировании полиции заменить ее милицией из местных военных) в организации милиции самое активное участие приняли рабочие. Представители второго находили, что при участии в милиции революционных солдат и студентов, рабочие могут и не принимать в ней участия [1]). Окончательно вопрос не был разрешен и через несколько дней он снова был выдвинут уже на общем заседании Совета. Здесь в обсуждении вопроса принимала участие значительная часть рабочих с производства и было постановлено: «Совет Рабочих Депутатов предлагает Исполнительному Комитету заняться организацией милиции среди р а б о ч и х (подч. нами) и населения и принять меры к тому, чтобы полиция была возможно скорее расформирована» [2]). Получив такой наказ, Исполком, до того колебавшийся в этом вопросе, вынужден был поставить перед Общественным комитетом вопрос о необходимости немедленной ликвидации полиции и об отправке ее на фронт. Президиум Общественного комитета все время пытался этот вопрос снять с обсуждения, но, в конце концов, было решено заменить полицию общественной милицией, а полицию отправить на фронт, передав ее в комиссию по отсрочкам. (Разоружение полиции было проведено секцией общественной безопасности) [3]). Организацией милиции занялся Общественный Комитет, поставивший во главе всех участков своих комиссаров, преимущественно из профессоров и адвокатов.

Однако, это было только частичное выполнение Исполкомом наказа Совета, так как еще предстояло организовать рабочую милицию. Работа по организации этой милиции была возложена на секцию Общественной безопасности, которая, связавшись через депутатов рабочих с их предприятиями, принялась за укомплектование рабочих отрядов, в результате чего, через недели две в ее распоряжении уже были отряды рабочих, в общем до 1.000 человек [4]). Из доклада, представленного секцией Президиуму Исполкома, видно, что «рабочие, записавшиеся в милицию, должны были этому делу отдавать не больше 8-ми часов в неделю, чтобы не оторваться от своей постоянной работы» [5]). Рабочая ми-

[1]) Окр. арх. — д. № 93, л. 7.
[2]) Окр. архив — д. № 97, л. 8.
[3]) Од. Истпарт.—Восп. № 555, л. 5.
[4]) «Одесские Новости», № 10370 за 1917 г. — Все последующие ссылки на газеты относятся к периоду: март 1917 г. — март 1918 г.
[5]) Окр. арх. — д. № 95, л. 5.

лиция, таким образом, не просто полицейские служаки, чиновники, а рабочие, тесно связанные со своим коллективом, что в дальнейшем и привело к тому, что в момент напряжения борьбы за этой частью вооруженных рабочих пошла вся рабочая масса.

Вторым принципиальным вопросом был вопрос о взаимоотношениях рабочей милиции с милицией Общественного комитета. По мысли докладчика, т. Кангуна, необходимо было выделить от Совета Рабочих Депутатов собственного представителя в Комиссариат, что вызвало решительный отпор со стороны меньшевиков, усмотревших в этом недоверие к комиссарам Общественного комитета. Однако, в конце марта Исполком санкционировал решение секции, чтобы в каждом участке при комиссаре Общественного комитета состоял представитель Совета Рабочих Депутатов, избранный районными комитетами Сов. Раб. Деп. [1]). Таким образом, с первых дней организации вооруженной силы рабочего класса в Одессе она была отмежевана от буржуазии. Даже внешне рабочая милиция отличалась от милиции Общественного Комитета: в том же заседании по предложению тов. Кангуна было принято решение ввести для милиционеров именные карточки и значки.

Далее было предложено вооружить рабочую милицию. И здесь дело не обошлось без сопротивления со стороны части меньшевистского Президиума Исполкома. Выполняя наказ об организации милиции среди рабочих, Президиум пришел в замешательство, когда стал вопрос о вооружении рабочих. Высказывались соображения, чтобы рабочим оружия на дом не выдавать, милиция должна быть при оружии только во время исполнения служебных обязанностей; в результате принимается окончательная формулировка: «необходимо оружие только для службы. Оружие хранится в секции Общественной безопасности и выдается под строгим контролем» [2]).

Спустя несколько дней Президиум обратился к нач. штаба Одес. военного округа генералу Марксу с просьбой выдать 1.000 револьверов для вооружения рабочей милиции, при чем подчеркнул, что «выдача револьвера в каждом отдельном случае производится по письменным постановлениям председателя Президиума Исполкома и председателя секции Общественной безопасности» [3]). Однако, еще до этого организованные дружины рабочей милиции, не имея вооружения, принялись разыскивать его—«узнаем, что в Бульварном участке имеется оружие»—пишет один из активных участников того времени—«поехали и забрали револьверы, сабли и часть старых берданок» [4]).

[1]) Окр. арх. — д. № 93, л. 21.
[2]) Там-же — д. № 95, л. 6.
[3]) Там-же — д. № 95, л. 17.
[4]) Од. Истпарт. — Воспом. № 426, л. 4.

После того, как роздали рабочим оружие, выяснилось, что большинство рабочих не умело обращаться с оружием. Это вызвало необходимость заняться обучением рабочих военному делу, и здесь секция через Президиум Исполкома проводит решение—«обратиться к воен. организации и Марксу с просьбой обучить рабочих милиционеров военному делу»[1]).

С самого начала организации рабочей милиции было введено деление на десятки, возглавляемые выборными десятниками, и сотни во главе с сотником и его заместителем—полусотником. Рабочей милиции было разрешено иметь свое знамя с надписью «Рабочая Милиция Сов. Раб. Депутатов».

Какие-же задачи ставила перед собой рабочая милиция? На общем заседании Совета в начале апреля организатор этого дела, тов. Кангун, указывает, что главные задачи, стоящие перед секцией Общественной безопасности, в частности, перед рабочей милицией, заключаются в охранении безопасности города, воссоздании боевых дружин на случай контр-революционных попыток[2]). Из этого следует, что рабочая милиция была своего рода резервом для предупреждения могущих возникнуть беспорядков, погромов, контр-революционных выступлений и т. д. Однако, перед секцией, имевшей в своем распоряжении через непродолжительное время довольно многочисленный отряд милиционеров, стал вопрос о ежедневном практическом применении своих сил, с одной стороны, для оправдания своего существования перед обществом, с другой стороны, для укрепления самой организации. С этой целью секция ставит в Президиуме Исполкома вопрос об организации дежурств рабочей милиции в участках, с предоставлением ей права обысков и арестов[3]). Это значит, что рабочая милиция намеревается взять на себя обязанности Городской Милиции Общественного комитета. Разрешить или допустить рабочую милицию к дежурству в участках, предоставить ей право обысков и арестов это означало выразить недоверие Общественному комитету, на что не мог согласиться Президиум, который, как и Исполком и Совет Раб. Депутатов, вел примиренческую политику с буржуазными партиями вплоть до кадетов. Рабочей милиции только разрешено было учредить дежурства при рабочих клубах и других учреждениях, посещаемых рабочими. Таким образом, рабочая милиция в практическом применении своей силы была ограничена исключительно рабочими кварталами.

Настоящее решение Президиума Исполкома поставило секцию перед угрозой потери всех результатов напряженной и тяжелой работы ее по созданию вооруженной рабочей силы. Но здесь пришли на помощь обстоятельства, вызвавшие к жизни самую секцию, а, именно, чрезвычайно на-

[1]) Окр. арх. — д. № 95, л. 16.
[2]) Там-же — д. № 97, л. 18.
[3]) Там-же — д. № 95, л. 16.

пряженное состояние, наблюдавшееся тогда в городе. В секцию со всех сторон поступают сведения о различных подозрительных совещаниях, о подготовке контр-революционных выступлений, готовящихся погромах, поджогах тюрем, церквей, о спекуляции спиртными напитками и т. д. Все это вынуждает секцию заняться такой неприятной работой, как выслеживания, обыски, аресты различных подозрительных личностей и т. д. Так, например, была арестована целая группа во главе с бароном Рено, Кондо, Родзевичем и др. по подозрению в контр-революционной деятельности, которых отправили на броненосец «Синоп». Правда, они на другой день были освобождены прибывшим туда предс. Исполкома Сов. Раб. Деп. Гниденко и Брайкевичем, возглавлявшими Общественный комитет.

Эта работа секции проводилась в жизнь без согласований с Президиумом или Исполкомом и была совершенно не по вкусу им. Второй вопрос, к которому не мог спокойно отнестись Исполком, было то, что секция за выбытием некоторых своих членов, выделенных Исполкомом, кооптировала новых (6 человек на весь состав секции в 11 человек), предоставив им право решающего голоса. Согласно-же установленного положения, каждая секция имела право приглашать посторонних лиц лишь в качестве временных работников и без предоставления им права решающего голоса. К подобным сепаратным выступлениям секции присоединялось также и то, что секция принимала всяческие меры, чтобы связаться с военной секцией Общественной безопасности, существовавшей при Совете Солд. Деп., в то время, как о связи работы Сов. Раб. Деп. с Сов. Солд. Деп. едва начинали говорить. Последним обстоятельством, переполнившим чашу терпения Исполкома, было решение секции произвести 14-го апреля смотр рабочей милиции по следующему плану. Утром все рабочие милиционеры собираются в Воронцовском дворце, где происходит раздача оружия, проверка и т. д., затем организованным порядком направляются к нач. штаба Одес. военного округа, генералу Марксу (по его просьбе), оттуда идут на учение, с которого возвращаются обратно в Воронцовский дворец, где распределяются на ночные дежурства. Необходимость организации такой вооруженной манифестации члены секции об'ясняли желанием произвести определенное впечатление на черносотенную клику и успокоить население, которое больше доверяет рабочей милиции нежели городской [1]).

Такого «самовольства» Исполком не хотел допустить и в заседании 13-го апреля неожиданно для самой секции был поставлен доклад о ее работе. Докладчик начал с критики ее работы, подчеркнув, что за работу каждой секции отвечает весь Совет в целом, и каждая секция должна со-

[1]) Окр. арх. — д. № 93, л. 24.

стоять из лиц, уполномоченных Исполкомом, секция же Общественной безопасности более чем наполовину состоит из кооптированных лиц. Затем посыпался ряд нападок со стороны Исполкома на представителей секции: Президиум жаловался на то, что секция законспирировалась, и никто не знает, что в ней творится; несмотря на постановление, что все оружие находится под ответственностью Президиума, ему даже об этом ничего неизвестно, секция установила самостоятельную связь с секцией военной организации без ведома Президиума и т. д. Больше всего выражалось неудовольствия на решение секции о вооруженной манифестации—учении. Впрочем, Исполком все-таки постарался смягчить остроту положения и принял такое решение: «Исполнительный Комитет, считая необходимым обучение рабочей милиции, находит нежелательным придать выступлению милиции демонстративный характер и предлагает милиции отправиться на площадь отдельными сотнями через определенные промежутки времени без знамен и оружия, а оружие доставить отдельно»[1]). Здесь же высказывались мнения о необходимости выработки инструкции для рабочей милиции, при чем подчеркивалось, что она должна быть так организована, чтобы была возможность выступления ее в любой момент контр-революционной вспышки. Рабочая милиция должна наблюдать за темными элементами, а приведение арестов в исполнение должно производиться городской милицией.

Члены секции не отрицали, что функции секции были не вполне ясно очерчены, что выразилось в ряде недоразумений. О некоторых моментах секция, впрочем, ставила в известность Президиум, напр., относительно разрешения секции дежурств и о полномочиях на производство обысков и арестов. Признано было, однако, что действия, вызываемые экстренными событиями, не всегда удавалось согласовывать по причинам техническим—«ночью поступают экстренные сведения, а дежурного члена Президиума нет, спросить не у кого»[2]). В результате была принята следующая резолюция: «Исполнительный Комитет постановил: 1) Выразить секции Общественной безопасности доверие, 2) Переименовать секцию Общественной безопасности в секцию по организации рабочей милиции, 3) Произвести дополнительные выборы, 4) Кооптированные члены секции не имеют права решающего голоса, 5) Выработать инструкцию для секции, выработку поручить тов. Ермолину, Гельфенбейну и Ярошевскому, 6) Кооптация допустима в количестве не свыше $^1/_3$ числа выборных членов. Доизбранными в секцию по организации милиции оказались—Малакан, Слепов, Володин, Гоберман[3]).

---

[1]) Окр. арх. — д. № 93, л. 25.
[2]) Там-же — д. № 93, л. 24.
[3]) Там-же — д. № 93, л. 25.

Приведенным решением Исполком имел в виду ограничить функции секции, направив их исключительно в рамки организации рабочей милиции, практическую деятельность которой еще раньше Исполком ограничил рабочими кварталами. Однако, такое организационное ограничение и отстранение секции Общественной безопасности от участия в обще-городской общественной жизни продолжалось недолго, так как спустя очень короткое время произведена была реорганизация, при которой секция была переименована в секцию Красной Гвардии.

III.

Секция Красной Гвардии и ее деятельность до Корниловского восстания.

Недостаточно уясняя цели и задачи, стоящие перед рабочей милицией, и желая ознакомиться с практикой других городов, руководители секции, еще до переименования в секцию по организации рабочей милиции, поручили делегированным на Всероссийское Совещание Совет. Депут. т.т. Ачканову Г. и Борисову ознакомиться с организацией вооруженной силы пролетариата в Петрограде [1]). Однако, в Петрограде в то время Красной Гвардии еще не было и функции, которые в Одессе несет рабочая милиция—охранение общественного спокойствия, в Петрограде несет, так назыв., «Обывательский комитет». Очевидно, задачи рабочей милиции, как организации вооруженной силы рабочего класса, заключались в чем то другом. И в заседании Исполкома 4-го мая секция ставит вопрос об организации Обывательской милиции. Тов. Кангун указывает, что Красная Гвардия [2]) не может участвовать в производстве обысков и арестов и нести охрану города. Он предлагает ввести для такой работы, по примеру Петрограда, Обывательский комитет, организацию которого, вследствие инертности Общественного комитета, должен взять на себя Исполком. Комитет необходимо построить так, чтобы каждый дом избирал двух представителей, которые по очереди несут дежурство по охране своих избирателей. Исполком согласился на организацию Обывательской милиции, поручив секции рабочей милиции подготовить проект данной организации [3]).

Вопрос о введении Обывательской милиции в Одессе важен лишь постольку, поскольку эта милиция должна была дополнять существовавшую милицию Общественного комитета, а рабочая милиция—теперь уже Красная Гвардия—должна быть реорганизована, поставив перед собой иные за-

---

[1]) Од. Истпарт. — Воспом. № 426, л. 2.

[2]) Теперь впервые, пока неофициально, прозвучало наименование «Красная Гвардия» в заседании Исполкома.

[3]) Окр. арх. — д. № 93, л. 36.

дачи. 8-го мая на заседании Исполкома т. Кангуном и был поставлен вопрос о такой реорганизации. План сводился к следующему: прием гвардейцев должен производиться только после тщательной проверки на заводе, квартире, у депутата данного завода и т. д. и лишь только после выявления всей безупречности кандидата, он зачисляется в Красную Гвардию и получает оружие. Все уже состоящие милиционеры-гвардейцы будут подвергнуты тщательному просмотру и оказавшиеся неподходящими будут удалены из организации и оружие отобрано. Вся Красная Гвардия разбивается на восемь районов при каждом из участков: Петропавловский, Михайловский, Александровский, Бульварный, Херсонский, Портовый, Пересыпский и Слободской [1]). Секцию озабочивал вопрос об открытии при районных комиссарах помещений, могущих служить сборным пунктом для Гвардии, и введении агиткурсов при всех районах. Аресты Красной Гвардией производятся лишь при наличии данных, говорящих о спрятанных складах оружия или антиреволюционной литературы, причем о всяком случае ареста ставится в известность Исполком. План реорганизации Красной Гвардии, хотя и не освещавший всесторонне ее задач и целей, был принят Исполкомом за исключением вопроса об оружии, который вызвал спор со стороны меньшевистских руководителей Совета. Предс. Исполкома Гниденко заявлял, что красногвардейцам на руки оружия выдавать не следует, необходимо, чтобы оно хранилось при каждом районе, откуда в случае надобности будет выдаваться. Это означало, что Красная Гвардия будет целиком зависить от Исполкома, без ведома которого не сможет сделать ни шагу. Положение выручил прибывший во время заседания тов. Раковский (который был специально приглашен на заседание Совета для защиты Красной Гвардии), освобожденный из Ясской тюрьмы русскими войсками в день празднования 1-го мая. В своем выступлении тов. Раковский поддержал секцию, указавши, что при сохранении оружия в арсеналах может наступить момент, когда арсенал будет захвачен и гвардейцы останутся без оружия, кроме того, красногвардейцы должны привыкать к оружию, уметь чистить его и т. д. Доводы т. Раковского повлияли на членов Исполкома, и большинством голосов пункт об оружии был принят в редакции, представленной секцией [2]).

Реорганизованную Красную Гвардию попрежнему возглавляла секция Общественной безопасности, иногда именовавшаяся секцией рабочей милиции, затем секцией рабочей гвардии [3]), а к середине мая окончательно переименованная в секцию Красной Гвардии.

---

[1]) Од. Истпарт. — Воспом. № 65, л. 1.
[2]) Окр. арх. — д. № 93, л. 37.
[3]) «Одесский Листок», № 101.

Как только секция Красной Гвардии получила официальное признание со стороны Исполкома, было приступлено к выработке инструкции для Красной Гвардии, которая была составлена на основе утвержденного Исполкомом плана реорганизации Красной Гвардии.

Инструкция Красной Гвардии Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов гор. Одессы[1]).

1. Красная Гвардия представляет из себя отдел Совета Рабочих Депутатов, цель ее — представить во всякое время сознательную вооруженную силу:

а) На случай каких-нибудь контр-революционных и погромных выступлений;

б) На случай защиты классовых интересов пролетариата в борьбе с капитализмом и буржуазией.

2. Во главе Красной Гвардии стоит выделенная из Исп. Ком. Сов. Раб. Деп. секция по организации Кр. Гвардии, в лице членов Исп. Комитета: Председателя тов. Милованова, тов. председ. Кангуна, чл. сек. Чижикова, Слепова, Володина, Ярошевского, Чижова и кооптир. тов. Иезефовича. Секретарь тов. Зайцев.

3. Вся Красная Гвардия подчиняется указаниям секции Кр. Гвардии и действует, сообразуясь с этими указаниями.

4. Вся Кр. Гвардия разбивается на районы и при районных комитетах имеются их пункты, где происходят их дежурства.

5. Гвардия, разбитая на районы, избирает из своей среды сотников и десятников.

6. Сотники, избираемые товарищами красногвардейцами, пользуются их доверием и, как таковые, пользуются правом давать указания избравшей их сотне.

7. Десятники, избираемые товарищами-красногвардейцами, пользуются их доверием и, как таковые, пользуются правом давать указания избравшему их десятку.

8. Все сотники и десятники имеют непосредственное общение с Красной Гвардией и отвечают за все непорядки, могущие возникнуть в их сотнях и десятках.

9. Каждый сотник обязан иметь постоянно при себе точную запись всех гвардейцев своей сотни, с непременным указанием имени, фамилии, местожительства, завода и имени депутата данного завода, возраста гвардейца, рода и № оружия. Затем иметь адреса десятников с такими же указаниями об их личности.

10. Каждый десятник обязан иметь при себе точную запись своего десятка с такими же указаниями, что и сотник (см. п. 9), обязан также иметь точный адрес своего сотника.

11. Сотники и десятники обязаны в особые дни и часы каждую неделю собирать в районных пунктах свои сотни и десятки и знакомить их с тем, что к тому времени получат от секции Красной Гвардии.

12. В Красной Гвардии устанавливается строгая товарищеская дисциплина, нарушать которую никто не вправе.

13. В Красной Гвардии должно быть ничем ненарушаемое взаимное уважение.

14. В случае нарушения товарищеских отношений и явных нетактичных действий членов Кр. Гвардии, назначается третейский суд, который разбирает совместно с секцией Красной Гвардии данное дело.

15. Опорочивший себя красногвардеец немедленно удаляется из гвардии, при чем его имя и фамилия оповещаются в «Известиях Со-

---

[1]) «Известия Од. С. Р. Д.» №№ 20, 21, 1917 г.

вета Рабочих Депутатов» и рассылаются всем сотникам и десятникам для ознакомления всей Красной Гвардии.

16. Красная Гвардия в особые дни и часы обучается партизанскому строю и обращению со всякого рода оружием.

17. Все сотники и десятники обязаны в назначенные дни и часы представлять в полном составе свои сотни и десятки для обучения или вообще в тех случаях, когда это потребуется.

18. Неявившиеся больше 3-х раз без уважительных причин, считаются выбывшими из числа членов Красной Гвардии, о чем сотники и десятники сообщают секции Кр. Гвардии.

19. Сотники и десятники обязаны один раз в неделю проверять оружие гвардейцев с осведомленным в этом деле лицом, следить за его исправностью и чистотой, проверять численность, в случае поломки или пропажи — немедленно сообщать в секцию Кр. Гвардии.

20. Сотники и десятники отвечают за пропажу или поломку оружия, при чем, в свою очередь, взыскивают в таких случаях с красногвардейцев, чем руководит секция Красной Гвардии.

21. Всем гвардейцам выдается определенное количество патронов, при чем за каждый простреленный без надобности патрон взыскивается тройная стоимость патрона, а гвардеец подвергается строгому выговору.

22. Каждый красногвардеец строго следит за целостью своего оружия, следит за его смазкой, дабы оно не подвергалось порче, ибо за порчу, поломку или пропажу он отвечает.

23. Каждый красногвардеец, замечая нечестные поступки своего товарища по десятку или по сотне, будь то гвардеец, десятник или сотник, немедленно сообщает об этом в секцию Кр. Гвардии.

24. Красная Гвардия не занимается исполнением полицейских обязанностей, как-то: арестами, обысками, слежкой и т. п.

25. Красная Гвардия несет только обходную службу, в виде охраны города.

26. Обходы производятся только ночью.

27. Всеми обходами руководят только сотники и десятники.

28. Во время обхода следует строго соблюдать правила гражданского долга.

29. Без необходимости, во время обхода, оружие не пускать в действие.

30. Красная Гвардия выходит из своих пунктов и районов по вызовам секции Кр. Гвардии и Рабочих комиссаров от СРД при участках и никакого отношения не имеет к комиссарам и милиционерам общественного комитета.

31. Все красногвардейцы носят на левой руке красную повязку с инициалами «К. Г. С. Р. Д.».

32. Сотники — такую-же повязку с одной серебряной полоской.

33. Все повязки имеют № и штемпель секции Кр. Гвардии, без которой они недействительны.

34. Все гвардейцы имеют карточки, выданные секцией Кр. Гвардии, с указанием имени, фамилии и местожительства. На ней фотографическая карточка и печать Исп. Ком. Сов. Раб. Депутатов и подпись председателя, без чего билет недействителен.

35. Повязки носятся только при исполнении своих обязанностей.

36. Члены секции Кр. Гвардии имеют красную повязку на левой руке, с одной узкой и широкой золотой полоской и карточки членов секции.

37. Все вышеизложенное подлежит самому строгому исполнению тов. красногвардейцами. Невыполнившие настоящей инструкции считаются выбывшими из числа членов Красной Гвардии.

38. Красная Гвардия работает безвозмездно и никакой платы за свою идейную службу не получает.

Председатель секции МИЛОВАНОВ.

Тов. председателя КАНГУН.

В приводимой инструкции мы имеем уже более четкую формулировку целей Красной Гвардии, и к указанным выше задачам присоединяется новая — защита классовых интересов пролетариата в борьбе с капитализмом и буржуазией, что придает Красной Гвардии уже характер классовой организации.

Инструкция устанавливала определенную стройную систему ответственности за действия, как Красной Гвардии в целом, так и каждого красногвардейца в отдельности. Красная Гвардия возглавляется отделом Сов. Рабочих Депутатов—секцией Красной Гвардии, которой подчиняются выборные сотники отдельных районов, имеющие в своем подчинении выборных десятников. Десятники обязаны представлять сотникам отчет за каждую истекшую неделю, а сотники, в свою очередь, представляют отчет за всю сотню в секцию. Сотники и десятники обязаны иметь точную запись с подробными сведениями о каждом подчиненном красногвардейце своей сотни или десятка, что дает возможность иметь всегда ясную картину о составе Гвардии. В повседневной жизни Красная Гвардия исходила из товарищеской дисциплины и взаимного уважения, за нарушение которых виновные подвергаются третейскому суду, а опороченные исключаются из ее состава.

Серьезное внимание уделено ответственности гвардейцев за оружие, обязывая каждого следить за целостью его и чистотой, строго преследуя за патроны, потраченные без надобности, взыскивая за порчу, поломку, пропажу оружия. Сотники с десятниками еженедельно обязаны проверять оружие гвардейцев при помощи опытного в этом деле лица.

Красная Гвардия несет только обходную службу по охране города, производя обходы ночью и ничего общего не имеет с комиссарами и милицией Общественного комитета.

Наконец, последний пункт инструкции гласит, что «Красная Гвардия работает безвозмездно и никакой платы за свою идейную службу не получает». Такое положение впоследствии на практике не оправдывало себя, так как рабочий-гвардеец, находясь на дежурстве, выполняя другое поручение Исполкома или самой секции, лишался заработка на производстве и при участившихся отрывах от производства обрекал свою семью на голодное существование. Поэтому позже решено было, что работа Красной Гвардии, выполняемая по поручению Исполкома, должна оплачиваться за его же счет, напр., за проверку красногвардейцами избирательных списков им уплачено 529 р. 38 коп., за ликвидацию инцидента в парке 64 р. и т. д. [1]).

Интересно отметить, что в инструкции, состоящей из 38 пунктов, ни слова не сказано о политико-воспитательной работе среди гвардейцев, благодаря чему и новый мо-

[1]) Окр. арх. — д. № 93, л. л 87 и 93.

мент в ней о защите классовых интересов пролетариата теряет свое значение.

После составления инструкции она была детально проработана красногвардейцами [1]) на районных собраниях. Инструкция обязывала всех красногвардейцев обучаться партизанскому строю и обращению со всякого рода оружием, сотники и десятники в указанное время должны представлять в полном составе свои сотни и десятки для обучения. Имелось ввиду проводить обучение еженедельно, при чем занятия производились по районам, иногда об'единялось несколько районов вместе, приблизительно, раз в месяц бывали общие занятия всей Красной Гвардии.

Местом обучения для Петропавловского и Михайловского районов обыкновенно был Молдаванский Районный Комитет по Головковской № 21, для районов Бульварного, Александровского, Херсонского и Портового — выставочная площадь в Александровском парке, для Слободского и Пересыпского районов свои Районные Комитеты Сов. Раб. Деп. [2]). Обучение военному делу, в общем, было поставлено невысоко. Уделяли мало времени и отсутствовали гвардейцы, хорошо знакомые с военным делом. Необходимые инструктора для осмотра оружия и инструктирования сотников и десятников приглашались из местных военных частей. Среди записей ежедневных заданий в записной книжке Кангуна встречаем: «46 зап. цех. полк, 3-ья станция, в 7 час. утра смотр оружия 5 роты. Никита Федосиевич Квитка состоит в кадр. роте 746, пешая дружина, Колонтаевская, 60. Через Военно-Исполнительный Комитет приглашается в качестве инструктора Красной Гвардии. 30 с. м. был на обучении и вполне соответствует своему назначению» [3]).

Плохо отражалось на постановке обучения отсутствие оружия и разнокалиберность его, многие красногвардейцы имели только револьверы различных систем. Сами красногвардейцы не сознавали всей важности обучения военному делу, неохотно шли на занятия, мотивируя тем, что «мы, мол, не деревянные солдатики». Напр., на общее занятие всей Красной Гвардии 13-го мая явилось очень мало красногвардейцев, в результате чего Кангун вносит в свою записную книжку такое задание: «Собрать перед учением всех гвардейцев во дворец. По участкам предварительно сделать перекличку, во избежание могущих произойти непорядков, сделать строгий выговор всем сотникам и десятникам за их небрежное отношение к делу» [4]).

С ростом и развитием деятельности Секции помещение в Воронцовском дворце оказалось для нее тесным и в начале июня было найдено хорошее помещение на Торговой

[1]) «Известия Од. С. Р. Д.», № 24.
[2]) Там-же, №№ 14 и 18.
[3]) Од. Истпарт — д. № 385, л. 2.
[4]) Там-же.

ул. (ныне Красной Гвардии) д. № 4, где владелицей Руссовой под клуб была предоставлена картинная галлерея с обстановкой. Позже владелица и живущие в доме выехали оттуда [1]). С этого времени т. Кангун и Чижиков принимаются со всей энергией за устройство клуба, где имелось в виду создать сцену и библиотеку. 17-го июня состоялось первое общее собрание всей Красной Гвардии в новооткрытом клубе [2]), а 28-го июня был принят устав клуба и выделена культурно-просветительная комиссия Красной Гвардии в составе: Гершуненко, Подкаминского, Стеркина Филоненко, Конкошина и Петерса [3]).

С открытием клуба Красной Гвардии, деятельность ее оживляется, каждый вечер в нем происходят различного рода деловые собрания, устраиваются политические лекции, вечера и т. д.

Однако, отсутствие денежных средств тормозит все начинания: нет ни мебели, ни оружия, ни библиотеки и проч. Чтобы добыть средства Секцией был организован футбольный матч, давший ей 500 руб. Производились сборы и среди самих красногвардейцев. Намечался ряд концертов, лекций с отчислением в пользу Красной Гвардии. Все члены Красной Гвардии обязаны были состоять платными членами Клуба Красной Гвардии; для пополнения библиотеки был организован сбор книг среди рабочих и граждан социалистов, о чем было дано извещение в «Известиях Сов. Раб. Деп.» [4]).

Средства все же притекали медленно и это вынудило секцию представить в заседании Исполкома план работы, где указывается, что Секцией предполагается устройство общежития на 100 человек, организация курсов по технологии металлов, черчению и т. д. В заключение Секция ходатайствует об ассигновании на вооружение и пополнение библиотеки 5.000 руб. Исполком не удовлетворил ходатайства Секции, отклонив его под тем предлогом, что многие члены Секции выбыли из ее состава, и необходимо взамен их выделить новых членов, чего нельзя сделать ввиду предстоящих перевыборов Исполкома [5]). Секции пришлось положиться на свои силы и самой собирать необходимые средства, и к началу августа было собрано около 8.000 руб. Тогда Секция снеслась с начальником штаба Марксом, комендантом города прапорщ. Рязановым по поводу приобретения оружия, на что последние дали свое согласие [6]).

6-го августа Исполком утвердил решение Секции о посылке делегатов т. т. Чижикова и Соколовского для

---

[1]) Од. Истпарт—д. № 385, л. 2. Протокол № 1 заседания бюро кружка красногвардейцев.
[2]) «Известия Од. С. Р. Д.», № 47.
[3]) Там-же, № 63.
[4]) Там-же, № 65.
[5]) Окр. арх. — д. № 93, л. 80.
[6]) Там-же — д. № 92, л. 4.

закупки оружия в Петрограде или Туле. В деньгах на поездку делегатам было отказано, причем решение гласило, что поездка должна быть отнесена за счет средств, поступивших на покупку оружия»[1]). Результаты поездки, насколько можно судить по имеющимся материалам, были отрицательными. Оружие для Гвардии покупалось также на фронте, напр., Сов. Раб. Деп. при железно-дорожных мастерских выделили трех товарищей для таких закупок. Вот как описывает эту работу один из ее участников — «Для закупки избрали фронт, который был под Станиславом. Когда мы под'езжали к ст. Богачи, то слышна была артиллерийская канонада. Мы скупали оружие у раненых, которые были в «батальонах смерти». В четырех верстах от фронта нам было чрезвычайно трудно действовать. Нас было чуть не застукали, но хорошо, что у нас оказались жел. дор. удостоверения, каковые мы пред'явили, и нас освободили. Правда, мы скупили немного оружия — револьверов штук 15, винтовок мы совершенно не брали»[2]). Не останавливались гвардейцы и перед реквизицией оружия, если возможность представлялась.

В чем же проявлялась практическая деятельность Красной Гвардии? Отказавшись от несения обыкновенных милицейских функций по охране города, Красная Гвардия начинает проявлять действия, которые могут характеризовать ее, как вооруженную классовую силу пролетариата, защищающую его классовые интересы. Однако, такая установка практической деятельности Красной Гвардии далеко не была осознана массой гвардейцев и даже некоторыми руководителями. Она слагалась под влиянием повседневных событий, какие пришлось переживать революции и рабочему классу. На протяжении первого периода Красная Гвардия зорко следит за политическим состоянием города, предупреждая всякие попытки контр-революционных заговоров, погромов; защищает классовые интересы рабочих, ведет борьбу с штрейкбрехерством, борется с уличными самосудами и бандитизмом, охватившим весь город.

Со всех сторон в Секцию Красной Гвардии поступают сведения о черносотенных приготовлениях. Краткие отрывки из записной книжки тов. Кангуна ярко рисуют несколько таких моментов работы Красной Гвардии того периода. «Сообщает Даль. Черноморская улица. Сестра Пуришкевича, Пуансе, там происходят частые собрания. По некоторым сведениям известно, что к ней приехала жена Протопопова сообщает об этом также пр. пов. Ц-сх. Собираются там попы и священники», или «улица Карангозова и Новосельского д. 6. Новикова. Консистория. Собираются ежедневно после 11 часов, где поносят Сов. Раб. и Солд. Депутатов, раз-

[1]) Окр. арх.—д. № 93, л. 6.
[2]) Од. Истпарт. — Воспом. № 465, л. 6.

вивают погромные идеи и вообще странно, собираются вместе с хозяином квартиры и что-то делают, что весьма странно»[1]).

Обращала внимание Секция также на крестные ходы, которые в тот период довольно часто устраивались, ими пользовались для погромной агитации. Имея сведения об организации крестного хода, Секция снаряжала отряд красногвардейцев, которые переодевшись рассыпались среди участников крестного хода. Для участников, а также организаторов шествия, конечно, не было секретом, что среди публики присутствуют красногвардейцы, и уже одно это предупреждало всякого рода эксцессы. Тов. Милованов в заседании Исполкома рассказывает довольно забавный случай, когда красногвардеец, чтобы удостовериться, не скрывается ли под этой религиозной подоплекой что-нибудь контр-революционное, пробыл в обществе проповедников поста целых девять суток, усиленно постился и бил поклоны[2]). Благодаря своевременному принятию мер крестные ходы в большинстве случаев обходились без эксцессов.

Одной из важнейших сторон деятельности Красной Гвардии следует отметить борьбу с штрейкбрехерством и защиту экономических интересов рабочего класса. Конфликты между предпринимателями и рабочими, требовавшими реальной заработной платы, улучшения условий труда и т. д., учащались. Всем памятен острый конфликт на заводе Гена, который пришлось улаживать Совету Рабочих Депутатов и его Отделу Труда. Предприниматели неохотно входили в рассуждения с представителями рабочих организаций; многие из них совершенно игнорировали Отдел Труда Сов. Раб. Деп. и примкамеру при нем с третейским судом, не подчинялись решениям даже самого Исполкома. В ответ на забастовки рабочих они об'являли локауты, приглашая для исполнения работ штрейкбрехеров. В подобных случаях Исполком, в лице своей Секции Красной Гвардии, нашел твердую опору, предоставив Красной Гвардии право по мандату Центрального Бюро Профсоюзов снимать штрейкбрехеров[3]). Красная Гвардия по первому зову Центрального Бюро являлась в предприятие, снимала штрейкбрехеров и, если нужно было, силой заставляла предпринимателя явиться в соответствующие органы для улаживания конфликта. Так, Красной Гвардией сняты штрейкбрехеры в магазине Апрелиева, у владельца магазина „Toujours Belle“, в переплетных мастерских, ресторанах, жестянной мастерской, магазине Винника и др.[4]). Из более крупных конфликтов, в улаживании которых Красная Гвардия принимала участие,

[1]) Од. Истпарт — д. № 385, л. 1 и 4.
[2]) Окр. арх. — д. № 94, л. 73.
[3]) Там-же — д. № 92, л. 9.
[4]) Окр. арх. — д. № 92, л. 9, 28 и д. № 94, л. 35, 55.

следует отметить конфликт приказчиков с владельцами магазина живых цветов братьев Брун, в результате чего Президиум Исполкома об'явил магазин под бойкотом, а Красная Гвардия сняла штрейкбрехеров. Хозяева магазинов приступили к работе, сначала как будто сами обслуживая покупателей, а потом пригласили штрейкбрехеров, последние снова были сняты Красной Гвардией, магазины закрыты, пришлось даже арестовать Бруна, и только после продолжительного пребывания в подвале клуба Красной Гвардии аппетит Бруна был умерен [1]).

Резолюция. [2])

Секция Красной Гвардии Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов настоящим оповещает тов. рабочих и граждан г. Одессы о следующем: магазин живых цветов Бр. Брун, помещающийся по Ришельевской ул., был об'явлен Профессиональным Союзом Приказчиков г. Одессы и Президиумом Исполнительного Комитета Сов. Раб. Депутатов под бойкотом за то, что эти господа самым немилосердным образом эксплоатировали своих рабочих и их труд совершенно обесценивали, за то, что эти господа отказались от разбора их дела примирительной камерой, за то, что эти господа не признают Сов. Рабочих Депутатов, за то, что уклонились от третейского суда и всеми способами уклонялись от уплаты своим работницам тех ничтожных грошей, кои следовало им уплатить, кроме того, Красная Гвардия призвана бороться с такими эксплоататорами рабочих рук, была призвана тогда, когда эти господа наотрез отказались подчиниться Профессиональному Союзу Приказчиков и Отделу Труда Совета Рабочих Депутатов, и силы никакой не употребляла, а только сняла штрейкбрехеров с работы, которых господа Бруны уговорили стать на работу, причем эти служащие не из числа бастующих, а совершенно новых служащих.

В настоящее время господа Бруны вновь открыли свой магазин, в котором приступили к работе те-же штрейкбрехеры, поэтому они вторично сняты с работы и магазин вторично закрыт секцией Красной Гвардии Исп. Комитета Сов. Рабоч. Депутатов.

Наряду с экономическими интересами трудящихся Кр. Гвардии пришлось стоять и на защите их прав. В период подготовки к выборам в Гор. думу выяснилось, что многие рабочие не были внесены в избирательные списки. В Дальницком районе наблюдалось грубое обращение с избирателями, многие избиратели Ближних Мельниц и Слободки-Романовки вынуждены были ходить свыше 2-х верст до справочного пункта для обозрения избирательных списков, по часу стояли в очереди и без всякого результата возвращались домой, на Молдаванке во многих домах пропущено было в избирательных списках до 50 чел. рабочих и т. д. [3]). Видно буржуазия не стеснялась в средствах, лишь бы лишить избирательных прав рабочий класс. Исполком, рассматривая этот вопрос, поручил Красной Гвардии взять на себя

---

[1]) «Одесский Листок», № 283.
[2]) «Известия Од. С. Р. Д.», № 115 и Од. Истпарт, д. № 360.
[3]) «Известия Од. С. Р. Д.», № 71.

проверку работы домовых комиссаров и следить за выполнением всех возлагаемых на них обязанностей.

В своей практической деятельности Красная Гвардия не оставалась в стороне от всех политических событий, происходивших в городе. Во время грандиознейшей первомайской демонстрации Секция Красной Гвардии предписала всем сотникам явиться не позже 7 часов утра в Воронцовский Дворец с повязками, но без ружей, захватив с собой сухую пищу, оттуда стройными рядами направились на демонстрацию отдельной колонной.

При выборах в Городскую Думу Красная Гвардия проводила работу по раз'яснению и агитации среди рабочих за кандидатуры рабочих в Городскую Думу. Накануне выборов Секцией была организована предвыборная демонстрация, после которой гвардейцы были собраны в помещениях своих районных Комитетов Сов. Раб. Деп., где и было проведено раз'яснение о предстоящих выборах и участий в них рабочих [1]).

Как уже указывалось, состав Секции Красной Гвардии все время менялся. В начале мая Секция состояла из следующих лиц: предс. т. Милованов, тов. предс. Кангун, члены — Чижиков, Слепов, Володин, Ярошевский, Чижов и кооптир. тов. Иезефович (Северный), секретарь т. Зайцев. Этот состав работал недолго. В начале июня из Секции вышли Чижов, Ярошевский и Зайцев, на место последнего была приглашена тов. Геллер (Бетя Зайчик). Немного позже выбывают из Секции т.т. Милованов, Володин, Иезефович. А в конце июля тов. Чижиков подымает в Исполкоме вопрос о введении в состав секции новых товарищей, и Исполком выделяет т.т. Томаса М. Д. и Будкина [2]) и канд. т. Шпиталенко [3]). В таком составе секция продолжала работу до перехода в Штаб Красной Гвардии.

Несколько слов о политическом состоянии Красной Гвардии рассматриваемого периода. Бывш. предс. Секции, тов. Милованов, в своих воспоминаниях пишет: «Кр. Гвардия поставила себе задачу, сначала, правда, не совсем оформленную — защиту классовых интересов пролетариата, так как политической зрелости у руководителей ее тогда еще не было» [4]). Как на пример политической зрелости руководителя Красной Гвардии тов. Кангуна можно указать на вопрос о так-наз. «Красной Роте», поднятый Кангуном на заседании Исполкома в конце мая месяца. Меньшевистский Исполком с первых дней своего существования стал на путь

---

[1]) Окр. арх. — д. № 92, л. 20.

[2]) Будкин вскоре был исключен из секции, а также Исполкома за пьянство.

[3]) Окр. арх. — д. № 94, л. 21 и д. № 93, л. 89—90.

[4]) Од. Истпарт. — Воспомин., № 426, л. 2.

продолжения войны до победного конца. В связи с этим тов. Кангун предлагает для поднятия боевого духа армии влить в нее отряд рабочих, организованных в Красную Роту. Рота должна направиться под флагом Совета Рабочих Депутатов на передовые позиции, там поднять проповедь общего мира (не сепаратного), до такого же мира рабочие агитаторы должны поддерживать в армии бодрость, необходимую для продолжения войны. Только после выступления тов. Старостина, указавшего, что организация этой роты будет противоречить общей линии рабочего класса, стоящего за прекращение войны, тов. Кангун снял свое предложение [1]). Другой пример — при приезде военного министра Временного Правительства Гучкова в Одессу в апреле месяце, одним из членов Секции Общественной безопасности было внесено на заседание Исполкома предложение об организации ему парадной встречи Красной Гвардией. Однако, Исполком такую встречу счел нежелательной [2]).

Как бы то ни было, Красная Гвардия, состоявшая почти исключительно из вооруженных рабочих, даже в ранний период своей деятельности отражала интересы своего класса, хотя и недостаточно осознавала их. Не доставало для правильного направления толчка, который неоформленную вооруженную массу превратил бы в действительную классовую вооруженную силу пролетариата.

IV.

Классовое оформление Красной Гвардии от Корниловщины до Декабрьского восстания.

Когда 9-го сентября получилось правительственное сообщение о посягательстве Корнилова захватить власть в Ленинграде, местная власть в Одессе постаралась сконцентрировать все внимание общественности на защите Временного правительства.

9-го же сентября было созвано экстренное совещание Президиумов всех местных общественных организаций и был сконструирован Временный Революционный Комитет (57 человек). Для контроля над всеми мероприятиями решено было, что ни одно из них не проводится в жизнь без санкции Ревкома. Военным властям предложено было занять почту и телеграф. Составлен был список лиц, подлежащих аресту, во все военно-учебные заведения отправлены представители для наблюдения и предостережения от каких бы то то ни было выступлений против Временного Правительства [3]).

---

[1]) Окр. арх. — д. № 93, л. 48 — ср. «Изв. С. Р. Д.» № 32.
[2]) Там-же, л. 27.
[3]) «Одесские Новости», № 10504.

Происходившие события, естественно, заставили Ревком подумать об охране города, как от контр-революционных выступлений, так и от погромов. Очевидно, нельзя было не использовать имевшуюся в распоряжении Сов. Раб. Деп. Красную Гвардию, на которую с первого же дня грозных событий и было возложено несение охраны на окраинах города, а также охрана фабрик и заводов.

Красная Гвардия была приведена в боевую готовность, руководство ею принял на себя штаб Красной Гвардии, теперь только возникнувший. Во главе штаба стал тов. Кангун, а начальником Красной Гвардии был тов. Чижиков. Штаб Красной Гвардии спустя несколько дней опубликовал раз'яснение, «что охрана заводов и окраин города находится под бдительным надзором Красной Гвардии с понедельника 10-го сентября и будет снята после окончательного водворения в стране полного спокойствия и изгнания всех контр-революционных сил»[1]). В связи с мобилизацией Красной Гвардии встал вопрос о содержании ее, так как рабочие-гвардейцы на предприятиях прекратили работу. Также ощущался значительный недостаток оружия. В заседании Исполкома 12-го сентября тов. Кангун ставит вопрос о необходимости вооружить всю Красную Гвардию, а также обеспечить ее горячей пищей и платой. По поводу этого Исполкомом было вынесено решение:

«1) Красная Гвардия Сов. Раб. Деп. продолжает нести охрану фабрик и заводов, а также окраин города впредь до полного успокоения, о чем довести до сведения Временного Революционного Комитета.

2) Красная Гвардия должна быть вооружена Временно-Революционным Комитетом, согласно заявления штаба Красной Гвардии.

3) Красная Гвардия должна быть снабжена горячей пищей за счет Временно-Революционного Комитета.

4) Члены Красной Гвардии, несущие постоянную службу по охране города, должны получать содержание за счет владельцев предприятий, у которых они работают, либо за счет военного фонда, либо за счет городского самоуправления»[2]).

Вот это «либо» и привело к тому, что Красной Гвардии долго пришлось добиваться следуемой платы.

Одновременно выявилась необходимость в раз'яснении происходящих событий, в этот период довольно запутанных. И вот, «Штаб Красной Гвардии об'являет, что в воскресенье 16-го с. м. состоится вооруженная демонстрация всей Красной Гвардии по городу, поэтому все красногвардейцы обязаны явиться в штаб Красной Гвардии со всех районов

---

[1]) «Известия Од. С. Р. Д.», № 123 — в об'явлении ошибочно вместо 28 напечатано 24 августа.

[2]) Окр. арх. — д. № 87, л. 2.

в полном вооружении в субботу 15-го с. м. в 9 час. утра и невооруженные для получения оружия, для вынесения резолюции по поводу переживаемого тревожного времени»[1]).

Отсутствие материалов не позволяет подробно осветить это знаменательное собрание Красной Гвардии, и мы помещаем вынесенную собранием резолюцию. Этот пробел, однако, легко восполнить, если даже поверхностно проанализировать резолюцию, вынесенную на этом собрании.

Красная Гвардия о Корниловских событиях[2]).

Общее собрание красногвардейцев, обсудив ряд вопросов о текущем моменте, вынесло следующую резолюцию:

1. Открытый мятеж Корнилова только ярче осветил истинный смысл всей той политики «спасения революции», которую вело последнее время правительство Керенского, несомненно вдохновлявшееся все тем же Корниловым: смертная казнь, преследование крайней левой печати, заключение в тюрьму лучших борцов за свободу, разоружение петроградских рабочих, разгрузка Петрограда от революционных войск и наводнение его кавалерией и казаками — все это должно было обеспечить торжество диктатуры генералов, а тем и восстановление самодержавия. С усмирением Корниловщины естественно отмирает и вся эта гнусная политика, якобы «спасения», а на самом деле политика удушения революции.

2. Этот мятеж далее показал, что буржуазия и ее партия кадеты, для отвода глаз перекрасившаяся в защитный республиканский цвет, а на самом деле питавшая весь этот заговор, является вместе с помещиками и царскими генералами истинной почвой всякой монархической и военной контр-революции, тем самым заклятым врагом народа.

3. Вместе с тем, крах Корниловщины есть крах меньшевиков и правых эсеров, которые все время заигрывали с буржуазией и поддерживали упомянутую уже политику «спасения революции». Отсюда неотложная задача удаления из Советов меньшевиков и эсеров-оборонцев, для чего необходимо немедленно приступить к частичным перевыборам их, дав новым депутатам строгие и точные наказы, как действовать, и своею бдительностью не давая им уйти с пути защиты революции.

4. В виду того, что истинными выразителями революции есть рабочие и крестьяне, то вся власть должна перейти к «Советам рабочих, солдатских, крестьянских депутатов», первой задачей которых должен быть созыв Всероссийского С'езда этих Советов для об'единения всех революционных сил страны.

Из 4-х пунктов резолюции первый давал оценку политики Временного Правительства, которая ничем не отличалась от политики того же Корнилова. Следующий момент резолюции клеймит партию кадетов, прикрывающуюся республиканским флагом. Не обошла резолюция и тактики меньшевиков и правых эс-эров, которые поддерживают политику «спасения революции» Временным правительством. 3-й и 4-й пункты делают определенные практические выводы. Такой оценки Корниловщины со стороны Красной Гвардии никто не ожидал, она порядочно напугала редакцию «Известий Сов. Раб. Деп.», которая отказалась ее печа-

[1]) «Известия Од. С. Р. Д.» № 123, 1917 г.
[2]) Там-же, № 126.

тать. Только после постановления Исполкома резолюция была напечатана. Яркость и правильность оценки происходившего свидетельствуют, что здесь дело не обошлось без влияния большевиков.

Начиная с корниловщины, Красная Гвардия не является аморфной в политическом отношении массой. Классовая установка была взята правильно. Оставалось лишь не вполне оформившимся политически отдельным членам осознать цели и задачи, стоящие перед организацией в целом. Для сего секция Красной Гвардии нашла необходимым в самое ближайшее время повести при клубе Красной Гвардии работу по раз'яснению среди рабочих социально-политических вопросов. Планомерную работу должны были вести представители социалистических партий, в лице особо выделенных товарищей. Тон этой работе с самого начала был задан большевиками, другие партии не особенно охотно соглашались итти в клуб Красной Гвардии. Недаром предс. Исполкома Гниденко счел необходимым в ответ на обвинение Исполкома в невнимательном отношении к клубу Красной Гвардии заявить, что меньшевики в клубе выступать не могут, так как постоянными лекторами там являются большевики [1]).

Большевистская же организация в ответ на приглашение секции Красной Гвардии выделила для работы следующих товарищей: Воронского, Слепова, Трофимова, Старостина, Рузера, Сергеева, Хмельницкого А., Ачканова Г. и Жвифа [2]).

Для более широкой постановки культурно-просветительной работы, секция Красной Гвардии в своем очередном докладе на заседании Исполкома 25-го сентября выдвигает вопрос об устройстве в клубе сцены и читальни. Наряду с политической работой среди красногвардейцев, секция намечает целый ряд мероприятий, чтобы охватить даже бытовую жизнь рабочего-гвардейца. «Занимая действительно художественное помещение, которое при умелом руководстве можно самым наилучшим образом использовать для культурного развития Красной Гвардии; кроме того, имея свой струнный оркестр и собственную артистическую труппу из любителей рабочих, можно будет принести огромную пользу рабочей массе, считаясь с приближением холодных зимних дней, когда рабочий, не имея никакого занятия, ведет губительный образ жизни, чего наверно не будет, если нам организовать все вышеизложенное» [3]).

Для проведения всей намеченной работы необходимы средства, поэтому тов. Кангун просит Исполком о помощи,

---

[1]) Окр. арх. — д. № 93, л. 153.
[2]) Од. Истпарт — протокол № 1 заседания бюро кружка красногвардейцев.
[3]) Окр. арх. — д. № 99, л. 89.

ходатайствует о разрешении Красной Гвардии устроить кружечный сбор в пользу Красной Гвардии на фабриках и заводах и пр. Теперь Исполком вынужден был «поручить культурно-просветительной секции заняться благоустройством клуба. Разрешить Красной Гвардии устроить сборы на заводах. Затем, касса Красной Гвардии должна быть общая с кассой Совета. На необходимые расходы секции выдаются авансы, как районным комитетам Совета Рабочих Депутатов»[1]).

Имея поддержку Исполкома, секция энергично взялась за работу по оборудованию клуба, постройке сцены и т. д. Ее усилиями на протяжении месяца был создан прекрасный клуб, где в конце ноября уже был открыт зимний сезон. К этому времени был произведен и кружечный сбор в пользу постановки культурно-просветительной работы в рядах Красной Гвардии, длившийся два дня, о чем сообщено было в Известиях Сов. Раб. Деп.

Об'явление об открытии зимнего сезона в клубе Красной Гвардии гласило: «Постановка спектаклей на сезон передана культурно-просветительной секции рабочих адмиралтейства РОПИТ. Организованы две труппы: русская и украинская, состоящие из любителей, рабочих адмиралтейства, с хором в 35 человек. В программу входят: драмы, оперы, оперетты, мозаики, комедии, инсценировки и проч.»[2]).

4-го декабря при торжественной обстановке происходило открытие клуба. «Голос Пролетария» так описывает этот праздник Красной Гвардии: «Большой зал едва в состоянии был вместить всех явившихся на открытие красногвардейцев и приглашенных представителей демократических организаций. В зале чувствовалось радостное настроение и также торжественно и радостно выглядел весь зал с занавесом, прикрывавшим заново отделанную сцену. Тов. Боркун приветствовал собравшихся и об'явил клуб открытым. Первым выступил тов. Кангун, который приветствовал красногвардейцев, выразил радость по поводу того, что теперь красногвардейцы в часы досуга смогут в этом клубе черпать знания и получать эстетические удовольствия. После него выступал ряд представителей с приветствиями.

Корниловские события для Красной Гвардии имели еще и другое значение, они окончательно оправдали ее существование в глазах общественных организаций. Это в значительной степени воодушевило руководителей Красной Гвардии и одним из моментов доклада секции в заседании Исполкома 25-го сентября было предложение расширить организацию Красной Гвардии по всему Одесскому уезду. В докладе по этому поводу говорится: «Кроме того, наша секция,

---

[1]) Окр. арх. — д. № 93, л. 154.
[2]) «Голос Пролетария», № 39.

по примеру Москвы, предполагает открыть организацию Красной Гвардии по всему Одесскому уезду, образовав в Одессе Областной штаб Красной Гвардии и в местах организации особые комитеты, которые будут подведомственны главному комитету при одесском Совете Рабочих Депутатов». Указывалось, что Красная Гвардия в уезде будет иметь большое значение в случае возникновения беспорядков или контрреволюционных выступлений. Исполком решил «признать необходимым установление тесной связи секции Красной Гвардии с уездом». В заседании Исполкома 17-го сентября пришлось вновь коснуться вопроса, за чей счет должна содержаться Красная Гвардия. Высказываются различные мнения, одни, что Красная Гвардия должна содержаться за счет штаба военного округа, другие—за счет городской думы. Выход нашли в том, что за Корниловские дни должен выплатить Временный Революционный Комитет. Таким образом, решения по существу не было найдено. Секции Красной Гвардии было предложено выработать план оплаты мобилизованных красногвардейцев в размере среднего заработка их. И вот, в одном из заседаний Исполкома тов. Кангун предложил создать фонд при секции для покрытия расходов, связанных с прогулами рабочих на заводах по выполнению поручений Совета. Фонд создается совместно с профессиональными союзами и центральным заводским комитетом и обеспечивает только частичные действия Красной Гвардии, например, снятие штрейкбрехеров, дежурства и др. В случаях же выступления Красной Гвардии совместно со всеми войсковыми частями одесского гарнизона, расходы по Красной Гвардии покрываются из сумм военного фонда при штабе округа. Исполком согласился с таким предложением. 31-го сентября состоялось об'единенное заседание представителей профсоюзов и секции Красной Гвардии и было принято предложение о необходимости ½% отчислений от членских взносов профсоюзов, которые и будут поступать в особый фонд Красной Гвардии [1]).

За дни Корниловского восстания дежурившим красногвардейцам и спискам, составленным ими совместно с заводскими комитетами, было выдано из сумм Исполкома Совета 11.270 руб. 14 коп. [2]), не считая сумм, на которые приобреталось довольствие дежурившим красногвардейцам, например, при одном только Исполкоме Молдаванского района на продукты для красногвардейцев в течение 6-ти дней, с 10-го по 17-ое сентября, было истрачено 714 р. 11 коп. [3]).

Секцией в Президиум Исполкома было внесено предложение о помощи красногвардейцам, раненым при исполнении служебных обязанностей, причем секция просила оказывать помощь из фонда помощи жертвам революции. Пре-

[1]) «Известия Од. С. Р. Д.», № 138.
[2]) Окр. арх. — д. № 17, л. 14.
[3]) Там-же — д. № 72, л. 19—20.

зидиум временно согласился на выдачу пособия в размере 6-ти руб. ежедневно, по свидетельству врача [1]).

После Корниловских дней Красная Гвардия каждый момент была наготове. Об'единенное заседание Исполкома с Сов. Раб., Солд., Крестьянск. и Матр. Депут., созванное 19-го октября специально по вопросу о предупреждении всякого рода выступлений, между прочим, постановило: «установить в разных частях города дежурные группы из матросов, солдат, рабочих и красногвардейцев, каковым дать инструкции, как действовать в том или ином случае, к кому обращаться с сообщениями и донесениями и чьи приказания исполнять» [2]). Помощь Красной Гвардии была тем более необходима, что город вообще жил весьма тревожно. Население терроризовалось преступными элементами, еще с первых дней революции убежавших из тюрьмы [3]). Грабежи и налеты особенно свирепствовали в районе вокзала и железнодорожных станций. Для борьбы с ними снаряжались отряды железно-дорожной Красной Гвардии, а 21-го октября состоялось общее собрание железно-дорожной Красной Гвардии, где присутствовало 873 железнодорожника. Собрание единогласно постановило: «в свободной демократической России должен быть строго установлен законный порядок, неприкосновенность личности, жилища, а поэтому об'является всем ворам и грабителям, что железнодорожная Красная Гвардия, стоя на страже революции и укрепления свободы, будет беспощадно расправляться с ворами и грабителями. Со дня об'явления нашей революции нет пощады врагам свободы» [4]).

В то же время штаб Красной Гвардии издает по всем сотням приказ, где заявляется, «что на улицах гор. Одессы и в пределах всего Одесского уезда никогда не производилось и не будет производиться без надлежащих мандатов от соответствующих организаций и штаба Красной Гвардии никаких уличных обысков, облав и арестов». В приказе предлагается всем красногвардейцам следить за тем, чтобы никто из красногвардейцев или военных и других лиц не производил самочинных обысков и, вообще, насилия над гражданами, всех уличенных предлагалось представлять товарищескому суду красногвардейцев.

Очень характерен другой приказ, изданный 23-го ноября по поводу борьбы с темными элементами. «В виду того, что в штаб Красной Гвардии поступают сведения о грабежах и насилиях, чинимых темными элементами и реакционерами, поставившими себе целью водворение анархии, и этим самым терроризируют ни в чем неповинное, беззащитное население города, штаб Красной Гвардии считает

[1]) Окр. арх. — д. № 17, л. 34.
[2]) Там-же — д. № 93, л. 189.
[3]) „Одесские Новости", № 10358.
[4]) „Одесский листок", № 271, ср. Од. Истпарт—воспом., № 490, л. 12—13.

нужным обратиться ко всем этим элементам с призывом немедленно прекратить все грабежи, насилия и обирания ни в чем неповинного населения города. Последние дни обогатились убийствами граждан, а в городе царит анархия, который стонет от беззакония и всех этих ужасов, все это зло необходимо с корнем вырвать из исстрадавшейся от ужасного произвола гор. Одессы. Поэтому штаб Красной Гвардии просит всех занимающихся воровством, грабежами и насилиями, таковые в трехдневный срок прекратить»[1]).

Но вслед за просьбой и предложением последовало жестокое преследование всего темного элемента со стороны Красной Гвардии, в результате чего рабочие районы города и окраины были очищены от него.

Одним из моментов деятельности Красной Гвардии этого периода было предотвращение погрома в Тирасполе, так-назыв. «экспедиция в Тирасполь». В Тирасполе находилось много спирта, перевезенного при эвакуации из городов прифронтовой полосы, который предполагалось вывезти в Екатеринослав. В начале перевозки солдаты начали пьянствовать. Опасаясь погрома перепившейся толпы, местное самоуправление решило уничтожить спирт, вылив его в Днестр. Но на реке стоял 3-й моторно-понтонный батальон, который, также перепившись, разгромил винные склады. На их грабеж бросилось население и приезжие из уезда селяне. Для усмирения этой толпы был послан отряд красногвардейцев в количестве 68-ми человек, во главе с т.т. Кангуном и Томасом, вместе с гайдамаками. «Часов в 12-ть ночи, вспоминает один из участников, эшелон прибыл на ст. Тирасполь; гайдамаки были оставлены в вагонах, а красногвардейцы пошли в город в помещение, отведенное Совету. Проходить пришлось возле горевшего склада, который расположен за городом. Треск лопающихся беспрерывно бутылок с водкой создавал впечатление отдаленных пулеметных выстрелов. На земле валялись тела и некоторые из них поднимались и со всех ног удирали. Пьяным был и весь город. На следующий день была организована вооруженная охрана склада и сделана попытка пожаром уничтожить все содержимое там вино, из этого ничего не вышло. Только на третий день было заложено несколько фугасов и взорвано. Роль Красной Гвардии в Тираспольской экспедиции—заключает участник—была большая, так как благодаря ее посылке был предупрежден разгром находившихся в городе больших запасов виноградного вина, а также предполагавшийся, как видно, погром. Красная Гвардия выполнила свой гражданский долг, не соблазнившись напитками, и тем самым заставила местных жителей отнестись с удивлением к единственному отряду из охранявших склад, в среде ко-

[1]) «Известия Од. С. Р. Д.», №№ 179, 180.

торого в течение 4-х суток не было ни одного пьяного, чего нельзя сказать о гайдамаках»[1]).

Предупредив дальнейший разгром склада, отряд принялся за наведение порядка в городе. Из за ареста пьяного капитана понтонного батальона чуть не произошло вооруженное столкновение с отрядом пьяных солдат, шедших освобождать своего капитана. После наступившего успокоения красногвардейцы устроили на площади общее собрание, где жители города благодарили за наведение порядка, и экспедиция вернулась в Одессу. Исполком в своем заседании вынес благодарность отряду красногвардейцев, посланному в Тирасполь[2]).

Усилившаяся деятельность Красной Гвардии привела к увеличению числа красногвардейцев, достигавшего 3000, охотниками предприятий и союзов, до того времени мало принимавших участия в организации. На многих предприятиях начинают организовываться секции красногвардейцев. Правление союза рабочих, работающих иглой, напр., постановило: «Ввиду того, что существующая Красная Гвардия недостаточно сильна для защиты свободы и революции, необходимо вооружить как можно больше рабочих. Для этого нужно при каждом союзе создать секции красногвардейцев. В эту секцию можно поступить только по рекомендации членов правления. Эти секции должны войти в контакт с Красной Гвардией, которая должна способствовать вооружению рабочих»[3]). Шел и непосредственный рост Красной Гвардии при ее секции. В «Изв. Сов. Раб. Деп.» № 165 опубликованы имена (около 150) рабочих, записавшихся в Красную Гвардию, которая в своем составе уже насчитывала ряд очень крупных дружин: при Главн. Жел.-дор. мастерских, где имелась самостоятельная организация Красной Гвардии, при зав. РОПИТ, Беллино-Фендерих, Ровенского, Анатра, Гена, фабр. Попова, Вальтуха. Была также отдельная боевая дружина молодежи, дружина моряков, а позже и литовская дружина. Железно-дорожная Красная Гвардия создавалась в известной степени самостоятельно и являлась очень крупной боевой единицей.

При первоначальной организации секцией Общественной безопасности рабочей милиции в ее состав входили некоторые рабочие из главных мастерских и разных служб железной дороги. Однако, очень скоро выяснилась необходимость в организации рабочей милиции для охраны железно-дорожного полотна, грузов и поддержания общего порядка по всей линии железной дороги. Начиная приблизительно с апреля месяца, при железнодорожном районном Сов. Раб. Деп. была организована милиция. Районным Советом для проведения этой работы выделены были тов. Тройчук—комиссар

[1]) Од. Истпарт. — Воспом. № 393, л. 1.
[2]) Окр. арх. — д. № 93, л. 186.
[3]) «Известия Од. С. Р. Д.», № 164.

железно-дор. милиции и тов. Бессонов В., которыми был организован отряд в 100 человек. С реорганизацией общегородской рабочей милиции в Красную Гвардию, железнодорожная милиция также была реорганизована, но работа ее продолжала оставаться прежней.

Первым вооружением железно-дорожной Красной Гвардии послужили 20 берданок и 2 ящика патронов. По поводу дальнейшего вооружения тов. Бессонов пишет: «Приходится совершать неоднократно экскурсии для добычи оружия на ст. Застава, где мы узнаем по документам №№ вагонов, в которых находится оружие, отделяем при них находящихся демобилизационно-настроенных солдат и вскрываем вагон. Внутри знакомимся с содержанием, производим выемку необходимых винтовок и другого оружия, которым мы вооружаем железно-дорожную Красную Гвардию»[1]). Не останавливались красногвардейцы ни перед чем. Гайдамацкие офицеры хотели выехать в Киев и просили вагон 2-го класса. Тройчук сказал им—«дайте нам оружие и вы получите вагоны»—они согласились и дали 18 карабинов[2]).

При окончательном организационном оформлении железно-дорожной Красной Гвардии выявилась необходимость предоставить ей самостоятельность действий при общем руководстве со стороны штаба Красной Гвардии, что определялось территориальным расположением, а также особыми функциями. Из железно-дорожной Красной Гвардии впоследствии был выделен ряд боевых групп по месту службы: отдельные сотни при депо 9-го участка тяги, ст. Товарной, при депо Заставы, мелкие отряды на ст. Порт, при ст. Одесса-Главная, Товарная и др. Все эти отдельные отряды руководились районным штабом в составе 5-ти человек, находившимся при главных мастерских[3]).

Из других следует остановиться на боевой дружине Социалистической Молодежи, организовавшейся в сентябре месяце из актива самого союза и насчитывавшей в своем составе 15—20 дружинников. Когда эти товарищи явились в штаб и предложили свои услуги, «я с тов. Чижиковым—пишет член секции Красной Гвардии, тов. Слепов,—правда, боялись, что они молоды и не смогут послужить делу пролетариата, но мы жестоко ошиблись и спустя 2 недели имели сплоченное ядро рабочих дружинников в количестве 70 человек. Лучших бойцев у нас не было[4]). Начальником дружины был тов. Урицкий. Необходимо отметить также дружину моряков, которые первоначально входили в Красную Гвардию персонально. Позже из них образовалась отдельная сотня при союзе моряков. В дни выступления к

---

[1]) Од. Истпарт. — Воспом. № 490, л. 9—10.
[2]) Там-же. — Воспом. № 461, л. 3.
[3]) Там-же. — Воспом. № 490, л. 9.
[4]) Там-же. — Воспом. № 195, л. 6.

ней присоединилось большинство моряков, стоявших за лозунг «Вся власть Советам».

Таким образом, накануне активного выступления Красная Гвардия об'единяла все крупные предприятия города, имея во всех частях свои отряды.

V.

Одесская войсковая Рада и первое боевое крещение Красной Гвардии в декабре месяце.

В революции на Украине были три силы, претендовавшие на власть: представители Временного Правительства, революционные организации, возглавляемые большевиками, и украинцы. Последние еще в начале революции в Киеве создали политический центр в лице Украинской Центральной Рады, которая, опираясь на национально-партийные организации и национальные украинские войска, об'явила себя органом власти Украины, издав, так-называемый I-й Универсал. В этом же Универсале Центральная Рада приказывала: «Там же, де через якісь причини адміністративна влада зосталась в руках людей ворожих до українства, приписуємо нашим громадянам повести широку, дужу організацію та освідомлення народу і тоді перевибрати адміністрацію. В городах і тих місцях, де українська людність живе всуміж з иншими національностями, приписуємо нашим громадянам негайно прийти до згоди й порозумінням з демократією тих національностей і разом з ними приступить до підготовки нового правильного життя».

Указанная выписка, как будто бы была писана специально для Одессы, так как она представляла национальный состав населения.

Задолго до издания I-го Универсала представители Рады энергично взялись за подготовку в Одессе опорной силы, для чего ими проводилась систематическая работа среди украинской части войск одесского гарнизона, которые в результате стали выставлять требования о выделении украинских воинских частей. Еще за неделю до 1-го Универсала маршевые роты одного полка отказались выступить на фронт, потребовав выделения в украинский полк[1]). В дальнейшем солдатами на митингах все настойчивее выставлялось требование об украинизации частей.

Враждебная позиция, занятая местными организациями по вопросу создания национальных войск, привела к тому, что под влиянием агитации образовавшейся войсковой Рады в частях украинизацию стали проводить явочным порядком. Пулеметная команда, насчитывавшая в своем составе много

[1]) «Одесский Листок», № 130.

солдат украинцев, в середине июля об'явила себя украинской частью, сместила всех своих офицеров, выбрала на их место начальников из украинцев. Только после продолжительных убеждений со стороны командированных Румчеродом и другими военными организациями делегатов, пулеметчики согласились заменить выборных командиров прежними, но отказались выдать инициаторов этого дела [1]).

Тем временем Временное Правительство, заинтересованное в наступлении на фронте против немцев, нашло возможным «содействовать национальному об'единению украинцев в рядах самих армий и комплектованию отдельных частей исключительно из украинцев». С этого времени начинается организация украинских национальных частей в Одессе. Накануне Корниловского восстания, под руководством прибывшего из Киева под'есаула Сахно-Устимовича, уже был сформирован гайдамацкий курень, который 7-го сентября парадировал перед главным начальником Одесского военного округа генералом Фелициным. «Браво прошли перед ним,—пишут Известия Сов. Раб. Деп.,—церемониальным маршем молодцеватые на вид украинские добровольцы, лихо гаркнули на приветствие генерала—Здорові були, пане отамане,—и вернулись в казармы» [2]).

Войсковая Рада выписала в Одессу также военные суда Черноморского флота «Ростислав», «Память Меркурия» и несколько миноносок, которые прибыли на одесский рейд; «Память Меркурия» выкинул национальный флаг, в знак своей принадлежности к украинским национальным войскам [3]). Среди моряков этих войск, усилиями прибывшего комиссара Центральной Рады Поплавко, была организована морская Рада в составе 15-ти человек.

Усиленная деятельность Центральной Рады в Одессе не прошла даром. К осени 17-го года она имела опору в виде серьезной военной силы и намеревалась приступить к выполнению следующей части наказа «Підготовки до нового правільного життя», т.-е. к подготовке захвата власти, путем соглашения с местным самоуправлением. К тому времени власть Временного Правительства в Одессе не проявляла жизненности, Общественный комитет терял все свое значение. Исполком Сов. Раб. Деп. не мог взять в свои руки власть, ибо заправлявшие в нем меньшевики и правые эсэры считали, что время для пролетарской революции еще не наступило. И перед Октябрем в Одессе фактически существовали две реальные силы, претендующие на захват власти,—с одной стороны, Центральная Рада, в лице ее слуг доктора Луценко, Чеховского и Вербицкого, опиравшихся на организованные ими же национальные войска, и, с другой стороны, руководимые большевистской партией револю-

[1]) «Одесский Листок», № 163.
[2]) «Известия Од. С. Р. Д.», № 117.
[3]) «Рідний Курінь», № 9.

АКТИВ
ОДЕССКОЙ КРАСНОЙ ГВАРДИИ
1917-1918

1. С. КАЛИНИН 2. П. ЗАЙЦЕВ 3. А. ТРОФИМОВ 4. М. ТОМАС 5. МИЛОНОВ
6. СЛЕПОВ 7. ВОЛОДИН 8. СОКОЛОВ.

М. КАНГУН. н-к
ШТАБА КР. ГВАРДИИ.

М. ЧИЖИКОВ н-к.
КРАСНОЙ ГВАРДИИ

ционные рабочие, стоящие за лозунг—«Вся власть Советам» и опиравшиеся на Красную Гвардию. Первый претендент был организационно уже оформлен, второй же лишь собирался с силой, выковывал свое классовое сознание, чтобы в скором времени решительно и твердо поставить вопрос о захвате власти.

Опираясь на гайдамацкие курени, представители Рады без особенного труда приступили к постепенному захвату власти. План был осуществлен путем обыкновенной расстановки караулов у всех государственных учреждений. Интересно, что комиссар Рады, подполковник Поплавко, опровергал появившиеся сообщения о захватнических намерениях украинцев—«заявляю, что здесь нет никакого захвата, а только желание охранить жизненную энергию города. Если в Одессе могут надежно охранять эти государственные учреждения другие войска, то украинские части с большим удовольствием отдохнут от тяжелых обязанностей по караулам. Доброе желание украинских войск истолковывается ложно и только пугает доверчивую публику»[1]).

Итак, старая власть не была отрешена от работы, а Рада ограничилась только охраной города. Украинской Раде предстояло еще договориться с местными общественными организациями по вопросу о создании об'единенной власти, ядро и руководящая роль которой принадлежали бы Украинской Раде. Процесс согласовывания и договаривания по созданию единой власти начался с Октябрьского переворота в Петрограде и продолжался вплоть до момента открытого столкновения Рады с революционным пролетариатом Одессы.

Уже с момента, когда гайдамацкие патрули были поставлены у правительственных учреждений города, начинаются мелкие конфликты между представителями гайдамаков и красногвардейцев. Красногвардейцы попрежнему продолжали выполнять свои функции и, естественно, приходилось часто сталкиваться с гайдамаками. Встречи никогда не проходили спокойно, каждый раз возникало недоразумение, иногда дело доходило до разоружения одних другими, а то пускалось в ход и оружие. Особенно были часты столкновения в районе железно-дорожного узла, станции и вокзала, где за всем порядком следила железно-дорожная Красная Гвардия. В связи с этим начальн. жел. дор. Красной Гвардии Тройчуком был издан такой приказ:

«Вследствие участившихся случаев конфискации оружия у железнодорожников, имеющих удостоверения о хранении, выданные мною, прошу оповестить служащих, что таковые имеют силу и конфискации не подлежат, за исключением конфискации железнодорожной Красной Гвардией в законном порядке»[2]).

---

[1]) «Одесский Листок», № 264.
[2]) «Голос Пролетария», № 47.

Поводом к более серьезному конфликту послужило контр-революционное выступление генерала Каледина.

Центральная Рада, формулой «Учредительного Собрания» притянувшая к себе всю контр-революцию, убегавшую из Советской России, в начале декабря открыто выступила против Р. С. Ф. С. Р., став на путь поддержки донских казаков в их борьбе с Советской властью. Ею было разрешено донским казакам беспрепятственно переезжать через Украину. В то же время российские военные части обезоруживались и высылались с территории Украины. Такая политика Центральной Рады определяла собой отношение к Калединскому восстанию со стороны представителей ее в Одессе.

По иному расценивали восстание Каледина революционно-настроенные массы пролетариата и Красная Гвардия. Последняя еще 11 декабря решила отправить через несколько дней на Дон против Каледина отряд в 300 хорошо вооруженных красногвардейцев [1]). Но Войсковая Рада на следующий день собрала представителей всех украинских частей одесского гарнизона, где по означенному поводу было решено: «маючи на увазі, що між Республіками України и Дону не має ніяких підстав до війни, що пропоноване большевиками пролиття братерської крови вороже інтересам демократії і що ця війна Дону об'являється большевистским урядом Велікоросії — осудити цей виступ Велікоросійских большевиків, і всім, хто хоче прийняти участь в цій війні, запропонувати негайно покинути межі Української Республіки й вибиратися до Велікоросії, але не озброєними й не військовими організованими частинами, а яко окремі приватні особи» [2]).

12-го декабря было созвано об'единенное заседание Президиумов Сов. Раб. Солд. и Крест. Деп., где представители Войсковой Рады заявили о своем намерении препятствовать походу на Дон. К соглашению не пришли. Президиумами было высказано мнение о необходимости захватить власть в свои руки и только тогда возможно будет снарядить экспедицию на Дон. В конце концов, было принято решение организовать для похода на Дон отряд из добровольцев матросов, солдат и красногвардейцев [3]).

Того же дня в клубе Красной Гвардии состоялось общее собрание Советов, посвященное тому же вопросу. Собрание бурно отнеслось к резолюции украинцев; с мест послышались крики: «мы штыками разнесем Раду и сметем всех тех, кто с ней пойдет». Собранием была принята резолюция, полностью одобрявшая решение Президиумов и призывавшая «все Президиумы и Военно-Революционный штаб

---

1) «Одесский Листок», № 288.
2) «Рідний Курінь», № 19, сохраняем подлинный текст.
3) «Голос Пролетария», № 48.

к решительным действиям против Каледина, Корнилова, буржуазии и их империалистических сподвижников. Собрание верит, что ни казачьи трудящиеся массы, ни украинская демократия не пойдут со своими классовыми врагами против русской революции»[1]). Атмосфера сгустилась. Как одна, так и другая сторона готовились к защите. 13-го декабря отряд красногвардейцев, появившийся неожиданно возле гаража украинской Войсковой Рады, в помещении Стекольного завода на Пересыпи, обезоружил караульных и спавший отряд гайдамаков, реквизировал около 40 автомобилей, принадлежащих Союзу городов, Кр. Кресту и др. Одновременно Дружина Социалистического Союза Молодежи обезоружила отряд сербов. Утро 14-го декабря как-будто не предвещало ничего опасного. Гайдамаки укрепились в здании Городского театра, расставив пулеметы на его балконах, имея в виду удобную защиту Штаба Рады, помещавшегося в Английском Клубе. Красногвардейцы же и матросы укрепились в помещении кафе Робина и Фанкони — Екатерининская и Ланжероновская. Ни одна из сторон военных действий не открывала. Неожиданно по городу пролетает весть о коварном убийстве начальника Штаба Красной Гвардии тов. Кангуна. Утром 14-го декабря тов. Кангун вместе с двумя красногвардейцами выехал около 11 часов утра на автомобиле для ознакомления с положением. Заехав в Воронцовский дворец, он оттуда по Николаевскому бульвару отправился на Пушкинскую улицу. У Штаба Рады автомобиль вдруг был обстрелян ружейным и пулеметным огнем и вскоре с пробитыми шинами остановился. Шоффер был убит наповал, Кангун, выскочив из автомобиля, бросился бежать вниз по Греческой улице, оставляя кровавый след, и вскоре свалился. Сбежавшимися людьми он был на дрожках доставлен в Евангелическую больницу, где вскоре скончался. Грудь Кангуна от левого плеча до правого бока оказалась изрешетенной пулями.

Как только получилось известие об убийстве Кангуна в Штабе Красной Гвардии, 17-ти летний брат убитого, Лев, немедленно отправился с 6-ью дружинниками в автомобиле Красного Креста на розыски, чтобы подобрать труп начальника, однако, не имея точных сведений о месте убийства, направился в район Куликова-Поля, где возле здания Земской Управы встретился с гайдамаками, направлявшимися в город. Автомобиль был обстрелян гайдамаками, и все 7 дружинников находящиеся в нем были расстреляны.

Тогда по всему городу начались столкновения между отдельными отрядами гайдамаков и красногвардейцев, особенно решительное на телефонной станции, сотрудники которой еще утром заявили о своей нейтральности, когда и был установлен Радой усиленный караул.

[1]) „Голос Пролетария № 48".

Днем к станции прибыл отряд красногвардейцев и матросов и начался бой, через непродолжительное время закончившийся соглашением, по которому на станции остаются оба отряда, образуя смешанную охрану. Телефонное сообщение по всему городу было прервано.

Тем временем, представители городского самоуправления взялись за ликвидацию конфликта. В Городской Думе были созваны представители всех местных организаций, которые решили:

1) назначить об'единенное заседание Президиумов всех организаций в 5-ть часов дня в Городской Управе;

2) вернуть из города все воинские части и красногвардейцев на свои квартиры;

3) учредить смешанную, в равном составе представителей, Следственную Комиссию для выяснения всех столкновений, убийств и инцидентов, имевших место;

4) население призывается сохранять спокойствие и не поддаваться провокациям. Под призывом подписались — Городское Самоуправление, Сов. Солд. Матр. и Крест. Деп., Укр. Войск. Рада, Центральный комитет Румчерода и др. [1]).

Несмотря на раз'езжавшие по городу автомобили с белыми флагами, перестрелка в различных частях города не прекращалась. Штаб Красной Гвардии представлял в этот момент взволнованный улей. Красногвардейцы, узнавшие о смерти любимого начальника, рвались в бой, еле сдерживаемые своими начальниками. В Штаб на автомобиле прибыл тов. Рузер от Исполкома и Луценко от Рады для выяснения создавшегося положения. «Я хотел было принять его (Луценко) — пишет в своих воспоминаниях тов. Слепов, — как парламентера, но товарищ Чижиков чуть не убил меня за это, и пришлось Луценко отправить обратно. То, что я выпустил Луценко, красногвардейцы мне не простили, они меня даже ранили» [2])—Вслед за уезжавшим автомобилем раздалось несколько выстрелов.

Как ни пылали желанием красногвардейцы двинуться в бой, чтобы отомстить за смерть Кангуна, однако, имея распоряжение Исполкома не выступать, воздерживались. Тем временем в Городской Управе состоялось об'единенное заседание Президиумов всех демократических организаций, выделившее временную комиссию по охране города, в состав которой вошли от Советов—Власьев, от Рады—Чеховский и от Городского самоуправления — Лордкипанидзе. Комиссия выпустила к населению города обращение, в котором запрещала до 20-го декабря уличные скопления и митинги, предлагала жителям, в случае появления войск для прекращения беспорядков, немедленно покидать улицы

[1]) Описание хода событий 14—15 декабря составлено на основании сводок газет „Одесский Листок", „Одесские Новости", „Голос Пролетария" и др. за эти числа.

[2]) Од. Истпарт—воспом. № 195, л. 5.

и прятаться, а также возложила на домовых комиссаров ответственность за все выстрелы из домов или ворот [1]).

При наступившем на следующий день успокоении переговоры о ликвидации конфликта продолжались и того же дня было опубликовано нижеследующее воззвание от об'единенного комитета всех Советов и Рады: «Граждане. Согласие достигнуто. Нет более повода к каким бы то ни было столкновениям. Комитет всех Советов и Рады призывает всех граждан, военных и невоенных, к мирному труду и спокойствию. Знайте, что в настоящее время между Советами и Украинскими революционными организациями достигнуто соглашение о создании в Одессе единой власти.

Для организации и первоначального существования власти создан временный Комитет, в составе 3-х представителей от Советов и 3-х от украинских революционных организаций. Комиссия 3-х, образовавшаяся вчера, сложила свои полномочия» [2]).

Несмотря на видимое соглашение, в Штабе Красной Гвардии настроение оставалось все время напряженным. Ежечасно ждали наступления гайдамаков. При таком состоянии достаточно было самого невероятного слуха, чтобы вызвать панику. В ночь с 15 на 16 декабря до Штаба Красной Гвардии дошли сведения о предполагающемся новом наступлении гайдамаков, что вызвало эвакуацию всей Красной Гвардии на завод «РОПИТ». Тов. Чижиков по поводу этого пишет: «2-го декабря (15-го по н. ст.), в 9-ть час. вечера, ко мне в Штаб Красной Гвардии явились члены Исполкома Сов. Раб. Деп. т. Г. Ачканов и член Исполкома Сов. Солд. Деп. тов. Гурьев, которые заявили, что Красная Гвардия должна немедленно оставить клуб и что Воронцовский Дворец уже эвакуировался на Алмаз; на предложение оставить клуб, я в категорической форме заявил, что клуба я не оставлю, на что мне было указано, что мы можем быть раздавлены окружающими нас гайдамаками. Я остался при своем мнении. Но спустя несколько минут было сообщено т. Томасу т. Рузером, что это есть постановление Революционного Штаба, которое нужно привести в исполнение. После этого началась эвакуация имущества Красной Гвардии на завод РОПИТ» [3]).

Выход Красной Гвардии из Штаба производился под прикрытием дружины Рабочей Социалистической Молодежи, охранявшей Штаб до последнего момента, когда все оттуда было вывезено, после чего и сама охрана, взяв пулеметы на плечи, также эвакуировалась на завод РОПИТ. Под утро выяснилось, что никакого наступления нет, тов. Томас направился в Исполком, взял там несколько анархистов и снова занял помещение Штаба, куда вскоре вновь прибыла

[1]) „Одесский листок", № 291.
[2]) „Одесские Новости", № 10583.
[3]) Окр. арх., д. № 12, л. 24.

Красная Гвардия. Паника, охватившая было красногвардейцев, дошла до того, что, опасаясь дальнейших преследований и на заводе РОПИТ'а, кто-то распорядился сжечь все документы Красной Гвардии. Тов. Чижиков в своем показании по этому поводу пишет: «зайдя в котельную, я увидел огромный пылающий костер и когда потребовал об'яснения, мне сказали, что сжигаются бумаги»[1]), а в показаниях тов. Смагина по этому поводу говорится: «во время этого хаоса все, кто присутствовал из красногвардейцев, жгли свои мандаты и бумаги, какие были при них; указывают такой факт, что по недоразумению жгли даже белую чистую бумагу»[2]).— Излишняя нервозность об'яснялась тем, что Красная Гвардия по сравнению с силами гайдамаков была ничтожна, рабочие-гвардейцы в боях еще не были, да и оружием владели плохо.

Говоря об эвакуации в ночь с 15 на 16 декабря, необходимо отдельно остановиться на положении, создавшемся в одном из самых крупных отделений Красной Гвардии — железно-дорожной Красной Гвардии. Еще во время столкновения 14-го декабря жел.-дор. Красная Гвардия из-за прекратившегося телефонного сообщения потеряла связь с главным Штабом. Будучи предоставлена себе, жел. дор. Красная Гвардия захватила немедленно станцию Товарную, закрыла ворота, расставила кругом караулы и ждала наступления. На ст. Товарной находилось много оружия, которое под предлогом сохранения от расхищения, несмотря на протесты коменданта и комиссара Рады, было погружено в вагоны и отправлено в железнодорожные мастерские. Было раздобыто на станции также 4 вагона пулеметов, которые были перевезены в мастерские. Несмотря на наличие такого большого количества оружия, железнодорожники, будучи отрезаны от главных сил Гвардии, не решались противопоставить свою силу силе гайдамаков.

«Посоветовавшись, — пишет тов. Бессонов, — решили отступить в Порт с захваченным оружием для соединения с общегородскими вооруженными силами. Маневрировавшим паровозом делаем первый эшелон вагонов, в которых находится оружие. С лихорадочной поспешностью перекрашиваем номера вагонов, уезжаем в Порт. Прибыв к месту назначения, об'явили себя железнодорожной охраной и в то же время никого не допускали к привезенным вагонам»[3]). — К тому же времени относится и захват на Товарной 2-х зенитных орудий вместе с комсоставом и солдатами. Тов Мочульский говорит: «после долгих переговоров удалось с'агитировать этих солдат-артиллеристов и они поехали с нами в порт. Комсостав дал на это свое согласие, но по прибытии в Порт он понял свою ошибку и потребовал сво-

[1]) Окр. арх., д. № 12, л. 24.
[2]) Там-же, л. 25.
[3]) Од. Истпарт—воспом. № 490, л. 19.

его отправления обратно на Товарную. Мы выгрузились из своих вагонов, некоторая часть красногвардейцев вошла к ним в вагон, приказала взять свои чемоданы и выгрузиться, если они с нами не согласны. Солдаты остались на нашей стороне и также два зенитных орудия»[1]). За первым эшелоном прибыл второй со всеми красногвардейцами. Таким образом, накануне 16-го декабря вся Красная Гвардия находилась в Порту, вооружившись приготовилась отражать наступление неприятеля. К утру 16-го декабря выяснилось положение, и Красная Гвардия возвратилась в Штаб, а железнодорожники в район Главных Мастерских. Такой шаг был тем более необходим, что накануне 16-го декабря на об'единенном заседании Исполкомов Советов и Войсковой Рады было достигнуто окончательное соглашение по вопросу о прекращении кровопролития. Решено было вывести вооруженные силы враждующих сторон из центра города, поручив охрану города Ахтырскому гусарскому полку, рабочих районов — Красной Гвардии, районов расположения войсковых частей — этим же частям и района Порта — морякам. Об'единенный комитет по охране города пополнился до десяти членов представителями от украинских организаций, Румчерода и Красной Гвардии. От последней в состав «десятки» входил тов. Вайсман, убитый во время январских боев[2]).

По возвращении из Порта оказалось, что запасы продуктов Красной Гвардии расхищены, и дежурившие красногвардейцы должны голодать. Тогда тов. Чижиков дал распоряжение Соколовскому раздобыть необходимые продукты и деньги. Утром вместе с четырьмя красногвардейцами он поехал в автомобиле на Пересыпь и реквизировал в 4-х лавках около 19-ти пудов сала, 3 бочки сельдей, 3 ящика тарани, 20 коробок консервов, одну бочку комсы и др., а также 1000 руб. деньгами, выдав расписки за подписью «за начальника Красной Гвардии», а на одной из них «начальник Контр-разведки»[3]). Слух о реквизиции, произведенной Красной Гвардией, дошел до комиссии по охране города, которая послала делегацию для прекращения реквизиции, но красногвардейцы ей не подчинились.

Спустя несколько дней вопрос о реквизиции был поставлен на заседании Исполкома, где возникли горячие прения о том, следует ли сохранить Красную Гвардию или расформировать ее. Многие отмечали, что последние поступки показали, что Красная Гвардия не на надлежащей высоте, чем вызывается нарекание и ропот со стороны населения, другие же предлагали ее распустить и при предприятиях организовать иную. От имени Красной Гвардии было за-

---

[1]) Од. Истпарт—воспом. № 465, л. 3.
[2]) „Голос Пролетария", № 51.
[3]) Окр. арх., д. № 12, л. 18.

явлено, что, если Исполком не выдаст красногвардейцам средств для прокормления семейств, возможны нежелательные инциденты. Учитывая, что Красную Гвардию не так легко расформировать, Исполком решил:

«1) За дежурства красногвардейцам должно быть уплачено.

2) Образовать комиссию для выяснения всех случаев, имевших место в Красной Гвардии. Этой же комиссии поручить составление списков красногвардейцев, дежуривших во время последних событий для уплаты им за дежурство.

3) Предложить комитету по охране города с завтрашнего дня (21-го декабря) снять с Красной Гвардии обязанности по охране города»[1]).

Еще до окончательного расследования дела некоторые члены Исполкома настаивали на устранении Чижикова от руководства Красной Гвардией, однако, большинством голосов вопрос был снят с обсуждения. В заседании Исполкома 11-го января 18-го г., где был поставлен доклад следственной комиссии по делу реквизиции, тов. Чижиков подтвердил свое показание о сожжении документов и реквизиции, при чем добавил, что к Совету он не обратился за деньгами потому, что ему было заявлено, что там денег нет. Об'яснения тов. Чижикова были признаны удовлетворительными[2]).

Вопрос о реорганизации Красной Гвардии, всплывший в заседании Исполкома 20 декабря, не был отставлен, и в помощь т. Чижикову были делегированы 2 члена Исполкома — Красный и Жданов, которым было поручено подготовить вопрос о реорганизации Гвардии. Тов. Красный в заседании Исполкома 16-го января 1918 г. докладывает о плане реорганизации Красной Гвардии, суть которого сводилась к следующему: из 10-ти выбранных членов Красной Гвардии должен быть создан ее Исполком, чтобы не было единоличного управления. В Исполком Красной Гвардии входят 2 члена Исполкома Совета, в свою очередь, в Исполком Совета входят 2 члена Исполкома Красной Гвардии для связи. Исполком Гвардии выделяет из своей среды 5 членов в президиум, 2 члена от Исполкома Совета, остальные — члены Красной Гвардии. Для большей плановости в работе Исполком разбивается на 3 Секции — военную, хозяйственную и культурно-просветительную. Набор новых членов Красной Гвардии производится исключительно по рекомендации парторганизаций, завкомов и отдельных членов гвардии. Для предупреждения всякого рода действий, позорящих честь рабочего-гвардейца, в каждом десятке вводится круговая порука.

---

[1]) Окр. арх., д. № 87, л. 33.
[2]) Там-же, д. 37.

Доклад вызвал горячие прения, многие члены Исполкома возражали против предоставления Красной Гвардии самостоятельности. Значительная часть Исполкома стояла за расформирование Красной Гвардии и набор новых членов, исключительно по рекомендации и за ответственностью партий. Раздавались также голоса за роспуск Гвардии и создание вместо нее рабочих боевых дружин на предприятиях, поручив организацию этого дела районным комитетам Совета, причем за расформирование высказывались также некоторые представители фракции большевиков, напр., тов. Мизикевич, большинство же фракции (т. т. Ачканов, Слепов и др.) ухватилось за мысль о создании боевых дружин на предприятиях, наряду с Красной Гвардией, и горячо ее поддерживали. Учитывая веское заявление докладчика, что Красная Гвардия не даст себя разоружить, Исполком пришел к решению: «Сохранить Красную Гвардию, как постоянное учреждение, вместе с тем создать комиссию для реорганизации ее. В комиссию вошли по одному представителю от социалистических партий и по два от Исполкома Советов и Исполкома Красной Гвардии [1]).

Намеченная реорганизация, однако, не была осуществлена. События развивались так быстро, что Исполком не успел выполнить своего решения.

Украинский Штаб пытался представить декабрьское выступление Красной Гвардии как недоразумение, вызванное недисциплинированностью и дезорганизованностью Красной Гвардии. В «Одесском Листке» было напечатано следующее его заявление: «События разыгрались не на политической и не на национальной почве, так как мы сейчас идем в контакте со всеми политическими организациями вплоть до большевиков (?). Вооруженные выступления вызваны дезорганизованными массами, стоящими левее большевиков (?), и носят явно неорганизованный характер. В виду того, что в Красной Гвардии масса детей (намек на дружину молодежи), в отношении ее никаких репрессивных мер не принималось. Можно надеяться, что общественные организации уберут детей из состава Красной Гвардии и избавят город от дальнейших событий». Доктор Луценко выдает с головой своих приспешников, заявляя: «Дело тут не в оружии, а в стремлении захватить всю власть в свои руки. Это недопустимо на территории Украинской Республики» [2]).

Декабрьское выступление имело очень большое значение для Красной Гвардии, из него Штаб мог учесть целый ряд недостатков в своей работе, а также принялся за более тщательную подготовку к следующему очередному выступлению.

---

[1]) Окр. арх. д. 87, л. 40—41.
[2]) „Одесский Листок“ № 291.

VI.

Январские бои и захват власти советами.

Настроение рабочих и солдат к январскому восстанию все более левело, и всюду обсуждается злободневный вопрос, кто за какую Раду: Киевскую или Харьковскую. И чем дальше, тем больше народу склоняется за Харьковскую Раду и власть Совета Народных Комиссаров. Полевение рабочих и солдатских масс нашло свое отражение в происходившем переизбрании руководителей организаций. Первой организацией, завоеванной большевиками, являлся Румчерод. Второй с'езд 23-го декабря решительно высказался за передачу власти советам, и выбранный в конце с'езда Исполком Румчерода в большинстве своем состоял из большевиков, которые повели работу по подготовке захвата власти в Одессе.

К указанному времени крупные капиталисты и предприниматели начали постепенно сворачивать свои предприятия и готовиться к отлету. К середине декабря в Одессе перестали функционировать банки из за отсутствия денежных знаков. Наступил тяжелый денежный кризис. Естественно, что при таких условиях положение рабочего класса все ухудшалось, заработная плата фактически понижалась, благодаря катастрофическому падению ценности денег. Вдобавок из за отсутствия денежных знаков рабочим совершенно прекратили выдачу зарплаты.

Центром революционного пролетариата Одессы был завод РОПиТ, предприятие, недавно национализированное. Не получая зарплаты и желая выяснить положение, рабочие РОПиТ'а выслали в Москву особую делегацию, которой удалось получить деньги для расплаты с рабочими. Не доезжая Одессы, на ст. Знаменка делегация была задержана и деньги захвачены представителями Центральной Рады, которые обещали прислать украинские «карбованці». По этому поводу на заводе было созвано собрание и решено было на следующий же день организовать мирную демонстрацию. 16 января более трех тысяч рабочих с лозунгами на знаменах «Вся власть Советам Рабочих и Крестьянских Депутатов», «Долой буржуазию» и др. направились к Воронцовскому Дворцу, где потребовали на митинг членов Исполкома. Последним рабочие задавали вопросы, кто является властью в городе и кто ответственен за создавшееся положение. Члены Исполкома не могли дать определенного ответа. Тогда демонстрация направилась к Румчероду, где ее встретил председатель Румчерода, тов. Юдовский, заявивший, что только с установлением власти Советов и с признанием власти Народных Комиссаров может быть налажено хозяйственное положение и, в частности, разрешен денежный кризис. Отсюда направились к Штабу Украинской Рады, где также был организован митинг и вызван был представитель

Рады, пытавшийся об'яснить создавшееся положение, но, как сообщают местные газеты, «об'яснения украинского представителя о сущности финансового кризиса мало удовлетворили рабочих»[1]).

На следующий день на заводе РОПиТ состоялась конференция заводских и фабричных комитетов главных предприятий города по вопросу о денежном кризисе в Одессе. Присутствовали представители Румчерода. После детального обсуждения вопроса пришли к выводу, что пока власть не перейдет в руки Советов, безработица и денежный голод будут увеличиваться, а посему решено принять все меры для подготовки перехода власти к Советам. Заводские комитеты обязывались организовать на предприятиях вооруженные боевые рабочие дружины для усиления Красной Гвардии.

Для руководства работой по подготовке к выступлению решено избрать Временный Рабочий Революционный Комитет, в состав которого вошло 7 человек. 18 января была созвана аналогичная конференция при Румчероде, где Комитет был пополнен еще 8-ю представителями от союза моряков, военного и торгового флота, Красной Гвардии и других. Так возник Штаб будущего восстания — Комитет «пятнадцати»[2]).

С образованием Ревкома «15-ти» Красная Гвардия вышла из подчинения Исполкома Совета и перешла исключительно в распоряжение Ревкома.

Еще более быстрым темпом шло революционизирование солдатских масс одесского гарнизона. Начиная с середины января и кончая последними днями январских боев, местные газеты переполнены резолюциями, где солдаты заявляли, что «твердая революционная власть на местах вообще и в Одессе в частности может установиться только в формах Советской власти»[3]). Такого рода резолюции вынесли: собрание военных и вольнонаемных моряков одесского порта, в составе украинцев и великороссов, собрание казаков 5-го артиллер. дивизиона и одесская украинская бригада, обещавшая «итти рука об руку с моряками, пока не останется на земле русской и украинской ни одного хищного зверя, пьющего кровь трудового народа». В ответ украинские власти издали приказ о расформировании ряда запасных полков, находившихся под влиянием большевиков. Был расформирован 49-й пехотный запасной полк, который на последнем общем собрании по вопросу о расформировании вынес такое решение: «оставаясь верным партии большевиков, в последний раз от имени полка жертвуем 3.000 руб.

---

[1]) „Известия Од. С. Р. Д." от 4/I ст. ст. 1918 г. ср. Од. Истпарт.—воспом. № 160, л. 4—5.

[2]) „Голос Пролетария" № 75 ср. Од. Истпарт—воспом. № 160, л. 5—6.

[3]) „Известия Од. С. Р. Д." от 6/I—1918 г.

в фонд РСДРП (большевиков) и украинской партии большевиков»[1]).

Под влиянием активной агитации представителей Революционного Комитета «15-ти» все сотни 1-го гайдамацкого куреня прислали своего представителя в Ревком с заявлениями, что отныне они не исполняют никаких распоряжений Поплавко и всецело присоединяются к об'единенному органу Временного Революционного Комитета и впредь будут исполнять приказания только Исполкома Румфронта и области. С подобного рода заявлениями явились представители 2-х пулеметных сотен 1-го гайдамацого Пластунского полка, пулеметной и 3-х стрелковых сотен 2-го Пластунского полка и др.[2]).

Крейсер «Память Меркурия», стоявший на стороне Центральной Рады, по заданию Ревкома был обезоружен, но еще до того под влиянием агитации команда об'явила себя нейтральной и выдала весь запас оружия. Таким образом, у Рады в Одессе начинает постепенно ускользать из-под ног почва. Местным украинским властям пришлось прибегнуть к комплектованию частей исключительно из офицеров, или путем обмана вести еще колебавшиеся гайдамацкие части в наступление против рабочего класса.

Комитет «15-ти» прежде всего позаботился о вооружении пролетариата, для чего всем заводским комитетам дано было задание вооружить своих членов. Неделя до выступления прошла в лихорадочной работе по розыску оружия и раздаче его рабочим. Красногвардейцы и рабочие всех предприятий имели достаточно сведений о местах хранения оружия, которое всякими путями забиралось и передавалось в распоряжение завкомов, под контролем которых шло дальнейшее распределение его среди рабочих. Железнодорожная Гвардия обогатилась даже бронепоездом, сыгравшим в бою немаловажную роль.

В результате, большинство воинских частей или активно поддерживали Ревком или, по крайней мере, оставались нейтральными. Из воинских частей, перешедших на сторону Ревкома, был Ахтырский гусарский полк, накануне восстания не признавший Центральной Рады, протестовавший против роспуска большевистских частей и формирования взамен их белых офицерских, и 7-ой самокатный батальон. Также на стороне Ревкома стояли находившиеся на одесском рейде суда Черноморского флота «Алмаз», «Синоп» и «Ростислав». В то же время Румчеродом даны были директивы фронтотделу стягивать войска к Кишиневу и Одессе на случай борьбы с гайдамаками и украинизированными войсками Центральной Рады. Наконец, население города, начиная от мелкой буржуазии и кончая рабочими,

[1]) „Голос Пролетария" от 11/I—1918 г.
[2]) „Известия Од. С. Р. Д." от 13/I—1918 г.

было проникнуто острой ненавистью к Раде[1]). Тов. Юдовский по этому поводу говорит: «мне думается, что мелкая одесская буржуазия в большей степени симпатизировала нам, чем гайдамакам»[2]). Итак, накануне открытой борьбы вся обстановка предвещала полную победу пролетариата.

Созданная в результате декабрьского выступления власть «десятки» не проявляла жизненности. Несмотря на все усилия, создать об'единенную власть Исполкомов Советов и Рады не удалось. Накануне самого восстания, 26-го января, Чеховский, замещавший комиссара Рады, явился в об'единенный Президиум Советов и заявил о желании творить волю Советов и Думы, а ночью того же числа явился в Румчерод с предложением разделить власть.

Ночью, с 26 на 27 января, Президиум Румчерода дал Ревкому свое согласие на выступление и захват власти. Той же ночью красногвардейцами и матросами без всякого сопротивления и столкновения были заняты все правительственные учреждения: штаб округа, казначейство, телефонная станция, вокзал, артиллерийские мастерские и т. д. Одновременно Временный Революционный Комитет оповестил население о переходе власти в руки Советов и призывая к спокойствию предупреждал, что всякие попытки к контрреволюции будут в корне подавлены. На следующее утро, 27-го января, на состоявшемся общем собрании Сов. Раб. Деп. по вопросу об организации власти была принята следующая резолюция: «1) Признать, что отныне вся полнота власти в Одессе принадлежит Совету Рабочих, Солдатских, Матросских и Крестьянских Депутатов, а полнота власти в области Центральному Исполкому Румчерода. 2) Признать, что указанная организация в осуществлении правительственной власти подчиняется Совету Народных Комиссаров и Харьковской Народной Раде».

Однако, 27 января в 10 часов вечера Временному Революционному Штабу и Румчероду Украинским штабом был пред'явлен ультиматум с требованием немедленно очистить занятые советскими войсками учреждения и образовать в городе социалистическую, но не советскую власть. Для выполнения этих требований ультиматум предлагал срок в два часа, по истечении которых штаб оставлял за собой свободу действий. Революционный штаб предложил продлить срок ультиматума до 12 часов 28-го января, но уже около 7 часов утра 28-го января началось наступление гайдамаков.

Местом вооруженного столкновения стал штаб округа, к которому рано утром подступили гайдамацкие части. Между ними и отрядом красногвардейцев и матросов, занявших штаб, началась перестрелка. В помощь гайдамакам прибы-

[1]) Летопись Революции за 1922 г., № 1, стр. 178.
[2]) Од. Истпарт—воспом. № 590, л. 30.

ли броневики, начавшие обстрел здания штаба, что принудило незначительный отряд красногвардейцев оставить здание. Отсюда гайдамаки начали обстрел вокзала, где находился отряд железнодорожной Красной Гвардии, который после непродолжительного сопротивления также вынужден был оставить вокзал. Дальше гайдамаки продвинулись к главным улицам города—Ришельевской и Пушкинской, начали теснить советские войска и продвигаться вглубь города. Красногвардейцы и матросы оказывали сопротивление, обстреливая наступавших с крыш домов и балконов, отдавая каждый шаг после упорного боя. К вечеру гайдамаками была занята вся главная часть города, до Дерибасовской, а головные отряды их достигали Думской площади.

Тем временем по гудкам заводов и фабрик собирались рабочие, среди которых завкомы распределяли оружие и вооруженных посылали на помощь своим товарищам. Сначала оружие выдавалось по удостоверениям и мандатам, но потом общей волной под'ема всякий порядок был нарушен, оружие давалось каждому, кто протягивал руку. Патроны выдавались еще беспорядочнее, один успевал захватить несколько обойм, другому же доставалось несколько штук. «Вооружение происходило у нас—говорит участник, даже слишком в большом размере. Винтовки получали даже воришки, которых я лично знал, потом Красной Гвардии пришлось отбирать винтовки, выданные не тому кому следует» [1]).

Особенно дружно и единодушно восстал Привокзальный район, во главе с железнодорожной Красной Гвардией, группируясь вокруг главных мастерских (Январских). На общем собрании, созванном утренним гудком, решено было всем здоровым стать под ружье. Количество таковых, по словам участников, достигало 3.000 человек. Старики-рабочие, жены и дочери шли в санитарные отряды, готовили в столовых пищу рабочим, ушедшим с винтовками на бой за власть Советов.

Не остались в стороне от происходивших событий и моряки одесских военных кораблей. Матросы участвовали в боях вместе с красногвардейцами и рабочими против гайдамаков. Кроме того, от имени судовых комитетов в украинский штаб был послан резкий ультиматум, в котором указывалось, что при занятии банков, штаба округа и других общественных учреждений были обнаружены документы, свидетельствующие о том, что кое-кому хочется, чтобы на Украине был старый режим, чтобы солдаты и политические организации не имели права решающего голоса, чтобы уничтожить большевиков и т. д. Происшедшие 28-го января события приписываются исключительно провокационным выходкам со стороны офицеров, поэтому ультиматум требует: 1) увести обманутые гайдамацкие части обратно в курени,

[1]) Од. Истпарт—воспомин., № 463, л. 14.

2) арестовать до разбора дела весь командный состав, 3) избрать от каждой сотни 2 делегатов, но ни одного офицера и прислать для переговоров, 4) учредить контроль над проезжающими по железной дороге, чтобы контр-революционеры не могли улизнуть из рук трудящихся, 5) воинским частям гайдамацким присоединиться к советским или остаться нейтральными, а город передать в распоряжение моряков. В случае невыполнения перечисленных требований, судовые комитеты угрожали вмешательством флота в разгоревшуюся гражданскую войну. «Мы заявляем—заканчивался ультиматум,—что камня на камне мы не оставим, нам больно, что гибнут наши жизни, но погибнут и те, кто стремится потопить свободу в крови наших братьев». Под ультиматумом подписи представителей кораблей: «Ростислав», «Синоп», «Алмаз» и «Память Меркурия» [1]).

Бой продолжался. Ночью с 28 на 29 января началось контр-наступление. Гайдамаки, теснимые подкрепившимися отрядами красногвардейцев и вооруженных рабочих, начали отступать от центра города к вокзалу, а к утру 29-го января они заняли линию вокзал—Куликово Поле—штаб округа. Все усилия красногвардейцев вытеснить их из занятой позиции не приводили ни к чему. Но тут суда Черноморского флота открыли по гайдамакам орудийный огонь. Под влиянием артиллерийского огня с моря и штурма советских войск с тыла и со стороны города, гайдамацкие части вынуждены были перед утром 30-го января оставить вокзал.

Одновременно шли горячие бои в районе Вокзал—Одесса—Малая—Ближние мельницы, который занимала железнодорожная Красная Гвардия. Еще в первый день сражения из главных мастерских вывезен был бронепоезд, который на скорую руку был снаряжен по распоряжению тов. Мизикевича, и направлен в сторону гайдамацких куреней. Вследствие отсутствия на бронепоезде опытных руководителей, паровоз был пущен во весь ход и пошел под откос. Только благодаря самоотверженности нерастерявшихся рабочих, были немедленно вытащены пулеметы и открыт огонь по гайдамакам. Помимо того, железнодорожники укомплектовали отряд в составе около 500 человек и послали его в помощь городской Красной Гвардии для штурма вокзала.

Следующим участком боя был Александровский парк, где наступление гайдамаков отражала дружина моряков, отбившая находившуюся в парке батарею, направив ее против неприятеля. Огромную самоотверженность проявила и дружина Социалистической Рабочей Молодежи, храбро выполнявшая в эти дни самые опасные операции.

---

[1]) „Одесский Листок", № 11.

Как видно, в дни 28—29 января весь город был охвачен разгоревшейся гражданской войной, всюду происходили стычки, даже в районах не подверженных непосредственным боевым операциям, и отрядам красногвардейцев и рабочих, направлявшимся в бой, необходимо было соблюдать предосторожености, чтобы не попасть под огонь из окон, балконов, крыш и пр.

С пролетариатом вели бой фактически одни офицеры, ибо за несколько дней до выступления гайдамаков полки дали подписку представителям советской власти не выступать, поэтому мирным путем были заняты все учреждения. Когда гайдамаки явились на место боя, то стало ясно, что под видом гайдамаков засели офицеры, юнкера и сечевики, ничего общего не имеющие с украинской дивизией»[1]). Спровоцированные гайдамаки уже 29-го января заволновались и к вечеру прислали делегацию в Военно-Революционный штаб для переговоров о перемирии.

Мирной делегации рядовых гайдамаков Ревкомом были пред'явлены следующие требования: 1) немедленно увести украинские войска в казармы, 2) арестовать всех руководителей движения и препроводить их в гарнизонное собрание, 3) предоставить город для охраны патрулям из советских войск.

Во время боевых операций, при непосредственном столкновении гайдамаков с советскими войсками, последние не упускали случая вести агитацию среди гайдамаков, склоняя их к мирным переговорам. В 3-м гайдамацком курене оказалось около 300 чел. пленных из красногвардейцев, матросов и ахтырцев, которые агитацией склонили на свою сторону всех бывших в курене гайдамаков, и все сообща вынесли резолюцию—послать в Ревком делегацию с предложением «прекратить братскую бойню на основе об'единения всех трудящихся и к победе рабоче-крестьянской революции и достижения полного братства и равенства»[2]).

Видя, что попытка организовать при помощи спровоцированных гайдамацких частей кровавую расправу с революционными рабочими не удалась, зачинщики и главари движения во главе с прапорщ. Вербицким накануне 30-го января оставили поле боя и скрылись со своими приспешниками. Брожение же среди массы гайдамацких войск привело к тому, что ночью с 29 на 30 января от всех гайдамацких куреней в Ревком была направлена делегация для заключения мира на основе раньше предложенных условий. Утром 30-го января было заключено перемирие и были прекращены военные действия. А утром 31-го января был заключен окончательный мирный договор, который тут же и помещаем.

[1]) „Голос Революции" от 23/I—18 г., из резолюции общего собрания дивизионных, полковых и сотенных РАД.

[1]) „Известия Од. С. Р. Д." от 18/I—18 г.

Копия мирного договора, заключенного между советскими войсками и украинцами[1]).

1) Революционный Комитет является единственной властью, ведающей охраной и распорядком в городе.

2) Все общественные и государственные учреждения охраняются исключительно военными частями как морскими, так и сухопутными.

3) Железнодорожные станции и их имущество находятся под охраной железнодорожников.

4) Заводы и фабрики, как достояние, принадлежащее трудящимся массам, охраняется самими рабочими или красногвардейцами, по усмотрению фабрично-заводских комитетов.

5) Охрана города и безопасность граждан всецело лежит на обязанности военно-революционного штаба, который вызывает ежедневно для этой цели войсковые части как морские, так и сухопутные, а в случае необходимости и красногвардейцев.

6) Морские и сухопутные части, занимающие караул и патрули для общей об'единенности и сплоченности, должны быть смешанными.

7) Все части, как военные, так и красногвардейцы, стоящие на постах или несущие службу, должны быть снабжены соответствующими мандатами от имени военно-революционного комитета, железнодорожники же должны иметь мандаты для несения охраны в своих районах от штаба железнодорожников.

8) Все технические и боевые оборудования должны быть немедленно убраны в свои части.

9) Во всех куренях и вообще в воинских частях, откуда дезертировали офицеры, видя провал контр-революционной затеи, немедленно произвести выборы для замещения постов как командных, так и ведения хозяйственного порядка в частях.

10) Немедленно теперь же произвести выборы в военно-революционный комитет, для пополнения его всеми частями военных сил одесского гарнизона, по расчету на двести человек один представитель.

11) Всеми военными силами, морскими и сухопутными, а также красногвардейцами, распоряжается только военно-революционный комитет, и все распоряжения, исходящие от других учреждений, считаются недействительными.

12) Право реквизиций и обысков принадлежит частям, действующим только по уполномочию военно-революционного комитета, и все другие обыски и реквизиции считаются незаконными, а посему по отношению к ним части, действующие от имени военно-революционного комитета, принимают меры воздействия вплоть до применения оружия.

13) В виду того, что военные действия прекращены, всем товарищам гайдамакам гарантируется беспрепятственный проход по городу для своих личных надобностей, но для этой цели они должны быть снабжены мандатами от своих частей, сотенных или полковых, за подписью и печатью части, выданными сегодняшним числом, т.-е. 18 января 1918 года. Все же выданные до сих пор удостоверения считаются недействительными и, в случае появления гайдамаков со старыми мандатами, они будут задерживаться до разбора и выяснения, почему не заменены своевременно мандаты.

14) С сегодняшнего числа за всеми справками, в случае недоразумений, как в отношении провизии, фуража и вообще всего, что требуется для нормальной жизни частей, обращаться только в военно-революционный Комитет.

---

[2]) „Одесский Листок“, № 11, 1918 г.

Договор подписали уполномоченные:

1-го конного Гайдамацкого полка — Компаниец,
1-го Пластунского полка — Гладкий,
2-го » » — Безпальчук,
3-го » » — Музычук,
12-го Ахтырского полка — Власенко,
Болградской команды — Кунстис,
От моряков — Власов, Бутенко,
От железнодорожников — Сазонов.

Победа в Одессе стоила слишком больших жертв. В дни Январских боев было более 100 убитых и около 400 человек раненых с обеих сторон [1]).

Спустя 2 дня Исполком Советов, обсуждая вопрос о похоронах жертв гражданской войны, решил похоронить их всех на Куликовом поле в 2-х братских могилах: в одной—павших за советскую власть, а в другой—гайдамаков. Явные контр-революционеры должны быть похоронены отдельно. На первую могилу решено возложить венок с надписью: «жертвам социалистической революции Одесский Совет Рабочих Депутатов», а на вторую—с надписью: «товарищам-украинцам, жертвам провокации, от Одесского Совета Рабочих Депутатов».

3-го февраля при огромном стечении народа, в сопровождении всех воинских частей и делегатов революционных организаций, со знаменами и венками, под звуки траурного марша, на Куликовом поле были похоронены жертвы революции.

VII.

Красная Гвардия в дни Советской власти и ее роль в гражданской войне.

Новообразовавшейся Советской власти не пришлось спокойно налаживать и устраивать хозяйственную жизнь города. Перед ней стала новая сложная работа по организации отпора империалистическим хищникам в лице Румынии, захватившей Бессарабию, а позже австро-германским оккупантам, во главе с Центральной Радой. Внутри городская буржуазия, пассивная в период захвата власти и даже сочувствовавшая Советам, теперь подымает голову, начинает проводить контр-революционную работу, направленную против Советской власти. Для ведения войны с Румынией Совнарком РСФСР командировал Муравьева, назначив его главнокомандующим румынского фронта. Пребывание Муравьева на Украине, в частности в Одессе, ознаменовалось с его стороны рядом бестактных и безответственных выпадов, вследствие чего многие из сочувствовавших рабочих отошли от Советской власти, заявляя о необходимости созыва Учредительного Собрания. Совокупность перечисленных условий,

[1]) „Одесский Листок", № 14, 1918 г.

естественно, наложила свой отпечаток на деятельность Советской власти и Красной Гвардии с момента захвата власти до эвакуации города.

Первый приход большевиков к власти в Одессе (и на Украине) можно характеризовать, как собирание сил для борьбы с империалистическими хищниками. Особенно лихорадочная работа выпала на долю штаба Красной Гвардии, где сконцентрировалась вербовка добровольцев для комплектования советских войск и отправка их на фронт против неприятеля.

Характерно, что вопрос об отражении румынских оккупантов был поставлен перед широкими массами рабочего класса по инициативе Красной Гвардии. Не успело утихнуть эхо Январских боев, как 5-го февраля Исполком Красной Гвардии созывает об'единенное заседание представителей заводских комитетов, железнодорожной гвардии и боевых дружин по поводу организации социалистической армии и Красной Гвардии для защиты революции. Собрание пришло к решению: «Завтра, 6-го февраля, в экстренном порядке собрать общие собрания рабочих и произвести запись в добровольческую социалистическую армию против международной контр-революционной буржуазии. Все работающие на фабриках, заводах, в мастерских и профсоюзах должны стать без отказа под ружье в ряды Красной Гвардии для защиты завоеваний свободы. Те из рабочих, которые уклонятся от вступления в ряды Красной Гвардии, будут считаться пособниками буржуазии и удалены из предприятий, а на их места будут приняты истинные борцы за идею трудящихся. Всем находящимся как на фронте, так и при несении патрульной службы рабочим и их семьям жалованье сохраняется полностью за счет фабрикантов»[1]).

Из смысла этого решения ясно, что хотя армия является добровольной, но все рабочие должны вступить в ее ряды. Это уже есть своего рода всеобщая мобилизация рабочих. Такое решение несколько опережало распоряжение Сов. Нар. Ком. Одесской Области, который спустя несколько дней приказал приступить к созданию советской армии. В опубликованном Ц. И. К. Румфронта и Области по Одессе распоряжении приказывалось «всем заводским комитетам сегодня, 9-го февраля в 8 час. утра, представить списки рабочих за подписью и ручательством комитетов в штаб Красной Гвардии для немедленного вооружения и снабжения рабочих отрядов, поступающих в распоряжение штаба Румчерода»[2]).

Наряду с другими центрами, ведавшими набором добровольцев в советскую армию, как то: штабом округа, штабом Румчерода, этой работой занялся также штаб Красной Гвардии во главе с тов. Чижиковым. 16-го февраля состоялось

[1]) „Одесские Новости", № 10621.
[2]) „Одесский Листок", № 19.

организационное заседание нового штаба Добровольческой Рабоче-Крестьянской армии, где в общих чертах была намечена ее структура и организация.

Штаб поставил себе задачей вербовать и направлять в штаб округа обученные, обмундированные, вооруженные отряды, для коих затребовал из интендантских и продовольственных складов необходимое обмундирование, вооружение и провиант. Финансировался штаб Советом Рабочих Депутатов. Для связи с штабом округа был выделен представитель. Свою работу штаб распределил между следующими секциями: 1) агитационно-культурно-просветительной, 2) мобилизационной, 3) формирования, 4) вооружения, 5) снабжения, 6) транспортной, 7) санитарной, 8) финансовой и 9) квартиро-хозяйственной [1]).

О решении штаба были оповещены завкомы и парторганизации с призывом направлять рабочих для записи в армию, давая им рекомендательные записки. Условия приема, согласно декрета об армии, 75 руб. в месяц жалованья, обмундирование, стол, квартира и полное довольствие семейству.

В числе задач, поставленных перед штабом армии, было проведение работы по реорганизации и приведению в полную боевую готовность местной Красной Гвардии. Теперь, как видим, история вооруженной силы рабочего класса — Гвардии тесно сплетается с историей формируемой Советской армии. Однако, взаимоотношения Гвардии с новоформируемой армией не были ясно установлены. Даже начальник штаба по организации Красной армии, начальник Красной Гвардии, тов. Чижиков, неясно представлял себе эту связь. В заседании Исполкома Совета он просит выяснить отношение штаба Красной армии к штабу округа и отношение Красной Гвардии к штабу Красной армии, на что получил раз'яснение, что штаб Красной армии подчиняется штабу округа, а Исполком Красной Гвардии продолжает функционировать до тех пор, пока работа армии не будет налажена [2]).

Сопоставляя настоящее раз'яснение с решением штаба армии в отношении Красной Гвардии, мы должны сказать, что оба они говорят об одном, а именно, что Красная Гвардия после реорганизации и приведения в боевую готовность фактически прекращает свое существование, вливаясь в регулярную Советскую армию. Однако, жизнь и события развивались так, что наладить армию не удалось Советской власти до последних дней ее пребывания в Одессе. Красная Гвардия продолжала поэтому оставаться незаменимой единицей наряду с новоорганизуемой Красной армией. Такое положение отразилось даже в наименовании новосоздаваемой

---

[1]) Од. Истпарт, д. № 360.
[2]) Окр. арх. д. № 88, л. 134.

армии — ее звали «Народная Гвардия», «Социалистическая Гвардия», «Рабоче-Крестьянская Красная армия», иногда же эти названия совершенно смешивались.

К описываемому периоду относится создание Одесским Совнаркомом в середине февраля м-ца проекта о красногвардейской повинности, который гласил:

1) Служба в Красной Гвардии есть обязательная революционная повинность пролетариата.

2) Проведение в жизнь красногвардейской повинности на фабриках и заводах и в торгово-промышленных предприятиях, поручается фабрично-заводским и т. п. комитетам. В тех предприятиях, где нет означенных комитетов (мастерские, магазины, склады), проведение в жизнь красногвардейской повинности возлагается на правления соответствующих профсоюзов.

3) Все рабочие и служащие, признанные годными к службе, зачисляются в ряды Красной Гвардии и посменно несут караульную обязанность по охране революционного порядка и защите народной вольности.

Под годными к службе понимаются лица, годные в физическом и нравственном отношении, т. е. способные нести службу и заслуживающие полного доверия.

Лица, признанные фаб. и зав. комитетами абсолютно необходимыми для правильного хода производства, могут быть освобожденными от службы в Красной Гвардии.

Пролетарки-женщины привлекаются к красногвардейской повинности на общих с мужчинами основаниях лишь по из'явлении ими на то согласия.

4) Формирование дружин по заводам и фабрикам и мастерским совершается под бдительным и постоянным контролем заводских рабочих комитетов.

5) С этой целью фаб. зав. комитет создает призывную комиссию, в которую входят 3 представителя, избранные общим собранием рабочих данного предприятия, и 3 члена Комитета.

6) Призывная Комиссия составляет списки всех рабочих, способных к красногвардейской повинности, представляет их по призывным срокам и затем постепенно передает каждую призывную очередь районному штабу для дальнейшего формирования красногвардейских частей.

7) Задача районных штабов: разбивка каждого призыва на группы и сроки, в течении которых они и выполняют обязательные строевые учения.

8) Рабочий день красногвардейцев — 8 часов, из них: 4 постовой службы, 2 в резерве и 2—строевых занятий или слушания специальных лекций [1])

Приведенный проект представляет собой попытку Советской власти создать исключительно рабочую военную силу, на какую можно было бы в любой момент опереться. Это есть ничто иное, как попытка перевести Красную Гвардию на положение регулярной войсковой части, в связи с чем характерный признак Красн. Гвардии добровольность — здесь отсутствует (исключая женщин). Несмотря на внешнюю законченность, проект не указывает важных моментов, например, возрастные рамки повинности, отсутствует в нем политическая физиономия намечаемой Красной Гвардии.

В жизнь проект проведен не был. Виновником этого вероятнее всего, являлся прибывший главнокомандующий Румфронта Муравьев, взявший на себя руководство работой по формированию советских войсковых частей. Муравьев за время своего пребывания в Одессе к Красной Гвардии от-

[1]) „Известия Од. С. Р. Д.", № 243.

носился с большим вниманием. Он старался расширить и укрепить ее основательно, считая ее самой верной и надежной опорой Советской власти.

При издании первого своего приказа от 19-го февраля, который предписывал офицерам и солдатам, числящимся за иногородними частями, немедленно оставить город, Муравьев позаботился о пополнении Красной Гвардии. Пункт 7-й приказа гласил: «Все преданные делу революции офицеры и солдаты призываются в ряды Красной Гвардии в качестве инструкторов и бойцов за достаточное вознаграждение»[1]).

А в закрытом заседании Исполкома Совета Раб., Солд., Матр. и Крест. Деп. и Румчерода 22-го февраля в резолюции по докладу Муравьева о войне решено было расширить организацию Красной Гвардии, для чего организовать районные штабы. Для большего поощрения и увеличения числа красногвардейцев, уходящих на фронт, решено в кратчайший срок обеспечить всем необходимым семьи этих красногвардейцев, отведя им самые лучшие квартиры в центре города и пр.[2]).

Здесь необходимо сказать несколько слов о практической деятельности Красной Гвардии за период Советской власти. Из среды красногвардейцев сейчас же после январских боев были организованы боевые отряды и посланы к Тирасполю на румынский фронт. Туда же был отправлен и отремонтированный бронепоезд, во главе с начальником, тов. Молочковым. Оставшиеся красногвардейцы в первые дни после захвата власти несли охрану города вместе с другими отрядами, так как милиция, оказавшаяся в стороне от январских событий, приказом комиссара города, Гурьева, устранена от охраны города. При позднейшей реорганизации милиции Красная Гвардия оказывала большую поддержку, из ее состава набирался кадр руководителей милиции по отдельным участкам, а также Красная Гвардия несла систематическое дежурство при участках милиции.

Не забывала Красная Гвардия и дела обучения военному искусству. За этот период состоялось несколько занятий военным делом по отдельным сотням и дружинам. Железнодорожная Красная Гвардия продолжала блюсти за порядком в своем районе, а также охраняла железнодорожное движение, борясь со всякого рода беспорядками и преступным элементом.

Начинается наступление австро-германских войск на Украину. В начале марта австро-германцы подходили к Киеву, а через несколько дней прибытие оккупантов ожидалось и в Одессе. Штаб Красной Гвардии принялся за подготовку своих боевых сил для отпора. 2-го марта председательская коллегия издает по Красной Гвардии, боевым дружинам, за-

---

[1]) „Одесский Листок", № 28.
[2]) Окр. арх., д. № 87, л. 56.

водским комитетам и ко всему вооруженному пролетариату приказ, где предлагается:

«1) Всем сотникам приступить немедленно к приведению в боевой порядок и к пополнению своих составов.

2) Те из сотников, которые не имеют полного состава сотни, должны присоединиться к другим неполным сотням для образования отряда или сотни в 106 человек[1]). Отряд состоит из сотника, его заместителя, двух полусотников и их заместителей и 100 человек красногвардейцев.

3) Все боевые дружины, как партийные, так и национальные, согласно приказа начальника штаба главнокомандующего Муравьева, обязаны явиться в Красную Гвардию, образовав отряды, указанные выше.

4) Те красногвардейцы, которые до настоящего времени не состояли ни в какой сотне, обязаны явиться в штаб Красной Гвардии для записи».

Сотники, начальники боевых дружин и заводские комитеты обязаны были в четырехдневный срок доставить списки всех вооруженных рабочих с подробными сведениями о каждом из них и их семействах (для зачисления их на довольствие)[2]).

Одновременно при штабе Красной Гвардии формируются боевые отряды из красногвардейцев, дружинников и вооруженных рабочих. Начальник Красной Гвардии тов. Чижиков рассылает по сотням и десяткам Гвардии горячее воззвание, в котором призывает красногвардейцев, «кто не остановится ни перед какими лишениями, для которых холод, голод, долгие переходы и семейное положение было бы пустой фразой», записываться в организуемый им батальон вольных стрелков.

Штаб же Добровольческой Рабоче-Крестьянской Красной армии об'являет рабочим через фаб. зав. комитеты, районные советы и рабочие дружины о формировании исключительно из рабочих батальонов имени Ленина и Спиридоновой[3]).

Кроме того, комиссаром инструкций при штабе Красной Гвардии, тов. Крживцем, 2-го марта опубликовано воззвание к рабочим, призывавшее всех, служивших в кавалерийских частях и умеющих ездить верхом, записываться во вновь формирующийся кавалерийский революционный полк[4]).

После взятия оккупационными войсками Киева, в Одессе для об'единения всех дел, касающихся военного положения города, был организован Чрезвычайный штаб в составе 15-ти представителей от революционных организаций, в том числе и Красной Гвардии, представителем которой был тов. Гранденштейн.

---

1) В приказе ошибочно вместо 106 указано 116 человек.
2) „Одесский Листок", № 36.
3) „Одесский Листок", № 37.
4) „Одесские новости", № 10641.

Но не дремали и враги Советской власти. Пользуясь тяжелым состоянием царившим в городе, напрягавшим усилия к отражению врага, контр-революционные и антисоветские элементы активно принялись за разложение рабочих масс, в результате чего постепенно рабочие начинают терять веру в Советскую власть. Под влиянием агитации меньшевиков рабочие собрания в начале марта начинают выносить резолюции, требующие восстановления городской думы, накануне распущенной, и созыва пресловутого Учредительного Собрания. Значительную роль в деле создания такого состояния сыграло то, что наступавшие австро-германские войска, несмотря на все усилия советских воинских частей, неуклонно двигались вперед.

Было ясно, что перед врагом не устоять, и решено было готовиться к эвакуации. Однако, накануне эвакуации 8-го марта матросы «Ростислава» запротестовали против мирной передачи города и настаивали на открытии военных действий. Такого же мнения был и штаб Красной Гвардии, пославший 8-го марта отряд красногвардейцев в типографии, где печатались «Известия Советов» и «Голос Пролетария», которые не допустили выпуска очередных номеров этих газет с прощальными статьями Советской власти с одесским пролетариатом. При этом штаб Красной Гвардии заявлял: «Если придется превратить город в груду развалин, то штаб Красной Гвардии первым ступит на этот путь. Пусть же знают все, что Красная Гвардия, никогда не покидавшая своего поста, и на этот раз его не покинет, из под кровавых развалин будет звать на бой и, истекая кровью, крикнет: «Да здравствует власть рабочих и крестьян»[1]).

Однако, одной отваги было мало, Красная Гвардия вынуждена была, как и все другие революционные организации, из Одессы эвакуироваться.

С момента эвакуации из Одессы фактически прекращается история Одесской Красной Гвардии. Эвакуированные отряды Одесской Красной Гвардии разошлись по всем фронтам гражданской войны. Участвуя в боях в Николаеве, Херсоне, Новочеркасске, Ростове и др. пунктах, они утратили организационную связь между собой, смешались с другими военными частями и постепенно влились во вновь организуемую Красную армию.

Ковбасюк.

---

[1]) „Известия Од. С. Р. Д.", № 263.

Одесская промышленность за 1920—1927 г.г.

1. Состояние одесской промышленности в эпоху военного коммунизма.

В настоящее время, когда подводятся итоги упорной работы рабочего класса за 10 лет, то вряд-ли в истории какого-либо народа можно найти такие резкие этапы развития, какие наблюдаются в результате 10-й годовщины существования Советского Социалистического Союза.

Героический эпос первых 4-х лет гражданской войны завершился началом социалистического строительства в условиях, где самоотвержение и революционный пыл должны были соответствующим образом перестроиться и уступить место чисто экономическим принципам, здравому и холодному расчету, причем никакой помощи извне, кроме экономической блокады со стороны наших врагов, не было. Необходимо было всему рабочему классу в целом перестроиться на мирный лад, дабы начать строительство великого здания социализма.

Цель настоящего очерка дать общий обзор промышленной экономики Одещины за десятилетний период существования Советской власти. Одещина находится в своеобразных условиях экономического развития, благодаря специфическому географическому положению. В эпоху гражданской войны она являлась плацдармом, где враги Советской власти развивали особенно активные разрушительные операции. Естественно, что постоянная военная борьба разрушила и без того подорванную в империалистическую войну одесскую промышленность. Экономический базис Одещины и все отдельные элементы его резко изменились. Общая разруха и голод здесь нашли особо тяжелое отражение. Пожалуй, ни в одном крупном промышленном центре Советского Союза не найти столько разрушений и тяжелых переживаний, как в Одессе.

Ясны станут каждому, изучающему периоды борьбы и роста пролетарского государства, причины медленного развития восстановительного процесса отдельных областей Советского Союза, если принять во внимание этапы развития революционных действий в указанных областях.

Следующие моменты характеризуют обстановку, в которой приходилось работать промышленности к началу того периода, который будет охвачен настоящим очерком.

Взрыв складов артиллерийских снарядов в 1918 г. разрушил ряд заводов. Запасы сырья систематически расхищались, а многих важных видов сырья и вовсе не было, так как железнодорожная связь Одессы, являющейся конечным, довольно отдаленным пунктом, постоянно нарушалась и восстанавливалась лишь изредка на непродолжительное время. Морская связь также была нарушена, так как Крым долгое время был в руках Врангеля, а на Кавказе существовало меньшевистское правительство и находились английские оккупационные войска. Бессарабия, являвшаяся в довоенное время одним из важнейших рынков сбыта продукции одесской промышленности и источником снабжения ее сельско-хозяйств. сырьем, была отторгнута. Наконец, блокада, проводимая флотом союзников, делала невозможным морское сообщение даже с близлежащими советск. портами.

Порт, источник существования и развития одесской промышленности, был мертв. Если добавить сюда те обстоятельства, которые были общими почти для всей страны—разруху на продовольственном фронте, острый топливный кризис, отсутствие на внутренних рынках многих важных видов сырья, чрезмерное разрушение транспорта, сильно развитой бандитизм, — станет ясно, в каких исключительно тяжелых условиях находилась одесская промышленность к тому моменту, когда в Одессе окончательно укрепилась Советская власть, т.-е. к началу 1920 года.

Первой работой Советской власти было взятие на учет имевшихся в Одессе предприятий: таких предприятий было учтено 1949. Среди них было множество кустарных и полукустарных предприятий, работу которых было чрезвычайно трудно регулировать и которые, потребляя сырье, не могли дать государству продуктов первой необходимости; поэтому из указанного числа в действии оставлено было только 558 предприятий по Одессе и губернии с 8.355 рабочими. По городу же Одессе, из числа 865 взятых на учет предприятий, оставлено действующими лишь 209. Но и в этом числе действующих оставалось еще много мелких предприятий кустарно-ремесленного типа.

Вторым шагом было проведение национализации промышленности, причем национализации в 1-ю очередь подверглись предприятия, за которыми было признано государственное значение. Остальные находились под непрерывным контролем органов, регулирующих их деятельность.

Не останавливаясь на организационных формах органов управления промышленностью, так как формы эти были более или менее общими для всей Советской России, отметим только, что как снабжение предприятий сырьем, топливом и дензнаками, так и распределение продукции производилось в плановом порядке, причем недостаток на месте сырья и топлива и перебои в получении их из центра приводили к постоянным перебоям в производстве.

Заводы снабжались всем необходимым очень нерегулярно. Изношенность оборудования, необновлявшегося за годы мировой войны, в течение которых владельцы заводов, работающих на оборону, довели напряжение всего основного капитала до максимума, — давала себя чувствовать особенно сильно. Наконец, тяжелые материальные условия, в которых поневоле находились рабочие, понизили производительность труда до ничтожного уровня.

Создался заколдованный круг, выход из которого найти было нелегко: вследствие плохого снабжения заводы работали с ничтожной нагрузкой и давали весьма незначительную продукцию. Благодаря этому население, вообще, и рабочие, в частности, получали по распределению далеко недостаточное количество продуктов. Это обстоятельство затрудняло промышленный товарообмен с деревней и тяжело отражалось на физическом состоянии рабочих и, следовательно, на производительности труда.

Чтобы показать, как тяжело было положение одесской промышленности, приведем следующие данные:

А. Среднее число заведений.

Г О Д Ы	В абсолютных числах	В %%-ах
1911—1913	344	100,0
1914—1916	388	112,8
1917—1919	474	137,8
На 1 января 1921 г.	208	60,5

Б. Среднее число рабочих.

Г О Д Ы	В абсолютных числах	В %%-ах
1911—1913	22.138	100,0
1914—1916	21.564	98,0
1917—1919	30.162	137,0
На 1 января 1921 г.	13.019	59,2

В. Производство

(в тыс. руб. по довоенным ценам в %%-ах)

Отрасли промышленности	1912—1914 г.	1920 г.	1912—1914 г.	1920 г.
Химич. обраб. минеральн. веществ	10.069	94,4	100	0,9
Текстильн. и швейн.	2.528	386,7	100	15,3
Полиграфичн.	3.465	246,0	100	7,1
Металообрабат.	13.124	435,5	100	3,3
Пищевая	49.369	556,3	100	1,1
Мукомольная	9.705	3946,3	100	40,7
Маслобойная	6.470	129,9	100	2,0
Табачная	4.616	1786,5	100	38,8
Кожев. и обрабат. материалы животн. происхожд.	6.030	1636,8	100	27,1
Деревообд. и пробочн.	6.435	42,4	100	0,7
Прочая	153	—	100	—
Итого	111.964	9260,8	100	8,3

Эти данные показывают, что продукция одесской промышленности, составлявшей номинально по сравнению с довоенным временем 60% по числу предприятий и по числу рабочих, дала лишь 8% продукции. Разумеется, больше всего пострадали те отрасли, которые были связаны с заграничным сырьем: химическая, маслобойная (одесские заводы работали на привозной копре), пробочная, чаеразвесочная и др. В тяжелом положении находилась из-за отсутствия основного сырья и топлива металлообрабатывающая промышленность, деревообделочная и др.

Естественно, что в тот период максимальное внимание приходилось уделять производствам, снабжавшим продуктами первой необходимости красную армию и промышленные центры: поэтому, как показывает приведенная таблица — мукомольная, табачная, кожевенная и отчасти швейная были сохранены на относительно высоком уровне, значительно превышавшем уровень других отраслей промышленности. Достаточно отметить, что, если в 1912—14 г. продукция мукомольной, табачной и кожевенной отраслей по отношению ко всей промышленности составляла 18,2%, то в 1920 г. удельный вес их возрос до 79,6%.

Г. Средняя годовая продукция на 1 рабочего

(в довоенных рублях)

Отрасли промышленности	1912—14 г.	1920 г.	В %%-ах	
			1912—14 г.	1920 г.
Химич. и обрабат. минер. вещества	4124	200	100	4,9
Текст. и швейная	1666	220	100	13,2
Полиграфическая	1540	295	100	19,2
Металлообрабатыв.	2210	106	100	4,8
Пищевая	5576	900	100	16,1
Мукомольная	12670	8432	100	66,5
Маслобойная	10370	3417	100	32,9
Табачная	3078	1506	100	49,0
Кожевенная и обрабат. материалы животного происхождения	7000	670	100	9,6
Деревообдел. и проб.	3850	18	100	2,8
Прочая	1000	—	—	—
Итого	4150	745	100	18,0

Конечно, столь резкое падение производительности труда не может быть об'яснено только понижением интенсивности труда рабочих; в значительной, если не преобладающей, мере здесь сказываются плохое снабжение заводов, изношенность основного капитала и др. указанные выше причины.

К сожалению, отсутствуют полные данные о простоях предприятий в 1920 г. Однако, данные за 1 половину 1921 года, т.-е. за период, по своим организационным и экономи-

ческим условиям тождественный с 1920 г., достаточно характерны и для 1920 года.

За период январь — июнь 1921 года на одесских заводах, в среднем, в месяц приходилось 1085 простойных дней или 6 дней, в среднем, на 1 предприятие, т.-е. 25% рабочего времени. При этом учтены только полные дни простоев заводов; простои в течение части дня не входят в эти расчеты. Между тем, такие частичные простои встречались на каждом шагу. Причины простоев в %%-м отношении распределяются следующим образом:

Отсутствие сырья	27,2%
„ топлива	26,9%
„ сырья и топлива	7,2%
Ремонт	8,3%
Прочие причины	30.4%
Всего	100,0%

Но, несомненно, что и интенсивность труда была чрезвычайно низка, что об'ясняется в значительной степени низким уровнем реальной заработной платы, которую государство в состоянии было тогда выплачивать рабочим.

Для характеристики приведем следующие данные:

Отрасли промышленности	Средн. мес. реальная зарплата 1 раб. 1909 г.	Январь 1921 г.
Химическая	20 руб. 65 к.	3 руб. 81 к.
Мыловаренная	23 „ 20 „	4 „ 24 „
Спичечная	23 „ 60 „	3 „ 80 „
Текстильная	21 „ 45 „	3 „ 35 „
Полиграфическая	34 „ 90 „	3 „ 41 „
Металлообрабатыв.	38 „ 50 „	3 „ 50 „
Пищевая	26 „ 33 „	3 „ 20 „
Мукомольная	35 „ 46 „	3 „ 40 „
Маслобойная	23 „ 60 „	3 „ 13 „
Табачная	21 „ 26 „	3 „ 07 „
Кожевенная	48 „ 78 „	3 „ 35 „
Деревообделочн.	30 „ 75 „	3 „ 11 „

В течение первой половины 1921 года одесская промышленность работала в обстановке, сходной с положением, имевшим место в 1920 г., но условия работы при этом еще ухудшились. Достаточно указать, например, что при голодной норме потребления топлива для одесской промышленности в 440.000 пудов (за полугодие), фактически получено было за 1-е полугодие 1921 года лишь 200.000 пудов. Сырьевой кризис еще более углубился, а продовольственный кризис начал принимать угрожающие размеры. Приведем

несколько цифр, характеризующих дальнейшее снижение уровня состояния одесской промышленности в 1-м полугодии 1921 г., по сравнению даже с 1920 годом.

А) Производство.

1. За октябрь—декабрь 1920 г. выпущено 341.225 фунт. таб. и 16400 тыс. папирос, а за январь—март 1921 г. лишь 190,5 т. фун. табаку и 6.300 тыс. папирос.

2. Производство спирта (по тем же кварталам) сокращ. в 10 раз.

3. Месячная выработка консервов уменьшилась втрое.

4. Кварталь. выработка подошвы с 13500 шт. упала до 7700 шт.; производство ботинок сократилось на 40%, сапог совершенно прекращено и т. д.

Общая сумма производства по всей одесской промышленности в среднем в месяц составляла в 1920 г. — 771,5 тыс. р. (довоенных), а в 1-м полугодии 1921 г. — 732 т. руб., т.-е. она сократилась еще на 5%.

Б) Число предприятий и рабочих.

Местная промышленность, как видно из нижеследующей таблицы, находилась в чрезвычайно тяжелом положении к началу новой экономической политики.

	Янв.	Февр.	Март	Апр.	Май	Июнь
Число действ. зав.	197	188	185	174	178	165
Число рабоч. н/них	13019	13183	12926	12516	12229	11789

Данное состояние являлось следствием общего истощения страны, а для Одессы и ее района — в силу особо разрушительных последствий гражданской войны, — оно было особенно характерным по упадку промышленности. Окончание гражданской войны, успешное завершение которой возможно было только при тесном политическом и военном союзе с крестьянством, потребовало для прочного развития социалистического строительства экономического союза с крестьянством. Ленин четко и ясно формулировал данное положение: «От военного союза мы должны перейти к экономическому, и теоретически единственной основой этого экономического союза может явиться введение натурального налога. В этом заключается единственная теоретическая возможность притти к действительно солидному экономическому базису социалистического общества. Социализированная фабрика дает крестьянину свои продукты, а крестьянин за это дает хлеб»[1]). Но для создания действительно социализированной фабрики, для получения доступного для крестьянства продукта фабрично-заводской промышлен., необходимо было отобрать действительно ценные предприятия из того большого количества технически слабо оборудованных пред-

[1]) Ленин. Собр. соч., т. XVIII, стр. 306.

приятий, полученных нами в наследство от буржуазии. И переход к новой экономполитике ознаменовался отбором пригодных для начала социалистической промышленности соответствующих предприятий, имевшихся в Одессе.

II. Переход к новой экономической политике.

Переход к новой экономической политике требовал от органов управления промышленностью отказа от непосредственной эксплотации множества мелких предприятий, плохо оборудованных, поглощавших несоразмерно большое количество сырья и топлива и не дававших в достаточном количестве той продукции, в которой государство особенно нуждалось. В связи с этим, в первую очередь произведен отбор наиболее ценных и важных предприятий. Остальные были остановлены и предназначены к сдаче в аренду, за исключением наиболее мелких, подлежавших, согласно новому законодательству, денационализации.

Первый отбор был произведен 1-го июля; однако, он оказался недостаточным, и к 1-му октября 1921 года был произведен 2-й отбор, сведший число предприятий госбазы к действительно необходимому количеству.

Насколько сократился численный об'ем непосредственно управляемой государством промышленности по г. Одессе показывают следующие данные:

	Июнь 21 г.	Июль 21 г.	Октябрь 21 г.
Число заводов	165	68	40
Число рабочих	11789	7768	4978

Сокращение числа непосредственно-эксплоатируемых предприятий само по себе имело большое значение, так как оно позволило усилить снабжение государственной промышленности сырьем, материалами, топливом и дензнаками. Но, помимо того, отбор связан был с постепенным предоставлением предприятиям права самостоятельной заготовки сырья и топлива и права частичного выхода на вольный рынок с готовой продукцией. Постепенное расширение этого начала коммерческого расчета в связи с созданием вольного рынка привело к следующему шагу—трестированию предприятий,—к созданию об'единений на началах хозрасчета.

Несравненно большая гибкость нового коммерческого аппарата, возникновение непосредственной заинтересованности в развитии порученного им дела у руководителей трестов, при наличии возможности действительно добиться этого расширения, возникновение непосредственной заинтересованности и у рабочих, вследствие введения различных систем премирования за повышение производительности при значительном повышении уровня реальной заработной платы,—все это исключительно быстро отразилось на состоянии

одесской промышленности, что подтверждается следующими данными:

А. Средне-месячное производство в тыс. довоен. руб.

№№	Отрасли промышленности	1920 г.	1921 год 1 пол.	1921 год 2-е пол.	2-е полуг. в % % отношен. к 1-му полуг.
1.	Химич. промышл.	7,8	19,5	31,5	161,5
2.	Текстильная	5,9	12,5	9,3	74,4
3.	Швейная	26,6	75,6	20,0	26,5
4.	Полиграфическ.	20,5	10,4	9,1	87,5
5.	Пищевая	46,7	38,2	30,0	80,0
6.	Мукомольная	328	222	148	66,6
7.	Маслобойная	10,8	36,5	52	115,0
8.	Металлообраб.	36,3	22,7	22,0	97.0
9.	Табачная	149,0	172,0	402,7	234,2
10.	Кожевенная	136,4	120,0	68,5	57,1
11.	Деревообделочн.	3,5	2,8	5,1	182,2
	Всего	771,5	732,2	798,2	109,0

В общем, на значительно сокращенном числе заводов при почти вдвое уменьшившемся числе рабочих, размер производства (в целом, по всей государственной промышленности) не только не уменьшился, а даже несколько возрос. Правда, по отдельным отраслям наблюдалось и сокращение, что об'яснялось специфическими особенностями этих отраслей.

1) По металлопромышленности из 74 действовавших предприятий с 3000 рабочих осталось после отбора (к концу года) 11 с 920 рабочими: при столь значительном сокращении продукция уменьшилась лишь на 3%.

2) В пищевой промышленности имело место аналогичное явление: вместо 27 заводов с 2500 рабочих осталось 10 заводов с 1570 рабочими.

3) Падение производительности в мукомольной промышленности об'ясняется неурожаем 1921 г., вследствие чего мельницы работали с весьма слабой натрузкой (от 15 до 30% по отдельным мельницам).

4) Падение производства по текстильной промышленности вызвано было большими перебоями в получении сырья для канатного завода и для джутовой ф-ки, а также частыми перебоями в подаче воды и тока.

5) Кожевенная промышленность сократила производство, главным образом, из-за отсутствия дубильных материалов: лишь в 4-м квартале получено было большое количество экстракта.

Производительность труда после отбора предприятий (в особенности после 2-го отбора), значительно поднялась, при чем, если бы не резкое снижение производственного уровня мукомольной промышленности (вследствие неурожая), при-

ведшее к соответственному понижению продукции на 1-го рабочего в этой отрасли,—средняя производительность труда в одесской промышленности в 4-м квартале 1921 года, по сравнению с 1920 годом и 1-м полугодием 1921 г., поднялась бы не вдвое, а в два с половиной—три раза.

Б. Средне-месячная продукция на 1 рабочего в тыс. довоен. руб.

Отрасли промышл.	1920 г.	1921 год: 1 полугод.	1921 год: 3-й кварт.	1921 год: 4-й кварт.	4-й кварт. в % отношен. к 1 полугод.
Химическая	16,7	30,2	77	157,7	522
Текстильная	13,2	28,3	14,3	49,3	174
Швейная	21,4	70,3	35,2	55,7	80
Полиграфич.	24,6	13,4	13,4	39,3	293
Пищевая	75	44	81,5	125	284
Мукомольная	703	297	321	399	134
Маслобойная	284,7	304,7	253	333	109
Металлообраб.	9	10	13,5	48	480
Табачная	125,5	123	353	263	214
Кожевенная	56	59	60	169	286
Деревообделочн.	9	8,3	30	121	1450
Всего	62	63	111	126	200

Однако, не только оставление в базе наиболее крупных предприятий с лучшим оборудованием, не только организация более полного снабжения оказали влияние на отмеченное только что повышение производительности труда: в немалой мере здесь сказалось повышение реальной зарплаты и приведение ее в связь с продуктивностью труда.

Общее улучшение экономических условий создало предпосылку для повышения материального уровня жизни рабочих, что, в свою очередь, благотворно отразилось на повышении производительности труда.

Динамика зарплаты видна из нижеследующей таблицы:

Средне-месячная зарплата 1 рабочего в реальных рублях.

Отрасли промышл.	Январь 1921 г.	Апрель 1921 г.	Июль 1921 г.	Окт. 1921 г.	Среднее за 1909 г.
Маслобойная	3.13	1.57	—	15.30	23.60
Табачная	3.07	1.51	6.55	14.06	21.26
Кожевенная	3.35	1.85	5.23	21.04	48.78
Деревообдел.	3.11	1.55	3.21	12.20	30.75
Химическая	5.81	1.90	2.56	9.78	20.65
Мыловаренная	4.24	2.10	2.69	9.80	23.20
Спичечная	3.81	1.88	3.43	8.32	23.61
Текстильная	3.35	1.72	2.26	13.26	21.45
Полиграфич.	3.41	1.88	3.80	11.27	34.91
Металлообрабат.	3.49	1.80	3.24	9.16	38.50
Пищевая	3.20	1.83	2.55	11.81	26.33
Мукомольная	3.40	1.68	2.51	13.90	35.46

Таким образом, отбор, явившийся первым шагом по пути поднятия промышленности на основе начал новой экономической политики, дал вполне благоприятные результаты.

К этому же периоду относится образование из отдельных предприятий ряда об'единений, построенных на началах коммерческого расчета. Разумеется, переход от чисто мелочной, административной опеки над предприятиями, лишенными в эпоху военного коммунизма самостоятельности, к непосредственному руководству всеми сторонами деятельности этих предприятий мог быть произведен лишь постепенно.

Вследствие сказанного, процесс трестирования протекал медленно и продолжался с ноября 1921 года по июнь 1922 года. За этот период образовано было 10 различных об'единений (химическое, кондитерское, металлооб'единение, полиграфическое, винно-коньячное, дрожже-винокуренное, консервное, соляное, электрооб'единение и обмундировочное), в состав которых вошло 32 предприятия. Разумеется, в дальнейшем происходил целый ряд реорганизаций: химоб'единение было расформировано; консервное, дрожже-винокуренное, винно-коньячное и кондитерская ф-ка слиты были в один пищетрест, электро и металлозаводы в электрометалл, впоследствии реорганизованный в металлтрест, и т. д. Но во всяком случае, создание об'единений даже в том виде, в каком они были сначала организованы, было крупным шагом вперед, так как открывало перед обессиленной и полуразрушенной в период гражданской войны промышленностью новые пути для восстановления и возвращения потерянного за эти годы.

В то же время трестирование и перевод на хозяйственный расчет промышленности всей страны привели к разграничению всех предприятий по степени их важности с точки зрения удовлетворения потребности страны: наиболее крупные предприятия включались в тресты общереспубликанского значения, подчинявшиеся непосредственно ВСНХ, а более мелкие об'единения, имевшие по преимуществу местное значение, оставались в ведении Губсовнархозов.

В результате, из ведения местных органов промышленности были из'яты и переданы Укртрестам—мельницы, маслобойные заводы, табачные ф-ки, джутовая ф-ка и канатный завод, завод б. Гена (с.-х. машин), а также кожзаводы и обувная ф-ка. В дальнейшем, по мере восстановления народного хозяйства страны, целый ряд бездействовавших крупных предприятий был передан Украинским и Союзным трестам, восстановившим и пустившим эти предприятия. Сюда относятся сахарный завод, суперфосфатный (переведен из состава местной промышленности), клееваренный, завод винно-каменной кислоты, чаеразвесочная ф-ка, пробочно-изоляционный завод, спирто-водочный и др.

Такого рода передачи предприятий в тресты республиканского и всесоюзного значения содействовали развитию ряда отраслей Одесской промышленности. Происходило это потому,

что крупные предприятия, вошедшие в состав Укртрестов, в дальнейшем своем развитии зависели больше от республиканской и общественной кон'юнктуры рынка, чем местные тресты, на ход развития которых влияли преимущественно чисто местные условия. С другой стороны, мощные центральные тресты, обладая большими финансовыми возможностями, могли обеспечить свои предприятия оборотными средствами, а также вложить большие суммы в дело восстановления, реконструкции и расширения их основного капитала. Вместе с тем, местным трестам могли быть предоставлены лишь небольшие оборотные средства; что же касается основного капитала местных предприятий, то сколько-нибудь значительные восстановительные работы могли быть произведены лишь в последние 3 года.

Надо добавить еще, что в годы гражданской войны и вплоть до начала новой экономической политики, когда все предприятия еще находились в ведении местных органов промышленности—максимум внимания, естественно, уделялся наиболее крупным предприятиям, в которых было занято большое количество рабочих. Поэтому на этих заводах основной капитал находился в лучшем состоянии, чем на мелких и средних, вошедших в состав местных трестов.

В силу всего сказанного, мы рассматриваем историю развития Одесской промышленности в условиях новой экономической политики в двух частях: отдельно дается обзор по местной и отдельно по централизованной промышленности. Далее суммируются общие данные и подводятся итоги успехам и достижениям по всей Одесской промышленности.

III. Местная промышленность.

1921—22 год.

Первый год работы об'единений был исключительно тяжелым. Как отмечено выше, трестирование промышленности в Одессе было проведено в течение ноября 1921—июня 1922 г. Таким образом, организационные формы создавались на протяжении значительного промежутка времени, охватившего большую часть операционного года. Этот период совпал с крайним ухудшением состояния всего хозяйственного фронта, вследствие неурожая и голода 1921-22 года. Покупательная способность населения пала до минимума. Сельского рынка, как такового, не было. В городах население также не было в состоянии закупать эти изделия, так как все его рессурсы поглощались заготовкой продуктов питания. Быстрое обесценение бумажных совзнаков лишало народное хозяйство и промышленность, в частности твердой экономической базы и, наряду с недостатком продуктов питания, делало невозможным поднятие реальной зарплаты до приемлемого уровня.

При таких условиях вновь созданным об'единениям, не имеющим значительных оборотных средств, приходилось упор-

но бороться за свое существование. Если добавить, что принципы хозрасчета явились для многих новыми принципами, нелегко и не всегда правильно воспринимаемыми, что вновь созданный коммерческий аппарат не отличался достаточной гибкостью, что рынки заготовки и сбыта приходилось только нащупывать, станет ясно, как тяжелы были условия работы новых трестов в первый год их существования.

Лишь к концу года, когда выяснились благоприятные результаты урожая, положение промышленности стало легче, и вновь наметился под'ем, прерванный неурожаем 1921 года. Чтобы показать конкретные условия работы местных трестов в этот период, приведем следующие данные:

Металлооб'единение при своем образовании получило оборотный фонд, оказавшийся совершенно недостаточным. Продукция его заводов сбывалась очень слабо: мельничные поставы, ведра, гвозди, посуда, проволока и другие изделия не находили сбыта в условиях голодного времени. Недостаток оборотных средств не давал возможности заготовлять материалы в необходимых количествах в плановом порядке, и об'единение стало на путь мелких покупок, по ценам недостаточно выгодным. Отсутствие необходимого сырья заставляло работать на бракованном материале, на обрезках железа и т. д.

Сбыт не носил планового характера. Для реализации продукции снаряжались экспедиции, выручки от которых едва покрывали себестоимость и крупные дорожные расходы. Стоимость кредита не позволяла широко прибегать к займам. В результате, об'единение вынуждено было закрыть завод б. Беллино-Фендерих, а для поддержки работы об'единению пришлось выдать дополнительный оборотный фонд.

В не менее тяжелом положении оказалось электрооб'единение, оборотные средства которого были также недостаточны. Трудности заготовок сырья усугублялись дефицитностью таких материалов, как шелк, эбонит и т. д.

Химоб'единение базировало свою работу главным образом на мыловарении, но недостаток твердых жиров на одесском рынке вызывал постоянные перебои в работе мыловаренного завода. Одновременно наблюдались трудности в сбыте и мыла, и спичек, и других фабрикатов. Несколько оживленней шла реализация продукции кислотного завода. В результате сильной депрессии пришлось закрыть спичечную фабрику.

Несколько живее работали винно-коньячное, кондитерское и консервное об'единения, продукция которых удачно реализовалась, причем значительная часть фабрикатов (вино, коньяк, консервы и друг.) сбывалась в Москву. Вместе с тем и эти об'единения страдали от недостатка соответствующего сырья. Для поддержания работы предприятий приходилось пользоваться сырьем, сильно влиявшим на качество изделий (желтый сахар, старые жестянки из под молока и т. д.).

Полиграфическое об'единение работало слабо из-за недостатка заказов, что приводило к постоянным простоям.

Соляная промышленность окрепла, благодаря удачному сбору соли в 21 и 22 г. и наличию большого спроса на соль, что создало Одессоли прочную материальную базу.

Все перечисленные об'единения испытывали сильное финансовое напряжение, и для поддержания их равновесия им были отпущены дополнительные оборотные средства, брошенные на заготовку сырья и топлива.

Кожтрест в 1921-22 году входил еще в состав местной промышленности. С самого начала трестом была проделана значительная работа по восстановлению основного капитала. Было установлено 39 электромоторов, 4 дизеля, 2 паровых котла и 12 разных специальных машин, был произведен капитальный ремонт заводских зданий, инвентаря, оборудования и т. д. Тресту удалось добиться очень значительного роста производства, повышения производительности труда: так, по всем заводам выход готового товара составлял в сентябре 21 г. 1702 кожи, в декабре—9476, в марте 22 г.—10461, в июне—14146, в сентябре 22 г.—18292 кожи. При этом в сентябре 21 года на 1 рабочего приходилось 3,2 кожи, в октябре 1922 г.—33,7 кожи. Реальный заработок в среднем на 1 рабочего составлял в октябре 1921 г.—17 р. 41 к., в сентябре 1922 г.—56 р. 42 к.

Столь значительные успехи в 1-й же год существования треста оказались возможными, благодаря высокой кон'юнктуре рынка сбыта кожизделий и в то же время благодаря наличию достаточного количества кожсырья. Прибыль, которую дал в этом году Кожтрест, равна была 30.000 пудов подошвы.

Этот краткий обзор показывает, что, в общем, положение трестов было в 1921-22 году очень тяжелым. Лишь немногие об'единения, продукция которых находила более или менее хороший сбыт, пережили этот год относительно легко.

Но и в этих тяжелых условиях начинается работа по частичному восстановлению основного капитала, пересматривается состав об'единений, улучшаются организационные формы, нащупываются новые формы коммерческой работы. В то же время улучшаются условия труда и несколько повышается общий производственный уровень предприятий местной трестированной промышленности.

Следующие таблицы дают цифровое выражение отмеченным достижениям:

А. Производство в тыс. довоен. рубл.

Об'единения	1921 г.	1921—22 г.	Примечание:
Металлооб'ед.	86,3	131,3	В сводку не включены Электрооб'единение и Обмундировочная ф-ка, так как их продукция не могла быть оценена по довоенным ценам.
Химоб'ед.	245,7	251,3	
Дрожже-винокур.	34,8	61,1	
Госкондитер. ф-ка	149,3	157,0	
Госконсервн.	60,6	188,0	
Винно-коньячн. зав.	250,0	360,2	
Полиграфоб'ед.	75,0	175,8	
Кожтрест	947,0	1984,7	
Всего	1848,7	3309,4	

Б. Продукция на 1 рабоч. в довоен. рубл.

Об'единения	1-е 9 мес. 1921 г.	1921—1922 г.	В %%-х отношениях к 1921 г.
Металлооб'единен.	20	57	285
Химоб'единен.	66	135	204,5
Дрожже-винокур.	24	101	420,8
Госкондит. фабрика	105	209	199
Конс. об'единен.	44	190	431,8
Винно-коньячн. зав.	204	1117	547.5
Полиграфоб'единен.	13	41	315,4
Итого	40	125	312,5
Кожтрест	75	272	363,0
ВСЕГО с Кожтрестом	50	212	424,0

В. Средняя зарплата 1 рабоч. в товарн. руб.

Об'единения	1-е 9 мес. 1921 г.	1921—1922 г.	В %%-ых отношениях к 1921 г.
Металлооб'единен.	3.30	9.20	278,8
Электрооб'единен.	3.30	11.71	354,8
Химоб'единение	3.44	9.95	289,2
Дрожжевинокур.	3.53	9.48	268,8
Винное	3.53	9.37	266,8
Госконсервное	3.53	8.88	251,6
Полиграфоб'единение	3.35	8.35	243,3,
Итого	3.39	9.49	279,9
Кожтрест	3.96	22.69	561,6
ВСЕГО с Кожтрестом	3.56	14.15	404,3

Чтобы охарактеризовать кризис сбыта, пережитый Одесской промышленностью в 1921-22 году, приведем еще данные о падении цен на промышленные фабрикаты в этот период.

Г. Продажная цена некоторых фабрик Об'единен. О. Г. С. Н. Х. в товарных рублях.

Изделия	Един. меры	Довоен. цена	Март 1922 г.	Июнь 1922 г.	Сентяб. 1922 г.
Конс. рыб. (одинар. коробки)	1 шт.	—.25	—.07	—.13	—.14
Мыло стирочное	1 пд.	4.50	8.05	3.75	3.61
Мыло туалетное	1 дж.	1.20	—.90	—.94	—.88
Гвозди	1 пд.	2.40	1.33	2.05	3.—
Ведра	1 шт.	—.35	—.19	—.38	—.36
Подошвенная кожа	1 пд.	22.50	18.70	28.33	41.51
Монпасье	1 пд.	9.—	4.45	7.19	10.13
Дрожжи	1 ф.	—.40	—.31	—.55	—.63

Продукты первой необходимости, как кожа, дрожжи не испытали даже в период самого тяжелого кризиса (март 22 г.) такого падения цен, как остальные изделия. В последние месяцы, в связи с новым урожаем, начался рост цен на фабрикаты промышленности, причем особенно интенсивно шел рост цен опять таки на наиболее ходкие изделия, в отношении которых кон'юнктура рынка была особенно высокой.

1922—23 и 1923—24 годы.

Следующие два года тесно связаны между собой, ибо в эти годы в условиях падающей валюты проводилась большая работа по восстановлению Одесской промышленности,—работа, которая, несмотря на неблагоприятные в общем об'ективные условия, дала весьма ценные результаты, выразившиеся в укреплении позиций нашей промышленности, в повышении ее производственно-экономического уровня, в более правильной организации коммерческой деятельности, в проведении целого ряда рационализаторских мероприятий и в дальнейшем повышении материального уровня жизни рабочих.

В эти годы, однако, финансовая база местной промышленности еще продолжала оставаться в неустойчивом состоянии, что зависило от неустойчивости кон'юнктуры рынка и отсутствия достаточных собственных оборотных средств. В силу сказанного, эти годы являются еще годами тяжелой и упорной борьбы за существование.

Местные тресты должны были всячески напрягать свои оборотные средства, и, разумеется, отвлечение хотя бы части из них в капитальное строительство было невозможно.

Однако, по своей экономической сущности эти 2 года были неодинаковы, а во многом даже противоположны друг другу; в 1922-23 г., после ликвидации последствий неурожая и голода, начался под'ем кон'юнктуры; спрос на промышленные изделия стал быстро расти, начался постепенный рост цен на фабрикаты. Период, когда «ножницы» сомкнулись, вследствие падения цен на сельско-хозяйственные продукты и роста цен на фабрикаты, был кратковременным: процесс этот, продолжаясь дальше, привел к новым «ножницам», не менее опасным для промышленности, чем прежние.

Изделия городской промышленности становились все более и более недоступными для сельского рынка и, наконец, последний потерял почти всякое значение, как рынок сбыта промышленной продукции. Это обстоятельство в полной мере выявилось к концу 1922-23 г., когда расхождение «ножниц» достигло апогея. Политическая и экономическая опасность создавшегося положения заставила всю промышленность, в том числе и Одесскую, пойти, согласно директивам высших органов, по пути решительного снижения цен. 1923-24 г. характеризуется именно борьбой за создание таких условий, при которых это снижение могло бы быть проведено без вреда для

промышленности и которые могли бы создать базу для дальнейшего расширения масштаба ее работы.

Указанное повышение конъюнктуры в 1922-23 году позволило местным трестам закончить год, в общем, с прибылью в 240 тыс. руб., (включая и предприятия б. Николаевской губернии). Продукция всех местных трестов ОГСНХ за 1922-23 г. составила 2,8 милл. довоенных рублей. Если же исключить Николаевские предприятия, то сумма их продукции выразится в следующем:

Т Р Е С Т Ы	21/22 г.	22/23 г.
Пищетрест	766	900 т. руб.
Электрометалл	131,3	240 „ „
Одесхимсольтрест	551,0	1000 „ „
Одесполиграф	175,7	290 „ „
Губшвейпром	60,0 [1])	72 „ „
Спич. ф-ка	—	28 „ „
Итого	1684	2530 т. руб.
В %%	100	150

Эти успехи не могли быть прочными до тех пор, пока существовали «ножницы». Вот почему только о 1923-24 г., когда удалось добиться их сжатия, можно говорить, как о первом годе действительного восстановления местной промышленности. Переход к твердой червонной валюте создал в то же время более прочную базу для ее развития. Чтобы показать, как резко шло сжатие «ножниц» в 1923-24 г., приведем следующие примеры:

Прейс-курантные цены на продукцию местн. промышленности.

Наименов. изделий	На 1/X—23 г.	На 1/I—24 г.	На 1/IV—24 г.	На 1/VII—24 г.
Соль 1 пуд	— р. 52 к.	— р. 21 к.	— р. 19 к.	— р. 17 к.
Ведро 1 шт.	2 „ 10 „	1 „ 05 „	1 „ — „	1 „ 05 „
Серная кисл. 52° 1 пуд	1 „ 80 „	1 „ 25 „	1 „ 10 „	1 „ 10 „
Монпасье	14 „ — „	13 „ — „	13 „ — „	13 „ — „

На основе создания этой более прочной экономической базы была проделана в 1923-24 г. большая организационная производственно-техническая и коммерческая работа, давшая ценные результаты. Тресты были переведены на уставное положение и включены своим сальдо в местный бюджет. Проводилось систематическое наблюдение за правильностью постановки калькуляционного дела и за продажными ценами, установленными трестами.

1923/24 г. был первым годом, когда обращено было особое внимание на правильную структуру трестов и на рационализацию производства. Целый ряд производств был сконцентри-

[1]) Ориентировочно.

рован: так, на заводе б. Богдана была организована мастерская по выработке жестяных коробок, которые раньше вырабатывались на ф-ке б. Фальц-Фейна; оборудование завода б. Новороссийского переброшено на завод им. Ленина и т. д. С другой стороны конъюнктура рынка позволила пустить некорые прежде бездействовавшие заводы (пивовар. зав. б. Бавария, зав. искусств. минеральных вод). Возобновлен ряд новых производств: вагонных весов и суперфосфатное, пущен завод № 9 б. Жако (жестяные изделия), завод б. Штапельберга (ультрамарин), зав. б. Газоген (углекислота), кирпично-черепичный завод, пущено беловое отделение при 2-й типографии, там же создана литография и т. д.

В том же году произведено значительное дооборудование ряда заводов. Так, производственная мощность консервной ф-ки б. Неофит, благодаря установке новых закаточных машин, была по сравнению с довоенным временем увеличена вдвое. Посудный цех завода им. Петровского был дооборудован прессами с заводов б. Левина и б. Новороссийского. На весовом заводе усилено штамповальное отделение и поставлены прессы. Во 2-й типографии были установлены две ротационно-билетные машины и т. д. В то же время производились самые неотложные работы по текущему и капитальному ремонту. Всего было затрачено по местным трестам 120 тыс. руб. Как ни мала эта сумма, все же это было начало восстановления основного капитала.

Постановка производственного процесса в общем была мало удовлетворительна. Однако, улучшить технические условия работы, вследствие отсутствия средств, было нелегко. Тем не менее, кое-что было сделано и в этом отношении: механизирована работа кондитерской фабрики, произведена перестановка станков на ряде заводов, механизирован ряд процессов (напр. на 4-м заводе Металлооб'единения перешли к механической обрубке литников, к машинной формовке и к работе на револьверных станках в арматурном отделении; механизирована работа на спичечной ф-ке, в Швейпроме оборудование частично электрофицировано и т. д.).

Начаты были работы по нормированию труда. Не останавливаясь на этом вопросе детально, приведем только несколько примеров, показывающих, как важно было проведение этой работы.

Число ч/часов, потраченных на единицу изделия.

Название изделий	Колич.	1923 г.	1 и 2 кв. 1924 г.	3 кварт. 1924 г.
Вино	1 ведро	5,2	2,4	1,4
Дрожжи	1000 фун.	640	240	142
Коробки	1000 шт.	59	—	36
Консервы	1000 кор.	101	—	90
Мыло	1 пуд	2,5	1,2	1,1

Нормы введены были на ряде заводов местных трестов, что способствовало повышению производительности труда. В том же направлении повлияло и проводимое, по возможности, разделение труда. В 1923/24 году проведен был ряд мероприятий по постановке учета производства, учета материалов, введены в ряде предприятий контрольные листки и т. д.

Насколько велико было значение этих мероприятий, показывают следующие примеры: расход жести на 1000 консервных коробок уменьшился с 8450 кв. дм. до 7650, резины с 0,15 пуд. до 0,12, воды на 1 пуд. серной кислоты с 3,1 вед. в 22/23 г. до 2,6 ведра в 23/24 г. и т. д.; расход дров за тот же период на 1 ведро вина с 0,39 пуда уменьшился до 0,17, угля на 1000 кор. консервов с 5,3 пуд. до 4,5, на 1 пуд серной кислоты с 0,26 пуда до 0,17 и т. д.

С целью улучшения теплосилового хозяйства трестов производилась работа по его урегулированию под наблюдением Од. Научно-Технического Отдела. Понижение промышленной кон'юнктуры в 1923/24 г. вынуждало тресты обращать внимание на улучшение качества продукции, и в этом отношении также предпринимались известные шаги.

Краткий перечень всех этих сторон производственно-технической деятельности местной промышленности показывает, что в 1923/24 г. перед нею встали серьезные проблемы. от разрешения которых зависел весь дальнейший ход ее развития. Разумеется, они не были разрешены в 1923/24 г., но во всяком случае, как показывают приведенные примеры, первый шаг был сделан.

Следует подчеркнуть, что тогда же началась работа производственных совещаний, втянувших рабочие массы в созидательную работу. Хотя возникновение их имело место во 2-й половине операционного года, тем не менее результаты их работы сказались еще в том-же году. Так, производственное совещание на заводе им. Петровского наметило пуск второй обжигательной печи для увеличения выработки эмалированной посуды, предложило перегруппировать станки и т. д.

В 1923/24 г. проводилась работа и по урегулированию вопросов зарплаты. Установлена единообразная система выплаты компенсации за увольнение, введены в норму начисления на зарплату и т. д. Обращено было также внимание и на снижение накладных расходов и в этой области также достигнуто было улучшение; так, по Пищетресту заводские накладные расходы составляли:

Наименование	1-й кв.	2-й кв.	3-й кв.
Вино 1 ведро	— р. 82 к.	— р. 71 к.	— р. 52 к.
Дрожжи 1000 ф.	59 „ — „	40 „ — „	39 „ — „
Консервы 1000 шт.	8 „ 20 „	—	6 „ 20 „
Кондит. изд. 1 пуд.	3 „ 90 „	3 „ 40 „	3 „ 80 „

Заметное улучшение наблюдается в этот период и в области коммерческой деятельности местных трестов. Прежде всего, значительно улучшилось дело заготовки: если еще в 1922/23 г., напр., халвичный сезон был потерян из-за неполучения во время тахинного масла и кунжутного семени, если еще в 1-м полугодии 23/24 г. наблюдались некоторые перебои в поступлении отдельных видов сырья, то во 2-й половине 23/24 г. заготовки сырья и топлива носили в общем планомерный характер.

Методы заготовки были в значительной мере упорядочены: от нерегулярных закупок мелкими партиями у случайных поставщиков местная промышленность переходит к плановым заготовкам у госучреждений. Но это касалось лишь топлива и основных видов сырья. Отсутствие других видов сырья и материалов у госорганов и кооперации все же заставляло тресты нередко обращаться к услугам вольного рынка. Все же роль частных лиц в деле снабжения трестов уменьшилась: доля их в 1922/23 г. составляла по Пищетресту 31,1%, а в 23/24 г.—29,4%; по Электрометаллу соответственно 68,2% и 44,2%, по Одесхимсольтресту 29,1% и 13,1%; в среднем, по всем трестам удельный вес частных лиц составлял в 22/23 г.—33%, а в 23/24 г.—20%; кооперации—1% и 5% и госорганов—66% и 75%. Улучшилось также качество получаемого сырья: случаев поставки сырья неудовлетворительного качества—в 23/24 г. было сравнительно немного.

В 1923/24 г. начинает развиваться товарный кредит, что способствовало развитию заготовительных операций трестов. В то же время дорого-стоющий экспедиционный метод заготовки за ненадобностью был отставлен и скоро отошел в область преданий.

В отношении сбыта продукции местных трестов в 23/24 г. также наблюдается улучшение, заключающееся в том, что при большом расширении сбыта роль частных оптовиков-покупателей заметно уменьшилась, как это показывают следующие цифры:

Распределение оптового сбыта по покупателям в %%.

Покупатели	Пищетрест		Электрометалл	
	1922/23 г.	1923/24 г.	1922/23 г.	1923/24 г.
Частные	59	34	22	15
Государственные	25	44	75	82
Кооперация	16	22	3	3
Всего	100	100	100	100

В то же время район сбыта продукции Одесской местной промышленности очень расширился: так, например,—74% продукции Пищетреста было продано на иногородних рын-

ках, причем на долю только одного Московского района пришлось 35% всего оборота треста.

Однако, при всех этих достижениях, положение местной промышленности в 1923/24 г. все же было тяжелое. Сильное непосредственное влияние на состояние промышленности оказало снижение продажных цен в обстановке острого финансового напряжения. В особенности создалось это напряжение в конце года, когда банковские средства были мобилизованы для поддержки хлебозаготовок, кредиты же промышленности были сильно сокращены.

В то же время ряд особо неблагоприятных условий привел некоторые тресты к острому финансовому кризису. Понадобилась решительная ломка структуры некоторых об'единений, реорганизация их работы и укрепление их финансов, чтобы вывести их из того тупика, в который они зашли. Эта работа была выполнена в конце 1923/24, и в 24/25 г. эти тресты работали уже на иных основах.

В то же время административное резкое снижение цен на соль сделало это, ранее высокорентабельное, производство убыточным. В результате, убыток по Электрометаллу и Одесхимсольтресту не только поглотил всю прибыль, накопленную другими трестами, но дал в конечном итоге по всей местной промышленности убыток в 343 тысячи рублей.

Таким образом, если в производственно-технической и коммерческой области в 1923/24 г. был сделан большой шаг вперед по сравнению с предшествующими годами, то все же постановка дела в некоторых об'единениях была весьма далека от совершенства. Это обстоятельство, наряду с неблагоприятными кон'юнктурными условиями, также отразилось на финансовом состоянии местных трестов.

1924—1925 год.

1924/25 г. был первым годом укрепления финансовой базы местной промышленности, причем это укрепление позволило сильно двинуть вперед и дело улучшения производственно-технической и коммерческой работы трестов.

Вновь начался под'ем промышленной кон'юнктуры, причем обнаруживавшийся товарный голод, продолжавшийся весь год, стимулировал широкое развитие производства. Существовавшие продажные цены в условиях товарного голода, при использовании кон'юнктуры, создали возможность для местных трестов накопить значительную прибыль и не только покрыть убыток предыдущего года, но и вложить в оборот новые средства, необходимые для дальнейшего развития производства.

Наиболее прибыльно работал в это время Металлтрест, который покрыл убытки Электрометалла и создал твердую базу для своей работы на будущее время. Прибыль, полученная в 1924/25 г. местными трестами, была такова:

Металлтрест	+	833,3	
Пищетрест	+	449,2	
Одесхимсольтрест	+	12,5	
Одеспoлиграф	+	26,3	
Швейпром	—	65,6	(убыток)
Одесдрев	—	27,0	(убыток)
ГТК	+	87,6	
Всего	+	1316,3	

1924/25 год характеризуется значительным расширением производства, как это показывает следующая таблица:

Товарная масса в тыс. черв. руб. по прод. ценам.

ТРЕСТЫ	1923/24 г.	1924/25 г.
Пищетрест	3201,1	6848,8
Металлтрест	1790,2	3244,7
Одесхимсольтрест	998,8	1472,9
Одеспoлиграф	929,1	1174,4
Одесшвейпром	543,6	807,0
Одесдрев	—	309,7
Всего	7462,8	13857,5

Пущен ряд новых производств на действовавших заводах, как например: налажено было станкостроение, возобновлено производство вагонных весов, начато изготовление контрольных весов и т. д. Вместе с тем организовано производство коньяка из виноградного спирта, что является мероприятием, подводящим базу под развитие виноградарства в южном засушливом районе.

По местной промышленности было затрачено на капитальные ремонты, приобретение имущества и новые постройки 550,3 тыс. руб., причем из этой суммы около 200 тыс. руб. затрачено на приобретение имущества. Эта цифра говорит, что в 24/25 году был сделан значительный шаг вперед по пути восстановления и улучшения основного капитала местной промышленности. Конечно, вложенных сумм было недостаточно по сравнению с действительной потребностью.

Значительные мероприятия были проведены и в деле рационализации производства. Не перечисляя всех, отметим только отдельные примеры. В Пищетресте, благодаря установке ряда новых машин, достигнуты были значительные результаты в экономии рабсилы и в увеличении пропускной способности отдельных заводов, причем на некоторых предприятиях отдельные цеха увеличили свою мощность на 100%. В Металлопромышленности введена была механизация многих процессов производства, что содействовало улучшению качества и снижению стоимости изделий. Так, себестоимость пуда гвоздей снижена с 6 р. 17 до 6 р. 10 к., ведра — с 1 р. 02 к. до 90 к. По Одесхимсольтресту себестоимость пуда ультрамарина упала с 43 руб. 84 к. до 20 р. 65 к. и т. д.

Росту производства сопутствовал и рост рабочей силы, как это видно из следующей таблицы.

Т Р Е С Т Ы	I/X—24 г.	I/X—25 г.
Металлтрест	787	1475
Пищетрест	1066	1175
Одесхимсольтрест	307	745
Одесполиграф	652	596
Швейпром	169	153
Одесдрев	—	24
Всего	2981	4167

Заработок рабочих местной промышленности значительно повысился по сравнению с предшествующими годами, составляя по отдельным трестам 50—60 руб. в месяц. Таким образом, рост производства за последние годы привел к созданию значительно лучших условий оплаты труда.

В 1924/25 г. широко развилась и коммерческая деятельность трестов.

Сбыт в тыс. червон. рублей.

Т Р Е С Т Ы	23/24 г.	24/25 г.
Пищетрест	3734,9	6578,5
Металлтрест	1595,6	3373,1
Одесхимсольтрест	1125,0	1604,2
Одесполиграф	964,7	1646,6
Швейпром	638,4	875,3
Одесдрев	—	321,9
Гостехконтора	604,4	1626,0
Итого	8661,0	16025,6

Развитие сбыта шло параллельно с все большим охватом иногородних и часто весьма отдаленных рынков: в 1924/25 г. в пределах Одесского округа продано лишь 47% всей реализованной продукции, 18% в прочих округах Украины и 35% вне Украины. Одним из потребителей продукции этих трестов являлась Москва, куда сбывались в большом количестве консервы и макароны, отчасти кондитерские изделия и вино, затем весы, арматура, жестяные коробки и др. Москва являлась также крупным заказчиком Одесполиграфа. Главными покупателями продукции местных трестов являлись государственные учреждения и кооперация.

Дело заготовки было окончательно упорядочено, и к услугам частных лиц тресты прибегали лишь в тех случаях, когда требуемого сырья не было в распоряжении государственных или кооперативных органов.

Финансовое положение почти всех местных трестов было, несмотря на благоприятные экономические условия и на накопленную значительную прибыль, все же очень затруд-

нительно, так как расширение производства, необходимое в условиях товарного голода, требовало усиления средств в обороте, для каковой цели и служила накопляемая прибыль. Отметим, что если на I/X—1924 г. по местным трестам все средства в обороте составляли 4,4 милл. руб., то на I/X—25 г. сумма их дошла до 7,2 милл. руб. Столь значительное увеличение средств в обороте, являясь результатом увеличения размеров производства, естественно поглотило почти всю прибыль и те дополнительные средства, которые были выданы местной промышленности в 24/25 году.

1925—1926 год.

Успехи, достигнутые в 1924/25 году, были закреплены и развиты в 1925/26 году. Местная промышленность продолжала итти быстрыми шагами по пути развития, причем в 1925/26 году особенно много было сделано в области восстановления основного капитала, не только путем реконструкции и обновления имеющегося, но самое важное, и путем создания новых производственных единиц.

Основной капитал местных трестов на I/X—1925 г. составлял 7587,3 милл. руб., а на I/X—26 г.—9878,5 милл. Однако, даже после больших вложений 1925/26 года состояние основного капитала все еще недостаточно благоприятно, вследствие значительного морального, а также физического износа, доходящего до 20—30%, а по некоторым предприятиям и до 50%.

Всего в 25/26 году сумма капитальных затрат составила 1.350 тысяч рублей, причем более двух третей этой суммы пошло на новые постройки и оборудование, чем этот год отличается от предыдущих, когда большая часть средств шла на поддержание старых зданий и машин. В 25/26 году созданы были путем перестройки и дооборудования завод красок и лаков и два кирпичных завода.

В результате капитальных вложений достигнут был значительный эффект, который выразился в росте производства, повышении производительности и в улучшении условий труда.

Одновременно значительно усилено и теплосиловое хозяйство местных трестов: на I/X—1925 г. в 4-х крупных трестах (Металлтрест, Пищетрест, Одесхимсольтрест, Одесполиграф) действовало 27 первичных двигателей общей мощностью в 1031 лош. сил, а на I/X—26 г.—30 двигателей мощностью в 1218 лош. сил; число действующих электромоторов чужого тока за тот же период возросло со 147 до 199, а мощность их с 1160 лош. сил до 1715; число действ. паровых котлов возросло с 26 до 34, а поверхность нагрева их с 1421 квадр. метров до 1893.

О росте производства говорит следующая таблица:

Товарная масса по заводск. себест. (б. акциза)

(в тыс. черв. рубл.)

ТРЕСТЫ	24/25 г.	1925/26
Металлтрест	2112	5002,0
Пищетрест	4459,5	7673,3
Одесхимсольтрест	1285,0	2068,4
Одесполиграф	1460,0	1748,5
Швейпром	625	688,0
Одесдрев	106	190,0
Всего	10047,5	17370,2

В связи с ростом производства нагрузка заводов была значительно увеличена, как показывают следующие цифры.

Нагрузка предприятий в %% от технич. мощности.

Тресты и предприятия	24/25 г.	25/26
Пищетрест		
Винно-коньячный завод	30	61
Дрожже-винок. завод	44	92
Кондит. ф-ка	65	77
Бисквитная ф-ка	30	80
Пивзавод б. Бавария	40	87
Завод искусств. мин. вод	30	75
Консервная фабрика	100	100
Металлтрест		
Весовой завод	92,8	100
Завод им. Петровского	60,7	85
Завод им. Ленина	64,2	72
Завод № 9	32,6	75
Одесхимсольтрест		
Ультрамар. завод „Правда“	32,6	100
Одесский стекол. завод	54,4	100
Николаевский стек. завод	90	100
Газоген	14	30
Одесполиграф		
Типографии	85	90
Обойная фабрика	60	60
Конвертная	79	90
Одесшвейпром		
Швейная фабрика	68	72
Одесдрев		
Фанерный завод	63	90

Большая работа была проведена в 25/26 г. в области рационализации производства, заключающаяся в более планомерной установке оборудования, в утилизации отходов

производства, урегулировании аппаратуры, в выработке новых методов производства, в достижении экономии топлива и сырья, в более правильном использовании рабочей силы, орудий и станков, чему в особенности способствовала работа, проводимая по линии техно-нормирования. В результате, местными трестами достигнута экономия в расходе сырья и материалов, 105 тыс. руб. от уменьшения расхода рабсилы, 47 т. р. от уменьшения расхода топлива и 38,5 т. р. по прочим статьям. Эти цифры наглядно показывают, как значительны были достижения местных трестов в области рационализации производства и проведения режима экономии. Они будут еще показательней, если скажем, что прибыль местной промышленности в 25/26 г. составила 2194 т. р.

Расширение производства привело к новому усилению кадра промышленного пролетариата: если на I/X—1925 г. на предприятиях местных трестов было занято 4235 рабочих, то на I/X—26 г. их число увеличилось до 6266 чел. Общее число всего персонала (включая и служащих) за год возросло на 2200 человек.

В то же время средний заработок рабочих увеличился: так, по Металтресту в 24/25 г. он составлял в среднем 60 руб., а в 25/26 г.—85 руб., по Пищетресту 45 руб. и 60 руб., по Одесхимсольтресту—50 руб. и 58 руб., по Одесполиграфу—60 и 70 руб., по Швейпрому 58 и 66 рублей.

В связи с рационализацией производства и установлением более правильных систем оплаты труда, наблюдался очень быстрый производительный рост труда: так, в Металтресте по сравнению с 1925 г. производительность труда по различным операциям по изготовлению весов поднялась на 20, 30, 40 и даже 75%, по изготовлению табачниц—на 50, 60, 100 и даже 130%, по производству кастрюль—на 20, 40, 60 и 80%, а на заводе им. Ленина по отдельным операциям производительность поднялась на 200, 300 и даже на 360%. Не столь бурный, но все же весьма значительный, рост производительности труда имел место и на заводах Пищетреста (увеличение по отдельным заводам на 15, 20, 30, 50 и 85%). Из заводов Одесхимсольтреста отметим ультрамариновый завод и завод «Газоген», где производительность труда повысилась на 100%.

Заметно поднялась и трудовая дисциплина. В Металтресте число невыходов по разным причинам в 1924/25 г. составляло 9% от списочного числа человеко-дней, а в 25/26 г.—8,3%; по Пищетресту—7,66% и 7,14%; в Одесхимсольтресте на 1 рабочего приходилось в среднем в месяц фактически проработанных человеко-дней: в 24/25 г.—21,7, а в 25/26 г.—22,2 дня.

К неблагоприятным условиям работы в 1925/26 году следует отнести вздорожание сырья и топлива, в значительной мере парализовавшее влияние рационализации производства и приведшее в конечном счете к повышению себесто-

имости большинства изделий местной трестированной промышленности.

Вторым неблагоприятным моментом явился недостаток отдельных видов сырья на рынке, что ухудшило условия снабжения. В особенности испытывал влияние этого обстоятельства Металтрест, основные поставщики которого не выполнили своих обязательств по снабжению металлами. Перебои в снабжении отразились также на Пищетресте, ощущавшем недостаток в жести для консервных коробок и в Химсольтресте, который имел ряд перебоев в производстве из-за отсутствия серы, импортных красителей и т. д.

В 1925/26 г. наблюдается дальнейшее расширение сбыта, как это показывают следующие цифры:

Сбыт (в тысячах рублей)

	23/24 г.	24/25 г.	25/26 г.
Пищетрест	3732,3	6578,5	11064,0
Металлтрест [1])	1595,6	3373,1	6016,0
Одесхимсольтрест	1125,0	1604,2	2723,7
Одесполиграф	1964,0	1646,6	2350,4
Швейпром	688,4	875,3	926,2
Одесдрев	—	321,9	362,3
ГТК	604,4	1626,0	2803,0
Всего	8661,0	16025,6	26245,6

Кон'юнктура сбыта была в общем благоприятна и, как видно из приведенной таблицы, местные тресты сумели ее использовать.

Увеличение сбыта сопровождалось дальнейшим охватом разных рынков, причем некоторые виды изделий одесской местной трестированной промышленности завоевывают прочное положение на таких отдаленных рынках как Сибирь, Дальний Восток, Туркестан, Архангельск и т. д. Так, в 1924/25 г. Металтрест продавал вне Украины 51% всей суммы реализованной продукции, а в 1925/26 г.—65%, Одесхимсольтрест 10% и 29%. В среднем же по всем трестам вне Украины было продано 35%, а в 25/26 г.—43%, в Одессе и Одесском округе соответственно 47% и 37%, в прочих округах Украины 18 и 20%. Следует особо подчеркнуть, что ряд изделий местных трестов вывозились за-границу (консервы, макароны и др.).

Рост производства и сбыта привел к значительному увеличению общей суммы средств в обороте: последняя увеличилась с 7,2 милл. руб. на I/X—1925 г. до 10,4 милл. на I/X—26 г., т. е. на 40% с лишним, при этом имело место увеличение собственных средств за счет значительной прибыли.

Наиболее слабые тресты получили пополнение оборотных средств, и в результате коэффициент устойчивости баланса

[1]) В 1923/24 году — Электрометалл.

местной промышленности возрос в течение года с 32,2% до 38,3%.

В то же время ускорился и темп обращения капитала по большинству трестов, благодаря чему в среднем по всей местной трестированной промышленности количество оборотов в год увеличилось с 2,39—24/25 г. до 2,76 в 25/26 году.

Несмотря на отдельные неблагоприятные условия, местная трестированная промышленность достигла большого развития в 1925/26 г. Это развитие сопровождалось значительным укреплением ее финансового положения, достигнутым, главным образом, как указано, благодаря накоплению большой прибыли. При этом надо отметить, что 1925/26 г. был первым годом, когда все местные тресты дали прибыль. Следующая таблица ярко характеризует рост рентабельности за последние годы.

Рентабельность в тысячах рублей

ТРЕСТЫ	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Пищетрест	+ 229,7	+ 449,2	+ 746,3
Металлтрест [1])	— 498,0	+ 833,3	+ 806,2
Одесхимсольтрест	— 186,3	+ 12,5	+ 205,3
Одесполиграф	+ 16,0	+ 65,6	+ 117.5
Одесдрев	—	— 27,0	+ 73,4
Гостехконтора	+ 20,7	+ 87,6	+ 183,1
Швейпром	— 6,0	— 65,6	+ 62,5
Всего	— 423,9	+ 1316,3	+ 2194,3

Отсюда видно, что в 1923/24 г. в общем итоге был получен убыток в 423,9 тыс. руб., причем 3 об'единения дали прибыль, а 3 убыток. В 1924/25 году, когда в составе местной промышленности было 7 трестов, 5 оказались рентабельными, а 2 убыточными, причем в конечном итоге получилась значительная прибыль (1316,3 тыс. руб.). Наконец, в 1925/26 г. все без исключения тресты дали прибыль, равную в общем 2194,3 тыс. руб. Эти данные, несомненно, свидетельствуют о значительных успехах местных трестов Одессы.

1926—1927 год.

Если 1924/25 и 1925/26 г. были периодом быстрого наступления, то последний 1926/27 г. является периодом укрепления завоеванных позиций и подготовки, путем создания соответствующих условий, к новому наступлению.

Именно этими характерными чертами и об'ясняется замедление темпа расширения производства и сбыта; накопленная в предыдущие два года прибыль частью восполнила убыток 23/24 г., частью была вложена в капитальное строительство, принявшее, как мы отметили выше, весьма зна-

[1]) В 23/24 г. Электрометалл.

чительные размеры. Одновременно часть прибыли вошла в оборот, дав возможность довести производство до размеров 1925/26 года. Однако, твердой финансовой базы для дальнейшего значительного развития промышленности она еще не дала, поэтому план на 1926/27 год, построенный на учете реальных финансовых возможностей, предусматривал небольшое расширение производства, каковое и фактически имело место; в этом смысле надлежит понимать закрепление завоеванных ранее позиций.

Вместе с тем в 26/27 году вновь обнаружилось резкое расхождение между ценами на промтовары и сельско-хозяйственные продукты, что являлось сильной угрозой для хозяйства страны в целом. Это обстоятельство выдвинуло перед промышленностью задачу максимального снижения цен, каковое мероприятие нашло отражение в практической деятельности местных трестов. По данным на I/IV—27 г., снижение это составило в среднем 10,3%; однако, промышленность на этом не остановилась и продолжала снижение продажных цен в течение всего 26/27 года.

Идя по этому пути, местная промышленность уже во второй половине 26/27 года имела довольно ощутительные результаты по целому ряду изделий. Первые мероприятия по снижению продажных цен шли несомненно за счет понижения рентабельности, однако, такое положение следовало рассматривать как временное, и задача промышленности свелась к максимальному снижению себестоимости.

Одним из главных мероприятий по снижению себестоимости явилась рационализация производства, во всех моментах работы предприятий. Металтрест ввел по ряду производств полное разделение труда, причем очень многие процессы были вполне механизированы. Установка новых усовершенствованных станков увеличила выпуск отдельных цехов, причем было уделено особое внимание рациональному использованию рабсилы. Проделана большая работа по паспортизации станков, что дало более правильное представление об их производительности и создало научное основание для определения расценок.

Пищетрест уделил особое внимание рационализации улова рыбы, с каковой целью был проделан ряд опытов по использованию новых, до сих пор мало изученных орудий этого промысла. На предприятиях установлены были новые аппараты, приведшие к увеличению выходов готового товара, что дало особенный эффект по дрожжевому производству. Подача материалов и движение грузов по заводским помещениям были частично механизированы.

В полиграфической промышленности также введены в строй машины, содействующие улучшению процесса работы, причем многие операции были механизированы. В частности, следует указать на частичную механизацию переплетного

дела и на применение ротационных машин в деле печатания календарей и т. д.

Особое внимание было уделено вопросу утилизации отбросов производства, для чего поставлены были опыты утилизации отбросов соледобывания. В результате проведения исследовательской работы задача была разрешена, что дало возможность приступить к постройке завода хлористого магния с годовой производительностью в 60.000 пудов, с целью удешевления ультрамарина были установлены поставы новейшей конструкции, а для удешевления выволочки соли приступлено к постройке двух специальных элеваторов.

В швейной промышленности проведено в жизнь разделение труда и установлены новые закройные машины.

Результаты этих мероприятий скажутся в полной мере лишь в 27/28 г., однако, частичные успехи в деле снижения себестоимости продукции можно отметить уже во 2-м полугодии 26/27 года.

По некоторым изделиям Металтреста уже в 3-м квартале удалось добиться снижения себестоимости по сравнению со 2-м кв. на 5—10%. По некоторым изделиям Пищетреста калькуляция 3 квартала показывает также весьма заметное снижение себестоимости. Одесхимсольтрест добился снижения себестоимости углекислоты с 63 коп. в январе 1927 г. до 42 коп. в июне, а кислорода за тот же период с 1 р. 87 коп. до 1 р. 05 коп. Одесдрев снизил себестоимость фанеры в июне на 3,7% по сравнению со 2-м кварталом, Швейпром на отдельные виды изделий до 12%.

Таким образом, уже в 1926/27 г. можно назвать ряд изделий местных трестов, по которым достигнуто весьма значительное снижение заводской себестоимости; разумеется, это снижение не могло еще охватить всех изделий.

Наряду со снижением заводской себестоимости, достигнуты успехи и в деле сокращения накладных и общеадминистративных расходов, как это видно из следующей таблицы.

Снижение расходов в первом полугодии 26/27 г. по сравнению со 2-м полугодием 25/26 года.

ТРЕСТЫ	Средне-месячные данные в рублях				
	2 полугод. 25/26 г.	1 полугод. 26/27 г.	% снижения	Экономия в месяц	Экономия в год
Пищетрест	38486	34350	10,7	4136	49632
Металтрест	8448	8070	4,3	378	4536
Одесхимсольтрест	12223	10451	16,0	1772	21264
Полиграф	5477	5011	8.5	466	5592
Швейпром	2116	1661	21,5	455	5460
Итого по 5 трестам	66750	59543	10,8	7207	86484

Рационализация производства и снижение административных расходов являются факторами, способствующими снижению себестоимости изделий. Однако, неполное влияние

первого мероприятия в течение 26/27 г. (по причинам, указанным выше), а также ряд неблагоприятных моментов (вздорожание сырья) препятствовали значительному снижению средней себестоимости изделий, так как, наряду с изделиями, по которым удалось добиться большого снижения себестоимости, имелись и такие, по которым себестоимость или совсем не уменьшилась или же даже несколько возросла.

Рентабельность трестов, вследствие сильного снижения продажных цен в 1926/27 году, уменьшилась. Предполагаемая прибыль за 26/27 год составит ориентировочно 1300 тыс. руб. против 2200 тыс. руб. за 25/26 г. Нижеследующие цыфровые данные дают ответ на основные вопросы работы местной промышленности в 1926/27 году.

Производство в тыс. руб. по заводск. себестоимости.

Т Р Е С Т Ы	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Металлтрест	2276	5244	5596
Пищетрест	4914	8882	8782
Химсольтрест	1285	2224	2120
Одесполиграф	1114	1543	1599
Одесдрев	308	180	559
Одесшвейпром	720	690	1100
Итого по трестам ОМП'а	10617	18763	19756

Средне-годовое списочн. число рабочих.

Т Р Е С Т Ы	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Металлтрест	1061	1922	2034
Пищетрест	967	1199	1458
Химсольтрест	556	688	699
Одесполиграф	604	590	478
Одесдрев	147	63	185
Одесшвейпром	174	130	170
Итого	3509	4592	5024

Капитальное строительство.

Наименование предприятия	25/6 г. сумма капит. работ	1926—1927 год					
		Капит. рем.	Расшир. рекон. и обор.	Нов. строит. Здания	Нов. строит. Оборудов.	Жилстр.	Итого
Металлтрест	605	149	166	—	—	120	435
Пищетрест	212	67	68	404	134	—	673
Химсольтрест	405	6	17	4	42	—	69
Одесполиграф	48	10	38	—	—	—	48
Одесдрев	1	23	14	—	—	—	37
Одесшвейпром	—	30	10	—	—	—	40
Итого по трестам ОМП'а	1271	285	313	408	176	120	1302

Динамика сбыта трестов ОМП'а.

Т Р Е С Т Ы	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Металлтрест	3373,1	5853,6	6102,7
Пищетрест	6578,5	10726,0	10808
Химсольтрест	1604,2	2723,7	2493
Одесполиграф	1646,6	2350,3	2253,8
Одесдрев	321,9	362,4	640
Одесшвейпром	875,3	926,2	1364
ГТК	1626,0	2802	3100
Всего	16025,6	25744,2	26761,5

Следует особо отметить, что в 1926/27 году продолжалось начатое в 25/26 году создание новых производственных единиц, среди которых постройка новой консервной фабрики занимает самое видное место.

В довоенное время Одесса имела сильно развитое консервное производство на рыбной базе Черного моря и ближайших рек и распространенного в окрестностях города огородничества.

Сильный износ основного капитала 3-х существующих сейчас консервных фабрик, при наличии неудовлетворенного спроса на консервы со стороны внутреннего и внешних рынков, привели к необходимости создать в Одессе новую фабрику, которая будет выпускать 10—12 миллионов коробок в год. Для удешевления себестоимости консервов и для создания таких производственных условий, которые гарантировали-бы высокое качество консервов, фабрика будет оборудована лучшими импортными машинами, причем большое внимание уделено вопросам механизации всех процессов производства.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что местная трестированная промышленность добилась за эти годы исключительно больших успехов. Выйдя из эпохи гражданской войны в весьма тяжелом состоянии, обладая крайне изношенным основным капиталом, местные тресты вступили на путь хозяйственного расчета почти без оборотных средств, в условиях острого кризиса, рожденного голодом 1921/22 года.

С большими усилиями, ценой величайшего напряжения, неся значительные жертвы, они постепенно добились укрепления своего положения и вышли на ровную дорогу. Даже в тяжелых условиях первых лет местная промышленность проводила по мере сил и возможностей повышение материального уровня рабочих и в то же время вкладывала те небольшие средства, какие оказывались возможным вложить, в дело восстановления и расширения своего основного капитала.

Перспективы.

В дальнейшем перед местной трестированной промышленностью открываются широкие перспективы. В ближайшее пятилетие предполагается создать ряд новых производственных единиц (завод цементный, новый ультрамариновый, брома, вторую консервную и новую макаронную ф-ки, завод резины, суконную ф-ку, мыловаренный завод и т. д.). Одновременно необходимо дооборудовать и расширить работающие ныне заводы.

Кроме сказанного, перед местной государственной промышленностью стоит задача включить в свой состав ряд крупных артелей безработных, общее состояние которых позволяет ставить вопрос о передаче их для эксплоатации непосредственно государству.

Предполагается вложить в основной капитал около 13 мил. рублей за 5-ти летие, причем производство (в тыс. руб. по заводской себестоимости) должно возрастать следующим образом:

1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.
19756	23832	28261	33256	37828	40605

При этом себестоимость, постепенно понижаясь, должна к концу пятилетия уменьшиться на 20%, а продажная цена на 22%.

Численность рабсилы должна увеличиться с 5024 чел. (среднее за 26/27 г.) до 8265 чел. в 31/32 г., т.-е. на 3240 чел., причем средний заработок должен возрасти на 23%, что, учитывая предполагаемое удешевление продуктов массового потребления, увеличит реальный заработок процентов на 30.

Осуществление этого плана, построенного на основе возможности использования в максимальной степени местного и привозного—внутреннего, главным образом, сельско-хозяйственного сырья, потребует финансовой помощи из государственных и местных средств.

Во всяком случае, деятельность одесской промышленности имеет значение не только для Одесского округа и Украины, но и для Союза, так как ее работа во многом связана с работой Одесского порта—второго по значению после Ленинградского.

Не говоря уже об импорте сырья и материалов для ее нужд, отметим, что постепенно налаживается экспорт отдельных видов ее продукции. Надо надеяться, что в ближайшие годы экспортная деятельность увеличится как по номенклатуре, так и по количеству вывозимой продукции.

Но если так, то максимальное развитие одесской промышленности, по географическим условиям находящейся в отношении экспорта в более выгодном положении, чем промышность других пунктов Союза, должно быть обеспечено путем оказания ей соответствующей финансовой поддержки. При

этом условии перед нею откроются самые широкие перспективы.

IV. Арендная промышленность.

На-ряду с отбором крупных предприятий в государственную промышленность, оставалось значительное количество мелких слабо оборудованных предприятий, эксплоатация коих была для государства невыгодна, но истощение товарных запасов и крайняя нужда в промтоварах потребовали привлечения частной инициативы для использования ее в мелкой промышленности. Конечно, общий контроль и регулирование сданных в арендное пользование предприятий было сохранено за государством в полной мере.

При таких условиях почти все промышленные предприятия, начиная с конца 1921 г., находились в эксплоатации разных организаций и пополняли своей продукцией общую товарную массу по Одесскому округу.

Указанное экономическое мероприятие преследовало также цель вовлечь свободные денежные средства частных лиц в промышленную работу, стимулировало развитие промысловой кооперации и оказывало трудовую материальную помощь безработным, путем сдачи последним отдельных мелких единиц.

В 21/22 г.	и в	22/23 г.	было сдано	65 предприятий
„ 23/24 г.	„	„	71	„
„ 24/25 г.	„	„	63	„
„ 25/26 г.	„	„	65	„
„ 26/27 г.	„	„	57	„

Следующие данные показывают удельный вес частного капитала в нашей промышленности и вместе с тем рост промышленной кооперации и государственных организаций в арендной промышленности. В 21/22 г. из общей суммы 71 арендного предприятия у частных лиц было 37 предприятий, т. е. более 50%. В 25/26 г. в руках частных лиц было 40 арендных предприятий или 47,8%, а в 26/27 г.—соответственно 24 предприятия или 40%.

По количеству выпущенной продукции соотношение еще более резко меняется не в пользу частного капитала.

Категория арендаторов	25/26 г.	26/27 г.
Государствен. организац.	14,0	34,0
Комборьбез	20,0	20,0
Кооперация	39,0	34,0
Частные лица	27,0	12,0
	100	100

Таким образом, роль частного капитала постепенно снижается за счет увеличения общественного и государственного капитала.

Уделяя основное внимание государственной промышленности, регулирующие органы вместе с тем всемерно поддерживали развитие и укрупнение арендованных предприятий, что в результате дало значительное количество материальных ценностей.

Следующие цифры дают динамику роста продукции арендной промышленности за последние годы.

В 25/26 г. выпущено изделий на 7.051.000 руб.
„ 26/27 г. „ „ „ 9.587.000 „

Таким образом, 26/27 г. по сравнению с 25/26 г. дал увеличение выпущенной продукции на 35%.

Благодаря усилению надзора за выполнением обязательств по восстановлению предприятий сданных в аренду, большинство из них приведено в состояние довоенного времени. Восстановлены полуразрушенные заводы. Многие предприятия электрифицированы и механизированы. Наряду с этим, созданы новые единицы путем концентрации мелких производств.

V. Промышленность республиканского и всесоюзного значения [1]).

Если местная промышленность, обладавшая при сильно изношенном основном капитале крайне незначительными оборотными средствами, смогла добиться таких больших успехов, то предприятия трестов республиканского и всесоюзного значения, находившиеся в более благоприятных условиях, естественно не только не уступали, но в ряде случаев опережали местные предприятия как в области восстановления и реконструкции основного капитала, так и в области расширения производства.

Следующий краткий очерк достижений по отдельным предприятиям показывает, какой громадный сдвиг произошел в нашей промышленности за эти годы и какими быстрыми шагами она идет по пути развития.

I. Завод им. Октябрьской революции Укрсельмаштреста.

Значение одесского завода сельско-хозяйственных машин (бывш. И. Гена) обусловливается тем обстоятельством, что завод снабжал своей продукцией прилегающую к Одессе сельско-хозяйственную область. Исключительное внимание,

[1]) Данные по промышленности республиканского и всесоюзного значения приводятся нами по отдельным предприятиям, как вследствие того, что эти предприятия, входя в различные тресты, работают каждое в специфических условиях, не позволяющих приводить материалы по ним в общей совокупности, так и вследствие того, что их отчетные материалы отличаются разнородностью, не позволяющей об'единить их в одно целое.

оказываемое советской властью крестьянству, требовало даже в тяжелых условиях гражданской войны поддержки и развития этого производства. Между тем, пожар 1920 г. уничтожил значительную часть завода. Героическими усилиями рабочих, в тяжелых условиях гражданской войны, было проведено восстановление завода, причем постепенно завод расширялся и дооборудовался, и в настоящее время мощность его доведена до размеров, на много превышающих размеры производства довоенного времени.

Крупные затраты на восстановление и реконструкцию основного капитала (до 1923 г. было затрачено 142.000 руб., в 23/24 г. 153.000 руб., в 24/25 г. 277.000 руб., в 25/26 г. 678.000 руб. и за 1-е полугодие 26/27 г. 350.000 руб.) вполне себя оправдали, как это показывают следующие цифры роста производства.

Выпуск продукции в прейскурантных рублях

22/23	732,6 т. р.
23/24	1163,0 „ „
24/25	3557.3 „ „
25/26	6168,2 „ „
26/27 (ориентиров.)	7100,0 „ „

Таким образом, за последние 5 лет размеры производства увеличились почти в 10 раз.

Произведенные капитальные работы дали не только увеличение производства, но способствовали также его рационализации, благодаря чему достигнут значительный технический и экономический эффект.

Так, например, переоборудование литейного цеха дало возможность производить в день от 12 до 16 отливок (по 1500 кгр. стали) вместо прежних 8—9 отливок в день; установка электросварочного аппарата дает возможность исправлять бракованные плужные стойки, прежде шедшие в лом; установка цементационной печи новой конструкции дала возможность производить правильную термическую обработку и понизила продолжительность цементации с 7—8 часов до 5½ часов и т. д.

Производство постепенно механизируется, и ручной труд все более вытесняется машинным: так, например в производстве плуга одного типа машинная работа составляла по отношению ко всей работе в 24/25—39,5%, а в 26/27—45,4%; в производстве другого плуга соответственно 54% и 58,3%, в производстве плуга 3-го типа 42% и 49% и т. д.

Улучшение технической постановки производства наряду со все улучшающимся материальным положением рабочих привели к быстрому повышению производительности труда за истекшие годы, как это видно из следующих данных:

Выпуск продукции на одного фактически работающего рабочего в прейскурантн. рублях:

22/23 г.	179—54
23/24 г.	191—17
24/25 г.	356—65
1 кв. 25/26 г.	510
2 кв. 25/26 г.	526

Насколько важно значение этого роста производительности, видно из следующих примеров:

Количество чел.-часов, затрачиваемых на единицу продукции.

Годы	Марка БК	ОЛВ6	ОЛВ7	ДТЛСМ	СПЧ5	ПСЧ7	ПСЧ9
24/25 г.	2,344	4,920	4,933	7,902	6,356	7,375	7,164
25/26 г.	2,162	4,095	4,152	6,602	4,429	5,569	5,904
26/27 г.	1,883	3,498	3,616	5,369	3,978	5,090	—

Увеличение размеров производства за все минувшие годы, естественно, вызывало и рост рабочей силы; так, в 23/24 г. на заводе работало в среднем 714 ч., в 24/25 г.—1044 ч., в 25/26 г.—1446 и в 1 кв. 26/27 г.—1513 ч. Однако, мероприятия по рационализации производственного процесса привели в связи с усиливающейся механизацией к некоторому сокращению рабочей силы, и в июне 26/27 г. на заводе работало 1318 ч.

Зарплата рабочих все время возрастает: в 22/23 г. ср. заработок 1 рабочего составлял 28 р. 90 к., в 23/24 г.—43 р.10, в 24/25 г.—54 р. 83, в 25/26 г.—80 р. 88 и в 1 полугодии 26/27 г.—92 р. 40 к.

Надо отметить еще, что завод добился значительных успехов в деле повышения качества продукции и уменьшения % брака.

Так, например, брак снизился:

	24/25 г.		26/27 г.
по литейному цеху (по чугунному литью)	с 13,5%	до	5,3%
„ кузнечно-паковочному цеху	с 0,8%	до	0,07%
„ заготовочному цеху	с 0,18%	до	0,02%

Все приведенные данные свидетельствуют о громадных успехах в деле развития производства на заводе с.-х. машин им. Октябрьской Революции. Завод далеко перешагнул через довоенный уровень и продолжает итти по пути дальнейшего расширения своего производства. Это развитие имеет тем большее значение, что завод обслуживает крестьянство не только близлежащей области, но и таких отдаленных районов СССР как Сибирь.

Завод им. Марти.

В довоенное время завод представлял собою адмиралтейство РОПИТ'а и как единственный крупный судо-ремонтный завод обслуживал не только весь флот бывш. РОПИТ'а, но и

значительную часть частно-владельческих судов и судов иностранного торгового флота, приходивших в Одесский порт.

Во время империалистической и гражданской войны завод выполнял большие работы по обслуживанию Черноморского военного транспорта, по постройке мелких судов для Морведа, по заготовке снарядов и оборудованию броневых поездов. В 1918 г. к заводу были присоединены судостроительные мастерские и судоподъемный эллинг, что в значительной мере увеличило техническое оборудование завода. С момента окончания гражданской войны об'единенный завод сыграл исключительно важную роль в деле восстановления Черноморского торгового флота.

В настоящее время завод загружен далеко не полностью: так, в 1913 г. на заводе работало 1220 человек, в 1917 г. 1935 человек, в марте 25 г. 438 человек, а в феврале 1927 г. 849 человек. До половины 25 г. годовая производительность завода составляла около 1.250.000 руб. при среднем штате рабочих около 430 человек, нагрузка за этот период составляла лишь 36% довоенной.

С переходом завода в 25 г. на самоокупаемость, деятельность его значительно развилась и расширилась: так, в 1926 г. производительность его при среднем числе рабочих 890 человек возросла до 2.100.000 руб. Общая картина движения производительности и рабочего состава по заводу им. Марти за последние года такова:

	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г. (по смете)
Сумма производства	1.216.304	1.553.278	2.093.855	2.309.459
Число рабочих	468	650	891	850

Значение работы завода им. Марти чрезвычайно велико и в дальнейшем должно еще более увеличиться, так как восстановление тоннажа Черноморского торгового флота и мелкое судостроение являются главным видом его работ.

В настоящее время приведены в порядок судостроительные стапеля завода, причем в начале 27 г. заложены 2 рейдовых шхуны по 1.400 тонн водоизмещения. Восстанавливается и дооборудуется судостроительная мастерская, пропускная способность которой может быть доведена до 1.200 тонн чистого веса корпуса в год, т. е. может быть проведена постройка от 4 до 10 судов в год в зависимости от их тоннажа. Несомненно, что по мере восстановления речного флота, завод сможет принять в этом восстановлении самое деятельное участие. В 27 г. завод получил заказ на постройку 2-х шхун и 2-х пассажирских катеров. В дальнейшем деятельность его будет значительно расширена.

Помимо работ по восстановлению и расширению морского транспорта, завод выполнил целый ряд крупных заказов, как например, постройка металлического занавеса для Московского большого театра, металлической конструкции для Одесского городского театра, моста для трубопровода Электрокомбината;

завод выполнял также заказы Металлосиндиката на кузнечные молота и деревообделочные станки, Донугля на крупную партию вагонеток для шахт и т. д.

В общем, при дальнейшем развитии деятельности завода нагрузка его сможет быть доведена до 2.000 человек.

Кожевенная промышленность.

В первые годы (20 и 21) положение кожевенной промышленности, снабжавшей своей продукцией Красную армию и промышленные центры страны, было относительно лучше, чем положение других отраслей промышленности. Тем не менее условия работы ее были достаточно тяжелы и одесские кожзаводы вырабатывали лишь 30% производства довоенного времени. В течение этих лет, разумеется, невозможно было приступить к восстановлению основного капитала этих заводов. Лишь с 21/22 г., когда был создан Кожтрест, работающий на началах хозяйственного расчета, было приступлено к серьезным восстановительным работам, в особенности расширенным с 22/23 г., когда одесские заводы были влиты мощный Украинский Кожтрест.

2-й госкожзавод.

2-й госкожзавод (б. Южно-Русский) был и в довоенное время одним из крупнейших кожевенных заводов на Украине. В первые годы десятилетия он работал неполной нагрузкой, но в дальнейшем он был постепенно превращен, благодаря значительным капитальным затратам, в предприятие с технической мощностью, превосходящей мощность довоенного времени в 3 раза.

Основной капитал завода на 1 января 23 г. составлял 935 тыс. руб., а на 1 октября 26 г. стоимость его дошла до 1366 тыс. руб. Производство его в 22/23 г. (в переводе на подошвенные единицы) составляло 98 тыс. пудов, а в 25/26—275 тыс. пудов (в 26/27 г. производство сохранилось приблизительно на уровне 25/26 г.). В довоенное же время завод выпускал 80—90 тыс. пудов в год.

Большие успехи достигнуты в деле повышения производительности труда: в сентябре 21 г. (до создания Кожтреста) на 1 рабочего в месяц приходилось 3,2 выделанных кожи, а в сентябре 22 г.—33,7 кожи или 25 пудов, в 24/25 г.—48,8 пуд. и в 26/27 г.—53 пуда. Средний заработок 1 рабочего в день, составлявший в 21/22 г.—1 р.—1 р. 20 к., постепенно повышаясь, дошел до 5 р. 80 к. (без сверхурочных и доплат).

Производство завода все время рационализируется: введены новые приемы обработки сырья, разные технические усовершенствования, благодаря чему достигнута значительная экономия, составляющая до 200 тыс. руб. При этом себестоимость продукции понижается: так, средняя заводская

себестоимость одного пуда подошвы (в половинках) из американского сырья составляла в 1-м полугодии 1925/26 года—30 руб., во 2-м полугодии 1925/26 г.—27 руб. 39 к., а в 26/27 г. (2-й квартал) она дошла до 24 р. 71 коп. Указанное снижение себестоимости имело место, несмотря на повышение средней заработной платы.

Приведенные краткие данные показывают, что 2 госкожзавод в настоящее время представляет собою мощное предприятие, по своей пропускной способности значительно превосходящее ту производственную единицу, каким был этот завод до перевода его на хозяйственный расчет и до включения его в состав Кожтреста. Увеличение рабочего состава, громадное повышение производства, рост заработной платы и производительности труда, улучшение постановки производственного процесса—вот те достижения, которые имеются на 2-м госкожзаводе за эти годы.

3-й госкожзавод.

За истекшие годы 3-й госкожзавод также расширен, дооборудован и превращен в мощное предприятие. Если взять динамику развития его производства, рост рабочей силы и производительности труда, получается следующая картина быстрого темпа развития этого завода за истекшие годы:

Отчетные периоды	Выпуск подош. в пуд.		Средн. списочный состав						Производ. труда на 1 челов. в месяц			
			Рабоч.		Служащ.		Всего		По рабоч.		По рабоч и служ.	
	абс.	%%	абс.	%%	абс.	%%	абс.	%%	абс.	%%	абс.	%%
1921/22 оп. г.	14125	100	90	100	24	100	114	100	13,1	100	10,3	100
1922/23 „ „	40163	284	146	162,3	15	62,5	161	141,2	23,0	175,6	20,8	202,1
1923/24 „ „	53383	378	187	207,8	16	66,7	203	178,1	23,7	180,9	21,9	212,6
1924/25 „ „	125874	891	222	246,7	22	91,7	244	214,0	47,3	361,1	43,0	417,5
1925/26 „ „	157656	1166	262	280,0	41	170,8	293	257,1	52,1	397,7	44,8	435
1926/27 „ „	157000	1111	225	250	41	170,8	266	233,4	58,2	444,3	49,2	477,7

Таким образом, производство завода увеличилось в 11 с лишним раз, в то время, как число рабочих возросло лишь в 2,5 раза. Это увеличение производства имело место благодаря расширению технической мощности завода и повышению интенсивности труда, а также рационализации производства.

Чтобы показать, как шло увеличение пропускной способности завода, приведем следующие данные: основной капитал завода на 16 ноября 21 г. составлял 201.993 р. На 1/X—23 г. стоимость основного капитала повысилась незначительно—до 205.363 р. Большие вложения были сделаны на протяжении 23/24 г., в результате чего стоимость его возросла на 1/X-24 г. до 634.961 р. Капитальные затраты в большом количестве имели место и в следующие годы, и к концу 26/27 г. основной

капитал дойдет до 870.000 р., а на 1/X—28 г. при осуществлении намеченных капитальных работ до 925.000 р. Таким образом, за эти годы стоимость основного капитала увеличена больше чем в 4,5 раза.

Расширение производства и улучшение всей постановки технически-производственных процессов оказали благотворное влияние на снижение себестоимости продукции; следующие данные показывают весьма значительные достижения в этой области.

Движение средней себестоимости пуда подошвы из союзного и импортного сырья.

23/24 оп. г.	Руб. 38.61	100%
24/25 „ „	„ 29.32	76,0
25/26 „ „	„ 29.42	76,2
26/27 за 9 мес.	„ 27.99	72,5

Помимо удешевления стоимости сырья, происшедшего благодаря установлению регулярного снабжения завода импортным сырьем, на понижение себестоимости оказало влияние и повышение производительности труда и понижение расхода топлива. Так, на 1 пуд товара заработная плата составляла: в 23/24 г.—3 р. 63 к., в 24/25 г.—2 р. 20 к., в 25/26 г.—2 р. 03 к. и в 26/27 г.—1 р. 90 к.

Движение средне-годов. расхода на един. топлива и энергии в пудах условн. угля.

21/22 оп. г.	3 пуда 25,7 ф.	100%
22/23 „ „	2 „ 20,4 „	68,9
23/24 „ „	1 „ 10,7 „	34,8
24/25 „ „	1 „ 05,8 „	31,4
25/26 „ „	1 „ 10,4 „	34,6
26/27 „ „ предпол.	1 „ 10 „	34,3

Наконец, следует отметить, что благодаря установлению лабораторного контроля качество продукции постоянно повышается и что проводимые мероприятия должны способствовать дальнейшему улучшению всего производства завода в целом.

5-й госкожзавод.

Предприятие это, перешедшее в ведение Кожтреста в полуразрушенном состоянии, было восстановлено постепенно, ценою больших усилий. Работа по восстановлению продолжалась до 1924 года. В этот период снесен ряд старых зданий и выстроены новые, произведен капитальный ремонт основных отделений завода, установлен целый ряд машин, проложены рельсовые пути и т. д. Период 1924/27 г. является периодом расширения завода.

Выстроен новый 2-х этажный корпус с железо-бетонным перекрытием и производственной посудой, а также установлены целый ряд машин и новое оборудование, применяющееся на наиболее благоустроенных и механизированных кожевенных заводах. Все это дало возможность увеличить пропускную способность завода до 10 тыс. пудов готового товара, ввести строгую последовательность и плановость в производственный процесс, до минимума сократить путь прохождения кож и установить правильный режим производства, благоприятно повлиявший на качество выпускаемой продукции.

Затраты на указанные выше работы выразились в следующих суммах. В 22/23 г.—61751.91, 23/24 г.—89433.31, 24/25 г.—96244.49, 25/26 г.—183488.58, за 6 мес. 26/27 г. 39089.37.

В результате достигнуто увеличение пропускной способности завода в 2 раза по сравнению с довоенным временем, как это видно из следующих данных. Производство в тысяч. килогр. в 1913 г.—786,2, 1921/22 г.—208,0, 1922/23 г.—448,7, 1923/24 г.—700,9, 1924/25 г.—1511,9, 1925/26 г.—1566,3, 1926/27 г. (ориентиров.)—1580.

Производительность труда также значительно превысила довоенную:

Выпуск продукции в подошв. единиц. на 1 человека.

1913 г.	21/22 г.	22/23 г.	23/24 г.	24/25 г.	25/26 г.	26/27 г.
565	162	249,3	369	630	555,4	688

Эти успехи достигнуты благодаря повышению интенсивности труда и рационализации производства. Но, как ни велики эти успехи, завод не остановится на имеющихся достижениях. По намеченному 5-ти летнему плану предполагается вложить в основной капитал еще 700 тыс. руб., что увеличит пропускную способность завода еще в 2 раза.

Таким образом, Одесские заводы Укркожтреста в настоящее время представляют собой предприятия с мощностью в 2 и 3 раза большей, чем в довоенное время, с технически лучшей организацией производства. Несомненно, что пройденный ими за последние годы путь развития еще не закончен, так как нужды рынка потребуют нового расширения их. Но во всяком случае уже теперь кожзаводы оставили далеко позади себя уровень довоенного времени.

2-я гособувная фабрика.

Большая потребность в обуви, главным образом для Красной армии, вызвала необходимость организации крупного обувного производства. Обувная фабрика была создана в ноябре 1920 г., путем концентрации ряда кустарных мастерских. Работа на новой фабрике долгое время производилась, главным образом, ручным способом, причем вырабатывалась исключительно обувь военного образца по заказам военного ведомства.

Только с начала 1925/26 г., когда военные заказы прекратились, фабрика перешла на производство гражданской обуви, причем механизация фабрики была значительно усилена, в особенности с весны 1927 г., когда было приобретено в довольно большом количестве необходимое оборудование. В настоящее время фабрика выпускает до 40.000 пар в месяц. Рост ее производства за истекшие годы был очень велик.

Производство обуви в тыс. штук в переводе на армейские полусапоги выразилось в 20/21 г.—118,2, 21/22 г.—100,6, 22/23 г. —183,9, 23/24 г.—236,7, 24/25 г.—315, 25/26 г.—410,2, 26/27 г.—546,3.

Весьма характерны цифры роста производительности труда. Производство в парах в мес. на 1 раб. выразилось в 20/21 г.—9, 21/22 г.—45, 22/23 г.—56, 23/24 г.—54, 24/25 г. —60, 25/26 г.—77, 26/27 г.—117.

Повышение производительности труда в 13 раз по сравнению с 20/21 г., в 2,6 раза по сравнению 21/22 г. показывает как велики достижения в этой области.

Средне-месячная зарплата 1 рабочего доведена до высокого уровня, как это видно из следующих цифр, в 23/24 г.— 84 р. 32 к., 24/25 г.—95 р. 74 к., 25/26 г.—105 р. 44 к., 26/27 г. —119 р.05 к.

Число рабочих со 186 чел. в 21/22 г. доведено в 26/27 г. до 467 человек.

Джутовая фабрика.

Одесская джутовая фабрика, крупнейшее предприятие этой отрасли на Украине—в 1920 и 1926 г. работала с очень слабой нагрузкой, главным образом, вследствие отсутствия сырья. Период восстановления ее производства начинается с момента перехода ее в Укртекстильтрест, т. е. с февраля 1922 года. В это время на фабрике работало лишь 850 веретен и 12 ткацких станков, т. е. менее 3% наличного оборудования ткацкого отделения.

Уже к концу 21/22 г. на фабрике действовало свыше 2500 веретен, к октябрю 23 г. пускается 2-я смена по 4000 веретен каждая, в 24 и 25 г. по 4800 и в 26/27 г. по 5000 веретен. Соответственно этому развивалась работа и ткацкого отделения: в феврале 22 г. работало 12 станков, в октябре 22 г. свыше 100, в 1923 г. 375 и в 25 г. и в настоящее время до 440 станков.

Следующие цифры характеризуют рост производства, рабочей силы и производительности труда за истекшие годы.

Г О Д Ы	Рост выпуска по годам: Мешк. в штук.	Мешк. холста в пог. мтр.	Пряжа в кгр.
Февраль—октябрь 22 г.	768761	1650060	485839
Октябрь 22 г.—Окт. 23 г.	3108926	6902005	2072372
„ 23 г. „ 24 г.	6140839	13214605	3846799
„ 24 г. „ 25 г.	6690484	15214133	4868755
„ 25 г. „ 26 г.	904171	21607607	6613000
„ 26 г. Июнь 27 г.	8537330	21593485	6685417

Рост штатов по годам

ГОДЫ	Рабочие	%	Служащ.	%
На 1-е февраля 22 г.	298	91,13	29	8,87
„ 1-е октября 22 г.	733	93,85	48	6,15
„ 1-е „ 23 г.	2224	95,73	99	4,27
„ 1-е „ 24 г.	2384	95,28	118	4,72
„ 1-е „ 25 г.	3023	95,75	144	4,25
„ 1-е „ 26 г.	3401	95,03	178	4,97
„ 1-е июня 27 г.	3541	95,14	181	4,86

Рост производительности труда.

	Выработка пряжи в клг. на 1 раб. в день	Динамика среднего заработка
Февраль 22 г.—октябрь 22 г.	4,5	
Октябрь 22 г. „ 23 г.	5,88	1922 г. — р. 94 коп.
„ 23 г. „ 24 г.	6,85	1 р. 57 „
„ 24 г. „ 25 г.	8,53	1 р. 82 „
„ 25 г. „ 26 г.	8,82	2 р. 03 „
„ 26 г. июнь 27 г.	9,67	2 р. 18 „

Эти успехи могли быть достигнуты благодаря тем большим восстановительным работам, которые были проведены по джутовой фабрике.

К моменту перехода фабрики в Укртекстильтрест состояние ее основного капитала было очень тяжелым. В дальнейшем, здание и оборудование были отремонтированы, приобретен ряд новых машин, электрифицировано ткацкое отделение, сооружено здание для нового сновального отделения, проведена под'ездная жел.-дорож. ветка и т. д. В настоящее время сооружается дополнительный железо-бетонный корпус для прядильного цеха, который будет оборудован новыми машинами, мощностью в 3600 веретен, что позволит перейти от 3-х сменной работы к 2-х сменной. Переход этот вызовет дальнейшее увеличение валовой выработки (3-я ночная смена дает пониженную производительность) и снижение себестоимости продукции.

Производство фабрики в настоящее время в 3 раза превышает ее довоенное производство. Производящиеся опыты по замене индийского джута советским кенафом позволяют расчитывать на прекращение зависимости ее работы от импортного сырья, а это обстоятельство имеет чрезвычайно важное значение для будущего джутовой фабрики. Уже теперь она представляет собой мощную производственную единицу, которой вправе гордиться одесская промышленность.

Канатный завод.

Завод основан в 1896 г. немецким акционерным обществом. Оборудование завода было приспособлено для выработки сноповязального шпагата и канатов из манильской и ново-зе-

ланской пеньки. Для обработки русской пеньки завод не был приспособлен.

Кроме пеньковых канатов на заводе производились проволочные троссы. Таким образом, завод об'единяет 2 группы: текстильную (производство пеньковых канатов) и металлургическую (производство стальных троссов), значительно различающиеся между собой. В довоенное время на заводе работало около 250 рабочих.

Пенько-канатная группа работает почти беспрерывно с 1914 г. Производство проволочных канатов при наличии большого числа машин для выработки изделий разных размеров и конструкций—за отсутствием импортного сырья (тигельной стальной проволоки) бездействовало с 1917 по 1924 г.

Беспрерывная работа пенько-канатной группы в период империалистической и гражданской войны, при отсутствии снабжения завода заграничными запасными частями и без необходимого ремонта, привела к значительному износу оборудования. С 1922 г. начинается восстановление изношенного и частью бездействовавшего оборудования.

Месячная выработка этой группы в 1922 г. составила лишь 26% довоенной выработки, в 1924/25 г., когда восстановительный период был уже закончен, месячная выработка достигла 90% довоенной. В 23/24 г. был произведен первый пробный пуск части машин проволочно-канатной группы. Выявившаяся потребность проволочных канатов (для Донбасса и нефтяной промышленности) и поступление проволоки дали возможность наладить работу этой группы и уже в 1924/25 г. довести ее выработку до 97% довоенной.

В 1924/25 г. закончился восстановительный период, и в следующем 1925/26 г. наблюдается бурный рост производства. Рост потребления канатов (судоходство, сплав леса, каменноугольная, железо-рудная и нефтяная промышленность) дал возможность пустить весь завод в 2 смены, благодаря чему не только увеличился общий об'ем продукции и возросло число рабочих, но и увеличилась производительность труда, причем завод, в особенности по проволочно-канатной группе, далеко опередил довоенный уровень.

1926/27 г. является годом, когда дальнейшее расширение производства идет за счет рационализации и механизации производства. Впервые после мировой войны в 1927 г. успешно вырабатывается сноповязальный шпагат, до сего времени привозившийся из за-границы.

В связи с открывающимися перспективами предполагается создание нового цеха по выработке сноповязального шпагата из отечественной пеньки. В 26/27 г. впервые на канатном заводе частично вырабатываются канаты из проволоки отечественного производства.

Увеличившаяся потребность в оцинкованных канатах ставит перед заводом вопрос о постройке цинковального отделения, которая должна быть осуществлена в 1927/28 г.

Одесский сахарный завод.

Одесский Комбинат Сахаротреста об'единяет 3 рафинадных завода, из коих: 1—действующий рафинадный завод № 2 им. Благоева, 1—на консервации № 3 бывш. Ильинского Т-ва, 1—разрушенный завод № 1 бывш. Александровского Т-ва.

В тяжелые годы гражданской войны заводы были на консервации. Небольшой группе рабочих и служащих, выполнявших честно и сознательно свои обязанности, порою до героического самопожертвования, удалось сохранить в полной мере 2-й и 3-й заводы и частично разрушенный во время германской оккупации 1-й завод.

17 июня 23 г. 2-й завод им. Благоева был включен в сеть действующих заводов и после ремонта, начавшегося в августе 23 г., завод был пущен в сентябре 24 г. после 6-ти летнего перерыва. Работа завода за эти последние годы характеризуется следующими данными:

	1913—1914 г.	1924—1925 г.	1925—1926 г.	1926—1927 г.
Продолжительн. работы	146	175	202	188
Роспущ. песка в м. ц.	248377	259874	321146	275920
Средн. сут. росп. м. ц.	1623	1503	1616	1453
Учтено рафинада м. ц.	253142	257694	319869	273642
Средн. суточ. учет в месяц	1722	1473	1588	1450
Средн. расход рабсилы	95,16	89,75	79,26	79,98
Средний расх. условн. топл. в клг.	26,75	28,55	23,27	23,314

Завод построен в 1896 г. и вновь отстроен в 1907 году с суточной производительностью в 8500 пудов рафинада. Начиная с 23 г. оборудование завода, строения, сооружения и проч. имущество частично заменены, частично пополнены новыми.

Затраты на восстановление и текущие ремонты выражаются в следующем:

	Восстановление	Текущий ремонт
1924 год	74.700	—
1925 год	159.700	239.000
1926 год	61.200	181.900
1927 год	222.000	145.300

Завод обслуживается в период производства и ремонта следующим количеством рабочих и служащих:

Категория трудящихся	1925 год (2 янв.)	1926 год (2 янв.)	1927 год (2 янв.)
Рабочих	1534	1525	1445
Служащих	110	118	109
	1644	1643	1554

Мукомольная промышленность.

Мукомольная промышленность, охватывая 29 предприятий и выпуская продукцию на 9,7 милл. рубл., занимала одно из первых мест в довоенной промышленности Одессы. Продукция одесских мельниц лишь в небольшом количестве (25%) продавалась на месте, значительная же часть ее служила снабжению отдаленных районов (Ленинград, Москва, Прибалтийский и Привисленский край) и экспорту. Крупнейшие Одесские единицы, перемалывавшие до 12 тыс. пудов муки в сутки, при значительном количестве сортов, вывозили за границу, главным образом на Ближний Восток и Балканы свыше 60% своей продукции. Кризис мукомолья, возникший в начале войны, сменился оживлением на 2-й и 3-й год войны, благодаря большим заказам интендантства и увеличившейся потребности городов в хлебе.

В 1920/21 г. и 21/22 г. положение Одесского мукомолья было тяжелым, причем предприятия, сильно изношенные за годы войны, находились в неудовлетворительном техническом состоянии. Только с 22 г. начались восстановительные работы, причем, благодаря капитальному ремонту мельниц и установке дизелей, мельницы приведены в настоящее время в хорошее состояние и являются одними из немногих мельниц во всем Союзе, которые будут выпускать муку для экспорта.

1-я госмельница.

В начале 22 г. суточная производительность ее равнялась 4.000 пуд., при штате в 72 человека. В настоящее время нагрузка мельницы сильно возросла, причем пропускная способность ее доведена до 6800 пудов в сутки. За 22/23 г. переработано 558 тыс. пудов, за 23/24 г. 1 милл. пудов и на этом уровне ведется производство и в последующие годы.

2-я госмельница.

Суточная производительность ее в начале 22 г. была около 6.000 пуд. и по ржаной муке 1.500 пудов. Штат ее состоял из 136 человек. Вся аппаратура мельницы была сильно разбита и силовая установка находилась в совершенно неудовлетворительном состоянии. Значительные суммы, вложенные в капитальный ремонт за истекшие годы, превратили и эту мельницу в прекрасно оборудованное предприятие с суточной производительностью в 13.000 пудов. Также как и по 1-й мельнице фактический размер производства колебался в зависимости от хода поступления зерна, причем в 22/23 г. был переработан 1 милл. пудов, в 23/24 г.—1.400 тыс., в 24/25 г.—1.100 тыс., а в последние годы перерабатывалось свыше 2 милл. пудов.

3-я госмельница.

3-я мельница была также включена в Укрмут в феврале 22 г., но до 1926 г. она находилась на консервации. В довоен-

ное время мельница перерабатывала 3½—4 тыс. пудов зерна в сутки. В 1925/26 г., после проведения ремонта и ряда работ восстановительного характера, техническая мощность мельницы доведена до 4.500 пуд. в сутки.

В настоящее время в связи с начавшимся экспортом муки на Ближний Восток—Одесские мельницы приобретают большое значение; так как они производят муку высокого качества. Усиление экспорта позволяет говорить о благоприятных перспективах для их развития, в техническом отношении они приведены в хорошее состояние, а предполагаемые дальнейшие затраты на их расширение должны еще больше усилить их техническую мощность и поднять их удельный вес на Украине.

Маслобойная промышленность.

Маслобойная промышленность, охватывавшая в довоенное время 10 заводов с 624 рабочими и продукцией на 6,5 мил. рублей, работала почти исключительно на импортном сырье-копре. Продукция Одесских заводов, особенно 4-х крупнейших, была распространена по всей стране. Военное время, а затем гражданская война свели до минимума производство маслобойной промышленности. Переход заводов к работе от импортного сырья к подсолнечному семени, вследствие недостатка последнего на Украине, создал мало благоприятное положение для маслобойной промышленности. Тем не менее, за время нахождения заводов в ведении Маслотреста (в настоящее время в его состав входит из Одесских заводов 3 наиболее крупных), они приведены в значительно лучшее техническое состояние и при ликвидации сырьевого кризиса, вызвавшего в последнее время значительные перебои, заводы эти смогут работать весьма интенсивно.

Чаеразвесочная промышленность.

Эта отрасль промышленности по сумме годового производства занимала в довоенное время в Одесской промышленности первое место. Чай привозили в Одессу в количестве больше, чем во все прочие порты вместе взятые: так, в 1909—1911 г. привоз чая в Одессу составлял в среднем 380.000 п., в то время, как в Балтийские порты привозилось 346.000 пуд.

В Одессе существовали три крупных чаеразвесочных ф-ки (Высоцкого, Кузнецова и «Караван»), на которых работало 1300 человек и сумма продукции которых составляла около двадцати миллионов рублей. Кроме этих крупных чаеразвесочных ф-к были еще мелкие кустарные предприятия, работа которых была возможна благодаря дешевизне морского фрахта из Цейлона. Одесские ф-ки снабжали своей продукцией весь юг России, Украину, Кавказ, Бессарабию.

В послевоенные годы эти ф-ки, из за отсутствия импортного сырья, несколько лет не работали. Возобновление работ

на одной из них относится к трем последним годам. Развеска чая, вследствие ограниченности его импорта, пока значительно меньше, чем в довоенное время, и даже в последние годы (26—27) выпущенная продукция оценивается в 8,4 милл. черв. руб.

Развитие этой отрасли промышленности должно иметь место в последующие годы, когда в связи с общим ростом народного хозяйства окажется возможным расширить импорт.

Спирто-водочный завод.

Одесский спирто-водочный завод (б. очистной склад) начал работать в апреле 1923 г.

Вследствие неприспособленности и технической неподготовленности, производство наливок и настоек велось в начале кустарным способом—при небольшом количестве рабочих, причем бочки, ведра, шланги и лейки являлись в первое время главными и единственными производственными орудиями. Здание завода было также в неблагополучном состоянии, так как во время частой смены властей в 1918—1919 г. г. оно сильно пострадало, ремонт же не производился в течение ряда лет.

В первое время, когда завод выпускал 20 градусные наливки и настойки, производство шло слабо, т. к. эти изделия не могли бороться с самогоном, потребление которого как среди городского, так в особенности среди сельского населения было очень широко развито. Тем не менее, сбыт их постепенно возрастал и завод был переоборудован на принципе самотека жидкости, причем производственная мощность завода была значительно увеличена.

Производство завода особенно расширилось с осени 1925 г., когда в целях борьбы с самогоном был разрешен выпуск 40 градусной водки. В связи с этим завод был переоборудован и приспособлен к работе на 12 столов (бригады по 7 человек) с производительностью в 3—4 тыс. ведер в день. Кроме того, завод выпускает ежемесячно для хозяйственных и технических целей 3.000 ведер денатурированного спирта и для медицинских и технических нужд до 120.000 градусов сырого и ректификованного спирта.

Значение этого завода обуславливается тем, что продукция его вытесняет самогон. В этом отношении его работа имеет важное значение, и в будущем можно расчитывать на дальнейшее расширение производства. В настоящее время на заводе работает 150 чел. рабочих и служащих. Производительность труда быстро возрастает. Так, в 1925/26 г. за 1 чел.-день вырабатывалось 11,23 ведра хлебного вина, а в 26/27 г. —15,28 ведра.

1-я гостабачная фабрика.

Табачная промышленность, охватывавшая 3 фабрики с 850 рабочими и выпускавшая на 2,616 мил. продукции в год,

занимала видное место в промышленности Одессы в довоенное время.

Служа, главным образом, целям снабжения внутреннего рынка, промышленность эта уделяла часть своей продукции и экспорту (таб. ф-ка Попова). Достигнув наибольшего развития в военное время, табачная промышленность пользовалась особым вниманием в годы гражданской войны и ранее других отраслей промышленности начала восстанавливаться.

Концентрация табачного производства связана была с закрытием мелких ф-к и развитием крупнейших (ф-ка им. Петровского). Фабрика эта в значительной степени дооборудована. Так, уже в 22/23 г. на новое оборудование было затрачено 45.433 руб. 65 коп.; в дальнейшие годы сумма затрат растет, охватывая также и капитальный ремонт ф-ки: в 24/25 г. сумма эта составляла 139.022 р. 15 к., в следующем 1925/26 г.— 152.460 р. 14 к., и, наконец, в 26/27 г. дошла до 307.169 р. 47 к.

Одновременно с дооборудованием разростался об'ем производства ф-ки. Выпуская в 22/23 г. 446.863.700 курит. единиц (52% довоенного уровня), в следующем году по установлении нового незначительного оборудования ф-ка подняла свою производительность до 698.307.760 курит. единиц и в 1924 г. до 864.309.365 курит. единиц, достигнув довоенного уровня (871.259.500 курит. един.).

Дальнейшее дооборудование при незначительном росте количества рабочих (на 20% в 27 г. в сравнении с 1922 г.) и при значительном росте производительности труда (почти на 100% за тот же период)—дает новый рост производства и в настоящее время производство 2.020.725.295 курит. единиц почти в 2,5 раза превышает довоенное.

Следующие таблицы показывают достижения фабрики за истекшие годы:

Производительность фабрики и рабочий состав:

ГОДЫ	Выработка папирос	Выработка таб. в кгр.	Всего курит. ед. (2 кгр. таб.— 1000 папирос)	Число раб. и служ.
1913	752.922.000	216.675	871.259.500	945
1920	130.032.850	165.326	212.695.850	945
1921	129.495.825	320.999	289.995.325	901
1922	428.855.700	36.014	446.863.700	658
1923	697.485.260	1.643	698.307.760	830
1924	857.313.865	13.991	864.309.365	885
1925	1.241.204.365	2.003	1.242.205.865	943
1926	1.799.141.890	5.371	1.801.827.390	1.106
1927	2.018.386.295	4.678	2.020.725.295	1.079

Производительность рабочих

ГОДЫ	Дневн. выраб. пап. (кур. ед.) на 1 занят. раб.
1924	4.277
1925	6.065
1926	7.169
1927	7.916

Средн. дневн. зараб. рабочих

ГОДЫ	Средний дневн. заработок рабочего
1913	— 81 к.
1924	2 р. 11 к.
1925	2 р. 26 к.
1926	2 р. 56 к.
1927	2 р. 66 к.

Рост капитальных затрат характеризуется следующими данными:

Годы	Итого
1922/23	45.433.65
1923/24	2.006.30
1924/25	139.022.15
1925/26	152,460.14
1926/27 г. за 3 кв.	189.196.47
Предпол. 4 кв. 26/27	118.000.–
Всего	646.118.71

Одесский пробочно-изоляционный завод „Центропробизоля".

Одесский государственный пробочный, пробково-изоляционный и линолеумный завод «Большевик» является наиболее важным из всей группы заводов входящих в всесоюзный трест—Центропробизоль. Завод этот, принадлежавший в дореволюционное время акц. о-ву «Викандер и Ларсон», законченный постройкой в 1913 г., является по размерам своих строений наибольшим заводом среди заведений деревообделочной промышленности, занимая площадь в 8 дес. Расположение производственных отделений завода весьма рационально, всюду введены механические транспортеры или автоматические передачи. Паровое хозяйство завода располагает котельной установкой в 700 кв. мтр. поверхности нагрева. Завод имеет собственную электро-станцию, турбогенераторный аггрегат мощностью 1.500 лош. сил, снабжающий производственные цеха и отделы завода силовой и осветительной энергией.

После продолжительного бездействия завод, будучи отремонтирован, был пущен в ход в октябре мес. 1925 г. До пуска некоторое время работал другой завод, закрытый с момента переноса производства на завод «Большевик». Общая картина производства такова:

Движение производства по одесским заводам „Центропробизоля"

Наименование производства	Единица учета	23/24 г.	24/25 г.	25/26 г.	За 3 кв. 26/27 г.
Пробочное производство:					
Выраб. цилиндр. проб.	тыс. шт.	102.342	238.584	260.000	302.306
Выраб. коническ.	„	17.691	109.316	82.508	42.788
Всего	тыс. шт.	120.033	347.900	342.508	345.094
Расходы коры	тонн	387	1162,5	1070,2	1053
Капсюльное производство:					
Выраб. капсюлей	тыс. шт.	909	10.526	15.654	12.432
Расход свинца	клг.	5.487	56.987	79.116	62.565
Линолеумное производство:					
Выраб. линолеума	пог. мтр.	—	—	36.697	48.792
Изоляцион. производство:					
Выраб. изоляции	кб. мтр.	—	—	—	1062,8

Приведенные цифры показывают значительные достижения в деле развития производства за последние годы, однако, % нагрузки все еще не превышает 70%.

Оборудование завода по производствам характеризуется следующими цифрами: пробочное производство 123 основных станка и 27 вспомогательных, линолеумное пр—во—11 основных станко-машин, капсюльное пр—во—46 основных станков и 31 вспомогательных и изоляционное производство оборудовано на 4 камерных печи, причем последнее построено лишь в прошлом году.

В течение 1926/27 года завод должен был выпустить следующее количество изделий: пробок—638,5 милл. шт., линолеум—136.800 пог. мтр., изоляции: обыкнов.—4.452 куб. мтр., гудрониров.—1.000 куб. мтр., капсюлей—25 милл. шт.

Это производственное задание рассчитано на удовлетворение в первую очередь учреждений Наркомздрава, Госспирта и других госорганов, потребляющих пробки питейных размеров и, наконец, идет на снабжение пивоварения и виноделия.

Программа работы изоляционного производства рассчитана на вполне реальный сбыт этой продукции на строительные цели. Почти вся продукция треста за 26/27 г. продана акц. о-ву «Тепло и Сила». В частности для постройки холодильника в одесском порту применяется продукция, вырабатываемая одесским заводом. Выработка линолеума рассчитана на удовлетворение потребности жел. дорог, пароходства, больниц, санаторий и т. д.

Перечень потребителей продукции этого завода показывает важное значение его производства. Заводу открываются широкие перспективы, использовать которые возможно будет в ближайшие годы при полной загрузке его.

Суперфосфатный завод.

Из гражданской войны одесский суперфосфатный завод вышел совершенно разрушенным. Взрывы артиллерийских складов в 1918 г., имевшие место вблизи завода, разрушили большинство заводских зданий, сгорело серно-кислотное отделение и отделение рафинации масел.

В 1919 г., воспользовавшись кратковременым пребыванием белогвардейцев, владельцы завода, французы, вывезли с завода все наиболее ценное имущество, несмотря на активный протест рабочих.

За время гражданской войны завод еще больше разрушился, т. к. денег на ремонт его не было, квалифицированная сила разбрелась: часть ушла в Красную армию, часть в деревню, откуда недавно вышла и т. д.

Казалось, что завод перестанет существовать. Однако, героическими усилиями удалось кое-как восстановить серно-кислотное отделение, работавшее в первое время даже не на колчедане, а на случайных запасах серы; для поддержания

рабочих было организовано кустарное производство квасцов и медного купороса, дававшие возможность получать в обмен на них продукты из деревни.

Постепенно из года в год производство серной кислоты налаживалось. Вместе с тем восстановлено было и производство суперфосфота, и в 25 г. производительность серного отделения дошла уже до 100.000 пуд. в год, а суперфосфата до 180.000 пуд.

1926 г. является для завода переломным. Учитывая значение завода в деле восстановления сельского хозяйства, ВСНХ отпустил ему на капитальное строительство 60 тыс. руб. Эта скромная сумма дала возможность значительно увеличить пропускную способность завода и заложить фундамент для будущего окончательного восстановления его, что имело место в 1927 году.

На капитальное строительство в 1927 г. отпущено 650 тыс. руб. Эта сумма дает возможность механизировать все процессы работы и увеличивает производительность завода до 1.100.000 пуд. серной кислоты в год и 3.000.000 пуд. суперфосфата.

О значении завода в деле восстановления сельского хозяйства можно судить по следующим цифрам: в 1925 г. изготовленным суперфосфатом можно было удобрить 17.000 дес. земли, в 1927 г.—120.000 десятин, а в 1928—300.000 десятин. При этом себестоимость пуда суперфосфата с 93 коп. в 1926 г. снижена в 1927 г. до 70 коп., т. е. на 25%.

Количество рабочей силы за эти годы значительно возросло. Вместо 10—12 человек (в первые годы) численность рабочей силы дошла до 180 человек. В то же время средний заработок с 3 руб. 18 коп. в день в 1926 г. поднялся в 1927 г. до 3 руб. 93 коп., т. е. на 24%.

Охрана труда также значительно улучшена. Вместо разрушенных зданий с расшатанным оборудованием, полных удушающими газами и пылью, строятся новые корпуса, рассчитанные на получение максимума света и воздуха, устанавливаются новые машины, являющиеся последним достижением техники.

Костеобрабатывающий и клееваренный завод Сахаротреста.

Одесский завод является самым большим из аналогичных заводов на Украине и 4-м по величине в СССР. В 1916 г. завод фактически прекратил работу и с тех пор оставался на консервации, пока, наконец, не был передан в августе 25 г. Сахаротресту и включен последним в суперфосфатный комбинат.

Если принять во внимание, что с 1916 г. строения и оборудование завода не ремонтировались и что в годы гражданской войны завод разрушался, а хозяйство его расхищалось, станет понятным, как много средств и труда пришлось затра-

тить на восстановление завода. Паровое хозяйство было совершенно расшатано, не было нужных аппаратов и т. д.

Основной целью при восстановлении завода было доведение его производительности до уровня довоенного времени. Эта задача была выполнена в сравнительно короткий срок и уже в конце 25 г. состоялся первый опытный пуск завода.

Начиная со 2-го пускового периода, т. е. октября 26 г., наблюдается неуклонный рост производства завода в связи с чем повышаются производительность труда и зарплата, улучшается техническая постановка производства, снижается себестоимость изделий.

Об этом ярко говорят следующие цифры:

	Произв. в довоен. вр.	Произв. в 1926 г.	Предпол. произ. в 1927 г.
Стоим. сооруж. и оборудов. зав. в руб.	126007.39	178039.66	258754.10
Себестоим. 1 цнт. клея в рубл.	—	63.68	55.96
Число рабоч. и служ.	—	156 на 1/I-26	206 на 1/I-27
Средн. зараб. рабоч.	—	80 р. 98 к.	88 р.

Приблизительно с середины 26 г. завод вкладывает в капитальные затраты значительные суммы, причем было пущено вновь построенное костеобжигательное отделение, проведена ветка железной дороги на внутреннюю территорию завода, установлены новый паровой котел, электромотор в 75 лош. сил с трансформаторной будкой, насосы для морской воды и др. предметы силового оборудования и т. д. Всего в 26 г. было произведено капитальных ремонтов и построек на сумму 105.000 руб.

1927 г. проходит под знаком дальнейшего расширения и роста завода. Построена и оборудована лаборатория, которой до сего времени не было совершенно и завод вынужден был все контрольные анализы отдавать на сторону. Расширено экстракционное отделение, производительность которого, благодаря установке 3-го нового экстрактора и второго холодильника, увеличивается вдвое, и т. д. Все эти работы выражаются суммой в 55.000 руб.

В общем, за краткий двухлетний период работы после долгого бездействия одесский костеобрабатывающий завод занял прочное место среди подобных ему предприятий одесской промышленности. Предоставляя работу 250 челов., он выпускает в год до 220.000 пуд. минеральных удобрений, 55.000 пуд. клея, 15.000 п. костяного сала и 40.000 и костяного угля.

Дальнейшее расширение потребления минеральных удобрений сельским хозяйством страны, дальнейший рост советской промышленности, в частности авио-строения, клей для которого ввозится пока из за-границы, и значительное сырьевые возможности (при ежегодном приходе в СССР 23.000.000 пуд. костей, утилизируется только 5.500.000 пуд., т. е. 25%)—

гарантируют дальнейшее расширение костеобрабатывающей промышленности на одесском заводе.

Завод винно-каменной кислоты.

Завод этот в течение 9 лет находился на консервации. Только в 25/26 г. он был пущен Химуглем, взявшим его в аренду. Завод был отремонтирован, причем была проведена механизация целого ряда процессов, ранее выполнявшихся ручным способом (механизация подачи серной кислоты, красных кристаллов и т. д.). Проведено было также переоборудование, позволившее перейти от устарелых методов работы к новым. Так, например, изменена система перекачки растворов кислоты из бассейнов в кастрюли, что дало большую экономию сил и средств, установлен электромотор, благодаря чему при работе в ночное время частично нет надобности пускать паровую машину и т. д.

За период октябрь 26—июль 27 г., в течение которого завод работал 7 мес. выпущено 244,3 т. кгр. винно-каменной кислоты. На заводе работает 30 чел. рабочих, получающих в среднем 76 руб. Следует особо отметить серьезное достижение завода в области повышения качества продукции, выразившееся в следующем: виннокаменная кислота, вследствие обработки в свинцовой аппаратуре, заключает в себе примесь свинца, и потому становится непригодной для фармацевтических пищевых надобностей. Путем лабораторной работы удалось химически извлечь свинец из виннокаменной кислоты, благодаря чему она стала применяться для пищевых и медицинских надобностей.

В то же время происходит постепенная замена импортного сырья—(винного камня и винной извести)—советским, получаемым на Кавказе, и уже в 26/27 г. было потреблено 28 тонн внутреннего сырья. В дальнейшем можно будет совершенно избавиться от необходимости ввозить импортное сырье.

Фабрика пера и пуха и щетинно-щеточное производство.

В довоенное время перо и пух обрабатывались в Одессе кустарным способом. Создание в послереволюционное время специальной ф-ки пера и пуха значительно увеличило значение Одессы в деле экспорта этого продукта производства (свыше 50% всего экспорта Союза).

Постепенно развиваясь, экспорт пера и пуха приблизился к довоенному уровню. Однако, в 26/27 г. производство одесской ф-ки сократилось, вследствие ряда неблагоприятных обстоятельств, и в ближайшее пятилетие предусматривается относительно небольшое повышение его. До завоевания постоянного рынка сбыта за-границей, ф-ке необходимо обеспечить сбыт части своей продукции на внутреннем рынке. Опыт производства подушек и матрацов для внутреннего рынка дал

хорошие результаты и эта работа может развиваться и дальше независимо от работы на экспорт.

Такой же экспортный характер носит и другое производство Госторга—щетино-щеточное, снабжаемое сырьем из всей Украины. Механизированное в последнее время производство также поставило Одессу на одно из первых мест по вывозу щетины. Однако, в ближайшее пятилетие предполагается некоторое падение производительности, обусловленное не отсутствием рынка сбыта, т. к. при колоссальном спросе иностранных рынков на русскую щетину сбыт ф-ки полностью обеспечен, а недостатком сырья, вызванным слабым развитием животноводства, в частности свиноводства, на Украине.

В общем, однако, несмотря на эти неблагоприятные условия—оба эти производства имеют большое значение в деле развития нашего экспорта и увеличения работы одесск. порта.

Приведенные краткие данные по централизованной промышленности, разумеется, не могут дать исчерпывающей картины тех достижений, какие наблюдаются в последние годы. Поневоле приходится ограничиваться кратким перечнем наиболее важных мероприятий и наиболее ценных результатов. Но и этот сухой перечень показывает, что одесская промышленность вышла из полосы тяжелой борьбы и подошла к тому пределу, за которым начинается развертывание промышленности на новых началах,—на началах создания нового мощного основного капитала, постройки новых производственных единиц, техническое состояние которых не должно будет уступать состоянию основного капитала промышленности наиболее развитых стран.

В заключение, чтобы подвести общие итоги восстановления одесской промышленности приведем след. табл., рисующие рост производства и рабочей силы за истекшие годы, причем оговорим, что данные за 26/27 г. ориентировочные.

Рост цензовой промышленности г. Одессы.

(Выпуск продукции в тыс. довоен. руб.).

Производство	1912 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	23/4 г.	24/5 г.	25/6 г.	Ориен. 26/27 г.
Текстильн.	2528	71	130	385	2500	2830	4100	9200	11000
Деревообраб. . .	6435	42	47	30	25	420	1265	1084	1300
По обр. металл. .	13124	435	265	753	2440	3400	7080	12729	15000
По обр. кож. . . .	5520	1637	1128	1270	4000	4810	6570	9617	10000
По обр. пит. вещ.	68160	6419	6118	6860	13200	20500	29300	36301	36000
Химическ.	8835	94	306	206	232	358	752	3068	3900
Прочие	5362	562	607	896	3167	3442	5163	8380	9000
Итого . .	109964	3260	8601	10400	25564	35760	54220	80379	86200
В %%-ах .	100	8,4	7,8	9,5	23.2	32,5	49,3	73,1	78,4

Движение рабочей силы по цензовой промышленности гор. Одессы

	1912 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	23/4 г.	24/5 г.	25/6 г.	Ориен. 26/27 г.
Итого по всем произв.	27030	13019	9285	10339	10347	13098	15001	20922	22000
В %%-ах .	100	48,2	34,4	38,2	38,3	48,5	56,5	77,4	81,5

Рассмотрев отдельные этапы развития одесской промышленности в течение десяти лет существования Советского Союза, мы видим, что несмотря на целый ряд условий достаточно об'ективных, но не содействовавших восстановительному процессу по Одесскому району, результаты все же значительные.

Экономика Одесского района в революционное время значительно разнится от довоенной, и отдельные отрасли промышленности, как текстильная, металлообрабатывающая и кожевенная по сравнению с довоенным временем сильно развились. Об'ясняется это главным образом тем, что в связи с уменьшившимся импортом отрасли промышленности Одессы, работающие на за-граничном сырье, главным образом, химическая, пробочно-линолеумная, маслобойная и чаеразвесочная вынуждены были сократить свои производства. Но все же результаты роста при всех прочих равных условиях являются грандиозными, если проследить динамику роста цензовой промышленности за семь лет мирного строительства по гор. Одессе.

Иметь в 1920 г. совершенно разрушенные предприятия и кой-какие уцелевшие, давшие только 8% довоенной продукции и постепенно, главным образом, за последние три года подойти в ценностном выражении к 78,4% довоенных размеров, является большим шагом вперед на пути к социалистическому строительству. Язык цифр является лучшим показателем, лучшим аргументом правильности взятого курса по укреплению и развитию пролетарского государства.

Одесская промышленность является только небольшой частицей громадного пролетарского государства, ее удельный вес еще невелик в общей экономике всего Союза, но десятилетний юбилей Октября встречается нами по достижениям в одном ряду с другими крупнейшими экономическими центрами Советского Союза.

М. Розенфельд.

III.

ПАРТОРГАНИЗАЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ В ОДЕССЕ ОТ 1917 Г. ДО ЛЕНИНСКОГО НАБОРА

Большевики в Одессе в 1917 г.[1]).

Февральская революция застала одесские с.-д. группы неорганизованными и неразмежеванными. Есть большевики, есть меньшевики, но организационно оформленных групп тех и других—нет. После февральской революции из подполья выходят все с.-д. группы и начинают работу в Советах, профсоюзах, Кр. Гвардии и т. д. сообща[2]), пока еще нет больших разногласий, а там, где они есть, меньшевики подавляющим большинством проводят свою линию.

Но уже к апрелю—маю можно было наблюдать начавшуюся борьбу фракций, невозможность и нежелание большевиков работать вместе с меньшевиками. Надо отметить, что меньшевики не хотели раскола и, вынося на своих заседаниях резолюции об исключении большевистской фракции из партии Р. С. Д. Р. П., все время думали этим сохранить единую организацию.

Резко стал вопрос о расколе на заседании общегородского комитета РСДРП 23-го апреля, где был заслушан доклад члена ЦК Шварца о положении в партии и созываемой всероссийской конференции. Меньшевики проявили себя в полной мере. Они подавляющим большинством отказались участвовать в конференции, откровенно заявляя причины отказа: конференция созывается большевиками. Тоже произошло и на первой общегородской конференции местной организации РСДРП, где по вопросу о временном правительстве была принята резолюция меньшевиков. С этого момента разногласия между большевиками и меньшевиками становятся очень резкими. На всех митингах, докладах выставляются докладчики двух точек зрения; начинаются отдельные совещания большевиков и меньшевиков, членов пока единой организации.

18-го мая большевики созывают членов одесской организации РСДРП большевиков и делегатов фронтового с'ез-

---

[1]) Работу по губернии детально осветить невозможно за отсутствием материалов, так как только в декабре Херсонская Губконференция постановила: Губкому войти в переговоры с одесским Комитетом РСДРП(б) о том, чтобы «Голос Пролетария» обслуживал губернию («Голос Пролетария», № 50) Е. Г.

[2]) Так, например, П. Заславский б-к работал в меньшевистском «Южн. Раб.».

да, разделяющих взгляды центрального органа партии «Правды», где ставят вопрос о выделении в одесской организации РСДРП фракции большевиков, так как комитет РСДРП (об'единенный) не проявляет себя, инициативы с.-д. не чувствуется ни в СРД, ни на с'ездах, какие происходят в городе. Собрание единогласно постановило организовать внутри одесской организации РСДРП фракцию большевиков [1]).

Узнав об этом, собрание меньшевиков принимает постановление: [2]) «Принимая во внимание неотложную необходимость существования единой с.-д. партии, особенно в настоящий момент, когда чрезвычайно обостренная борьба между пролетариатом и буржуазией, а также принимая в соображение, что теперь происходит усиленное строительство партии в широких пролетарских массах, совещание меньшевиков—членов об'единенной организации РСДРП, обсудив на собрании вопрос о наблюдаемом в последнее время стремлении в организации со стороны большевиков к созданию самостоятельной фракции, считает необходимым предложить комитету принять все меры к сохранению об'единенной организации».

Понятно, что ни этот, ни многие другие доводы, какие меньшевики выставляли о необходимости сохранения единой партии, не могли иметь существенного значения, и фракция большевиков была организована, тем более, что к этому времени районы железнодорожный и пересыпский уже целиком были большевистские, а в других районах имелись солидные группы большевиков [3]). Меньшевики письмом в «Южном Рабочем» запросили большевиков: 1) почему большевики подняли такой непримиримый поход против меньшевиков; 2) почему организована отдельная фракция большевиков.

Большевики, в лице Воронского, ответили следующим письмом [4]): «Почему организовалась в Одессе фракция большевиков». В № 35 «Ю. Р.» вами было помещено письмо тов. большевикам. В письме был поставлен ряд вопросов, адресованных в частности мне. Отвечаю.

1) Почему вы организовали отдельную фракцию большевиков, чем ведете нашу организацию к расколу?—спрашиваете вы.

Потому, тов., что меньшевики-оборонцы имеют на деле в руках одесскую организацию, потому что в их руках газета «Ю. Р.», деньги и преобладающее количество интеллигентных сил, потому, что существуют, как вы сами соглашаетесь, «глубокие разногласия, которые нельзя зама-

---

[1]) Южный Рабочий, 1917 г., № 27.
[2]) Южный Рабочий, 1917 г., № 32.
[3]) Воспоминания Григория Ачканова — «Очерки февральской и октябрьской революции в Одессе».
[4]) Южный Рабочий, 1917 г., № 37.

зать разговорами о примиренческом настроении, потому что отношение меньшевиков-оборонцев к «правдистам» вполне определенно отрицательное.

И еще по одному. Тов., вы, конечно, знаете, какая травля ведется в настоящее время в газете, на улицах, на собраниях против большевиков-ленинцев. Всякое стихийное, неорганизованное проявление революционного настроения масс, непродуманные шаги отдельных лиц, приписывают нам. Нам приписывают то, чего мы никогда не говорили, нас смешивают с немецкими агентами. Грязь, клевета, выдумка наглая сознательная ложь, обман, травля, смешение с подонками, все пущено в ход. Разверните «Одесские Новости», «Листок», «Почту», «Киевскую Мысль», «Слово» и т. д.,—вся эта поющая, вопиющая, взывающая и глаголющая братия не жалеет никаких красок и чернил.

Поистине, ленинец в их изображениях «чудище», которое «обло, озорно, стозевно и лаяй». С нами борятся отравленным оружием провокации масс. Но это не все, если бы все дело было в ленинцах. Дело гораздо хуже. Я утверждаю, что сейчас под флагом борьбы с ленинцами ведется самая беззастенчивая травля революционной рабочей демократии, стоящей на точке зрения классовой борьбы. Если вы не видете это, то убедитесь в этом скоро на горьком опыте. Русская революция вплотную подошла к тому моменту, когда будут затронуты некоторые «священные» устои капитала. Все это заставляет отечественную буржуазию в связи с войной натравливать под видом борьбы с ленинцами широкие несознательные массы на революционную рабочую демократию. Класс против класса. Анархисты-экспроприаторы, сеятели смуты, дезорганизаторы,—истинный смысл этих слов для нас, большевиков, ясен. Мы хорошо знаем этих «спасателей общества» от врагов общества. Так вот, в целях самозащиты проведения своей линии, мы и организовались в отдельную фракцию.

Вы считаете, что этих мотивов недостаточно? Вы, будучи на деле организованы, и, имея организационный аппарат и газету, хотите, чтобы мы пребывали в состоянии первобытного хаоса, когда нас травят со всех сторон. Это очень странно. Может быть, вы нас будете защищать, напр., от травли. Это было бы очень хорошо. Но я, грешный человек, сомневаюсь в этом; кстати, в этом же «Ю. Р.», в котором вы поместили свое примиренческое письмо, помещена передовица, из которой следует, что большевики напрасно открещиваются от анархистов. Мне нечего прибавить. Вы говорите, что мы ведем к расколу. Долгое время одесский комитет руководствовался правилом —

Ходить бывает склизко
По камешкам иным,
О том, что очень близко,
Мы лучше помолчим.

Мы не держимся «этого мудрого завета». На нарисованном гвозде можно повесить лишь нарисованную лампу. На об'единении без точного и ясного выяснения, во имя чего нужно об'единиться, против кого нужно об'единиться, как бороться—можно построить лишь воображаемое единение. Мы не заявляем о своем выходе, но по мере того, как коллективное мнение одесских меньшевиков будет делать все новые и новые шаги к оборонцам с.-р. и народникам, в такой же мере мы будем отходить от вас. Будет обратный процесс—мы будем вместе с вами.

2) Вы спрашиваете, тов. Трахтенберг—«почему в последнее время вы подняли такой непримиримый поход против ваших т.т. меньшевиков. Вы же великолепно понимаете, что все выкрики: «мелкие буржуи», «социал-патриоты», «социал-шовинисты»—это не более, как крепкие слова». Так пишете вы.

Прежде всего, смею вас уверить, что с меньшевиками-интернационалистами у нас нет никаких серьезных разногласий и мы вместе выступаем и будем выступать в «поход» против блока из меньшевиков-оборонцев и с.-р., и наша фракция зовет к себе не только большевиков, но и меньшевиков-интернационалистов.

Далее, я не знаю, когда и где употреблялись крепкие слова—«мелкие буржуи» и т. д. Дело не в крепких словах

По отношению к той позиции, на которой стоит большинство местных одесских меньшевиков, поскольку ее можно выяснить из их газеты «Ю. Р.», мы говорим, что она противоречива в своем корне. Точку зрения международной классовой борьбы она пытается примирить с оборончеством.

Пример. Международная борьба против капиталистов всех стран, как единственное средство к миру в интересах демократии, и вхождение в коалиционное министерство, т. е. сотрудничество с буржуазией, «заем свободы»—общий с союзниками фронт—наступление, и эту точку зрения мы считаем ошибочной и с.-д., разделяющих ее, мы считаем поддающимися влиянию мелко-буржуазного революционизма (народники, с.-р. и т. д.). Согласитесь, что это выходит совсем иначе, чем крепкие слова—«мелкие буржуи» и т. д.».

После этого о совместной работе не могло быть и речи, хотя попытка об'единиться со стороны меньшевиков еще была.

Окончательный раскол произошел 19 июня, когда большевики при выступлении меньшевиков начали покидать зал заседания. Меньшевикам ничего не оставалось делать, как принять на частном совещании резолюцию[1]): «линия поведения двух течений одесской организации настолько разошлась, что совместная работа оказалась невозможной. Расхождение это касается самых кардинальных вопросов мо-

[1]) Одесские Новости, 1917 г., № 10447.

мента и основных задач с.-д. Большевики в недрах организации создали отдельную фракцию, выпустили без ведома комитета свои листки и, наконец, вчера сорвали собрание, не пожелав выслушать докладчика комитета Станчинского». Этими своими действиями большевики поставили себя вне организации, меньшевистской, можем добавить мы.

22 июня меньшевики снова собираются и принимают следующее постановление: [1]) общее собрание членов одесской организации РСДРП, обсудив создавшееся положение вещей в организации и полагая, что: 1) происшедший в рядах организации раскол вытекает из об'ективных условий жизни РСДРП и является неизбежным, в виду непримиримости принципиальных разногласий между большевиками и меньшевиками во взглядах на основные вопросы современного политического момента и очередные задачи с.-д. движения; 2) что большевики, включая в свои ряды анархические элементы, оставляя их в организации, лишь затемняли бы ее работу, постановляет: признать раскол совершившимся фактом, считать большевиков вне организации. При расколе Бунд остался с меньшевиками, меньшевики-интернационалисты с большевиками.

В имеющихся в нашем распоряжении материалах за время — июнь и начало июля — есть пробел, благодаря тому, что газета «Ю. Р.» становится уже исключительно меньшевистской, а газета большевиков «Голос Пролетария» начала выходить лишь 6-го июля, да и то не ежедневно.

В конце июня большевики избрали общегородской комитет в составе: т. т. Хмельницкого А., Заславского П., Воронского, Рузера, Кристаловского, Ачканова Г., Мизикевича, Земита, Зифельда, Гайсинского, Старостина, Осипова и, начиная с июля месяца, большевистская организация развивает самостоятельно большую агитационную и организационную работу. Она приобретает большое влияние в Совете Рабочих Депутатов, и при перевыборах президиума вновь избранного в июле Исполкома СРД — уже имеются большевики: Ачканов, Кристаловский, Рузер, Рудницкий и другие. В председательскую коллегию избирается Рузер.

В сентябре (6/IX) на пленарном заседании советов, после выступления Воронского по вопросу о текущем моменте, принимается резолюция, осуждающая опыт коалиционной власти [2]). К этому времени рабочие и армия выносят постановление: 1) немедленный созыв Всероссийского С'езда Советов, который решил бы вопрос о власти; 2) отмена смертной казни; 3) перемирие на всех фронтах; 4) передача земли земельным комитетам; 5) контроль рабочих над производством; 6) поставить высший

[1]) Южный Рабочий, 1917 г., № 56.
[2]) Голос Пролетария, 1917 г., № 12.

комсостав под контроль армейских комитетов; 7) протест против закрытия большевистских газет и притеснения большевиков.

Делегатами на Московское Совещание посылаются: от СРД—Рузер б-к, Хейфец б-ц., Шифер с.-р., от ССД—Холопов б-к, Чуча, при чем делегатам дается наказ отстаивать указанные выше требования СРД, требовать для себя решающего голоса, требовать созыва Всероссийского С'езда Советов и оставаться в Петрограде для организации такового [1]).

Если в СРД большевики имели к этому времени большое значение, то приходится констатировать, что военная организация РСДРП в большинстве своем состояла из меньшевиков-оборонцев, что положило свой отпечаток на деятельность военной организации и ССД.

К сентябрю месяцу военная организация влачила жалкое существование, не откликаясь совершенно на запросы масс. Созванное в конце сентября заседание для выяснения линии поведения едва не было сорвано оборонцами к моменту принятия резолюции. Резолюция была принята следующая [2]): «считая, что политическая линия меньшевиков-оборонцев, заключающаяся в соглашательстве с контр-революционной буржуазией, в корне подрывала творческие силы революции, препятствовала проведению неотложных государственных мероприятий по борьбе с продовольственно-финансовой и всякой другой разрухой, компрометировала борьбу за мир, привела к корниловщине и, таким образом, окончательно обанкротилась, общее собрание одесской военной организации РСДРП находит, что только последовательное проведение интернационалистической политики классовой борьбы приближает наступление демократического мира, обеспечивает революционные завоевания и упрочение классовых позиций борющегося за социализм пролетариата».

То же было и с латышской организацией, где Комитет [3]) был совершенно оторван от массы, и, несмотря на постановление общего собрания о присоединении к большевикам, выписывал оборонческую газету для распространения. На общем собрании (27 сентября 1917 г.) ревизионная комиссия указала Комитету на недопустимость оффициального распространения газеты, которая в руководящих статьях приглашает русский пролетариат истреблять рабочих других стран. Комитет был переизбран. Победили большевики. Что же касается групп большевиков Литвы и Польши, то последние оформились только в конце декабря.

---

[1]) Голос Пролетария, 1917 г., № 12.
[2]) Голос Пролетария, 1917 г., № 16.
[3]) Голос Пролетария, 1917 г., № 19.

В конце сентября в Одессе проходила губконференция парторганизаций по вопросу о выборах в Учредительное собрание. Из 18-ти мест, предоставленных Одессе, Херсону и Николаеву, губконференция постановила 6 мест отдать товарищам — Ленину, Троцкому, Луначарскому, Дзержинскому, Ларину, Земиту. На 7 мест, данных Одессе, организация выдвинула товарищей Воронского, Рузера, Хмельницкого А., Ачканова Г., Гайсинского, Мизикевича, Юдовского [1]).

30-го сентября одесская организация постановила признать ЦК, избранный на 6-м с'езде большевиков, подчиниться принятому на с'езде уставу. С газеты «Голос Пролетария» снимается подзаголовок «Орган об'единенных с.-д.-интернационалистов». Газета начинает выходить ежедневно [2]).

К этому времени уже почти при всех профсоюзах имеются большевистские коллективы, ведущие большую культ-просвет. и агитработу, ячейки на заводах, фабриках; организация усиленно растет. Как иллюстрацию можно привести факт—Александровский район с 1 сентября по 9 октября вырос с 12-ти до 400 человек [3]). Симпатии рабочих на стороне большевиков. Прекрасное и бодрое настроение отмечают т.т., приехавшие из деревень, где отношение к большевикам самое предупредительное, хотя точных представлений, чего хотят и добиваются большевики там нет [4]).

В октябре мы имеем ряд приветственных телеграмм рабочих и армии, посылаемых Ленину, Троцкому, Зиновьеву, Каменеву, Колонтай; рабочие присоединяются к требованиям Кронштадта и Петрограда, считая единственной защитницей революционных масс рабочих, солдат, беднейших крестьян РСДРП большевиков. На заводах и фабриках в завкомы проходят списки, выставляемые большевиками.

К моменту октябрьского переворота по Одессе прокатывается огромная волна стачек и забастовок. Нет ни одной отрасли промышленности, ни одной мелкой мастерской, где-бы в это время не было забастовки, конфликта, а то и тачки для администрации. Рабочая масса взбудоражена. На собрании одесск. организации большевиков 19 октября обсуждается вопрос о демонстрации, некоторые товарищи указывают на необходимость немедленного выступления, так как массы не в силах дальше выносить произвола и наступления контр-революции; выступление может вспыхнуть стихийно и его нельзя будет удержать. Воронский

---

[1]) Голос Пролетария, 1917 г., № 18.
[2]) Голос Пролетария, 1917 г., № 19.
[3]) Голос Пролетария, 1917 г., № 24.
[4]) Голос Пролетария, 1917 г., № 25, общегородская конференция од. орг. РСДРП большевиков.

отстаивал необходимость выступить после с'езда Советов, дождавшись директив из центра.

Договорились на следующем обращении к рабочим — «Общее собрание членов одесской СД организации большевиков, предостерегая товарищей рабочих и солдат от преждевременных, раздробляющих силы революции выступлений, призывает пролетарские массы готовиться к предстоящему под'ему революции, к организованному отпору последующей реакции». Вместе с тем, собрание поручило одесскому Комитету РСДРП организовать в течение ближайшего периода времени ряд митингов с целью подготовки народных масс к предстоящему революционному выступлению, стремясь использовать эти митинги в целях укрепления организационных связей партии с массой»[1]).

25-го октября, как только стали известны события в Петрограде, в Одессе организовался Комитет революционной об'единенной демократии гор. Одессы. Допущение соглашателей в этот комитет, конечно, было грубой ошибкой. В состав бюро Комитета вошли Рузер (большевик), Орлов (большевик), Коробков (меньшевик), Хейфец (бундовец), Шифер (соц.-рев.), с кооптацией военного комиссара, ген. Маркса, правительственного комиссара Харито, морского комиссара Шрейдера (с.-р.), коменданта Рязанова (с.-р.) и начальника милиции Китникова (с-р). Намечен ряд предупредительных мер, отданы директивы не допускать собраний, манифестаций; сделано распоряжение об охране всех имеющих государственное и общественное значение учреждений. Установлена цензура газет. Закрыта монархическая газета «Южная Русь».

Городская Дума и Румчерод в отдельности выпустили одинаковые призывы к населению не выступать[2]), при чем при Городской Думе даже организовался Комитет по охране Революции, а Румчерод, руководимый меньшевиками, принял постановление[3]): 1) восстание большевиков должно быть ликвидировано, 2) самочинные захваты власти на местах должны быть пресекаемы, 3) Временное Правительство должно быть немедленно заменено народной демократической властью, организованной демократическим комитетом СРСД и ЦК социалистических партий, 4) основной задачей Правительства должен быть созыв Учредительного Собрания и т. д. Кроме того, Румчерод заявлял о неподчинении Киевской Раде, но о согласии работать в контакте с одесской украинской Радой, организованной к тому времени.

В это время заседавшие демократические организации[4]) приняли резолюцию большевиков, признающую пе-

---

[1]) Голос Пролетария, 1917 г., № 24.
[2]) Од. Нов., 1917 г., № 10552.
[3]) Од. Нов., 1917 г., № 10556.
[4]) Чтобы расшифровать понятие «демократические организации», является необходимость привести следующую выписку «Областной Ре-

реворот своевременным, требующую передачу земли земельным комитетам, предложение воюющим державам начать мирные переговоры и о созыве в назначенный срок Учредительного Собрания [1]).

На другой день было выпущено следующее воззвание [2]).

Ко всем рабочим, солдатам, матросам и крестьянам.

Товарищи, в Петрограде произошли события огромной важности. Еще неизвестно в точности положение дела там. Но одно уже ясно. Терпение революционной демократии лопнуло. 8 месяцев буржуазное правительство обкрадывало народ в его правах, обманывало его в его надеждах. И после 8 месяцев оттяжки, нерешительности, дряблости и предательства контр-революционного правительства, народ не получил ничего.

Нет мира — бойня идет и косит жертву за жертвой.

Нет свободы — тюрьмы переполнены социалистами, требующими прекращения войны, передачи земли народу.

Нет хлеба — разруха хуже прежнего, народ голодает, как при царском строе.

Могло-ли это длиться без конца? Могла-ли революционная демократия безмолвно и бездеятельно смотреть, как гибнут лучшие надежды, как враги народа готовят смертельный удар. Борьба за жизнь и смерть революции — вот, что означают петроградские события.

Революционный солдат, крестьянин, рабочий, на Вас теперь надежды революции, от Вас, от Вашей сплоченности, организованности и сознательности зависит, будет-ли революция жива, получит-ли крестьянин землю, а весь народ мир и свободу.

Какая партия единственно стойко и неустанно защищала эти требования революции? Какая партия одна против всех в течение всего прошедшего периода революции, боролась за справедливый мир, за передачу земли народу? — Только Российская социал-демократическая рабочая партия большевиков. Наша партия одна против всех, против врагов революции и против мнимых ее друзей, требовала передачи власти Советам Раб. Солд. и Крест. Деп.

Мы не одни в нашей борьбе. Вокруг наших лозунгов об'единились в огромные кадры революционного народа все советы Раб. Крест., Солд. и Матр. Деп. Комитеты, образовавшиеся в революционном порядке на местах, также с нами. Об'единитесь же все, в ком жив дух революции, в ком еще не умерла любовь к свободной революционной родине, вокруг наших революционных организаций. Об'единитесь все угнетенные, обездоленные, но свободные и готовые положить жизнь за свободу вокруг наших Советов.

Сплачивайтесь вокруг их знамен, ждите от них указаний. Ничего без партии и Советов. С нами, с партией, с Советами, все и на все, на борьбу, на смерть за свободу и революцию.

Товарищи революционные демократы, в Ваших руках судьба революции, судьба России, Ваша собственная судьба. Ваша партия, Ваши Советы ждут, что Вы окажетесь достойны великого дела, которое вас ждет, что каждый исполнит свой долг до конца. Да здравствует революция.

Одесский Комитет РСДРП(б), Одесская Военная организация РСДРП, Одесская Латышская Группа РСДРП.

волюционный Комитет состоит из представителей Советов Рабочих, Солдатских, Матросских и Крестьянских Депутатов, социалистических партий, демократических организаций и Украинской Рады на равных основаниях. В понятие демократических организаций входит и Румчерод".

[1]) Од. Нов., 1917 г., № 10555.

[2]) Голос Пролетария, 1917 г., № 26.

Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов сложил свои полномочия, пришлось избрать новый Исполнительный Комитет.

В ноябре армия и рабочие принимают резолюцию о признании Ц.И.К.С.Р.С. и Кр. Д. Верховным Государственным Органом, перед которым ответственны народные комиссары. Военно-крестьянский с'езд проходит под лозунгом «Вся власть Советам». Большевики получают преобладающее количество во вновь избранных Президиумах Советов. Агитационная работа выражается в митингах, докладах, статьях по вопросу о выборах в Учредительное Собрание. Октябрьский переворот в Одессе произошел значительно позже, чем в Петрограде и Москве.

По возвращении со II Всероссийского С'езда Советов делегаты сделали доклад о главных постановлениях с'езда, и, несмотря на возражения со стороны с-р и м-ков, на заседании Советов большинство членов Совета высказалось за одобрение постановлений С'езда и передачу власти Советам. Проведение этого в жизнь тормозилось Центральной Радой, которая стягивала силы к Одессе. Рада заявляла, что постановления С'езда Советов для Одессы не обязательны, так как Центральная Рада совершенно независимая власть.

«Совет десяти», куда от Советов вошли 5 представителей, все большевики, ничего не дал, так как украинцы саботировали его, а Совет Рабочих Депутатов не придавал ему особенного значения[1]). Создавалось положение, при котором Советы не признавали Рады, Рада — Советов; Советы готовили и вооружали Красную Гвардию, Рада стягивала войска к Одессе. Гайдамаки начали вести себя вызывающе, избивали жителей, кое-где пограбили под шумок, чем, конечно, не могли приобрести много симпатий у жителей города, тем более у рабочего населения. Город разделился на 2 лагеря, с одной стороны Советы, опирающиеся на революционные рабочие, солдатские и матросские массы, с другой Рада — с гайдамацкими куренями. Ближе к другой стороне — буржуазные и мелко-буржуазные элементы, примыкавшие к Думе.

Большевики на состоявшейся обще-городской Конференции фиксировали свое отношение к Центральной Раде тем, что признали необходимым созыв С'езда Советов Украины

[1]) Тов. Кристаловский в своих воспоминаниях («Коммунист» № 22, Од. Губкома) о Совете «10» пишет: «...Власть в городе продолжала находиться ни у тех, ни у сех... И нашему парт. комитету приходилось выискивать наиболее выгодные для партии компромиссные политические формы. Так, напр., долгое время пришлось прикрывать нам свое фактическое господство в городе пресловутым Советом «10», который состоял из представителей всех так наз. социалистических партий и заседал в центральном месте в городской думе. Понятно, в этом совете «10» большевики играли первую скрипку, но это все таки был компромисс и долго терпеть его нам было нельзя».

для избрания новой Центральной Рады, которая будет действовать в тесном контакте с Советом Народных Комиссаров[1]).

1-го дек., утром, между гайдамаками и красногвардейцами произошел бой на улицах Одессы. К 4-м часам перестрелка утихла.

В 6 часов вечера состоялось экстренное заседание об'единенных президиумов Советов, Украинской войсковой Рады, Городского Самоуправления, социалистических партий, Центр. Исп. Ком. Румчерода и др.

С огромной програмной речью от имени комитета б-ков выступил тов. Хмельницкий, который говорил, что центр тяжести сегодняшнего конфликта следует искать не в столкновении национальных интересов, а в классовой борьбе. От имени комитета Хмельницкий предложил следующую резолюцию:

«Об'единенное собрание президиума Советов Р. С. М. и Кр. Д. г. Одессы, Румчерод, Украинская войсковая Рада и соц. партии Одессы, обсудив вопрос об организации власти в г. Одессе, в связи с украинским вопросом, признает единственным выходом из создавшегося в г. Одессе состояния безвластия организацию слияния Рады и Советов, путем установления единых органов общего собрания и исполнительного комитета и передачу всей власти в Одессе об'единенной организации Советов и Рады. Впредь до создания в Одессе технических и организационных условий возникновения новой власти, собрание признает необходимым поручить осуществление власти временному комитету в составе представителей от Рады и Советов в равном числе».

Создан был временный комитет в составе 3-х представителей от Советов и 3-х от украинских революционных организаций*); от Советов в состав Комитета вошли: Рузер (большевик), Власьев (большевик), Золотухин (большевик). От украинских организаций — Чеховский, Вербицкий, Кущ, которые выпустили следующее воззвание:

От об'единенного комитета всех Советов и Рады.

Граждане, согласие достигнуто.

Нет более повода к каким бы то ни было столкновениям. Комитет всех Советов и Рады призывает всех граждан, и военных и не военных, к мирному труду и спокойствию. Магазины, лавки, банки и все другие учреждения должны быть открыты. Фабрики и заводы продолжают работать.

Граждане, не верьте злонамеренным слухам, сеющим рознь среди населения. Знайте, что в настоящее время между советами и украинскими революционными организациями достигнуто соглашение о создания в Одессе единой власти.

---

[1]) Голос Пролетария, 1917 г., № 48.

*) Тактика создания об'единенного Комитета с соглашательскими партиями и представителями рады в корне неправильна и вполне естественно, нельзя было ожидать благоприятных для большевиков результатов, что и оказалось. *Редакция.*

Для организации и первоначального осуществления этой власти создан временный Комитет в составе трех представителей от Советов и трех от Украинских Революционных Организаций. Через несколько дней новая власть сформируется окончательно. Комиссия трех, образованная вчера, сложила свои полномочия.

Об'единенный Комитет, подтверждая постановление этой комиссии, принимает на себя охрану города через особых уполномоченных и призывает граждан, сохраняя полное спокойствие, подчиняться Комитету и исполнять все его предписания.

Члены об'единенного комитета: представители Советов Рабочих, Солдатских, Матросских и Крестьянских депутатов — Рузер, Власьев и Золотухин. Представители Украинской Рады — Чеховский, Вербицкий и Кущ.

Несмотря на принятые меры в городе несколько дней было неспокойно. Изредка начинались перестрелки, магазины были закрыты. Профсоюзы пред'явили требование передать охрану города городскому самоуправлению при участии Советов и Рады, грозя в противном случае забастовкой. Одесский Комитет РСДРП вынес постановление о необходимости в целях поддержания порядка в городе образовать временный Комитет из представителей городского самоуправления, Советов и Рады, которому и передать всю власть в городе с подчинением ему местных учреждений [1]).

Началась подготовка к фронтовому и областному С'езду. Большевики решили образовать временный боевой блок с левыми соц.-рев. для борьбы с соглашательской политикой Румчерода, на основе признания власти Совета Народных Комиссаров [2]).

От Совета Раб. Деп. делегатами на фронтовый С'езд избраны были большевики — т. т. Ачканов Ф., Вернигора, Старостин, Воронский, Ачканов Г., Рудницкий, Загнибедов, Кантор, Шнайдерман, Догор [3]), Озоль, Бланкенштейн, Орлов, Томас, Петер; анархисты — Чернявский, Гальберштадт (Красный); бунд-интерн.: Зильберлейб, Лившиц.

Партгруппировка на С'езде была следующая: большевиков 396, л. с-р — 220, с-р центровиков—5, с-р интернационалистов—7, с.-д. оборонцев—68, с.-д. интернационалистов—37, украинских с.-д.—74, украинских с-р—6 челов., н. с. 6 чел., анархистов 8 ч., беспартийных—76 чел. В Президиум попало 8 большевиков, 5 л. с-р, 2 украинца, 5 правых с-р, 2 меньшев. оборонца, 1 беспартийный.

Исполбюро фракции большевиков, организованное для руководства с'ездом, состояло из товарищей: Юдовского, Арнольд, Веселова, Сергеева, Ильина, Цуперберг, Карпенко, Христева, Гольдберг, Бушуева, Розова, Анферова [4]). Представителем от Петроградского СРСД приехал т. Володарский.

---

[1]) Од. нов., 1917 г., № 10585.
[2]) Голос Пролетария, 1917 г., № 54.
[3]) Некоторые т. т. заявляют, что был не Догор, а Догио.
[4]) Голос Пролетария, 1917 г., № 56.

10-го декабря открылся областной фронтовый с'езд, делегаты которого получили от солдат наказы: 1) отстаивать власть советов, 2) добиваться скорейшего прекращения войны, 3)передачи земли земельным комитетам, 4) контроля над производством, 5) свободы печати, слова, союзов, собраний, 6) выборности командиров в армии, 7) борьбы с саботажем офицеров, чиновников, служащих. С'езд закончился избранием Центрального Исполнительного Комитета Советов Раб. Депутатов Румфронта и Одесской Области, под председательством Юдовского б-ка, т. предс. Лазарева л. с-р. Рузер б-ка, Обуховского, Охотовича, Юхимца, Перпера, секретатарем избран б-к Христев.

Но это еще не означало полного перехода власти к Советам. 25-го декабря Одесскому Комитету РСДРП(б) пришлось опубликовать в газетах сообщение о том, что слухи о готовящемся вооруженном выступлении большевиков — провокационные. 26-го декабря на заседании СРС и Кр. Д. постановлено устроить манифестацию воинских частей совместно с Красной Гвардией, чтобы показать силу революционной демократии и положить конец слухам о раздоре. Понятно, все эти постановления и резолюции не могли успокоить рабочую массу, которая требовала перехода власти к Советам; то в одном, то в другом месте вспыхивали забастовки; грабежи и налеты не прекращались. «Совет десяти» был бессилен.

В начале января рабочие РОПИТ'А, не получавшие долго жалованья, устроили мирную манифестацию под знаменами «Вся Власть Советам»[1]). Манифестация эта явилась результатом состоявшегося митинга, где рабочие, после детального обсуждения вопроса, пришли к заключению о том, что безработица и денежный кризис будут увеличиваться, пока власть не перейдет в руки Советов, там же решено принять все меры к переходу власти к Советам, для чего постановлено на всех заводах завкомам организовать боевые дружины.

В это время вспыхнула забастовка металлистов. Город остался без света. На делегатском собрании представителей 42-х заводов[2]), а также представителей армии и флота, т. Старостин заявил о том, что все попытки договориться с «Проюгом»[3]) не привели ни к чему, забастовку придется продолжать. Представители большинства заводов высказались за то, что власть должна перейти к Советам. Представитель армии, только что прибывший с фронта, обещал полную поддержку армии. Тов. Заславский, секретарь Комитета большевиков, приветствовал собрание рабочих, поставившее вопрос о Власти Советов в Одессе.

---

[1]) Голос Пролетария, 1917 г., № 74.

[2]) Голос Пролетария, 1917 г., № 75. В воспоминаниях од. группы при Истпарте ЦК говорится: 6 представителей и 9 заводов.

[3]) Комитет промышленников Юга.

На этом собрании решено организовать Рабочий Революционный Комитет из 15 человек. Ревкому вменялось в обязанность войти в непосредственное сношение со всеми организациями, заводами, дабы подготовить общее выступление 22 января (н. ст.); просить Исполнит. Комитет назначить в течении 2-х дней пленарное заседание всех Советов, дабы выяснить их отношение к настоящим событиям.

9-го января по городу была устроена мирная манифестация. Кстати сказать, об'единенцы не пошли на манифестацию, призывая в своем воззвании рабочих воздержаться от манифестации в знак протеста против событий в Петрограде. Но рабочий класс Одессы уже знал за кем итти. Вышел и на мирную манифестацию 9 января по призыву большевиков, вышел вооруженный, завоевывать власть Советов 14-го января.

В ночь на 14-е января красногвардейцами и матросами, по распоряжению Революционного Комитета, заняты были военный штаб, вокзал, артиллерийские мастерские, казначейство, телефонная станция и др. 14-го января временный Революционный Комитет об'явил о переходе власти к Советам и призвал население к спокойствию и порядку.

4 дня продолжалась перестрелка. То одна, то другая часть города, одно или другое учреждение, переходили из рук гайдамаков к красногвардейцам и обратно. 17-го, вечером, в Ревком явилась первая делегация гайдамаков с предложением мира и подчинения Власти Советов. 18-го января в Одессе наступил Октябрь. Власть перешла к Советам.

Е. Гороховская.

I-й ОБЛАСТКОМ КП(б)У

НЕМЕЦКОЕ ПОДПОЛЬЕ. 1918 г.

ГАМАРНИК ЯН

БУХАРЦЕВА В.

ЯНКОВСКАЯ

БЫЛ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ОБЛАСТКОМА ПОСЛЕ Я. ГАМАРНИКА. УБИТ ПЕТЛЮРОВЦАМИ В 1918.

КРЕЙЗБЕРГ И.

ГОЛУБЕНКО Н.

ОНИЩЕНКО П.

Одесская эпопея конца 1918 и начала 1919 г.

1. Между двумя оккупациями.

Одесскую эпопею конца 1918 и начала 19 г. можно разделить на три периода. Первый период между двумя оккупациями: австро-германской и французской; второй период — французской оккупации с половины или конца декабря до марта месяца; наконец, третий период — разложение оккупационных войск и подготовка к захвату власти в Одессе, март и начало апреля 19-го года.

Попытаюсь сначала осветить первый период. Прежде всего надо сделать маленький анализ обстановки, в которой пришлось работать тогда партийной организации. Наш Областной Комитет начал работать в ноябре 18-го года, при чем областной комитет этот сложился таким образом: первый Одесский Областной комитет из товарищей, присланных Центральным Комитетом Украины, работал вплоть до осени. Осенью этот Областной Комитет провалился (не знаю причин), половина членов была арестована, другой половине удалось скрыться. Затем на с'езде Коммунистической Партии Украины был решен вопрос о том, что в Одессу нужно послать новую группу, которая явится организующим центром и на месте составит новый Областной Комитет. В эту новую группу были выдвинуты: я, т. т. Клим, Тарский и затем, кажется, еще Гордон Николай, но в работе он участия не принимал. В какой же обстановке пришлось нам работать?

Австро-германская революция, которая началась в октябре, ударила по оккупационным войскам, разложение которых зрело и под влиянием обстановки в России кое-где уже обнаруживалось. Началось проявление не только недисциплинированности, но и определенно революционных настроений среди оккупационных солдат. В ряде местностей на Украине были организованы Советы Солдатских Депутатов. Такое-же положение было и в Одессе, хотя Советы там не организовывались, но оккупации к началу ноября уже не существовало. События 9-го ноября были причиной падения Вильгельма и поставили точку над окку-

пацией. Командующий войсками фон-Бельц пустил себе пулю в лоб, потому что эти войска уже не могли осуществить никаких начал власти. Крах австро-германской оккупации явился предпосылкой для краха гетманщины и для краха русской буржуазии, группировавшейся вокруг гетмана. Вначале на Украине процветал украинский язык, но мало по малу начинают появляться истинно-русские деятели, и начинают подниматься разговоры о том, что нужно ставить ставку на «единую неделимую». В связи с этим начинается формирование добровольческих дружин в Киеве и Одессе; начинаются переговоры представителей истинно-русской буржуазии с Антантой, чтобы спасти буржуазную власть на Украине. Значит, с одной стороны — разложение оккупационных войск, с другой — предопределившиеся возможности антантовским войскам и с третьей — Петлюровское восстание.

Начало Петлюровского движения в форме восстания относится к половине ноября. Распространилось оно очень быстро. Если петлюровцам не удалось так скоро взять Киев, то ряд местностей был взят чрезвычайно быстро. Такая легкость победы об'ясняется не столько популярностью Петлюры, сколько популярностью лозунга им выдвинутого, а именно — лозунга узкого национального об'единения. Петлюра выехал на плечах крестьянского восстания, партизанского восстания против гетмана, против представителя крупной буржуазии. Партизанские отряды в значительной своей части были нашими отрядами и имели даже в некоторых местах командование в лице партийных товарищей. Тактика партии в этот момент заключалась в том, чтобы вливать крестьянские повстанческие отряды в петлюровские войска и очищать, таким образом, путь для Советской власти. В одной из буржуазных газет в этот период была помещена статья, в которой говорилось, что у пана Петлюры только голова буржуазная, а хвост большевистский и пролетарский. Это совершенно правильно. Все петлюровское движение было насыщено этим большевистским духом и элементами.

Вот та обстановка, в которой пришлось работать нашему областкомитету. В Одессу мы приехали 12 ноября 1918 г. Я сейчас не помню ясно той явки, которая была мне указана, но помню, что с первой явки меня провели в столовую на Греческой улице. На этой явке мне устроили свидание с членами областкома. Маленькая оговорка: к этому времени вся центральная группа провалилась, но, чтобы сохранилась хоть какая-нибудь преемственность и организационный центр, оставался ряд товарищей, которые и продолжали работу. Если не ошибаюсь, это были т. т. Северный, Карп, Павел Онищенко и Федорко, — эта четверка.

Первая встреча моя с ними носила несколько натянутый характер. Это, конечно, было весьма естественно, так

как, когда приезжают какие-то люди, командированные центром, места встречают их обыкновенно с несколько кислой улыбкой. На одном из собраний мне пришлось сделать доклад, но помню, затронутые мною темы — по вопросам организационной борьбы между правыми и левыми, — имели мало отклика в Одессе и не представляли для нее существенного значения. Одесса была на особом положении, и это сказывалось даже в мелочах обыденной жизни. Так, когда я на вокзале хотела расплатиться с носильщиком украинскими деньгами, он отказался их принять. Когда я с удивлением сказала: «Но ведь это деньги Украинской державы» — он сказал: «Одесса не Украина». «А что же вы?» — «У нас Одесса». Это было очень характерно для Одессы. Затем надо отметить, что это была окраина, юг, куда стремилась вся буржуазия, чтобы отсюда прямо через море попасть заграницу. Там же группировались добровольческие силы. Одним словом, был весьма сложный переплет всякого рода группировок и сил. И в партийном отношении Одесса была несколько оторвана от общей жизни.

Через несколько дней после моего приезда прибыли т. т. Ласточкин и Клименко. Таким образом, наша тройка встретилась и начала работу. Какие были наши первые шаги? Прежде всего организация всех отраслей работы. Наша центральная четверка решила, что, как только явится возможность, она созовет областную конференцию, чтобы мог быть избран областной комитет — по всем правилам демократии. В подполье эту демократию разворачивать было нельзя, поэтому товарищи решили нас признать до областной конференции и работать вместе с нами. Первыми шагами в нашей работе было налаживание связи с областью. Нужно сказать, что Одесская область охватывала чрезвычайно большой район, который по существу не мог быть хорошо обслужен одесским облкомом. В него входил весь нынешний Одесский округ, Николаев, Херсон с округом, Балта, Первомайск. Он охватывал также всю Бессарабию, Мелитополь и Александровск, часть Криворожья. Говоря в частности о Бессарабии, приходится особенно подчеркнуть трудность и сложность работы там.

Но так или иначе, нам приходилось ставить работу и шла она таким образом: 1) по линии оживления связи с крупными городами, здесь я имею в виду Николаев и Херсон, главным образом; 2) налаживание связи с Балтой и Елисаветградом, так как Елисаветград являлся центром, вокруг которого группировались главные партизанские силы; 3) на оживление связи с Бессарабией и Криворожьем, откуда появился Николай Онищенко и 4) на оживление городской работы. Тогда существовал городской комитет и районные. Пять районных комитетов — Молдаванский, Портовой, Городской, Пересыпский, Железнодорожный. У них была налажена связь, имелись свои определенные группы,

и вообще работа более или менее была налажена. Соответственно с этим разделена была работа и между членами облкомитета; сохранялся принцип выбора председателя и секретаря. Тов. Ласточкин был председателем, имелся секретарь при нем — Клименко. В ведении Губкома находилась разведка, руководство работой подрывных групп и руководство партизанским движением. В непосредственное ведение облкомитета входила связь с областью, руководство работой городских комитетов, постановка газеты, устройство типографии, руководство профработой, которая тогда еще висела в воздухе, и работой красного креста. Вот приблизительно основные области работы.

Несколько слов о тактике облкомитета. Облком на одном из первых заседаний поставил вопрос о том (организационная схема уже была намечена), какую тактику принять в обстановке надвигающейся французской оккупации, с одной стороны, и в обстановке борьбы между всякого рода группировками — украинскими, русскими, демократическими, монархическими и т. д. — с другой. Тактика в основном была определена таким образом: Одесский Областной Комитет в первую голову и непосредственно видел врага в крупных отрядах белой армии, которые были в Одессе. По отношению к петлюровцам общая тактика определялась таким образом, чтобы через петлюровскую массу итти на борьбу за Советскую власть, тем более, что массы были по существу наши.

Затем тактика по отношению к будущей оккупации. Были у нас горячие головы, которые предполагали, что мы сможем не допустить оккупации. Но, понятно, что Областной К-тет на такую точку зрения не стал. Он видел, что оккупация есть один из методов борьбы международн. капитала против большевиков и, естественно, что оккупация представляет собой не только огромную военную силу, но и силу политическую, с которой бороться просто так, чохом, не приходится. В отношении предстоящей оккупации была намечена такая линия. Поскольку ориентация союзников еще не определилась, — сговорятся ли они с директорией или будут опираться исключительно на добровольческую армию, Одесский Областной Комитет предполагал, что если нам удастся противопоставить союзникам общественно-политические силы и силы военные внушительные, то, быть может, мы сможем воздействовать на их ориентацию.

Нам лучше было, конечно, иметь дело с петлюровцами, чем с белогвардейцами. Тактика наша была выжидательная. Ясно было одно, что в связи с кризисом гетманщины партия должна завоевать пролетарские массы и укрепить связь с теми массами, которые шли за Петлюрой. После 9-го ноября с отречением Вильгельма и началом петлюровского восстания — общее настроение в Одессе было крайне напряженное. Надо заметить, что настроение рабочих не

могло не быть напряженным. Они уже вынесли австро-германскую оккупацию, они уже в продолжении 2-х лет не могли нормально работать на производстве, и на 1-е октября 1917 г. было уже 16% безработных. Затем пошла дороговизна. Все эти моменты вместе взятые крайне нервировали рабочих. И после того, как разразилась германская революция, в различных рабочих организациях и просто среди рабочих начинают поговаривать о том, что нужно устроить манифестацию сочувствия германской революции. Желание рабочих масс устроить манифестацию несомненно указывало на то, что рабочие, которые шли за своим Центропрофом и в большинстве своем были меньшевистски настроены, сочувствовали также Советской власти. Манифестацию осуществить не удалось, потому что Одесский генерал-губернатор Мустафин выпустил обращение, в котором предупреждалось, что некоторые непримиримые элементы собираются устроить манифестацию, против чего он будет бороться со всей строгостью закона.

Революционное настроение рабочих крепло. Рабочие напирали на Центропроф. Тогда Центропроф, под давлением рабочих масс, решил устроить 2-х недельную забастовку. Это было, если не ошибаюсь, в первых числах ноября. Двухнедельная забастовка была об'явлена 25 ноября и шла под лозунгами — освобождение заключенных, свобода слова, печати, союзов; одним словом, наши основные демократические лозунги. Забастовка началась при единодушном воодушевлении рабочих. Весь город замер, ни один магазин не открылся, не было света, воды. Это исключительное единодушие и те революционные речи, которые раздавались в разных рабочих уголках, перепугали Центропроф. С другой стороны, несколько перепугали и власть. И меньшевики, я не знаю точно, были-ли у них какие-нибудь переговоры с оффициальной властью или с городской думой, — они тогда вели еще полулегальное существование, — эти меньшевики добивались, чтобы, исполняющий обязанности градоначальника, Богданович стал на путь сговора с ними. Богданович выпустил обращение, в котором об'явил, что в дни прибытия войск в городе должно быть все в порядке, ибо нельзя же встретить десант всеобщей забастовкой. Это было приблизительно 27-28 мая.

Это уже указывает, что переговоры с «государственно-мыслящей частью населения» велись. Об этом свидетельствует воззвание «К населению города Одессы», подписанное Богдановичем. Содержание его следующее:

«В дни прибытия в Одессу флота и войск держав Согласия особенно важно полное прекращение гражданской войны. Гражданский мир является основной предпосылкой для планомерного государственного строительства и возрождения нашей страны.

Учитывая все это, административная власть города Одессы считает необходимым пойти навстречу государственно-мыслящей части населения и

1. Освободить из мест заключения всех тех арестованных, к которым судебной властью не пред'явлено обвинение в преступлении уголовному характера.

2. Предоставить возможность составу одесской городской управы, избранному Одесской Городской Думой, вновь вступить в управление городским хозяйством.

3. Облегчить положение печати и

4. Создать условия для беспрепятственных собраний организаций, стоящих на государственной точке зрения.

В Одессу уже прибыл представитель демократического блока держав Согласия, французский генеральный консул, г. Энно, и лучшим приветствием дорогому гостю Одессы будет проявление нашего общего единения, выдержки и спокойствия, столь необходимых для возрождения нашей России».

Это воззвание относится к концу ноября — 27 — 28 1918 года.

В сущности говоря, эти «государственно-мыслящие» слои на советской забастовке кое-что заработали, а рабочие, конечно, получили шиш. Факт тот, что 27 ноября, приблизительно, одесские рабочие организации получили воззвание, озаглавленное «ко всем рабочим и служащим Одессы», где об'являлось, что забастовка прекращается. Полный текст этого воззвания следующий:

Ко всем рабочим и служащим города Одессы.

Совет рабочих организаций, в составе исполнительного комитета Совета профессиональных рабочих союзов, правления союза больничных касс, правления союза рабочих кооперативов, Одесского Комитета российской социал-демократической партии, партии социалистов-революционеров, трудовой народно-социалистической партии, «Бунда», об'единенной еврейской социалистической партии, еврейской социал-демократической рабочей партии «Поалей-Цион», постановил: об'явленную двухдневную политическую забастовку приостановить с 8 часов вечера вторника, 26 ноября сего года.

Совет рабочих организаций указывает, что начатая борьба еще не закончена, рабочий класс города Одессы проявил в своем выступлении высокую степень организованности и стойкости, власть оказалась вынужденной считаться с волей пролетариата и пойти на ряд уступок. Мы сознаем всю недостаточность этих уступок и, приостанавливая забастовку, мы будем организованно продолжать борьбу за наши лозунги.

Совет рабочих организаций призывает рабочих и служащих города Одессы приостановить забастовку с тем же единением, с каким она была начата и проведена. Лозунгом нашей дальнейшей борьбы остается — через всероссийское и всеукраинское Учредительное собрание к всероссийской федеративной демократической республике».

Совет Рабочих Организаций.

27 ноября 1918 года.

Понятно, что в этот момент, когда у широких рабочих масс Одессы не было никого в этой организации, кроме меньшевиков, рабочий класс все-таки идет за организацией. Большевики тогда еще не настолько были сильны и сплочены, чтобы противопоставить этим организациям другую

силу, и, наконец — они просто не успели ничего сделать, так как это об'явление о прекращении забастовки было для нас полнейшей неожиданностью. Вполне естественно, что часть рабочего класса растерялась и решила, что раз есть какая-нибудь своя организация, надо за ней идти, и встала на работу. Правда, работа началась далеко не повсюду, но часть предприятий уже работала, продолжать забастовку остальным — не имело политического значения. Таким образом, работа возобновилась. Окончание забастовки все-таки не разрядило напряжения в рабочих массах, тем более, что петлюровцы значительно приблизились к началу ноября: фронт их подходил к станции Раздельная. В одесской прессе появились статьи и аншлаги, трактующие о том, что союзники вот-вот прибудут. Для одесского рабочего класса в оккупации был новый ужас и, естественно, что у него было враждебное настроение к пришельцам; у некоторых было даже желание не допустить этой оккупации каким бы то ни было путем. Вот в этот именно момент наша большевистская организация выдвигает идею созыва совета. Это момент чрезвычайно интересный.

Этот переходный период создавал возможность широкого использования настроения масс, их завоевания и создания группировок вокруг партии, но в то же время он не открывал еще пути к власти и предварительной подготовке к захвату власти. Идея создания совета в этот период имела совершенно другое значение. Как известно, Одесский Совет существовал после ухода большевиков легально. После ухода Советской власти из Одессы ясно, что он выродился и в конце концов должен был прекратить свое существование. И действительно, летом 18 года или весной он прекратил свое существование с некоторым красивым жестом. Председателем тогда был Кулябко-Корецкий, который на последнем заседании заявил, что Совет не прекращает своей деятельности, а только приостанавливает до нужного момента. В совете, во всяком случае, существовал старый Исполком, и у нас зародилась такая мысль: провести созыв Совета через старый Исполком, так как назначить созыв от большевистской партии мы, конечно, не могли. Мы имели в виду взорвать старый исполком и устроить выборы нового; захватить новый исполком в свои руки и противопоставить эту организацию тем, которые были в руках меньшевиков, сделать исполком совета своей цитаделью для борьбы с захваченными меньшевиками организациями.

Но этого нам сделать не удалось не потому, что меньшевики были сильнее нас, но потому, что события были сильнее нас. После прекращения забастовки состоялось собрание одесских рабочих организаций. К этому времени, нужно заметить, большинство предприятий уже провели

выборы в новый совет, так что идея созыва совета уже была пущена в ход. На это собрание явились члены старого исполкома и просто выборные от некоторых предприятий члены совета, иначе говоря, большевики (в частности, т. Клименко).

На этом совете рабочих организаций был поставлен вопрос — что делать? Правда, совету не пришлось решать этого вопроса, так как был выдвинут вопрос о присутствии членов исполкома и членов Сов. Раб. Деп. Вопрос был поставлен такой: имеют ли члены Совета право голоса на данном собрании или не имеют? Этому вопросу и было посвящено это собрание. Меньшевики, конечно, выступили с невообразимой бранью по адресу советов вообще и говорили, что они достаточно себя скомпрометировали не только в Малороссии, но и за-границей (это было сказано по адресу Венгерской республики). Я помню такие крики, что и Германия дает такой урок и Вюртемберг. Словом, и меньшевики, и правые с-ры развили самую бешенную агитацию, чтобы членам совета голоса не давать. И этим предопределялось решение о созыве совета. Однако, рабочие держались несколько иного мнения. Для них в момент такого огромного напряжения идея Советского Союза, как актуального представителя их интересов, была чрезвычайно желательна. И это собрание в продолжении 5—6 часов дискуссировало один и тот же вопрос. При чем при первом голосовании вышло, что члены Совета имели право голоса, но меньшевики довели это собрание до позднего часа, когда многие из рабочих плюнули на это дело и ушли: меньшевики, воспользовавшись отсутствием рабочих, решили переголосовать, и было решено, что членам совета права голоса не давать.

У нас было предварительное небольшое совещание с левыми эс-эрами, стоящими тоже на советской платформе, и мы все решили добиваться созыва Совета. Было достигнуто соглашение и со старым Исполкомом. Вопрос о созыве Совета был решен, и он был назначен на 19 декабря, но благодаря дальнейшим событиям собрать его не удалось.

К 11-му декабря Петлюра — у ворот Одессы. К этому времени вопрос о десанте совершенно определился.

Французский консул Энно сделал несколько заявлений в прессе о том, что союзный десант прибудет в ближайшее время. Правда, перебросить этот десант было очень нелегко, потому что у союзников было мало транспортных средств, но так или иначе вопрос о десанте был решен. Союзники, судя по совещанию в Яссах, на котором были представители крупной буржуазии, решили опираться на эти круги, на русские монархические круги, на добровольческую армию и шли на поддержку «Единой — неделимой».

12-го декабря было созвано экстренное заседание Областного Комитета, где был поставлен вопрос о том, какую нам занять позицию. Основное решение было следующее: прежде всего влить наши партизанские отряды в петлюровские войска, и второе, — всеми силами и мерами воздействовать на то, чтобы выпереть добровольцев из Одессы; наконец, третье — использовать момент этого междуцарствия и многовластия, чтобы вооружить рабочих. Мы имели в виду такую перспективу: если петлюровцам удастся удержать за собой Одессу и сговориться с союзниками в той или иной форме, то это дало бы нам возможность проводить нашу работу путем разложения иностранных войск, а также и петлюровских масс. Если же петлюровцам не удастся удержаться в Одессе, мы будем иметь дело с белой армией и их союзниками, и тогда партии придется уйти в подполье и вести работу в иностранных войсках, не давая им продвигаться на север Украины. Тут надо отметить одно обстоятельство: в это время уже шли разговоры о том, что французы, в случае занятия петлюровцами города, ограничат свою зону, занятую добровольческими войсками. Консул Энно окружил себя сетью пикетов, так что в этом районе никакого прохода и проезда не было. Для нас важно было чтобы французы не расширили своей зоны, не помешали нам распоряжаться в остальной части города, а в случае боя с петлюровцами им содействовать и захватить оружие. Этот момент я особенно подчеркиваю, потому что материалы, которые имеются по этому делу, отличаются большой неточностью, в том числе и материалы Гуковского («Французская интервенция на Юге», журнал «Пролетарская революция», №№ 6, 7 и 8 — 1926 года).

Вот основные наши решения 12-го декабря. 11-го декабря Петлюра занимает станцию Одесса-Главная и посылает телеграмму Одесской власти. В ночь на 12 декабря выезжает делегация от Городской Думы. С петлюровским командованием заключается соглашение о зоне, причем зона определяется таким образом: район Николаевского бульвара и некоторые другие центральные улицы, — это центральная зона, а остальной город решили предоставить республиканским войскам. По документам, это происходило 12-го декабря. Мне кажется, что это было несколько раньше. В это же время напряженное настроение рабочих достигло апогея, и 12-го декабря, в день вступления петлюровских войск в Одессу, произошел знаменитый митинг в цирке и разгром тюрьмы. Я не знаю кто устраивал этот митинг. Знаю только, что председательствовал какой-то незнакомый человек, который потом передал председательствование Кулябко-Корецкому. На этом митинге было очень много большевиков. Цирк был до такой степени забит народом, что протолкнуться туда не было никакой возмож-

ности, и я застряла в толпе и в цирк не попала. Сергей Клименко все-таки пробился на хоры.

Мне передавали, что рабочие организации весьма революционно выступали, провозглашались приветствия в честь германской революции. Тут же выступал и Сергей Клименко с верхушки, куда ему удалось пробраться, и произнес зажигательную речь на тему о власти Советов и закончил лозунгом: да здравствуют Советы. Успех он имел необычайный. С митинга всей толпой, провозгласив лозунг — освобождение политических заключенных, двинулись к тюрьме. Разгрома тюрьмы я в подробностях не помню. Знаю, что толпа была чрезвычайно мало вооружена. Правда, к ней пристали многие герои дна с револьверами; убит был начальник тюрьмы, который пытался оказать сопротивление. Толпа ворвалась и освободила не только политических, но и тех, кто был мил сердцу воров. Между прочим, тогда был освобожден тов. Поль. Эти события плюс наступление петлюровцев на Одессу и фактическая сдача Одессы создали настроение паническое.

Вечером 12-го начинается паническое бегство буржуазии в порт. Правда, туда пускали только сливки. Началась посадка на пароход «Саратов». Во время этой погрузки происходили душу раздирающие сцены. Пароход погрузился, но уйти не смог, так как команда отказалась уезжать из Одессы. Характерно, что мы с этой командой связи не имели и никакой специальной пропаганды там не вели. У команды были, очевидно, свои счеты и она не хотела пускаться с буржуазией в далекое плавание.

В этой обстановке вступили петлюровцы, и это вступление окатило холодным душем горячее настроение рабочих масс и горячее настроение нашей организации. Ничего хорошего ждать от петлюровцев мы не могли. Но с первых же шагов, которые они сделали в Одессе, они сразу поставили нас перед фактом, что мы попали между двумя огнями: с одной стороны петлюровское командование, с другой стороны — добровольцы и союзники. Я документов приводить не буду, упомяну лишь, что командующим петлюровскими отрядами атаманом Филатьевым был издан приказ, которым с момента вхождения петлюровцев в Одессу воспрещались всякого рода собрания, митинги, и Одесса об'являлась на осадном положении. Ясно, что требовать в такой момент созыва исполкома Совета, это означало поставить рабочих под пулеметы. Большевики и левые с.-р. пришли к общему решению — отсрочить пленум на 22 декабря (раньше он был назначен на 19-е число). Собрание было назначено на фабрике Попова, но осведомить всех о перемене срока не удалось. Поэтому 19-го значительные группы рабочих явились к этой фабрике, и здесь их встретил бронированный автомобиль. Рабочие разошлись. Это была первая встреча рабочей Одессы с петлюровцами.

С этого момента вообще начинается канитель между петлюровцами и союзниками. С одной стороны, петлюровцы желают удержать Одессу за собой, с другой — не желают ссориться с Антантой. Между петлюровцами и союзниками путается добровольческая армия. Петлюровцам очень хотелось снять ее со счета. При переговорах, которые велись через городскую думу, одним из требований петлюровцы выставили следующее: все воинские части превращаются в частных граждан, распускаются и никаких организаций воинских, кроме союзных и петлюровских, на территории Одессы не должно быть. Это было основное требование петлюровцев. Союзники не ответили на это ни да, ни нет, но фактически ни одной части не распустили.

С другой стороны, консул Энно, который приехал в Одессу, как покровитель возрождающейся России, оказался в весьма интересном положении. Кроме добровольческих дружин, он ничего не видел. Десант запаздывал. В то же время ссориться с петлюровцами не представляло смысла. Поэтому его политика была весьма колеблющейся. Кроме того, неизвестно насколько точные инструкции он имел из Парижа. Но целый ряд фактов указывает, что даже в этот момент у союзников не было еще твердой ориентации на добровольцев. Они просто выжидали, кто окажется сильнее, и предпочитали того, с кем можно скорее сговориться. Вначале, когда возникли разговоры о десанте, союз сахарозаводчиков, бывший в то время в Одессе, предложил Энно свои услуги в качестве посредника между Антантой и петлюровцами.

Учитывая всю эту обстановку и те колебания, которые имели тогда место у отдельных групп и организаций, наша большевистская организация пришла к тому заключению, что, пожалуй, если петлюровцы сумеют удержаться, для нас будет лучше, чем власть других организаций. Тут будет небезинтересно огласить одно из первых воззваний, подписанное губкомендантом Луценко.

«После тяжелой борьбы украинский народ сбросил ярмо гетманщины, и Украина стала республикой.

Директория Украинской Народной Республики твердо стала на страже интересов всего народа.

Крестьянину — земля, рабочему — человеческая жизнь, каждому гражданину — свобода; вот что несет республика Украины.

Не волей гетмана и его наемниками, а свободной волей каждого гражданина будет управляться Украина через городские и местные самоуправления. Не будет больше ни произвола, ни насилий. Но чтобы закрепить республику, чтобы стать крепкой, Украине нужна большая работа всех, кто может работать, а для работы нужен порядок и покой. Это знают враги Украинской Республики.

Одни из этих врагов вчера, 12-го декабря, сожгли тюрьму и выпустили всех воров. Есть сведения, что и в будущем ими будут приложены силы, чтобы настала анархия на Украине и республика погибла.

Но дорога республика народу украинскому, и республиканская власть знает, что великую ответственность несет она за счастье родного

народа, и поэтому не остановится ни перед чем, чтобы подавить анархию и разбой. Всем бежавшим из тюрьмы приказываю немедленно явиться к властям; кто не явится, в случае задержания будет предан полевому суду.

Силам украинских войск приказываю карать злодеев беспощадно за все выступления против республиканской власти и жизни и спокойствия гражданина.

Будут приняты самые суровые меры, вплоть до расстрела включительно. Пощады и жалости злодей пусть не ждет, ему нет места на свободной Украине.

Все, кому дорога свободная Украина, все, кому дорог порядок республики, не пойдут за анархией.

Губерниальный комендант Луценко».

Это было на второй день после вступления в Одессу и за пять суток до боя. Это сразу ставило точки над и. Ясно было, что период полулегальных политических выступлений прошел и что большевикам, вероятно, придется созвать Совет и бороться с петлюровским командованием. В силу этого у нас была усиленная работа в самых петлюровских войсках. Частью эти войска стояли под Одессой, — там работали наши партизанские отряды, — часть войск в самом городе, в частности, 3-й корпус Украинской Народной Республики. С этим корпусом у нас также была связь. У нас шли свидания с петлюровскими солдатами и было договорено, что они выделят депутата в Совет. Это имело для нас определенный смысл — вовлечь их в тот орган, который должен стать цитаделью борьбы с меньшевиками. Затем, в случае боя, мы будем держаться вместе.

Как раз на 18-е декабря у нас было назначено совещание с представителями петлюровских войск, которое должно было состояться на Болгарской ул. в политическом рабочем клубе, но это совещание не состоялось. К этому времени переговоры союзников с Петлюрой приняли весьма затяжной характер. Циркулировали слухи, что дана телеграмма, чтобы не вступать в бой с союзниками. С другой стороны союзники назначили Гришина-Алмазова командующим союзными войсками. Это было перенесение ориентации на белую армию. Петлюровцы, во время свидания с генералом Ланжероном, — французским комиссаром — потребовали, чтобы белая армия была демобилизована. Генерал Ланжерон ничего положительного не ответил.

В это же время выяснилось, что десант не сегодня-завтра прибудет. Наконец, показался и ряд судов французского десанта. Тут Петлюра, под влиянием настроения своих солдат, начал полустихийный бой. 17-го вечером добровольческие части перешли установленную зону и начали продвигаться по тем улицам, которые были заняты республиканскими войсками. Республиканцы уже были достаточно раздражены начавшейся перестрелкой, которая продолжалась до утра, когда начался настоящий бой.

Как мы не ждали возможности боя, он нас застал рассыпавшимися, потому что мы в этот день условились встре-

титься на Пересыпи. Когда я шла на Пересыпь, то натолкнулась на добровольческий пикет, который заявил мне, что дальше хода нет, но все-таки перешла улицу. На другом углу я встретила другой пикет. Добровольцы похвалили меня за храбрость и предложили вступить к ним в отряд. Я ответила совершенно непроизвольно, что я им очень благодарна, но что с ними не по пути. Тогда офицер спросил, как это не по пути. Я спохватилась и сказала, что мне нужно на другую улицу. Меня пропустили и я все-таки добралась до Пересыпи. Конечно, в этом клубе я ничего не нашла. Один из товарищей сказал мне, что был Николай и просил меня прийти на курсы, где была наша явка, на Ришельевскую, 41. Я пошла на базар и купила 5 фунт. колбасы и 10 фунт. хлеба, зная, что товарищам вряд-ли удастся что-нибудь поесть. Когда я пришла на Ришельевскую, мне сказали, что Николай был и просил меня прийти на Болгарскую в квартиру Иванчика, где я застала весь Областной комитет и Ревком в сборе.

Там мы и решили вопрос о том, как нам быть дальше. Оказалось, что перед этим у нас было совещание с анархистами и левыми эс-эрами, на котором было решено на случай боя — устроить об'единенный Ревком. Они были с нами связаны и был отдан приказ на Болгарской, 63, устроить боевой штаб в школе имени Пушкина. Район этот, поскольку он был расположен довольно далеко от центра города, мы решили оцепить пикетами, чтобы нам никто не мешал, и не допускать туда никаких отрядов. Затем решили захватить крупные казармы и склад военной аммуниции у 2-й заставы. В случае, если петлюровцы сдадутся, мы решили захватить оружие, свернуться и исчезнуть, что и было сделано впоследствии.

Целый день мы провели в штабе на Болгарской ул. Операция с захватом оружия удалась блестяще. Нам помогал Коммун. Союз Молодежи. Прислали грузовую машину, были также телеги. Все это направили туда, где были склады оружия, склады были разобраны, оружие увезено и спрятано в складочные места. Чем дальше к вечеру, тем больше определялась возможность отхода петлюровцев. К 5-ти часам вечера начались переговоры — чего мы тогда не знали — о возможности сдачи Одессы. Как оказывается, французское командование весьма решительно предложило петлюровцам чуть ли не в полчаса сдать все оружие в условленном пункте и Одессу очистить. Змиенко старался как-нибудь оттянуть время, но больше получаса ему не удалось выторговать. Пока шли переговоры, мы использовали это время, чтобы установить связь с петлюровскими войсками. Они сообщили нам, что, очевидно, придется уходить, и многие предлагали нам сами сдать оружие. Части, которые были в охране, почти целиком сдали оружие. Части, стоящие по ж. д. пути и на станции «Дачная», передали ору-

жие нашим партизанским отрядам. Таким образом закончилась операция 18-го числа.

Под вечер, часов в 8, французские части начали высаживаться с транспорта. Они не решались высаживаться во время уличного боя. Для командования было невыгодно солдат, которые только что приехали и которым все время говорили, что они идут спасать в России демократию, сразу бросить в бой. Как только перемирие было установлено, воинские части посланы были на расквартирование. Одна из таких частей проходила мимо нашего штаба. Мы все там были в полной боевой готовности, обвешанные ленточками и т. д. Когда по цепи наших пулеметов было передано, что идет французская часть (они шли страшно усталые, без винтовок), некоторые из наших горячих товарищей предложили открыть огонь, но понятно эта идея моментально была отброшена в сторону. Ревком предложил всем нашим отрядам спрятать оружие.

Мы завязали маленький разговор с проходившими французами. Я кое-как говорила, а тов. Семен из контр-разведки хорошо говорил по французски. Мы прежде всего спросили куда они идут. Они, услышав звуки французской речи, пришли в необычайное волнение и сразу забросали нас тысячью вопросов: кто вы такие, что сегодня произошло, между кем был бой и т. д. Мы отвечали, что мы рабочие, бой произошел между белыми, между монархическими организациями и республиканскими. Они все сгруппировались вокруг нас, мог произойти митинг, но ведший их офицер тотчас же подошел и отдал приказ построиться и итти, не вступая ни с кем в разговоры. Это был весьма характерный момент, обнаруживший, что французы совершенно не понимали, для чего их сюда привезли. Самый факт боя поставил их в совершеннейший тупик. К бою они были совершенно не расположены. И если-бы пришлось ввязаться в бой, то для французского командования результаты могли оказаться весьма печальными.

После боя и отступления петлюровцев положение определилось. Ряд воззваний недвусмысленно говорил, что французское командование принимает под свою высокую руку белогвардейцев и принимает ориентацию на монархические организации. Вечером 18-го мы выпустили ряд листовок, во-первых, к петлюровским войскам, в которых говорилось о нерешительной тактике их вождей и разоблачалась мелкобуржуазная природа петлюровской власти, и, во-вторых, листовку к французам, в которой мы раз'ясняли смысл происшедших событий и смысл их прихода на Украину. С этого началась наша деятельность среди французских войск.

После боя состоялось совещание социалистических партий по вопросу — что делать. Председательствовал, кажется, Кулябко-Корецкий. Это было на квартире Липков-

ского. С.-р. и меньшевики отозвались, что пока делать нечего. Точно этого совещания я не помню, но, по свидетельству тов. Анулова, после речи Клименко, в которой он отхлестал меньшевиков и с-р за предательскую политику, Кулябко закрыл заседание. Он как-будто предложил отложить обсуждение вопроса до более благоприятного времени и сказал, что после речи большевиков говорить нечего. Я не очень уверена в правдивости этого сообщения. После всего этого стало ясно, что созывать Совет в таких условиях совершенно не для чего, так как прежде всего созыв такой организации не мог пройти конспиративно, а это значило подставить под пулеметы рабочих; с другой стороны, существование в этот период даже нелегального совета депутатов было совершенно бессмысленно. Вопрос был не в том, чтобы создавать организацию, а в том, чтобы вести работу. Исполком Совета, как массовая организация в этот период, в период глубокого подполья, только путался бы между ногами.

21 декабря было выпущено такое обращение:

„От президиума С. Р. Д. Ввиду того, что 21-го декабря, вечером, в Президиум поступили оффициальные заявления от двух партий, имеющих бесспорное большинство в новоизбранном Совете Рабочих Депутатов, а именно от партии коммунистов-большевиков и левых социалистов-революционеров о том, что созыв Совета при данных условиях, когда ему грозит расстрел, нежелателен, Президиум относясь к этим заявлениям, как к заявлениям большинства самого совета, постановил созыв пленума, назначенного на 22 декабря, отменить. Выданные же мандаты остаются в силе. Президиум. 21 декабря 1918 г.»

Так что Совет оставался в потенции. Поэтому-то он так легко оформился в начале марта 1919 года. В этот же период большевистскому Областному Комитету и организации в целом стало ясно, что сейчас нужно отказаться от методов полулегального существования и полулегальных выступлений, а что нужна только глубокая подпольная работа.

2. Французская оккупация.

Теперь я перейду ко второму периоду французской оккупации, к периоду наиболее полному и содержательному. Прежде всего, я скажу два слова о политической и экономической программе оккупации, каковую можно охарактеризовать одною из речей Клемансо по русскому вопросу в феврале 1919 года: основной стратегической задачей французов на юге России является — отвести большевиков от нефти и угля. Несомненно, что это и было в сущности основной задачей французской оккупации.

Но это еще не все. Это задача военно-политическая, но, кроме того, у французов, конечно, были и другие экономические интересы в этой оккупации. Если их не интересовал особенно хлеб, то несомненно интересовал уголь. Впоследствии Рурская оккупация с огромной наглядностью показала — насколько для Франции последнего периода нужен был

уголь. Вы помните ходкую фразу Радека о том, что Эльзасская сталь притягивает Рурский уголь. Несомненно поэтому, что донецкий уголь имел для французов большое значение.

Кроме того, донецкая каменноугольная промышленность, а отчасти и южная металлургическая промышленность — от Таганрога до Криворожья — существовала на французские капиталы, которые составляли главную долю во всей сумме капитальных вложений, и для французов было, конечно, и чрезвычайно интересно и нужно с точки зрения политики финансового капитала — вернуть эти области.

Перейду к тем событиям, которые разразились после отхода Петлюры из Одессы. Характер власти тогда определялся союзом белогвардейцев и союзников. Это выразилось прежде всего в том, что генерал Гришин-Алмазов, ставленник д'Ансельма, был назначен в Одесскую губернию и что добровольческая армия попала под начало союзников.

По моему, чрезвычайно интересно еще то, что отход петлюровцев от Одессы совершился все-таки постепенно. Мне кажется, что те переговоры, которые начались еще в период нахождения петлюровцев в Одессе в начале декабря, переговоры, вначале отвергнутые союзниками, — все-таки продолжались. Дальше мы видим, что в феврале эти переговоры уже приняли оформленный характер и выразились, повидимому, в каком-то договоре.

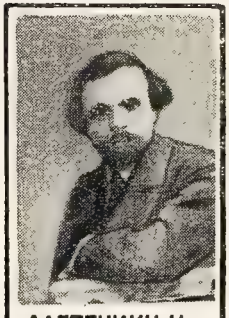
Этот постепенный отход петлюровцев и сохранение за ними самостоятельности имеет большое значение для нас, так как он дал возможность развить пропаганду среди самих петлюровцев и помог перетянуть довольно большие слои крестьянских масс Одесского района, которые примыкали к петлюровщине, поскольку они видели в петлюровцах военную силу, способную противопоставить себя новой оккупации, которая к тому времени украинскому крестьянству в достаточной степени надоела.

Для характеристики этого периода нужно еще отметить: что наша Одесская организация все время, несмотря на все трудности, была связана и с ЦК Партии и с организациями — Киевской и Волынской. Мы постепенно получали сведения о том, что там делается, и для нас, хотя характер власти в Одессе уже определился, было еще под вопросом — сможет-ли французская оккупация распространиться на север или она будет локализована в Одессе или в небольшом районе, прилегающем к Одессе. Нас заставило сделать такое предположение следующее обстоятельство: директория в Киеве, несмотря на кажущуюся крепость, все-таки сидела на двух стульях, и стульях очень шатких в смысле политическом и военном. В это самое время началось продвижение Красных войск с севера, и, зная характер пет-

ОДЕССА. II-й ОБЛАСТКОМ КП (б) У

НЕМЕЦКО-ФРАНЦУЗСКОЕ ПОДПОЛЬЕ.

1918 — 1919



ЛАСТОЧКИН Н.

КЛИМЕНКО И.

СОКОЛОВСКАЯ Е.

БОЛИУН

СЕВЕРНЫЙ

ЛАВРЕНТИЙ К.

люровского движения и настроение масс, ничего невозможного не было в предположении, что очень скоро волны петлюровщины схлынут и сменятся волнами борьбы за Советскую власть. Исходя из этого, мы полагали, что продвижение революционной волны и советских войск с севера на юг может пойти чрезвычайно быстро.

Как раз в конце декабря мы получили известие о том, что директория издала свой известный декрет о созыве Трудового Конгресса. На этом моменте придется особенно остановиться. У нас в Областном Комитете были довольно большие споры о том, принимать ли участие нам, путем посылки делегатов на Трудовой Конгресс, или нет. Во время Трудового Конгресса шла и реорганизация профсоюзов, и, следовательно, мы имели возможность послать в качестве представителей рабочей организации своих товарищей — коммунистов. Колебания на этот счет были довольно большие. Наиболее резкие расхождения были между тов. Клименко и т. Ласточкиным. Тов. Ласточкин был сторонник посылки делегации на Трудовой Конгресс. Понятно, он ни на минуту не предполагал, что этот Трудовой Конгресс может дать что-нибудь существенное украинскому пролетариату, но он считал, что этот Конгресс все-таки надо использовать так, как мы в свое время использовали Думу, использовать, как трибуну для скандала. Клименко стоял на той точке зрения, что поскольку Трудовой Конгресс созывается директорией, которая по своей природе ничего общего ни с пролетариатом, ни с революцией не имеет, и поскольку этот Трудовой Конгресс будет составлен по возможности так, что не будет допущено никаких политических выступлений против директории, и тем самым послужит лишь ширмой для прикрытия власти Директории, — постольку посылать наших представителей совершенно нецелесообразно, чтобы этим самым не выступить в качестве стороны, поддерживающей Директорию.

На заседании Областного Комитета, на котором ставился этот вопрос, мне быть не пришлось. Голоса разделились поровну, так что этот вопрос некоторое время висел в воздухе. В конце концов вопрос пришлось решать мне, поскольку я была единственным голосом, который мог дать перевес в ту или иную сторону. И здесь я вспоминаю такую картитину: вопрос о посылке делегатов был возобновлен еще на вечеринке, которая устраивалась по случаю рождественских праздников. На этой самой вечеринке присутствовало много наших товарищей; также присутствовали французские солдаты, с которыми очень легко было познакомиться, особенно женщинам, болтавшим по-французски, и которые с большой охотой пошли на вечеринку, устраиваемую профсоюзной организацией. Мы забились в угол и продолжали наш спор, и в конце концев Ласточкин меня уговорил, за что я получила большой нагоняй от тов. Клименко. Аргумент

заключался в том, что использование Конгресса, как трибуны, может дать большой эффект, тем более, что мы от киевских товарищей получили известие, что они тоже собираются посылать делегатов на этот Конгресс (потом они отказались от этой посылки). В нашем решении сыграло большую роль еще то, что знаменитый Ройтман заявил, что ему удалось нащупать связь французского командования с петлюровцами, и он обещал достать кое-какие документы, которые действительно и достал. Николай был увлечен мыслью, что на этом конгрессе нашим делегатам удастся выступить с компрометирующими документами. И мы все-таки решили послать наших делегатов. Может быть, политически этот шаг был не таким уж верным, но нужный эффект был достигнут. Это один из вопросов, который решался на Областном Комитете.

Затем на одном из заседаний Областного Комитета окончательно было разработано нечто вроде плана нашей работы на ближайшие месяцы. Я уже говорила, что основной задачей на данный период была пропаганда среди иностранных войск, с целью их разложения, и целый ряд мероприятий по дезорганизации власти. С этой целью мы сформировали специальную дружину, в том числе и подрывную боевую дружину С. Зехцера, состоявшую из одиннадцати человек, в которую входили человек пять жел. дор. рабочих. Среди них была и такая публика, которая по своему происхождению и социальному положению определению не поддавалась, их просто можно было назвать — одесситами. Во всяком случае, эта публика была бравой и готовой на всякие похождения и на всякие акты, хотя, в смысле политическом, они не были коммунистами, как не был им и сам Зехцер. Тут была смесь анархистов с уголовщиной и смесь довольно безвкусная.

Затем следующее, что в этот момент сыграло огромную роль — это была работа нашей разведки. По этой линии шло укрепление, а затем перед нами стал вопрос об усилении связи с областью. Связь с областью у нас происходила таким образом: у нас были адреса и явки в целом ряде городов — в Николаеве, в Херсоне, в Кишиневе, в Кременчуге, в Балте и Голте. Хотя Балта была в Подольской губернии, но она подтягивалась к нам и фактически работала в связи с Одесским Областкомом, как и ряд других мелких городов. По области целый ряд местечек, в том числе и знаменитые Алешки, в которых была довольно крупная большевистская организация, — работали в связи с Одесским Областкомом.

По этим адресам и явкам мы посылали целый ряд товарищей, которые являлись туда с директивами от Областного Комитета партии, знакомились с положением дел в организации и затем информировали об этом положении нас. Затем, когда связь установилась, часто приезжали товари-

щи из области. Кроме того, в состав Одесского Областного Комитета входили еще организации Очакова и Аккермана. Но, понятно, что такие краткие сведения, полученные от товарищей, которые ездили туда и обратно, не давали полной картины о положении в области. Да и давать мы могли им общеполитические директивы. Мы сознавали необходимость созыва областной конференции, чтобы избрать Областной Комитет и получить более полную и ясную картину того, что делается в области.

Многие из товарищей, которые приезжали к нам с мест, все-таки здорово врали. Они преувеличивали свои силы, средства и возможности. Настроение у них было горячее: хоть сейчас иди захватывай власть. Тогда мы поставили вопрос, что кто-нибудь из членов Областного Комитета должен поехать по области и на месте познакомиться с тем, что на местах делается, и провели городские массовые собрания организации для выборов делегатов. Эта задача была возложена на Клименко.

Затем вопрос о партизанщине. Очень часто встречается неправильное понимание партизанского движения на юге, в особенности в Одесской области. Те отряды, которые помогали петлюровским войскам, по мере подхода Петлюры к северу, частью оставались в своих районах, частью отходили к северу, а то и к востоку, где вливались в отряды Григорьева. Часть вовсе отходила в районы Волыни и Подолии, продвигаясь ближе к Киеву, а часть отрядов, в которых было наше ядро, и которые обросли уже петлюровскими солдатами, в результате пропаганды остались в районе Одессы и, понятно, не могли существовать, как кадровые воинские части. Для них не было поля деятельности, и мы старались эту партизанщину направить на действия, дезорганизующие власть, — скажем, как вооруженный налет на какой-либо пункт, который играл важное экономическое и стратегическое значение для союзников. К числу таких операций относится операция в Беляевке. Обычно в результате такого налета организовывалась демонстрация вместе с населением пролетарским и крестьянским.

Таким образом, нашей целью были: дезорганизация власти, демонстрация своих сил перед союзниками, затем захват оружия, в отдельных случаях материальных средств и, наконец, — отход. Мы никогда не давали директив принимать правильный военный бой по всем правилам стратегии. Это было для нас невыгодным и не приводило бы ни к каким результатам. О захвате власти партизанскими отрядами на местах мы также не ставили вопроса, это был исключительно метод дезорганизации власти. Мы полагали, что с развитием движения Григорьевских войск, которые также перешли на построение партизанских отрядов — удастся эти отряды перебросить в район действия Григорьева, они с ним соединятся, войдут в Григорьевские отря-

ды и об'единенными силами можно будет вести борьбу с белогвардейскими союзническими силами, уже в виде некоторой правильной военной армии.

Дальше. Огромной задачей была организация нашей коммунистической печати как французской, так и русской. Вначале к нам приехал из Киева знаменитый товарищ Орловский Виктор, сам печатник, который и в Киеве сидел на работе в подпольной типографии. Правда, в Киеве у него было много неудач, и не знаю, зачем ЦК прислал его в Одессу, может быть именно потому, что не знал, что с ним делать в Киеве. Скрепя сердце, Николай Ласточкин поручил ему организацию подпольной типографии в Одессе. На этом деле тов. Орловский просидел недели три, до декабря месяца, и, несмотря на то, что мы предоставили ему все возможности, дали связи с печатниками и рабочими, жившими в районе одесских каменоломен (мы уже тогда намечали каменоломни, как помещение для подпольной типографии), — решительно ничего сделать не мог. Тогда мы прямо поставили вопрос, что, очевидно, ему у нас делать нечего, предложили ему уехать в распоряжение ЦК, а работу по организации типографии поручили Яковеру и члену Комитета — Венгржиновскому, которые типографию и поставили.

Типография начала регулярно работать немного позже ноября. Помню, что в ноябре мы передавали для печатания листовку и чуть-ли не первый номер «Коммуниста» — Лео Мессеру через Веру Алексеевну, а вероятно в половине декабря уже была поставлена типография, и мы начали печатать, кроме нашей газеты, — «Ле-Коммунист» на французском языке; последняя издавалась иностранной коллегией. В состав редакционной коллегии входили: Немчин, Вайсман, хотя последний не был членом коллегии, а был назначен передатчиком, у которого собиралась Редколлегия; затем Кин, Вл. Елин (брат Жака Елина), я была от областного Комитета.

Всю работу по связи с редколлегией и типографией держала тов. Яновская. Кроме того, у нас была организована специальная группа по распространению газет. Во главе стоял Баршак и затем еще кто-то, не помню фамилий, но факт тот, что вся работа эта велась комсомолом. Это для нас самое важное. Вся группа по распространению состояла из комсомольцев, и нужно признать, что распространение велось образцово. Газета распространялась не только на фабриках и заводах и не только русская газета, но и французская, хотя распространение французской газеты мы специально не поручали, и лишь революционная инициатива побуждала брать на себя эту задачу. Газета эта попадала во французские казармы. Обычно молодые рабочие и работницы подходили к французским солдатам, где-нибудь на улице около казарм давали пачку газет и уходили. Это

показывает насколько французские солдаты, даже в начале оккупации, с сочувствием и во всяком случае с огромной любознательностью относились к тому, что происходило в России; случаев арестов при передаче литературы у нас ни разу не было.

Последний момент, который был чрезвычайно важен — это усиление работы непосредственно на заводах, т.-е., иначе говоря, — укрепление заводских ячеек. Нужно сказать откровенно, что правильно организованных ячеек на заводах у нас не было. Те группы, которые были в прошлом, мало чем напоминали теперешние ячейки. Это были группы товарищей, связанных с райкомом, городским или областным Комитетом, которые на заводе вели пропаганду и агитацию, но никакой организационной формы в этом отношении создано не было.

Интересно отметить эпизод, который произошел в конце декабря или начале января, — это знаменитый суд над Лениным, устроенный меньшевиками в Одессе. Меньшевики, несмотря на то, что общеполитическая обстановка не должна была вызывать их на этот поступок из чисто тактических соображений, тем более перед лицом оккупантов, ибо суд над Лениным, иначе говоря, был судом над Советской Россией и над большевиками, все-таки себе эту выходку позволили. Это показывало лишь насколько глубоко контр-революционный характер носила тогда меньшевистская организация. Я не помню, кто был организатором этого суда, помню только, что в качестве обвинителей выступали Сухов и Рихтер, в качестве защитника выступал проф. Щепкин, — левый эс-эр. Никакого легального защитника мы выставить не могли. Суд над Лениным происходил в Художественном театре на Екатерининской улице. Несмотря на то, что вся интеллигенция и одесская обывательщина стремилась попасть туда, зал был переполнен рабочей публикой. Это показывало, насколько рабочие чутко реагировали на этот вопрос.

Я помню, что рабочая аудитория горячо реагировала на речи обвинителей и проф. Щепкина, при чем мы сами не ожидали таких непосредственных выступлений и выкриков, которые раздавались с рабочих скамей, особенно когда каждый мог рассчитывать, что он прямо из театра попадет под расстрел; но атмосфера все-таки так накалилась, что рабочие кричали, свистели и чуть-ли не плевали в лицо меньшевикам, встречали шумными аплодисментами Щепкина, и тот факт, что он выступал в защиту Ленина, т.-е. в защиту Сов. России, был достаточен для того, чтобы рабочие его шумно приветствовали. Этот факт нам показал, что если организационная связь у нас была недостаточно велика, если группа, оформленная как члены партии, еще недостаточно количественно возросла, то несомненно настроение одесского рабочего класса в основе

своей тогда было уже за нас; это в дальнейшем подтвердилось 9-го января.

Не надо забывать, что весь этот период, помимо тех событий, которые мы имели в самой Одессе, находился под огромным влиянием двух факторов: во-первых, развертывающейся германской революции; правда, мы получали далеко не точные сведения о том, что там происходит, но даже из буржуазных газет мы видели, что революционная волна в Германии растет, что поднимало не только настроение в нашей партии, но и настроение рабочего класса. С другой стороны на нас влиял такой огромной важности фактор, как существование Советской России, а также успехи красных войск, потому что с начала января продвижение красных войск по линии Белгород—Харьков — уже началось. Харьков был занят уже в половине января. Одним словом, чувствовался огромный напор, который по существу разрешался победой Советских войск. Все эти события и факторы вселяли в нас бодрое настроение и уверенность в скорейшей победе.

Наша организация предложила тогда Центропрофу отпраздновать 9-е января или манифестацией, или вообще ознаменовать этот день каким-либо политическим выступлением или празднеством, которое не было бы подпольным. Меньшевики на это дело не согласились, а затем, если я не ошибаюсь, был выпущен соответствующий приказ Гришина-Алмазова, который писал, что никакие общественные выступления и празднества в этот день допущены не будут. Тогда мы решили организовать летучие митинги на окраинах и заводах. Я сейчас уже не могу перечислить места, в которых происходили эти митинги, помню только, что один такой митинг был на консервной фабрике на Молдаванке, не то 9-го января, не то накануне; мы с тов. Ласточкиным были приглашены на эту фабрику.

Весьма типичным и необычайно выпуклым является тот факт, что мы, загнанные в подполье и стоящие под дулом винтовки и надзором белогвардейской охранки, мы все-таки имели возможность днем совершенно свободно пройти на эту фабрику, при чем я знаю, что администрация этой фабрики была осведомлена о нашем приходе, ибо рабочие заранее заявили, что к нам-де придут товарищи из большевистской партии, которые хотят с нами говорить, и чтобы об этом никому не сообщалось. И администрация действительно молчала. Я помню, что мы собрались в каком-то помещении, похожем на столовую, где собралось очень много рабочих. Мы не решились устраивать митинга, чтобы не вызвать налета белогвардейцев, спустили шторы, собрались в кучку и всю беседу вели, как мы ведем сейчас в красных уголках. Я помню, что тогда рабочие больше всего интересовались Советской Россией и особенно организацией производства и всевозможными бытовыми во-

просами. Вот таким образом у нас был ознаменован день 9-го января. Конечно, были выпущены соответствующие листовки. Приблизительно в тот же период разразилась забастовка водопроводчиков, дворников и телеграфистов. Интересно, что забастовка происходила по линии именно того пролетариата, который меньше всего был на нашей стороне. Это характеризует, насколько тяжелое положение было в то время в Одессе.

Из данных, которые имеются за этот период (приблизительно в десятых-пятнадцатых числах января), видно, что в Одессе было довольно значительное количество безработных. При чем тут опять-таки приходится брать среднее. По вычислениям одних, по 11 союзам было 22,8% безработных. Очень жаль, что союзы здесь не указаны. По другим вычислениям, по 15 союзам было 67,6%. Я думаю, что вторая цифра пожалуй более близка к действительности. Факт тот, что масса рабочих была вне фабрик и заводов. Мы это видели и по рядам нашей организации, где чрезвычайно много товарищей было безработных. Кроме того на РОПИТ'е в этот период не грузили и не работали, портовые работы не производились, потому что фактически широкой торговли с Западом в это время не было. Стояла масса военных кораблей, привозивших и увозивших войска, но торговых операций более или менее широких — не было.

Затем, сказывалось то положение, что Одесса при союзной оккупации была все-таки в положении блокированного города, потому что, с одной стороны, крестьянство весьма недоверчиво относилось к оккупантам, за исключением только зажиточной верхушки, и оно свою продукцию очень неохотно везло в Одессу, — и с другой стороны, Одесса не имела широких связей ни с Украиной, ни с Западом, и все это сжимало Одессу, как кольцом. Помню, как начал исчезать с рынка целый ряд продуктов, как дорожали хлеб и масло, как началась спекуляция, и все это вместе с безработицей крайне тяжело отражалось на рабочем классе и вызывало недовольство даже таких категорий рабочих, как телеграфистов, дворников и т. д., которые забастовали. Я не помню долго-ли длилась забастовка, кажется всего несколько дней, но кончилась она провалом и внесла огромное озлобление в ряды одесского рабочего класса.

Насколько тяжело было положение рабочих, характеризует с полной очевидностью воззвание Центропрофа к одесскому населению, к одесским сознательным гражданам, о внесении посильной помощи для нужд безработных. Это с другой стороны указывает еще на меньшевистскую наивность Центропрофа, который ожидал, что какие-то граждане, как видно буржуазия, действительно для одесского рабочего класса что-нибудь сделают.

В таких обстоятельствах возник у нас спор о Совете безработных. Массы безработных требовали, понятно, ка-

кой-то организации, которая дала бы им возможность воздействовать на Центропроф, на буржуазию, и вообще проявить себя. Тут возник вопрос о Совете безработных, который уже не первый раз возникал в Одессе; у одесских рабочих в этом отношении уже был некоторый опыт. И естественно, масса рабочих опять стала на этот же путь. О Совете безработных были у нас очень большие споры с меньшевиками, при чем меньшевики из понятных соображений были против, а большевики из не совсем, может быть, понятных соображений были — за. В конечном итоге мы решили войти в этот Совет. Помню, одним из крупных обстоятельств, которое заставило нас стоять за Совет безработных, было, что он являлся одним из орудий, которыми мы могли бомбардировать стену оккупации, и с этой точки зрения мы решили, наряду с прочим, и Совет безработных использовать организационно и политически для завоевания авторитета партии.

Правда, насколько я помню, этот Совет ровно ничего не сделал. В смысле рабочей помощи он, пожалуй, и не мог ничего сделать, но все-таки польза была та, что наши товарищи в этом совете или вернее через этот совет имели возможность связаться с кадрами безработных и имели возможность разжигать в них революционную независимость. Этого было достаточно.

На фоне экономического развала, с которым ни белогвардейцы, ни союзное командование справиться не могли, в среде белогвардейщины начался необычайный разгул. По вечерам по городу бродили банды, в кафэ вечером буквально нельзя было зайти, потому что всюду сидели белогвардейские кружки, которые распевали «боже, царя храни», и привязывались к каждому новому лицу, особенно еврейскому. Помню, особенно этим отличались артисты. Помимо этого разгула, началась огромная спекуляция на валюте, на разного рода ценностях, на чем попало. Все это относится ко второй половине января, т.-е. к моменту, когда оккупация, в сущности говоря, только начала в Одессе основываться. Было совершенно ясно, что организовать власть, организовать ее и политически и экономически французы, союзное командование не в силах.

К этому времени относится начало операции Григорьева. Отмечу, что Григорьев, который вначале целиком и полностью шел с директорией, под влиянием той самой массы, командиром которой он был, неожиданно полевел, что определялось в значительной степени тем, что красные войска подходили тогда уже к Харькову. Об'яснялось это также и тем, что в его отряде было много большевиков, вернее сочувствующих большевизму рабочих и крестьянских масс, и был целый ряд товарищей, которые вели упорную работу не только над его войсками, но и над самим Григорьевым. В результате, кажется в конце двад-

датых чисел января, Григорьев уже заявил о том, что он переходит на сторону Совласти. Это нам позволило сразу все свои партизанские отряды влить в его войска. Правда, мы старались там поставить в качестве руководителей партийных товарищей, выдвинули целый ряд одесских рабочих, к Григорьеву мы все время относились с большой опаской, но считали, что в тот момент он должен сыграть огромную роль в деле борьбы с оккупантами.

Операции Григорьева, начавшиеся в двадцатых числах января, дали в результате взятие Николаева. Правда, взять его было довольно нетрудно, потому что союзных войск там почти не было, остались в городе некоторые русские части, которые в тот период не желали вмешиваться в дела, а часть имела даже свой Совет Солдатских Депутатов.

Интервенция держалась по отношению к Григорьеву нейтрально и союзники легко отступили. Но удержать за собой Николаев Григорьеву не удалось. Для меня неясно, в какой момент произошел отход его от Николаева, но помню, что некоторое время Николаев был занят союзниками, хотя там в то же время легально существовал и Совет Рабочих Депутатов. Там был и представитель Украинского советского правительства, тов. Эго. Существует целый ряд телеграмм, которые он посылал в Украинский Совнарком, о тех переговорах, которые он вел с французским командованием. Правда, он себе приписывал большую роль в деле переговоров с французским командованием, чем было на самом деле. По его словам, — когда он рассказал французскому адмиралу, как устроена Сов. Россия, то адмирал решил Советской России не брать.

В половине января был взят Григорьевым Херсон. Положение в Херсоне было чрезвычайно своеобразное. Там была довольно компактная большевистская организация, хотя молодая по стажу и по возрастному составу. Более серьезные силы были в районе Херсона, в целом ряде мелких местечек полуремесленного типа, например: Каховка, Ананьев, Берислав и т. д. И эта молодая верхушка Херсонской организации чрезвычайно много путалась. В результате, в Херсоне образовался какой-то рабочий комитет, который представлял собой смесь большевиков с меньшевиками, беспартийными и анархистами. Но туда входили также меньшевики левого толка, вроде меньшевиков интернационалистов. Все эти элементы были слиты в рабочем комитете.

Этот комитет об'единял в себе товарищей, стоящих на платформе Сов. власти, но вся беда была в том, что руководящую роль играл Дружинин-Аносов, а не наши товарищи. И когда Григорьев подступил к Херсону, то рабочий комитет заявил, что он ему города не сдаст. Может быть, товарищи из рабочего комитета тогда не знали, что Григорь-

ев перешел на сторону Соввласти, хотя вести об этом широко распространялись. Но когда Григорьев прислал телеграмму, что он является представителем красной советской армии, рабочий комитет открыл ворота города, хотя открывать было нечего, т. к. Григорьев мог этих людей в несколько минут расколошматить. Григорьев в Херсоне продержался до 1-го февраля, ибо принимать бой с союзными войсками, в распоряжении которых была судовая артиллерия, это значило потерять половину своих людей и этим самым внести разочарование и некоторое колебание в свои ряды, а удерживать Херсон в этот период не имело смысла. Поэтому в городе было создано боевое настроение, и 1-го февраля Григорьев отступил от Херсона, но значительная часть наших товарищей осталась в городе.

Когда вступили туда греки, они принялись за расчистку районов. Тогда рабочий комитет ушел в подполье. Затем началась кровавая расправа с рабочими районами и с частью рабочих дружин. К этому времени относятся наши боевые операции в Беляевке-Тирасполе. Отмечу из них только два момента: в Беляевке оперировали не только свои местные дружины, составленные из рабочих и крестьян, но за ними шли и петлюровцы, а также и те партизанские отряды, которые находились под командованием Коли Голубенко. Понятно, что беляевские операции были проделаны местными крестьянами, которые не могли являться организующим центром в наших партизанских отрядах. После того, как им пришлось уйти из Беляевки, когда был послан карательный отряд, они двинулись на Тирасполь. В Тирасполе им удалось на два, на три дня захватить город. Там организующим центром была партизанская дружина под командованием Попова, к ним присоединились и беляевские товарищи.

Там была сделана одна ошибка. В партизанщине мы видели прежде всего дезорганизующую силу, в тот момент, когда мы не могли ставить вопроса о захвате власти. Товарищи на местах несколько увлеклись и после того, как свергнули местную власть, они принялись за организацию власти на местах. Они выделили наркомов, назначили торжественную манифестацию всего населения по городу, как будто Сов. власть в районе Одещины была фактом и им ничего не оставалось, как довершить ее в Тирасполе.

Дело обстояло так, что Тирасполь являлся как бы отрезанным, и когда там произошел переворот, к нему со стороны Румынии по Бендерскому мосту прошли греки. Попов прорвался в Румынию и прошел вплоть до Бендер, захватил ряд местечек в этом районе Бессарабии, как Толмозея, Киканцы, и, таким образом, это партизанское крестьянское движение разошлось струей по Бессарабии. Эта вспышка имела большое политическое значение, но была в сущности втуне, так как было бы выгоднее пар-

тизанские отряды выкачать из Бессарабии на нашу сторону Днестра, а этого не было сделано. Заняв город и выбив оттуда румынские войска, ребята решили там устроить манифестацию с провозглашением Советской власти, но вышло иначе, потому что из Одессы двинулись союзные войска и накануне манифестации с провозглашением Советской власти — войска вступили в город.

У наших товарищей хватило тактической ловкости не принять бой, что они и сделали. Они захватили значительное количество оружия и даже кое-какие средства. Они наложили контрибуцию на буржуазию, но собрать ее не успели, взяли лишь кое-какие суммы из банка, оружие — и скрылись из города. Вслед за этим туда вступили союзные войска и греки, которым достался город, но драться им было не с кем. Греки, правда, дали весьма грозную телеграмму о том, что они противника «изничтожили», но изничтожить было некого, потому что партизанские отряды отошли, не задерживаясь в районе Тирасполя, и частично отходили в сторону оперировавшего в районе Николаев—Херсон Григорьева, и затем с ним слились. Это произошло в январе месяце.

В начале февраля мы решили созвать областную конференцию. Поездка Клименко не удалась, потому что приходилось налаживать райкомы в самой Одессе, и мы решили подождать пока пройдет конференция. В это время, в начале февраля или в конце января. приехали к нам из ЦК Лаврентий и присоединился также Саджая, который был одесским студентом и до того времени участия в работе не принимал, а затем был введен в райком.

Областная конференция все-таки удалась. С мест приехало, если не ошибаюсь, человек 15. Кроме Одессы были представлены Херсон, Алешки, Каховка, Тирасполь, Ананьев, Елисаветград, Кишинев, Балта и Голта. Не помню, были-ли делегаты из других районов. Не прислал делегатов Николаев, который считал себя автономной республикой в Одесской области и в то время был весьма занят своими делами в Совете Рабочих Депутатов. В общем, эти делегаты, по нашим подсчетам, представляли уже две тысячи организованных членов партии. Для этого времени это было довольно много и показывало довольно значительный по сравнению с осенью рост организации.

Чем занималась Областная Конференция? Были проведены, во-первых, доклады с мест, при чем я запомнила чрезвычайно яркий момент,—это доклад делегата из Алешек, который рассказывал о том, как в продолжении последних двух месяцев большевики чуть-ли не каждые пять дней брали власть и отдавали ее. В районе Алешек была бесконечная борьба потому, что из Херсона в Алешки постоянно приезжали белогвардейские отряды, которые ста-

рались сломить местную Советскую власть, а как только они уезжали, снова возникал местный Совет, и всеми крестьянами он был признаваем, как власть. Но проходила неделя—две, и снова посылался белогвардейский отряд, чтобы ликвидировать «незаконную власть». Происходила расправа, часть товарищей сейчас же скрывалась, а как только белогвардейцы уходили, Совет снова возникал, организовывал комбед, раздавал землю. И это было чрезвычайно симптоматично. Такое же положение было и в Анатольевской волости. Какая бы власть ни была в Одессе, в этом селении была Соввласть. И если ее разгоняли, все равно через неделю она вновь возникала, как феникс из пепла.

После докладов с мест был заслушан доклад о текущем моменте. Докладчиком был тов. Клименко. Резолюции по этому докладу я целиком не имею, но есть выдержки, полученные мною из вторых рук, которые дают известную характеристику тому моменту. Конференция постановила: «считать все партийные организации области на военном положении». Эта резолюция чрезвычайно характерна. Когда уже в Херсоне и Николаеве, да и в Одесской области шла непосредственная борьба за власть, Конференция считала своевременным об'явить всю организацию области на военном положении. Второй пункт самый важный; решено открыть военные действия, направленные к захвату власти на местах, при чем сюда было решено внести поправку. В резолюции, которая потом перепечатывалась в «Коммунисте», поправки этой не было, но я помню ясно, что была введена оговорка, при чем в тот момент нам всем было ясно, что она означает. Поправка была следующая: мы имели в виду открытие военных действий, т. е. восстание и действия партизанских отрядов в тех местах, которые соприкасались с красным фронтом, то-есть в тех местностях, к которым подходил Григорьев.

Естественно, что для города Одессы такие меры были неприменимыми, а для целого ряда областей, которые находились далеко от района действий Григорьева, такие директивы можно было провести лишь путчистскими вспышками, которые могли бы повести лишь к разгрому организации. Мы имели в виду открытие военных действий в тех районах, куда продвигался Григорьев; естественно, что приближением Григорьева были обеспечены полувосстания и партизанские военные действия. Мы можем указать на целый ряд маленьких городов и сел, которые перешли к Григорьеву, в порядке внутреннего восстания в них. Прогнали вартовых или очень часто вартовые сами заявляли о своей солидарности с революционной властью, и, когда Григорьев приезжал, то в этих селах и местечках были уже Советы. Таких примеров было у нас чрезвычайно много. Третий пункт резолюции служит все-таки указанием на то, что в тех случаях, когда соотношение сил не дает перевеса

в нашу сторону, партизанские действия были направлены к ослаблению и дезорганизации, а не к захвату власти.

Работа конференции свелась к тому, что она дала общепартийные директивы, которые показывали, что начало разложения оккупации было уже фактом. С другой стороны, эта конференция чрезвычайно укрепила нашу связь с областью и дала возможность подсчитать наши наличные силы и увидеть, кто руководит на местах. Характерно, что даже в Одессе, т. е. в центре французской оккупации, где власть еще, казалось, была крепка, настроение не только рабочих, но даже и обывателей было на нашей стороне, о чем свидетельствуют мелкие выдержки из «Одесск. Листка» от 13-го февраля. Там пишется так:

— «Одесса скоро будет завидовать Совдепии; по последним сведениям, там выдается теперь по 1½ фунта хлеба на душу в день (по крайней мере, привиллегированному классу—пролетариату), а у нас ¼ равноправно. Там все высшие учебные заведения работают, а у нас они закрыты от холода. Наступает ночь, и одессит погружается во власть тьмы. Тьма на улицах, тьма в домах. Бандитизм, налеты стали бытовыми явлениями. Сидишь в темной нетопленной комнате и наслаждаешься звуками стрельбы из разных видов оружия, которая разражается у тебя под окнами. А тут перед глазами судьба Киева и других губерний Украины. Внутри же у нас не все благополучно. Безработица охватывает широкие слои, и вместе с ней растет и озлобление. На последнем собрании безработных был освистан социалистический лидер—левый меньшевик. Удельный вес этого факта, что ни говори, весьма велик».

Это пишет «Одесский Листок»—орган правых кадетов. Этот маленький факт характеризует настроение обывателей, готовых даже признать Советы Рабочих Депутатов. Этот факт подчеркивает тот совершенно неудержимый процесс разложения, который охватывает и оккупационные и белые войска. К этому периоду как раз относится возобновление или во во всяком случае усиление переговоров между французами и директорией. Очевидно, у французов не было веры в то, что белогвардейцы могут послужить опорой в борьбе с большевиками. Очевидно, союзники перестали этому верить. Как раз к этому времени относится знаменитый договор, который нам предоставил Ройтман, и который был заключен в половине февраля. Приведу следующий момент из этого договора: «Украинская республика всеми силами будет бороться против большевиков, которые находятся на границе республики». «Украинское правительство организует специальные войска, которые будут заниматься борьбой с большевиками. В оперативном отношении республиканские войска подчиняются специальному штабу. Оперативный штаб формируется в следующем порядке: в него входят генерал д'Ансельм, командующий войсками, потом представитель добро-

вольческой армии генерал Гришин-Алмазов, представитель польских легионов Дзевоницкий и представитель украинских республиканских войск Матвеев».

Одним словом, эта коалиция будет всеми силами бороться против большевиков. И в эту коалицию была готова влезть директория. Правда, союзники потребовали, чтобы при такой коалиции левые элементы, а именно Чеховский и Винниченко, были оттуда убраны. Один товарищ передает, что союзное командование выразилось таким образом: представителей Директории Винниченко и Чеховского—выгнать как собак, потому что это большевики. И очевидно, что Директория могла тогда пойти на это, потому что ей туго приходилось под давлением красных войск. Что этот договор не является плодом измышления Ройтмана и что существовала какая-то политическая договоренность, свидетельствует такой факт: ген. д'Ансельму передает генерал Бертелло письмо, в котором говорится: «Поручаю вам передать Петлюре благодарность за выраженные им чувства и просить его сделать все возможное для поддержания порядка и спокойствия в местностях, занятых его войсками, ибо установление порядка есть лучшее средство для борьбы с большевиками и для успокоения умов». Понятно, если-бы никакого соглашения не было, то и этого письма не могло бы быть. Очевидно, что оно является результатом переговоров и предполагаемого договора. Очевидно, союзники чувствовали себя в тот момент чрезвычайно непрочно.

В тот момент к деятельности Областного комитета относится дело дезорганизации власти в самой Одессе, и с этой целью 17-го февраля был организован взрыв железнодорожных путей боевой дружиной Зехцера. Бомба должна была быть брошена в штабной вагон, где находились союзные офицеры, но в вагон не попала, попортила пути и убила нескольких солдат, которые эти пути охраняли, офицеров же не тронула. Союзники схватили нескольких железнодорожников, которые ни в чем не были повинны, расстреляли их, а затем повесили на жел. дор. мосту с надписью: «Предупреждение большевикам». Тут союзное командование уже выступило непосредственно, хотя и скрыто на борьбу с большевиками, и если еще январь месяц можно считать в этом отношении месяцем, когда не приходилось непосредственно сталкиваться этим двум силам, — большевистской организации и французам, то февраль уже является месяцем самой ожесточенной борьбы. И естественно, что союзное командование совместно с белогвардейцами начало наступать по линии, прежде всего, арестов и затем всякого рода самочинных расстрелов и издевательств над отдельными рабочими, в особенности евреями.

Тогда же начинает усиливаться деятельность белогвардейской контр-разведки. Остановлюсь на одном из фактов, который показывал, что белогвардейская контр-разведка все-

ми своими силами и средствами старалась проникнуть в нашу организацию. Я приведу историю с тираспольским матросом Костей. В один прекрасный день на явку Областного комитета явился матрос, которого мы знали, как члена тираспольской организации, с докладом об очередных событиях в Тирасполе и, между прочим, заявил, что в Тирасполе есть у него серьезная связь с вартовыми, которые большевистски настроены и желают поступить в нашу организацию, принести ей пользу, будучи на службе в варте. Мы сказали ему, чтобы он был осторожнее, посоветовался с товарищами в Тирасполе, в частности с Поповым, и только по решению Комитета завязал бы связь с ними. Костя настоятельно уговаривал нас, что Областком должен воспользоваться этим случаем, но с тираспольской организацией вопрос не согласовал. Показалось странным, почему он не связался с местной организацией, и мы Косте заявили, что до тех пор не дадим ответа, пока не получим по этому вопросу одобрения тираспольского комитета.

Через несколько дней этот самый Костя приехал в Одессу уже со своими вартовыми. Не помню при каких обстоятельствах это произошло, но однажды, идя на явку, я встретила, кажется, Карпа, который сообщил, что на явке сидит Костя, а на улице у явки сидит вартовой. Мне это крайне не понравилось, потому что, будь вартовой даже искренним большевиком, приводить его на явку все-же не следовалобы. Мы решили на явку не итти, а послать туда товарища, которого бы Костя не знал, а самим зайти в качестве покупателей в лавку, чтобы там поговорить и узнать, что Костя делает и чего он хочет. Мы пошли на другую городскую явку к Лизе, в Трехугольном пер., чтобы оттуда послать кого-нибудь из детей предупредить остальных, но уже подходя, увидели, что перед лавкой на заборчике тоже сидит вартовой и с рассеянным видом лущит семячки. Мы уже решили, что провалились. Лиза, когда мы зашли, сделала страшное лицо, и нам пришлось с самым беспечным видом кое-что купить и, разыгравши покупателей, уйти. Еще на одной явке также сидел вартовой и, таким образом, в 3—4-х местах, мы обнаружили вартовых, которых Костя разделил и рассадил. Нам удалось, не помню каким путем, кого-то послать к нему и спросить, что все это значит. Костя заявил, что эти самые вартовые оказались предателями, что они вовсе не хотят вступать в организацию, его арестовали и требуют выкупа, но поскольку они не являются политическими врагами партии, они хотят получить деньги, обещают уйти с миром, отпустят его и обязуются никого не выдавать. Этим детским сказкам, конечно, никто не поверил. Они требовали 6 или 7 тысяч рублей, сумма по тому времени огромная.

Мы заявили, что никаких денег ему не дадим, пусть он уезжает в Тирасполь, а одесский большевистский коми-

тет установит другие явки. Мы говорили о других явках, потому что боялись, что кто-нибудь придет на старые места, и его задержат. Так как мы на явку не являлись в течение 3—4 дней, и Костя увидел, что с комитетом разговаривать нелегко, то его вартовые в один прекрасный день испарились, и Косте мы назначили свидание на Прохоровской, 14. Этого свидания с Областным комитетом он требовал и было ясно, что, поскольку Костя попал в такую кампанию, то он и в дальнейшем займется шантажированием партийной организации и предаст всю организацию, поскольку он знал чрезвычайно много лиц и явок. Поэтому, когда Костя был приглашен на Прохоровскую улицу, двое железнодорожников из дружины Зехцера отправились с ним куда-то на окраину по линии железной дороги и в разговоре с ним отправили его на тот свет.

Этим история не окончилась. Однажды на рассвете, часов в 6 утра, я дома писала статью о расстреле Исаака Крейцберга. Комитет поручил мне ее написать для очередного номера «Коммуниста». Раздался стук в дверь. Обычно, у меня ничего не было, но в этот день я взяла все расписки и разного рода денежные документы, чтобы подвести свой баланс. Как известно, Николай Ласточкин в отношении выдачи средств был человеком тяжелым и прижимистым. Был у нас гроссбух, куда все записывалось, и который вел Александр Рекис. Чтобы отчитаться, я на ночь взяла все расписки, которые нужно было представить, связав в один отчет. Никогда дома я этого не держала, все это было в архиве, местонахождение которого я сама не знала. Отчет обычно передавался Гранату, который прятал его у своих знакомых. Кроме того, была еще пачка писем и газет, пачка довольно толстая. Едва я ее успела засунуть в пружины кровати, повторился стук в дверь. Я открыла. На пороге стояло человек 5 белых офицеров, которые заняли все ходы и выходы, поставили меня в угол, а шпика в штатском пригласили, чтобы он обшарил мою комнату. Но результат поисков для них был чрезвычайно безотраден. Во-первых, они хотели найти денег, но когда они в портмоне нашли всего 70 рублей—они презрительно сказали: «и только...».

Кроме того, они думали, что у меня склад оружия, но также ничего не нашли. Но когда они подошли к кровати, то из матраца выпали листочки и расписки. Когда меня спросили, что это такое, то я ответила, что это мне не принадлежит, что кто-то жил здесь до меня и тому, вероятно, и принадлежало. Потом меня спросили: «Какие у вас знакомые?»—я сказала, что курсистки и студенты. Тогда они спросили: «А нелегальных у вас нет? Говорят, что у вас очень скверные друзья, напр., матрос». Я на это ответила: «Офицеры у меня знакомые есть, а матросов нет.» Мне на это сказали, что все-таки некоторые матросы меня зна-

ют. На этом наш разговор окончился. Затем офицер показал ордер, при чем подпись была почему-то закрыта, и было сказано, что поручается произвести обыск у Елены Кирилловны Светловой, и поэтому «мы вас арестуем». Я сказала, что у них есть только ордер на обыск. И здесь вступился мой хозяин.

Кстати сказать, мой хозяин был странная личность, он был артистом, в период временного правительства был начальником районной милиции, но бешено ненавидел белогвардейцев. Это был пункт его помешательства. Какие счеты у него были с белогвардейцами, я не знаю, но для меня до сих пор не ясно, на какие средства он жил, потому что он не служил и никакого заработка не имел. И вот этот хозяин в данном случае выступил моим защитником. Сказал офицеру, что он прекрасно знает порядок, что раз ордера на арест нет, то они не имеют права меня уводить. Офицер немного сконфузился и заявил, что они пойдут за ордером для ареста, при чем предложил хозяину дать за меня расписку, каковую хозяин и дал. Я осталась ждать ареста, потому что мне не хотелось подводить этого человека. Через два часа пришел посланный, который принес портфель со всеми моими бумагами и расписками и с запиской, в которой было сказано, что «во-первых, мы щадим вашу молодость, а, во-вторых, вы, очевидно, мало замешаны, и пока мы вас оставляем, но берегитесь таких друзей, как матрос Костя».

Когда произошла эта история, Костя был уже расстрелян, но, очевидно, он уже успел завязать связь с контр-разведкой. Если-бы мы не покончили с Костей, то вся наша областная организация полетела бы к черту. Конечно, мне пришлось с той квартиры уйти.

У нас было несколько офицеров в контр-разведке, при чем часть их была связана с Леонидом, часть с Зехцером. Я дала им записку и просила проверить—есть-ли такое лицо в контр-разведке. И действительно, оказалось, что такой офицер есть, фамилия его вроде Орлова, и он участвует в операциях по арестам. Я спросила—почему же меня оставили. Мне сказали, что он меня оставил для того, чтобы проследить через меня организацию. В этот же период разыгралась другая история. Это история с присланным нам из ЦК партии тов. Александровым; вместе с ним была прислана целая группа товарищей, в том числе и Маруся Бондаренко, работающая сейчас в Москве. Эти товарищи были присланы для работы по области.

Александров (кажется, не рабочий), нам чрезвычайно не понравился. Прежде всего, он заявил, что он никаких средств не имеет, что ему нужно быть прилично одетым и т. д. Понятно, средства на жизнь мы ему давали, но в деньгах для покупки всякого рода костюмов мы ему от-

казали. Это было первое наше с ним столкновение. Затем Александров, немного сократившись, заявил все же, что из Одессы он не хочет уезжать. Это заставило нас предложить ему выехать в другой город. Мы побоялись, что одесская обстановка будет для него неблагоприятна и, поэтому, воспользовавшись от'ездом в Елисаветград Маруси, мы дали ей значительную сумму тысяч 20—25 с собой и предложили Александрову выехать с ней вместе. Деньги мы дали Марусе, побоявшись дать ему. Но не помню, каким образом вышло, Маруся ли спутала, но часть денег она ему передала, может быть, для того, чтобы рассовать их в разные места и не попасться. Настал час от'езда, Маруся своего спутника не нашла, явилась к нам и заявила, что Александров пропал. Мы обождали два дня, Александров не являлся, никто его не видел, и мы начали его разыскивать, поручив это дело Зехцеру. Он нашел Александрова в одном из одесских богатых кафэ, где он сидел в кампании белогвардейцев, пил, пел и т. д.

Самуил, конечно, понял, что если человек попал в такую обстановку, то с ним нужно кончать, но в такой обстановке это было трудно и нужно отдать справедливость мужеству и большой дерзости Зехцера. Он подошел к Александрову, сидевшему в кампании офицеров, и сказал: «Пойдем со мной». Александров заявил: «Не хочу». «Пойдем со мной, Николай приказывает» или что-то в этом роде. Тот поднялся и пошел. На улице сейчас же выросли с обеих сторон дружинники, спровадили его на одну из наших квартир, в Екатерининскую гостиницу, а затем Областком запросил через третьих лиц об'яснения (с ним лично разговаривать уже не хотели). На очередном заседании Облastкома было постановлено с человеком покончить. Он был уведен на прогулку и ему пустили в затылок пулю. Тогда это, поневоле, был один из методов очищения организации от негодных элементов.

Затем, дело о взрыве. Мы поручили Самуилу Зехцеру организовать взрыв в Лондонской гостинице. Дело было поставлено таким образом. У нас была связь с рядом водопроводчиков города Одессы, которые согласились дать нам возможность обследовать водопроводные пути, чтобы по ним как-нибудь нащупать подход под Лондонскую гостиницу. Самуил с несколькими ребятами раза три лазил по этим путям, но беда в том, что проводов много, идут они в разные стороны, и никто не мог разобрать какой ход куда ведет. В этом была главная трудность. Мы решили даже составить топографическую карту, и это было поручено чуть-ли не Акуловой. Карта составлялась, чертилась, правильность ее оспаривалась, направление взрыва не было для нас ясным, и в результате взрыв не состоялся и безусловно, если бы он и был произведен, то, вероятно, не в том месте, где следовало бы.

Теперь о работе иностранной коллегии. В декабре месяце работа у нас была совсем на мази. К этому времени приехал Жак Елин; принимали участие в работе Штиливкер, Виницкий, Дубинский и еще в работе по пропаганде и для связи в коллегию входили: Деготь, я и Залик. Удалось поставить печатный орган, который распространялся довольно аккуратно, и был завязан целый ряд связей с французскими солдатами. Завязать связь было делом легким. Французы с радостью начинали разговор с любым встречным собеседником, лишь-бы он говорил по-французски, и тем более, если гражданин оказывался побывавшим в Париже, умел держаться в стиле 20-го квартала и знал его жаргон. Штиливкер и Жак Елин, как раз являлись чуть-ли не типичными образцами этого квартала, и как только они появлялись в кабачке или другом месте, у них завязывался разговор с солдатами. Мы старались прощупать французских солдат и сделали это чрезвычайно удачно. Среди них было много рабочих, членов социалистических организаций, и в половине февраля у нас была достаточно прочная значительная связь. Я не припоминаю сейчас все номера полков, где у нас эта связь имелась, но наиболее сильная связь была с 176 пехотным полком, затем с 153-м, с некоторыми артиллерийскими частями и, наконец, с матросами кораблей: «Эрнест Ренан», «Жан Барт», «Жюстис»; в отношении остальных у меня нет уверенности. Кроме того, были миноносцы, которые были под цифрами без названий.

Но главным образом, была связь с пехотными частями и затем с радио-телеграфистами. В половине февраля связь настолько упрочилась, что товарищи поговаривали о том, что можно создать какое-нибудь об'единение из наиболее надежных товарищей—французских солдат, которое было бы не только об'ектом пропаганды, но само бы вело пропаганду и помогало бы распространять литературу. На одном заседании Областного комитета, на котором стояли вопросы Иностр. Коллегии, Николай Ласточкин горячо выступал, говоря, что сделанного еще недостаточно, и было вынесено постановление, что сейчас проводить организационное оформление и создавать какое-то орудие из французских солдат еще преждевременно, нужно обождать и получше их проверить.

К этому периоду относится приезд еще двух товарищей, присланных для работы в Иностранной Коллегии: грузин Лола с мандатом от ЦК и немец, который никакого мандата от ЦК не имел, а имел мандат, кажется, от германской группы при ЦК партии. Приехал он не из Германии, а из России. Тогда существовала при ЦК партии какая-то секция и от этой секции он имел удостоверение. Разыскал он нас через целую цепь связей, которая шла через левых эс-эров и анархистов, и явился к нам на явку. Он говорил, что прислан для работы среди германских частей,

что работает уже месяца 3—4, но поскольку с германской оккупацией покончено, он хочет предложить свои силы для обслуживания французских войск, так как он говорит по-французски. Мы проверили его знание языка, и оказалось, что он говорил, пожалуй, лучше нас всех. Это было удивительно. Он заявил, что по-русски он ничего не понимает, но я помню, что, когда мы разговаривали с Штиливкером в его присутствии и говорили именно о нем, то у меня зародилось сомнение, потому что, когда я сказала, что на работу его пускать не следует, у него все лицо передернулось. Мы поручили ему написать какую-то листовку, но наши сомнения разрешил тов. Лола. Мы ему рассказали об этом самом немце и спросили: можно-ли доверять этому человеку. Лола заявил, что он его знает, что он встречался с ним в Москве, что он старый партиец, что никаких оснований для недоверия нет.

Это было во второй половине февраля. Мы ему поручили провести беседу с товарищами, при чем один из товарищей из Иностранной Коллегии должен был проследить за этой беседой. Товарищ принес сведения о том, что он подошел правильно к французским солдатам, что он начал говорить—понимают-ли они о том, что делается в Сов. России, говорил, что им нужно возвратиться домой и т. д. После этого мы хотели пустить его на более широкую работу, но этого сделать не пришлось потому, что в ночь на первое марта была арестована вся Иностранная Коллегия.

Гибель Коллегии сильно ударила по работе среди иностранных войск. Все связи были потеряны. Несомненно, что одновременно с нашими пропагандистами был арестован и ряд французских товарищей. В этом нет никакого сомнения, потому что Серб рассказывал, что когда они были в контр-разведке, то в смежной комнате они видели французских солдат, но не в качестве охраняющих, а в качестве заключенных, и если с ними власти расправлялись, то так, что ни одна собака не знала. Слишком невыгодно было рассказывать об этом, нельзя было, чтобы известие распространилось в среде французских войск. Такие товарищи, как Гостон, который был целиком нам предан, и ряд других не появлялись ни в тот день, ни в последующее время. Это были товарищи из основной группы, они бесследно исчезли. Возможно, что они просто испугались, так как факт о гибели Иностранной Коллегии был известен всем одесситам. Хотя работа наша временно и прекратилась, но мы с товарищем Заликом составили французскую листовку, где говорили о том, что сделано руками французских офицеров. Эта листовка, несмотря на потерянные связи, была чрезвычайно сильно распространена, и поэтому французские солдаты имели возможность узнать, что сталось с их товарищами.

3. Разложение оккупационных войск и захват власти большевиками.

Теперь я хочу осветить период, предшествующий захвату власти, от марта м-ца до начала апреля 1919 г. Но сначала мне придется немного отступить и остановиться на некоторых подробностях расстрела 11 товарищей, работавших в Иностранной Коллегии.

К этому моменту мы уже решили, что следует наши связи с французами организационно оформить, но собрание по этому вопросу не состоялось, именно, потому, что случились аресты. Не подлежит сомнению, что в этом деле была провокация. Может быть, мы совершили ошибку, допустив к работе немца (фамилию не могу вспомнить), который имел мандат из Москвы. Аресты произошли в ночь на 1-е марта, поздним вечером, по ряду кафе, куда наши товарищи разбрелись, чтобы сговориться с наиболее надежными из французов о месте свидания, о порядке явок на это свидание, предусмотреть возможные опасности на нашем пути и выяснить возможности организации. В кафе были Штиливкер, Жак Елин с невестой и, если не ошибаюсь, Вапельник, которые во время разговоров с французами и были взяты. Серб и Жанна Лябур были арестованы на квартире. Они уже побывали на свидании, вернулись благополучно домой на квартиру к Лейфман. Здесь никогда явочной квартиры не было, никто не мог знать местопребывания, тем более, что Жанна Лябур жила там временно, пока не нашла другой квартиры.

Каким образом контр-разведка узнала о месте их жительства, — неизвестно. Вероятнее всего была слежка. Кроме того, я думаю, что играла роль не только провокация, но и некоторая неосторожность. Я помню, как работала Жанна Лябур и как мы постоянно за нее боялись. Она была человеком очень горячим. Тогдашняя одесская обстановка тоже была особенной. Когда сталкивались мы с французскими солдатами, то они были очень откровенными, на словах настолько революционными, что охотно шли навстречу, вступали в разговоры и обычно переходили всякие границы конспирации, вплоть до того, что срывали с себя военные знаки, медали, топтали их ногами, кричали, что они стыдятся быть сынами Франции и т. д., всячески выражая сочувствие Советской власти и нашей партии. В этой обстановке Жанна Лябур держалась, несомненно, мало конспиративно. Когда она рассказывала о добытых ею сведениях, мы ей всегда на это указывали. По прошествии, примерно, двух недель мы с'организовали довольно серьезную силу из французов и она думала, что можно, не дожидаясь естественной развязки, в виде прихода красных войск, внутренним восстанием взять власть. Возможно, что ее горячность и неосторожность дали повод начать за ней слежку во время одного из свиданий в кафе, и, таким образом, была прослежена

ее квартира. Повторяю, аресты были совершены в разных местах, при чем арестованы были только те члены французской коллегии, которые непосредственно занимались пропагандой. Остались целыми только я и Залик, т.-е. те, которые занимались литературной и организационной работой, а в кафе на свидания не ходили. Ясно, что здесь имели место и провокация и слежка.

Эти товарищи были переведены в здание контр-разведки, где подверглись допросу. Подробности допроса не были известны. Нам они стали известны лишь благодаря бегству тов. Серба, который на следующее утро прибежал к нам и обо всем рассказал. Допрос велся русскими белогвардейцами совместно с французскими офицерами. Присутствовала на допросе какая-то дама, по мнению многих т. т., это была жена консула Энно, не без'известного в Одессе авантюриста. Эта дама проявляла особенный цинизм и жестокость на допросе, который был очень краток. Спрашивали имя, фамилию, чем занимается и сразу приступали к делу: ты, мол, большевик, занимаешься пропагандой, затем следовали ругань и побои. Повидимому, допрашивающий даже не пытался узнать имена сообщников наших товарищей. Возможно, уже сказалось на допросе, что в то время белогвардейские круги чувствовали себя довольно некрепко. После допроса все арестованные были посажены на автомобиль и были повезены, по словам охраны, якобы в тюрьму. Еще одна подробность: в то время, когда происходил допрос, некоторые из товарищей, в частности Серб, видали в соседней комнате французских солдат, также в положении арестованных. Подробность эта весьма важна и показывает, что, вероятно, совместно с 11 пострадали и французские солдаты, хотя никаких следов об этом мы не могли найти.

По дороге в тюрьму, на окраине города, кое-кто из арестованных уже почувствовал, что речь идет не о тюрьме, а об убийстве, расстреле. Чувствовалось это потому, что дорога оказалась гораздо длиннее, чем если бы их везли в тюрьму. Автомобиль уже выехал далеко за пределы той черты города, где была тюрьма, и двигался по Больше-Фонтанской дороге. Вероятно, тогда обмена мнений уже не происходило, а каждый думал о том, каким образом спастись. В одном темном месте Серб, обладавший большой физической силой, оттолкнул ближайшего конвойного, прыгнул через борт автомобиля на ходу и бежал. Его не разыскивали, за ним не гнались, потому что опасались, что таким же образом могут разбежаться и остальные 11 человек. После этого произошел расстрел. Серб, сидевший неподалеку, слышал ряд залпов и крики. То, что произошло, назвать, собственно, расстрелом нельзя, это было просто убийство. Когда мы увидели трупы наших товарищей в морге, то на них мы обнаружили чрезвычайно много ран от пуль, колотых ран и кровоподтеков от побоев. У Штиливкера была переломлена

нога, и на каждом трупе было много ранений. Очевидно, в них стреляли, кололи штыками, били как попало и куда попало, лишь бы поскорее прикончить.

Весть о расстреле 11 чрезвычайно быстро разнеслась по городу, гораздо быстрее, чем об этом могли рассказать газеты. Вести распространялись по линии нашей организации, ходили слухи по ряду окраин и помимо того, что многие видали ночью автомобиль, слышали крики, выстрелы и на утро увидали валявшиеся трупы. Белогвардейцы не позаботились даже убрать убитых, и они были городской охраной свезены в морг. Там они лежали у всех на виду, и начали появляться известия о том, что неизвестными ночью совершено убийство 11 человек. В таком же духе была первая заметка в газете, где говорилось, что днем вчера найдены трупы, но вечером, когда трупы появились, уже вся Одесса знала, кто расстрелян, кем и когда расстрел был произведен. «Одесские Новости» и «Листок» напечатали небольшую статью, правда, в либеральном духе, где указывалось, что они не считают возможным такую зверскую расправу с большевиками, хотя им они и не сочувствуют.

Расстрел вызвал невероятное возмущение в нашей организации. В тот день, когда трупы лежали в морге, и в последующие дни помещение морга было переполнено рабочими, которые приходили смотреть трупы и заявляли, что будут организованы торжественные похороны. Ночью, накануне похорон, трупы были увезены на кладбище, но устроить общественные похороны всем убитым все-таки не успели. Помешали родственники убитых. Они все время дежурили возле морга, боясь, что трупы похитят, а когда трупы перевезли, они потребовали, чтобы им дали возможность их похоронить. Но поскольку родственников у Жанны Лябур не было, ее похороны были устроены рабочими. На кладбище была масса венков, также от рабочих и одесской парт. организации. Наша организация тоже была на похоронах, несмотря на запрещение комитета. Это был такой момент, когда совершенно не сознавалась опасность, во всяком случае личная опасность, да отчасти общая. Я помню, что белогвардейская армия держалась сдержанно. Варта выстроилась у ворот, но она не пыталась разгонять. Вокруг гробов и на кладбище было много студентов и рабочей публики. В общем, похороны прошли мирно, хотя была стычка с одним из солдатов варты, который толкнул кого-то. Ни одного белогвардейск. офицера, ни одного типа контр-разведки в форме не было. Но они были без формы, ибо когда мы стали уходить с кладбища, то обнаружили за собой слежку. Я шла с Розой, затем с нами шла Рахиль и Миша Боршак. Вдруг мы увидели двух шпиков, которые, идя за нами, стали прислушиваться к нашим разговорам. Мы понимали, что через 100-200 шагов нас возьмут. Тогда мы в один момент разбежались в разные стороны. Я взяла первого попавшегося

извозчика и поехала. Когда я оглянулась, то увидела, как мои товарищи бежали в разные стороны, а шпики бежали за мной. Мой извозчик проехал быстро несколько улиц, свернул в переулок, и я была уже вне слежки.

Расстрел 11-ти привел нашу работу в полный хаос: связь с французами была разорвана; мы пытались восстановить ее, но у нас ничего не выходило. До этого у нас был целый ряд солдат, которые ходили к нам на явки. Мы были уверены, что если бы эти солдаты остались в неприкосновенности, то они не выдержали бы и явились бы на места явки. На самом деле, эти солдаты не являлись, значит, они были или арестованы французским командованием, или, может быть, были отправлены.

Через два-три дня после расстрела начал свое действие одесский подпольный совет. Это было 9 или 11 марта. В это время Григорьев начал свое наступление на ст. Березовку, и для нас было ясно, что через месяц Одесса будет взята. Нам нужно было развивать деятельность для внутреннего восстания. И таким образом, собрали подпольный совет. С большим трудом в подпольных условиях он мог собираться. У нас не было представителей от всех предприятий. Тот Совет, который был избран в декабре, к этому времени был с'ужен, но тем не менее он включал в себя 50—60 чел. Это было огромное количество, чтобы можно было собираться подпольно, тем не менее, в первое время нам это удавалось. Первое наше собрание было в союзе деревообделочников (Розумовская, угол Серединной площ.). Первым председателем был избран Николай Ласточкин. Было решено, что Совет в первую голову займется стягиванием вооруженных сил. Была дружина Петра Старостина, которая действовала под начальством Макара. Затем был поставлен вопрос о действиях Совета, которые содействовали бы свержению власти, и, наконец, был поставлен вопрос, как будет организована будущая власть.

Дискуссии, которые тогда велись по последнему вопросу, были немного комичны, потому что в сущности почти никто из нас, за исключением Савельева, перед этим приехавшего из Москвы, не знал, как Советская власть организуется и каковы взаимоотношения между отдельными ее органами. Мы представляли себе, что есть Совет, далее Президиум Совета, затем Наркоматы, народные комиссары, Чека и проч. По этому типу, в конце концов, и была организована власть в Одессе. Помню, были горячие дискуссии по вопросу о том, должен ли быть в Одессе комиссариат продовольствия или он будет входить в общую систему комиссариата хозяйства. Одним словом, было весьма туманное представление о всей власти, но тем не менее споры велись с большим увлечением.

На одном из пленарных заседаний Совета группа товарищей, которым было поручено разработать этот вопрос, вы-

двинула проект об организации в первую очередь органов Чека и комиссариатов продовольствия и военного, как основных, наиболее нужных для первого времени. Много споров возбуждал вопрос об организации Чека. Для большинства вопрос не возбуждал большого сомнения, но шли споры с анархистами и левыми эсерами. Левые эсеры и анархисты чрезвычайно восставали против нашего мнения, при чем говорили, что в центральной России, когда Советская власть делала первые шаги, может быть, это явление и было необходимым, чтобы пресечь контр-революцию. Но в наших условиях, когда за спиной мы имеем Советскую Россию, этого не нужно. А затем пускались во всякие теории, говоря, что это не наш метод борьбы, что он уже изжит, что это тот террор, который мы отвергаем и т. д. Некоторые из наших товарищей также колебались на этот счет, но не в принципиальной части, а в том, что предполагали возможность новой смуты и т. д. Большинством голосов вопрос был принят.

После первого или второго заседания Совета, где разбирался этот вопрос, был арестован председатель Совета Николай Ласточкин. Помню, как он после заседания Совета собрал несколько человек из Комитета и сказал, что должен итти на свидание к Ройтману, который должен ему дать исчерпывающие важные сведения. Мы все его уговаривали бросить это знакомство, тем более, что эти сведения большой роли не играли. Количество и расположение войск в достаточной степени мы знали и без Ройтмана. Эти сведения мы успели передать Григорьеву, и какие еще тайны Мадридского двора мог ему Ройтман рассказать? Тем не менее, Ласточкин на свидание пошел, передав перед этим деньги и паспорт мне. Это было весьма предупредительным и осторожным шагом, потому что если бы его поймали с паспортом, то след мог навести и на Сарру, которая жила в том же дворе.

Арест произошел при таких обстоятельствах: тов. Ласточкин шел по улице с Ройтманом и полковником Прониным, который доставлял всякого рода сведения военного характера. В это время к ним подошли белогвардейцы и заявили, что они арестованы. Ройтман моментально исчез, Пронин, пройдя несколько шагов с ними, также был отпущен, а Николай взят. Первое время, по нашим сведениям, он содержался в Воронцовском дворце, где помещалась контр-разведка, а в конце марта, когда положение стало ненадежным, он был переведен на баржу в порту, которая служила местом заключения для наиболее опасных преступников. Мы потратили много усилий, чтобы освободить Николая, хотя сделать это было очень трудно. Первое время мы даже не знали, где он находится. Пришлось действовать через самого Ройтмана. Было ясно, что он предал Николая, но, не имея никаких связей, мы заявили Ройтману, что заплатим какую угодно сумму, если он укажет местопребывание Ласточкина

и окажет содействие в хлопотах. Ройтман на первых порах дал сведения, что Ласточкин находится в Воронцовском дворце. Затем Ройтман начал всячески отнекиваться, не являться и, наконец, передал, что больше вмешиваться не может и не хочет. Для переговоров к нему никто из работников Комитета не входил, не желая повторять ошибку Николая. Мы обратились к Зехцеру, он имел много знакомых всюду и вел с ними переговоры. Но положение было сложное. С одной стороны, из за Ройтмана могло случиться, что не только Николай, но и другие члены Областного Комитета также подвергнутся опасности. Наконец, мы боялись, что Ройтман, предавший Николая, раскроет белогвардейцам и те дела, которые они совместно вели. Если-бы он показал, что Николай добывал военные сведения, то Николай был-бы обвинен в военном шпионаже и расстрелян немедленно.

Тогда на одном собрании областного комитета, который к тому времени весьма уменьшился (этот вопрос, мне кажется, обсуждался только при трех присутствующих: меня, Онищенко и третьего не помню). Мы решили Ройтмана уничтожить и дело поручили Зехцеру, который назначил ему свидание на одной из улиц. Во время свидания прошли двое дружинников в формах с винтовками и Ройтмана уложили. Но белогвардейцам очевидно было ясно, кто убил Ройтмана, как обстоит дело с Ласточкиным и кто поддерживал связь с большевистской организацией, потому что через несколько дней в газете появилась заметка, что убит такой-то, признаков ограбления нет и убийство дело рук большевистской организации.

Николай Ласточкин продолжал содержаться на барже. Все таки нам удалось установить связь с ним через его конвойного — грузина или осетина. Он пришел в «союз по игле», разыскал там Сарру и передал от Николая записку. Николай извещал, что находится на барже, надеется на освобождение и что мы можем предпринять шаги к организации освобождения, во всем доверяясь этому самому грузину. Мы передали деньги, кое какую пищу и принялись за дело. Планов было много, но остановились мы на двух. Первый план — через наших моряков организовать ночной налет на баржу. Они говорили, что можно пустить катер, подплыть вплотную к барже, похитить Николая и махнуть на Очаковский берег. Это был план безумный, потому что берег все время охранялся. Однако, этот план пал сам собой. Когда матросы хотели в первый раз выехать, у них произошла поломка, во второй раз Трюх заявил, что механик запьянствовал.

После этого Николай написал нам, что он сам завязал связь с конвойными, которые обещали, что они ночью его могут перевести на одесский берег. Мы должны были быть во время на определенном месте. Сарра, жена Николая и Зехцер на баркасе поехали осмотреть баржу. Там они видели

Николая — на палубе или из окна, я не помню. Нужно было приступать к выполнению последнего плана и мы приготовились на берегу и стали ждать конвойных. Мы ждали всю ночь Николая, но он так и не явился. У меня есть подозрение, что он был умерщвлен в ту ночь.

Эти обстоятельства нарушили работу нашего комитета. Наш председатель совета Клименко уехал в Елисаветград. Другие тоже не могли работать, как они работали до этого времени. На нас лежала большая ответственность, и мы продолжали работать в Совете. От деревообделочников мы перенесли свою работу в союз официантов и поваров на улице Кондратенко, между Карантинной и Канатной. Народу в союзе бывало много и нас не замечали. Около 20-х чисел марта мы решили деятельность нашего Совета упорядочить. На собрании вопрос стал прежде всего о выделении Исполнительного Комитета, затем был выделен Президиум. Одной из задач Совета, хотя эта задача в Совете не дебатировалась, было противопоставить организованную силу левых партий Центропрофу. В Центропрофе очень долгое время держалась меньшевистская сила и в половине марта там проводилась кое-какая работа. Под влиянием расстрела 11, общего революционного настроения и продолжающихся репрессий со стороны белогвардейцев и французов началось сильное недовольство Центропрофом. Центропроф после обсуждения создавшегося положения, в обстановке недовольства рабочих и репрессий сверху, сложил свои полномочия и назначил новые выборы.

Большинство в новом составе Центропрофа отошло к левым партиям. Председателем был избран Чемеринский и, кроме того, вошли: Саша Фельдман, не коммунист, но целиком работавший с нами, тов. Духовный, Боркун, Шахворостов, Матьяш, Неминский. Во всяком случае большинство было наше, и с момента перевыборов Центропрофа деятельность Совета и деятельность Центропрофа шли по одной линии. Центропроф, как легальная организация, прежде всего обратился, кажется, к думе с протестом против бесконечных казней в Одессе, и затем был послан меморандум д'Ансельму. Последний сказал, что отвечает только с момента об'явления осадного положения и перехода власти к французам, но за аресты и расстрелы, которые были до этого, он не отвечает.

С половины марта было ясно, что дни белогвардейской власти в Одессе сочтены, и в тоже время из соседних местностей непрестанно передвигались к Одессе все большие части союзников, главным образом, греков. Помню, один из разведчиков, который ездил к Григорьеву, привез письмо от белогвардейского офицера, которое при переходе через фронт тот ему передал и попросил отнести в Одессе к адмиралу Немцову. Мы это письмо вскрыли. Там офицер искренне писал о положении на фронте, при чем особенно ругал

греков, заявляя, что они совершенно не боеспособны, трусливы, не желают драться с большевиками и при малейшем удобном случае покидают фронт. На фронте были сосредоточены греческие, французские и белогвардейские части и ни одна не желала итти на боевые позиции. Они установили порядок смены, очередности между собой и каждый раз, как доходила очередь до данной части и когда давался приказ, если он касался французов, то французы говорили, что должны итти греки, если греков, то они посылали французов и т. д. Драться никому не было охоты и все одинаково боялись, так как Красная Армия дралась упорно, приближалась неуклонно и, если захватывала какой либо район или военную часть, то расправлялась с противниками довольно сурово.

Ожидалось прибытие десанта, но это не уменьшило, а, наоборот, увеличило тревогу одесситов, вследствие дезорганизации власти. Народ надо было кормить, а продовольствия не хватало, подвоз был слаб и запасы отсутствовали. Началась нехватка хлеба. В конце марта прибыли цветные войска, выписанные французами, и в это время произошел весьма характерный эпизод, который попал в хронику. Вечером, когда белогвардейский офицер шел с дамой мимо казармы, где стояли черные войска, выскочило двое солдат, схватили даму и поволокли ее в казармы. Офицер поднял невероятный крик, схватился за оружие, но черные оружие отняли, а на крик не обратили никакого внимания. Он бросился в оффициальные учреждения, но всюду пожимали плечами и говорили: «Что мы можем сделать?» Он просил обратиться хотя-бы к французскому командованию. Французское командование заявило, что эти войска были чрезвычайно долго в пути и т. д. и что вообще с ними опасно разговаривать. Надо, чтобы несколько дней они делали, что хотят. Дама же спаслась благодаря тому, что она дралась, царапалась, — черные выбросили ее из казармы. Эта дама рассказывала своей знакомой, что в казармах, в соседней комнате, в то время, как солдаты с ней возились, стоял офицер и, когда она к нему обратилась, он даже не ответил. Она по французски попросила его помочь, но он заявил, что рискует жизнью и ушел.

Это показывает общее состояние Одессы и дезорганизованность, которая там царила даже среди оккупантов. Дезорганизация сказалась еще в том, что добровольцы, чувствуя свои последние дни, зверски расправлялись со всеми, кто попадался в их руки. Было произведено чрезвычайно много расстрелов, совершенно непонятных, ни на чем неосновательных. Так, в первый день захвата власти в районе тюрьмы и Больше-Фонтанского шоссе было найдено много трупов растрелянных рабочих, опознанных их женами, и которые в организации никакого участия не принимали. Очевидно, сказывалась лихорадка разложения последних дней,

но официально власть держалась так, как будто ничего не случилось.

В конце марта прибыл Франше Д'Эспре, командующий войсками южного района, и создал совет обороны и продовольствия, который должен был принять меры к обеспечению Одессы продовольствием и охраны от Красных войск. Неоднократно появлялись сообщения власти, что Одесса не будет сдана, а будет охраняться и отстаиваться до последней возможности. Тем неожиданнее было появившееся об'явление д'Ансельма, что власти должны разгрузить Одессу от части жителей и войск.

Мы все прекрасно понимали, что это есть начало конца. Здесь наши организации стали действовать активнее и менее конспиративно. Все наши собрания были всем рабочим известны, мы все время собирались в Центропрофе. Это было не конспиративно, ибо мы чувствовали, что власть уже слаба. На одном из заседаний было об'явлено заседание Совета с президиумом Центропрофа. Было решено предупредить одесскую буржуазию, что если она не воспрепятствует насилиям и казням, которые проводит власть, то она за это ответит. Письмо было составлено и отправлено председателю Думы Брайкевичу. Подписали его: я, Боркун и Фельдман. Я пошла в думу и отдала письмо посыльному, чтобы он отнес его Брайкевичу. Центропроф посылал письмо д'Ансельму 1-го апреля; тогда была делегация, которая требовала, чтобы освободили арестованных. Д'ансельм ответил уклончиво. В дальнейшем им было подчеркнуто, что Франция решила не вмешиваться во внутренние дела.

Еще в начале апреля началась эвакуация буржуазии из Одессы. После 3-го апреля Совет собирался на квартире, которую предоставил Фельдман, и решил, что настало время себя выявить, как власть, потому что красные войска были близко. Мы боялись, что французы заберут ценности, и решили воспрепятствовать им. Была составлена краткая записка и Совет решил послать ее к Д'Ансельму с делегацией, в состав которой входили — Савельев, Анулов, Чемеринский, я, Саша Фельдман и представитель демократической власти — Брайкевич.

Когда мы подошли к дому, где жил д'Ансельм, то увидали расставленные чернокожие войска, через колонны которых нам нужно было пройти. Через некоторое время явились Брайкевич и Рутенберг и мы вместе вошли к генералу д'Ансельм. Рутенберг был нашим переводчиком во время разговоров.

В основном наше заявление сводилось к тому, что нужно прекратить эвакуацию, поддержать порядок, что мы не желаем кровопролития и требуем, чтобы генерал д'Ансельм передал власть Совету Рабочих Депутатов. Когда д'Ансельм спросил, с кем имеет честь говорить и, получив ответ, что с делегацией Совета Рабочих Депутатов, — он довольно дол-

го и подробно всех осмотрел. Затем, когда мы ему изложили все требования, он был крайне смущен, долго мялся и, наконец, заявил, что не его дело вмешиваться во внутренние дела. «Я не только солдат, но и французский гражданин, соблюдающий французскую конституцию, и в том случае, когда территория, занятая французскими войсками, оставляется, я могу передать власть, ключи от города, только муниципалитету, и в настоящее время не в моих силах исполнить ваше требование». Очевидно, этот ответ и его поведение были предопределены.

После нашего свидания, кажется на другой день, мы были официально уведомлены, что можем занять городскую думу. Но когда мы были у д'Ансельма, то на наше повторное требование, он заявил, что при всем желании никак не может его выполнить и всячески начал расшаркиваться. После окончания официальных переговоров он пустился в частные разговоры и, между прочим, спросил, сколько мне лет. Когда я ответила, что мне 24 года, он стал говорить, что никак не мог этого предполагать и т. д. Здесь сказалась, очевидно, любезность француза. Вслед за этим мы откланялись и вернулись на заседание Совета. Встретили нас не совсем обычно. Во-первых, когда мы постучали, то в доме воцарилась мертвая тишина. Повторили стук три раза, вдруг дверь распахнулась и мы увидели такую картину: на ярко освещенной лестнице шпалерами стоят люди с револьверами и, кажется, с бомбами. Дело в том, что уходя мы условились, в случае нашего задержания, товарищи предпримут всевозможные меры для нашего освобождения. Когда они увидели нас, то спрятали оружие, и после доклада о переговорах с д'Ансельмом началось ликование.

Это было в начале работы Совета 2 и 3 апреля, а 4-го с утра мы решили, во-первых, еще раз проверить наличие всей вооруженной силы и по возможности расставить ее в таких центрах, которые легче всего было бы занять и удержать; мы старались предотвратить возможные выступления, затем мы продолжали нажимать на Думу. Мы указывали Думе, что генерал д'Ансельм занят своей эвакуацией. Белогвардейцы и не думали об удержании и охране города, а у Думы никакой военной силы в распоряжении нет, так что Думе лучше всего поскорее отказаться от всего и дать нам возможность в городе сохранить порядок и спокойствие.

Еще один эпизод сыграл большую роль, помимо об'явления д'Ансельма о том, что частичная эвакуация произойдет из-за недостатка продовольствия. Кажется, 3-го апреля вечером по городу распространились слухи, а затем и в газетах появились телеграммы из Парижа, в которых французское правительство предлагало своему командованию эвакуировать Одессу, что во французском парламенте произошли значительные перемены, что готовятся перевыборы парламента и полная смена кабинета министров и что вместо Кле-

мансо во главе кабинета будет Альберт Тома и, следовательно, ориентация французского правительства становится совершенно иной. До сих пор неизвестно, откуда появились эти телеграммы. Нет ничего невероятного в том, что само французское командование, видя, что приходится уходить с позором, само пустило слухи. Тут же началась паническая эвакуация одесской буржуазии. Порт был загружен и она удирала с чем могла, при чем многих, правда, не принимали.

При таких обстоятельствах Совету пришлось проявить себя. В ту же ночь выходит напечатанный еще в подпольной типографии первый номер «Известий Совета Рабочих Депутатов», поздравлявший одесский пролетариат с тем, что у него есть Совет Рабочих Депутатов. В следующем номере шли приказы.

В период эвакуации одесским рабочим и, в первую очередь, железнодорожникам было предложено прекратить работу и не возобновлять до тех пор, пока Советом не будет взята власть. Затем, после нашего свидания с д'Ансельмом, приблизительно, 3-го или 4-го числа был издан приказ о всеобщей забастовке. Оба эти приказа были исполнены одесским пролетариатом блестяще. Всеобщая забастовка была проведена, причем это была не столько организованная застовка, сколько стихийная. Даже многие матросы бросали работу и уходили в город, а другие саботировали.

После нашего свидания с д'Ансельмом Дума заявила, что она принимает наши условия и 3-го числа была сдана нам. Мы сейчас же выставили свои сторожевые посты и охрану, состоящую из дружины Петра Старостина. Между нами и французами образовалась баррикада из автомобилей и повозок, которые не могли быть перевезены.

После первого заседания, которое все время прерывалось, был созван пленум Совета в доме Трудолюбия. Мы говорили с тов. Ануловым, который вернулся от Григорьева и рассказал нам о нем. Мы решили послать к Григорьеву делегацию, чтобы выяснить окончательно его позицию. Мы знали, что он перешел к Советской власти под давлением масс, знали, что он учинил в Николаеве ряд безобразий. Наша делегация вернулась от Григорьева 3-го числа и рассказала о своем посещении. У нас от этих рассказов смех мешался с ужасом. Григорьев разыгрывал из себя Наполеона, чувствовал себя победителем, милым Советской власти, но вел за собой банду, которая хотя дралась мужественно, но невероятно грабила. К Одессе эта банда тянулась и знала, что в Одессе будет хорошая добыча. У Григорьева был политический комиссар Ратин, но справиться с Григорьевым не мог. Ратин, будучи политкомом при Григорьеве, играл жалкую роль и сообщил, что ему этот поход обошелся недешево и он не дождется, когда от Григорьева можно будет уйти. Когда Григорьев узнал, что Совет возьмет ско-

ро в свои руки власть, то заявил, что пока он, Григорьев, не войдет в город, Совет не сможет взять в свои руки власть.

4-го апреля был собран пленум Совета. Собрание было мало деловым и, главным образом, сводилось к учету всех сил пролетариата. Была выделена делегация, чтобы показать, что из себя представляет Совет и сказать д'Ансельму, чтобы он принял меры к водворению порядка, потому что по окраинам города раз'езжали поляки и белогвардейцы и стреляли, и если еврей или рабочий попадался им на пути, то брали под пулю. Нам тоже было послано несколько пуль, когда мы заседали в Совете. Мимо мчался автомобиль, из которого было сделано несколько залпов.

Затем мы требовали, чтобы охрана банков и тюрьмы была передана нам. Тюрьма оказалась без всякой охраны и политическим заключенным пришлось самим организовать ее. С делегацией отправились Ланжерон и Фрейденберг. Эти французы хотя и были сомнительного французского происхождения, но все таки им было поручено передать приветствие французским солдатам и рассказать, что они видят перед собой мощные общественные организации. Заседание Совета закончилось предложением Исполкому охранять город и, в частности, настаивать перед д'Ансельмом об оставлении морских судов и о скорейшей передаче охраны города нашим вооруженным рабочим, т. е. о передаче арсенала и оружия. На следующий день с этим требованием еще раз отправилась к д'Ансельму делегация в составе: Болкуна, Фельдмана и др. Это было утром 5-го апреля. Д'Ансельм убедился, что власть уже ничем удержать нельзя, и оффициально согласился на передачу города и, в частности, банков, тюрьмы и всех официальных учреждений Совету Рабочих Депутатов.

В 4 часа, после заседания пленума Совета, собрался Исполком и занялся вопросом об организации власти: надлежало выделить ряд товарищей, для руководства определенными отраслями работ. Первый состав наших народных комиссаров в Одессе был такой: Милан—комиссар продовольствия, Савельев — председатель Совета Народного Хозяйства, Анулов — военный комиссар, Ян — комиссар; Трюх — мест заключения; Рахлин—финансов; Малицкий—почт и телеграфа; Нухман—народного здравия; Александров—социального обеспечения; Александров—водного транспорта; Щепкин—просвещения; я—юстиции и Духовный—по национальным делам. Затем был организован Президиум Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией: Карп, Фарбер, Матьяш. Карпа выделили, вероятно, потому, что он много шумел против Чека. Матьяш—пекарь, который позже покончил с собой.

Первые шаги Совласти сводились к тому, чтобы как-нибудь наладить вопрос с продовольствием, который обсто-

1-й ОДЕССКИЙ ГУБКОМ КП(б)У

ПО ВЫХОДЕ ИЗ ПОДПОЛЬЯ. 1919 г.

КЛИМЕНКО И.

СОКОЛОВСКАЯ Е.

ЛАВРЕНТИЙ К.

ГАМАРНИК ЯН.

АЧКАНОВ Ф.

КРИСТАЛЛОВСКИЙ

ТАРСКИЙ/НИКОЛАЕВ/

В СОСТАВ ГУБКОМА ВХОДИЛИ ТАКЖЕ т.т. ВЕРХОТУРСКИЙ, САВЕЛЬЕВ, СЕРГЕЕВ, НЕМЧИН, ПРОКОФЬЕВ /ОДЕССА/; ЧЕРНЫШЕВ /ЕЛИСАВЕТГРАД/, ХАЕРОВИЧ/ТИРАСПОЛЬ/ МЕЛАМЕД /ХЕРСОН/ ФОТОГРАФИИ КОТОРЫХ ОТСУТСТВУЮТ.

ял чрезвычайно плохо. Прекратилась работа пекарей и булочников, которые владели мучными рессурсами. Первые дни мы питались галетами, которые хранились у французских и греческих войск и были ими оставлены. Печенного хлеба не было, вернее, не было муки, а выпекалось некоторое количество хлеба из гороха, которым греки кормили своих мулов. Таким образом, галеты, конденсированное молоко, компот, да, кажется, еще шоколад—это были единственные продукты, которыми питалась Одесса первое время. В течении двух недель был серьезный кризис продовольствия, и организовать ничего нельзя было.

Второй вопрос—это была охрана города. Дружины, которые были в нашем распоряжении, были все таки чрезвычайно малочисленными, чтобы всю охрану держать в своих руках, и поэтому был об'явлен новый набор в дружину имени Петра Старостина, которая впоследствии стала полком его же имени. Затем стали образовываться дружины не коммунистические по своему составу, но которые коммунисты держали под своим влиянием, как, напр., студенческая дружина. В военном комиссариате тоже старались принять нужные меры, что-то делали, но толку было мало, и в конечном счете все вопросы приходилось разрешать Президиуму Совета.

Затем вопрос об организации суда. По этому вопросу была интересная дискуссия. На первых порах многие работники судов из'явили свое согласие работать с нами, как, напр., Кульпе, но они никак не могли примириться с тем, что многое подвергается резким изменениям. Они считали, что все должно остаться по старому,—лишь ставятся новые люди и все будет хорошо. Но, когда был издан декрет о закрытии судов и о полной их реорганизации, то одесская юридическая публика, хотя и либеральная, была чрезвычайно разочарована. Мы начали с организации Революционного Трибунала. Несколько позже организовались народные суды и институт народных заседателей. Последний работал чрезвычайно слабо и в сущности был чрезвычайно похож на старую камеру мирового судьи, и многие мировые судьи, как и раньше сидели в этих судах.

Через несколько дней, когда вступил Григорьев, пришлось подумать о расквартировании и о снабжении продовольствием его войск. Эта работа, как и забота о продовольствии города, вливалась в работу президиума, и наркомы, за исключением разве Наркомзема, работали, как об'единенный коллектив, все дела решались в Президиуме Исполкома.

Затем — организация Чека; пришлось поработать чрезвычайно много. Во-первых, было много материалов, в связи с арестами. В первую голову все таки хотелось докопаться по свежим следам, что послужило причиной и каковы были обстоятельства ареста Николая Ласточкина. Был арестован полковник Пронин, мы его допрашивали в течении мно-

гих ночей. Он засыпал, засыпали и мы на этих допросах и как мы не старались, ничего узнать нельзя было, никакой вины за ним установить не удалось, хотя он много путал. Он долгое время сидел в тюрьме, но в конце концов его освободили.

Помню наши первые трудности, которые состояли в том, что, помимо обычной сложности организации новой власти, с нашей стороны не было умения подойти к этой организации. В частности, мы переживали финансовые затруднения, хотя в Одессе имели хождение самые разнообразные деньги, которых было много и, согласно нашему декрету, должны были приниматься.

Сюда же следует отнести и тревожную обстановку вокруг Одессы и, прежде всего, молчаливую блокаду со стороны зажиточного крестьянства и немцев-колонистов, в руках которых были крупные продовольственные запасы. В Одессу продовольствие не поступало. Когда начали прощупывать в чем дело, оказалось, что ближайшие деревни были настроены контр-революционно и там были организованы настоящие кордоны, которые задерживали всех, везущих продовольствие в Одессу, и возвращали их домой.

Этим начались кулацкие контр-революционные выступления против нас. Затем история с Григорьевым. Он в Одессу вступил 6-го апреля с большой помпой, встретили его торжественно. Был пленум Совета, были речи. Но в дальнейшем его отношение к нам оказалось странным. Вечером оказалось, что его войско распоряжается в наших пакгаузах, тащит все, что там есть—шелка, сигары, табак. Нам нельзя было справиться с этим грабежом своими силами и мы обратились к Григорьеву, а он заявил, что он ничего сделать не может, потому что, как же так: его «дядьки» воевали—воевали, а теперь ничего не получат. Оказалось, что он, проходя по селам, распространял прокламации, чтобы «дядьки» брали своих жен и детей и ай-да в Одессу. Он говорил, что в Одессе так много всего, что им хватит и с их женами, и с их семьями. Затем он хотел итти на Румынский фронт, но тут побоялся, как бы его «дядьки» не провалили его.

Дело было так, что мы в первый момент могли бы арестовать Григорьева, потому что знали, что, когда он вступил в Елисаветград, то его части устроили там еврейский погром. Попытки устроить погром были. Но в это время к нам приехали Антонов-Овсеенко и тов. Подвойский. Приехали они за тем, чтобы, главным образом, Григорьева прибрать к рукам. Мы предупреждали Антонова-Овсеенко и о войске Григорьева, и о методах командования, и о Тютюнике, но Антонов-Овсеенко все-таки поехал к Григорьеву. Он не доехал до него, потому что на одной из станций было получено извещение, что Григорьев отходит от Советской власти. В это время Григорьевым бы-

ла выпущена его знаменитая прокламация, которая начиналась словами: «Народ Украинский — Народ замученный». Григорьев заявил, что он начинает с этого момента воевать против Советской власти. Это началось в Елисаветграде.

С Григорьевым мы начали воевать и против него выступил Жгенти.—Это был один из критических моментов, когда Григорьевское войско двинулось на Одессу против нас. Это было в конце апреля или в начале мая. Губернский Исполнительный Комитет обсуждал создавшееся положение; Григорьев был близко от Одессы, положение было тяжелое. Блокада со всех сторон давила нас. Было настроение вести войну до конца. Затем начались некоторые колебания. Один товарищ выступил и заявил, что мы должны на время замаскироваться и передать власть эс-эрам, пусть они правят пока, а мы уйдем в подполье до тех пор, пока не подойдут подкрепления из Москвы. Тогда Жгенти заявил, что мы могли бы выдержать, но наши войска слабы, а Григорьевские войска дерутся как сумасшедшие, потому что они всегда дерутся под самогоном, и предложил дать нашим войскам спирту. Но ни то, ни другое предложение не прошло. С Григорьевым мы все же справились. Все это отвлекло наше внимание от наростания кулацких настроений, которые через некоторое время вылились в открытое восстание.

Е. Соколовская.

Французская оккупация. Работа иностранной коллегии. Наступление Григорьева — 1918 г.

Общая характеристика интервенции, экономические и политические цели ее.

Интервенция, как немецкая, так и французская, была не только интервенция ради захвата рынков или выкачивания тех богатств, которые имела Украина, но главная сторона — это политическая, а именно: задушить первую революцию пролетариата, первую после Парижской Коммуны; и у немецких оккупантов, как и у французских, центральным местом было именно уничтожение пролетарской революции.

Конечно, у немцев были экономические интересы, как и у французов. Если взять оккупацию немцев, то первое, что они проделали — это был вывоз продуктов из Украины и бросание своих товаров по всем городам Украинской территории. Если взять небольшие цифры того, что вывозилось за 9 месяцев немецкой оккупации, то получится, что по 28 ноября 1918 г. было вывезено 9.000 вагонов хлеба, 23.000 вагонов продуктов потребления и около 5.000 вагонов сырья, не считая того, что было вывезено австрийцами. Эти цифры взяты из немецких официальных источников и они показывают, что немцы использовали свое положение, чтобы ограбить Украину. Но немецкий империализм делал в то же время все возможное, чтобы уничтожить мало по малу революционную демократию. Если вспомнить, как немцы после начала оккупации разделывались с петлюровцами, как они посадили Скоропадского, как быстро помещики захватили в свои руки обратно земли, как убивали и избивали крестьян, как немецкий империализм старался укрепить военщину и буржуазию, чтобы подготовить удар против Москвы и советского правительства, если вспомнить это, то станут ясными другие цели, которые преследовал немецкий империализм, помимо экономических. Значит, с одной стороны, налицо экономические факторы (т.-е. грабеж и захват рынков), и, с другой стороны, политическая цель — возможно

быстрее уничтожить революцию. Это было проделано немцами.

Если взять французскую оккупацию, то мы получим такую же картину. Франция была более заинтересована экономически, чем другие страны в интервенции. Французский капитал по всей России вложил очень много денег и особенно на Украине и в Донбассе, где он имел гораздо больше, чем другие буржуазные государства, фабрик и заводов. Большие деньги были вложены в угольные копи, в рудники, и, несомненно, прав один из наших историков, который говорит, что Франция была здесь больше заинтересована, чем другие государства. Он об этом говорит в книге, которая была издана в Киеве в 1918 г.: автор ее, Андерсен, приблизительно так формулирует цели, которые ставила себе Франция, и причины оккупации. В одни рудники, принадлежавшие только Франции, было вложено 146 миллионов рублей; в заводы было вложено 65 миллионов руб. До войны французский капитал в металлопромышленности имел 149 мил. рублей и на его долю выпадало 149 мил. пуд. выплавки чугуна, что составляло 78,8% всей выплавки чугуна на территории бывшего Юга России. Эти краткие цифры показывают, что французы экономически были заинтересованы в оккупации, но мне кажется, что не правы те, которые думают, что это было центральным местом оккупации. Клемансо и вся группа, стоявшая у власти во Франции, считала, что после поражения Германии положение таково, что нужно уничтожить поскорее русскую революцию, потому что революционное движение в это время началось почти во всех странах. Это заставило Клемансо и других руководителей французской политики почувствовать, что оставить революционную Россию — это значит оставить страну, которая притягивает все революционное, что есть в других странах, и поэтому основной их целью являлось, несомненно, удушение и уничтожение пролетарской революции.

Настроение рабочих.

Если взять оккупацию, которая началась 18-го декабря 1918 г., то первое время прибыло всего несколько тысяч человек солдат. Буржуазия в Одессе была очень довольна этим, но будет неправильно, если мы скажем, что рабочие массы все были против этой интервенции, как было бы неправильно, если бы мы сказали, что целиком все одесские рабочие были революционны. Если взять состав рабочих, которых мы имели во время войны и после, то среди них было много средних лавочников, мелких спекулянтов и интеллигентов, которые не хотели итти на фронт и устраивались на фабрику, работая на оборону. Много хороших ра-

бочих было мобилизовано во время войны. Нужно только вспомнить настроение одесских рабочих когда ушли большевики и пришли немцы. Я тогда тоже работал и помню, когда на крупнейшей фабрике «Анатра» рабочие не только восстали против оккупации, но они поднялись и против нас, чтобы ни в каком случае не забирать богатства, деньги и другие ценности, которые были в Одессе. Это был пролетариат, который имел определенный отпечаток мелкобуржуазности, и часть таких рабочих осталась в Одессе и в дальнейшем.

В связи с тем, что развивалась спекуляция, развивался и грабеж; грабеж нигде не был так развит, как в Одессе, и та часть рабочих, которая была в Одессе, не могла играть той роли, какую играли в других центрах рабочие. При таком положении и перед партией была поставлена чрезвычайно трудная задача — провести свою организацию. Что касается интеллигенции, то партия тоже стремилась организовать ее, привлечь к партийной работе, чтобы вести борьбу с меньшевиками, которые стали во главе профессиональных и других организаций и которые отражали мнение не лучшей части пролетариата, а мелкой буржуазии. Для партийных органов стало задачей бороться и против них, чтобы лучшие пролетарские массы не подпали под влияние буржуазии и меньшевиков.

Настроение французских солдат.

Когда при высадке французов была борьба с петлюровцами, французские солдаты не понимали, почему идет стрельба. Когда нам впоследствии приходилось разговаривать с французскими солдатами, они все говорили, что они посланы сюда, чтобы оградить население от немцев. Из этого видно, что французская буржуазия, посылая к нам своих солдат, боялась сказать рабочим и крестьянам, которые были одеты в солдатские шинели, что она посылает их сражаться против русской революции. И когда французские солдаты поняли, что им придется сражаться с русской революцией, то нам уже значительно легче было поставить агитацию на правильные рельсы, имея то настроение, которое было у французских солдат.

Организация иностранной коллегии.

24-25-го декабря тов. Ласточкин назначил мне свидание на Базарной ул., дом № 93, в квартире рабочего металлиста Ярошевского. Нам необходимо было сговориться относительно того, как поставить работу по иностранной пропаганде и как организовать эту работу. Так как я владел французским языком и знал жизнь французских рабочих,

мне было поручено от имени Областного Комитета организовать эту работу. Я согласился, но поставил ряд практических условий. Главное из них заключалось в том, что организующийся Иностранный Комитет входит в Областной Комитет, отвечает перед ним, но всю работу ведет самостоятельно. Задачи были такие: организация кружков для французских солдат и матросов, создание газеты «Коммунист» на французском языке, издание ряда прокламаций. Пропагандистские кружки должны были вестись так, чтобы было использовано все лучшее, как у французских солдат, так и у матросов, и чтобы те могли сами вести работу, как в казармах, так и во флоте. Мы знали, что рабочие, с которыми нам придется иметь дело, могли организовать такую работу; среди них были синдикалисты-анархисты, сочувствующие нам, их необходимо было распропагандировать и ввести в работу. Затем в организацию был рекомендован тов. Залик, румынский товарищ, который прекрасно владел французским языком и пером. Был привлечен мною также Миша Штиливкер, с которым я сидел долго в Одесской тюрьме в 1910-11 г.г.

Миша Штиливкер.

Несколько подробнее остановлюсь на нем, потому что писали о нем очень мало, а он провел очень большую работу в подполье. Штиливкер был рабочий из пролетарской семьи, по национальности еврей, и чуть ли не с детского возраста работал в организации анархистов-коммунистов, где его арестовывают с бомбами, хотя он только ночевал у Красного, где был произведен обыск. Красный был потом убит, сражаясь за советскую власть. Штиливкер отсидел два года в тюрьме и за эти два года проводил почти каждый месяц по несколько дней или недель в карцере. В карцер его бросали за то, что он всегда возмущался и протестовал против того издевательства, которое проделывал над арестованными известный тогда палач — начальник одесской тюрьмы Перелешин. Его лишали прогулок, лишали передачи и бросали в карцер. Сплошь и рядом в карцере, в сыром грязном погребе, он оставался недели полторы, которые отсиживал только на черном хлебе и воде. Когда он выходил, мы его не узнавали, но он всегда был жизнерадостный и живой. Как только его выпускали, сейчас же тюрьма слышала голос и шутки Штиливкера. В тюрьме запрещалось петь, но Штиливкер не считался ни с чем и прекрасно пел революционные песни, а когда выходил помощник начальника тюрьмы, человек симпатичный, он заводил с ним споры о литературе и старался ему доказать, что он—офицер не понимает русской литературы. Посидев долго в тюрьме, Штиливкер, в конце концов, после

суда, в виду того, что не было никаких уличающих его данных, был освобожден и уехал за границу.

Я, после каторги и побега из Сибири, встретился с ним в Париже, где он жил под фамилией Рапопорт и работал как шофер. Он и тогда был живым и хорошим товарищем, всегда очень отзывчивым к тем, которые нуждались в его участии, и на всех эмигрантских вечерах все его знали, как Мишу. При чем в то же самое время, как он скандалил и пел, он поддерживал связь с различными партийными группировками, хотя и не очень любил меньшевиков и эс-эров; к большевикам же относился довольно хорошо. Мы с ним в эмиграции были очень дружны.

После революции он оставался анархистом. Во время оккупации я, узнав, что он вернулся в Одессу, сказал ему, что если он перейдет к нам в партию, то он будет иметь возможность вести живую и интересную революционную работу. Он тогда уже разочаровался в анархистах и чувствовал, что наша линия правильнее. В разговорах с ним замечалось, что он склонен перейти к нам, но нужен только толчек. Действительно, он перешел и начал работать во Французском Комитете. Он стал, таким образом, большевиком, в то время, как в Одессе еще продолжала существовать группа работников-анархистов, которыми руководили Железняков, Фельдман Саша и ряд других товарищей. Они также раздавали французам прокламации и газету, которую выпустили в количестве 2-3 номеров, но нам было очень важно, чтобы Миша Штиливкер работал с нами. Когда мы начали кампанию, ему очень хотелось, чтобы мы работали в контакте с анархистами, но от этого мы решительно отказались и вели дело совершенно самостоятельно.

Миша Штиливкер был ценнейшим работником еще и потому, что он не только владел в совершенстве обычным французским языком, но он знал арго-народный язык не хуже любого француза солдата или матроса и поэтому мог свободно подойти к любому из них, заговорить на родном народном языке, запросто выпить с ним, а ведь француз привык к вину. Зная эти народные привычки, Штиливкер очень умело вел свою пропаганду. Несомненно, что во время французской оккупации он сыграл в Комитете по иностранной работе крупнейшую роль и был передовым революционером.

Состав коллегии.

Состав Комитета был следующий: Залик, Штиливкер, я и Соколовская. Это первое время. После выхода первых 4-х или 5-ти номеров газеты приехали тов. Жак Елин и тов. Изя Дубинский, которого мы кооптировали, как технического работника. В последний момент приехала еще Лябур, француженка, которая принимала активное участие в

Комитете. Вот та группа, которая под руководством Областного Комитета партии начала работу между французами.

Беседы с французами.

Что-же было? — Первое время удалось Мише познакомиться не с матросами, а с солдатами. На Тираспольской улице у нас была кофейня. В кофейне он собрал этих солдат и завел разные разговоры обо всем на свете: и о женщинах, и о выпивке, и о том, что делается на свете, об Одессе, вспоминали авантюрные приключения в Париже, общих знакомых, но ничего пока революционного. Он выславливал настроение и стремился выяснить, что каждый из себя представляет. Когда выяснялось, что это рабочий, который был организован в профсоюз, работавший в какой-либо партии, бывший анархист или социалист, только после этого — он начинал с ним встречаться отдельно и беседовать уже на другие темы.

Помню, он меня однажды пригласил на Тираспольскую улицу, кажется, № 9, в молочную, чтобы поговорить с теми солдатами, которых он уже считал нашими. Нам подали вина, несколько бутылок. Было несколько солдат и один матрос. Миша, очень горячо всегда выступавший, как бывший анархист, и теперь завел разговор не просто агитационный, а у него уже речь зашла о восстании и о подготовке восстания. Я сейчас-же ему по-русски говорю, что о восстании теперь не может быть и речи, а давай будем говорить о другом, хотя бы об организации группы солдат, чтобы они сами поняли и об'яснили массе солдат путем непосредственной агитации, почему и для чего их пригнали.

И вот, после долгих разговоров с теми солдатами, которые произвели на нас прекрасное впечатление, — особенно они были довольны, что мы успели выпустить ряд прокламаций, — мы с'агитировали их и убедили в том, что они пришли сюда, чтобы защищать здесь русских помещиков, банкиров как наших, так и своих. Они нас поняли. Мы в своих прокламациях вспоминали о французской революции, о революции 48-го года, о Парижской Коммуне; очень популярно говорили о том, против кого они борются, раз'ясняли им, что такое большевики и какие цели они себе ставят. Один солдат нам рассказал, что он своему полковнику подложил газету «Коммунист»; когда полковник увидел эту газету, он ахнул и закричал: «Ле-Коммюнист» и начал читать газету, а после того, когда он ее прочел, он закричал: «О, мой бог, я тоже большевик, за кого же я здесь буду драться«».

Мы сговорились относительно того, чтобы они сорганизовали группу, чтобы они написали манифест, между прочим, к одесским рабочим, там должно быть указано, что

они, французы, прекрасно понимают, в чем суть русской революции, и они сделают все, чтобы французские солдаты не сражались против рабочих. Тогда матрос, который все время молчал и был очень грустен, обращается ко мне и заявляет: «Мне очень стыдно быть французом и называться французом». На мой вопрос, почему? — он ответил: «потому что мы пришли сюда душить русскую революцию и хотим мы или не хотим, но должны будем убивать русских рабочих и крестьян». Я все время вижу этого французского матроса, его прекрасные честные глаза, я чувствовал, что он страдает, страдает от того, что французские матросы и солдаты посланы сюда с определенной целью — душить русскую революцию.

Заседания коллегии.

Наша работа была бы не цельной, если бы Комитет вел эту работу только опираясь на тех лиц, которые хорошо знали французский язык: эти лица не всегда были выдержаны. Нужно сказать, что работа велась здесь значительно шире. Два раза в неделю Комитет собирался на Княжеской улице, дом № 23, у скульптора Пети Митковицера. Мы собирались и обсуждали все возникавшие вопросы. Они были очень любопытные. Надо было очень осторожно ко всему подходить, потому что у некоторых из наших товарищей был не большевистский, а какой-то геройский подход к вещам. Иные товарищи не понимали, как важна для нас каждая единица, вступающая в агитационно-пропагандистскую работу. Например, Миша Штиливкер часто приходил к нам с какими-то большими планами, которые иногда оказывались совершенно несостоятельными. Однажды он заявляет, что познакомился с какой-то девицей, которая прекрасно знает французский язык. Так как каждый человек, знающий французский язык и желающий с нами работать, являлся для нас ценным, то мы и в данном случае захотели выяснить, кто эта особа и откуда. Миша Штиливкер заявлял, что она нам очень предана, но при выяснении оказалось, что она враждебного нам класса, и, кроме того, по его рассказам чувствовалось, что эта характерная авантюристка, которая ищет острых ощущений. Она заявила, что будет работать, но не между солдатами в массе, а среди офицеров, так как имеет связь с французским офицерством и консулом Энно. Она заявляла, что может принести нам большую пользу. Конечно, это было бы чрезвычайно важно для нас, если бы такая услуга исходила от человека, преданного партии, испытанного. Но когда мы выяснили, что Штиливкер познакомился с ней два дня тому назад, то я резко выступил с категорическим требованием, чтобы Штиливкер прекратил свидания с этой девицей.

Через несколько времени тот же Миша Штиливкер пришел к нам с грандиозным планом о восстании. Он заявлял, что все уже разработано, что на каждом крейсере у нас есть свои матросы. Этот план восстания являлся его идеей—фиксом. Нужно было все время указывать ему, что еще не время организовывать восстание. Связь с солдатами была, несомненно, большая. Неверно писали те товарищи, которые говорили, что только матросы поддавались агитации, а французские солдаты нет. Французские солдаты поддавались агитации так же, как и матросы, если только среди них велась работа.

Распространение литературы.

Литературу мы передавали не только французским солдатам, которые были уже с нами, но и молодежи. Нужно сказать, что молодежь сыграла крупнейшую роль в этой работе. Я помню, как передавали отдельные товарищи, как рассказывал, в частности, Миша об эпизоде, который он наблюдал вместе с нашими французскими солдатами. Они стояли около фабрики Вальтуха или Попова и видели, как проходили мимо солдаты. Вдруг подбегает к солдату девица, берет под руку и что-то щебечет. Тот ничего не понимает, но она ему сует пакет, хохочет и убегает. Он подходит к казарме, берет пакет, а там целая куча журналов «Коммунист» и прокламаций. Наши молодые товарищи как женщины, так и мужчины, не зная языка, знакомились с французскими солдатами и распространяли, таким образом литературу. Если бы мы ожидали, пока распропагандированный уже французский солдат придет к нам за литературой, то мы бы далеко не ушли. А самим это делать было трудно, особенно без знания языка. Далее, приходилось всю эту нелегальную литературу распространять не только по Одессе, но с расширением оккупационной зоны мы организовали посылку литературы также в Херсон и Николаев, хотя это удалось наладить не сразу. Опять-таки это делалось через молодежь, которая сыграла крупнейшую роль. На молодежи мы, главным образом, и выезжали в этой работе.

Воззвание оккупантов.

Нужно сказать, что все те приказы и воззвания, которые издавались французами и греками, особенно французами, использовывались нами постольку, поскольку они были написаны большей частью очень плохо. В каком смысле? Или говорилось о демократии, о том, что они приехали защищать русский народ, или говорилось просто фельдфебельским языком. Все эти приказы использовывались нами для того, чтобы раз'яснить и в русском и во фран-

пузском «Коммунисте» действительное положение вещей. Например, было воззвание главнокомандующего румынским южным фронтом, Бертелло, подписанное еще консулом Энно, известным авантюристом. Я цитирую это воззвание по интереснейшей книге документов—«Черной книге», изданной на Украине:

«Воззвание всем войсковым частям, всем учреждениям, газетам и всем жителям Юга России.

Жители Южной России! Вот уже почти два года, как ваша богатая страна раздираема нескончаемыми гражданскими войнами; истинные злоумышленники захватили местами власть, угрожая жизни и имуществу всех мирных жителей и друзей порядка, создавая, таким образом, в вашей стране подлинную анархию, ведущую к полному разорению.

Мы, ваши союзники, никогда не забывающие усилий, которые вы приложили во имя общего блага, и желающие вновь увидеть вашу страну умиротворенной, расцветающей и великой, решили, что наши войска высадятся в Южной России, чтобы дать возможность благонамеренным жителям восстановить порядок. Окажите добрый прием войскам союзников, они приходят к вам, как друзья. Все державы Согласия идут к вам навстречу, чтобы снабдить вас всем, в чем вы нуждаетесь, и чтобы дать вам, наконец, возможность, свободно, а не под угрозами злоумышленников, решить, какую форму правления вы желаете иметь».

Это воззвание выпущено 18—19 октября. Конечно, это воззвание, а также то, что я буду цитировать дальше, составлено очень глупо. Говорится, что вот мы являемся спасителями вашими от разбойников, которые все разоряют, говорится, что это именно разбойники, а не большевики, но рабочая масса уже на опыте немецкой оккупации знала, как их вешали и расстреливали, произнося прекрасные речи, она понимала, что это за союзники и какова истинная физиономия тех, кто называл себя спасителями.

Переход Григорьева на сторону Советской власти.

Тем более убедилась в этом рабоче-крестьянская масса, когда произошли события, связанные с переходом Григорьева к нам. Известно, что Григорьев потом оказался изменником и бандитом. Наш Областной Комитет знал об этом раньше. Партия знала тогда, с кем она имеет дело. Мы знали, что Григорьев, который до этого был с Петлюрой, перешел к нам потому, что Харьков был уже взят, а взятия большевиками Киева можно было ожидать со дня на день. Мы понимали, что именно поэтому он перешел к нам, но Областному Комитету нужно было использовать Григорьева постольку, поскольку он привлекал к себе крестьянскую массу. Крестьянская масса вооружалась и, оборванная и голодная, сражалась, при чем сражалась совсем недурно. И когда союзники, в особенности французы, почувствовали эту опасность, они быстро реорганизовали свой фронт, бросились спасать Херсон и Николаев, думая, что тем самым они спасут и Одессу.

Те ужасы, которые производились в дальнейшем французскими оккупантами и греками, особенно в Херсоне, и о которых я буду говорить дальше, дали рабочим массам—и не только рабочим, но и крестьянским массам, почувствовать все лицемерие всех этих воззваний и приказов.

В Херсон французские солдаты были посланы приблизительно 31-го января, а 1-го февраля 1919 года город был взят французами. Николаев был взят 2-го. Григорьев приближался к Херсону. Все эти воззвания, которые были напечатаны тогда оккупантами, показывают, насколько эти господа не знали настроений ни рабочих, ни крестьян и даже не знали настроений обывателей. 2-го февраля от французского командования для населения было напечатано:

„2-го февраля 1919 года. От французского командования. На днях ожидается прибытие больших воинских поездов с большими силами союзников. Союзники обеспечивают порядок и охрану в гор. Херсоне, который они берут под свое покровительство. Присутствие союзников позволит всем гражданам жить спокойно и свободно, приступить к повседневной работе и мирным занятиям, не опасаясь за свои политические убеждения и не боясь насилий бандитов и большевиков»[1]).

Они не знали настроения рабочих и крестьян, а также настроения обывателей. Это видно из их воззваний к населению, где они продолжают повторять ту же глупость, что мы «бандиты-большевики», а они—организованная, вооруженная армия, которая обеспечивает мирный порядок. Они не знали, что нелегальная работа в их рядах уже велась и эта работа достаточно разложила их силы.

Разговор по прямому проводу между Тютюником и греками.

Не менее интересно, как Григорьев и его штаб реагировали на разговор, который произошел до того, как они штурмом взяли город. Григорьевский штаб обратился к французскому командованию, чтобы город был сдан без боя. Тютюник, который тогда, несомненно, имел большое влияние на Григорьева, и всю работу проделал от имени штаба и по его поручению, хотел без боя взять город. Интересен разговор по прямому проводу между военным греческим комендантом и Тютюником. Широкие массы этих документов не знают, а они интересны не только для наших, но и для французских рабочих. Разговор такой:

Тютюник: — Атаман Григорьев спрашивает греческого коменданта, будут ли греческие войска сопротивляться при вступлении Советских войск в Херсон?

Ответ: — Мы сегодня находимся на ст. Херсон, по приказанию нашего командования, и не можем уехать и сдать занимаемое нами место другим. Это можем сделать только по приказанию. Будем бить, если только пойдете на нас.

[1]) Черная книга, стр. 228.

Тютюник: — Какого черта вы, греки, пришли на Украину!

Ответ: — Я думал, что имею дело с серьезным человеком, в противном случае не подошел бы к аппарату.

Тютюник: — Вы имеете дело с весьма серьезными людьми, идеи которых победили Европу. Вы же, ничтожные наймиты буржуазиии пришли в нашу землю, забрались в наш дом и еще хотите встречать хозяина с оружием в руках. Бросьте эту затею и немедленно уезжайте. Если же вы уехать не сможете, то положите оружие, и мы вас отправим домой. В противном случае мы с вами будем поступать так, как поступали с злейшими врагами трудового народа. Согласитесь, господин офицер, с тем, что ваше пребывание на Украине есть насилие над нашим народом. Заявляю вам категорически: или уезжайте или положите оружие. Знайте, что ваши шаги и мероприятия в историю революции будут занесены черными строками. Мировая буржуазия уже потерпела крах, но вам не известно, что происходит сейчас в Англии, Франции, Германии. Буржуазия ослепила вас: откройте глаза, проснитесь и вы увидите, что вы далеки от народа, а ваши потомки проклянут вас... Требую немедленно категорического ответа без комментариев.

Ответ: — Если вы говорите со мной, то я сейчас отвечу.

Тютюник.— Да, да, отвечайте.

Ответ на вопрос: «Какого черта, вы греки, пришли на Украину». — Я извиняюсь... В этом виноват тот, кто нас послал, к тому и можете обратиться. Еще раз говорю вам, что с вами разговаривает только солдат. Хотите-ли вы, чтобы наш разговор я передал Главному Командованию?

Тютюник: — Вас в Херсоне так мало, что вы для нас не представляете силы, способной на большое сопротивление. Нам вас жаль, а потому и предлагаем положить оружие из человеколюбия. С остальными же вашими союзниками говорить мы не уполномочены. Атаман Григорьев просил меня предупредить лишь греков, о прочих же наших противниках мне ничего не сказано, а потому мой разговор с вами может быть известен лишь только грекам. Прошу ответить мне, будете ли драться или нет (пропуск).

Ответ: — Спокойной вам ночи.

Тютюник: — Спать еще рано... (пропуск). Драться умеем по-гречески и по-французски, и по-немецки, и по-красновски, и по-деникински, и по-татарски, и по-кадетски. Слава богу, выдержали экзамен перед целым светом, и не дальше, как через 2—3 м-ца, все вы в один голос скажете: «Мы ученики великой России и Украины в борьбе трудового люда за право быть человеком, а не рабом буржуа и капитала». До-свиданья»[1]).

Не прошло и двух месяцев, как мы разбили французов. Но интересным моментом было другое: как мог Тютюник говорить таким тоном с армией, которая была вооружена до зубов. Вероятно, было, что давало основание говорить таким образом. Несомненно так, потому что широкие крестьянские и рабочие массы целиком шли тогда в эти партизанские отряды, и особенно к Григорьеву, когда он перешел к Советской власти, и была твердая уверенность, что город они возьмут, какие бы силы там ни были. И эта уверенность имела под собой определенную почву: те десятки и сотни тысяч рабочих и крестьян, которые стояли за вооруженными передовыми отрядами и были, таким образом, надежной опорой. Дальше я покажу,

[1]) Черная книга, стр. 248.

как буржуазный журналист описывает, как эти босые и голые необученные солдаты били прекрасно вооруженную французскую армию. Значит, если крестьянин говорил таким тоном с французским командованием, то только потому, что он знал, что победа несомненно будет.

Несколько дней подряд бои продолжались возле Херсона и в самом городе. Греки и французы, особенно греки, бросили туда крупнейшие силы. 7-го и 8-го числа бои уже происходили на улице.

Херсонские зверства союзников.

Чем ответило на эти события греческое и, главным образом, французское командование? В то время, как в Одессе мы читали, что ни в коем случае города они не сдадут, что «эти бандиты» будут разбиты, что мы, французы, которые победили такую силу, как Германия,—мы легко разобьем эти крестьянские банды, плохо вооруженные, в то время, как раньше везде и всюду, в печати и в выступлениях, чувствовался этот уверенный тон, теперь, несмотря на прекрасное вооружение греческих и французских частей, несмотря на флот, несмотря на судовую артиллерию, становилось ясно, что город будет взят. И в 8 час. вечера сгоняют рабочих, именно рабочих, их жен и детей, в количестве 2.000 чел., в какой то амбар, запирают их, а сами уходят, садятся на пароходы и пускают несколько снарядов в этот барак. Начинаются пожары и ужасы, которые описывает газета «Херсонский Вестник», буржуазный корреспондент которой рассказывает свои впечатления. Нужно сказать, что били по городу все время и разрушали дома. В результате было около 600 чел. погибших, трупы которых были найдены. Вот как описывает «Херсонский Вестник» это событие.

«Пожарная команда прибыла на место пожара около 11 час. утра, когда уже догорали груды досок под обрушившейся крышей сарая. Стены еще раньше сгорели, и на месте сарая видна была только груда угольев, да железо.

Около 2-х час. пожарные начали извлекать куски обгорелого мяса и костей. По словам очевидцев, сгореть могло больше 500 человек, но следов их теперь уже нельзя найти лишь потому, что ужасное пламя внутри сарая могло уничтожить все до тла. Кроме людей, в сарае погибло громадное количество леса, плугов, железа и прочего имущества. 10-го марта, утром, догорали еще дома Габерта, Комарова и Газадиновой, по Ришельевской улице.

Со вступлением советских войск в Херсон и занятием всей его территории, население вышло из своих убежищ и высыпало на улицу. На берегу толпились десятки тысяч народа, разрушенные улицы были запружены населением. И всюду, на каждом шагу слышались возгласы самого крайнего негодования, возгласы проклятий.

Это какой-то непостижимый кошмар, неописуемый ужас, который леденит кровь, заставляет дрожать не только тело, но и душу. Кто они, эти ужасные тела, на которые невозможно взглянуть без вопля, без рыданий и содрогания... Кто они!..

Много народ принес жертв за свою свободу. На кладбище городов и в тундрах Сибири, в городах Урала и Кавказа, на полях Австрии и Германии разбросаны кости великих борцов за Свободу, за волю и правду. Миллионами гибли они во имя идеи, и нет в мире такого некрополя, который вместил бы в себе необ'ятное число костей и праха людей, погибших в борьбе за дело любви к народу. И незаметной или едва заметной единицей являются те несчастные, которые погибли в Херсоне в ужасные мартовские дни этого года.

Никто еще не доходил до таких адских пыток и дьявольских мучений, в которых изощрялись над народом в Херсоне чужеземные палачи; никто, решительно никто не измышлял таких инквизиторских приемов, к какий прибегали «наши друзья», обещавшие научить нас истинной свободе»... [1]).

Вот как бывшие победители ушли из Херсона. Здесь налицо не только варварство, но в этой дикой мести какая-то трусость перед этими плохо вооруженными рабочими и крестьянами, которые побили прекрасно вооруженные части.

Конечно, все это использовалось нашей нелегальной печатью как на русском, так и французском языке. Я припоминаю, мы выпустили тогда специальную прокламацию по этому вопросу. Французские солдаты, когда мы им рассказывали устно о том, что произошло, не верили нам. Им казалось, что этого не может быть: как это французское командование (а именно французское командование руководило все эти дни операциями) могло допустить такие ужасы? Мы все это использовали опять-таки для того, чтобы раз'яснить французским солдатам положение вещей.

Березовка.

Нами была уже взята Березовка—под самой Одессой. Там сражение происходило около 3-х дней. Сражение происходило в самом городке; туда французы бросили не только свои части, но очень много танков. И когда после долгой борьбы, под громкое «ура», всего несколько тысяч вооруженных партизан взяли Березовку, они захватили и эти танки, в количестве, кажется, 7 шт. Французские солдаты успели отойти раньше, хотя их, как и греков, взято было в плен очень много. И здесь интересно отметить настроение наших партизан. Всех пленных русских и поляков здесь же убивали. Греков, которых тоже было 600—700 чел., также перебили, и в защиту их нельзя было сказать ни слова, потому что иначе убили бы и тебя. Были взяты и французские солдаты в плен и даже было несколько офицеров. Их не трогали. Чем можно об'яснить, что озверевшие солдаты убивают пленных греков, русских и поляков, не считаясь ни с чем, а французских солдат и даже офицеров они не трогают? Об'ясняется это очень

[1]) Черная Книга, стр. 255—256.

просто: французские солдаты все время не дрались, они или сдавались или стреляли вверх. Рабочие чувствовали, что французский солдат идет потому, что его заставляют, но что сам по себе он драться не хочет. Что касается врачей и офицеров, то, когда на них нападали, они все время кричали: «Мы большевики». И тогда один товарищ подошел и сказал: «Мы прекрасно знаем, что вы не большевики, вы враги революции, но вас спасает то, что ваши солдаты не хотят драться». Наша пропаганда сыграла крупнейшую роль. Мы открыли им глаза, и они поняли, что сражаться против русской революции, а тем более положить на этом деле свою голову, не очень почетно.

Сербка.

Когда Сербка (100 верст от Одессы) была взята, греки и французы взорвали по пути мост. Представьте себе картину, когда и солдаты, и крестьяне, и их бабы приходили помогать отстроить мост. Еще одной картины я не могу забыть. Представьте себе, с одной стороны, гармоника, пляски, а с другой—работают молотками; ночь, костры, пляска, песни и серьезная торопливая работа,—все это давало живую и пеструю картину и во всем чувствовалось что это не просто армия, та армия, которая создается или военными знатоками или буржуазией: здесь армия другого характера, здесь каждый сам взял винтовку, молот, и вот он строит то, что до него было разрушено. Они создают мост, по которому должны были пройти наши части, пройти с тем, чтобы продолжать дальнейшую борьбу, дальнейшее наступление.

Приказ греческому полку.

И вот, когда при таком настроении населения читаешь доклад греческого командования, то невольно удивляешься, как это могло быть напечатано: или эти люди были глупы, или просто подлецы. Как можно было после всех тех ужасов, которые были пережиты, писать такие приказы.

«Приказ по 34-му пехотному Греческому полку.

«26-го февраля — день великой скорби, но и день великой славы — славы отечества. Первый батальон полка, сражаясь и исполняя данное приказание, пробыл в бою в гор. Херсоне 9 дней без передышки, проявляя высшее геройство, подобное тому, какое проявил Леонид при Фермопилах с 300 спартанцами.

Командир 1-го батальона Константин Влакос, достойный начальник и доблестный сын отечества, после того, как не стало патронов, созвал офицеров и об'явил им, что все до последнего должны умереть, бросаясь в штыковую атаку, ибо этого требует честь отечества. Все офицеры и солдаты проявили себя, подобно своему начальнику, достойными сынами отечества; с неподражаемым хладнокровием они выслушали своего командира.

Умирая в штыковой атаке против в 20 раз превосходивших их обезумевших людей, имевших в своем распоряжении все новые тех-

нические снаряжения и артиллерию, и ожидая с геройскою стойкостью смерть, воины получили приказ от командующего пехотной дивизией Гаргалиди, направившегося в Херсон на судах с двумя батальонами 1-го пехотного полка, — отойти к судам, что и достигнуто было при помощи этих двух батальонов, и, таким образом, оставшиеся в живых из 1-го батальона в 5 час. утра вчера сели на пароходы и прибыли сюда к вечеру вчерашнего дня.

Об'являю имена без вести пропавших, которые, несомненно, будучи ранены, умерли смертью мучеников, а также имена убитых и раненых (Следует бесконечный список имен).

Всемирная история начертает правду об этом крупном событии, а история Греции украсится новой страницей, продолжением описания Фермопильского сражения. Отечество, имеющее таких сынов, верною поступью идет к славе и величию.

Офицеры и солдаты моего полка, благодарю вас за храбрость» [1]).

Это после того, когда они были биты плохо одетыми, голодными людьми, и после того, как они разбили много домов, загнали детей и женщин в огромный сарай и сожгли их. Господин, который издал такой приказ, или просто негодяй или сумасшедший, воображающий, что они попадут в историю, и чтобы обмануть себя и общественное мнение—издавались вот такие приказы и раздавалась благодарность.

Переговоры между французским и советским командованием.

Когда мы приближались к Одессе, когда французы знали уже, что Одесса будет взята,—в это время был назначен генерал Шварц и говорилось, что город не будет сдан, что это временное поражение, что французы большего не допустят. Но при сдаче города им очень хотелось, чтобы не было захвачено ни пленных, ни имущества, и особенно французских пленных, и французского имущества. Французам было бы очень стыдно, если бы их армия, победившая немцев, вдруг была бы окончательно разбита какой-то «большевистской бандой». Очевидно, нужно было спасти положение, и вот произошли интереснейшие переговоры между французским и советским командованием. Описывает их тот-же Тютюник, которому Григорьев поручил эти переговоры вести. И вот картина такова: сидит Григорьев, который ничего не говорит, молчит, либо ругается по-русски, так что представители французского командования его не понимают или делают вид, что не понимают, а Тютюник ведет переговоры.

Было одно обстоятельство, которое заключалось в том, что всюду на Украине и в Одессе ходили слухи, что в Париже произошел переворот, что кабинет во главе с Клемансо пал и заменен более левым правительством, во главе с Альбертом Тома, который требовал отзыва оккупационной армии. И вот французскому командованию нужно

1) Черная книга, стр. 155.

было перед своими солдатами и перед русским населением сделать вид, что они не просто уходят, потому что их бьют, а уходят потому, что во Франции произошла смена кабинетов, и новое правительство их отзывает.

Я процитирую наиболее интересные места из переговоров с французами перед их уходом.

Французский делегат: — «Во Франции произошел политический переворот, власть перешла к Альберту Тома... Поэтому главное французское командование решило отозвать свои войска с Юга России. Сейчас драться нецелесообразно. Речь идет об эвакуации. С этой целью нас послали к вам. Мы желаем получить ваш ответ.

Тютюник: — Господа, — мы не знаем, что произошло в Париже, да это собственно нас вовсе и не интересует. Замечу только, что не было еще случая, когда политические перевороты внутри страны становились бы причиной внешних поражений на фронте; зато, наоборот, обыкновенно внутри-государственные неурядицы и перевороты совершаются, как результат поражения на фронте. Если и правда, что Альберт Тома взял в руки власть, то пусть благодарит нас, ибо мы, разгромив вас, дали толчок перевороту в Париже, если последний, действительно, произошел.

Старший из делегатов сорвался и заявил: — Вы говорите тоном победителя... Мы просим с нами так не говорить. То, что совершается в Париже, не есть тот вопрос, за разрешением которого нас послали сюда. Речь идет только об эвакуации Юга России. Если генерал Григорьев соглашается говорить по вопросу об эвакуации и перемирии, то мы просили бы не уклоняться от сути этого вопроса.

Тютюник: — Мы не давали вам, господа, разрешения оккупировать Юг Украины, не даем вам и права эвакуироваться. Мы идем на Одессу и будем там делать все, что желаем. Полагаю, что для вас, господа, все ясно.

Старший из французов: — Вновь просим не считать себя победителями.

Тютюник: — Вы побеждены. Я это подчеркиваю. Доказательством этого служит приезд вашей делегации к нам»...

Французы переглянулись. Видно было, что наш категорический тон произвел на них должное впечатление. Потом, вздохнув, старший из французов начал примиряюще:

«Не будем заострять отношений, — понизил он тон. Конкретно: нам необходимо на эвакуацию... необходимо дней 10; минимум неделя. Сколько времени на это дело может дать генерал Григорьев?..»

Солнце закатывалось. В окно вагона я видел Одессу. Кресты и купола церквей отсвечивали красным от закатывающегося солнца. Я показал рукой в окно в сторону Одессы и заявил:

— «Одессу мы уже видим. Времени вам, господа, на эвакуацию остается столько, сколько нам необходимо, чтобы дойти до города. Завтра мы будем в Одессе.

Француз: — Мы будем еще бороться, мы еще в состоянии защищать Одессу...

Тютюник: — Боритесь и защищайте.

Снова еще мягче заговорил француз: «но зачем проливать напрасно человеческую кровь?.. Во имя человечности мы должны избегнуть пролития крови».

Григорьев снова закипел. Я встал и отрезал:

«Под Херсоном, до начала борьбы, вы, господа, не думали о человечности. Мы хотели говорить, вы ответили: «С бандитами мы разговаривать не будем». Вы не признавали нас воюющей стороной. Вы палили, вешали и расстреливали наших пленных и мирное население... Теперь вы вспомнили о человечности... Поздно. Теперь мы вам говорим: «С международными бандитами мы говорить не желаем и не будем, кого из вас поймаем в Одессе, того в живых не оставим. Мы

не приостанавливаем нашего наступления на Одессу, но и не запрещаем вам защищаться: на то ваше право и обязанность. На этом я кончаю разговор».

Французы переглянулись, встали и поклонились. Один из них перед прощанием бросил фразу:

„Как невелик штаб атамана Григорьева!“ [1]).

Как видите, французское командование прекрасно понимало, что нужно сделать все возможное, чтобы продлить оккупацию. Оно и после не один раз присылало на переговоры своих офицеров, но Григорьев не хотел с ними разговаривать, потому что конец оккупации был виден. В это время наши товарищи в городе (я был не в Одессе, а около города), вели несомненно крупную работу. Мы были заняты вооружением, работой, связанной с подготовкой к восстанию. Профсоюзы в это время стали переходить под влияние большевиков; руководителями их, таким образом, стали наши товарищи, и, одним словом, в организационном отношении они были в наших руках, а белогвардейцы и французы делали все возможное для того, чтобы разрушить и уничтожить все то, что было хорошего в подпольной организации.

Об иностранной коллегии.

Я хотел остановиться на расстреле 11-ти. Когда я узнал об этом, я был в это время в 40 или 50 верстах от Одессы. Не стану говорить о впечатлении, какое на меня произвела гибель товарищей, которые проделали громаднейшую работу и умерли, как герои.

Я должен сказать несколько слов о нашей коллегии. Пишут «иностранная коллегия». Это неверно: в подполье иностранной коллегии не было, был иностранный комитет. Откуда же взялось это слово? Когда мы вошли в город, то организовали иностранную работу, потому что у нас остановились крейсера и была масса французов и румын. Мы организовали от всех групп представителей. Я был выбран председателем, и мы долго искали название этому органу. Секретарь Кузнецов предложил — иностранная коллегия *); Балабанова не одобрила это название и предложила назвать — пропагандистский коммунистический интернациональный комитет. А товарищи, которые не знают этого, все время пишут об иностранной коллегии, которая будтобы работала в подполье.

Эвакуация.

Я закончу иллюстрацией из статьи о французской оккупации буржуазного журналиста Канторовича в «Былом», № 19. Он так описывает уход французских частей.

---

1) Черная книга, стр. 224—227.

*) Иностранный комитет среди партийцев подполья был известен под названием „Иностранной коллегии“. См. также статью Соколовской. *Ред.*

«Картина от'езда внушала отвращение. Французские офицеры за высокие деньги продавали свои места на пароходах русским эмигрантам. Торг шел самый беззастенчивый. Матросы, солдаты забыли о воинском звании и за плату превратились в носильщиков багажа. В последнюю ночь пьяные ватаги французов бродили по улицам города, стреляли в воздух, бесчинствовали и пугали прохожих. Дисциплина, видимо, совершенно пала. Ускоренный темп эвакуации, несомненно, об'яснялся боязнью командования совсем потерять свой авторитет. Понятно, что разнузданная армия мало заботилась о сохранении казенного имущества. Порт был загроможден брошенными автомобилями, зарядными ящиками, частями машин. На земле валялись куски шелковой материи, бутылки шампанского, груды консервов и другого добра. В таком «трофейном» виде порт перешел в руки партизанов Григорьева...»

И, наконец, он пишет: «Утром, 6-го апреля, когда последние суда отчаливали от берегов Одессы, в город вступали передовые части Григорьевцев. Население высыпало на улицу, чтобы увидеть воочию море солдатских голов, лес штыков и т. д. Но каково было всеобщее изумление, когда подошедшими незначительными частями конницы и пехоты исчерпана была вся армия «победителей». Она не превышала 3-х тысяч человек всех видов оружия. Одетые не по сезону (уже было по весеннему тепло), в папахах и рванных зипунах, на неубранных низкорослых лошадях, партизаны поражали своей ничтожной численностью и несоответствием тому внешнему великолепию, которым ослепляла исчезнувшая только что франко-греческая компания».

Деготь.

Французская оккупация.

Нелегальная большевистская типография.

Печать для нас была очень важным оружием, тем более, что рабочие массы очень жаждали тогда услышать живое слово и иметь какой-то близкий им орган. Нашей партии приходилось тогда пользоваться легальными типографиями, и казалось бы, что легальными типографиями пользоваться лучше, чем подпольными. Но это было не так, потому, что те, кто печатал наши материалы, брали за это очень много денег, и, кроме того, никогда не было уверенности в том, что материалы, которые туда отданы, будут получены нами обратно. Господа хозяева типографий. которые печатали нам, печатали исключительно из-за того, что мы им хорошо платили. Они пользовались нашим положением и при печатании каждого номера говорили, что тут рассыпался шрифт, тут пришла полиция, одним словом, придумывали всякие трудности, чтобы получить побольше денег, помимо условленных. Все это заставило нас призадуматься над тем, что нужно что-то сделать, чтобы быть независимыми от хозяев. Печатали мы в легальной типографии, которая находилась на Ланжероновской улице, против Городского сада. Пользовались ею и левые эс-эры и анархисты, и очень часто, приходя туда, все встречались и все отлично знали об этом. Каждый в отдельности приходил туда секретно, конспиративно, но все знали, что там печаталась подпольная литература.

Первое, что мы сделали—это выбрали место для подпольной типографии—каменоломни на лимане по дороге на Куяльник, в 6 верстах от Одессы. Пробираться туда можно было по двум дорогам: вверх, на гору, где был кирпичный завод, оттуда дойти до канавы, а через канаву спуститься в каменоломни; вторая дорога пролегала через деревню, где надо было войти в дом, находящийся в скалах, и через эти скалы можно было подземельем пройти к каменоломням. Таково было место, где помещалась наша типография, собственно, не место, а дорога к типографии.

Как мы установили типографию? Это дело было довольно трудное, тем более, что надо было перевести отдельными мелкими частями машины, и уже на месте их составить. Там все время были патрули, которые, вообще, ничего не давали провозить, все проверяя. Не помню, бы-

ли ли там иностранные войска или юнкера, но помню, что, когда мы везли главную часть машины—американки, они нас остановили. Мы пред'явили им бумаги о том, что мы везем части локомобиля, которых не достает на одной из фабрик. Они поверили и пропустили нас. Таким образом, нам удалось провести главные части машин. Машины мы подвозили к хозяину квартиры, через которую мы проходили. Звали этого человека Семен, он был беспартийный крестьянин, но мы ему платили, и он согласился, чтобы мы пользовались ходом через его квартиру. Он хорошо знал каменоломни, потому что раньше там работал, а в тот период, о котором я говорю, работа на каменоломнях не производилась. Он по работе хорошо знал все места, и показал нам, где что можно устроить. В эту типографию нами была поставлена американка, машинка, которой можно печатать рукой или ногой. Кроме того, мы приобрели три кассы шрифта: шрифт мы достали не только русский, но и французский, так как нам приходилось печатать отдельные листовки на французском языке. Надо сказать, что это у нас выходило не очень хорошо, но по мере возможности мы выполняли те задания, которые нам были даны. Главным образом, мы там печатали газету «Одесский Коммунист»; задержек во время печатания почти не было, и газета выходила в общем регулярно.

Как можно было попасть в типографию? Попасть туда было очень трудно, так как в канавку, куда мы спускались—зимой приходилось бросаться прямо в снег, а там уж можно было кое-как пройти. Были места, где нельзя было пройти, а нужно было ползти на четвереньках, чтобы пробраться в типографию, потому что ходить через деревню было опасно: крестьяне могли видеть, что мы часто проходим и, может быть, могли бы выдать нас, поэтому мы предпочитали ходить через канавку, а не через деревню. Таким образом. мы попадали в место, где находилась типография. Итти нужно было только при освещении, потому что там было очень темно. Что давало возможность всегда попасть в типографию? Запах карбида, которым мы пользовались для освещения, и воздух был пропитан этим запахом.

Типография имела вид комнаты, и там были вырезаны окна. Чтобы песок не ссыпался сверху, мы завесили верхнюю часть простыней. Были большие реалы в виде камней, на которые мы устанавливали машину и кассу со шрифтом. Мы работали по 24 часа в сутки. Поскольку ходить туда было опасно, то приходилось там сидеть до тех пор, пока не будет кончена вся работа, необходимая в тот момент. Чтобы быть на месте, ходить туда приходилось обыкновенно до рассвета, а уходить оттуда приходилось только поздно вечером, когда становилось совершенно темно. Когда бывало недостаточно темно, то приходилось

возвращаться обратно и дожидаться, пока совершенно стемнеет.

Чтобы обслуживать типографию, мы сговорились с хозяином квартиры, что он должен был нам доставлять бумагу и пищу; при этом Семен понял, что может кое-что нажить, и начал нас эксплоатировать. Мы приобрели двух лошадей, повозку, и крестьяне видели, что он ездит в город и потом возвращается, привозя будто бы для себя какие-то вещи. Мы в городе приготовляли бумагу и все нужное, а перевозить должен был он. Однако, скоро он стал очень скверно относиться к делу, стал пьянствовать и не всегда делал то, что было нужно: сначала он продал одну лошадь, затем сказал, что его подозревают, и он должен был это сделать, а потом продал и другую. Таким образом, мы остались без лошадей и без подводы. Бороться с Семеном было уже не время. Брат его—Гриша говорил,—что Семен только деньги берет, а делать ничего не хочет. Я сказал Грише, чтобы он во время нашего отсутствия наблюдал за нашим помещением, ибо мы подозревали, что белогвардейцы или французы могут туда пробраться.

Первое время работа в типографии была поручена тов. Орловскому. Он оставался на работе с сентября до ноября. Затем работа была передана Венгржиновскому и мне. Мы делали все необходимое для устройства типографии: был приобретен весь необходимый инвентарь, была закуплена бумага, хотя и мокроватая. Не считая меня и Венгржиновского, работали у нас двое беспартийных и один партийный—т. Питерский. Мы их пригласили из союза печатников и знали, кому мы можем там доверять. Приходили к нам Гриши: один был печатник, а другой наборщик. Также работал Босензон Я., печатник-бундовец. Был преданный нам работник и очень хороший печатник. Наш, так сказать, штат состоял из 8 человек.

Чтобы доставлять бумагу в типографию, нам приходилось ее разрезывать, так как американка может печатать на листе писчей бумаги, а мы покупали бумагу большими листами. Тогда мы устроились, таким образом: мне было поручено взять в аренду какую-нибудь переплетную мастерскую с тем, чтобы там можно было разрезать бумагу и уж оттуда привозить ее в типографию. Мы взяли переплетную в типографии Шермана на Ришельевской ул., где были переплетчики Дризлих и Д. Соловейчик. Они нашей цели не знали. Я сказал им, что весь день работать не могу, потому что занят в союзе, и они согласились, чтобы я принимал работу, а они выполняли ее, хотя сами они тоже принимали заказы, преимущественно по резке бумаги. Резали мы столько бумаги, сколько нам было нужно. Кроме того, мы имели место для хранения бумаги и, когда Семен забирал бумагу, господину Шерману и в голову не

приходило, для чего это делается. Деньги свои он получал аккуратно, а больше ему ничего не нужно было. Но, кроме того, мы должны были иметь склад для бумаги. Такой склад мы нашли на Базарной, 14. Там, в небольшой кладовке, мы держали запасы бумаги. Здесь произошел маленький инцидент: перевозчики бумаги пристали к нам, чтобы мы уплатили им деньги раньше, чем они сгрузили бумагу, а получив деньги, они заявили: можете работать сами.

Наша экспедиция находилась на Новом базаре, угол Торговой, где крытый рынок; со стороны Торговой мы взяли табачную лавочку, в которой торговала Бетя Кирцман, жена Бориса. Мы старались паковать литературу, как папиросы, сохраняя ее в этой лавочке; там ее распределяли и разносили в разные места. Но явка там была недолго. Место стало для нас подозрительным, и мы перенесли нашу экспедицию на Троицкую, угол Авчинниковского переулка, на квартиру, где жил Борис. Его младшие братья выгружали литературу, когда мы привозили ее, и оттуда опять-таки шла дальнейшая рассылка литературы.

Наша связь с редакцией шла, главным образом, через тов. Югова. Он был наш самый ближайший сотрудник, кроме него, все наши работники знали также Яновских Елену и Соню. Считалось, что Соня и Елена—это одно и тоже, т. е. найти кого-нибудь из них—значит найти редакцию. Встречались мы с ними большей частью в союзе швейников. Елена и Соня часто бывали у нас там, и Югов бывал и днем и ночью. Через него мы и держали связь с редакцией. Вопросами мы не задавались и не хотели даже знать, где редакция, какова редакция и проч. Мы старались получить материал, отправить его в типографию и напечатать.

Чтобы дать более ясное представление об условиях нашей работы, я расскажу об одном случае: однажды у нас работала Елена (не помню ее фамилии); она приходила править корректуру по-французски; во время работы она не могла выдержать тяжелой атмосферы в типографии и упала в обморок. Пришлось ее вынести из типографии на свежий воздух, после этого она к нам уже не приходила. Вот в каких условиях приходилось работать. Это было не только подполье, но и подземелье.

Как мы доставляли литературу в город? Одно время, как я говорил, мы имели пару лошадей и подводу, имели, так-сказать, свою собственность, но после продажи ее Семеном нам приходилось пользоваться услугами других лиц. Мы делали это так: нанимали извозчиков и платили им, знали ли они о том, что мы ездили с нелегальной литературой—не знаю; но свою обязанность они аккуратно выполняли. Они знали только, что, когда везут наш груз, нужно приехать очень рано и на все вопросы отвечать—не знаю. Мы возчиков оставляли очень далеко, не под'езжая к тому ме-

сту, где мы входили и выходили из типографии, чтобы они не догадывались, где мы печатаем эту литературу. Долго мы так возили, но один раз был такой случай: когда мы ехали получать литературу, нас встретили и спросили, куда мы едем. У нас было условлено, что в таком случае мы должны отвечать, что едем закупать картофель. Мы ответили, что едем за картофелем; тогда нам стали говорить, чтобы не платить дорого, потому что иначе мы, закупая картофель, испортим им цены.

За литературой мы всегда старались посылать т. т., которым мы больше всего доверяли. Делали мы это для того, чтобы, если бы даже как-нибудь и получился провал, то на месте были такие, которые не допустили бы более тяжелого провала. Вообще же мы не всегда доверяли тем товарищам, с которыми нам приходилось работать. Так что ехать за литературой — у нас считалось большой честью. Большей частью мне самому приходилось ездить за литературой. Я был очень недоверчив. Когда я приехал раз за литературой на Торговую, угол Нового Базара, и увидел, что там вертится подозрительное лицо, я поехал в другую сторону. Мне в этот раз удалось избежать больших неприятностей, потому что впоследствии выяснилось, что наша явка провалилась.

Литературу мы печатали, вообще, с маленьким опозданием. Я помню, что иногда нас за это ругали, но при тех технических условиях, которые у нас были, мы не могли в свое время выполнять заказы.

Печатали мы «Одесский Коммунист», французский листок и греческие листовки, затем печатались приказы Ревкома, один или два номера Совета Рабочих Депутатов.

Помню, однажды, — это было в последние дни, когда французские и греческие войска уже решили отступать, и мы чувствовали, что завтра или послезавтра мы будем печатать в городе,—произошел такой случай... Здесь я хочу отметить, как, вообще, относилось к нам население. Мы очень боялись, чтобы крестьяне не увидали нас, но оказалось, что этого совершенно не нужно было бояться. Так вот, в один из последних дней, когда я поехал за литературой (это было по обыкновению рано утром), мы только поднялись на гору, вдруг слышим кто-то кричит: стой! Оглядываемся и видим: бегут к нам какие-то люди с револьверами в руках. Возчик хотел пустить лошадей во всю, но я понял полную бессмысленность этого и велел остановиться. Люди подбежали ко мне и стали спрашивать, куда я еду. Я по обыкновению ответил, что еду за картошкой. Тогда они спросили у меня, где же мои деньги. Я отвечаю, что хозяин послал меня за картошкой, а расплачиваться будет сам. Тогда потребовали у меня документ. Делать нечего, достаю и отдаю им свой документ. Они читают: «политический амнистированный». Тогда они немедленно возвращают мне

документ и говорят: «Этого трогать нечего, это наш». Конечно, это было очень смешное заявление, но тогда бандитизм носил своеобразный характер. Бандиты считали нужным грабить помещиков и буржуазию, бедное население совершенно не подвергалось нападениям и грабежам. А так как политический, конечно, принадлежал к беднейшему населению, то это и вызвало со стороны бандитов это смешное выражение «наш». Это явление было чрезвычайно характерно. Настоящий случай показал нам, что население, которое окружало эту местность, знало, что мы там работаем. Люди не знали подробностей, но они видели, что здесь что-то происходит. Между тем, никто об этом не говорил, и все считали, что так и должно быть. Впоследствии мы узнали, что ребята рассказывали, будто в этом месте часто убивали французских солдат и офицеров.

Яковер.

Состав и работа редакции.

Состав редакции у нас менялся два раза. 1-й состав был такой: Немчин, Кин, я, Клименко, пятого не могу вспомнить. Мы обыкновенно собирались на квартире у Вейсмана. Так дело шло до 1 января. Со второй половины января к нам приехал Рубинштейн, а Кин выехал. В конце января или с половины февраля, твердо не помню, к нам в редакцию вошел тов. Духовный. Тогда же стал принимать участие в нашей работе Жак Елин; он принимал участие, главным образом, в обсуждении статей.

Обыкновенно давалась передовая, в которой охватывался момент, характерный для всего украинского движения, затем были моменты, освещающие одесскую жизнь, затем шла хроника и, наконец, помещались различные заметки, которые давались нам рабочими. Были и стихи на злобу дня. Была ли наша газета на одной странице или на двух, я не помню. Кажется, она была на двух небольших страницах. Перед тем, как выпустить номер мы обыкновенно устраивали заседание нашей редакционной комиссии и обсуждали материал. Затем составляли номер и через секретаря редакции передавали. Первое время постоянного секретаря редакции не было, и обычно материал передавать приходилось мне, но потом на эту работу мы взяли Яновскую: она держала связь с Яковером, передавала материал и следила за тем, как шло распространение.

У нас был для распространения специальный аппарат, сплошь составленный из коммунистической молодежи. Комсомолом этого нельзя было назвать, потому что такой организации тогда и не было, но была просто коммунистическая молодежь. Из состава этой коммунистической молодежи было скомплектовано нечто в роде пятерок, кто-нибудь из пятерки один приходил в условленное место, где находилась готовая литература, там ее брал и разносил по другим явкам. Часть же литературы распространялась по фабрикам и заводам по линии знакомства с рабочими. Литература наша расхватывалась. Читалась она взасос, и мне приходилось видеть иногда чрезвычайно затрепанные, зачитанные и захватанные номера «Коммуниста», и рабочие всегда были очень недовольны тем, что мы так мало печатаем.

Литературой мы обслуживали не только Одессу, но и район вдоль железной дороги, где были сосредоточены одно время петлюровские отряды. Затем печатался и французский «Коммунист», о котором я хочу немного сказать. Помню, когда мы выпускали номер 1-й, то напечатали не „Le communiste", а „La communiste", что означает не коммунист, а коммунистка. Для нас это, конечно, не имеет большого значения, но французу это могло показаться чрезвычайно смешным и тем самым могло повредить успеху всей нашей газеты. Пришлось весь номер вернуть и «а» переделывать на «е». Мы пытались «а» заклеить, не помню, удалось ли это сделать. Распространение французской газеты частично шло через обычный аппарат распространения, а частично через товарищей пропагандистов. Распространение и в этом случае шло успешно, во всяком случае, залежей газеты никогда не было. Обычно газеты передавались просто гуляющим французским солдатам. В этом отношении особенно отличались работницы фабрики Попова. Там работала одна работница, товарищ Петренко, она владела французским языком и об'единила вокруг себя группу работниц. Все они занимались распространением газеты, а сама она отчасти занималась пропагандой. Много нам помогли работницы не только фабрики Попова, но и фабрики Вальтуха, так как им, как женщинам, легко было подойти к французам, даже и не зная французского языка.

Соколовская.

Одесская районная подпольная организация большевиков на Пересыпи в 1918—1919 г.

I

Экономическое состояние Одессы и, в частности, пересыпского района к моменту оккупации. Приход австро-германских войск. Наступательная политика оккупантов. Продовольственные затруднения города. Осложнения в промышленности. Отпор рабочих насилию оккупантов.

Всего около двух месяцев просуществовала власть Советов в Одессе до немецкой оккупации в начале 1918 года. Весь этот период прошел для одесского пролетариата в беспримерной, кипучей, героической работе по строительству аппарата власти в городе и районе, а, главным образом, по организации отпора наседающей оккупационной армии австро-германского империализма. И, несмотря на исключительные усилия трудящихся Одессы, направленные к удержанию революционных завоеваний в своих руках, им пришлось на время частью эвакуироваться, частью уйти в подполье.

Посвятим несколько слов описанию той обстановки, в какой находилась жизнь Одессы в момент прихода оккупантов. Если империалистическая и затем гражданская война основательно подорвали устои всей промышленности России, то для портового города, промышленности и прочей хозяйственной жизни Одессы указанные факторы оказались почти гибельными. Пересыпь, где расположено большинство крупных промышленных предприятий, особенно болезненно переживала этот период. Такие крупные предприятия, как судоремонтный завод РОПИТА, завод сельхозмашин Гена, судоремонтные мастерские Ровенского, судоремонтный и чугунно-литейный завод Беллино-Фендериха, чугунно-литейный и механический завод «Новороссийский», мельницы Вайнштейна, Анатра, электрическ. станция, газовый завод и ряд друг. либо работали с большими перебоями, либо совершенно замирали,—некоторые из-за отсутствия сырья и топлива, а другие из-за разрыва связи со своими основными рынками. Многие из этих заводов в нормальное время снабжали своей продукцией не только Одессу и прилегающий к ней район, но размещали свои изделия далеко за пределы Украины, имея потребителей во многих местах России.

С началом гражданской войны и с приходом австро-германцев, естественно, экономическая связь Одессы с другими областями федерации стала совершенно невозможной. Не меньшую роль в деле подрыва основ хозяйственной жизни Одессы сыграла также слишком частая смена властей: за сравнительно короткий период (около года) в Одессе произошло четыре переворота. В марте 1917 г.—падение самодержавия, осенью—приход к власти Украинской Рады, в январе 1918—установление Советской власти и в марте—австро-германская оккупация.

Чрезвычайно острый финансовый кризис, усугублявшийся с каждым днем, благодаря выпуску множества разнообразных бумажных денег, не мог не отразиться на общем состоянии хозяйства страны и Одессы, в частности.

Еще до вступления немецких войск в Одессу, 12 марта прибыла от них делегация с предложением Румчероду сдать город без боя, при чем цели оккупации, по словам делегации, сводились к следующему:

1. Германская армия вступает в Одессу исключительно для водворения порядка.

2. Германские власти намерены работать совместно с народными представителями для полного восстановления торговых сношений с Россией и, в частности, с Одессой.

3. Оккупационные войска не настроены против Советов и даже против большевиков и готовы признать их при условии, если они не будут мешать водворению порядка.

4. Водворение порядка предполагает, прежде всего,—разоружение всех находящихся в Одессе войсковых частей и отдельных лиц.

5. В виду возможности неправильного понимания со стороны некоторых слоев населения действительных целей занятия города, что может повлечь за собою выступление враждующих партий, охрану города будут нести представители и вооруженные части, которые будут выделены для этой цели народным представительством, совместно с немецким командованием.

6. Расположенный в одесском порту русский военный флот не беспокоит немецкую армию, если он (флот) не будет мешать осуществлению немецкого плана водворения порядка.

Разумеется, это заявление немецкой делегации революционная власть пролетариата совершенно правильно оценила, как обычный дипломатический маневр империалистов, пущенный в ход для того, чтобы несколько облегчить себе довольно трудную задачу оккупации Одессы. Поведение австро-германских войск с первых же дней пребывания в Одессе достаточно отчетливо обнаружило истинные цели и задачи оккупации и вскрыло всю наглую ложь, которой было пропитано приведенное выше дипломатическое заявление.

Уже 15-го марта, на второй день после прихода в Одессу, оккупационные власти поспешили снова открыть памятник Екатерины II-ой. Этот акт, совершенно незначительный по существу, был весьма показателен для характеристики природы и стремлений пришедших на Украину австро-германских империалистов.

Рабочие Одессы живо откликнулись на этот акт: на ряде предприятий вынесен энергичный протест, но для немецких империалистов протесты разоруженных рабочих остались незамеченными.

Вслед за этим, со стороны оккупантов последовали другие, более значительные действия и распоряжения, направленные прямо против рабочего класса Одессы и, в частности, Пересыпи. Пересыпь—это фабрично-заводской район Одессы, где расположено большинство наиболее крупных промышленных предприятий.

Через два дня после вступления в Одессу, австро-германское командование решило упразднить Совет Рабочих и Солдатских Депутатов за «ненадобностью». Никто из представителей С. Р. Д. (кроме разве меньшевиков и эс-эров) не мог отнестись хотя бы с некоторой долей доверия к заверениям германского командования, что органы Советской власти, «даже большевики», останутся нетронутыми. Но бесстыдство и наглость оккупантов превзошли всякие ожидания. После такого торжественного заявления об абсолютном невмешательстве в методы и принципы управления, можно было думать, что они произведут ликвидацию революционных завоеваний пролетариата с некоторой выдержкой и осторожностью, хотя-бы из тактических соображений.

Однако, они, после занятия Одессы и разоружения пролетариата, через два дня силой заставили Советы прекратить свое существование. Одновременно были выпущены из тюрьмы все арестованные по распоряжению Революционного Трибунала, за исключением явно воровской части.

Наступление на рабочие организации в других областях шло довольно усиленным темпом:

1) через пять дней после прихода немцы заняли помещения профсоюза «Металлист» и пересыпского рабочего клуба;

2) завод сельхоз машин и орудий Гена на Пересыпи, перешедший в ведение рабочих при Советской власти, был закрыт немцами на 5-ый день после прихода в Одессу; администрация пред'явила расчет всем рабочим;

3) все крупные промышленные предприятия были заняты немецкими войсками и деятельность заводских комитетов парализована; рабочие этих предприятий вынесли всюду энергичные протесты против таких актов открытого насилия, но оккупанты даже не утруждали себя выслушивать эти протесты.

Рабочие собрания бесцеремонно разгонялись вооруженной рукой австро-германских войск. На заводе «Беллино-

Фендерих» должно было состояться 19-го марта общее собрание рабочих. Неожиданно заводскому комитету было дано знать, что австрийский караул, охраняющий завод, не допустит митинга по распоряжению своего начальства. Рабочие послали протест, но, понятно, никаких результатов не добились.

Эти первые дни хозяйничанья оккупантов уже дали ясно понять пролетариату Одессы, что думать о борьбе с возрождающейся властью капиталистов одними резолюциями протеста не приходится. Поэтому, естественно, назревает у передовых революционно-настроенных рабочих мысль о необходимости организовать рабочие массы, создать боевые дружины, развить агитационную и пропагандистскую работу, ибо только таким путем можно расчитывать на более или менее успешные результаты борьбы.

Тем временем меньшевики, признанные новою властью безвредными для своего существования, предприняли широкую кампанию «перевыборов» фабрично-заводских комитетов, правлений профсоюзов и Совета Рабочих Депутатов.

Само собою понятно, что рабочие организации, сконструированные легально при безгранично деспотическом владычестве оккупантов, под руководством меньшевиков, не могли отражать и защищать подлинных интересов и стремлений пролетариата. Все эти органы, в том числе С. Р. Д., по мнению украинских и оккупационных властей, должны ограничиться исключительно защитой экономических интересов рабочих; заниматься же разработкой и обсуждением вопросов политического свойства—категорически запрещалось.

Вслед за этим оккупанты принялись за осуществление второй задачи прихода на Украину. Не взирая на ограниченность запасов, они начали усиленно вывозить зерно со всех пунктов Украины в Германию и Австрию. Из одной только Одессы за 6 дней немцы вывезли 600 вагонов хлеба. Одновременно военное командование предприняло широкую реквизицию других предметов продовольствия.

Эти меры совершенно открытого наглого обирательства не замедлили сказаться на продовольственном положении города, и без того основательно подорванном общей обстановкой. На многих мельницах, из-за отсутствия зерна, приостановлена работа. На некоторых значительно сократилось производство, что привело к массовому увольнению рабочих мукомольной промышленности.

Наряду с усиленным вывозом хлеба из Украины в Одессе, уже через неделю после прихода немцев предполагалось введение карточной системы на потребление хлеба, и с этой целью проведена перепись населения. И только весьма энергичный резкий протест со стороны портовых и пересыпских грузчиков, рабочих маслобойного завода и дру-

гих предприятий вынудил оккупантов отложить проведение этого мероприятия. Во всяком случае, приведенный факт с достаточной очевидностью свидетельствует, что оккупанты чувствовали себя во всех областях жизни полновластными хозяевами, действуя везде по своему усмотрению, не согласовывая своих действий даже с представителями Украинской Рады, по «просьбе» которой они пришли на Украину только для «водворения порядка».

Даже газета «Одесские Новости» вынуждена была указать в № от 3-го апреля, что на заседании Городского Продовольственного Комитета был отмечен быстрый рост дороговизны со дня вступления оккупационных войск.

Наряду с затруднениями в области продовольствия, создаются большие осложнения в промышленности. В связи с острым топливным кризисом, 23-го марта совершенно приостанавливается движение трамваев и уже вырисовывается непосредственная угроза приостановки работ на многих заводах Одессы. Вследствие прекращения работ трамвая, уволено одновременно 2000 рабочих, что сразу значительно увеличило безработицу. К тому времени насчитывается уже на бирже зарегистрированных безработных 20.500 человек.

Из-за недостатка топлива водопровод сокращает подачу воды. А буржуазия тем временем, опираясь на твердую власть своих защитников-оккупантов, предпринимает широким фронтом наступление на трудящихся.

1. Домовладельцы возбуждают в Городской Управе вопрос об увеличении квартирной платы; несмотря на энергичные протесты рабочих одесских предприятий, в частности, завода Анатра, управа дает санкцию на увеличение платы в размере 16%.

2. На ряде заводов металлообрабатывающей промышленности администрация энергично настаивает на снижении зарплаты, отказываясь одновременно от обязательств, взятых на себя по колдоговорам.

Эта беззастенчивая наступательная политика капиталистов заставляет рабочих быстро сплотиться. Проходит волна забастовок. Рабочие кожевенники, из-за отказа предпринимателей повысить зарплату на 5 рублей, прекращают работу. На нефтяной базе бр. Нобель об'явлена забастовка из-за решения администрации уволить 22 рабочих. Готовятся к забастовке рабочие хлебопекарен.

Однако, буржуазия вместе с командованием оккупационных войск тоже не сидит сложа руки. Производятся массовые аресты в рабочих кварталах. Предпринимаются повальные обыски, главным образом, с целью из'ятия оружия у рабочих. Исполком Совета Профсоюзов, руководимый соглашателями, публикует воззвание к рабочим о добровольной сдаче оружия во избежание каких-либо тяжелых последствий. Однако, рабочие массы должным образом оценили это из-

менническое воззвание своих «руководителей», и ни один из них не сдал оружия.

Все это достаточно ясно свидетельствует о том, как «блестяще» справились со своей задачей «восстановления порядка» доблестные союзники Украинской Рады.

II.

Попытки открытой борьбы с оккупантами. Создание руководящего партийного ядра. Дальнейшее развитие партийной работы. Трудности подпольной работы в условиях оккупации.

В первые дни оккупации наблюдалась некоторая растерянность и подавленность в настроении рабочих масс. Но все-же, при каждом удобном случае, проявлялись попытки открытой борьбы с оккупантами. Было не мало примеров исключительного бесстрашия и героизма со стороны рабочих. Достаточно привести хотя бы два следующих эпизода, имевших место на заводах Пересыпи.

Как известно, на всех промышленных предприятиях австро-германским командованием в городе были расставлены сильные караулы с пулеметами для охраны порядка, устрашения рабочих, предупреждения конфликтов, подавления волнений и проч. Такое же положение было на судоремонтном заводе РОПИТА. Всюду стояли вооруженные солдаты с пулеметами, один из коих был поставлен у самого плавучего дока. У пулеметов стояло по одному часовому, а вся остальная пулеметная прислуга вместе с другими солдатами расположилась в помещениях рабочей столовой, завкома и библиотеки.

Однажды, двое рабочих котельного цеха увидели, что часовой, стоявший у пулемета, слишком увлекся невиданным для него зрелищем под'ема судна на док. О пулемете своем он, повидимому, в этот момент совсем забыл и отошел от него ближе к доку. Этим благоприятным случаем воспользовались рабочие, быстро схватили пулемет и отнесли его в свой цех. Обычно большинство котельщиков работает на судах, их в помещениях цеха остается всегда мало. На этот раз там находилась небольшая группа надежных рабочих, которые моментально разобрали пулемет, сложили по частям в понтонные бочки и закрыли их. Этот смелый захват пулемета оккупантов средь бела дня под носом у часового привел оккупантов в бешенство.

Через несколько минут после обнаружения пропажи пулемета, весь караул был поставлен на ноги, произведен повальный обыск, перевернули буквально весь завод, но пулемета все же не нашли. Обыск продолжался и весь следующий день, но с таким же результатом.

К этому же времени относится другой случай.

Плотником завода РОПИТ—Кретовым было замечено, что на транспорте № 89 «Димитрий» установлен был пулемет на капитанском мостике, о чем было передано тов. В. Петровичу. Петрович совместно с Кретовым, Цветовым и Николенко (последние 3—беспартийные, плотники) решили забрать пулемет. Днем под видом ремонта под'ехали к транспорту № 89, забрали пулемет и ночью его спрятали в плотничном цеху.

Но, несмотря на беспримерную смелость и отвагу отдельных групп рабочих, такие разрозненные вспышки, разумеется, должного эффекта и существенных результатов дать не могли, в виду отсутствия в то время руководящего партийного центра.

Приходится с большим сожалением указать, что партийные организации в период Советской власти, при кратковременном своем существовании, были настолько поглощены работой по организации власти и масс, по выработке мероприятий для оказания сопротивления быстро наступающим, прекрасно вооруженным войскам австро-германского империализма, что им некогда было подумать о выделении из своей среды и оставления в Одессе надежного организованного партийного ядра для правильной постановки подпольной революционной работы, ибо Советской власти в марте 1918 г. пришлось эвакуироваться почти внезапно. Были лишь разрозненные, действовавшие сами по себе, партийцы и осколки Красной Гвардии, друг с другом не связанные, не знающие в чем должны заключаться их партийные обязанности, какие нужно применять методы и формы борьбы с оккупантами.

Кроме этого, существовали на предприятиях отдельные малочисленные группки партийцев, которые также вначале не могли самостоятельно ориентироваться в создавшейся обстановке и пока бездействовали. Часть этих групп концентрировалась вокруг старейшего большевика — дедушки Трофимова, который жил на Пересыпи в доме Трудолюбия. Там же помещалось правление профсоюза металлистов, членами коего состояло абсолютное большинство пересыпских производственных рабочих, для которых, таким образом, дом «Трудолюбия» являлся центром притяжения.

Все партийцы и наиболее сознательная часть беспартийных рабочих были проникнуты горячим желанием организоваться для совместной дружной борьбы как с оккупантами, так и с собственной отечественной буржуазией, но на первых порах никто не знал, в какой форме начать и по какому пути направить эту организационную работу.

Этими причинами и следует об'яснить, как указано выше, то обстоятельство, что в течение первых нескольких месяцев, после эвакуации Советской власти и прихода австро-германских войск, в городе вообще, и на Пересыпи в частности, не было руководящего партийного центра.

Инициатива в деле создания пересыпского районного партийного центра, через предварительную организацию подпольных партячеек на фабрично-заводских предприятиях, принадлежала небольшой группе партийцев судоремонтного завода РОПИТА (ныне имени А. Марти), т.т. Петровичу В., Позднякову Н., Григоржевскому и пишущему эти строки. Мысль и толчок к этому были даны, приехавшими к тому времени из центра, партийными товарищами.

Один из них, т. Леонтий (кличка), после выявленного дедушкой Трофимовым сомнения в правильности предложенных им методов работы, — должен был искать пути для связи с партийными массами и постановки организационной работы. Т. Леонтий, узнав о существовании партийной группы на заводе РОПИТА, быстро связался с нами и дал толчок к работе. Он ознакомил товарищей с директивами Центрального Комитета Партии о необходимости безотлагательной организации и оформления партячеек на предприятиях, созыва в ближайшее время районной партийной конференции, выборов районного комитета для руководства работой и т. д.

Началась лихорадочная организационная работа. То основное, чего не хватало до то времени у оставшихся в Одессе партийных товарищей,—партийное руководство теперь уже осуществлялось приезжими партийцами. Это вселило бодрость в среду распыленных по предприятиям членов партии.

Прежде всего, указанная инициативная группа партийцев, представлявшая из себя бюро партколлектива завода РОПИТА и организатора районного центра, сосредоточила свое особенное внимание на выявлении членов партии на предприятиях Пересыпи, связи с ними и организации партколлективов. Приходилось выявлять на том или ином предприятии одного-двух партийцев. Основательно проинструктировав их, каждому в отдельности давали задание организовать у себя на предприятии партячейку и руководить ее работой.

Само собою понятно, что в подпольное время при безграничном деспотическом владычестве австро-германцев,— особенную трудность представляла работа по выявлении таких товарищей, на которых могло быть возложено партруководство и ведение дальнейшей работы. Жесточайший террор и репрессии привели к тому, что большинство революционных рабочих, замкнувшись в себе, относились вначале чрезвычайно подозрительно и недоверчиво ко всякому, кто пытался организовать и развить подпольную революционную работу. Они проявляли исключительную осторожность, ибо малейшее подозрение оккупантов в принадлежности к подпольной организации влекло за собою жестокие репрессии, вплоть до расстрелов.

Поэтому рабочие-партийцы, к которым обращались представители указанной инициативной группы с заданиями организовать партийную ячейку, далеко не везде сразу брались за эту работу. Нередко приходилось затрачивать не мало времени и энергии на уговоры выявленных отдельных товарищей и проводить среди них основательную агитацию, прежде чем удавалось склонить их к активному участию в работе. С другой стороны, сами организаторы из инициативной группы вынуждены были действовать с величайшей осторожностью. Самая крупная ячейка в то время была на заводе РОПИТА, где насчитывалось около 50-ти человек, выявленных и вовлеченных в организацию членов партии.

Для наилучшей связи руководителей партколлективов с рядовой партийной массой и достижения наибольшего эффекта в работе, были выделены организаторы: в котельном цехе—т.т. Янельский и Морозов, в механическом—Григоржевский, в столярном—Александрович, в плотничном—Петрович, в модельном—я, в малярном—Поздняков, в литейном—Анисимов, в медно-котельном—Вишневский.

Второю по своей численности была партячейка на электростанции, где насчитывалось 16 человек членов партии.

На других предприятиях Пересыпи—мельница Вайнштейна, завод союза городов (ныне «Ораз»), завод Ровенского, Левина, Беллино-Фендриха, Шполянского, Краковщинского, Рестеля, Новороссийский, газовый и т. д. Ячейки имели в своем составе от 3-х до 15-ти человек партийцев.

Организаторами и руководителями ячеек на этих заводах были: на электростанции—т. Будрик, на заводе Ровенского—Кожевников, на мельнице Вайнштейна—Романюк, на заводе «Новороссийск»—Дегтярев, на заводе «Ораз»—Колесниченко. Партруководителей на остальных из перечисленных выше предприятий, к сожалению, сейчас не могу припомнить.

III.

Усиление репрессий. 1-ая районная партийная конференция. Продовольственный кризис. Забастовочное движение. Аресты в рабочих кварталах. Развитие военной работы. Подготовка забастовки солидарности бастующим железнодорожникам. Срыв забастовки меньшевиками.

К тому времени наступление буржуазии на трудящиеся массы разворачивается быстрым темпом. Беспощадно уничтожаются революционные завоевания рабочих. В Киеве, при поддержке австро-германского командования, происходит государственный переворот. Украинская Рада, призвавшая оккупационные войска для «водворения порядка», ими-же раз-

гоняется. Правителем «всея Украины» становится, при помощи немецких штыков, гетман Скоропадский.

На это событие живо реагируют все трудящиеся Одессы. На большинстве пересыпских фабрик и заводов обсуждается этот вопрос, выносится целый ряд энергичных протестов. Не менее энергично реагируют рабочие на предприятиях других районов. Такие же протесты последовали со стороны рабочих джутовой фабрики, жел.-дорожных мастерских и проч. Даже вновь избранный меньшевистский Совет Рабочих Депутатов и буржуазная городская дума откликнулись на это событие, высказав свое отрицательное к нему отношение.

Протесты трудящихся Одессы не замедлили дать свои результаты. Последовали усиленные аресты в рабоч. районах.

Одновременно общее состояние промышленности и прочих отраслей хозяйства г. Одессы ухудшается. На заводе РОПИТА администрация об'явила расчет части рабочих из-за недостаточной загрузки предприятия заказами. Завод Гена, закрытый оккупантами по просьбе владельца, продолжает бездействовать. Администрация делает попытки пустить завод, но пред'явленные ею условия совершенно неприемлемы для рабочих, и профсоюз металлистов отказывается дать санкцию на возобновление работ, об'явив это предприятие под бойкотом. Наглые попытки администрации оказать давление на рабочих доходят до того, что она старается часть работ (по сборке и окраске плугов) проводить силами австрийских солдат.

Заводоуправление Беллино-Фендерих вывесило об'явление о временном закрытии завода. Рабочие 4 недели не получали жалования. Собраться же для обсуждения создавшегося положения их не допустила вооруженная охрана оккупантов, занявших все входы и выходы. Завод закрыли, и на улицу выбрасывается 1500 человек. Истинная же причина этого маневра администрации—нежелание выполнять принятые ею условия колдоговора.

В помещении профсоюза металлистов произведен обыск, забрано все делопроизводство, арестован председатель союза и часть служащих. Продовольственный кризис в городе обостряется. Карточная система по распределению хлеба вызывает крайнее недовольство и волнения среди трудящихся.

В такой обстановке, после подготовительной работы на предприятиях Пересыпи по организации и укреплению партячеек, была созвана в июне месяце 1918 г. 1-ая районная партийная конференция. Присутствовало около 20 человек делегатов, избранных в пропорции 1 на 10 человек рядовых партийцев.

Были представлены почти все фабрично-заводские предприятия (перечисленные выше), где к тому времени успели оформиться ячейки.

Помещение рабочего клуба на Церковной ул., № 4, где происходила конференция, было занято оккупантами сейчас же после их вступления в Одессу. Но незадолго до созыва конференции удалось, при энергичной поддержке профсоюза металлистов, очистить клуб от австро-германских войск. Соответствующие конспиративные меры предосторожности были приняты. О месте конференции было сообщено делегатам за два часа до ее начала. На все время работы конференции были расставлены на улице пикеты. Заведующим клубом был выделен, ныне покойный, т. Виктор Конечко.

Основная часть работы конференции прошла по линии разработки организационных вопросов и выработки мероприятий по укреплению ячеек, углублению их работы, организации боевых дружин и пр. В работе конференции принимал участие представитель Областного комитета партии т. Кин (кличка).

В районный комитет были избраны В. Петрович, В. Конечко, Н. Поздняков, Романюк и я. Обязанности были распределены следующим образом: председателем комитета был выделен я. Кроме того, мне было поручено также ведение военной работы и связи с Областным комитетом. Организационная работа и обязанности казначея были возложены на т. В. Петровича, обязанности секретаря на т. Конечко, В. На т. Н. Позднякова было возложено руководство работой политического Красного Креста, т. Романюк выполнял разные задания комитета. Т. Кин принимал постоянное участие в повседневной работе райкома.

Вскоре после конференции был кооптирован в помощь мне для постоянного ведения военной работы активнейший член партии Вишневский, рабочий завода РОПИТА.

Заседания комитета, проводившиеся с должными конспиративными предосторожностями, устраивались обычно на квартирах членов райкома,—у меня, у т. Петровича, Романюка и друг.

На заседаниях у нас ставились и обсуждались следующие вопросы: а) развитие и выработка форм работы среди рабочих масс, б) развитие военной работы, организация боевых дружин, вооружение их, в) анализ развѣдывательных сведений и выработка на этой основе планов и заданий на ближайшее время, г) изыскание источников к увеличению финансовых средств, д) доставка и распространение подпольной литературы, е) организация политического Красного Креста, ж) обсуждение директив областного комитета, з) выделение и обсуждение кандидатур на партийные конференции, с'езды и т. д.

Вполне уместно здесь подчеркнуть, что дисциплина в нашей парторганизации была во всех отношениях образцовой и поддерживалась на должной высоте самими партийцами, без всякого нажима со стороны комитета. Но, тем

не менее, для того, чтобы ввести порядок в дело учета членов партии и уплаты ими партвзносов, и, главным образом, для большего укрепления сплоченности и дисциплины, всем партийцам выдавались, весьма примитивные по своей форме, партбилеты. Они представляли из себя нечто вроде визитной карточки; на одной (лицевой) стороне указывался № партколлектива и кличка партийца, другая сторона была разбита на 6 граф, занумерованных римскими цифрами по порядку. Эти графы означали соответствующие месяцы. Уплата членских взносов особым образом отмечалась в соответствующей графе. Такая весьма загадочная форма партбилетов была выработана нами из соображений конспирации. Весьма трудно было непосвященному человеку догадаться, что такая маленькая карточка с одним только именем (кличкой) и цифровыми обозначениями представляла из себя билет члена коммунистической партии. Партколлективы, организованные на предприятиях, обозначались в партбилетах под тем или иным номером: партколлектив завода РОПИТ значился в райкоме и на партбилете под № 1, электро-станция под № 2, мельница Вайнштейна под № 3 и т. д.

Районный партийный комитет сосредоточил свое основное внимание на проведении мероприятий по дальнейшему охвату ячейками партийцев, вовлечению наиболее стойких рабочих в партию и привлечению их к активной подпольной работе.

В отношении выявления партийцев, еще неохваченных ячейками, большую помощь оказали найденные у одного из наших товарищей, В. Конечко, анкеты, которые заполнялись партийцами в легальное время в период существования в Одессе Советской власти. В этих анкетах были указаны их адреса и на каких предприятиях они работают; по этим данным мы разыскивали членов партии, если только они не эвакуировались, и втягивали их в работу.

Из числа беспартийных рабочих, преданных делу пролетарской революции, втянутых в партию во время подполья, особенно нужно отметить рабочего завода РОПИТА, котельщика т. Кудерского, который настолько выделился своею активностью, что с приходом Советской власти в апреле 1919 г. он был назначен заведующим Губнаробразом.

С областным партийным комитетом пересыпский райком установил и все время поддерживал непосредственную связь, получая от него общие директивы и руководящие указания.

Соответствующее внимание райком обратил и на работу в пригородных селах: Нерубайском, Усатове и Куяльнике, где удалось через т. Бараца организовать партячейку, насчитывающую до 25-ти чел.—членов партии, преимущественно из проживающих там рабочих каменоломен. Кроме них входила также в ячейку часть живущих в этих

селах рабочих городских предприятий и несколько крестьян.

Все партколлективы регулярно получали в райкоме газету, листовки, воззвания и проч. Для установления более тесной связи с рабочими массами и непосредственного руководства ими, райком дал задание всем ячейкам предпринять энергичные шаги к тому, чтобы на очередных выборах провести в завкомы активных, популярных среди масс партийцев, а в отдельных случаях добиться того, чтобы партийцы были кооптированы для работы в завкомах.

Эти задания выполнялись ячейками довольно успешно. На большинстве предприятий удалось провести своих ребят в фабрично-заводские комитеты. На заводе РОПИТА, например, партколлектив выдвинул мою кандидатуру и, после проведения продолжительной работы на очередных выборах, я прошел в председатели завкома (конец 1918 и начало 1919 г.).

Сосредоточение внимания районного партийного комитета на усилении руководства рабочими массами в этот период (июнь—июль) было весьма своевременным, ибо как раз тогда выявилась особенная необходимость в таком непосредственном руководстве со стороны парторганизации.

Усиливающийся острый продовольственный кризис, с одной стороны, и широкое энергичное наступление буржуазии на рабочий класс, с другой,—вызвал серьезные осложнения. Несмотря на то, что с каждым днем росла дороговизна и реальная заработная плата рабочих фактически быстро понижалась, владельцы предприятий всячески делали попытки еще больше снизить заработок рабочих. Помимо этого, они старались воспользоваться любым предлогом, чтобы так или иначе отказаться от выполнения условий по колдоговорам.

На этой почве по городу прокатилась волна забастовок. Снова прекратили работу кожевенники в количестве 1500 человек, рабочие хлебопекарен, лесопильного завода на Пересыпи и друг. Также продолжал еще бездействовать завод Гена. А оккупанты, под руководством и по указке предпринимателей, не замедлили воспользоваться этим случаем, чтобы сделать попытки выловить и запрятать в тюрьмы наиболее активных, революционных рабочих. Снова прошла полоса усиленных арестов в рабочих кварталах.

Вся подпольная партийная организация в Одессе и наш райком, в частности, не могли не понимать, что, для организации должного отпора противнику в нужный момент, необходимо проводить не только агитационно-пропагандистскую и организационно-партийную работу. Представлялось настоятельно необходимым обратить серьезное внимание на усиление военной работы.

Основные задачи в области развития и укрепления военной работы сводились к организации боевых дружин из партийцев и надежных, преданных делу революции, бес-

партийных рабочих. На обязанности этих дружин лежало выполнение отдельных боевых заданий партийного комитета, а в нужный момент они должны были составить основное ядро по организации восстания и захвата власти.

Руководители военной работы были заняты формированием этих дружин на предприятиях, снабжением оружием, взрывчатыми веществами и пр. Все дружины на местах разбивались по десяткам; руководителями этих десятков назначались наиболее надежные испытанные товарищи.

Основа военной работы пересыпской районной партийной организации была сосредоточена на заводе РОПИТА. Там в боевую дружину входило пять десятков стойких рабочих, из коих три десятка состояли, главным образом, из рабочих котельного цеха, которыми руководили, так называемые десятники,—т. т. Г. Мельничук, Ягельский, Смагин, Горелов П. и Морозов Я. Во главе шестого десятка, состоявшего из рабочих различных цехов (сборного), стоял т. Н. Александрович. В состав этого десятка входили боевые товарищи: Косткин, два брата Шкутовы, Чумаченко, Чебанов, Кащук, Левченко и др.

Почти у всех дружинников было оружие (винтовки, бомбы, патроны и пр.), которое пришлось на время, в виду проводившихся оккупантами повальных обысков, запрятать. Обычно оружие закапывали в надежных местах. В виду этого, решено было вооружить всех дружинников револьверами, как более удобным, в условиях подпольной работы, оружием. Денежными средствами для приобретения револьверов и патронов снабжал нас, в пределах возможности, областной партийный комитет через т. Макара.

Из других предприятий, где были организованы боевые дружины, следует отметить:

1. Электростанцию, где дружины насчитывали 20 человек партийцев и беспартийных, из бывших красногвардейцев. Руководителями (десятниками) были т.т. Козак и Демурат.

2. Завод союза городов («Ораз»), где дружина имела, кроме револьверов, около 100 винтовок, 30 бомб и много патронов. Все это оружие хранилось на чердаке одного дома, на 5-ой ул., на Пересыпи.

3. Пригородные села—Нерубайское, Усатово и Куяльник, сформировавшие крепкую дружину, насчитывавшую 35 человек. Все они были хорошо вооружены, имели также достаточное количество запасного оружия и патронов. В отношении хранения оружия там дело обстояло значительно лучше, ибо каменоломни с бесчисленным количеством ходов представляли прекрасные хранилища боевых припасов.

Т. Вишневский, кооптированный райкомом для постоянной работы в военном отделе, проявлял себя довольно активным партийцем. С должной энергией и настойчиво-

стью он старался развивать работу по организации новых боевых дружин, снабжению их оружием и т. д. Райком предполагал на ближайшей конференции выдвинуть его кандидатуру в члены комитета.

Но впоследствии, еще до конференции, товарищи стали замечать, что он начал часто появляться в пьяном виде, а это обстоятельство, понятно, в подпольное время представляло серьезную угрозу срыва работы из-за нарушения под пьяную руку партийной конспирации.

Его усердие в работе, вероятно также на почве пьянства, доходило до того, что он временами проявлял стремление использовать для военной работы полу-бандитские элементы, с которыми он иногда приходил в места конспиративных явок, в частности, на Церковную ул., № 4.

Как известно, во второй половине июля на Юго-Западных дорогах, а затем по всей Украине вспыхнула забастовка железнодорожников.

Гетманское правительство и командование австро-германских войск, очевидно, не предполагали, что рабочие железнодорожники, приведут свою угрозу в исполнение. Забастовка их настолько ошеломила, что они, совершенно растерявшись, первые два-три дня старались уговорить железнодорожников приступить к работе, обещая принять меры к выдаче им жалования за все прошлое время и проч. Сам командующий оккупационными войсками, генерал фон-Бельц, явился в сопровождении градоначальника генерала Мустафина на собрание железнодорожников и выступил с призывом приступить к работе.

Но, столкнувшись с непоколебимой твердостью забастовавших рабочих, оккупанты совместно с украинскими властями обрушились целым рядом неслыханных репрессий. Производились массовые аресты железнодорожников, делались попытки силой оружия заставить их возобновить работу. Постоянные облавы на квартиры железнодорожников в Одессе стали обыденным явлением. Исключительная стойкость железнодорожников приводила в восхищение весь одесский пролетариат. Областной партийный комитет решил, для оказания моральной поддержки бастующим, об'явить в конце июля — начале августа в Одессе всеобщую забастовку солидарности.

Пересыпский райком по заданиям Областкома повел предварительно в этом направлении энергичную агитацию среди рабочих пересыпских фабрик и заводов, распространяя листовки и пр. Забастовка была назначена на 9 часов утра. Было обусловлено заранее, что сигналом к прекращению работы в пересыпском районе послужит тревожный гудок завода РОПИТА. Об этом было подробно указано в последних листовках, которые были распространены среди рабочих в день забастовки к 7-ми часам утра в большом количестве.

Эти листовки для всех предприятий города получил я с т. Вишневским в типографии на Ланжероновской ул., № 30, в день забастовки рано утром. Тут же в типографии я дал т. Вишневскому партию листовок, которые он отнес в молдаванский район (с привокзальным). Другую часть листовок, в количестве 3-х свертков, весом около пуда каждый, для остальных районов Пересыпи, порта и города я повез на извозчике к себе на квартиру в Валиховский пер., № 6, куда должны были явиться товарищи, назначенные для распространения их.

По простой случайности листовки были тщательно запакованы оберточной бумагой в 5—6 слоев. По дороге, на Херсонской ул., возле драматического театра Сибирякова, вартовой остановил меня. Он, видимо, и не предполагал, что в действительности находится в этих пакетах, и, вероятно, принял меня за спекулянта, везущего какие-то ценные товары для спекуляции, так как за несколько дней до этого гетманские власти отдали приказ своей варте принять меры борьбы со спекуляцией. Вартовой обратился ко мне с вопросом: «Что везешь?»—«Оберточную бумагу»,—ответил я, приготовившись одновременно к тому, чтобы в случае обнаружения истины, спасти положение. Держу в кармане наготове револьвер и не без волнения смотрю, как мой «приятель» пытается посмотреть, что в действительности находится в этих пакетах. Разорвав три слоя оберточной бумаги, он убедился, видимо, в моей «честности» и отпустил меня.

Таким образом, литература была довезена благополучно ко мне на квартиру и через поджидавших меня товарищей была немедленно направлена на заводы. Для пересыпского района и порта листовки взял т. Петрович, для городского района т. Оксман (Величко).

После раздачи листовок, часам к 8-ми утра, я с т. Вишневским от районного партийного комитета явились на завод РОПИТА с предложением завкому начать забастовку в 9 час. утра и дать гудок для прекращения работ на других предприятиях. Однако, бывший тогда предзавкома Энгельгардт, в присутствии всех остальных членов завкома, начал доказывать нецелесообразность этого мероприятия, указывая одновременно на то, что в случае проведения всеобщей забастовки посыпятся на рабочих еще более жестокие репрессии, а, главное, что его, Энгельгардта, в первую очередь повесят (его слова). Несмотря на наши увещевания, он все же отказался принять меры к проведению забастовки, вселив своими паническими аргументами малодушие среди остальных членов завкома.

Столкнувшись с этим совершенно неожиданным для нас препятствием, мы с т. Вишневским решили действовать самостоятельно. Настроение рабочей массы было, в общем, в пользу забастовки, нужно было только в условлен-

ный час дать гудок. Мы бросили жребий, кому идти давать гудок. Жребий пал на т. Вишневского. Бросился он в кочегарку, открыл кран гудка, но гудок оказался разобранным.

Меньшевики-предатели, зная нашу большевистскую настойчивость и твердость, заранее предугадали, что мы и без них постараемся выполнить свои задания, и поэтому «заблаговременно» позаботились о срыве забастовки, которая имела в той обстановке колоссальное значение. Очевидно, меньшевики в деле срыва забастовки действовали организованно в общегородском масштабе, ибо как раз в те дни было опубликовано в газетах воззвание Совета Профсоюзов и фабзавкомов, в котором рабочих уговаривали не поддаваться призыву к всеобщей забастовке, ссылаясь на тяжелые последствия в смысле репрессий оккупантов.

IV.

II-ая Районная Партийная Конференция. Рост революционного настроения рабочих масс. Наступательные действия рабочих. Преследования рабочих. Подготовка взрыва штаба австро-германского командования. Падение дисциплины в австро-германских войсковых частях, в связи с революцией в Германии.

В сентябре месяце 1918 г. была созвана на Пересыпи II-ая районная партийная конференция. Работы конференции проходили в доме № 14 по Нарышкинскому спуску, в винном погребе. Технически конференция была обставлена по всем правилам конспирации: на улице дежурили пикеты, зорко следившие за движением всего, что могло бы представить для нас какую-либо опасность.

В самом погребе, в отдельной задней комнате, мы были окружены массой винных бутылок, стараясь ничем с виду не отличаться от обычных завсегдатаев такого рода заведений. Присутствовало до 20-ти человек делегатов от всех партколлективов Пересыпи. В работе нашей конференции принимал участие член Областкома т. Георгий (Исаак Крейзберг), который сделал доклад о международном положении.

Кроме того, был заслушан и обсужден отчет районного комитета и проведены выборы нового комитета и делегатов на ближайшую областную партконференцию. В райком были избраны: я, Петрович, Кин и др. Вишневский в члены райкома не прошел.

Вскоре после этого было созвано совещание по вопросу о созыве областной конференции. Присутствовали т. т. Ян Гамарник, Георгий, Фаня Шатан, Лазарь, я и друг. После конференции пересыпский райком попрежнему неустанно продолжал выполнение своих задач по расширению и укреплению работы в организационной, агит-пропагандистской и военной областях.

Проделанная парторганизацией до того времени работа, с одной стороны, и все усиливающийся хозяйственный кризис, с другой, — к тому периоду (сентябрь—октябрь) начинают сказываться. Настроение в среде рабочих масс становится все более и более революционным, боевым.

На некоторых заводах рабочие уже дают решительный отпор предпринимателям и кое-где сами переходят в наступление. Рабочие слесарного цеха завода РОПИТ отказались от сдельных и сверхурочных работ, в виду отказа администрации удовлетворить их требования о надбавке на дороговизну. Литейный цех совершенно прекратил работу впредь до удовлетворения заводоуправлением аналогичных требований (надбавки на дороговизну). Эти наступательные действия рабочих приводят в неистовство предпринимателей.

Вопрос о настроениях рабочих завода РОПИТА и их требованиях срочно переносится на рассмотрение совета членов РОПИТА (Русского О-ва Пароходства и Торговли). Последний выносит постановление немедленно закрыть завод с увольнением всех рабочих и служащих, если не прекратятся эти «ненормальности». Администрация вывешивает по этому поводу об'явление, в котором угрожает привести в исполнение в недельный срок указанное решение совета РОПИТА, если рабочие не «облагоразумятся».

Чернорабочие «Новороссийского» завода об'явили забастовку из-за отказа администрации в надбавке на дороговизну. Вскоре к этому требованию присоединяются остальные рабочие этого завода. Администрация упорствует и в предупреждение забастовки сама об'являет локаут и расчитывает всех рабочих. Завод приостанавливает свою деятельность в то время, когда некоторые цеха завалены заказами. Рабочие, считая себя неудовлетворенными, отказались в виде протеста от получения расчета. Места уволенных об'явлены профсоюзом «Металлист» под бойкотом.

На заводе Ровенского, по личному распоряжению самого владельца, расчитана группа рабочих за «непригодностью». Истинная причина увольнения этих рабочих заключалась в том, что они были наиболее стойкими вожаками в деле защиты интересов всей рабочей массы. Все рабочие выносят по этому поводу энергичный протест и угрожают общей забастовкой.

На других предприятиях города положение нисколько не лучше.

На заводе Вальтуха резко изменилось к худшему отношение к рабочим со стороны администрации, которая расчитала 10 человек неугодных ей рабочих без об'яснения причин. Забастовка на канатном заводе продолжается; администрация по-прежнему упорствует, не желая удовлетворить требований рабочих. Последние с непоколебимой твердостью стоят на прежних своих позициях. Напряженное по-

ложение в рабочих кварталах и в городе сильно нервирует командование оккупационных войск. Все чаще публикуются грозные приказы, предостерегающие рабочих от каких-либо выступлений. Империалисты угрожают расправиться с восставшими безжалостным образом, не останавливаясь даже перед разрушением артиллерийским огнем тех частей города, где будут проявлены попытки к восстанию.

Рабочих, уличенных в распространении большевистских листовок среди немецких и австрийских солдат, расстреливают беспощадно на месте без суда. Эти усилившиеся репрессии и казни не могли не остановить на себе внимания партийных организаций.

На одном из очередных заседаний райкома, по отчету о военной работе, зашла речь о возникшей идее в Областном Комитете партии взорвать Воронцовский дворец, где находился штаб австро-германского командования. Это мероприятие должно было вызвать смятение в рядах оккупационных войск, деморализовать их насколько возможно и поднять настроение рабочих масс.

Проведение в жизнь этого решения взял на себя пересыпский райком. Предварительно нужно было составить план и изыскать необходимые средства (деньги и взрывчатые вещества). Насколько я припоминаю, план был выработан приблизительно следующий.

Предположено было проникнуть под здание Воронцовского дворца через имеющиеся в Одессе многочисленные подземные ходы (катакомбы). Для этого нужно было прежде всего отыскать тот именно ход, который мог бы нас привести под указанное здание. Помнится, мы предприняли обследование этих катакомб, нашли один ход на Софиевской ул. возле архиерейской церкви; но его пришлось бросить, потому что он своим продолжением вел в противоположную от дворца сторону. Стали искать другие ходы, более близкие к этому зданию. Для того, чтобы, находясь в катакомбах, можно было определить местонахождение Воронцовского дворца, предполагали использовать компасы и другие измерительные приборы.

Параллельно с этим были предприняты шаги к тому, чтобы раздобыть необходимые сильно-действующие взрывчатые вещества. По плану предполагалось, в случае удачи проведения подготовительных мер, зацементировать наглухо место установки взрывчатых веществ, чтобы вся сила взрыва была использована для намеченной цели.

Вторая часть задачи—получение взрывчатых веществ—сравнительно скоро и удачно была выполнена. Удалось добыть из артиллерийских складов, расположенных на Стрельбищном поле, насколько помню, через своего, тов. Безрукого, два полу-пудовых фугаса, большое количество пироксилиновых шашек и бикфордова шнура. Это «лекарство» мне принес на Пересыпь в условленное место т. Чебанов, и я его

отнес на квартиру к близживущим т. т. Коскину и Цимбалу П. на временное хранение.

Но в самый разгар подготовительных работ к взрыву вспыхнула в Германии и Австрии революция. В рядах австро-германских войсковых частей заметно пала дисциплина. Потрясенный разворачивающимися событиями, закоренелый монархист, главнокомандующий австро-германскими войсками, генерал фон-Бельц кончает самоубийством.

При таком положении вещей проведение в жизнь плана взрыва немецкого штаба, разумеется, отпало.

Военный отдел райкома, которому поручалось выполнение такого рода задач, самостоятельной разведки не имел. Для ориентировки мы пользовались материалами разведки Областкома через т. Юренкова, который вместе с т. Южным был выделен из пересыпского райкома для постоянной работы в разведке военного отдела Областкома. Материалы разведки носили характер информации о положении дел на фронтах, о расположении войсковых сил неприятеля в городе, вооружении его, численности, расположении пунктов фельд-жандармерии и проч.

Мне вспоминается содержание одной из таких информационных сводок. Чтобы создать впечатление большой численности своих войск, командование оккупантов проделывало следующее: воинский эшелон доставлялся на ст. Одесса-Главная, солдаты выстраивались на вокзале, оттуда с музыкой проходили через весь город в рабочие районы, а затем подходили к Тираспольской заставе, там усаживались на поджидавший их поездной состав, приезжали снова на ст. Одесса-Главная и проделывали тот же маневр сначала.

Еще до ухода немцев из Одессы военный отдел райкома решил, чтобы некоторым образом воспрепятствовать вывозу оккупантами из порта различного ценного имущества в Германию и Австрию, либо взорвать мост, либо устроить крушение одного из поездов по ветке, ведущей от порта к главной ж. д. магистрали. Т. Котолуп-Скарлато, которому было поручено выполнить это задание, не заставил себя ждать и на 7-ой версте пустил под откос шедший поезд.

Помимо этого, военный отдел проводил различную более мелкую работу, которая была направлена как к нанесению ударов противнику, так и к боевой закалке наших дружинников.

V.

III-я Районная Партконференция. Массовые аресты. „Достойная" встреча трудящимися Одессы новых оккупантов. Агитационная работа парторганизации среди французских войск. Наростание боевого настроения рабочих. Конец владычества оккупантов. Установление Советской власти.

В конце октября или в начале ноября 1918 г. (точно не помню) была созвана III-я районная партийная конферен-

ция для обсуждения, главным образом, создавшегося положения в связи с уходом австро-германских войск и предстоящим прибытием войск «доблестных союзников» русского царизма.

В момент открытия конференции (в доме «Трудолюбия», на 3-м этаже, в классной комнате), когда почти все делегаты были в сборе, в дверях появился неизвестный мужчина высокого роста, в серой шинели, и моментально исчез. Подозревая в неизвестном шпика, мы послали одного товарища за ним проследить, куда он пойдет. Этот «незнакомец» перешел железнодорожное полотно и направился к Херсонскому полицейскому участку. Мы немедленно покинули свое «убежище» и перешли в чайный трактир, помещавшийся на Приморской ул. в одно-этажном дряхленьком домике, расположенном против Военного спуска (в настоящее время домик снесен). Конференция закончилась выборами районного комитета, куда вошли Кин, Антонов, Петрович, Н. Александрович и Васильев. Я снял свою кандидатуру, в виду перегруженности работой по заданиям Областкома.

Спустя несколько дней после конференции, в связи с провалом нашей разведки на Французском бульваре и одной из подпольных типографий, начались массовые аресты как среди партийных, так и беспартийных работников. Из членов пересыпской организации были тогда арестованы т.т. Южный, Смагин, дед Трофимов с внучкой, я и ряд других работников.

Аресты как раз совпали с приходом союзных войск. По этому поводу градоначальник в своем воззвании к населению просил не ограничиваться оффициальной встречей союзников, «но оказать дорогим гостям сердечное радушие, гостеприимство и полнейшую предупредительность». Эти аресты, а также желание «достойно» и «с почестями» встретить прибывающие французские и английские оккупационные войска вызвали идею организации всеобщей политической забастовки.

Бездействовало в течение двух дней большинство фабрик и заводов, электро-станция, трамвай, газовый завод, пароходства, магазины, аптеки; не вышла ни одна газета. Хотя кое-какие группы трудящихся не примкнули к забастовке, в силу того, что некоторые завкомы на предприятиях не освободились еще полностью от влияния социал-предателей, все-же удалось добиться реальных результатов; большинство политических заключенных было выпущено из тюрьмы.

Основное внимание партийной организации в этот период было сосредоточено на ведении энергичной агитации среди новых оккупационных войск, французских и греческих, и на подготовке восстания и захвата власти.

С целью облегчения борьбы с распространяющимся на Украине петлюровским движением, в декабре 1918 г., по предписанию Областного комитета, пересыпский район выделил 10 товарищей (Юренкова, Скупейко, Фирсова, Руденко Б., Бойко и др.) и направил их для работы в петлюровской армии, с целью разложения ее изнутри.

Большая часть агитационной работы среди союзных войск приходилась на долю пересыпского райкома в виду того, что они (войска) были расположены, главным образом, на Пересыпи и в порту. Агитация среди французов и греков велась вначале, главным образом, путем распространения революционной литературы на их родном языке, которую мы разбрасывали в местах расположения войск.

В этой работе особенной энергией и активностью отличались т.т. В. Петрович, Будрик, Фомко, Н. Поздняков и Ягельский. Использовывались для указанной работы все возможности.

По поручению комитета т. Петрович в первые дни прихода французов решил установить с ними непосредственную связь. Он явился как-то на электро-станцию и при помощи т. Будрика разбросал среди охранявшего станцию французского караула первую партию листовок. Помню, некоторые из них начинались словами:

«Солдаты и матросы, что вы тут делаете? Вы обмануты и идете против своих братьев».

Эти листовки были брошены в качестве «пробного шара» и, как-будто, произвели благоприятное впечатление. Тогда было решено завязать с французами живую связь, что дало-бы возможность работать среди них живым словом.

Тов. Будрик начал устраивать у себя на квартире (по Московской ул., № 43) «веселые вечеринки». Привлекая к участию живших по соседству (во дворе) нескольких девушек, он приглашал на эти вечеринки французских солдат, части которых (танковые отряды) были расположены недалеко. Об'яснялись преимущественно мимикой. Но, конечно, во время каждого посещения квартиры Г. Будрика французами, их обильно «нагружали» подпольной литературой для распространения в своих частях.

На квартиру к тов. Будрику стал ходить тов. Жак-Елин, активнейший работник подполья, член иностранной коллегии. Он прекрасно говорил на простонародном французском языке. Его отрекомендовали солдатам, как рабочего электро-станции, жившего ранее во Франции. Он завязал с ними тесное знакомство, и его агитация, в форме оживленных бесед на «вечеринках», давала большие положительные результаты. Дальнейшую работу среди солдат он проводил уже вне квартиры т. Будрика, из боязни провалить ее. Встречи с французами у него происходили во дворе самой танковой базы (на заводе «Кейса») и в буфете на Московской ул.

Впоследствии т. Жак перенес свою деятельность на французские военные суда, где он с большим успехом, переодеваясь матросом, вел работу по разложению военных моряков. Бунт на французском броненосце «Мирабо», несомненно, результат работы иностранной коллегии.

Французская контр-разведка, видя разлагающее влияние агитационной работы среди своих солдат, распространявшееся с колоссальной быстротой и силой, особенно среди моряков, не могла не заняться усиленным розыском агитаторов. Очевидно, ей стали известны главные виновники разрушения ее армии, и 1-го марта 1919 года, тов. Жак был арестован и в ту же ночь без всякого суда зверски расстрелян в поле, возле тюрьмы, вместе с 9-ю другими работниками иностранной коллегии Областкома.

Наши работники на Пересыпи старались не упускать ни одного случая для проведения революционной работы в той или иной форме. Из города часто приходили войсковые части французов на электростанцию купаться в банях, ибо в городе все бани были закрыты. Т. Будрик, работавший на электростанции, как гостеприимный и приветливый хозяин, не мог отпустить своих посетителей без «гостинцев». Он во время купания солдат основательно набивал их карманы подпольной литературой. Некоторые из солдат впоследствии сами приходили на электростанцию за новой литературой.

Выполнение задания по распространению подпольных листовок и газет в военном флоте и среди иностранных торговых моряков возлагалось также на партийцев судоремонтного завода РОПИТ. Ежедневно по утрам катер «Баламут» развозил рабочих этого завода по всему порту, от Военного до Карантинного мола, для производства мелкого текущего ремонта на судах по месту их стоянки. Если среди этих рабочих попадались партийцы или надежные беспартийные ребята, партколлектив обязательно использовывал их для распространения нелегальной революционной литературы.

Уже в начале марта м-ца 1919 г. у рабочих большинства пересыпских предприятий настроение было настолько боевым, что их с трудом иногда удавалось удерживать от выступлений. На электро-станции французский караул был заменен греческим в виду того, что первый был окончательно распропагандирован и признан «ненадежным». Среди греков нам не удалось повести соответствующим образом работу из-за отсутствия партийцев, знающих греческий язык.

Греческие солдаты по вечерам арестовывали проходящих рабочих и избивали их. Были арестованы и избиты плотник Богачев и пом. машиниста Синица. Рабочие станции вынесли энергичный протест и потребовали немедленного удаления греческого караула, угрожая в противном

случае забастовкой. Требование рабочих было выполнено командованием союзных войск, и взамен греков был поставлен караул из зуавов.

Наш политический Красный Крест, назначение которого состояло в облегчении участи арестованных товарищей, путем передачи им пищи, денег и пр., в предоставлении денежных средств для срочного выезда из города товарищам, которым угрожал арест и т. д., оказывал также помощь арестованным французским солдатам. Военная гауптвахта была устроена оккупантами на Приморской ул., № 65, куда наши товарищи и направляли свою помощь. Этот вид работы играл большую роль в деле «обработки» тех солдат, которые получали от нас помощь. Заботливость, проявленная парторганизацией в отношении арестованных солдат, сразу привлекала их к нам.

Колоссальная работа, проведенная в направлении разложения оккупационных французских войск, не могла не дать своих результатов. Французское командование не решилось послать свои войска на фронт для отражения наступления красных, стремительно двигавшихся на Юг. Для этой цели они были уже слишком ненадежны.

В средних числах марта, в связи с занятием советскими войсками Херсона и Николаева и рядом поражений белогвардейцев на других участках фронта, местное командование оккупационных и русских белых войск, чувствуя к тому же разложение в рядах одесского гарнизона, до того растерялось, что для нашей парторганизации создалась возможность вести работу полулегально. Центр военной работы был перенесен на завод РОПИТА, где я состоял председателем заводского комитета.

Уже чувствовалось приближение конца владычества оккупантов различных мастей на Украине и, в частности, в Одессе. Иностранные империалисты и вместе с ними остатки русских белогвардейцев, потеряв всякую надежду «уничтожить большевизм», сосредоточили свое внимание на том, как бы с меньшими потерями и ущербом эвакуироваться.

Эти безмозглые политики испытали на собственной шкуре могущественную силу большевизма, с которой не в состоянии были справиться никакие орудия истребления. Все эти танки и другие смертоносные орудия они теперь должны были спешно увозить, рискуя, в случае промедления, оставить их большевикам.

Для эвакуации империалисты старались забрать все сколько-нибудь пригодные русские суда, стоявшие в порту на заводе РОПИТА в ремонте. В силу этого главной задачей военной организации нашего района становится изыскание способов к тому, чтобы всячески воспрепятствовать уводу судов из Одессы.

Прежде всего Райком об'явил все ударные группы мобилизованными и дал им распоряжение в ночное время, под видом охраны технических сооружений (док, электростанция и др.), изыскивать удобные моменты для потопления судов, захвата имущества у греков и французов (последнее делалось даже днем).

Порча судов началась с парохода «Вече» (ныне «Ильич»). Приблизительно дней за 10 до прихода советских войск, в Одессу к пароходу «Вече», стоявшему на ремонте в заводской бухте, подошел французский тральщик. Командир тральщика, удалив предварительно всех рабочих с парохода, производивших на нем ремонт, отдал распоряжение своей команде рубить концы, намереваясь уже потянуть судно на буксире, как видно, для посадки эвакуировавшейся буржуазии.

По моему предложению, заводоуправление добилось разрешения у командира тральщика дать рабочим доступ на пароход «Вече», чтобы забрать оттуда заводские инструменты (такелажные, пневматические и пр.). Вместе с группой рабочих был послан на судно знающий устройство кингстонов беспартийный рабочий, который при помощи машинной команды открыл левый кингстон. Рабочие собрали свои инструменты и быстро сошли на берег. Через 15 минут пароход дал сильный крен на левый бок, и французы вынуждены были, переговорив предварительно сигнализацией со своим начальством, уйти не солоно хлебавши. Мы эту картину наблюдали с крыши одного из заводских цехов.

Одновременно у нас возникла мысль потопить пару старых барж у входа в адмиралтейство (заводскую бухту), дабы этим самым на время прекратить доступ оккупантам к нам на завод и лишить их возможности выводить стоявшие у нас суда. Как ни странно, на заводе не было в то время иной вооруженной силы, кроме наших вооруженных дружинников.

С этою целью мы через пару дней после «ранения» «Вече» ночью, подняв пары на одном из заводских катеров, пытались подвести баржу к входу в бухту и потопить ее. Но произведенная предварительно разведка установила, что недалеко от этого места в море стоит неприятельский крейсер и все время наблюдает при помощи прожектора за движением в заводской бухте. В силу этого пришлось наш план отбросить. Тогда, по плану т.т. Кудерского и Смагина, было решено топить наполовину суда, путем обрубки ряда заклепок подводных кормовых частей судовых корпусов, наполняя водой кормовые трюмы и кочегарки. Суда эти от таких манипуляций «становились на дыбы» и отказывались следовать за доблестными союзниками. Одновременно они разобрали и припрятали некоторые части золотниковых коробок плавучих кранов.

Указанная работа была проведена в ночное время т.т. Кудерским, Смагиным, В. Носовым и бр. Н. и Г. Петерсонами. Они одновременно сгоняли на берег всех моряков, находившихся на этих судах, действуя в соответствии с воззванием профсоюза моряков об оставлении всеми членами профсоюза моряков своих судов.

Все эти мероприятия были совершенно правильно рассчитаны на то, что в такой острый для белогвардейцев и иностранных империалистов момент, когда почва под их ногами становилась слишком шаткой и их пребывание в Одессе исчислялось днями и часами, они не могли организовать под'ем и ремонт полузатопленных судов и набор команд для их обслуживания. За 5—6 дней до вступления советских войск в Одессу, революционные моряки затопили пароход «В. К. Ксения», стоявший в порту и готовый к отплытию с продовольствием и убегавшей буржуазией.

Перед самым уходом белых начались кое-где в порту грабежи. Разграблению подвергалось имущество и продовольствие, которое бросали империалисты. В виду этого мы выставили вооруженные караулы по всему порту от Нефтяной гавани до Карантинного мола включительно, для поддержания порядка и охраны брошенного добра. Все боевые дружины, организованные в свое время на предприятиях Пересыпи, были теперь мобилизованы. Под ружьем на заводе РОПИТА, где был боевой штаб пересыпского райкома, находилось постоянно в резерве 75 человек.

Одновременно мы установили связь с наступающими на Одессу советскими войсками, указывая им наилучшие пути наступления. Уже 6-го апреля 1919 г. мы, во главе делегации из 300 человек рабочих-дружинников, вооруженных винтовками, с оркестром музыки, встречали головные красные войсковые части. С этого дня кончается наше подполье и начинается лихорадочная работа по строительству и укреплению органов диктатуры пролетариата.

В заключение считаю не лишним указать, что наша пересыпская районная партийная организация имела весьма существенный (если не наибольший) вес в работе одесского областного комитета, как в смысле выполняемой работы, так и в смысле количества и качества самой организации. Ни одна общегородская конференция не проходила без полного представительства пересыпского района и существенного влияния на общий ход работ.

Наконец, нужно отметить, что несмотря на исключительные трудности, которые встречала на своем пути пересыпская парторганизация в дни подполья, не было ни одного провала за время немецкой и союзной оккупации. Это благоприятное обстоятельство мы считаем себя вправе отнести за счет хорошего подбора подпольных работников и крепкой революционной спайки в их среде.

А. Агаларов.

Морской район в подполье 1918—19 г.г.

I.

Морской район одесской организации КП(б)У был создан в июле 1918 года по инициативе одесского Областкома КП(б)У и трех т.т. моряков-коммунистов, пишущего эти строки,—Бориса Гумперта (Гриб) и Андрея Рудковского, вернувшихся в Одессу после эвакуации флота и отступления от австро-германских оккупационных войск.

До организации морского района рабочие водного транспорта и моряки военных судов, оставшихся в одесском порту (бригада траления и недемобилизованная часть транспортной флотилии Черного моря), не имели своей партийной организации. Отдельные члены партии, оставшиеся на судах и на берегу, а также вернувшиеся после эвакуации, не были об'единены существовавшими уже в этот период подполья районными партийными организациями.

До организации морского района Гумперт, Рудковский и я работали по отдельным заданиям члена областкома тов. Петра (Н. Голубенко) и были связаны с пересыпским районом нашей организации; кроме того, они вели работу и в союзе моряков. Организация морского района диктовалась не только необходимостью организационного об'единения для нелегальной работы членов партии моряков, но и тем исключительным положением, которое занимает Одесса, как главный торговый порт на Черном море—средоточие большей части черноморских моряков и база всего черноморского торгового флота.

Как показал последующий период уже непосредственной работы, эти обстоятельства оказались весьма существенными, позволив распространить нашу коммунистическую работу и за пределы Одессы, на порты Черноморского побережья и флот Антанты. Областной комитет, в лице т. Н. Голубенко, поддержал нашу мысль о создании самостоятельного района, в связи со специфическими особенностями той работы, которую предстояло провести не по территориальному, а по профессиональному признаку, и мы приступили к организационной работе.

Первое организационное собрание, если можно так назвать, состояло из трех человек и было проведено в порту, где мы втроем, собравшись на пригорке у полотна железной дороги против завода РОПИТ, обсудили вопрос о том,

кого из моряков можно привлечь в состав нашей организации и где сосредоточить нашу партийную работу. На этом собрании мы решили всю нашу работу сконцентрировать вокруг союза моряков, сохранившегося в этот период в Одессе, но влачившего весьма жалкое существование под руководством кадета Суходоля. Было решено также в союзе и на судах выявить и привлечь к работе разрозненных членов партии и вовлечь в организацию новых товарищей. Этой организационной работой мы и занялись в течении ближайших дней и в середине июля мы уже имели возможность собрать первый десяток членов партии, обнаруженных таким образом.

Нам удалось организовать нашу первую нелегальную квартиру на Военном спуске в доме № 8, в квартире старой польской социал-демократки Юзефы Шиндлер, где напротив помещался в то время союз моряков. Юзефа Андреевна сдавала в своей квартире углы безработным морякам и грузчикам одесского порта. В квартире было 4 комнаты, одну из них занимала Юзефа, в двух проходных стояли 7—8 коек угловых жильцов и 4-ю комнату, отделенную от проходной тонкой досчатой перегородкой, заняли мы с Борисом. Эта квартира была для нас очень удобной уже по своему месторасположению, кроме того, пользуясь тем, что здесь обычно жили безработные моряки, состав которых часто менялся, мы могли жить без прописки, имея возможность, в случае внезапной облавы варты, выдать себя за только что прибывших жильцов. Удобством этой квартиры было и то, что вход был с улицы, благодаря чему можно было безопасно входить и выходить, не возбуждая подозрения дворника и жильцов дома. Имелся также выход во двор.

С живущими в квартире угловыми жильцами, рабочими грузчиками и моряками, у нас сразу наладились хорошие отношения и с этой стороны трудно было ожидать провокации, тем более, что состав жильцов менялся, и мы, сохраняя конспирацию, старались не возбуждать ничьих подозрений. Знала же об истинном назначении квартиры одна Юзефа Андреевна, которая помогала нашей работе, сохраняя у себя нашу литературу, а впоследствии и оружие.

К этому времени из Новороссийска в Одессу начали возвращаться эвакуированные суда, и круг товарищей, входивших в нашу организацию, постепенно расширялся. Прибывшие т.т. приносили вести о массовых расстрелах моряков немцами и белогвардейцами в Новороссийске и других портах Черного моря. Ими-же мы были информированы о потоплении части военных судов Черноморского флота в Новороссийске.

В первый период организации нашего района мы не могли и думать о какой-либо массовой работе, так как мо-

ряки, после падения Советской власти на Украине, были настроены апатично и в значительной степени устрашены массовыми бессудными расстрелами в Новороссийске, Севастополе и других портах. В лучшем случае настроение части одесских моряков было эсэровским или анархическим, благодаря влиянию руководителей союза моряков (в период Соввласти)—Александровича, Чернявского и Железнякова. Поэтому в первые месяцы мы ограничились организационной работой по вербовке членов партии и распространением партийной литературы—нелегальной газеты и листовок среди моряков. Кроме того, мы помогали общей партийной работе одесского комитета, распространяя партийную литературу и вне пределов нашего района, а во время железно-дорожной забастовки, в июле—августе 1918 г., распространяли бюллетени стачечного комитета и листовки, призывавшие рабочих ко всеобщей стачке под лозунгами: улучшения экономического положения рабочих и увода австро-германских войск из Украины. Листовки на немецком языке распространялись нами среди солдат австро-германской армии, стоявших в казармах и несших караулы в одесском порту.

В период, июль—август, 1918 года, нам удалось сколотить районную организацию численностью уже в 25—30 членов партии. На одном из собраний был избран районный комитет в составе 3-х т.т.: председатель—Б. Гумперт, члены комитета—А. Рудковский и я—в качестве секретаря.

Членский билет, который мы ввели для взимания членских взносов, составлявших вместе с суммами, отпускавшимися Областкомом, денежный фонд нашей организации,—был крайне прост. На одной стороне белой картонной карточки были буквы: О. К. Б. М. гор. О. (Организация коммунистов большевиков моряков города Одессы); на этой же стороне писалась фамилия члена партии и номер билета, на другой стороне были напечатаны месяцы для отметки уплаты членского взноса.

Как уже было сказано, настроения среди моряков вначале не способствовали нашей работе. Нередко были слышны разговоры: «Мы моряки—все равно, что извозчики, и нам безразлично кого возить — большевиков или украинцев и немцев, лишь бы платили деньги». Нужен был сильный толчок, который вывел бы из состояния апатии эту массу. Старое правление Русского общества пароходства и торговли, чувствуя себя под охраной австро-германских штыков и гетманской власти на твердой почве, стало систематически нарушать т. н. «коллективный договор», заключенный еще в советский период между пароховладельцами и судовыми командами и обеспечивавший нормальные условия труда и некоторый прожиточный минимум рабочих водного транспорта. Был создан союз хозяев пароходовладельцев из представителей РОПИТА, Южно-Русского пароходно-

го общества, Российского общества и представителей частных пароходств (Регир, Шполянский и др.). Этот союз пароходовладельцев, видя успешность и безнаказанность своих первых шагов по нарушению договора, признал недействительным коллективный договор и предложил условия труда, слишком тяжелые для моряков (уменьшение количества кочегарских вахт, ухудшение условий оплаты труда судовых команд, уничтожение судовых комитетов, созданных в период советской власти, восстановление в полной мере прав судовой администрации и т. д.). Прихвостень Ропита—предс. союза моряков Суходоль, конечно, не выступил со сколько нибудь серьезной защитой коллективного договора.

Естественно, что мы не могли упустить этот благоприятный момент для об'единения моряков вокруг нашей коммунистической организации на почве защиты непосредственных экономических интересов рабочих водного транспорта. Расторжение РОПИТОМ коллективного договора сводило на нет революционные завоевания моряков и, естественно, сразу вывело из состояния апатии всю массу моряков.

Нами была составлена и напечатана в 1000 экземплярах листовка — обращение к морякам от имени районной партийной организации. В этой листовке мы призывали самих водников стать на защиту своих прав, добытых Октябрьской революцией, разоблачали предательскую роль кадетско-меньшевистского правления союза и его руководителей, хозяйских ставленников—Суходоля, Праворова и Морщикова, и об'ясняли политическую сущность момента—буржуазную реакцию, наступавшую на рабочий класс под прикрытием австро-германских штыков.

В этот период нашей работы мы могли обнаружить подлинное лицо суходолевского правления, «сохранившего союз», и, при наличии нараставшего сочувствия нам массы водников, мы почти открыто распространяли в союзе и на судах листовки и подпольную газету. К этому же периоду относится наиболее сильный количественный рост нашей организации, которая к сентябрю 1918 года увеличилась почти вдвое. Кроме того, в это же время нам удалось приобрести довольно обширные связи на судах, находившихся в одесском порту.

Перед созывом комиссии по ведению переговоров между союзом моряков и союзом пароходовладельцев, нам удалось, при нажиме со стороны судовых команд на правление союза, ввести в эту комиссию нашего коммунара С. Степанова, который, работая в комиссии, получал инструкции от районного комитета, кроме того, нашей работе в союзе много помогал и тов. Лысенко, л. с.-р., который солидаризировался с нами в борьбе против кадетско-меньшевистского правления союза. Таким образом, было обнаружено перед всей массой моряков, что во все время переговоров комис-

сии союза с комиссией пароходовладельцев,—Суходоль и представители правления союза моряков определенно поддерживали линию председателя хозяйской комиссии Регира. Когда переговоры явно склонились к заключению соглашения за счет моряков, нам удалось сорвать подписание нового коллективного договора, который так и не вошел в силу, что способствовало продолжению и обострению экономических конфликтов между моряками и администрацией и наростанию определенного политического недовольства режимом, установившемся с приходом австро-германских оккупантов. Так, напр., когда правление РОПИТА в августе 1918 года издало циркуляр, по существу отменяющий 6-ти часовой рабочий день для контор и 8-мичасовой рабочий день для судовых команд и рабочих завода, то даже представители служащих РОПИТА заявили, что «циркуляр может толкнуть служащих на выступление, которое, без сомнения, закончится печально» (Одесские Новости, 4/VIII—18 г., № 10760). Под давлением рабочих и служащих, администрация РОПИТА заявила, что циркуляр не имел в виду аннулировать то, что было дано коллективным договором, а «неудачная» редакция циркуляра подвергнется раз'яснению. Таким образом, этот циркуляр так и не вступил в силу.

Между тем, в городе, в связи с забастовкой железнодорожников и забастовками солидарности на многих предприятиях, в связи с обнаруженными коммунистическими воззваниями с призывом пролетариата Одессы ко всеобщей заабстовке, начались аресты рабочих. Особенно много было арестовано железнодорожников, так как забастовка на ж.-д. срывала планы австро-германцев по вывозу продовольствия с Украины и по перевозке войск. Оккупационный режим здесь дал себя почувствовать. Был опубликован приказ австро-германского королевского и императорского командования о каре смертной казнью через повешение всякого агитатора за устную или письменную агитацию против оккупационных войск и за призыв к забастовкам и беспорядкам.

После этого на Пересыпи были повешены три железнодорожника, а в районе Одессы были расстреляны несколько товарищей, распространявших прокламации и подпольную газету—орган одесского общегородского и Областного комитетов партии. Во всех районах были произведены массовые аресты рабочих. Все «благонамеренные» граждане г. Одессы были призваны императорским и королевским командованием давать сведения оккупационным или гетманским властям о всех готовящихся беспорядках и «злонамеренных» лицах.

Необходимо было дать отпор белому террору и наши партийные организации приступили к созданию боевых дружин и подрывных групп, которые должны были ответить на террор рядом актов, дезорганизующих работу оккупан-

тов. Кроме того, эти боевые отряды должны были составить ячейки будущей армии нашей партийной организации для вооруженного восстания и борьбы за установление Советской власти на Юге.

Так, в августе и сентябре и в последующие м-цы при германской оккупации был произведен ряд взрывов на ж.-д. в районе Одессы, Николаева, Бирзулы и Вознесенска, в порту было затоплено судно «Веста», предназначенное к использованию австро-германским командованием. В нашем морском районе мы приступили к созданию дружины подрывников, начальником которой районный комитет назначил тов. С. Степанова.

Несмотря на массовые аресты, наша партийная организация моряков, благодаря большой спайке и отсутствию предателей в ее рядах, не пострадала от провокации. Часть товарищей, провалившихся на распространении литературы и при затоплении судов, нам удалось отправить в др. порты.

Под влиянием нашей работы в союзе моряков нам удалось добиться легализации института делегатских собраний, при чем делегаты с судов частично принадлежали к составу нашей организации, частично же были заблаговременно нами подобраны из беспартийных, на которых можно было вполне положиться. Эти делегатские собрания и были противопоставлены нами правлению союза, которое под давлением снизу должно было итти на ряд уступок. Так, наприм., в отдел союза моряков, ведавший назначением моряков на суда, был введен наш товарищ, благодаря чему почти на каждом судне был свой партиец, через которое шло регулярное распространение нелегальной газеты и другой нашей литературы на судах водного транспорта.

По поручению Областного комитета нам удалось также наладить отправление отдельных т.т.—агентов Облastкома морем в Херсон и Николаев. Через партийцев на судах мы завязали прочные связи почти во всех портах Черного моря и наладили отправление туда литературы. В некоторых портах у нас даже были свои явки.

В начале сентября в Херсон выехал тов. Гумперт, для организации там коммунистической ячейки среди местных моряков. Ему удалось завербовать десяток товарищей, с которыми мы установили тесную связь. Была налажена пересылка туда литературы на судах, совершавших рейсы между Одессой и Херсоном, кроме того, иногда туда отсылались члены нашей организации, которым нужно было на время скрыться с горизонта одесской охранки. Таким образом, уже в этот период наша работа выходила за пределы Одессы, а в период французской оккупации и заграницу.

Через члена нашей организации, радио-телеграфиста И. Калитченко, нам удалось вовлечь в ряды нашей пар-

тии весь личный состав радио-телеграфистов судна «Графа Платова» (штаб бригады траления). Вошли в состав организации нашего района все радио-телеграфисты: Ф. Харченко, А. Наконечный, П. Зайцев и Х. Черный. Благодаря этому мы могли считать радио-станцию «Графа Платова», как бы принадлежащей нашему районному комитету.

Когда мы известили об этом Областной комитет, нам было предложено организовать прием радио-телеграмм из Москвы и перехватывание радио-сводок и телеграмм военного командования, которые передавались Областкому, нашей партийной разведке (через тов. Южного) и редакции нашей газеты. Таким образом, наша нелегальная газета могла получать свежий информационный материал и те сведения, которые цензурой не пропускались даже в легальную прессу. Областком и Разведка могли почерпнуть из радио-сводок и перехваченных телеграмм военного командования сведения об истинном положении дел и достаточную ориентировку в создавшейся обстановке. Нужно отметить, что этот радио-телеграф служил нам бесперебойно весь период подполья 1918—19 г.г. Однажды (уже во время французской оккупации) он чуть не был провален, благодаря нашей собственной неосторожности; полагая, что штаб бригады траления является местом, куда не заглянет охранка, мы на «Платове» в радио-телеграфной кладовой организовали склад оружия, а в радио-рубке хранили литературу, для распространения через радио-телеграфистов на французских судах. Лишь благодаря счастливой случайности, узнав об обыске через радио-телеграфного офицера «графа Платова», причислявшего себя к анархистам, мы во время перетащили с «Платова» весь компрометирующий материал,—и положение было спасено.

Между тем, наша организация росла и к ноябрю 1918 г. мы уже насчитывали в составе нашего района до 70 чел. членов партии и боевую дружину в 30 человек. Увеличившийся состав нашего района позволил нам увеличить и состав нашего районного комитета, введя туда новых т. т. Для заслушания отчетного доклада старого комитета и выборов нового, мы собрали всех членов нашей организации на судне-бане «Пушкин», стоявшем в одесском порту, и наше, относительно многочисленное, собрание под охраной пикетов нашей районной дружины прошло вполне благополучно. Был избран новый кабинет в следующем составе: председателем—Б. Гумперт, секретарем—я, членами комитета: Я. Черняк, Л. Макарихин (Морев), Ф. Харченко, С. Степанов и И. Калитченко. Следует отметить, что в состав комитета были введены товарищи, наиболее активно проявившие себя на работе. Б. Гумперт вошел от нашего района в обще-городской партийный комитет, кроме того, он работал также и в Областном Ревкоме.

А. Рудковский не вошел в состав нового районного комитета и был намечен нами для посылки делегатом на 2-ой всероссийский с'езд моряков в Москву. Между прочим, в связи с этим, интересно отметить один факт. Когда через одного из приехавших из Москвы т.т. мы узнали о созыве с'езда моряков в Москве, было отправлено председ. союза моряков Суходолю предложение послать делегацию от нашего союза на с'езд. Суходоль категорически отказался от посылки делегации в Москву, сообщив, что он не желает иметь никаких дел с большевистским союзом, заседающим в Москве. Тогда на собрании комитета нашего района было решено действовать самостоятельно. На том же «Пушкине» было созвано нелегальное делегатское собрание представителей от судовых команд. Несмотря на то, что это собрание было заведомо нелегальным, на него явилось большинство представителей судов и мы имели возможность произвести правильные выборы. Прошла, выдвинутая нами, кандидатура А. Рудковского и от собрания был выдвинут второй делегат тов. Бугаенко. Возвращаясь со с'езда, возле Очакова Рудковский был арестован белогвардейцами и зверски убит.

Между тем, в Германии произошла ноябрьская революция, вслед за тем последовал уход австро-германских оккупантов и приход в Одессу англо-французских войск. Во время ухода австро-германцев мы могли уже почти беспрепятственно распространять среди них нашу литературу. Кроме того, нами была организована закупка оружия у уходивших австро-германских войск. Этим оружием (револьверы, бомбы и даже один пулемет), была вооружена дружина морского района и частично по заданиям Областкома, наш район мог снабжать этим оружием и другие районы.

Склады оружия были устроены на «Графе Платове» и на «Пушкине». Много оружия хранила у себя и хозяйка нелегальной квартиры Юзефа Андреевна. Работа явки нашего района на Военном спуске № 8 была значительно расширена. Здесь бывали агенты нашей разведки, проводившие разведывательную работу в порту, здесь также иногда организовывались встречи членов Областкома и Ревкома со многими т.т. Кроме того, здесь обычно происходили заседания комитета нашего района, и здесь же раздавалась на руки литература для распространения в нашем районе.

В виду того, что наша явка на Военном спуске сделалась известной большому кругу лиц, представлялось необходимым, в целях сохранения конспирации, организовать вторую постоянную явку, для особо конспиративных встреч и заседаний, что мы и сделали, найдя для этого квартиру родственников члена комитета нашего района Я. Черняка, помещавшуюся в доме, выходившем на Нарыш-

кинский спуск и Приморскую улицу, надалеко от Пересыпского моста. Эта явка была известна лишь небольшому кругу лиц и, будучи очень удобной, (со двора можно было скрыться в четырех направлениях), сослужила нам хорошую службу.

II.

По распоряжению прибывшего в Одессу англо-французского союзного командования, суда черноморского торгового флота должны были заняться перевозкой союзных войск-десанта из Салоник и Константинополя в Одессу. Собственного тоннажа союзникам не хватало и союз пароходовладельцев широко пошел навстречу союзному командованию, предоставив в его распоряжение 20 транспортов.

Этот момент необходимо было использовать для пропаганды среди союзных войск, направляемых в Россию, и англо-французского военного флота. Здесь мы имели возможность использовать в полной мере ранее налаженные связи на судах, которые теперь перевозили союзников. Каждый транспорт, отправлявшийся в Константинополь и Салоники за десантом, имел на борту литературу, заготовленную нашим Областным комитетом, и также листовки к французским солдатам и матросам на французском языке, в которых объяснялась сущность нашей революции и обстановки, сложившейся на юге России. В воззваниях к французским матросам и солдатам выяснялась та роль, которая им навязывалась их империалистическим правительством, — удушение русской революции. На борту каждого отправлявшегося транспорта в составе команды был партиец, которому было поручено комитетом морского района распространение этой литературы.

Таким образом, наша работа по дезорганизации войск союзников начиналась уже с момента посадки их на суда для отправления в Россию. Наша литература на иностранных языках проникала и на французские военные суда, стоявшие в турецких и греческих портах и предназначенные для оправления в Россию.

Приезд тов. Н. Ласточкина (И. Смирнов) и Е. Соколовской внесли значительное оживление и в работу нашего района. Для работы среди союзных войск при новом областном комитете партии была создана коллегия иностранной пропаганды, в составе 7 товарищей. Для работы же специально среди французских моряков из Советской России прибыл тов. Ж. Елин (И. Долгополов), который через областком связался с нашим морским районом для ведения непосредственной работы.

Нашему районному комитету предстояло организовать технику работы по распространению иностранной литерату-

Стачечный комитет, руководивший забастовкой ж.-д. в период немецкой оккупации в Одессе в 1918 г.

1) Гладков, 2) Косило, 3) Ляховский, 4) Халюзов, 5) Школа, 6) Кириличенко, 7) Бессонов В.

ры, издаваемой Областкомом, среди французских моряков. Для этой цели были организованы в порту, в целом ряде кабачков (Одесса-порт и др.), встречи наших пропагандистов с французскими моряками. Распрогандированные французские матросы получали в этих кабачках литературу, которая ими уже самостоятельно распространялась на военных судах союзников, стоявших на одесском рейде.

К этому времени (в январе или феврале 1919 г.) областной комитет стал издавать газету „Le communist" на французском языке. Нередко в этой газете помещались корреспонденции и заметки завербованных французских моряков и солдат, освещавшие революционные настроения среди частей союзных войск и французского флота.

После прихода значительных морских сил союзников в Одессу наша литература стала проникать довольно регулярно на французские суда:—«Эрнест Ренан», «Жюль Мишле», «Жан Барт», «Мирабо» и «Жюстис», стоявшие на рейде, и на миноносцы союзников, стоявшие в одесском порту. Для этого, помимо передачи через французских моряков, использовывались всякие оказии: баржи с углем или катера с продовольствием для французского флота. Эта налаженная пропагандистская работа, регулярно проводимая одесск. областным комитетом, как известно, сыграла решающую роль, вызвав впоследствии ряд восстаний во французских войсках и во флоте, имевших своим конечным результатом отказ французских солдат и моряков от борьбы с большевиками и русской революцией.

Уже в результате первых шагов нашей коммунистической организации по пропаганде среди французов, союзное командование в феврале 1919 года принуждено было произвести аресты и изолировать от всей массы часть французских солдат и моряков, которые были посажены под арест в угловом доме, на Военном спуске и Приморской улице, вблизи нашей явки. Охрана была слабой и члены нашей организации имели возможность часто вместе с хлебом (арестованных плохо кормили и стража допускала передачу продовольствия с воли) передавать заключенным французам и агитационную литературу.

Под влиянием пропаганды и разложения во французских войсках, союзническая оккупация не могла распространиться с побережья вглубь страны. Целые французские части, предназначенные для борьбы с большевиками, самостоятельно снимались с фронта и уходили. Не помогла в деле оккупации и помощь греческой армии, высаженной для содействия союзникам в Одессе.

Морской район, кроме той значительной работы, которая была им проведена во французском флоте и войсках, принимал также участие, наряду с другими районными организациями, в подготовке к перевороту и в организации еще в нелегальный период будущих органов Сов. власти.

Еще в декабре 1918 г., во время эвакуации австро-германских оккупантов и прихода союзнических войск в Одессу, произошли бои между белогвардейцами, составлявшими часть деникинской армии, под начальством генерала Гришина-Алмазова, и петлюровскими войсками, имевшими намерение захватить город. В результате этих боев в городе, разделившемся на большое количество всяких зон (французская зона, украинская зона, зона добровольческой армии), на несколько дней воцарилось безвластие. Крупные рабочие центры, как Пересыпь и частично Молдаванка, были предоставлены самим себе. Порт же был занят французами. Этот момент наша коммунистическая организация использовала для массового вооружения рабочих. Так, в эти дни мне с группой товарищей из Пересыпского района и нашими моряками удалось вывезти три подводы винтовок и патронов из Херсонского участка державной варты Это оружие было доставлено в пересыпский рабочий клуб на Церковной улице № 4, где оно было распределено между собравшимися рабочими. Вооружение шло и в других рабочих районах.

Общегородской партийный комитет использовал этот период безвластия и на большом рабочем митинге в цирке, где были представители от всех рабочих организаций города, выступил от имени подпольной организации коммунистов т. Сергей (И. Клименко). Его выступление имело большой успех. Собрание высказалось за передачу всей власти в руки Советов, кроме того, на этом же митинге была распространена в большом количестве коммунистическая литература с призывом к подготовке вооруженного восстания, к освобождению всех политических арестованных и передачи власти Советам. Вскоре после этого, несмотря на то, что союзникам удалось укрепить свою власть в городе, по всем районам были произведены выборы в Совет Рабочих Депутатов.

Так как председатель нашей организации морского района Б. Гумперт в феврале 1919 года был командирован Областкомом в Бессарабию для налаживания работы бессарабских коммунистических организаций и для подготовки восстания, мы ввели в состав комитета нашего района тов. Трюха, в общегородской же комитет вместо Гумперта вошел я, оставаясь на работе в морском районе.

Нашему району предстояло также организовать выборы в нелегальный совет рабочих депутатов. Готовясь к этим выборам, мы выпустили обращение к морякам, в котором призывали их выбирать в Совет коммунистов. Когда было предложено правлению союза моряков организовать выборы в Совет Рабочих Депутатов от водников, то Суходоль, верный своим кадетским принципам, отказался от имени правления союза участвовать в каких бы то ни было большевистских организациях, и мы, таким образом, должны были

расчитывать только на самих себя и организовать эти выборы нелегально своими силами.

Были разосланы наши товарищи партийцы на все суда и было предложено от каждого судна выделить одного делегата для производства нелегальных выборов С. Р. Д. В условленный день делегаты со всех судов были собраны на том же «Пушкине» и под охраной нашей боевой дружины на этом собрании были избраны члены Совета Рабочих Депутатов от моряков. Прошли все намеченные районным комитетом кандидаты т.т.: Я. Черняк, Трюх, Ф. Харченко и я. Для производства выборов в Исполком мы об'единились с Пересыпским районом и собрались вместе с членами совета от Пересыпского района в «Доме Трудолюбия» на Пересыпи. От нашего района прошли в Исполком Трюх и я. Затем, на собрании Исполкома на Полицейской улице, в помещении союза официантов, был избран президиум Исполкома Совета Рабочих Депутатов. Насколько мне не изменяет память, фамилии членов президиума Исполкома след.: Ф. Болкун, Е. Соколовская, С. Фельдман, Александров, Лидов, Левковский и Грановский. Двое последних от об'единенной еврейской социалистической рабочей партии, Фельдман—от анархистов, Лидов от левых эсеров и остальные коммунисты.

Положение в городе становилось все более обостренным, и Областной Революционный Комитет, готовясь к вооруженному восстанию, разослал своих членов и отдельных т.т. по области для формирования повстанческих партизанских отрядов. От комитета нашего района мы послали в распоряжение Областного Ревкома для военной работы т. Макарихина и для работы в повстанческих отрядах членов боевой дружины нашего района.

Между прочим, одно из заседаний Исполкома С. Р. Д. было собрано на нашей явке на Нарышкинском спуске. На этом заседании были избраны секции Исполкома для руководства различными отраслями работы: секция политической работы—Болкун, Е. Соколовская и Грановский; военная секция—С. Фельдман, Алексеев (левый эсер) и я; хозяйственно-финансовая секция—Савельев, Лидов и еще один товарищ, фамилии не помню.

Незадолго до выхода нашего из подполья был арестован председатель Областного комитета нашей организации тов. Николай Ласточкин и отправлен в Петропавловский или Бульварный участок, откуда его перевели, по дошедшим до нас сведениям, на какую то баржу. Секретарь Областкома тов. Е. Соколовская пришла на нашу явку на Военном спуске и предложила комитету нашего района способствовать розыску Николая и его освобождению.

Радио-телеграфисты Наконечный, Харченко и я отправились в разведку для обнаружения местопребывания Николая на шлюпке, взятой с тральщика «Васильев». Подойдя

на шлюпке к волнорезу против Андросовского мола у выхода в море, мы увидели стоявшую баржу № 4, на которой находились вооруженные люди. Затем мы увидели вышедшего из палубной надстройки тов. Николая. Желая дать ему понять, что его местопребывание нам известно, мы подошли близко к барже и остановились вблизи от нея у рыбацкой шлюпки, якобы прикурить у рыбака.

По лицу Николая, стоявшего на носу баржи, я заметил, что он меня увидел и узнал; в это время один из охраны, стоявший на барже, заметил нашу шлюпку и выстрелил в воздух, давая знать охране, помещавшейся в яхт-клубе, очевидно, чтобы оттуда выслали катер для нашего задержания. Тогда мы стали грести по направлению к Новой гавани, куда нам и удалось скрыться. Когда мы удалялись, один из часовых на барже подошел к Николаю и, толкнув его, заставил войти в палубную надстройку.

Мы известили Елену о местопребывании Николая и стали думать, каким образом его выручить с этой баржи. На следующий день вечером на нашей явке на Военном спуске собрались для обсуждения этого вопроса: Елена, Трюх, Харченко, Черняк и я. План был выработан следующий: 15 человек вооруженных (из них 9 давал Областной комитет и 6 наш район) должны были отправиться на паровом катере к барже, вступить в переговоры со стражей, чтобы нам выдали Николая, в случае же несогласия, мы должны были отбить у стражи Николая вооруженной силой и увезти его в Очаков, занятый к тому времени уже советскими войсками, или высадиться на другом берегу на Николаевской дороге. Катер мы должны были достать в штабе бригады траления через тов. Харченко. По нашему плану тов. Трюх должен был напоить стражу на берегу, чтобы она не могла явиться по вызову. Машинист штабного катера обещал тов. Харченко свое содействие, рулевым должен был пойти Я. Черняк.

Отряд уже был приготовлен и мы сидели на явочной квартире по Военному спуску, ожидая тов. Харченко, который должен был нам сообщить, что катер готов. Вместе с нами была и Елена. Когда тов. Трюх уже был отправлен в порт с самогоном в корзинке, чтобы напоить стражу, — явившийся тов. Харченко сообщил нам, что машинист, который должен был поддерживать катер в готовности к выходу к море, не явился, и катер стоял без паров. Без машиниста нельзя было взять катер, так как он стоял у трапа «Графа Платова», и вахтенный не допустил бы нас к катеру без машиниста. Мы послали одного из товарищей на квартиру машиниста, но посланный не застал его в квартире. Пришлось отложить выполнение плана на следующую ночь. Рано утром наша шлюпка, отправленная в разведку к барже, обнаружила, что на барже уже нет ни стражи, ни Николая, таким образом, наш план рухнул и,

как мы после узнали, Николай в ночь перед этим был убит и брошен в море.

Незадолго до гибели Николая, в марте 1919 года была арестована белогвардейской контр-разведкой и расстреляна коллегия Иностранной пропаганды Областкома, за исключением одного спасшегося тов. серба, по фамилии, кажется, Радко или Радков. В числе расстрелянных был и тов. Жак Елин, проводивший наиболее активную работу среди французских войск и особенно среди моряков.

Однако, бессудные расстрелы и казни не могли уже спасти положения союзных оккупантов. Восстания в армии и флоте не прекращались. В то же время наступали красные партизанские отряды, которым на помощь спешили части Красной армии. Через несколько дней началась эвакуация союзников. Генерал д'Ансельм, командующий соединенными силами союзников, намеревался передать власть в городе городской думе. Между тем, уже на окраинах Одессы собирались вооруженные отряды рабочих. Дума не пользовалась в городе никаким авторитетом, и предстояло произвести захват власти в городе Советом Рабочих Депутатов. Через думу генерал Д'Ансельм предложил Совету выделить представителей для ведения переговоров с военным командованием союзников от имени рабочих, обещая этим делегатам Совета полную неприкосновенность. Для переговоров с д'Ангельмом президиум Совета посылал несколько раз свои делегации, но без каких-нибудь определенных результатов.

В одну из таких делегаций попал и я. Вместе с т.т. Болкуном и Фельдманом мы отправились в штаб союзников, помещавшийся на Николаевском бульваре. Когда мы вошли в штаб, нас ввели в комнату, где находился генерал д'Ансельм и начальник его штаба полковник Фрейденберг. Д'Ансельм принял нас очень любезно, но на предложение тов. Фельдмана передать власть в руки Советов (С. Фельдман свободно владел французским языком и вел все переговоры) ответил отказом и настаивал на сохранении в городе полного порядка и недопущения никаких эксцессов против эвакуировавшихся союзных войск, угрожая, в противном случае, обстрелом с военных судов города. Мы поставили ряд условий и со своей стороны, среди которых было недопущение увода судов черноморского торгового флота, оставление в Одессе ценностей банков и т. д. При этих условиях генералу д'Ансельму гарантировалось сохранение порядка в городе и свободная эвакуация французских войск. Полковник Фрейденберг, сидевший тут же, говорил с нами полупрезрительным тоном, стараясь узнать, какие вооруженные силы у нас есть, какое количество штыков может поддержать наши требования. От имени делегации С. Фельдман потребовал, чтобы Фрейденберг не участвовал в наших переговорах, и д'Ансельм,

очевидно, желавший добиться каких-бы то ни было результатов, предложил Фрейденбергу оставить нас. Однако, мы не добились путем переговоров никаких результатов и удалились, оставив за собой право действовать, как нам заблагорассудится.

На другой день была об'явлена всеобщая забастовка и все рабочие покинули работу. В ночь с 3-го на 4-е апреля 1919 г. наш Исполком, явочным порядком захвативший власть, уже заседал в здании городской думы на бульваре, а мимо нас проходили французские танки и грузовики в порт, для погрузки на суда. Среди одесской буржуазии поднялась паника и немногим удалось выбраться в порт для от'езда с союзниками за-границу.

По приказу № 1 Исполкома Совета Рабочих Депутатов большинство моряков покинули суда, на некоторых судах были открыты кингстоны и они были затоплены в одесской бухте. Таким образом, значительное число судов торгового флота осталось в Одессе, и порядок эвакуации союзной армии и российской буржуазии был в значительной степени сорван.

Интересно отметить, что первый отряд, охранявший в эту памятную ночь с 3-го на 4-е апреля 1919 года Исполком Совета Рабочих Депутатов,—был наш отряд морского района. Морской район вышел из подполья, имея 90 т. т. членов партии и отряд из 100 человек.

6-го апреля красные войска вступили в Одессу.

А. П. Александров (Шура).

„Деникинщина".

1919 г.

Второй период существования Советской власти в Одессе длился с апреля по август месяц 1919 г. Период чрезвычайно небольшой, чтобы наладить дезорганизованную во всех отношениях жизнь города. Прежде всего, в городе не было продовольствия. Из деревень не привозили ничего. С моря путь преграждали французские миноносцы.

10-го апреля для переговоров с французским командиром судна «Жюстис» послана была делегация в составе представителя Украинской Советской Республики т. Скляра, командира 2-ой Советской армии т. Скачко, нач. штаба Черноморского флота т. Шейковского и от Совета Рабочих Депутатов тов. Фельдмана. В ответ на запросы делегации, почему не выпускаются суда за хлебом, командир «Жюстиса» заявил, что суда под красным флагом он считает «пиратскими» и уводит суда из порта, потому что считает нужным. Окончательно вопрос о выпуске судов в Николаев и Херсон он разрешит, когда выяснится, как советские власти будут относиться к мирному населению, так как он имеет сведения, что в советском государстве происходят «избиения и мучения невинных».

На возражение делегации о том, что в городе спокойно, адмирал выразил неуверенность в том же на будущее. Делегацией заявлен был протест против действий французского командования, которые могут быть приравниваемы только к грабежу, а затем адмирал поставлен был в известность, что все правительства и народы мира будут оповещены о насильственном уводе судов и имущества, являющихся гос. собственностью Одессы и необходимых городу [1]).

Продовольственный кризис усугублялся наличием в городе большого количества григорьевских войск, которые также нужно было накормить.

Таким образом, вопросами, ставшими первыми в повестке дня работы Советов, были — продовольственный и финансовый. Со вторым вопросом дело обстояло несколько лучше, так как по приказу Соввласти имели хождение все деньги, начиная от романовских. Кроме того, буржуазия обложена была в 500 миллионов рублей. Затем, не последним был вопрос об охране города. В первую ночь перехода власти

[1]) „Известия Одес. Сов. Раб. Деп.", № 10.

к Советам Совет охраняли моряки, а весь город охранялся дружинниками, но после захвата власти явилась необходимость усилить охрану. Дружины были малочисленны. С целью пополнения дружин был об'явлен набор в коммунистическую дружину им. Старостина. Кроме того, стали организовываться некоммунистические дружины, но которые коммунисты держали под своим влиянием, как, например, дружина студенческая.

Не успела Одесса немного оправиться после ухода французских оккупантов, как началась в конце апреля история с Григорьевым. Последний выпустил прокламацию, начинавшуюся словами: «Народ украинский, народ замученный» и об'явил, что с этого момента начинает воевать против Советской власти.

Между тем, налаживалась и партийная жизнь: организация ячеек, райкомов, перерегистрация членов партии, учеба политическая и общеобразовательная и, главным образом, военная. Для работы в уезде был организован специальный иногородний отдел. 28 мая избран был Общегородской Комитет, куда вошли т.т. Ян, Соколовская, Лаврентий, Клименко, Верхотурский, Савельев, Анулов, Сергеев, Болкун.

После 2-х месячной работы в самом комитете организованы были отделы: учетно-статистический, агитационный, организационный, инструкторский, военный, редакторская коллегия, следственная комиссия и информационная часть. Учетно-статистический отдел зарегистрировал всех членов партии, взял на себя учет всех ответственных работников, собирал сведения по губернии. Агитационный отдел до половины июня существовал самостоятельно, а затем слился с пропагандистским. Еженедельно в разных частях города устраивались митинги. Помимо того, им организовывались клубы и читальни. В мае организована была партийная школа, которая после 2-х недельного обучения дала выпуск в 50 человек, работавших по губернии и в агитпоездах. В половине июня открыта была школа губернского масштаба на 100 человек; выпуск состоялся в июле, курсанты были распределены частью на фронт, частью в продотдел и частью в отдел управления. Военный отдел, организованный в мае месяце, наладил во всех районах всеобщее обучение.

Организационным отделом проводилась работа в городе, в уезде и в небольших размерах по губернии. Для правильной постановки работы в районах были посланы инструктора-организаторы комячеек; кроме того, имелся кадр инструкторов-организаторов, постоянно работающих и руководящих работой ячеек. В самом городе партийная работа велась по районам: Пересыпь, Слободка, Молдаванка, городской, железнодорожный, моряков торгового флота, моряков красного флота и красноармейской организации. Особое внимание обращалось на организацию ячеек и групп

сочувствующих. Партийная работа по уезду шла довольно успешно. Организовано было до 20 коммунистических ячеек.

В последнее время при орготделе создалась экспедиция для снабжения паркомов литературой, помимо всеиздата и агитпропа. За 2 месяца распространено было в общей сложности 50 тысяч брошюр, 10 тысяч листовок, тысяча плакатов, 3 тысячи программ, 100 тысяч уставов партии и т. д. Информационная часть налажена была слабо. Кроме того, при Губпаркоме создана была инициативная группа по организации женщин работниц и для ведения работы среди них.

27 июня удалось созвать Губпартконференцию. На повестке дня стояли доклады: 1) Текущий момент, 2) Доклад Комитета, 3) Доклады с мест, 4) Военный вопрос, 5) Продовольственный вопрос, 6) Земельный вопрос, 7) Работа в деревне, 8) Партийное и Советское строительство, 9) Разделение губерний, 10) Губс'езд Советов, 11) Выборы Губкома.

На конференции присутствовали делегаты: из Херсона 3 с решающим голосом; Николаева 3 с реш. голосом, Очакова—один с реш. гол., один с совещательным, Ананьева—1 с решающим голосом; всего присутствовало 25 делегатов. После доклада о текущем моменте было решено 50% действительных членов организации отправить на фронт.

Вообще, если просмотреть вопросы, занимающие отдельные районные комитеты, ячейки, части армейских организаций коммунистов, то увидим сплошь и рядом: отправка на фронт, военное обучение и т. п.

На другой день повестку дня Губпартконференции пришлось сократить. Заслушаны были вопросы: 1) Партийное и советское строительство; 2) Разделение губерний; 3) Выборы. По вопросу о партийном и советском строительстве конференция постановила:

«1) В своем партийном и советском строительстве партия руководится принципами демократического централизма, строгого подбора членов и тесной связи с рабочим классом; 2) Правильное взаимоотношение между паркомами и исполкомами должно быть положено в основу работы партии; 3) Центральные партийные органы должны быть сокращены до минимума, а все партийные силы двинуты в районы, уезды и деревни»[1]).

Кроме того, было постановлено в 2-х недельный срок обследовать уездные организации.

Губпарком был избран в составе: т. т. Клименко, Лаврентий, Соколовская, Верхотурский, Савельев, Сергеев, Ачканов, Кристалловский, Немчин, Прокофьев, Ян (Одесса), Чернышев (Елисаветград), Меламед (Херсон), Тарский (Ни-

[1]) „Известия Од. С. Р. Д.", № 74.

колаев), Хаерович (Тирасполь). Общегородской комитет в июле был распущен[1]).

Для работы среди иностранцев сейчас же по выходе из подполья организованы были коммунистические группы: французская, греческая, румынская, турецкая, английская, болгарская, сербская и немецкая. Каждая группа имела своего секретаря. От всех групп избрана была коллегия[2]), председателем которой был тов. Деготь. Секретари—Кузнецов (английский эмигрант) и Бужор (лидер компартии Румынии, ныне на каторге). Представителем Коминтерна прислан был Садуль.

Коллегией выпускалась на всех языках литература, которая распространялась следующим образом: французская с аэропланов разбрасывалась на румгранице, где было много французских солдат; затем во время частных переговоров на крейсерах передавалась пачками литература, либо сами матросы приезжали за ней ночью в город.

Продовольственный кризис в городе все разростался, начали выдавать по 3/4 фунта хлеба рабочим и 1/2 фунта остальному населению. Затем хлеба совсем не стало. Общее положение железной дороги начало осложняться, в связи с прекращением погрузки топлива на местах.

Несмотря на все это, Одесса нашла возможность помогать Донбассу не только людьми, но и отправить маршрутный поезд с продовольствием, как только это оказалось возможным. Для оказания вооруженной помощи Донбассу, Сов. Раб. Деп. в присутствии представителей фабзавкомов и частей Красной армии постановил создать политический мобилизационный комитет. Секретарем Комитета была выдвинута Анжелика Балабанова (Секретарь Коминтерна) и по одному представителю от военных, партийных и профорганизаций. Комитет подчинялся и субсидировался одесским Исполкомом. Все учреждения и члены партии должны были ему подчиняться[3]).

Надвигающаяся Деникинская армия потребовала от местной Советской власти героических усилий для проведения мобилизации в Красную армию, снабжения ее обмундированием и продовольствием. Все делалось под лозунгом на фронт и для фронта.

Исполком отправил на фронт 1/3 состава своих членов и членов райисполкомов, сократил до минимума личный состав всех советских учреждений. Призванных на фронт рабочих заменяли женщинами. Ежедневно на деникинский фронт отправлялись группы коммунистов.

---

[1]) „Известия Од. С. Р. Д.", № 76.

[2]) Некоторые товарищи смешивают иностранную коллегию легального периода Сов. власти в 19 г. с иностран. к-том при подпольн. Областкоме КПБУ в 1918—19 г. г.

[3]) „Известия Од. С. Р. Д.", № 56.

4-го июля на совещании Президиума Губкома, Исполкома и Наркомвоена решено было создать Совет Обороны, высший орган руководящий как политической, так и практической работой. В состав Совета вошли: председатель губкома т. Ян, предисполкома т. Клименко, от Наркомвоена—Кривошеев. Постановлено было также создать Верховно-военный Ревтриб с правами шире чрезвычайных комиссий [1]).

В конце июля неожиданно вспыхнуло кулацкое восстание немцев-колонистов, благодаря агитации контр-революций против проводимой мобилизации.

Губкомом мобилизованы были все коммунары. Издан был приказ: «Мобилизацию коммунаров произвести по районам с таким расчетом, чтобы на каждом заводе остался один ответственный коммунист. Работающие в совучреждениях, под ответственность заведующих отделами, члены партии и сочувствующие направляются в район. Приказ не распространяется на Ч. К. и продовольственные органы. Всех мобилизованных распределить на две группы: 1-ую группу знающих военное дело и 2-ую группу не знающих военное дело [2]). Все члены партии и сочувствующие должны были явиться по своим районным комитетам для отправки на борьбу с восставшими колонистами. Неявившиеся без предупреждения предавались военно-полевому суду.

В Губпаркоме непрерывно дежурили работники. Наиболее ответственные отправлялись в села агитаторами для поднятия настроения среди крестьян. По городу устраивались митинги для раз'яснения текущего момента, вербовки рабочих на фронт.

31 июля Центропроф опубликовал:

ОБРАЩЕНИЕ.

Кулаки поднялись. Колонисты немецких колоний во главе с генералами и полковниками двинулись на Одессу.

Они считают, что Одесса достаточно подготовлена их агентами, достаточно деморализована и что ее можно взять голыми руками. Рабочие Одессы, в час смертельной опасности сомкните свои ряды против врага. Настал момент грудью отстоять революцию. Борьба на фронте против наступающего кулачья и против контр-революционеров у нас в тылу, которые хотят всадить нам нож в спину.

Все правления союзов, все завкомы, за исключением одного, остающегося на заводе, обязаны в 12 час. дня в полном составе, отрядами, во главе со своими председателями, явиться в Центропроф за получением директив. Все рабочие обязаны оставаться на своих заводах в полном составе, поддерживая непрерывную связь с Центропрофом.

Готовьтесь по первому приказу двинуться для активной борьбы. Будьте готовы, товарищи. Час испытания настал. Будем достойны звания пролетариев.

Председатель ГСПС Чемеринский.
Секретарь Перепечко." [3]).

---

[1]) „Известия Од. С. Р. Д.", № 79.
[2]) „Известия Од. С. Р. Д.", № 102. Подчеркнуто мною. Е. Г.
[3]) „Коммунист", № 111.

Приблизительно к 12-му августа немецкое кулацкое восстание с большими потерями было почти ликвидировано. Но до прихода Деникина отдельные банды не переставали терроризировать округ, взрывая жел. дор. путь, мосты и не допуская продовольствия в Одессу.

Все же благодаря урожаю цены на хлеб в городе заметно начали падать. Кроме того, пользуясь реквизированным в немецких колониях продовольствием, удалось на некоторое время повысить паек хлеба с 1/4 фунта до 1/2 ф. на одного человека. Затем на смену, ослабевшему на очень короткий срок, продовольственному кризису снова пришел топливный. В связи с этим, в городе 12 августа не оказалось воды, прекратила работу электрическая станция.

Между тем, близко был Деникин. В Одессе организовался Реввоенсовет Южной Группы 12-ой армии, куда вошли: командующий Якир, члены Краевский и Ян. Все войсковые части и вооруженные силы города поступали в распоряжение Южной группы 12-ой армии. Туда же вливались все партийные и советские работники, прибывающие из оставленных Советской властью мест.

23 августа 1919 года Советская власть во второй раз оставила Одессу. Наступила Деникинщина.

Начало Деникинщины ознаменовалось разгулом и убийствами офицерскими бандами рабочих не только на улицах, но и в больницах в г. Одессе [1]).

Партийная организация почти целиком ушла с Красной армией, но подполье подготовлялось за месяц до эвакуации. «Таким образом, к моменту перехода в подполье у нас был сколочен аппарат, были типографии, деньги, явки, были даже заготовлены вещевые склады — обувь, одежда» [2]).

Перед уходом Губернский Партийный Комитет выделил группу для организации работы в подполье в составе т. т. Гордона, Розы Лучанской, Павла Логинова, Тарского и Веры Лапиной. Работа была распределена следующим образом: секретарем выдвинули Розу Лучанскую, Логинову поручили военную работу, Гордону—казначейство и общую организационную работу. Вере Лапиной—Красный Крест, Тарскому—«отдел печати». В подпольной типографии, печатавшей на русском языке «Коммунист», на еврейском «Коммунистише штиме», работали т. Венгржиновский и Яковер (этот состав работников менялся).

Нужно еще отметить, что в подполье осталась большая группа «Комферванда». За 2 дня до эвакуации Одесская организация «Комферванда» постановила влиться в коммунистическую партию, но не успела провести постановле-

---

[1]) „Одесские Новости", № 10870.

[2]) В. Лапина. „Из жизни одесской организации б-ков".

ния в жизнь. В подполье «Комферванд» работал с коммунистами.

О партработе в городе мы узнаем из заметок в «Коммунисте»: «В первые дни разгула белогвардейской реакции в тяжелом положении оказался городской район. На него с особенной силой обрушились репрессии деникинцев. И это вполне понятно. В городском районе, как в центре города, при Советской власти сосредоточились профессиональные союзы, советские учреждения и другие организации, разместившиеся в реквизированных у буржуазии квартирах. С вступлением добровольцев началась вакханалия выселения рабочих организаций, эпидемия обысков и арестов.

При таких условиях в первое время трудно было наладить работу. Тем не менее районный комитет приложил все усилия, чтобы связаться с союзами, восстановить партийные ячейки и через них направлять рабочее движение. Это ему в значительной степени удалось, и в настоящее время работа в городском районе ведется организованно и успешно [1]).

Из этого же «Коммуниста» можно судить о настроении рабочих. Рабочий ж.д. пишет:

„Товарищи-железнодорожники. С болью в сердце пишу я эти строки, но дальше молчать нельзя. Подумайте только, в каком положении остались наши товарищи. Их увольняют, их преследуют на каждом шагу. Их арестовывают, расстреливают, они голодают со своими семьями и детьми.

Детки плачут весь день „мама, хлеба", а мама сидит, и ее сердце от этих слов вот-вот разорвется на части, отца нет, его арестовали и неизвестно что с ним. Наша прямая обязанность помочь нашим уволенным и арестованным товарищам, но помочь не милостыней, не подачкой, а союзом безработных, которого начальство не признает.

В союзе засели меньшевики, которые отвечают уволенным т. т.: „Мы преследуем лишь культ.-просвет. цели", и утешают тем, что между прочим, из мастерских уволено больше 1000 ч., а из депо 215 ч.".

Прочь с дороги. Не мешайте рабочим строить рабочую жизнь. Мы должны сплотиться и помочь нашим товарищам. Мы должны потребовать немедленного освобождения арестованных и принятия уволенных товарищей. Если мы этого не сделаем, то нас ждет в недалеком будущем судьба бедствующих товарищей. Так не забудем их. Докажем, что мы достойны слова — „товарищ". Докажем, что сила в нас, — рабочих. Железнодорожник" [2]).

По губернии разрушенные после ухода Советской власти парторганизации к октябрю вновь организовались. При Губпаркоме организован был Губернский Секретариат, ведающий исключительно партийной работой в губернии. Секретариату удалось наладить связь с многими местными организациями. Организации снабжались литературой, работниками, инструкциями и директивами из центра. По мере установления связи с остальными пунктами губернии, деятельность Секретариата расширялась [3]).

Партийная организация в городе имела свои кафе, магазины, прачешные, буфеты; свои квартиры, текущий счет

[1]) Подпольный „Коммунист", № 136—137.
[2]) Т о ж е.
[3]) Т о ж е.

и т. д. Очень часто все эти учреждения закрывались, переходили в другие места, открывались заново. Все это зависило от того, насколько надежно то или иное предприятие, чтобы не провалить парторганизаций, так как след от магазинов, контор, паштетных вел контр-разведку к квартирам т. т., а пытки, применяемые начальником контр-разведки Кирпичниковым, развязывали языки и очень стойким коммунарам.

Работой, занимавшей, главным образом, подпольный комитет, была организация военных ячеек, боевых групп и т. д.

Военным отделом ведала пятерка; во главе которой вначале стоял т. Перепечко. После провала дела принял т. Корнюшин («Георгий»), а затем, в виду слежки за ним, работу пришлось передать приехавшему к этому времени из центра С. Ингулову. Хворостин назначен был начальником военной и политической разведки. Задачи военного отдела, поскольку он был городским, сводились, главным образом, к террористической деятельности и к организации боевых отрядов для подготовки более серьезных групповых операций.

С приездом из центра т. Лазарева, с поручением Запфронтбюро организовать повстанчество в Одесской области, окончательно разрешен был вопрос о работе Военного Отдела. «Мы решили центр военной работы перенести в губернию; деревня была насыщена революционным электричеством, положение на фронте было напряженное, всякое восстание в тылу было равноценно крупной победе на фронте. Задачи были ясны. Военный Отдел был реорганизован в Областной Военно-Революционный Повстанческий Штаб, и в штаб этот вошли Лазарев, Хворостин и я»[1]). Работа была распределена следующим образом: начальником штаба и зав. связью —С. Ингулов, начальником оперативного отдела — Лазарев, начальником разведывательного отдела остался тов. Хворостин.

Тов. Хворостин был связан с одним с-р, студентом, который доставал сведения у двух деникинских офицеров чрезвычайно удачно. Материалы получались в тот-же день. Чуть-ли не раньше, чем доходили до главноначальствующего Новороссийского Края в Одессе, генерала Шиллинга.

В декабре был арестован товарищ, через которого тов. Хворостин был связан со студентом и, не выдержав пытки, выдал квартиру Хворостина. Т. Хворостин был арестован, арестован был также студент, достававший сведения, и оба офицера, доставлявшие сведения. Все были замучены.

К этому времени партийная организация развернула огромную работу. Работали 5 подпольных райкомов: Молдаванский, Морской, Железнодорожный, Пересыпский и Городской. На состоявшемся 6 октября заседании секрета-

[1]) С. Ингулов. „А. Хворостин". Издание Оркома КПБУ.

рей районов выяснилось, что повсюду при союзах организуются коммунистические коллективы. Райкомами ведется учет членов партии и проводится оформление новых коллективов [1]).

2 ноября удалось созвать общегородскую конференцию одесской организации КПБУ. Присутствовало 26 делегатов—представителей от 260 зарегистрированных членов партии. На конференции заслушаны были доклады: 1) Текущий момент и наши задачи; 2) доклад Комитета и 3) выборы Комитета. По первому вопросу конференция постановила:

«Задачи нашей партии должны свестись к следующему: постоянной дезорганизации тыла Деникина и этим самым облегчить положение борющихся на севере братьев. Для этого партия должна напречь все силы, не останавливаясь ни перед чем, а также использовать все силы, активно выступающие против деникинской армии. Систематической пропагандой и агитацией в деревне завоевывать кадры полупролетарских элементов украинской деревни, сознание которых затуманено контр-революционной и провокационной агитацией со стороны врагов рабочего класса. Употребить все усилия, чтобы вызвать замешательство в рядах добровольцев, и в глубоком тылу развить партизанское движение, с целью захвата власти и установления диктатуры пролетариата. Конференция призывает всех сознательных товарищей рабочих в настоящий решающий для мировой революции момент сплотиться вокруг коммунистического знамени и напречь все силы для свержения ненавистного Деникина, знаменующего собой вековое порабощение рабочего класса и торжество мировой контр-революции».

По докладу о деятельности Комитета конференция высказалась за необходимость реконструкции и усиления деятельности военного отдела, а также усилить посылку работников на село. В заключение избран был новый Комитет [2]).

В декабре удалось провести по всем районам подпольные конференции для перевыборов комитетов и учета настроения рабочих. Настроение рабочих по отношению к коммунистам было хорошее.

Деникинщина помогла революционизировать массы... В последние месяцы пребывания Деникина в Одессе официальная пресса пестрит заметками: «По постановлению военно-полевого суда расстреляны 3 человека [3]), «военно-полевым судом приговорен к расстрелу за агитацию против добровольческой армии 1 человек» [4]), «приговорен к 20 годам каторжных работ за сотрудничество в порту при Со-

[1]) Подпольный „Коммунист", № 132—137.
[2]) Подпольный „Коммунист", № 138—139.
[3]) „Одесские Новости", № 11034.
[4]) „Одесские Новости", № 11051.

ветской власти — 1 человек»[1]), «военно-полевым судом приговорены к бессрочной каторге 3 человека за работу в Советском батальоне при Ч. К.»[2]), «препровождаемые конвоирами, под предлогом попытки к бегству (арестованные днем) были расстреляны на Куликовом поле»[3]), «военно-полевым судом приговорены к высшей мере наказания 2 человека за участие в реквизициях квартир и выступлениях на митинге при Сов. власти»[4]), «военно-полевым судом заслушано дело о подпольной организации большевиков. Суд приговорил М. Гитмана, А. Хворостина, Милеса, Рюмина к расстрелу, трех человек в бессрочную каторгу, одного сослали в каторжные работы на 20 лет и трое были приговорены к заключению в тюрьму на 1½ года»[5]). В подпольном «Коммунисте» (№ 135) находим заметку: «На Пересыпи повешено 4 рабочих за агитацию против проводимой добровольческой армией мобилизации. Трупы висят на разных многолюдных улицах».

В городе жизнь становилась невероятно дорогой. Не было топлива, воды, света, стоял трамвай. Владельцы промышленных предприятий давили рабочих, пользуясь защитой власти. Металлисты вели переговоры в течение двух месяцев о прибавке и в конце концов решили в случае неуступок со стороны владельцев об'явить забастовку. Часть владельцев пошла на уступки. Городские рабочие и служащие требовали уплаты жалованья, также угрожая забастовкой. Такое же настроение было и среди ж. д., где на состоявшейся в январе партконференции ж. д. узла партийцам дано задание, как можно больше агитировать за забастовку и придать ей политический характер.

17 декабря в Одессе состоялось совещание секретарей всех коммунистических организаций Херсонской губернии. Совещание рассматривало вопросы: 1) организационный, 2) финансовый, 3) военный, а также доклады с мест и доклад Губкома[6]). Связь с местными парткомами Областкому удалось наладить, но регулярно поддерживать ее было трудно. Доклады с мест обрисовали положение организаций и настроение во всех главных пунктах губернии. Выяснилось, что, за исключением наиболее хорошо поставленной Николаевской организации, на местах ощущается недостаток ответственных организаторов и партийных работников. Совещание постановило для более планомерной работы на местах просить присылки из центра работников, а также произвести обмен работниками между различными организациями губернии.

---

[1]) „Одесские Новости", № 11051
[2]) „Одесские Новости", № 11052.
[3]) „Одесские Новости", № 11064.
[4]) „Одесские Новости", № 11071.
[5]) „Одесские Новости", № 11093.
[6]) Подпольный „Коммунист", № 146.

Ревоенсовет Южной группы.

Затонский

Ян Гамарник

Якир

Самым обстоятельным был доклад о военной работе, так как партийная организация почти повсюду соприкасалась с боевой революционно-повстанческой. По заслушании доклада дан был ряд раз'яснений и инструкций в области военного и, главным образом, повстанческого дела на местах. Положение на местах было таково: деревня часто стихийно, а иногда руководимая местными штабами и ревкомами, восставала против власти помещиков и буржуазии, поставленной доброармией.

Восстание в Баштанке, Николаевского округа, и Висунске, Херсонского округа, было подавлено. Но штаб сформировался в другом месте и готовил новое выступление. Почва для этого в Николаевском и Херсонском округах была благоприятная. В Елисаветграде повстанцы подошли близко к городу, заняли несколько станций, вели подрывную и террористическую работу. В Ананьевском уезде крестьяне настроены были так, что каждую минуту можно было ожидать восстания. Повстанцами был организован штаб, к которому тянулись делегаты готовящихся к восстанию деревень.

Штабы были тесно связаны между собой и получали директивы от одесского губернского штаба. Отмечалось также, что Одесский и Тираспольский уезды недостаточно были связаны с Областкомом [1]).

Таким образом, понятно, что и город и деревня были готовы по первому зову коммунистической партии подняться для уничтожения деникинских банд, которые, чувствуя близкий конец, расправлялись с рабочими и партийной организацией.

1920 год.

Очередными жертвами явились коммунисты, судившиеся по, так-называемому, «процессу 17» военно-полевым судом. К смертной казни приговорены были: Дора Любарская, Ида Краснощекина, Ройфман Яша (Безбожный), Лев Спивак (Федя), Борис Михайлович (Туровский), Дуниновский (Зигмунд), Василий Петренко, Миша Пельцман, Поля Барг.

Письма этих товарищей из застенка рисовали жуткую картину издевательств и мучений, практикующихся в деникинской контр-разведке, и настроение коммунистов, бодро умирающих «сознавая, что на воле остались товарищи, которые продолжают работать, и что дело великое близится к торжеству» [2]).

14 января 1920 г. военно-полевому суду предана была группа в 6 человек, обвинявшихся в организации в период Соввласти полка им. Старостина, а также в участии в ра-

[1]) Подпольный „Коммунист", № 146.
[2]) Из письма Яши Ройфмана.

боте подпольной организации [1]). 22 января арестована была группа членов боевой организации партии, среди которых арестован был т. Лазарев [2]).

Все же еще в начале февраля удалось созвать городскую конференцию, на которой присутствовали все районы: Городской, Молдаванский, Пересыпско-Слободский, Морской и Железнодорожный, а также президиум Губкома и много активных работников. Первый день конференция посвятила заслушанию докладов Губкома, военного отдела, Красного Креста, редколлегии и райкомов. Докладчики Губкома подчеркивали чрезвычайно трудные условия партийной работы в Одессе, всегда настроенной контр-революционно, а теперь ставшей центром белогвардейщины и притоном офицерства, бежавшего сюда со всей Украины.

При создавшейся обстановке требовались огромные усилия для сохранения и укрепления подпольной организации, выделения товарищей, годных для нелегальной работы, и планомерного использования сил, поэтому, критикуя деятельность Губкома, нужно учесть специфические одесские условия.

Докладчик военного отдела разделил работу на 2 части: первая—когда ставили чрезвычайно широкие задания и привлекали в военную организацию много неподготовленных и прямо негодных элементов, вторая—когда деятельность ввели в более узкие рамки и, сократив количество, обратили сугубое внимание на качество. Этот шаг оказался безусловно правильным и соответствующим интересам организации вообще и военного отдела, в частности.

Докладчик редколлегии отметил широкое распространение подпольного «Коммуниста» и исключительное доверие, завоеванное им среди рабочих масс. Редакционное дело налажено так, что ведется при минимальных затратах сил и средств. Затем сделали доклады райкомы и представитель Красного Креста.

На другой день велись прения по докладам. Выступавшие товарищи указывали на различные дефекты в работе комитета: недостаточную связь с райкомами, неорганизованность секретариата и т. п. По докладу о военной работе выступавшие в прениях товарищи отмечали острую потребность в военной работе и организации боевых рабочих дружин.

Принятая резолюция предлагала новому комитету: «немедленно совместно с райпаркомами повести работу по укреплению организации и обратить особенное внимание на подготовку партии к переходу на легальное положение.

Вместе с тем, поручить паркому в срочном порядке выделить военно-революционный орган

[1]) „Одесские Новости", № 11106.
[2]) „Одесские Новости", № 11113.

для руководства военной работой в период, непосредственно предшествующий вступлению в город Советских войск, и возложить на него все военно-политические функции до создания правомочного Совета Рабочих Депутатов». Затем состоялись выборы Комитета [1]).

В последние дни главноначальствующий Новороссийск. края Шиллинг сделал два красивых жеста: освободил группу рабочих ф-ки Попова, обвинявшихся в участии в большевистской боевой дружине, и помиловал рабочего ропитовца, обвинявшегося в «активном сотрудничестве в партийной коммунистической организации» и приговоренного к смертной казни. Последний был помилован с условием отправиться на фронт и искупить там свою вину. Вообще, очевидно, Шиллинг думал этими двумя поступками подействовать на рабочую массу с тем, чтобы она помогла деникинцам удержаться в Одесском районе, чему очень сильно помогали и союзники.

В газете [2]) мы читаем заметку: «В последние дни отмечается усиление союзной помощи, особенно со стороны англичан, которые идут навстречу нашему командованию не только в защите Одесского района и города, но вообще в помощи, необходимой для снабжения фронта оружием, аммуницией и т. д. Как передают нам, в последние дни состоялся ряд совещаний представителей нашего командования и английской военной миссии, на которых подробно выяснился размер и степень союзной помощи. Часть вопросов уже разрешена в окончательном виде, наиболее же серьезные вопросы, касающиеся более активных выступлений английского флота, остались незаконченными и отложены впредь до получения исчерпывающих инструкций от верховного английского командования».

Впрочем, ни подобные заметки, ни призывы Шиллинга, ни даже призывы знаменитой «антибольшевистской Киевской рабочей армии» не могли убедить рабочих в том, что деникинские генералы могут быть защитниками интересов рабочих. Между прочим, ж. д. встретили Киевских антибольшевиков также, как и ропитовцы.

Не помогло даже интересное воззвание начальника британской военной миссии полковника Иолл:

„Гражданам Одессы. Наступил момент активной работы, а не политических разговоров. Раздоры и несогласия в Одессе не позволяют предпринять решительных мер, чтобы остановить приближение врага к городу.

Только в одном сходятся все партии — именно, в их вражде к большевикам. Большевики враги всего цивилизованного мира.

Поэтому во имя цивилизации, как представитель британской военной миссии, я призываю все культурное население прекратить все споры и раздоры, чтобы соединиться и двинуться против нашего общего врага.

---

[1]) „Коммунист“ № 148. Последний №, выпущенный в подполье.
[2]) „Одесские Новости“, № 11110.

Недостаток солидарности, недостаток дисциплины и веры в начальников все это является причиной настоящих временных успехов варваров.

Соединитесь для спасения города, ваших жен и детей, будьте солдатами, кто будет защищать культуру от разрушающих ее дикарей.

Начальник британской военной миссии, полк. Иолш". [1].

Одесский Комитет Партии Коммунистов (большевиков) Украины, Комитет партии л. с-р (борьбистов), комитет партии боротьбистов опубликовали свое воззвание:

От военно-революционного комитета г. Одессы.

„Враг разбит. Банд царских холопов и помещичьих сынков на Украине нет больше. Раздавлен последний осколок деникинской реакции — группа генерала Шиллинга. Через пару дней над освобожденной Одессой взовьется красное знамя, и насильно оторванный от строительства новой жизни одесский рабочий класс вновь вернется к прерванной работе по воссозданию разрушенного хозяйства и укреплению своей социалистической родины.

Моментом, когда агонизирующая контр-революция уже не в силах противостоять натиску революционной армии, а пролетарская власть в городе не сорганизована, несомненно, попытаются воспользоваться темные элементы для целей чуждых и вредных рабочему классу. Помешать врагам трудового народа и черной сотне в их человеконенавистнических планах, об'единиться для создания и охраны революционного порядка, подготовки для принятия в свои рукн городского хозяйства — вот ближайшая задача одесских рабочих.

В надежде на самодеятельность широких рабочих масс и поддержку трудового населения и приступил к работе Военно-Революционный Комитет г. Одессы, в переходный период возлагающий на себя всю военно-административную и политическую власть в городе.

Организованным путем соглашения всех партий, возглавляющих революционный пролетариат и крестьянство, Военно-Революционный Комитет ставит себе целью защиту и обеспечение интересов трудового народа и охрану революционного порядка и в работе своей он будет упираться исключительно на широкие слои трудового населения. В то же время считая своей главной задачей– подготовку нормального Советского строя в Одессе, на основе свободно выраженной воли трудового народа. Военно-Революционный Комитет уже приступил к организации выборов в Совет Рабочих Депутатов и к восстановлению всех рабочих организаций, разогнанных деникинскими жандармами, для чего при Военно-Революционном Комитете организована особая комиссия во выборам в Совет Рабочих Депутатов.

Только широкая, организованная поддержка, революционная энергия и самодеятельность трудящихся масс помогут Военно-Революционному Комитету преодолеть разруху, хозяйственный развал и тяжелое наследие добровольческих варваров.

Одесский К-т Партии Ком. Б-ков Украины.
Комитет Партии левых с.-р. (борьбистов).
Комитет Партии Боротьбистов". [2].

Это означало конец интервенций, начало мирного социалистического строительства.

Е. Гороховская.

---

[1] „Одесские Новости", № 11026.
[2] „Одесский Коммунист" от 8/II—1920 г.

Одесская организация КП(б)У 1920-1924 г.

Одесса была занята советскими войсками 7 февраля 1920 г. В организованный тотчас-же по вступлении советских войск в Одессу военно-революционный комитет вошли помимо коммунистов левые с.-р. (борьбисты) и боротьбисты. Советская власть получила огромный город, центр белогвардейщины, приток офицерства, бежавшего сюда со всей Украины, к тому же охваченный огромной эпидемией сыпного и других тифов. В городе и уездах свирепствовал уголовный бандитизм.

Временный губернский партийный комитет составлен был из товарищей, частью присланных из центра, частью вышедших из подполья, под председательством Яна Гамарника, при секретаре Павле Логинове (в то время еще были председатели партийных комитетов). Всего 9 человек: Ян Гамарник, Павел Логинов, Чемеринский, Кин, Лаврентий, Корнюшин, Ингулов, Вера и Панкратова. Тотчас-же после сконструирования комитета были организованы временные уездпаркомы, а в Одессе райпаркомы в числе 6-ти, а также отделы Губпаркома. Сконструированы были редакции, и стали выходить две газеты — «Известия Одесского Губисполкома» и партийный орган «Коммунист».

Одним из первых мероприятий комитета было консолидировать организацию, очистить ее от примазавшихся мелкобуржуазных карьеристских, а порой полубандитских элементов. Дело в том, что по выходе из подполья в суматохе первых дней в партию влился, помимо стойких революционеров, работавших в подполье, ряд лиц, ничего общего с партией не имевших, воспользовавшихся переходным периодом, чтобы об'явить себя партийцами-коммунистами. Для проведения партийной чистки была об'явлена партийная перерегистрация, которая проводилась через выделенные Губкомом центральные и районные комиссии. Первая состояла из 5-ти человек под председательством Яна Гамарника, а районные из трех. Работа комиссий дала положительные результаты: был исключен целый ряд лиц, примазавшихся к партии, но все-же партии не удалось освободиться окончательно от чуждых элементов[1]). Новому Губпаркому при-

[1]) Дело Петрова (Ильченко) следователь Ч. К., рабочий, имевший партийный стаж с 1917 г.; пьянствовал с бандитами и прикрывал налеты, деля с ними добычу. Расстрелян.

шлось работать при крайне тяжелых условиях. Одесская промышленность была разрушена, продовольственный вопрос стоял крайне остро, транспорт был почти парализован, в уездах Советская власть была шаткой, организация ее сильно отставала из-за недостатка партийцев на местах; кроме того, в уездные партийные организации влилось большое число петлюровцев, которые использовали партию как ширму и ожидали лишь подходящего момента, чтобы сбросить маску. Но в городе настроение рабочих масс было крепкое. Это показали перевыборы в Бюро Профессиональных Союзов, которые дали огромное большинство коммунистам, и общегородская беспартийная рабочая конференция (от 7—15 марта). Несмотря на происки меньшевиков, резко выступавших на конференции, последняя приняла все резолюции большевиков, поддержанные левыми эс-эрами (борьбистами) и боротьбистами, и призвала одесских рабочих «стать под красное знамя Советской власти для победных боев с голодом, холодом и разрухой». На этой конференции, как никогда, быть может, сказалась предательская сущность и дикая ненависть к Советской власти меньшевиков. Пред лицом победившего пролетариата меньшевистский лидер Астров заявил, что «хозяином России должен быть мужик (читай—кулак), с одной стороны, и международный капитал, с другой», «что III Интернационал ведет Россию к гибели, и что звуки гимна «Интернационал» звучат для него как похоронный марш». Он же горделиво бросил конференции: «добровольцы приходят, добровольцы уходят, большевики уходят, большевики приходят, а мы остаемся». Они оставались для того, чтобы предавать рабочий класс буржуазии и помещикам... Все же следует отметить, что среди рабочих были и колеблющиеся: при голосовании резолюции по вопросу «о ближайших задачах пролетариата» за большевистскую резолюцию голосовало 511 конферентов, против 79, а 80 воздержалось. В начале апреля был созван городской совет, а 20 апреля Губернский С'езд Советов, прошедшие под знаком поддержки Советской власти.

Приближалась весна. Пред партией стоял вопрос о засеве полей крестьянами, о снабжении их семенами, о скорейшем налаживании работы земотделов. Для этого пришлось спешно мобилизовать необходимое количество работников, но наряду с этим деревня требовала политической обработки: нужно было расслоить деревню, поставить на ноги союз безземельных и малоземельных крестьян. К сожалению, дело подвигалось на первых порах туго, вследствие недостатка опытных партийных работников, а также вследствие слабой работы уездных отделов работы в деревне. Также плохо обстояло дело с городской промышленностью. Еще в апреле многие заводы бездействовали за неимением сырья, топлива. Продовольственный вопрос стоял все время очень остро, так что парком должен был в начале мая принять экстрен-

ные меры: воздержаться от предполагавшегося запрещения вольной продажи хлеба до накопления достаточного хлебного фонда; предложить отделу управления предпринять меры к охране привозимых крестьянами продуктов, чтобы они не попадали к перекупщикам; позаботиться о снабжении рабочих нормированными продуктами; и, наконец, мобилизовать всех партийных продовольственников для продовольственной работы в деревне. В начале июня было мобилизовано, кроме того, 560 рабочих для прод. отрядов, в том числе 60 коммунистов. В результате, в июне продовольственный кризис ослабел. Однако, в связи с продовольственным кризисом усилилось брожение среди рабочих, особенно среди Ропитовцев.

В виду тревожного положения, близости польского фронта, а также преследуя цели дисциплинирования организации, партийный комитет постановил перевести организацию на казарменное положение (всех способных носить оружие) и приступить к военному обучению членов партии в утренние часы (от 7—9). В конце июня экономическое и политическое положение губернии заметно улучшилось, продовольственный кризис ослабел, и Губком постановил созвать на 10 июля губернскую партийную конференцию, на которой в повестке дня стоял вопрос о выборе Губкома (Губконференция была потом перенесена на 18 июля).

В первой трети июля, согласно распоряжения Ц. К., Одесская губерния подчиняется Реввоенсовету 14 армии, вместо Губисполкома назначается Ревком, куда входит и представитель Реввоенсовета 14 армии—Горбунов. Губком подчиняется Реввоенсовету и командованию 14 армии. Из Одессы отзываются т. т. Ян и Кин. Этому предшествовало следующее обстоятельство: побывавший незадолго до этого в Одессе Луначарский выступил с устным и письменным заявлением на митинге в Первомайске, статьей в Харьковской газете и заявлением т. Сталину, в которых он обвинял Одесскую организацию КП(б)У в отсутствии пролетарского коммунистического поведения и буржуазном пленении. Чем было вызвано подобное заявление т. Луначарского трудно сказать, однако, не подлежит сомнению, что в заявлении было много суб'ективного и основывалось, очевидно, на непроверенных фактах. Это обстоятельство и явилось, по заявлению Горбунова, причиной создания Ревкома.

Постановление ЦК произвело крайне тяжелое впечатление на всю организацию и на руководящих товарищей. На памятном для одесской организации заседании от 14 июня—Губком вынес следующее постановление:

1) Одесский губком, заслушав приказ Юго-западного фронта, принимает его к неуклонному проведению в жизнь, как боевой приказ.

2) Одесский Губком доводит однако до сведения Ц. К., что считает неправильным назначение ревкома, уклоняясь от конструкции IV Всеукраинского С'езда Советов.

3) Подчинение Р. В. С. 14 армии, персонально неспособному справиться с серьезными задачами управления губернии, считает чрезвычайно вредным, что приводит к дезорганизации советского и партийного аппарата.

4) Одесский Губком решительно протестует против обвинения его и Губисполкома в отсутствии твердой политики и буржуазного плена, что, по заявлению члена Р. В. С. 14 армии Горбунова, явилось причиной создания Ревкома.

Одесский Губком констатирует, что до настоящего момента в политическую линию Губкома не было ни разу внесено корректуры Центрального Комитета, указывающей на неправильность общей линии поведения, и тем самым Ц. К. несет ответственность за характер нашей работы. Губком требует от ЦК срочного назначения Комиссии для расследования действий Губкома и Губисполкома в целях предания суду виновных.

Согласно заявления т. Горбунова о подчинении Губпаркома Р. В. С. и Комарму 14 — Губком подтверждает свое исключительное подчинение ЦК. Одесский Губком заявляет ЦК, что, в случае оставления в силе приказа о подчинении его Ревсовету 14 армии, Губком слагает с себя ответственность за действия Ревкома и вынужден будет целиком сложить полномочия. Вместе с тем, Губком ходатайствует перед ЦК об оставлении Яна в Одессе.

ЦК КП(б)У ходатайство Губкома не удовлетворил и ответил назначением Губбюро под председательством присланного из центра Сырцова. Из Одессы помимо Яна были отозваны еще несколько ответственных товарищей. Из Харькова был послан член ЦК Шумский [1]) и еще несколько ответственных товарищей. Все это произвело крайне тяжелое впечатление на организацию, которая готова была видеть в назначении Губбюро недоверие к самой организации со стороны ЦК. Однако, никаких эксцессов в партийной организации в связи с этим не произошло; партийная дисциплина оказалась достаточно крепкой [2]). Назначенная на начало июля Губернская партийная конференция, вследствие назначения Губбюро, не состоялась. Учитывая настроение организации, Губбюро сочло однако нужным вместо конференции назначить совещание представителей уездных организаций, куда были допущены все без исключения конференты, в том числе и городские. На этом совещании были заслушаны доклады, которые предполагалось поставить на конференции, кроме выборов Губпаркома.

---

[1]) Председателем Ревкома с чрезвычайными полномочиями.
[2]) Из отчета председателя Губбюро т. Сырцова в Ц. К.

Но настроение организации осталось подавленным; Губбюро в своем донесении в ЦК констатирует, что часть работников как партийных, так и советских проявляет упадок энергии, усталость; от'езд ряда ответственных работников сильно ослабил организацию. К тому же Губбюро по плановому наряду ЦК должно было мобилизовать 200 товарищей, что очень сильно обескровило организацию. В самой Одессе удалось мобилизовать и то с большим трудом лишь 138 чел. Уездам было предложено мобилизовать 50 человек. В некоторых уездах (Ананьевском и Тираспольском) на этой почве произошли крупные инциденты: на общем собрании шкурнически настроенным элементам удалось в связи с мобилизацией добиться переизбрания паркомов, но выборы были аннулированы Губбюро. Чтобы разрядить атмосферу, бюро перебросило часть засидевшихся и «обросших» связями в другие уезды, назначило новые Ревкомы и новых завед. отделами. Эти мероприятия дали положительные результаты; вместе с тем, Губбюро предприняло шаги по усилению уездных организаций; в уезды был послан ряд ответственных работников.

Постоянные мобилизации на фронт, для работы в деревне и на продработу, абсолютно неизбежные, значительно отразились на работе в городе: особенно были ослаблены заводские ячейки; были и такие предприятия, где совершенно не было коммунистов, разладилась работа и в профсоюзах. Но и на селе политическое состояние было не совсем благополучное. В некоторых из них—Балтском и Вознесенском—довольно сильно был развит политический бандитизм, настроение было тревожное, в связи с деятельностью петлюровских и белогвардейских агентов. Деревня была почти не расслоена, комнезамы слабы, что с полной ясностью вырисовалось из уездных с'ездов комнезамов, которые к тому времени были проведены партией; во многих волостных исполкомах крепко сидел кулак. В связи с таким политическим положением в уездах, Губбюро решило провести кампанию «нажима на кулака». Этой кампании решено было придать широкий размах. Для проведения этой кампании была мобилизована половина членов Губбюро, 200 членов партии и свыше 3-х тысяч членов профсоюзов (что дало повод меньшевикам развить свою агитацию: на общегородской конференции профсоюзов, завкомов и совпрофа при обсуждении вопроса о мобилизации Астров указал, что Советская власть идет по линии наименьшего сопротивления и обескровливает рабочий класс). Мобилизованные были сведены в агитационные и продовольственные отряды. На них была возложена задача политическая, с одной стороны, и продовольственная, с другой. Отряды должны были заняться извлечением хлебных излишков и политическим расслоением деревни. Кампания оказалась очень удачной, благодаря политическому такту, проявленному этими отрядами. Отряды

начали с укрепления комнезамов и поднятия их авторитета и всю кампанию по из'ятию излишков провели через комнезамы. Кулак был терроризирован и без сопротивления отдавал излишки. Ком'ячейки, бывшие на полулегальном положении, начали развертывать свою работу и приобретать авторитет, становясь значительным фактором крестьянской жизни.

Деревенская беднота решительно стала опорой Советской власти на селе. Чтобы оформить работу на селе, выяснить ближе ее недостатки и наметить основные вехи, 5-го октября был созван с'езд комнезамов, который прошел под лозунгами партии и провел все резолюции партии. После с'езда состоялось об'единенное заседание делегатов с профсоюзами и заводскими комитетами, на котором было подчеркнуто единство трудящихся города и села. Это привело к расслоению деревни и дало хорошие результаты в смысле борьбы с бандитизмом и т. д. Кроме с'езда комнезамов, был созван с'езд сельских исполкомов, который дал важные материалы для правильного организационного оформления власти на селе.

В этом же году партийный комитет один из первых на Украине попытался втянуть в орбиту влияния Советской власти сельскую интеллигенцию, в лице сельских учителей. Осенью был созван с'езд народных учителей, установивший общий язык между учительской массой и Советской властью. В самом городе положение продолжало оставаться тяжелым; непрерывный продовольственный и топливный кризис вызывал у рабочих масс пришибленное настроение и нервировал их; к тому же прибавились неудачи на фронте. В ноябре кризис достиг самых больших размеров: прекратилась деятельность водопровода из-за недостатка топлива, закрылись пекарни из-за недостатка топлива и муки; хлеб и обед не выдавался рабочим самых ударных предприятий. Фунт хлеба дошел до 1000 рублей, ведро воды до 400 руб. Только к концу ноября продовольственный и топливный кризис несколько ослабели и с новой силой разразились в декабре.

На фоне тяжелой хозяйственной разрухи начала свою работу Губернская Партконференция, открывшаяся 1 ноября. На конференции развернулась борьба вокруг острых вопросов протекавшей тогда в партии дискуссии. Однако, в Одесской организации дискуссия не развернулась до пределов и форм, какие наблюдались в других губерниях.

Все же организация, недовольная назначением Губбюро, подчеркнула на конференции свое отношение к решению Ц. К. При выборе президиума конференции боролись два списка, — один из защитников линии ЦК., куда входили— Сырцов, Клименко и друг., второй из несогласных с Ц. К., где фигурировали Паля, Корнюшин, Сушков, Морозов и др., и куда был включен также и Сырцов. Победил вто-

рой список, что показало настроение организации в этом вопросе. Борьба была направлена не против лиц, а принципа, так как конференция избрала все бывшее Губбюро в новый Губком, а новый президиум Губкома был составлен: Сырцов — председатель, Ингулов — секретарь и Рабинсон — все три бывшие члены Губбюро. На конференции тов. Паля выступил с критикой линии Ц. К. в отношении Одесской организации, выразившейся в частой смене руководителей организации, в роспуске старого Губпаркома и в назначении в Одессу людей, незнакомых с местными условиями работы. Защищавший линию Ц. К. Клименко доказывал, что отношение Ц. К. к прежнему Губкому было правильным, так как он не справлялся с работой. Только Губбюро удалось реорганизовать Совпроф и сделать его революционным органом рабочего класса.

Новоизбранный Губком состоял из 21 челов.: Сырцов, Ингулов, Рабинсон, Клименко, Богуш, Паля, Кристалловский, Костров, Трилисский, Смолянский, Морозов, Дейч и друг. Общее настроение партийной организации, по крайней мере подавляющего ее большинства, после Всеукраинской партийной конференции характеризуется той резолюцией, которую приняло общегородское собрание по докладу о Всеукраинской конференции:

«Общее собрание Одесской организации КП(б)У, обсудив доклад о Всеукраинской парторганизации, считает, что конференция в период намечавшегося партийного разброда, пред лицом стоящих пред страной экономических и политических задач, требующих для своего разрешения общего напряжения всего рабочего класса, сумела организовать единство коммунистической воли, единство партии. Общее собрание считает, что конференция вполне правильно подчеркнула необходимость решительного отказа от остатков украинофобских методов работы в украинской деревне, выдвинув в числе очередных задач партии — оживление политической жизни внутри партии, всемерное использование профсоюзов, выполнение производственной проблемы Советских республик, широкое вовлечение всей рабочей массы в советское и хозяйственное строительство, и поручает Одесскому Губкому провести постановления в жизнь».

Резолюция показывает, что организация стала на деловую точку зрения, но наряду с этим несомненно были и иные настроения. Один член Губкома характеризовал результаты конференции мизерными, считая, что оппозиция, главным образом рабочая, сдала свои позиции и позволила себя смять. Задачу момента он видел в том, чтобы начать организовывать оппозицию, которая не даст обойти себя в следующий раз.

Подводя итоги, Губком в своем докладе ЦК за декабрь 1920 г. констатирует, что среди значительной части организации, несмотря на дружно принятую резолюцию, имеет-

ся неудовлетворенность результатами конференции. Предстоял X-ый С'езд партии, на котором оппозиционные элементы готовились дать решительный бой. Таким образом, 1920 год прошел для организации в тяжелой борьбе с голодом, холодом и разрухой, в героических усилиях наладить советский аппарат в городе и на местах. Одним из центральных моментов работы партии было расслоение деревни, борьба с кулаком, организация беднейшей части крестьянства и привлечение на сторону советской власти середняка.

Условия работы организации, особенно на местах, без преувеличения можно назвать жуткими. Коммунистические ячейки на селе обычно существовали полулегально, называясь «культурно-просветительными кружками». При набегах бандитов часто вырезывались все члены ком'ячейки. Иногда разгрому подвергались целые уездные организации. Многие работники погибали, многие надолго выбывали из строя, получив ранения. В 1920 году в особенно плачевном состоянии в отношении партийной и советской работы находился Вознесенский уезд. Там даже фактически не существовало партийной организации, так как во время нашествия Тютюника погибла большая половина партийных работников. Нет ничего удивительного в том, что уезды постоянно нуждались в работниках, и Губком был постоянно завален требованиями с мест на новых работников, которые он мог удовлетворить лишь в очень ограниченном размере. Кроме того, нужно принять во внимание еще низкий уровень политического развития уездных, в особенности сельских работников; в сельских ячейках было много партизанских, стихийно революционных элементов, недостаточно зрелых в партийном отношении, и это, конечно, сказывалось в настроениях и характере работы сельских ком'ячеек.

В городе работа осложнялась относительной малочисленностью пролетариата в сравнении с мещанскими элементами, многочисленными в Одессе, что приводило к своего рода мещанскому окружению пролетариата. Этим об'ясняется сравнительная неустойчивость последнего, нервничание его в моменты наибольших испытаний; отсюда и влияние меньшевиков в некоторых союзных организациях и в Профсовете и некоторая засоренность партии.

Все же партии удалось организационно окрепнуть и развить работу по охвату масс. Отделы Губкома развили свою работу: организационный отдел успешно вел работу по оформлению организации и созданию ячеек. Были реорганизованы районы по территориальному принципу и из шести районов образовалось 4 — Пересыпский, Железнодорожный, Молдаванский и Слободской. В губернии организационный отдел выдвинул создание районов, явившихся связью между волостями и уездами. Кроме того, Агитпропу удалось от-

крыть уездные партшколы в уездах и губернскую школу в Одессе, которые дали более или менее подготовленных работников для уездов и волостей при столь острой нужде в периферийных работниках. В Одессе издавались две газеты — «Известия Одесского Губисполкома» и партийной организации — «Коммунист», прекративший, однако, через несколько месяцев свое существование.

Работа среди женщин в 1920 году сделала только первые шаги, но все же жен'отделу удалось всколыхнуть самые широкие и отсталые круги женщин через делегатские собрания. В августе была проведена женская конференция, которая прошла под лозунгами партии. На выборах в совет жены рабочих и красноармейцев приняли деятельное участие. Зато в уезде дело обстояло значительно хуже, вследствие отсутствия работников по женработе и отсталости женщины-крестьянки.

Отдел работы в деревне, проводил организацию волревкомов, а позже выборы в советы, рассылал волорганизаторов. Работа этого отдела находилась в плачевном состоянии по тем причинам, о которых мы говорили выше. Во второй половине 1920 г. отдел работы в деревне стал издавать свой орган «Більшовик» на украинском языке.

При Одесском Губкоме функционировал отдел по работе среди нацменьшинств, благодаря пестрому национальному составу губернии, в составе секций: еврейской, немецкой польской. Еврейская секция боролась с влиянием Бунда на еврейских рабочих; она издавала вначале еженедельную газету, которая потом превратилась в ежедневную — «Ди Коммунистише Штимэ». Немецкой секции удалось достигнуть благожелательных отношений к советской власти со стороны немцев-колонистов. Секция издавала еженедельную газету на немецком языке — „Nachrichten". Польская секция развила серьезную работу среди военнопленных.

Что касается количественного состава партии, то точных сведений в 1920 г. учетный отдел Губкома не имел. На 1 сентября имелись сведения о 1678 членах и 1097 кандидатах по Одессе и 1345 членах и 1312 кандидатах по уездам. Ячеек в Одессе насчитывалось 121, по уездам 108. — Эти цифры не полны и недостаточно точны.

В 1920 г. в партию влились, согласно постановления Центрального Комитета, боротьбисты. Для проведения приема боротьбистов была организована смешанная комиссия, состоявшая из 2-х коммунистов и одного боротьбиста, последний был также введен в Президиум Губкома; такие же тройки были организованы в уездах. В результате, в организацию влилось около 150 бывших боротьбистов.

II.

В январе 1921 г. продовольственный кризис усилился. продовольственные органы стремились во что бы то ни стало

выполнить все губернские наряды и раньше всего для Донбасса, в ущерб местному снабжению. Ухудшившееся продовольственное положение привело к усилению контр-революционной деятельности меньшевиков, организации которых начали оживать; правые с-ры повели осторожно свою агитацию. Оживились черносотенно-хулиганские элементы. Среди рабочих, особенно наименее сознательной части, началось движение против коммунистической партии, при чем были попытки со стороны контр-революционных партий организовать это движение в общегородском масштабе. Зачинщиками в этом движении выступали группы грузчиков. Главным образом по их инициативе было организовано несколько собраний явочного характера, с целью противодействовать постановлению Губревкома и Губкома о создании комиссии по борьбе со спекуляцией и вольной торговлей. Не было сомнения, что во всем этом движении противосоветском настроении рабочих действовали руки провокаторов. Был подожжен кожевенный завод б. Боханова, который весь сгорел, имело место бандитское нападение на крупную мельницу с целью разрушить ее. В январе же прокатился ряд забастовок и волнений по заводам. В резолюции, принятой на одном заводском собрании, были выставлены требования — Советы без большевиков, свободные выборы в Советы, свобода печати, слова и т. д. Это были несомненно лозунги, которые были даны Савинковым и его группой и которые фактически привели к восстанию в Кронштадте (доклад секретаря Губкома на II Губпартконференции). Движение, однако, не пошло вглубь; оно было вскоре ликвидировано репрессивными мерами в отношении бандитских элементов и широкой агитационной кампанией среди рабочих, которые на предметных уроках убедились, чего хочет контр-революция. Кроме того, январский пленум Губкома постановил усилить внимание продработе и усилить аппарат продработы новой мобилизацией коммунистов. Наконец, в городе был проведен двухнедельник по вовлечению новых рабочих кадров в партию. Кампания дала новых 600—650 членов партии исключительно из рабочей среды. Была созвана экстренная городская партийная конференция с широким представительством. Партийная конференция ставила себе целью вовлечь в круг партийных интересов новопоступивших рабочих и наметить ряд мероприятий, в связи с недовольством значительных кругов рабочих. Конференция прошла успешно, внесла оживление в организацию и подтянула многих членов партии.

В феврале состоялся III с'езд советов, который, несмотря на тяжесть продовольственного и промышленного кризиса, прошел при высоком под'еме советского настроения у крестьянских депутатов. С'езд констатировал, что политическая работа в деревне дала результаты, что расслоение деревни пошло далеко; комитеты незаможных крестьян всюду сделались реальной силой; в особенности же деятель-

ность комнезамов была значительна в раскулачивании кулака.

Внутрипартийная дискуссия, развернувшаяся перед X с'ездом, не приняла в Одессе уродливых форм, как это было в других местах. Она протекала страстно, партийная масса была взбудоражена; вокруг основных вопросов дискуссии «о роли профсоюзов» и о «внутрипартийной демократии» велись ожесточенные споры. Но эти споры не переливались за край и не мешали деловой работе партии. О соотношении сил различных группировок дает представление голосование на Губернском партийном совещании, которое было созвано в конце февраля для выборов делегатов на X партийный с'езд. За тезисы большинства ЦК и ВЦСПС голосовало 277 чел., за тезисы Троцкого — 107, за тезисы Сапронова и Шляпникова — 89. В связи с результатами голосования группа большинства ЦК послала двух делегатов т. т. Шахновского и Смолянского и трех товарищей с совещательным голосом (Кристалловского, Корнюшина и Кострова), группа, стоявшая на платформе т. Троцкого, — одного с решающим — Сырцова и одного с совещательным голосом (Рубель); группа Сапронова и Шляпникова — одного с решающим голосом — т. Дробниса. Несмотря на то, что два руководящих товарища — председатель Губисполкома — т. Дробнис и председатель Губпаркома т. Сырцов оказались в рядах оппозиционных группировок, линия ЦК имела на своей стороне большинство Одесской организации.

Внутрипартийная борьба сказалась отрицательно на дисциплине внутри партии, и партийный комитет констатирует в своем докладе ЦК ослабление ее из-за неправильного толкования некоторыми членами партии принципов рабочей демократии. Губком счел необходимым в марте провести кампанию укрепления партийной дисциплины, с обсуждением вопросов партийной дисциплины на ячейках. Однако, вопросы широкого политического и партийного значения, обсуждавшиеся на X с'езде, отвлекали внимание партийной организации от ее повседневной работы и текущих кампаний. Первые вести с X с'езда партии всколыхнули организацию и вызвали широкий обмен мнений по основным вопросам порядка дня с'езда. Политическая жизнь партийной организации концентрируется вокруг с'езда, начиная с середины марта; на ячейках, в районах и партийном комитете подверглись обсуждению все решения партийного с'езда. В центре внимания стояли вопросы о продналоге, о методах партийного строительства, о тактике РКП и Коминтерна.

Огромное впечатление на организацию произвели Кронштадтские события. Они явились своего рода оселком крепости и единства партии; они вызвали, как и в других местах, в Одесской организации взрыв энтузиазма и революцион-

ного самопожертвования. На этой почве сгладились даже до некоторой степени оппозиционные настроения части организации; оживилась коллективная политическая мысль; несколько стихли разговоры об «отрыве верхушки», о «политическом омертвении партии». Кроме того, и партийный комитет поставил себе задачей ликвидировать разлагавшие организацию разговоры о привиллегиях, автомобилях и пр. Губернская контрольная комиссия совместно с партийным комитетом предприняла реальные меры для ликвидации некоторых уродливых явлений, давших пищу к недовольству мало-сознательной части организации. Были изданы приказы, регулирующие вопрос о пайках, чрезмерных окладах, о пользовании перевозочными средствами и проч. Ряд товарищей был гласно призван к порядку на почве нарушения этих приказов. Одновременно Губернский комитет осудил тактику отдельных товарищей, пытавшихся частными мелкими фактами отвлечь внимание партийной организации от больших задач дня. С одной стороны, эти методы, с другой, наступившее в партии оживление создали атмосферу содружества.

Политическая обстановка на Одещине после X с'езда партии и Кронштадтских событий также изменилась к лучшему. Кронштадтские события произвели большое впечатление не только на партийную организацию, но и на широкие беспартийные рабочие массы. Антисоветские настроения в рабочих массах, характерные для февраля, начали изменяться в лучшую сторону после Кронштадтских событий. Последние дали возможность развить агитационную кампанию в рабочих массах. Но отклик, как это констатирует отчет Губкома в ЦК, был не единодушен. В части пролетариата партия встретила сознательную поддержку, часть заняла выжидательную позицию, часть сдержанную. Резолюции партии проходили на некоторых рабочих собраниях единодушно, на других они собирали половину и даже треть голосов, остальные воздерживались. Однако, это не означало, что враждебные нам партии нашли сочувствие у рабочих, что рабочие идут за меньшевиками или эс-эрами. Резолюции меньшевиков и синдикалистов успеха не имели, и настроение рабочих не было активно антисоветским, как это было в феврале.

Не блестяще было положение партийной организации к X с'езду в уездах. В Балтском и Тираспольском уездах чувствовался большой недостаток партийной силы, что особенно давало себя чувствовать на фоне разгула бандитизма в Балтском уезде. В других уездах, как, например, в Вознесенском, были сильны нездоровые явления: анархия, пьянство, склоки, личные интриги. Попытки со стороны Губкома поднять работу не привели ни к чему, вследствие нездоровой атмосферы, господствовавшей в руководящем слое Вознесенской организации. Губком принужден был распу-

1-й ОДЕССКИЙ ГУБКОМ КП(б)У
ПОСЛЕ ПОДПОЛЬЯ. 1920 г.

ГАМАРНИК ЯН.

ЛОГИНОВ П.

ЧЕМЕРИНСКИЙ.

КИН.

КОРНЮШИН Ф.

ЛАВРЕНТИЙ К.

ИНГУЛОВ.

ПАНКРАТОВА.

В СОСТАВ ГУБКОМА ВХОДИЛА ТАКЖЕ ЛАПИНА В., ФОТОГРАФИИ КОТОРОЙ НЕТ.

стить Уком и назначить бюро частью из местных, частью из присланных товарищей.

Политическая и экономическая жизнь Одещины стала перестраиваться после X с'езда, согласно принятых партией решений, но далеко не гладко на фоне все ухудшавшегося экономического кризиса. Во-первых, в уездах проявлялось непонимание новой экономической политики и перегибание палки в другую сторону. В некоторых, как, например, в Балтском уезде, сдача в аренду приняла характер возвращения собственности, в аренду сдавали инвентарь совхозов. На этой почве наблюдался рост напора со стороны кулачества и понижение настроения у незаможников.

В связи с этим, партийный комитет счел нужным предпринять кампанию по укреплению комнезамов и привлечь их к работе.

II Губпартконференция (23—28 июля) прошла под гнетущим впечатлением надвинувшегося на Республику и, в частности, на Одесскую губернию недорода. Неурожайной оказалась добрая половина Одесской губернии, голодали сотни тысяч людей. Продналог был собран в таком количестве, что уже в августе не было хлеба для рабочих, и приходилось думать о снабжении голодающих уездов. Губернская конференция занялась в первую очередь делом помощи голодающим. Было решено сорганизовать при Губпаркоме комиссию помощи голодающим; такие же комиссии были организованы по уездам. Была проведена широкая агитационная кампания помощи голодающим.

В виду растущего голода и тяжелого положения масс, партийный комитет попытался мобилизовать общественную инициативу интеллигенции и близких к ней групп. Эта попытка оказалась неудачной, так как общественными комитетами немедленно же овладели меньшевики и эс-эры, которые попытались использовать их для политических целей. Кроме того, они потребовали полной самостоятельности и бесконтрольности комитетов. Это заставило ликвидировать общественные организации в городе и в уездах, и только в некоторых уездах, где общественные комитеты проявили лойяльность, они были оставлены.

Наиболее тяжелое время наступило в январе 1922 г. Усиление голода вызвало рост дороговизны, а вместе с тем усилилась и безработица в связи с сокращением штатов. О размерах голода можно судить по тому, что в Тираспольском уезде до 40% населения питалось отбросами, до 70 тысяч человек буквально голодало. В городе и во многих местностях, особенно в Тираспольском уезде, все более и более учащались случаи голодной смерти. Губком доносил в ЦК, что внутри-губернскими рессурсами можно будет прокормить полуголодным пайком только половину голодающих Одесской губернии. Резко ухудшилось положение промышленности — отсутствовало сырье и топливо. Произво-

дительность труда сильно пала. Материальное положение рабочих на заводах оказалось критическим. На некоторых предприятиях в связи с этим создалось забастовочное настроение, исключительно, однако, на экономической почве. Несмотря на отчаянное положение, влияние партии, как это констатирует Губком, на широкие рабочие массы не поколебалось. Настроение крестьянства в момент наивысшего напряжения голода в декабре и январе ухудшилось, т. к. пришлось применять решительные меры при сборе продналога. Но все же крестьянство шло за Советской властью, несмотря даже на расхлябанность советского аппарата на местах. Не было ненависти к Советской власти на почве голода, наоборот, крестьяне верили Советской власти и ждали от нее помощи.

Начиная со второй половины 1921 года, Одесская организация начинает готовиться к партийной чистке. В Одесской организации несомненно было много нездоровых элементов, что об'ясняется мещанским окружением партии в городе, где спекулянтский и мелко-буржуазный элементы были очень сильны, и рабочие массы были в значительной мере заражены мелко-буржуазными настроениями. К чистке партии в Одессе надо было подойти с особой осторожностью. Бюро Губкома сочло нецелесообразным создание районных троек, как это было в других организациях. Комиссия по чистке партии ввела институт уполномоченных, обслуживавших город, а для уездов выделила председателей, которым было поручено сконструировать уездные комиссии. Однако, чистка в Одесской организации несколько задержалась, благодаря тому, что избранная в начале августа комиссия была распущена Центральной Контрольной Комиссией, в связи с делом Горева, а вновь избранная была утверждена лишь во второй половине сентября. Чистка партии вчерне закончилась к 1 декабря.

Результаты чистки для Одесской организации оказались очень тяжелыми: было вычищено 44% партийной организации [1]). Чем был вызван такой большой процент вычищенных? Как мы уже указывали, с одной стороны, особыми условиями, в которых жила Одесская организация, с другой стороны, возможно была перегнута палка в другую сторону. Во всяком случае, на III Губернской Партконференции результаты чистки вызвали страстные дебаты и нарекания со стороны многих членов партии, указывавших на пристрастное отношение со стороны некоторых членов комиссии, при чем это настроение отражалось и в последующие месяцы на работе Губкома. В своем докладе ЦК секретарь Губкома Одинцов писал, — «в течение периода декабрь-январь работа бюро осложнялась походом против его линии со стороны нездоровой мелко-буржуазной части Одесской органи-

[1]) Доклад секретаря Губкома на III Губернской Партконференции.

зации, об'единенной всякими родственными и дружескими связями с вычищенными из партии. Оставшаяся в партии группа эта подняла голову тогда, когда чистка партии подходила к концу. Свою борьбу против линии Губкома они пытались замаскировать борьбой якобы против отдельных лиц — членов бюро Губкома. Случайную поддержку они нашли среди некоторых старых партийных товарищей, недовольных, быть может, каким-нибудь поступком того или иного члена бюро и введенных в заблуждение этой своеобразной тактикой мелко-буржуазного элемента».

Однако, несомненно, что в процессе чистки партии были сделаны провкомиссией ошибки, что не отрицал председатель комиссии Аверин, ссылаясь на то, что ошибки неизбежно должны были быть в таком сложном деле, как чистка партии. Но дело дошло даже до того, что целый районный комитет, Свердловский, вел борьбу против руководителей чистки — Аверина и Жуковского, что, конечно, было уж совершенно ненормально.

Были ошибки в руководстве со стороны Губкома. На совещании ответственных работников, созванном вскоре после чистки, целый ряд товарищей воздержался при голосовании резолюции, предложенной бюро Губкома, потому что они были против методов Губкома, пытавшегося, по заявлению Кошкаревой [1]), руководить ячейками через голову районных комитетов. Между Губкомом и работниками профсовета бывали неоднократные конфликты, закончившиеся тем, что группа работников, избранная на Всеукраинскую конференцию, принесла жалобу на Губком в ЦК.

Наконец, на II пленуме Губкома (5—7 февраля 1922 г.) секретарь контрольной комиссии Медне заявил, что «Контрольная Комиссия обсуждала вопрос о линии бюро Губкома в последнее время и пришла к единогласному заключению, что она поколеблена и этим колебанием может разложить одесскую организацию». На вопрос секретаря Губкома Одинцова, в чем выражалось шатание Губкома в последнее время, Медне ответил: «когда против отдельных лиц, членов бюро Губкома, ведущих линию бюро Губкома, возникло нездоровое течение в организации, бюро Губкома нашло возможным откомандировать этих лиц в распоряжение ЦК». Это противоречило заявлению Одинцова, что курс бюро Губкома был — беспощадная борьба со склочным мелкобуржуазным и стремящимся свести личные счеты элементом.

После чистки партии многие уездные организации оказались в тяжелом положении из-за недостатка работников, но в общем и целом чистка дала благоприятные результаты. Она сказалась раньше всего на поднятии дисциплины, усилении сознания ответственности каждого члена партии, в укреплении и сплочении рядов партии. Партийная работа

[1]) Материалы II пленума 5—7 февраля 1927 г.

начала значительно развиваться. По окончании чистки была проведена «неделя укрепления ячеек», превратившаяся в шестинедельник укрепления партии. Шестинедельник должен был довести до конца начатое в течение недели организационное укрепление ячеек и заложить фундамент для дальнейшей воспитательной работы. Цель поставленная шестинедельником была достигнута; она дала в результате организационное укрепление ячеек, оживление внутрипартийной работы, спайку среди отдельных членов партии и выдвижение наиболее сознательных членов. Взятый бюро Губкома после чистки курс рабочей демократии встретил единодушную поддержку среди членов партии. Этот курс ставил себе целью оживить партийную организацию, заставить работать здоровую партийную мысль, развить самодеятельность и активность партийной массы. Однако, на первых порах, по признанию секретаря Губкома [1]), достижениями в этой области похвастаться нельзя было. Партийная масса проявляла мало активности и самодеятельности. Одной из основных причин являлась политическая отсталость партийных масс. Поэтому вопрос о воспитании масс III Губпартконференция (от 1—6 декабря 1921 г.) выдвинула как основной.

Таким образом, 1921 год является переломным годом в жизни одесской организации, как и в жизни всей партии. Несмотря на все испытания, неслыханный голод и политические затруднения, партия вышла победительницей, перестроив фронт, чтобы медленнее, но зато вернее вести к его исторической цели пролетариат. Было несомненно, что деревня останется верной Советской власти и что новый курс экономической политики укрепит экономические позиции как города, так и деревни, укрепит союз между рабочим классом и крестьянством. Очистка партии, несмотря на все промахи, также дала положительные результаты.

Работа отделов Губкома задерживалась кризисом, который переживала вся страна и Одесская губерния, в частности. Внутриорганизационная работа партии за 1921 год не сделала крупных успехов, в задачу дня было поставлено поднятие политического значения районов, усиление организационного аппарата на местах. Новым являлось создание групповых собраний ячеек, что впоследствии получило название кустовых собраний, и, наконец, при районных комитетах был введен кадр инструкторов из надежных и зрелых товарищей; кроме того, усилилась переброска партийных сил из губернского центра в уезды.

Агитпропработа, за исключением текущих кампаний, развивалась слабо. Клубная работа, несмотря на организацию показательных клубов, была чрезвычайно слаба как в городе, так и уездах. Губпартшкола влачила жалкое су-

[1]) Материалы III Одесской Губпартконференции.

ществование из-за недостатка снабжения продовольствием, еще хуже дело обстояло в уездах.

Новая экономическая политика нанесла сокрушительный удар работе женотдела, в связи с массовым увольнением работниц с предприятий; делегатские собрания, являвшиеся основной базой работы женотдела, фактически перестали существовать, и только к концу ноября удалось снова создать делегатские собрания, а в конце декабря был созван Губс'езд делегаток. С'езд показал, что на селе имеется многочисленный кадр сознательных работниц, которые могут являться опорой работы женотдела на селе.

Что касается численного состава партии, то к 1 февраля 1921 г. было членов и кандидатов 3224 в городе, а к 1 мая 5271 чел. Такой значительный рост об'ясняется тем, что в районы влились военные ячейки; кроме того двухнедельник вовлечения в партию рабочих дал 700 человек. На 1 июля в уездах было 4191 чел. Социальный состав партии — 50% рабочих, 22% крестьян, 28% остальных — служащих, учащихся.

В 1921 г. состоялись две губпартконференции: II-я Губпартконференция 22—28 июля, III Губпартконференция 1—4 декабря. II-я Губпартконференция обсуждала основные вопросы X партс'езда — о новой экономической политике, из других вопросов стоял вопрос о борьбе с голодом и о линии в отношении комнезамов. На этой конференции у некоторых товарищей выявились ликвидаторские настроения в отношении комнезамов, они проводили глубоко ошибочный взгляд, что в условиях новой экономической политики комнезамы не нужны и являются наростом на теле Советской власти на селе.

На II-ой Губпартконференции был избран Губком в составе следующих товарищей: Аверин, Рабинсон, Смолянский, Корнюшин, Дейч, Освянский, Синяков, Иванов, Миколюк, Кристалловский, Васютин, Луговой, Забудкин, Богданов, Уралов, Уваров, Грановский, Рудовец, Самбургский, Вайнерос, Савескуло, Калинин, Тарасов, Ресот, Таловский.

III-я Губпартконференция обсуждала вопросы о комнезамах и новых методах работы среди комнезамов, о новой экономической политике, хозяйственные вопросы, принципы рабочей демократии.

На III-й Губпартконференции был выбран Губком из товарищей: Одинцов, Аверин, Жуковский, Ляпин, Гинзбург, Дейч, Барышников, Шкляр, Петровский, Богданов, Рудовец, Самбурский, Космин, Миколюк, Забудкин, Ачканов, Алексеева, Владимиров, Кошкарева, Ольгин, Головкин, Тимофеев. Бюро Губкома — Одинцов, Аверин, Жуковский, Гинзбург, Ляпин, Барышников. Секретарь Губернского Комитета Одинцов.

III.

Весной 1922 г. голод достиг кульминационного пункта: голодом была охвачена большая часть губернии, однако, политическое настроение рабочих и крестьян было уже иным.

Крестьянство увидело, что Советская власть всеми силами стремится помочь им в беде как посильной помощью голодающим, так и предоставлением посевного материала; это в значительной степени подняло доверие крестьянской массы к Советской власти и создало почву для работы в деревне. Губком очень серьезно отнесся к весенней посевной кампании; была выделена посевная комиссия, которая вела большую работу по подготовке к посевной кампании, к числу предпринятых ею мер относится большая агитационно-пропагандистская кампания и мобилизация 100 членов партии для проведения на местах посевной кампании, при чем они были пропущены через специальные курсы. Кроме того, в некоторых уездах в посевную кампанию было втянуто учительство и сельская интеллигенция. Особенно велико было участие в этой кампании незаможного селянства. Положение осложнялось недостатком живого инвентаря, достигавшим катастрофических размеров в голодавших уездах. В среднем, в сравнении с довоенным временем в губернии лошадей было меньше на 47,2%.

Но и после голодного года, при недостатке рабочего скота, благотворное влияние новой экономической политики, развязывавшей производительные силы страны, сказалось немедленно: в 1920 г. по Одесской губернии было засеяно 1.500 тыс. десятин, в 1921 г.—1.700 тыс., в 1922 г. около 3.000 тыс. В 1922 г. по Одесской губернии урожай оказался средний, положение деревни несколько улучшилось, но в общем оно все еще продолжало оставаться тяжелым. И уже к концу этого года можно было наблюдать интересные процессы, связанные с НЭП'ом в деревне. Во первых, свободно вздохнув от реквизиций и походов военного коммунизма, кулак заметно стал расти и крепнуть; во вторых, середняк стал постепенно приобретать устойчивость; что же касается незаможного селянства, то партия стремилась поддержать этот слой крестьянства, не только политически, но и экономически.

К сожалению, с этой стороны Губком встречал сопротивление со стороны хозяйственных органов, которые, руководясь хозяйственным, а не политическим расчетом, полагали, что ссуду и помощь должно оказывать тем крупным хозяйствам, которые уже окрепли. С этой точки зрения близорукого хозяйственного расчета партии приходилось неоднократно сталкиваться и позже; пришлось приложить немало усилий, чтобы найти формы, в которые укладывались бы интересы хозяйственных органов с полити-

чески дальнозоркой линией в отношении незаможного селянства. Зато политическое влияние незаможных на селе крепло, они взяли в свои руки советы и захватили большинство в правлениях кооперативов.

Советская власть в деревне окрепла, постепенно в быт деревни стала внедряться советская законность и сознание устойчивости и крепости советской власти. Что касается бандитизма, то в начале 1922 г. он был довольно силен в Первомайском, Балтском уезде, значительно сильнее был уголовный бандитизм. Но уже к концу года мы наблюдаем уменьшение бандитизма, отдельные незначительные вспышки уголовного бандитизма.

Работа промышленности, с момента перехода на хозяйствен. расчет, протекала в чрезвычайно неблагоприятных условиях. Не следует забывать, что этот переход совпал с неслыханным недородом, охватившим значительную часть Одесской губернии. И селянский рынок, как потребитель изделий нашей обрабатывающей промышленности, утратил свою покупательную способность. Кроме того, на первых порах давал себя чувствовать ряд других обстоятельств, влиявших отрицательно на развертывание промышленности: незначительные оборотные средства и отсутствие кредита, местная промышленность не имела возможности и соответствующего торгового аппарата для сбыта своей продукции, что в связи с незнанием рынка давало себя особенно тяжело чувствовать. Промысловые налоги, акцизы и социальное страхование ложились тяжелым бременем на неокрепшую еще промышленность и заставляли иногда, в связи с отсутствием оборотных средств и кредита, выбрасывать на рынок продукцию в тот момент, когда реализация была невыгодна. Тем не менее, удалось добиться не только повышения производительности, но и улучшения качества вырабатываемых продуктов. Эти результаты были получены благодаря реорганизации управления промышленности и упорядочению тарифной политики. Результатом этого упорядочения управления промышленности было повышение количества безработных, в связи с массовым сокращением штатов на предприятиях.

Процесс перестройки промышленности, перевод ее на рельсы самоокупаемости тяжело давал себя чувствовать рабочим массам. Материальное положение рабочих продолжало оставаться тяжелым и стало улучшаться только к концу 1922 года. К этому времени заработная плата даже квалифицированных рабочих была низка. Предгубисполкома тов. Аверин на 5-ой Губпартконференции приводил следующие цифры, характеризующие тогдашнее состояние заработной платы различных категорий рабочих. В отношении фактической довоенной заработной платы металлисты в конце 1922 г. получали 27%, печатники 39%, кожевенники

30,9%, текстильщики 50,4%, мукомолы 38,1%. Благодаря низкой тарифной ставке рабочие принуждены были гнать во всю сверхурочные, чтобы добиться прожиточного минимума. Кроме того, безработица не только не уменьшилась, но даже увеличилась, благодаря связанному с переходом на хозяйственный расчет сокращению штатов на производствах и в советских учреждениях.

На 1 октября имелось свыше 10 тысяч безработных. Тяжелым материальным положением рабочих об'ясняется ряд забастовок, вспыхивавших то в железнодорожных мастерских, то в местной металлической промышленности, то на военных предприятиях и предприятиях Комхоза. Но эти забастовки безусловно имели своей причиной исключительно тяжелое материальное положение рабочих. Рабочие называли эти забастовки — «голодными забастовками». Как только положение рабочих улучшали до минимума, тотчас-же забастовки прекращались. Что эти забастовки не имели политического значения доказывает тот факт, что контр-революционные партии успехом не пользовались у рабочих. Собиравшимся спекулировать на голоде с-рам, выпустившим листовку с призывом не ходить на «парад» (первомайское празднество), рабочие ответили мощной первомайской демонстрацией.

И все же положение рабочих, несмотря на всю тяжесть его, было лучше после введения НЭП'а, чем до него. Если до НЭП'а рабочие вели голодное существование, то на первых порах НЭП'а — полуголодное. И это было шагом вперед.

Новая экономическая политика вызвала оживление и среди контр-революционных группировок; деятельность контр-революции усилила свою работу как в деревне, так и в городе. Во время кампании выборов в Горсовет с-ры распространяли свои листовки, в конце марта на Пересыпи были разбросаны и расклеены листовки правых эс-эров. Но в рабочих массах меньшевики и эс-эры сочувствия не встречали. Рабочие или не читали их совсем или же прочитывали эти листовки со смехом, возмущаясь их содержанием. Они говорили, что правильней было-бы, если бы на них красовались подписи монархистов, ибо содержание их явно контр-революционное. Листовки эти рабочими сейчас же уничтожались. Меньшевики и эс-эры пытались политически использовать забастовки, но даже во время забастовок им не удалось усилить своего влияния на рабочих. С эсэрами боролись не только репрессиями, но на заводах и фабриках против эсэров была проведена кампания, которую на большинстве предприятий рабочие поддержали.

Кроме меньшевиков и эсэров, в известной степени ожила и буржуазно-демократическая общественность Устряловского типа; такого рода настроения наблюдались среди профессуры и врачей. Буржуазно-демократическая общест-

венность пыталась организоваться через различные союзы и общества. Пришлось путем регистрации этих обществ закрыть почти все. Вообще, враждебные нам силы пытались воспользоваться теми легальными возможностями, которые они имели в наших кооперативных, советских, хозяйственных и других организациях.

Влияние НЭП'а на партию сказалось в целом ряде интересных и глубоко важных явлений. Раньше всего рассмотрим влияние НЭП'а на крестьянскую часть. Здесь новая экономическая политика вызвала колебания в неустойчивых элементах, у которых стали развязываться мещанские тенденции, собственнические инстинкты. Это сказалось особенно ярко во время посевной кампании, когда Губком мобилизовал крестьян-коммунистов для посылки из одной волости в другую. Они отказывались, говоря, что хотят поднять сельское хозяйство, но переезжать, они не желают. Они останутся в партии только в том случае, если их оставят в родной волости на принадлежащих им участках земли. Часть коммунистов крестьян в условиях новой экономической политики спешила расширить свое хозяйство, и для этой части партийная дисциплина являлась прямо путами. Вообще, коммунистов-крестьян можно было разделить на три группы: первая—окулачившаяся, порвавшая всякую связь с партией, их крестьяне называли «красными помещиками». Они прикрывали, обычно, свою кулаческую сущность следующими словами — «партия взяла курс на восстановление сельского хозяйства, мы должны служить ей, как примерные хозяева». Часто эти окулачившиеся коммунисты, приобретавшие лошадей, коров, овец, засевавшие 10—15 десятин земли, подавали заявления о выходе из партии под тем предлогом, что партийная дисциплина мешает им заниматься хозяйством; таких партия, конечно, не удерживала. Вторая группа — это элемент колеблющийся, но в котором еще достаточно сильно было революционное сознание, чтобы не порвать с партией; третья группа — небольшая группа, тесно связанная с партией, опора партии в деревне, ее актив. На эту последнюю и надо было обратить особое внимание в смысле воспитания и материальной поддержки. Ибо обычно сельские коммунисты не имевшие участка попадали в материальную зависимость от кулака. Партия старалась поддержать их материально и морально для того, чтобы сохранить и укрепить эту тонкую прослойку на селе.

В городе НЭП также вызвал целый ряд нездоровых явлений: и в городе наблюдался уход из партии элементов, связанных в прошлом с буржуазной и мелко-буржуазной средой, которые в условиях новой экономической политики могли шире развернуть свои таланты, и которых партия только стесняла. Иногда ответственные коммунисты поддавались влиянию буржуазных элементов и уходили из партии. В ра-

бочей же среде колебания вызывались у мало-развитых, политически отсталых и нестойких элементов. Интересно проследить цифровые данные о социальном составе выходивших из партии: с 1 апреля по 15 июня 1922 года вышло из партии 8 рабочих, 42 крестьянина и 1 интеллигент. Замечались еще другие нежелательные моменты: отрыв от партии отдельных членов — хозяйственников, ушедших с головой в хозяйственную работу и забывавших о своих партийных обязанностях; нарушение коммунистической этики на почве разлагающего действия буржуазных нравов; взаимное непонимание, а порой и вражда между коммунистами-хозяйственниками и коммунистами профессионалистами, сталкивавшихся друг с другом в своей работе и переносивших на личные отношения порой противоположные интересы их, как работников. Они не умели на первых порах находить общей и примиряющей линии и забывали, что они служат одному делу. Бывали случаи, когда коммунисты-хозяйственники обращались в Губком с просьбой взять их под свою защиту, т.-к. профессионалисты и рядовые члены партии подрывают будто их авторитет.

Таково было влияние НЭП'а на различные стороны хозяйственной и политической жизни. Партии предстояла трудная задача в условиях развязывания стихи вольного рынка не дать соскользнуть с социалистических рельс нашей крупной промышленности, удержать командные высоты нашей экономики в руках пролетариата, заставить служить интересам пролетариата враждебные ему силы вольного рынка. Для этого партии нужно было подтянуться самой, подковать своих членов марксистским миросозерцанием, овладеть командными высотами не только в городе, но и в деревне. Партии нужно было иметь сознательный и крепкий аппарат на местах, в особенности на селе. Между тем, положение в этом отношении на первых порах было далеко не блестящим. Партийный аппарат в уездах в 1923 году был чрезвычайно скверный; не было денег, перевозочных средств, инструкторов в достаточном количестве. Чистка отняла значительную часть организации, и всю колоссальную работу приходилось вести без материальных средств и партийных сил. Кроме того, не было газет, связь с местами отсутствовала, в особенности там, где связь была не телеграфная, а путевая. Положение работников было чрезвычайно неудовлетворительное, не было достаточно пайков, денег... И не только отдельных работников, но порой и целых организаций. Одна из волостных организаций комсомола из-за отсутствия средств принуждена была распродать свое имущество и ликвидироваться. Партийное руководство на местах было крайне слабое, — секретари вол'ячеек и даже районных комитетов были в большинстве случаев слабы и не справлялись с работой. Кроме того, в волостях партий-

ный аппарат был очень недостаточен и в количественном отношении.

Благодаря этому на селе партийная ячейка пользовалась малым авторитетом, в то время как советские органы на селе пользовались авторитетом. Губком учитывал все это и пытался улучшить постановку работы в деревне различными мероприятиями, достигавшими в большей ил меньшей степени цели. Для подготовки руководителей по проведению задач, которые стояли пред организацией в области работы в деревне, Губком выделил Губсельсовещание, куда вошло 3 члена Губкома, поставив перед ними задачу изучения деревни и затем использовывая членов этого совещания для руководящей работы в уездах. Вместе с тем, Губком сделал попытку улучшить состав секретарей районных комитетов, не менее одного раза в месяц посылал в уезд какого-нибудь члена Губкома, усилил об'езд уездов инструкторами.

В 1922 году партия могла, наконец, впервые после гражданской войны и голода заняться серьезно партпросвещением. Было совершенно ясно, что большего единения в партийных рядах и большего успеха в работе можно будет добиться с поднятием политического уровня членов партии. Начинается массовое вовлечение партийцев в учебу. Школы политграмоты и марксистские кружки охватывают около 30% организации в городе и около 10% в уездах; во всех уездах учреждаются лекторские коллегии, вводятся кружки коллективного чтения вслух. На 1-ое сентября во всей губернии имелось 11 марксистских кружков, 14 школ политграмоты, 16 политкружков и 1 губсовпартшкола. Через 2 месяца в губернии уже было 29 школ политграмоты, 2 уездных школы и 1 губпартшкола. В Одессе функционировал дискуссионный клуб. Все же уровень политического развития организации был достаточно низким; учет политграмотности, проведенный в 1922 году, показал следующие итоги: в первую категорию политграмотности (самую низкую) было отнесено 60% всей организации, во вторую 32%, в третью 6½% и в четвертую 1½%.

Что касается работы женотдела, то и здесь наблюдались значительные успехи. В начале 1922 года целый ряд работников был охвачен ликвидаторскими настроениями в отношении жен'отдела. Они говорили, что жен'отделы ненужны, что работу жен'отделов может взять на себя партийный аппарат, вследствие чего наблюдался уход ряда работников из жен'отдела. Однако, Губернский партийный комитет взял решительную линию в этом вопросе, борясь с ликвидаторскими настроениями, и указал, что работу жен'отделов необходимо сращивать с общей партийной работой. Эта правильная линия Губкома была подтверждена и оформлена 5-м всеукраинским совещанием жен'отделов,

решительно высказавшимся против ликвидаторского течения. 26-го декабря открылся Губс'езд делегаток Одесской губернии, который подчеркнул—слабость связи города с деревней, но вместе с тем показал лицо новой женщины села. С'езд высказался за сохранение делегатских собраний, считая их чрезвычайно важным фактором коммунистического воспитания женщин. Чувствовался значительный сдвиг в сторону усиления коммунистич. воспитания женских масс.

Численный состав партии: в Одесской организации вместе с военными ячейками на июль 1922 года было 6.167 членов партии и кандидатов. Кандидаты составляли 25% численного состава партии. По социальному составу в организации насчитывалось 2.843 рабочих, что составляло 45,3%, крестьян 1.991 чл.—31,8%, служащих 926 ч.—14,8%, интиллигентов и учащихся 220 чел.—8,1%. В сравнении с другими организациями, по своему рабочему составу одесская организация была не последней (в Москве 42% рабочих).

В 1922 году были созваны две Губпартконференции. IV Губпартконференция (13-15 марта) была созвана ранее очередного срока на 2½ месяца, в связи с предстоявшим XI с'ездом Р. К. П.

В порядке дня стояли вопросы преимущественно пред-с'ездовские, партию тогда волновали вопросы, в связи с известным заявлением 22. Избранный на IV Губпартконференции Губком состоял из след. лиц: Одинцов, Ляпин, Косило, Самбурский, Петровский, Дукельский, Богданов, Шкляр, Горелов, Тимофеев, Ачканов, Владимиров, Маркович, Брановский, Суслов, Пашковский, Тарасов, Косьмис, Забудкин, Миколюк, Уваров, Гиловский, Александрович и Яркин.

V Губпартконференция (1—5 декабря) обсуждала ряд вопросов как внутрипартийного, так и политическо-хозяйственного характера. Главнейшими из них являлись вопросы о состоянии партийной организации, партпросвещения, улучшения быта коммунистов, продналога, посевной кампании, кооперации, укрепления промышленности, борьбы с безработицей. В Губком были избраны: Одинцов, Аверин, Ляпин, Левит, Косило, Забудкин, Тимофеев, Кристаловский, Брановский, Заводин, Вайнерос, Побережский, Суслов, Уваров, Владимиров, Рубель, Жариков, Горелов, Югов, Маркович, Мануйленко, Копелев.

Если подвести итог результатам партийной работы в 1922 г., то следует отметить, что в этот год наметилось явное сближение между партийной организацией и беспартийными рабочими массами в городе, рост влияния партии на заводах и фабриках: беспартийные рабочие проявили усиленный интерес к работе ком'ячеек, посещение беспартийными рабочими заседаний ячеек значительно усилилось, районные комитеты сообщали в Губком, что рабо-

чие предприятий, где не было ячеек, шли на заседания ячеек других предприятий. В деревне наблюдался несомненный рост влияния партии на бедняков и середняков. Новая экономическая политика партии хотя и вызвала к жизни некоторые уродливые явления, но не ослабила, а наоборот усилила связь между рабочим классом и крестьянством и пролетарское руководство деревней. Поэтому совершенно прав был т. Аверин, когда на V Губпартконференции сказал: «с отдельными уродливыми явлениями НЭП'а надо бороться, но из этого не нужно делать правила и утверждать, что экономическая политика (читай «новая») действует разлагающе на ряды нашей партии. Нужно обратить самое сугубое внимание на создание той смычки с селянством, которая остается пока в форме декларации»[1]).

IV.

В 1923 году в промышленности действовали те же отрицательные факторы, что в 1922 году; прекращение эмиссии в высокой степени затрудняло своевременное кредитование промышленности, и одесская промышленность, наравне с промышленностью всей страны, испытывала чрезвычайно сильный финанс. кризис. В общем, в Одессе наблюдалось то же явление, что и во всей стране — отсутствие должной увязки между общим принципом кредитной политики и общими тенденциями развития нашего хозяйства, т. к. банки все время шли по пути хозяйственного расчета. Благодаря этому, хотя на некоторые заводы и поступили заказы, но уплата по ним не производилась (завод «Красная Звезда», завод «Гена» и др.). Но если заводы, обслуживавшие крестьянский рынок, имели достаточную загрузку, то в основных отраслях промышленности в целом—Металлотрест, Химоб'единение, Электроо'единение чувствовался довольно тяжелый кризис. Некоторые предприятия были загружены на 25%, другие еще меньше. В более удовлетворительном состоянии находилась легкая промышленность — Укрмут, Кожтрест, Текстильтрест, Табактрест, Маслотрест. Кроме того, успела несколько окрепнуть местная промышленность. Что касается торговой сети, то она была сравнительно слаба в губернии, вследствие чего товары слабо проникали в деревню, и крестьяне искали и находили их в частных руках; давало себя сильно чувствовать раздвижение ножниц между ценами на промышленные и сельско-хозяйственные товары.

Сельское хозяйство в губернии сделало за 1923 год значительный скачек. Посевная площадь повысилась до 2.917.322 десятин (контрольная цифра), хотя наряду с этим

[1]) Материалы V Губпартконференции.

в губернии было около 47% безлошадных хозяйств. Урожай оказался средним. Но взимание единого сельско-хозяйственного налога сопровождалось рядом ошибок и неправильной политикой цен, что являлось результатом отсутствия на первых порах опыта у партии в этом вопросе. Денежный налог был расчитан по старым ценам, когда цены на хлеб в Одесской губернии были 18 коп. пуд, но затем в связи с хлебозаготовками цена на хлеб поднялась до 35 коп. пуд. Это продолжалось до половины ноября, когда половина продналога уже была собрана, правительство спохватилось и повысило эквивалент. На этом деле выиграл крепкий мужик, который успел внести раньше продналог. Беднота не могла использовать этой благоприятной ситуации, и последовавшее затем выравнивание коэффициента ударило раньше всего по бедноте, которая должна была продать большую часть своей продукции для того, чтобы уплатить продналог.

Такое положение ударяло по сельскому хозяйству не только материально, но и в смысле настроения. Вообще, к этому времени стала проявляться уже другая сторона Нэп'а, — кулачество постепенно укрепляло свое хозяйство и экономически стало давить на малоземельное крестьянство. В этом сложном переплете требовалось вмешательство власти, чтобы не дать развернуться этому процессу до его логического конца.

Положение рабочего класса в 1923 году дает несомненное улучшение, что сказалось и на политическом настроении рабочих. Заработная плата значительно повысилась. В отношении к довоенной норме заработная плата различных категорий рабочих на май представлялась в следующем виде: печатников—83% довоенной нормы, деревообделочников—81%, швейников—72%, химиков—96%, маслобойщиков—123%, табачников—114%, мукомолов—72%, кожевенников—144% (исчисление ведется по товарному рублю)[1]). Но так как выплата заработной платы задерживалась иногда на месяц и больше, при падающей валюте, то фактическая заработная плата была ниже; рабочие теряли на этом не меньше 30%. При этом расчете заработная плата рабочих не превышала в среднем 60% довоенной. Кроме того, в губернии было огромное количество безработных, около 50.000, в Одессе 30.000, в Николаеве около 20.000.

Но безусловно в настроении рабочих масс произошло громадное улучшение, особенно к концу года, когда перебои в выплате заработной платы уменьшились. Это доказывает стихийная, неорганизованная демонстрация рабочих масс в Одессе, когда 25.000 рабочих вышли на улицу, чтобы приветствовать новоизбранный Горсовет.

---

[1]) Материалы Майского пленума 1923 года.

Что касается политического настроения деревни, то оно также, в связи с улучшившимся общим положением крестьянства, было удовлетворительным. Выборы в сельсоветы показали, что деревня не только не идет против советской власти, но что на селе есть много сторонников ее. Комнезамы везде и повсюду вели решительную борьбу с теми кулацкими и отчасти и середняцкими элементами, которые стремиились прорваться в советский аппарат. К VI Губернской партконференции из 16.000 членов сельсоветов 12.000 было из незаможных селян, 3.000 середняков.

Активность крестьянства значительно выросла—они стали интересоваться общеполитической жизнью, проявлять интерес к вопросам общегосударственного характера[1]), они проявили большой интерес к перевыборам сельсоветов, и процент участия крестьян-выборщиков в сельсоветы колебался в пределах 40—70%. Кампания проверки низового аппарата деревни, предпринятая Губисполкомом, произвела на крестьян очень хорошее впечатление, хотя значительных результатов эта кампания не дала. Но было и много теневых сторон в работе в деревне. Участие батраков, т. е. ближайшего к нам слоя деревни, в сельсоветах было ничтожно, да и вообще организация батрачества на селе стояла очень плохо и участие их в общественной жизни было незначительно. Что касается К. Н. С., то фукнции КНС были мало оформлены (это, конечно, наблюдалось не только в Одесской губернии, но и во всей Украине).

Очень часто КНС брали на себя административные функции, и нередко председателем сельсовета и председателем КНС было одно и то же лицо. Поэтому, в глазах населения КНС слились с официальными учреждениями, да и сами комитеты незаможного селянства забывали, что они являются лишь общественной организацией, об'единяющей и сплачивающей наиболее близкие к пролетариату слои крестьянства, и рассматривали себя, как винтик аппарата управления. Работой КНС губернский центр мало руководил: при Губисполкоме была комиссия по работе в деревне, но ее работа ограничивалась представительством, устройством различных сборов и кампаний, но она мало делала в смысле действительного руководства этой очень важной работой по оформлению социально-близких к рабочему классу слоев села.

В то время уже функционировал весьма целесообразный институт шефства над селом, но руководство шефством было сосредоточено исключительно при Губкоме, а в уездах шефствующие ячейки не были связаны с подшефными селами; таким образом, Губком руководил шефством через головы

[1]) Майский пленум 1923 года.

уездных комитетов, правда, это были лишь первые опыты в этой области.

Все это указывает, что с работой партии на селе обстояло не совсем благополучно. Такое положение дел было, конечно, не только в Одесской губернии, но и на всей Украине. Ц. К. вскоре обратил внимание на ненормальное состояние работы КНС и дал директивы об обследовании ее, это обследование легло в основу известных циркуляров Ц. К., установивших круг функций КНС. Для того, чтобы оздоровить состав КНС, поднять их работу, Губком предпринял чистку комнезамов; эта чистка была своевременной и необходимой, т. к. вычистили около 50% всего состава комнезама, среди которого за уголовные преступления было вычищено 20%. Но кроме того, надо было поднять качество работы на селе. Это чувствовалось, как настоятельная потребность момента; с тем составом работников, который имелся на селе, поднять сельскую работу нельзя было, положение осложнялось еще теми тяжелыми условиями, в которых находились сельские работники. Но связь пролетариата с крестьянством, конечно, нельзя было укрепить одними только хорошими листовками и разговорами. Поэтому Губком решил пойти на очень тяжелую, но необходимую меру — снять с производства несколько сот крепких пролетариев и послать их для работы на село.

Влияние партии на беспартийных рабочих и крестьянские массы несомненно выросло в сравнении с прошлым годом, что сказалось в стихийной тяге рабочих бедняков и даже середняков в партию, в интересе к политическим знаниям. Почва из-под ног контр-революционных партий совершенно ускользала, хотя они и пытались проявить кой-какую активность. Меньшевистская организация в Одессе насчитывала свыше 300 человек. Они имели две нелегальные типографии, которые печатали меньшевистскую газету: «Пламя Труда», листовки и т. д.

Кроме того, в Одесской губернии было много контр-революционных элементов, в отношении которых надо было быть на чеку. Не говоря уже о том, что некоторые места Приднепровья кишели кулаками, но в самой Одессе и уездных городах, в советских учреждениях, кооперативах и т. д. было много контр-революционных элементов, которые притаились там и ждали более благоприятных для них времен.

Секретарь Губкома т. Хатаевич, согласно данным ГПУ, насчитывал в Одесской губернии число бывших офицеров Деникинской и Врангелевской армий до 70.000. И хотя меньшевики и эс-эры были разгромлены, но с корнем контр-революция вырвана не была.

Политически и экономически состояние села при тех сложных процессах, которые протекали там, требовало твер-

дого партруководства и крепких, сплоченных ком'ячеек на селе.

Однако, по докладу секретаря Губкома и докладам с мест на VI Губпартконференции (от 15-17 марта) и на пленумах Губкома рисуется совершенно обратное — тяжелое положение сельской парторганизации. Во-первых, сельские и волячейки меньше всего занимались партийной работой, а главн. обр., ударной советской работой. Они получали аккуратно циркуляры от уездных исполкомов, и согласно этим циркулярам, распределяли работу ячейки, никакой партийной работы не было, а ячейки являлись своего рода подсобным аппаратом райисполкомов и сельсоветов [1]).

Что касается районных комитетов, то и здесь дело обстояло очень плохо. Руководства со стороны уездных комитетов не было, и работа шла самотеком, без увязки с общей политикой партии, так сказать, «местным творчеством».

В сельских и волостных ячейках хозяйственное обростание коммунистов приняло такие размеры, что в Первомайске и в других округах пришлось проделать частичную чистку. Чтобы укрепить дух коллективизма в крестьянских коммунистах, Губком обязывал их вступать в сельхозколлективы, что, однако, плохо выполнялось ими.

Плохо обстояло дело с парт-работой на селе. Сельские ячейки были малочисленны, иногда ячейки состояли из 5—6 человек, живших на расстоянии 6—10 верст от села, где помещалась ячейка, и видели они друг друга один, максимум два раза в месяц. Недобор секретарей сельских ячеек был очень высок и доходил до 30%. Состав секретарей районных комитетов был слаб и не мог руководить работой сельячеек. Были и такие случаи, когда секретарями волпаркомов были бывшие пристава, деникинцы, проводившие контр-революционную работу. Все это заставляло Губком уделять особое внимание партячейкам на селе, но больших успехов в этой области не было; работа на селе затруднялась еще необеспеченностью, тяжелым материальным положением партработников на селе.

В городской организации дела обстояли значительно лучше. В партийной среде чувствовался определенный перелом в сторону партийной учебы, партийцы серьезно принялись за книгу для того, чтобы подковать себя марксистской наукой. Губернский комитет обратил внимание на усиление производственных ячеек, которые были слабы вследствие того, что партийный комитет широко выкачивал оттуда работников, а пополнение было недостаточное. Губком предпринял массовую переброску в производственные ячейки 251 членов партии—часть из рабочих коммунистов, которые

[1]) Материалы VI Губпартконференции.

долго сидели на другой работе и оторвались от производства; но вместе с тем, это были такие товарищи, которые пользовались авторитетом и популярностью среди рабочих.

Началось практикование групповых собраний ячеек по однородному производственному принципу для заслушивания докладов соответствующих хозяйственных и профессиональных органов. Приложены были усилия для подбора низового партийного аппарата—секретарей производственных ячеек.

Отрицательные моменты, проявлявшиеся у отдельных членов партии, это—излишество и пьянство, доходившие иногда до безобразных размеров, до уголовщины, что вызывало в партийных низах острое недовольство, выражавшееся в форме «комиссароедства». Ядовитой струйкой просачивается то тут, то там в организации, особенно в уездах, антисемитизм, иногда даже плохо прикрываемый, с которым партия решительно боролась, но который захватывал и некоторых наиболее ответственных работников организации. Вот выдержки из речи одного из секретарей уездного комитета партии на сентябрьском пленуме 1923 г. «Я считаю, что действительно бросается в глаза то, что на руководящих местах в К. С. М. в большинстве находятся сыны Израиля. Я считаю, что это дает повод к развитию антисемитизма в среде К. С. М. Действительно, к сожалению, большей частью выдвигается еврейская молодежь. В этом отношении К. С. М. должен установить регулировку, нужно исходить из действительных национальных соотношений». От этой речи очень дурно пахло даже не для коммуниста.

Количественный и социальный состав партии в 1923 г. представляется недостаточно точно выясненным. Цифры, которые приводились на сентябрьском пленуме, являются лишь приблизительными, согласно оговорке секретаря Губкома. На сентябрь 1923 г. приходилось членов партии 5.804 и кандидатов 2.815 чел.; рабочих 52%, из них непосредственно у станка—27%, крестьян—31%, прочих — 16,2%. В 1923 г. в партию влилось 400 рабочих от станка. Характер роста сельской организации иллюстрируется следующими цифрами. За 6 месяцев, до ноября 1923 г. включительно, в партию вступило 43 крестьянина, выбыло — 161. Эти цифры говорят о крайней слабости сельской организации, о ее бездеятельности. Рост партии на селе протекал стихийно, организованных форм вовлечения лучших крестьян в партию не было. Наоборот, условия крестьянской жизни толкали крестьян-коммунистов, занимавшихся сельским хозяйством, к выходу из партии.

Орготдел в своей работе продолжал стремиться наладить связь между городом и местами и между отдельными организациями, что удавалось ему довольно плохо. Работа

инструкторского аппарата была приведена в более систематизированное состояние и в нее внесена была большая планомерность. Были внесены значительные изменения в личный состав инструкторов в смысле отбора лучших и в смысле улучшения качества работы. Кое-где оргинстру удалось подобрать работоспособные районные комитеты в уездах.

Политпросветительная работа развертывалась и вширь и вглубь. Около 80% организации в городе и около 35% всей организации было охвачено той или иной формой марксистской учебы. Проведенная планомерная проверка политзнаний показала, что общий уровень политзнаний в партии поднялся. Это касается города. Зато на селе достижения в этом отношении были ничтожны. Начавшие тогда развиваться сельбуды являлись не центром крестьянской самодеятельности, а своего рода клубами для интеллигенции, так как они были захвачены сельской интеллигенцией. К тому же не было людей, достаточно подготовленных для руководства этими сельбудами.

Ликвидаторские течения в отношении женотдела в 1923 году прекратились, так как женотдел показал свою жизненность и необходимость; в этом году были произведены перевыборы делегаток, которые усиленней связались с работницами. После первого Губернского с'езда работниц и крестьянок в работе имелся большой под'ем. В городах имелось около 900 делегаток, на селе до 3000, но работа делегатских собраний на селе обстояла гораздо слабее, чем в городе. На ослаблении работы делегатских собраний женщин на селе сильно отражался недостаток в райорганизаторах. Для оживления работы среди женщин Губком постановил созвать в 1924 году Губконференцию и интенсивно вовлекать пролетарских женщин в партию.

Открытие VI Губпартконференции (15—17 марта) совпало с 25-летием партии. Этот день показал, как сильна спайка партии с рабочими, как сильна любовь рабочих к своей партии. Губкому были преподнесены подарки и красные знамена от беспартийных. В простых и искренних словах чувствовалось доверие и преданность к партии. Основные вопросы, вокруг которых развернулись прения, были партстроительство и партпросвещение. В Губком были избраны: т. т. Майоров, Ляпин, Левит, Иванов, Ремейко, Маркович, Тимофеев, Мануйленко, Забудкин, Тарасов, Лейбензон (Косов), Миронер, Бурумов, Суглицкий, Побережский, Суслов, Кристалловский, Коссило, Свистун, Зуев, Бессонов, Михайлов, Марьянов, Югов, Барановский, Шварцман; секретарем — Майоров, зав. оргистр — Ляпин, зав. агитпроп — Левит.

Партийная дискуссия 1923 года сильно захватила Одесскую организацию и приняла острый характер, особенно после появления статьи т. Троцкого. В Одесской органи-

зации было много недовольства в низах партии теми излишествами, о которых мы выше говорили. Кроме того, выросшая организация рвалась к инициативе и самодеятельности.

Губкомы и райкомы отчитывались перед организацией только на конференциях перед перевыборами комитетов. Это создавало отрыв партийного аппарата от партийной массы, рождало на верхах бюрократизм. Дискуссия поэтому в Одесской организации развернулась, главным образом, по организационным вопросам партии, и оппозиция пользовалась некоторым успехом в отдельных производственных ячейках, но главным образом в ВУЗ'овских ячейках. Некоторые товарищи, выступавшие защитниками так назыв. «демократического централизма», в значительной степени выступали за свободу фракций, иногда в явной, иногда в скрытой форме, что, конечно, шло в разрез со всей нашей большевистской практикой. Позиция Губернского Комитета в этой дискуссии была неопределенной, она, как выразился тов. Скрыпник в своем докладе на VII Губпартконференции [1]), была ни за, ни против Ц. К., иначе говоря, Губком не имел четкой и определенной точки зрения и не отмежевался от ошибок т. т. Преображенского и Сапронова. В таком вопросе, как вопрос о группировках в нашей партии, позиция Губкома должна была быть ясной и определенной, — в духе решений X-го с'езда партии.

Это обстоятельство немало способствовало тому, что оппозиция в Одесской организации нашла себе поддержку в некоторой части организации. Идя навстречу потребностям жизни, Ц. К. в своих декабрьских резолюциях значительно расширил практику применения внутрипартийной демократии. Эти постановления Ц. К. нашли свое отражение в резолюции январского пленума 1924 г. Одесского Губкома, установившего конкретно формы осуществления внутрипартийной демократии. Согласно этой резолюции, состав Губкома расширился до 40 человек с введением в него значительного количества устойчивых товарищей из низовых работников, работавших на производстве. — Состав районных и окружных комитетов расширялся от 15—35 человек. В состав бюро ячеек вводилось больше товарищей, работавших у станка. Затем резолюция требовала, чтобы перед окружными, и губернскими конференциями, а также перед выборами райкомов — ставить во всех ячейках на производствах обсуждение кандидатур в Губком, окружкомы и райкомы. Практиковать выдвижение кандидатур самими ячейками. Отказаться от назначения, рекомендуя и посылая на работу соответствующих товарищей только в случае отсутствия возражения к его избранию. Посылать ра-

[1]) Материалы VII Губпартконференции.

ботников, не назначая их на определенную выборную должность, стремясь, чтобы своей активностью данный товарищ завоевал себе доверие партийной массы и был избран.

Помимо Губпартконференции, Губком должен отчитываться в своей работе не реже одного раза в три месяца на общегородской партконференции, на районных собраниях и крупных ячейках. То же в отношении Райкомов и Окружкомов. Считать необходимым более широко, через прессу и другими способами, постоянно освещать работу Губкома, райкомов и окружкомов перед членами партии. Широко и регулярно ставить перед партийным активом доклады фракций советских и профессиональных органов. Обязать все партийные комитеты переносить на предварительное обсуждение организации все основные вопросы партийного и общего строительства, не требующие срочного разрешения. Периодически созывать при партийном комитете, с целью предварительной проработки наиболее важных вопросов, совещание ответственных работников (актив).

Эти постановления решительно подчеркнули принципы внутрипартийной демократии, вовлечение партийных масс в обсуждение и решение наиболее важных и жизненных для партии вопросов и сочетали руководство со стороны партийных органов с широким участием партийных масс в строительстве партии и пролетарского государства. В этих декабрьских резолюциях Ц. К. отражен деловой принцип, а не формальная сторона партийной демократии, и если некоторые товарищи стали тогда на формальную сторону дела, то это показывало лишь непонимание ими большевистских принципов демократии. Во всяком случае в декабрьских резолюциях Ц. К. партия имела своего рода конституцию внутрипартийной демократии, дававшую широкий простор для проявления активности и самодеятельности членов партии, но вместе с тем ограждавшую партию от образования фракций, группировок и раскола.

Итак, в 1923 г. мы имели целый ряд явлений глубоко важных и интересных. Во первых, резко улучшилось материальное положение рабочих, в связи с чем выросло доверие и преданность рабочих масс к партии. На селе ясно стало намечаться хозяйственное укрепление крепких элементов села и раньше всего кулачества, в связи с чем выросла и политическая активность этих слоев деревни. Они стали давить экономически и политически на малоземельное крестьянство, ставя его в зависимость от себя, превращая постепенно последних в батраков. В этот стихийный процесс принуждены были вмешаться советская власть и партия для того, чтобы экономическим давлением кулаков и организацией классовых сил деревни, враждебных кулаку, задержать этот процесс. Именно в 1924 г. после того, как четко выявилась опасность экономического

засилья кулаков началась деятельная организация батраков. Всеработземлес провел большую работу в области организационной и культурной и вместе с Губкомом К. С. М. провел уездные конференции молодежи, выявившие растущую на селе огромную классовую силу. Перед партией во весь рост стал вопрос налаживания работы на селе, укрепления сельских и волостных парт'организаций, чтобы овладеть развертывающимися на селе процессами.

V.

21 января 1924 г. умер Владимир Ильич Ленин. Смерть Ленина произвела огромное впечатление на рабоче-крестьянские массы Республики, вызвала в них горячее сочувствие к горю партии, разбудила активность десятков и сотен тысяч рабочих, почувствовавших искреннее желание стать в ряды той партии, которую сорганизовал и выпестовал гениальный вождь. Клич — «рабочие в партию Ленина» прокатился по заводам и фабрикам нашей страны и стозвучным эхом отозвался в сердцах рабочих. Не только беспартийные рабочие-активисты, которые годами были связаны с партией активной работой в различных отраслях советской и профессиональной работы, решили стать членами ленинской партии, но и целые пласты рабочих от станка, которые сочувствовали партии, не принимая, однако, активного участия в строительстве пролетарского государства, захотели войти в ряды партии, стать ленинцами. Одесск. г. не составляла исключения в этом отношении, — и здесь рабочие широкой струей стали вливаться в партию, особенно в крупных промышленных центрах, каковыми являются Одесса и Николаев. Чтобы организованно провести Ленинский набор и отобрать в партию действительно лучших рабочих, Губком и Окркомы предприняли ряд мероприятий: к отдельным производственным ячейкам прикреплялись члены комитета, с целью более планомерного руководства работой ячеек по вовлечению рабочих в партию, облегчению вступления и даче рекомендаций; в Николаеве были созданы комиссии из старых партийцев для дачи рекомендаций вступающим в партию рабочим; к цехам прикреплялись ответственные работники данной ячейки, предпринят был тщательный просмотр цехоргов; отдельные рабочие подвергались индивидуальной обработке; практиковалось широкое вовлечение беспартийных рабочих в школы политграмоты и кружки.

Кадры вступивших в партию ленинцев можно разбить на три группы. Первая охватывает значительную часть рабочих, принимавших ранее активное участие в общественной работе — члены завкомов, профуполномоченные, члены Горсовета, участники в работе разных общественных рабочих организаций, делегатки женотдела, подвергавшиеся индивидуальной обработке, в значительной степени

уже связанные с партией. Эту группу парт'организация имела на учете, как резерв партии. Эта группа самая здоровая и активная.

Ко второй группе можно отнести тех рабочих, которых в партию толкнула смерть Ленина, общий под'ем среди рабочих масс и чувство солидарности, искреннее желание помочь партии, теснее сплотиться с нею и принять активное участие в деле строительства Республики Труда. Эта часть Ленинского призыва также здоровая, желательная для партии, но она требовала большой и упорной работы. Эта часть среди вступивших была преобладающей.

К третьей группе относятся те, которые желали использовать партию в своих личных шкурных интересах, забронировать за собой должность, получить более выгодное место, особые привиллегии. Осторожность, которая была проявлена партийными комитетами при приеме в партию, не дала возможности значительным прослойкам этой группы проникнуть в партию. Так например, по Ильичевскому району было подано 1729 заявлений, а утверждено кандидатами партии — 829; по Ленинскому району — 1200, утверждено — 778 и т. д. Все же незначительная прослойка этой группы вошла в партию, и по отношению к ней предстояла задача путем дальнейшего отсеивания поставить ее вне рядов партии.

Теперь познакомимся с результатами Ленинского призыва. На 1 февраля 1924 г., к началу Ленинского набора, количественный и социальный состав Одесской организации выражался следующими цыфрами:

	Колич.	% %
Рабочих	4748	61,4
Крестьян	1987	25,7
Прочих	1003	12,9

На 1 августа, когда уже почти закончился Ленинский призыв:

	Колич.	% %
Рабочих	8992	75,5
Крестьян	2107	17,3
Прочих	1082	7,2

У станка работало 4463 чел., что составляет 36,6% всей организации. Средний производственный стаж нового пополнения 10—20 лет; с производственным стажем выше 20 лет 10—15%.

Характерно, что в крестьянских организациях, как например в Балтской, рост шел также за счет рабочих. Женщин работниц было принято в партию — 343, что оставляет желать многого в смысле вовлечения женщин-работниц в партию.

Что касается результатов притока крестьян в партию, то они иллюстрируются следующими цыфрами:

Приток с 1-го февраля по 1 июня 1924 г.

	Приток крестьян	Убыль
Николаевский округ	7	27
Первомайский „	6	13
Херсонский „	2	33
Одесский „	5	47
Елисаветградский „	27	55
Балтский „	6	79
Итого	53	254

Политическое значение Ленинского пополнения и влияние его на работу партии были колоссальны. Основным моментом его является коренное изменение и укрепление социального состава организации в сторону ее орабочения, так как одной Одессе Ленинское пополнение дало около 2.000 человек, стоящих непосредственно у станка. Благодаря пополнению за счет рабочих от станка теснее стала связь партии с рабочими массами; коммунистический состав в каждом цеху увеличился и через него можно было учитывать настроение рабочих с тем, чтобы правильней отражать запросы рабочих. Отсюда повышение авторитета партии в рабочих массах. Оживилась также жизнь ячеек. Работа производственных ячеек осложнилась, но зато стала живей и интересней, охватывающей и строющей жизнь своего предприятия. Значительно повысилась активность ячеек в целом и отдельных членов партии, зашевелились и те члены партии, что раньше не принимали активного участия в вопросах партийной жизни.

В общем, должно признать, что в отношении постановки партийной работы снизу до верху Ленинское пополнение дало толчек и оказало влияние на партию в смысле усиления и улучшения форм работы, оказавшимися полезными и целесообразными не только в отношении Ленинского пополнения, но и для партии в целом. Благодаря новым формам работы удалось охватить в организационном и воспитательном смысле новое пополнение и втянуть в практическую работу. Положительная сторона Ленинского набора заключалась еще в той роли, которую стали играть коммунисты ленинского пополнения в работе производственных совещаний на своих предприятиях, оживившие их и внесшие дух заинтересованности в работу этих совещаний. Особенно активно проявили себя в этом отношении рабочие с большим производственным стажем, помогавшие своим опытом работе производственных совещаний. Общая характеристика Ленинского набора такова, что в партию влилась

передовая часть рабочих вполне здоровая, внесшая в партийную жизнь оживление, и можно было надеяться, что при правильной постановке воспитательной работы это даст партии ценный элемент.

Что касается недоброкачественных элементов, то отсеивание их происходило или путем самоотсеивания или по инициативе партийных организаций. Так, небольшая часть рабочих Ленинского набора, под влиянием окружающей среды не желавшая нагружать себя партнагрузкой или по другим причинам, подавала заявления о выходе из партии. Были заявления о выходе из партии по тем мотивам, что им не под силу посещать партийные собрания после трудового рабочего дня; другие указывали, что им в тяжесть партийная дисциплина, на семейные обстоятельства, на невозможность отказаться от религиозных обрядов. Но кроме самоотсеивания, происходило еще и исключение нежелательных элементов.

Ячейки изучали каждого товарища, всесторонне проверяли его, и если после упорной работы не наблюдалось положительных результатов, а наоборот, дискредитирование партии вновь поступившим товарищем, то ячейки ставили вопрос об исключении последнего. Необходимо также отметить, что сами ленинцы принимали активное участие в очищении партии от нежелательных элементов.

Для обработки ленинского пополнения, для втягивания их в партработу применялись различные методы партвоспитания. Партнагрузка распределялась между кандидатами ленинского пополнения в зависимости от индивидуальных способностей каждого. Нагрузка давалась с расчетом, чтобы ленинцы могли заниматься в школах. Характер нагрузки: профессиональные, лавочные, шефские комиссии, рабкорство в местных и стен-газетах, работа среди женщин, работа в качестве кружковых уполномоченных и т. д., Цех-ячейки, производственные совещания, индивидуальные отчеты и другие формы работы в значительной степени способствовали ассимиляции ленинцев со всей остальной партийной массой, растворению их в рядах партийной массы. С существовавшей у некоторых членов партии тенденцией разграничения на ленинцев и не ленинцев партийный комитет решительно боролся. Также решительно боролся партийный комитет с неприятной атмосферой, которая кое-где создавалась между старыми партийцами и ленинцами, с пренебрежительным отношением, с одной стороны, и, как противовес ему, гордостью званием члена ленинского пополнения, с другой стороны.

Для большего охвата всеми видами партработы ленинского пополнения были несколько изменены организационное построение и работа низовых ячеек. Во всех крупных предприятиях были организованы цех'ячейки, во главе с

бюро цех'ячейки, куда входили также ленинцы. Произведенное Губкомом обследование цех'ячеек, с целью изучения их работы, организационного и воспитательного охвата ленинского пополнения, показало, что цех'ячейки оправдали себя в смысле охвата ленинского пополнения. Цех'ячейки способствовали широкому вовлечению в практическую работу рядовых членов партии и кандидатов, развитию их авторитетности и самодеятельности, приближению к партийной работе беспартийных масс и вовлечению их в партию. Новая форма индивидуальных отчетов оказалась жизненной и целесообразной.

Политический и культурный уровень ленинского набора тотчас-же после набора был достаточно низкий. Поэтому пришлось заняться спешной организацией для обслуживания ленинцев партпросветительной работой сети начальных партшкол и кружков. Всего было организовано в губернии с этой целью 199 двухмесячных школ и кружков, через которые был пропущен почти весь состав ленинского пополнения. Свыше 50% окончили эти школы успешно. Однако, предстояла длительная воспитательная работа с ленинским пополнением по усвоению основ большевизма для того, чтобы сделать их настоящими большевиками-ленинцами.

С ленинским призывом партия получила новые кадры рабочих коммунистов, которые не только связали ее теснее с рабочей массой, но дали еще возможность пополнить коммунистами-рабочими отдельные основные и важные отрасли нашего хозяйства. В числе ленинцев были активные и способные товарищи, которые могли быть использованы на руководящей хозяйственной и профработе. Поэтому вопрос о выдвижении ленинцев стал вскоре в порядке дня. Для урегулирования и усиления выдвижения при Губкоме, райкомах и крупных ячейках были созданы комиссии по выдвижению, которым удалось проделать значительную работу в этой области.

VI.

1924 год поставил перед партией ряд новых проблем и заставил углубить свое внимание в направлении основных политических линий смычки рабочего класса с крестьянством и национального вопроса. Не вдаваясь в подробное описание, наметим только, выявившиеся к началу 1924 года, те процессы, которые происходили в деревне, и которые для Одесской губернии с преобладающим крестьянским населением имели огромное значение. Вопрос о союзе рабочего класса с крестьянством раньше всего упирался в смычку национализированной промышленности с сельским хозяйством через сельско-хозяйственную, потребительскую

и другие виды кооперации, через организацию сельской бедноты.

Вся партия решительно взяла курс на усиление экономического и политического веса незаможного крестьянства, на оказание помощи незаможным хозяйствам, вовлечение незаможного селянства в кооперацию и коллективизацию и, наконец, на усиление организации комнезамов. Партия снова и решительно подчеркнула свою ставку на селе на пролетаризированные и полупролетаризированные элементы села, борясь вместе с тем, с тенденциями эпохи военного коммунизма, раскулачивания и т. д., которые еще были живы среди незаможников, лишая комнезамы административных функций, которые они часто брали на себя. Партия еще раз решительно подчеркнула, что комнезамы являются политическими организациями, охватывающими и об'единяющими незаможное селянство и все примыкающие к нему полупролетаризованные слои крестьянства. И хотя в Одесской губернии вопрос этот к началу 1924 года обстоял более или менее благополучно, незаможнее селянство представляло собой активную, организованную массу села, имевшую 52% в сельсоветах, до 70% в коллективах и до 75% в сельско-хозяйственной кооперации, но все же предстояла еще большая работа для успешной борьбы с наметившимися экономическими тенденциями на селе.

Другой фактор смычки рабочего класса с крестьянством — кооперация могла начать играть ту роль, которую наметил для нее Ленин, лишь после того, как она перешла на добровольное членство. В течение 1923 г. в Одесской губернии наблюдалось резкое падение числа первичных кооперативов, которое сменилось быстрым ростом их после перехода на добровольное членство. Особенно резко проявился рост потребительской и сельско-хозяйственной кооперации на селе. Однако, наряду с ростом сель.-хоз. кооперации в Одесской губернии, выступали те же отрицательные черты ее работы, которые имели место и в других губерниях. Сельско-хозяйственная кооперация забывала о своем прямом назначении по обслуживанию крестьянского хозяйства, снабжению его инвентарем и т. д., а занималась порой исключительно торговой работой; потребительская же кооперация не стремилась к тому, чтобы охватить рынок, захватить господствующее положение на сельском рынке, а стремилась увеличить свои средства и прибыль. С другой стороны, кулацкие элементы села пытались проникнуть в правления сельско-хозяйственных кооперативов, с целью подчинить их своему влиянию.

Национальный вопрос в Одесской губернии играл колоссальную роль, в связи с многонациональным ее населением; основное ядро ее населения составляло украинское крестьянство, со значительными вкраплениями крестьян-

ства друг. национальностей—молдаванского, немецкого, болгарского, русского и еврейского. В Одесской губернии из 3.430.000 населения крестьян украинцев было 1.808.000, т. е., несколько больше 50%, русских 647.000—20%, главным образом, в городах, евреев 449.000—13%, также живших, главным образом, в городах, 154.000 молдаван в Балтском и Тираспольском уездах, 113.400 немцев-колонистов в Одесском уезде, 33.400 болгар, 27.200 поляков, 15.900 белоруссов. При большой разноплеменности населения губернии национальная политика должна была быть гибкой, идущей навстречу национальным запросам всех национальностей губернии. Наряду с твердой линией в вопросе об украинизации, углублением национальной украинск. культуры, требовалось создать благоприятные условия для развития национальных культур евреев, молдаван и немцев. Партии предстояла огромная работа в этой области, расчитанная на много лет. Но она являлась необходимым условием и предпосылкой союза рабочего класса с крестьянством, одним из основных моментов укрепления диктатуры пролетариата.

В. Елин.

Сидят слева направо: 1. Трюх 2. Милованов 3. Старостин 4. Попов 6. Лазарев 6. Ачканов.
стоят: 1. Машков 2. Кристалловский, наверху Боркун.

С. Ингулов

А. Хворостин

Лазарев

Военно-Революционный повстанческий штаб в деникинском подполье в Одессе в 1919-20 г. г.

Соня Яновская

Е. Соколовская

Кин

Елин В.

Редколлегия подпольной газеты „Коммунист" в французском подполье. Одесса, 1918-19 г. г.
Фотографий т.т. Немчина и Духовного—нет.

С. Ингулов

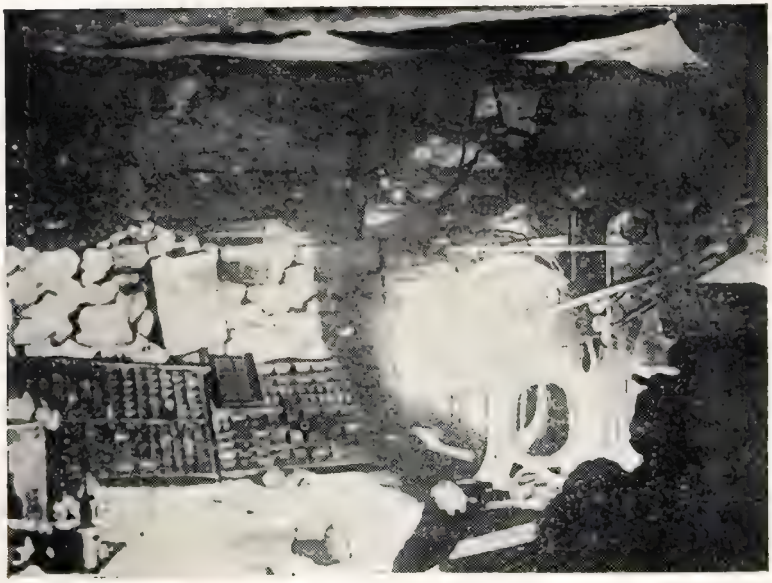
Тарский

Паля-Китайгородский

Т. Костров

Редколлегия подпольной газеты „Коммунист" в деникинском подполье. Фотографии т. Гордона—нет.

Вход в катакомбы, где помещалась подпольная типография газеты „Коммунист“ 1918—19 г.г.



Подпольная типография газеты Одесского Областкома КПБУ в катакомбах 1918—19 г.г.

Группа работников подпольной типографии „Коммунист“, в Одессе, в 1918-19 г.г.

Вверху: 1) Минчин, 2) Яковер. Внизу: 1) Шлифер, 2) Матяш (давал материал), 3) Барский, 4) Венгржиновский, 5) Шлаферман, 6) Питерский. 7) Музис, 8) Гофман.

Вапельник*

Елин Жак*

Дубинский*

М. Штиливкер*

Елена Соколовская

Деготь

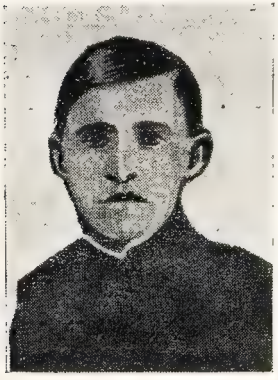
Комитет иностранной пропаганды при подпольном областкоме КПБУ. Французское подполье 1918—19 г.г. В состав комитета входили еще Виницкий,* Залик и Ж. Лабур.* (Отмеченные * расстреляны).

Федя Спивак

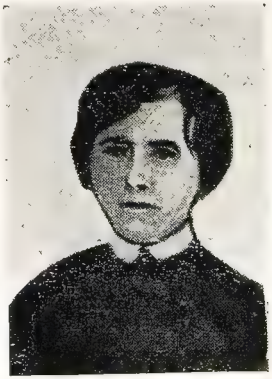
Поля Барг

Дора Любарская

Яша Ройфман



Борис Михайлович



Ида Краснощекина

Т. Т. расстрелянные по процессу „17". Деникинское подполье 1919-20 г. г. в Одессе. Фотографии т. т. Пельцмана, Петренко, Дуниковского отсутствуют.

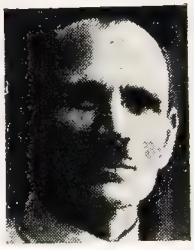
Группа подпольных работников 1918-19 г.г. в Одессе

Агаларов

Конечко А.

Александрович

Позняков Н.



Петрович

Пересыпский райком КПБУ в немецком подполье в 1918 г. в Одессе. Фотографии тов. Романюка нет.

Александров

Гумперт

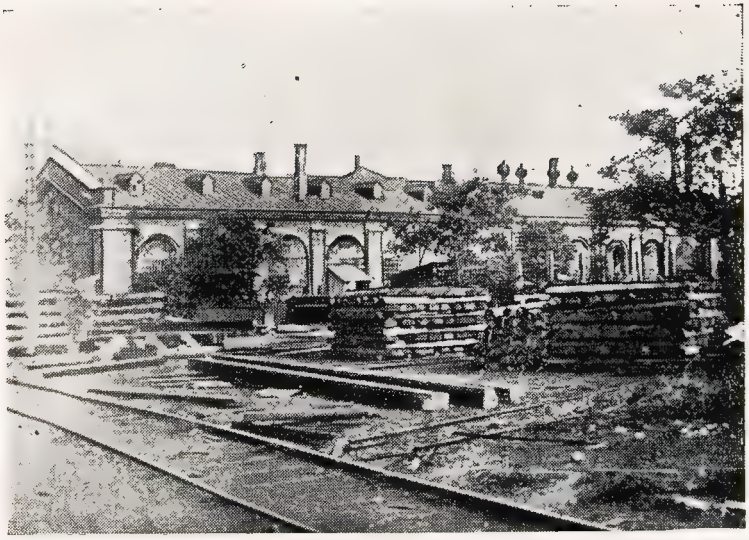
Трюх

Морской районный комитет КПБУ в подполье 1918-19 г.г. в Одессе. Фотографии т. Рудковского А. нет.

Одесса. 1919 год. Конец французской оккупации. За рейдом — наши суда, уводимые французами.

Вступление Красной Армии в Одессу после французской оккупации в 1919 г.

Одесса. Торговая, 4. Дом, где помещался штаб Красной Гвардии в 1917-18 г.г.



Завод им. Андрэ Марти (б. РОПИТ), где вербовались рабочие в Красную Гвардию и снабжались оружием накануне вооруженного выступления в 1917-18 г. г. в Одессе.

Одесса. Ж.-д. январские мастерские, где вербовались рабочие в Красную Гвардию в 1917-18 г. г.

Завод им. Октябрьской Революции (б. Гена), где вербовались рабочие в ряды Красной Гвардии в 1917-18 г. г. в Одессе.